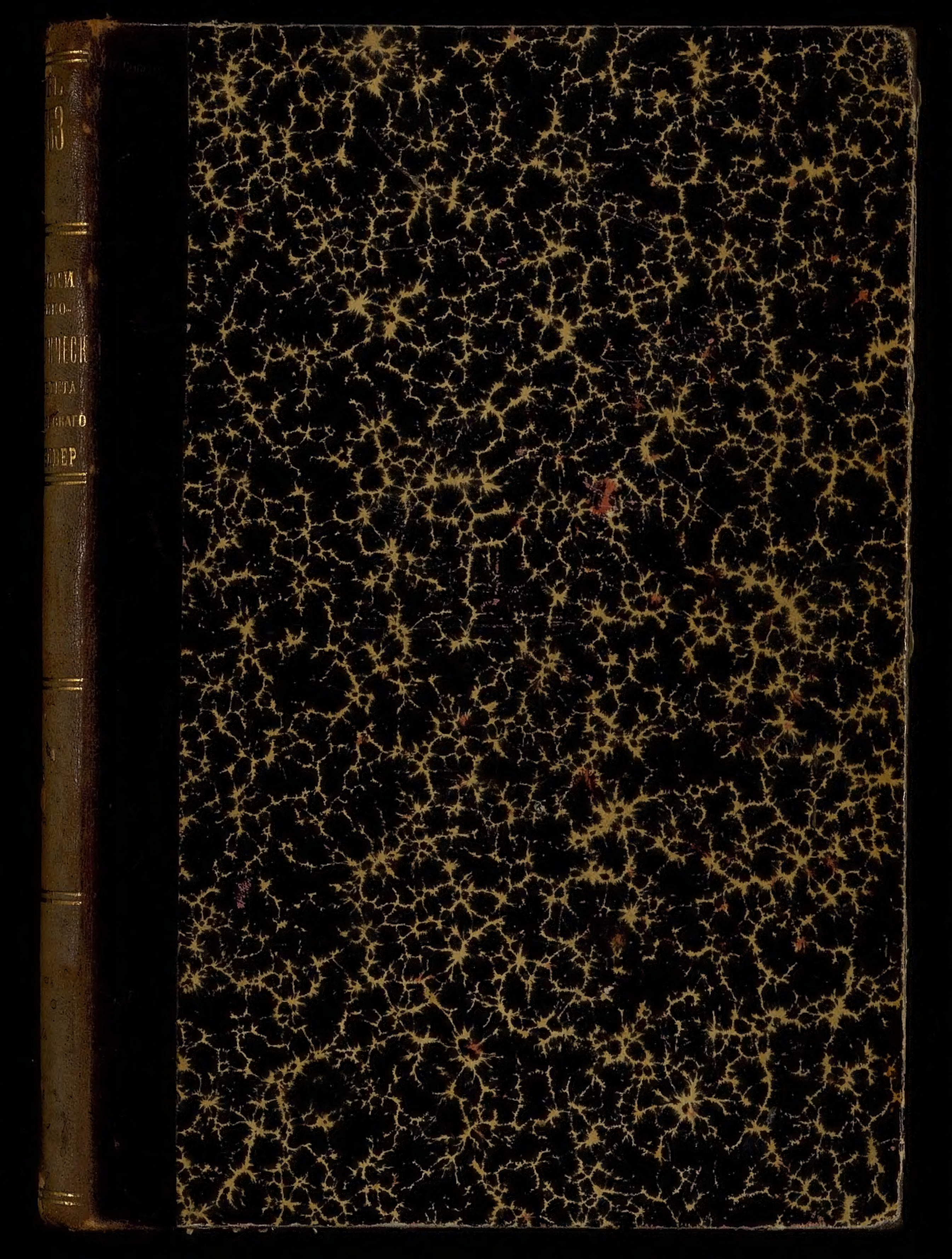
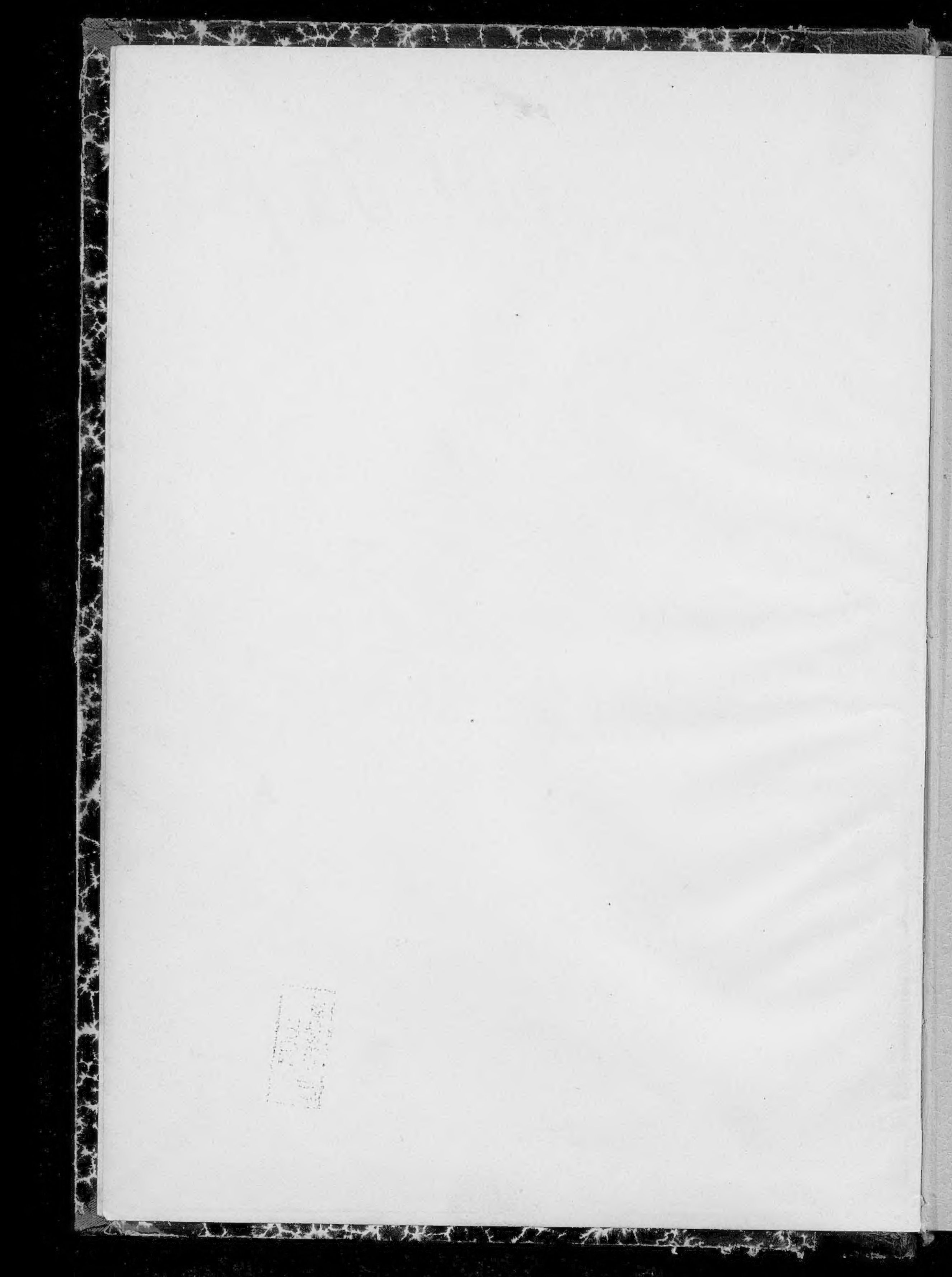




ЗАПИСКИ

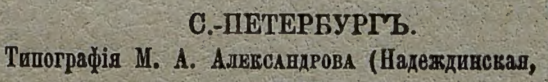
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

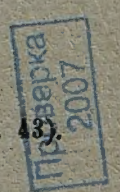
ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ LXXXV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1907.





Записки Историко-Филологическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

Часть I. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Пер. съ греческ. Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 1-я. 1876.

» II. 1. Ioannis Boccacii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Изд. А. Веселовскій.—2. Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. И. Минаевымъ. 1876.

» III. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. М. Бережкова. 1879.

» IV. Изъ древней исторіи Болгаръ. Матвѣя Соколова. 1879.

» V. 1. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Тимофея Флоринскаго.—2. Antiphontis orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880.

» VI. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 2-я. 1880. Приложеніе: О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи Турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. 1881.

» VII. Психологія. Изслѣдованія основныхъ явленій душевной жизни. М. Владиславлева. Томы I и II. 1881.

» VIII. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. Семевскаго. 1881.

» IX. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. К. Грота. 1881.

» X. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. 1-й и 2-й періоды жизни и дѣятельности (1799—1826). А. Незеленова. 1882.

» XI. Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ состязаній. П. Никитина. 1882.

» XII. Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle, par Vladimir Lamanski. 1884.

» XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи Е. Замысловскаго. 1884. Приложеніе: Матеріалы для ист.-геогр. атласа Россіи XV в. 1884.

» XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Г. Форстена. 1884.

» XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.) А. Барбашева. 1885.

» XVI. Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы. И. Минаева. Томъ I. Вып. 1 и 2. 1887.

» XVII. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Евгенія Пѣтухова. 1888.

» XVIII. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. А. Введенскаго. Часть первая. 1888

» XIX. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка. Н. Ланге. Часть первая. 1888.

» XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Н. Бубнова. 1890.

» XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. Форстена. Выпускъ 1-й. 1889.

» XXII. Города Московскаго государства въ XVI в. Н. Чечулина. 1889.

Балтійскій вопросъ

въ русской политикѣ послѣ Ништадтскаго мира

(1721—1725)

ЗАПИСКИ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ LXXXV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1907.

М. ПОЛІЕВКТОВЪ

БАЛТІЙСКІЙ ВОПРОСЪ

въ

РУССКОЙ ПОЛИТИКѢ

ПОСЛѢ НИШТАДТСКАГО МИРА

(1721—1725)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43)
1907

Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета. 17 мая 1907 г.

Деканъ *Ѳ. Зѣлинскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе не претендуетъ на какую-либо особую новизну сообщаемаго имъ фактическаго матерьяла или на значительность своихъ выводовъ. Авторъ изслѣдованія ставилъ себѣ болѣе скромную цѣль—сгруппировать нѣкоторыя данныя изъ исторіи внѣшней политики Россіи въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія, относящіяся къ балтійскому вопросу, поставить ихъ въ связь съ тою сложною сѣтью дипломатическихъ отношеній, въ какую, силою общихъ условій, была вовлечена русская политика въ эпоху Сѣверной войны, прослѣдить на фонѣ обще-европейскихъ международныхъ отношеній постановку и развитіе въ русской политикѣ балтійскаго вопроса непосредственно послѣ заключенія Ништадтскаго мира.

Послѣдніе годы Петровскаго царствованія, какъ годы болѣе систематической, устроительной работы, смѣнившей собою поспѣшную, лихорадочную и, зачастую, полную противорѣчій дѣятельность военнаго времени—вотъ то положеніе, какое, повидимому, начинаетъ упрочиваться за послѣднее время въ научной исторической литературѣ.

Въ области вопросовъ внѣшней политики это положеніе должно быть дополнено характеристикою указанной эпохи, какъ времени планомѣрной дипломатической борьбы, бывшей прямымъ, логическимъ продолженіемъ только что закончившейся вооруженной борьбы за балтійское побережье и обусловленной въ многихъ своихъ частностяхъ тѣмъ, какъ сложились отношенія Россіи къ Европѣ за предшествующіе годы. Дать подобнаго рода характеристику русской внѣшней политики 1722—1725 годовъ—конечно далеко не полную и не всестороннюю—и составляло основную задачу

*

настоящаго изслѣдованія. Насколько удачно выполнена имъ эта задача, судить объ этомъ самъ авторъ можетъ, конечно, менѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой. Онъ твердо будетъ отстаивать законность подобнаго рода постановки вопроса и его научную благовременность.

Въ основу настоящаго изслѣдованія положенъ архивный матерьялъ, въ значительной своей части почти не подвергавшійся еще научной обработкѣ, по крайней мѣрѣ, въ русской исторической литературѣ. Тѣмъ не менѣе авторъ не рѣшился бы назвать своего труда написаннымъ на основаніи, главнымъ образомъ, неизданныхъ источниковъ. Первая глава изслѣдованія, имѣющая очень существенное значеніе для дальнѣйшаго изложенія, цѣликомъ зиждется на печатномъ матерьялѣ и частью даже на болѣе раннихъ научныхъ изысканіяхъ; да и въ послѣдующемъ изложеніи обнародованные уже источники и научная обработка данной эпохи зачастую позволяли автору дополнить и уяснить въ существенныхъ чертахъ ту картину, которая обрисовывалась передъ его глазами при чтеніи пыльныхъ страницъ посольскихъ реляцій и правительственныхъ инструкцій. Эта картина поблекла и пожухла на печатныхъ страницахъ настоящей книги, обратилась во многихъ своихъ частяхъ въ сухой планъ, безжизненную схему. Передъ самимъ авторомъ она стоитъ еще и теперь, сверкая своими красками и маня своими далекими перспективами. И въ этомъ авторъ обязанъ исключительно тѣмъ, что ему довелось соприкоснуться съ такою живительною мощною силою, какою являются архивные документы въ ихъ сыромъ нетронутомъ видѣ.

Изъ архивнаго матерьяла, привлеченнаго для настоящаго изслѣдованія, преобладающее мѣсто принадлежитъ, конечно, русскимъ дипломатическимъ документамъ—дѣламъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за соотвѣтствующіе годы, хранящимся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ изслѣдованіи эти документы цитируются, безъ упоминанія каждый разъ мѣста ихъ храненія, по тѣмъ рубрикамъ, по какимъ они распредѣлены въ архивѣ—Дѣла Французскія 1723 г. № 4; Дѣла Прусскія 1721 г. № 3 и т. п.). Только на основаніи дипломатическихъ документовъ данной страны можно писать исторію

ея внѣшней политики; только эта категорія документовъ помогаетъ правильно установить основную точку зрѣнія, уяснить изъ инструкцій правительства его виды и изъ посольскихъ реляцій то положеніе дѣлъ, съ какимъ правительство могло считаться въ проведеніи своей программы. А когда изслѣдователю посчастливится напасть на такой сочный и нервный матерьялъ, какимъ являются, напримѣръ, для начала XVIII вѣка посольскія донесенія обоихъ братьевъ Бестужевыхъ, то этотъ матерьялъ введетъ его въ изучаемую эпоху лучше любого обобщающаго научнаго труда, и при томъ, съ той именно стороны, съ какой она раскрывалась передъ глазами главныхъ дѣйствующихъ лицъ его изслѣдованія. И тѣмъ не менѣе достичь полнаго и вполнѣ правильнаго пониманія внѣшней политики данной страны невозможно безъ привлеченія, къ дѣлу наряду съ этимъ, иностранныхъ архивныхъ документовъ. Только изученіе этой послѣдней категоріи документовъ раскрываетъ передъ изслѣдователемъ всю ту сложную закулисную работу центральныхъ учрежденій другихъ государствъ, результатомъ которой являлись столь противорѣчивыя извѣстія, въ обиліи переполняющія посольскія реляціи, и тѣ или другія мѣропріятія официальныхъ представителей этихъ государствъ въ данной странѣ, мѣропріятія, зачастую преслѣдующія совершенно иныя цѣли, чѣмъ тѣ, которыя ими выставлялись. И только послѣ этого становится возможнымъ рѣшить вопросъ, насколько ясно и правильно дипломатическіе дѣятели данной страны представляли себѣ всѣ очередные вопросы международной политики во всей ихъ совокупности. Съ другой стороны, иностранные дипломатическіе документы знакомятъ насъ и съ тѣмъ, какъ вырабатывались правительственныя мѣропріятія данной страны, и какую борьбу вели по поводу ихъ тѣ отдѣльныя живыя личности, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ отвлеченное понятіе правительства. Съ этимъ сложнымъ процессомъ документы первой категоріи, въ силу самого своего официальнаго характера, обрисовывая правительственныя мѣропріятія лишь въ ихъ окончательномъ видѣ, знакомятъ изслѣдователя очень мало. Авторъ настоящаго изслѣдованія радъ, что въ свое время ему удалось воспользоваться столь существенными для избранной имъ темы документами прус-

скаго и датскаго государственныхъ архивовъ (въ Берлинѣ и Копенгагенѣ) и пополнить свое изложенiе данными почерпнутыми изъ государственныхъ архивовъ саксонскаго и австрiйскаго (въ Дрезденѣ и Вѣнѣ). (Документы всѣхъ этихъ архивовъ цитируются въ изслѣдованiи съ обозначенiемъ (по русски) мѣста нахожденiя соотвѣтствующаго архива и той рубрики, подъ которой они въ этомъ архивѣ хранятся— Копенгагенъ. Westphalens Orders 1719—1730; Дрезденъ. Sachen mit Moscau 1723; etc...) Авторъ глубоко сожалѣетъ, что недостаточное знанiе шведскаго языка почти совершенно лишило его возможности привлечь къ дѣлу матерьялъ, хранящiйся въ шведскомъ государственномъ архивѣ (въ Стокгольмѣ), а недостатокъ времени заставилъ, при изученiи французскихъ дипломатическихъ документовъ, ограничиться матерьяломъ, напечатаннымъ въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», изданiи, не лишенномъ, въ своихъ соотвѣтствующихъ томахъ, крупныхъ пробѣловъ и недочетовъ.

Личное дѣло по замыслу и выполненiю, почти всякое научное изслѣдованiе можетъ быть осуществлено лишь благодаря той самой разнообразной коллективной поддержкѣ, какую встрѣчаетъ изслѣдователь среди его окружающихъ и близкихъ. Авторъ настоящаго изслѣдованiя точно также съ глубокою признательностью вспоминаетъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе содѣйствовалъ осуществленiю задуманной имъ работы. На первомъ мѣстѣ здѣсь должны быть поставлены имена двухъ его университетскихъ учителей, профессоровъ С.-Петербургскаго университета С. Ѳ. Платонова и Г. В. Форстена. Первый изъ нихъ научилъ пишущаго эти строки уважать въ научной работѣ строгость и методичность въ изслѣдованiи и осторожность въ выводахъ, и оказалъ ему, кромѣ того, существенную поддержку въ его научныхъ занятiяхъ, устроивъ его оставленiе при университетѣ. Второй вдохнулъ въ него любовь къ архивной работѣ, помогъ ему войти въ изучаемую эпоху и, что, быть можетъ, особенно дорого, постоянно поддерживалъ въ немъ, наряду съ интересомъ къ избранной имъ темѣ, интересъ ко всему, что лежало и за ея предѣлами, не разъ напоминая великiй завѣтъ великой эпохи: «homo sum et nihil humanum mihi alienum est». Наряду

съ вліяніемъ этихъ двухъ своихъ учителей авторъ всегда съ глубокою благодарностью вспоминаетъ то вліяніе, какое оказывалъ на него въ началѣ его научныхъ занятій покойный академикъ Л. Н. Майковъ.

Историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, согласившись на оставленіе автора при университетѣ, не разъ оказывалъ ему, кромѣ того, существенную матерьяльную поддержку, что особенно выразилось въ устройствѣ ему въ 1900—1901 г. заграничной командировки и въ согласіи на напечатаніе настоящаго изслѣдованія въ факультетскихъ «Запискахъ»...

Во всѣхъ архивахъ и библіотекахъ, въ которыхъ ему пришлось заниматься, авторъ встрѣчалъ самое предупредительное и любезное къ себѣ отношеніе со стороны личнаго состава этихъ учрежденій. Однимъ изъ лучшихъ воспоминаній въ его жизни навсегда останется для него время его занятій въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Библіотекѣ С.-Петербургскаго университета, въ Государственныхъ Архивахъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ.

Со стороны всѣхъ своихъ близкихъ и товарищей по научной дѣятельности авторъ точно также встрѣчалъ всегда самое сочувственное отношеніе къ своей работѣ. Онъ искренне признателенъ И. И. Лапшину, раздѣлившему съ нимъ трудъ чтенія корректуръ, и въ особенности В. В. Майкову, взявшему на себя наблюденіе за печатаніемъ послѣднихъ листовъ книги и заботы объ ея выпускѣ въ свѣтъ. Съ чувствомъ искренней радости вспоминаетъ авторъ тѣ дружескія бесѣды, какія завязывались у него по поводу его работы съ А. Е. Прѣсняковымъ. Но больше всего и прежде всего онъ считаетъ себя обязаннымъ своей матери, въ свое время сумѣвшей вдохнуть въ него уваженіе къ научной дѣятельности, а впослѣдствіи своими неустанными заботами создавшей для него наиболѣе благопріятныя для занятій условія. Ей по праву и должна быть посвящена настоящая работа.

СТЬ
XXV.

ВВЕДЕНІЕ.

Балтійское море, его бассейнъ и побережье не безъ основанія принято считать главною ареною исторической жизни сѣверныхъ націй. Такія грандіозныя историческія явленія, какъ колонизаціонное движеніе въ бранденбургской маркѣ, расцвѣтъ торговаго могущества ганзейскихъ городовъ, ростъ новгородской республики, реформаціонное движеніе XVI вѣка, промышленное соперничество Англіи и Голландіи, образованіе прусской монархіи, все это имѣло мѣсто, въ значительной степени, на равнинахъ балтійскаго побережья. Все это занесено на страницы исторіи «Средиземнаго моря Сѣвера» и переплетается здѣсь съ другими, болѣе мрачными воспоминаніями—набѣги норманновъ, истребленіе поморскихъ и полабскихъ славянъ, кровавая исторія меченосцевъ и тевтонскаго ордена, борьба съ Ливоніей Іоанна Грознаго, династическое соперничество польскихъ и шведскихъ Вазъ, завоевательная политика Густава-Адольфа и его преемниковъ... Такого рода воспоминанія даже оттѣсняютъ здѣсь порою болѣе мирныя преданія старины. Балтійскимъ берегамъ суждено было чаще служить ареною ожесточенной политической борьбы націй и государствъ, чѣмъ поприщемъ мирнаго культурнаго развитія народовъ. Владѣтельные нѣмецкіе князья, датчане и шведы попеременно оспаривали другъ у друга господство надъ водами Балтики, обладаніе ея берегами, выходъ изъ нея въ океанъ. Съ половины XVII вѣка Вестфальскимъ миромъ здѣсь было заложено основаніе шведскаго владычества, вскорѣ упроченнаго договорами Карла X съ датчанами, поляками и русскими въ Копенгагенѣ, Оливѣ и Кардиссѣ. Шведское владычество продолжалось недолго; Великая Сѣверная война разрушила грандіозное, но лишенное внутренней прочности зданіе политики Густава-Адольфа и его преемниковъ, и Ништадтскій миръ открылъ дорогу къ Балтійскому морю новому европейскому государству—Россіи.

Традиціонная цѣль московской политики на Западѣ, намѣченная еще Іоанномъ Грознымъ и его продолжателемъ Борисомъ Годуновымъ и не забываемая въ теченіе всего XVII вѣка, была достигнута; но завоеваніе далось не даромъ и ставило завоевателю новыя задачи. Длинный и трудно охраняемый сухопутный рубежъ со Швеціею уступилъ мѣсто извилистой береговой линіи съ удобными и хорошо защищенными отъ природы гаванями—Ригою, Пернау, Ревелемъ, Нарвою и С.-Петербургомъ. Защита морской границы была, однако, новымъ дѣломъ для московскаго государства, привыкшаго биться съ врагомъ на сухопутномъ рубежѣ, дѣломъ, требовавшимъ не малыхъ расходовъ, а новый сухопутный рубежъ по Двинѣ, подходя къ курляндскому герцогству, приближалъ Россію и къ новому для нея сосѣду—Германіи и сѣверному авангарду послѣдней, Пруссіи. Взамѣнъ далекой, кружной дороги черезъ Архангельскъ или неудобнаго и небезопаснаго сухого пути черезъ Польшу для сношеній съ культурными странами Запада открывался прямой морской путь; но къ нему надо было еще пріучить главные торговые флоты Европы—голландскій и англійскій, давно привыкшіе къ бѣломорской дорогѣ, и, въ то же время, оградить отъ излишней иностранной конкуренціи само русское купечество, которое, по мысли правителя, должно было принять активное участіе въ русской внѣшней торговлѣ.

Обиліе рѣкъ и озеръ во вновь пріобрѣтенномъ береговомъ краѣ создавало возможность удобнаго сообщенія съ центральными областями. Устья нѣсколькихъ многоводныхъ рѣкъ переходили къ Россіи, и если господство на небольшомъ протяженіи надъ обоими берегами З. Двины могло имѣть только стратегическое значеніе, то обладаніе берегами Невы—этого естественнаго пролива между Балтійскимъ моремъ и Ладожскимъ озеромъ—получало уже значеніе крупнаго факта въ торговомъ и промышленномъ отношеніи и открывало широкія перспективы для будущаго. Работы по проведенію Ладожскаго канала, возбуждавшія живой интересъ въ Европѣ, далеко еще, однако, не были приведены къ концу *). Центръ внѣшней торговли Россіи не передви-

*) Современники, сравнивая это предпріятіе съ Лангедокскимъ каналомъ Людовика XIV, находили, что оно далеко оставляетъ за собою послѣдній по своей грандіозности. „Il n'y aura point de pareile ouvrage à trouver en Europe, la jonction des deux mers, qui c'est fait sous Louis XIV, par un pareil canal, doit étre un jeu d'enfant en comparaison de celui-ci“.— Вестфаленъ 15 (26) сент. 1724.

гался къ Балтійскому морю естественнымъ путемъ, въ силу однихъ измѣнившихся территоріальныхъ условій. Во вновь завоеванномъ краѣ предстояло еще не мало работы. Побѣда не далась даромъ; многое надо было создавать вновь, и тяготы двадцатилѣтней войны должны были смѣниться упорнымъ трудомъ мирнаго времени. Условія для болѣе успѣшнаго культурнаго и соціальнаго развитія въ будущемъ были на лицо; въ данный моментъ жить еще не становилось легче.

Условія жизни усложнялись. Потребности военнаго времени вызывали крайнее напряженіе платежныхъ силъ страны и приводили къ необходимости изыскивать новыя средства для подъема платежной способности населенія. Воздвигалось болѣе сложное зданіе государственной администраціи, и въ него постепенно проникало вліяніе практики и теоріи политической жизни Запада. Одновременно съ этимъ непрерывныя, то мирныя, то непріязненныя соприкосновенія въ теченіе двадцати лѣтъ съ различными странами усложнили и дипломатическія отношенія Россіи къ Западной Европѣ, переплетая ихъ съ самыми разнообразными, запутанными, порою чисто домашними счетами ея сосѣдей. До Сѣверной войны за немногими исключеніями случайныя обособленныя сношенія съ отдѣльными государствами; послѣ нея — цѣлая сѣть постоянныхъ отношеній, пестрая амальгама плановъ, проектовъ, комбинацій. Усложнялась жизнь, усложнялась и внѣшняя политика Россіи. Получали новую постановку и тѣ вопросы, которые издавна составляли главное содержаніе этой политики — вопросъ объ отношеніи Россіи къ магометанскому Востоку, вопросъ польскій и наконецъ вопросъ о положеніи Россіи на Балтійскомъ морѣ, одною страницею изъ исторіи котораго была и сама Великая Сѣверная война. Не утратившій значенія очередного вопроса европейской политики и не разрѣшенный окончательно Ништадтскимъ миромъ, балтійскій вопросъ и послѣ 1721 г. является однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ перекрещевались отдѣльныя нити, связывавшія политику Россіи съ политикою ея западныхъ сосѣдей.

Съ крушеніемъ шведскаго могущества разсѣкался лишь одинъ узелъ этого вопроса; съ занятіемъ Россіей ея господствующаго положенія на остзейскомъ побережьѣ тотчасъ завязывался новый, и для европейской дипломатіи расторженіе этого новаго узла было такимъ же дѣломъ насущнаго интереса, какимъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. была для нея борьба противъ Швеціи

Съ другой стороны, и для Россіи, начиная съ 1721 г., каждый ея новый шагъ на поприщѣ внѣшней политики долгое время былъ связанъ съ тревожнымъ для нея вопросомъ—какъ отразится этотъ шагъ на томъ ея положеніи въ Европѣ и прежде всего на Балтійскомъ морѣ, какого ей удалось добиться въ Сѣверную войну? Воспользоваться въ своихъ интересахъ новою комбинаціею силъ, создавшеюся на Сѣверѣ, оградивъ себя отъ нежелательныхъ осложненій—таково должно было быть отнынѣ стремленіе отдѣльныхъ европейскихъ державъ. Упрочить за собою разъ созданное положеніе съ наибольшею выгодою для себя, не давъ въ то же время вовлечь себя въ чуждые для нея счеты и стремленія — такова была задача Россіи. Указанное стремленіе могло проявиться въ самыхъ различныхъ случаяхъ, и русской дипломатіи необходимо было имѣть это въ виду не только тогда, когда дѣло шло непосредственно о русскихъ прибалтійскихъ владѣніяхъ. Постоянно, однако, въ подобныхъ случаяхъ затрогивался или долженъ былъ быть принимаемъ въ соображеніе и вопросъ о положеніи Россіи на Балтійскомъ морѣ и о ея дальнѣйшихъ видахъ въ этомъ направленіи.

Первенствующее положеніе, занятое здѣсь Россіею открывая широкіе горизонты ея сосѣдямъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, пробуждало въ то же время не мало опасеній и недовольства, и цѣлый рядъ спорныхъ пунктовъ и вопросовъ, выяснившихся, главнымъ образомъ, во вторую половину Сѣверной войны и отчасти поставленныхъ уже на очередь, отчасти лишь назрѣвшихъ, но еще не высказанныхъ, оставался въ силѣ и послѣ 1721 г. Считаетъ ли русскій царь свою задачу на Балтійскомъ морѣ законченною или питаетъ какіе-либо дальнѣйшіе замыслы? Удовлетворится ли онъ сдѣланными имъ завоеваніями или пожелаетъ ихъ расширить? Какими цѣлями руководится онъ, вступаясь за двухъ германскихъ государей—герцоговъ голштинскаго и мекленбургскаго? Не угрожаетъ ли, наконецъ, будущее развитіе русской торговли во вновь пріобрѣтенныхъ царемъ отъ Швеціи гаваняхъ опасною конкуренціею для торговли другихъ европейскихъ странъ? Вотъ рядъ сомнѣній, которыя возникали естественнымъ образомъ, какъ результатъ благопріятнаго для Россіи исхода ея борьбы со Швеціей. Всѣ эти сомнѣнія близко касались какъ побѣжденнаго соперника Россіи, такъ и ея вчерашнихъ союзниковъ, Даніи и Польши, какъ государствъ, принимавшихъ прямое участіе въ Сѣверной войнѣ — Пруссіи и

Ганновера, такъ и тѣхъ, которыя на ходъ этой войны оказывали лишь косвенное вліяніе—Англіи, Франціи и Австріи.

Швеція, занимавшая въ исходѣ XVII вѣка господствующее положеніе на Балтійскомъ морѣ и представлявшая изъ себя государство, въ которомъ, казалось, прочно укрѣпился опредѣленный строго-монархическій строй, вышла изъ Сѣверной войны территоріально урѣзанной и политически расшатанной. Ей пришлось уступить своимъ противникамъ почти всѣ свои владѣнія въ Германіи—Бременъ, Верденъ и Западную Помменарію до р. Пэне и все остзейское побережье отъ Невы до устьевъ З. Двины. Одновременно съ этимъ она пережила и смѣну династіи, и государственный переворотъ, приведшій ее къ новой формѣ правленія почти республиканскаго характера. Въ то время, какъ ея окраинами завладѣвали ея враги, въ самомъ государствѣ враждовали между собою политическія партіи: старшая линія королевскаго дома, голштинская, отстраненная отъ престола, вела глухое соперничество съ младшей, гессенъ-кассельской, его занявшей, и обѣ онѣ не отказывались отъ происковъ ниспровергнуть вновь установившуюся форму правленія, которою въ самомъ шведскомъ населеніи далеко не всѣ были довольны.

Всѣмъ этимъ—и потерею своего политическаго значенія въ Европѣ, и внутреннею расшатанностью Швеція была обязана Сѣверной войнѣ. Но если противъ кого изъ враговъ у нея должно было накопляться особенно много горечи и опасенія за будущее, то это прежде всего— противъ Россіи. Съ самаго начала войны Россія, сравнительно съ другими своими союзниками, предъявила Швеціи наиболѣе тяжелыя требованія; она вела войну дольше другихъ и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ и не только не отступила отъ своихъ первоначальныхъ требованій, но даже повысила ихъ и добилась требуемаго. Къ Россіи отходили лучшія изъ внѣскандинавскихъ провинцій Швеціи, самое географическое положеніе которыхъ позволяло, казалось, разсчитывать на болѣе тѣсную связь между ними и центромъ шведскаго королевства, чѣмъ положеніе Бремена и Вердена, или Западной Поммераніи, отходившихъ теперь къ Ганноверу и Пруссіи. Политическіе раздоры въ самой Швеціи давали ея сосѣдямъ не мало поводовъ къ вмѣшательству въ своихъ личныхъ цѣляхъ въ ея внутреннія дѣла, а въ это время главный претендентъ на шведскій престолъ, герцогъ голштинскій, чьи симпатіи къ новой формѣ правленія были болѣе, чѣмъ сомнительны, находилъ

себѣ защиту у того же русскаго царя, которому пришлось уступить Корелію, Ингрію, Эстляндію и Лифляндію. Мысль о возвращеніи этихъ провинцій долго не покидала шведскихъ патріотовъ послѣ 1721 г., и стокгольмскій дворъ зорко слѣдилъ за ходомъ событій въ Россіи и за тѣмъ, какъ въ русскихъ придворныхъ сферахъ измѣнялось положеніе и значеніе сторонниковъ герцога голштинскаго и его противниковъ.

И не одну только Швецію тревожили успѣхи Россіи на берегахъ Балтійскаго моря и покровительство, оказываемое царемъ герцогу голштинскому. Голштинскіе замыслы, сводившіеся къ претензіи герцога на шведскій престолъ и на возвращеніе отъ Даніи занятаго ею во время Сѣверной войны Шлезвига, и отношеніе къ этимъ замысламъ Россіи, съ одной стороны, и возможность дальнѣйшаго распространенія русскаго владычества на остзейскомъ побережьѣ, съ другой, вотъ тѣ два главные пункта, къ которымъ сводилось, пожалуй, все содержаніе балтійскаго вопроса послѣ Ништадтскаго мира. Какія бы цѣли на Балтійскомъ морѣ ни преслѣдовала русская политика послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго и времени его первыхъ преемниковъ, ей всегда приходилось наталкиваться на эти два пункта, около которыхъ группировались всѣ другіе, болѣе второстепенные, и которыми обусловливались въ значительной степени отношенія Россіи къ остальнымъ европейскимъ державамъ.

Особенно запутаннымъ и сложнымъ представлялся голштинскій вопросъ. Имѣя своимъ содержаніемъ неудовлетворенныя притязанія одного изъ сѣверныхъ германскихъ владѣтельныхъ домовъ, связаннаго родственными узами и съ Даніей, и со Швеціей, этотъ вопросъ былъ больнымъ мѣстомъ для обоихъ скандинавскихъ государствъ.

Мы уже сказали сейчасъ о тѣхъ осложненіяхъ, какими онъ грозилъ для Швеціи. Пока герцогъ голштинскій находилъ покровительство у русскаго царя, не могла оставаться спокойною и Данія. Предпочтетъ ли герцогъ добиваться признанія своихъ правъ на шведскій престолъ или сосредоточитъ все свое вниманіе на стараніи вернуть потерянный Шлезвигъ, это представлялось еще далеко не выясненнымъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ голштинскіе замыслы представляли для Даніи даже бо́льшую опасность, чѣмъ для Швеціи. Отъ Швеціи Россія добилась уже всего того, къ чему стремилась издревле; съ Даніей ея счеты теперь только выступали на очередь. Голштинскій вопросъ грозилъ въ

данномъ случаѣ обратиться въ рукахъ русскаго правительства въ удобное орудіе угрозы противъ Даніи для достиженія одного, вполнѣ опредѣленнаго требованія, которое въ моментъ заключенія Ништадтскаго мира какъ бы висѣло въ воздухѣ и, дѣйствительно, было заявлено съ русской стороны тотчасъ послѣ окончанія Сѣверной войны. Разумѣемъ претензію на освобожденіе отъ уплаты зундской пошлины.

Уже давно эта привилегія Даніи возбуждала недовольства другихъ государствъ и не разъ Даніи приходилось дѣлать уступки въ этомъ отношеніи тѣмъ или другимъ изъ своихъ сосѣдей, уступки, которыя она при первомъ удобномъ случаѣ всегда старалась взять обратно. Швеціи по ея послѣднему мирному договору съ Даніей въ 1720 г. точно также пришлось отказаться отъ права безпошлиннаго прохода черезъ Зундъ, выговореннаго ею ранѣе по Роскильдскому трактату (1656 г.), и этотъ отказъ долженъ былъ доставить нѣкоторое утѣшеніе Даніи, не много выигравшей отъ своего участія въ Сѣверной войнѣ. Послѣ того, однако, какъ первенствующее положеніе на Сѣверѣ переходило отъ Швеціи къ Россіи, Данія врядъ ли могла оставаться спокойною, зная страстное увлеченіе русскаго царя морскимъ дѣломъ и морскою торговлею, зная его стремленія создать изъ вновь завоеванныхъ гаваней на Балтійскомъ морѣ центръ внѣшнихъ торговыхъ сношеній Россіи съ другими европейскими державами. И эти стремленія должны были представляться датскому правительству особенно опасными въ данное время—начало XVIII в., когда само Балтійское море теряло уже свое первостепенное значеніе для міровой торговли, когда только та держава, чьи корабли бороздили океанъ, считалась державою морскою, и когда къ этому стремилась даже такая ультра-континентальная держава, какъ Австрія, не говоря уже о такой скромной политической единицѣ, какъ герцогство курляндское. Отказъ царя уплачивать зундскую пошлину легко могъ быть поддержанъ его сосѣдями, какъ первый шагъ къ полному уничтоженію этой столь стѣснительной для всѣхъ европейскихъ государствъ привилегіи Даніи и въ этомъ отношеніи та защита голштинскихъ интересовъ, которую, казалось, брала на себя Россія, должна была заставить сильно призадуматься датское правительство *).

---

*) О колоніальной политики Курляндскихъ герцоговъ, главнымъ образомъ, во вторую половину XVII вѣка (время герцога Якова)—S c h i e-

Добиваясь болѣе благопріятныхъ условій для развитія русской торговли на Балтійскомъ морѣ, въ интересахъ Петра Великаго было, однако, покровительствовать герцогу голштинскому не только съ цѣлью имѣть въ рукахъ оружіе противъ Даніи. Создавая себѣ сторонника въ лицѣ второстепеннаго германскаго государя, русскій царь одновременно съ этимъ подготовлялъ почву для своихъ дальнѣйшихъ замысловъ на случай, если бы переговоры съ Даніей объ освобожденіи отъ зундской пошлины потерпѣли фіаско. Съ этою цѣлью, быть можетъ, поддерживалъ онъ и сосѣда герцога голштинскаго, неуживчиваго Карла-Леопольда Мекленбургскаго, являясь ходатаемъ за него въ его дѣлѣ съ мекленбургскимъ дворянствомъ передъ лицомъ германскаго императора. Удобное географическое положеніе голштинскихъ и мекленбургскихъ владѣній въ обильной рѣками и озерами области между Эйдеромъ и Эльбою позволяло мечтать объ установленіи новаго торговаго пути между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями, упразднявшаго необходимость проходить мимо датскихъ береговъ. Незначительные нѣмецкіе государи могли быть въ данномъ случаѣ полезны русскому царю, и голштинскій вопросъ при такой его постановкѣ, въ связи съ вопросомъ мекленбургскимъ, превращался въ одинъ общій вопросъ—

---

mann, Historische Darstellungen und Archivalische Studien (Hmbrg u. Mitau 1886), s. 121—169, также Richter, Geschichte der dem russischen Kaysertum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen (Riga 1858), Th. II, B. III, s. 64—92. Послѣ Ништадтскаго мира стремленія европейскихъ державъ завязать торговыя сношенія съ Россіей значительно усиливаются. XVII вѣкъ и начало XVIII в. классическая эпоха меркантилизма и время наибольшаго разцвѣта крупныхъ торговыхъ компаній, и въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи намъ придется еще говорить о тѣхъ надеждахъ на установленіе транзитной торговли черезъ Россію съ Дальнимъ Востокомъ, которыя возбудили пріобрѣтенія Петра Великаго на Балтійскомъ морѣ. Велико было также стремленіе различныхъ державъ заключить торговые трактаты съ Россіей съ цѣлью эксплуатировать ея естественныя богатства. Починъ въ освобожденіи балтійскихъ проливовъ отъ уплаты пошлины Даніи, данный русскимъ царемъ, нашелъ бы полное сочувствіе, не возбуждая при этомъ тѣхъ опасеній, какія могли возбуждать его виды на Курляндію, его вмѣшательство въ сѣверно-германскія отношенія. Если помыслы Петра Великаго объ активномъ участіи самой Россіи въ европейской торговлѣ вслѣдствіе боязни нѣкоторыхъ европейскихъ державъ встрѣтить въ лицѣ Россіи новаго конкурента на міровомъ рынкѣ могли нѣсколько ослабить это сочувствіе, то во всякомъ случаѣ зундскій вопросъ скорѣе объединялъ отдѣльныя европейскія державы въ ущербъ интересамъ Даніи, чѣмъ обострялъ ихъ отношенія къ Россіи.

объ интересахъ Россіи въ сѣверной Германіи. На этой почвѣ, однако, возникали уже осложненія гораздо болѣе серьезнаго характера, чѣмъ недовольство и тревога со стороны обоихъ скандинавскихъ государствъ—Даніи и Швеціи.

Одновременно съ тѣмъ, какъ на восточно-европейской равнинѣ собиралось, крѣпло и напрягало всѣ свои силы для борьбы съ внѣшними врагами Московское государство, на далекомъ Западѣ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, надежно защищенная моремъ, создавалась Англія съ ея своеобразнымъ общественнымъ и государственнымъ строемъ, страна религіозной и политической свободы, родина общественнаго мнѣнія. Въ началѣ XVIII в. ростъ политическаго могущества Англіи и начало ея болѣе активнаго вмѣшательства въ ходъ событій континентальной Европы является крупнымъ историческимъ фактомъ наряду съ возникновеніемъ русскаго господства на Балтійскомъ морѣ. Долгое время оба колосса росли и развивались параллельно, не приходя въ столкновеніе другъ съ другомъ. Для Англіи, при быстромъ ростѣ ея промышленности, торговли и колоніальнаго могущества, Россія, страна неизвѣданныхъ природныхъ богатствъ, представляла заманчивый край. Торговыя сношенія Англіи съ нашимъ отечествомъ начинаются одновременно съ ея первыми шагами на поприщѣ міровой торговли. Исходъ войны за испанское наслѣдство укрѣпилъ за Англіей торговое первенство въ Европѣ; черезъ семь лѣтъ послѣ этого пріобрѣтеніе Россіей наиболѣе выгодныхъ въ торговомъ отношеніи шведскихъ провинцій окончательно ввело послѣднюю въ кругъ европейскихъ торговыхъ сношеній. Уже одинъ этотъ фактъ самъ по себѣ въ ту эпоху, когда торговое соперничество такъ легко переходило въ вооруженную борьбу, долженъ былъ вызывать серьезныя размышленія въ политическихъ сферахъ Англіи. Пока, однако, русско-англійское соперничество не сходило съ почвы торговыхъ интересовъ, возможны были мирный исходъ и соглашеніе. Восшествіе на престолъ ганноверской династіи, впутывавшее Великобританію въ территоріальные счеты континентальной Европы увеличивало опасность ея открытаго столкновенія съ Россіей. Англія роднилась съ вольфенбютельскимъ домомъ, питавшимъ въ то время широкіе замыслы и выступившимъ въ началѣ XVIII в. послѣ долгаго періода раздробленности на путь общеевропейской политики.

Пріобрѣтеніе послѣ Сѣверной войны Бремена и Вердена освобождало Ганноверъ отъ опаснаго сосѣдства Швеціи и открывало

ему выходъ въ Нѣмецкое море; въ своемъ стремленіи къ Балтійскому морю онъ встрѣчалъ прежде всего преграду во владѣніяхъ герцоговъ мекленбургскаго и, отчасти, голштинскаго, за которыми стояла Россія. Англо-русское торговое соперничество шло, такимъ образомъ, рука объ руку съ обостреніемъ отношеній между русскимъ царемъ и англійскимъ королемъ, поводомъ къ чему являлось столкновеніе ихъ интересовъ у порога наслѣдственныхъ ганноверскихъ владѣній послѣдняго. Подобное сочетаніе условій облегчало доступъ ганноверскому вліянію на внѣшнюю политику Англіи, и ревнивое отношеніе послѣдней къ успѣхамъ Россіи на Балтійскомъ морѣ должно было возрастать разъ ставился вопросъ о русскихъ интересахъ въ сѣверной Германіи. Правда, ближайшимъ поводомъ къ столкновенію Россіи съ Англіей - Ганноверомъ могло послужить не столько вмѣшательство русскаго царя въ голштинскія дѣла, сколько его заступничество за герцога мекленбургскаго. Однако, и къ голштинскому вопросу съ точки зрѣнія англо-ганноверскихъ интересовъ нельзя было отнестись вполнѣ равнодушно. Возвращеніе герцогу голштинскому Шлезвига облегчало для русской торговли выходъ изъ Балтійскаго моря и расширяло арену ея конкуренціи съ торговлей Англіи. Переходъ шведскаго престола къ голштинскому дому грозилъ для Ганновера опасностью лишиться только что пріобрѣтенныхъ Бремена и Вердена. Сближеніе Англіи съ Франціей послѣ войны за испанское наслѣдство шло, какъ извѣстно, параллельно съ временнымъ охлажденіемъ ея отношеній къ исконной соперницѣ послѣдней, монархіи Габсбурговъ; рождалось сомнѣніе, не согласится ли германскій императоръ, медлившій до сихъ поръ дать инвеституру ганноверскому курфюрсту на Бременъ и Верденъ, на удовлетвореніе изъ этихъ областей герцога голштинскаго за Шлезвигъ, проектъ, неоднократно уже приходившій на умъ голштинскимъ дипломатамъ.

Торжество голштинскихъ интересовъ какъ въ вопросѣ о шведской коронѣ, такъ и въ вопросѣ о Шлезвигѣ одинаково не входило, такимъ образомъ, въ разсчеты Англіи, и гарантія, данная англійскимъ королемъ на владѣніе Шлезвигомъ Даніи, въ значительной мѣрѣ объясняется стремленіемъ привлечь на свою сторону государство, которое могло бы при случаѣ дать отпоръ притязаніямъ герцога голштинскаго какъ въ Швеціи, такъ и въ его наслѣдственныхъ германскихъ владѣніяхъ. Въ томъ же духѣ работала англійская дипломатія и во Франціи, политика

которой въ эпоху регентства герцога Орлеанскаго почти всецѣло направлялась, какъ извѣстно, указаніями и внушеніями изъ Лондона. Незначительный самъ по себѣ, голштинскій вопросъ, переплетаясь съ англо-русскимъ соперничествомъ на почвѣ торговыхъ и политическихъ интересовъ, принималъ общеевропейское значеніе. Повсюду—въ Швеціи и въ Даніи, во Франціи и въ Австріи мы наталкиваемся въ это время на глухую борьбу между лондонскимъ и петербургскимъ кабинетами; повсюду поводомъ къ этой борьбѣ, хотя и не исчерпывающимъ ея содержаніе, является вопросъ объ удовлетвореніи голштинскихъ притязаній, и почти повсюду—можно прибавить—дальнѣйшее изслѣдованіе обнаруживаетъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ личныхъ совѣтниковъ англійскаго короля, его ганноверскихъ министровъ. Англо-русскому соперничеству суждено было съ этого момента играть роль рѣшающаго факта въ общемъ ходѣ историческихъ событій. Это соперничество зародилось здѣсь, на Балтійскомъ морѣ, въ исходѣ Сѣверной войны: имъ въ значительной мѣрѣ опредѣлялось направленіе русской политики, начиная съ двадцатыхъ годовъ XVIII ст., и съ этой точки зрѣнія балтійскій вопросъ послѣ Ништадтскаго мира пріобрѣтаетъ всемірно-историческое значеніе.

Но не съ одною только Россіею сталкивалась Англія-Ганноверъ на Балтійскомъ морѣ, и не однимъ соперничествомъ съ Англіей обусловливалась русская балтійская политика послѣ Ништадтскаго мира. Въ своемъ стремленіи къ расширенію своихъ владѣній и созданію изъ нихъ крупнаго политическаго центра на сѣверѣ Германіи ганноверскіе курфюрсты неминуемо должны были стать лицомъ къ лицу съ Пруссіею, которая начиная съ Вестфальскаго мира, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе упрочиваетъ за собою первенствующее положеніе въ Средней Европѣ. Покинувъ узкій кругъ мѣстно-германской политики, сыгравъ уже нѣсколько разъ рѣшающую роль въ общеевропейскихъ событіяхъ, Пруссія къ восемнадцатому вѣку начинаетъ намѣчать себѣ болѣе широкую политическую программу, не выходящую еще, однако, за предѣлы ея ближайшихъ интересовъ на Балтійскомъ морѣ. Обстоятельства складывались такъ, что сталкиваясь съ Ганноверомъ, политика Пруссіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могла оказаться солидарною съ интересами Россіи.

Пруссія не прочь была поддержать герцога голштинскаго, видя въ этомъ одинъ изъ путей къ пріобрѣтенію остававшейся послѣ Сѣверной войны за Швеціей Поммераніи. Занятіе владѣній

герцога мекленбургскаго войсками ганноверскаго курфюрста, которому была поручена имперская экзекуція по жалобѣ мекленбургскаго дворянства на своего государя, настолько же не входила въ интересы Пруссіи, насколько была нежелательна и для самого Петра Великаго. Самая перспектива освобожденія отъ уплаты зундской пошлины улыбалась прусскому королю, какъ ни незначительны были морскія силы его государства. Словомъ, Пруссія въ англо-русскомъ соперничествѣ, при томъ значеніи, какое играли въ немъ ганноверскіе интересы во многихъ отношеніяхъ могла стать опорнымъ пунктомъ для Россіи. Наряду съ отношеніями къ Англіи русская политика на Балтійскомъ морѣ послѣ Ништадтскаго мира начинаетъ все сильнѣе и сильнѣе обусловливаться и отношеніями Россіи къ Пруссіи.

Указанное совпаденіе интересовъ въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, не опредѣляетъ еще, однако, общій характеръ русско-прусскихъ отношеній. Не въ сѣверной Германіи и не у проливовъ Балтійскаго моря встрѣчалась прежде всего Пруссія съ Россіей, а на восточномъ побережьѣ этого моря, при своемъ поступательномъ движеніи за Вислу и Мемель. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ въ связи съ тою ролью, какую могла сыграть Пруссія въ англо-русскомъ конфликтѣ, опредѣляется и общее значеніе вопроса о будущемъ положеніи Россіи на остзейскомъ побережьѣ, который, наряду съ вопросомъ о голштинскихъ притязаніяхъ, составлялъ, какъ мы видѣли выше, больное мѣсто для Швеціи послѣ 1721 г. и который, подобно послѣднему, не былъ частнымъ дѣломъ Швеціи и Россіи, но также получалъ до извѣстной степени общеевропейское значеніе.

Не о пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ уже Россіей въ Сѣверную войну, шла при этомъ, главнымъ образомъ, рѣчь. Многимъ, конечно, не по душѣ были успѣхи Петра Великаго, и та же Англія, вѣроятно, была бы не прочь видѣть возстановленіе старой западной границы Россіи. Этотъ вопросъ самъ по себѣ не затрогивалъ, однако, настолько непосредственно интересы большинства европейскихъ державъ, чтобы ради него онѣ были готовы оказать существенную поддержку Швеціи, мечтавшей о возвращеніи потеряннаго въ Сѣверную войну, или преслѣдовать какую либо самостоятельную политику на остзейскомъ побережьѣ. Если порою Англія и намекала на возможность подобнаго рода

поддержки, то въ большинствѣ случаевъ это былъ съ ея стороны такой же дипломатическій маневръ, пускаемый въ ходъ съ цѣлью привлечь на свою сторону Швецію, какимъ по отношенію къ Даніи служила для нея гарантія Шлезвига. Горькое чувство досады наряду со Швеціей могла испытывать развѣ Польша, которая, вмѣсто возвращенія Лифляндіи, должна была согласиться на переходъ этой области къ Россіи: мечты о возвращеніи Лифляндіи волновали умы не только въ Стокгольмѣ, но и въ Варшавѣ и Дрезденѣ. На осуществленіе этихъ мечтаній при томъ состояніи, въ какомъ находилась Польша послѣ 1721 г., было, однако, мало надежды, и подобно Швеціи, Рѣчи Посполитой трудно было ожидать какого-либо содѣйствія, въ этомъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей и меньше всего, конечно, отъ Пруссіи. Дѣйствительныя пріобрѣтенія Россіи по Ништадтскому миру гораздо менѣе могли служить поводомъ къ нарушенію «покоя въ Сѣверѣ», чѣмъ неудовлетворенныя голштинскія притязанія. Другое дѣло—возможность со стороны Россіи дальнѣйшихъ шаговъ къ расширенію ея новыхъ пріобрѣтеній. По мѣрѣ того, какъ лифляндскій вопросъ, все болѣе и болѣе обострявшійся во вторую половину Сѣверной войны, послѣ 1721 г. постепенно теряетъ свою жгучесть, на первый планъ начинаетъ выдвигаться вопросъ о сосѣдней съ Лифляндіей области, герцогствѣ курляндскомъ. Разъ заходила, однако, рѣчь о Курляндіи, заинтересованною стороною являлась уже не одна Польша, но и Пруссія, да и въ самой Польшѣ пожеланія Рѣчи Посполитой далеко не всегда совпадали съ видами ея короля, курфюрста саксонскаго.

Къ исходу Сѣверной войны опредѣлилось уже съ достаточною ясностью, каковы были виды на Курляндію каждой изъ трехъ названныхъ сторонъ. Стремленіе Рѣчи Посполитой окончательно инкорпорировать курляндское герцогство сталкивалось съ планами прусскаго короля, мечтавшаго если не о полномъ присоединеніи этого герцогства къ своимъ владѣніямъ, то хотя бы объ упроченіи въ будущемъ герцогскаго достоинства за кѣмъ-либо изъ представителей бранденбургскаго дома. Польскій король относился, въ свою очередь, одинаково несочувственно какъ къ первому, такъ и второму способу разрѣшенія курляндскаго вопроса, который лично для него связывался съ завѣтными мечтами о пріобрѣтеніи наслѣдственнаго королевскаго титула въ Польшѣ: переходъ курляндскаго герцогскаго титула къ одному изъ его родственниковъ могъ служить, въ такомъ случаѣ, пригоднымъ вспомо-

гательнымъ средствомъ. Менѣе опредѣленно высказывалась до поры до времени по курляндскому вопросу Россія. Порою, подъ давленіемъ необходимости она какъ будто склонялась то на ту, то на другую сторону; еще чаще высказывалась за возможно полное сохраненіе statu quo Курляндіи; болѣе всего, наконецъ, предпочитала вовсе не ставить на очередь этого вопроса. Бракъ, заключенный въ 1710 г. между герцогомъ курляндскимъ и племянницею царя, и условіе брачнаго трактата, по которому часть приданаго невѣсты должна была итти на выкупъ въ ея собственность заложенныхъ герцогскихъ доменовъ, заставляли, однако, предполагать, что русскій царь также не прочь вступить на путь постепеннаго усиленія русскаго вліянія въ Курляндіи. Будущая судьба курляндскаго герцогства заставляла, поэтому, ближайшихъ сосѣдей Россіи относиться къ ней не менѣе недовѣрчиво, чѣмъ голштинскіе замыслы и стоявшій въ связи съ ними вопросъ о русскомъ вліяніи въ сѣверной Германіи, такъ волновавшіе въ это время большинство европейскихъ державъ *).

Двумя центрами территоріальнаго роста Пруссіи, которой суждено было занять въ Средней Европѣ такое же первенствую-

*) Курляндскій вопросъ въ той постановкѣ, какую старалась придать ему русская дипломатія, всегда сохранялъ, въ значительной степени, характеръ недоразумѣнія, прежде всего, между Россіей и Польшей. Какъ таковой, онъ лишь отчасти можетъ быть отнесенъ къ числу вопросовъ, составлявшихъ въ началѣ XVIII вѣка содержаніе балтійской политики Россіи. Стараясь упрочить свое вліяніе на курляндскомъ побережьѣ Балтійскаго моря и не допустить болѣе тѣснаго объединенія Курляндіи съ Рѣчью Посполитою, Россія, по крайней мѣрѣ, первое время послѣ Ништадтскаго мира, имѣла въ виду не столько расширеніе своихъ собственныхъ прибалтійскихъ владѣній, сколько ослабленіе Польши. Работа русской дипломатіи за это время въ Курляндіи—другая сторона того же дѣла, главная цѣль котораго было поддержаніе statu quo польскаго государственнаго строя и подготовка новаго взаимоотношенія между Польшей и Россіей. Курляндскій вопросъ, такимъ образомъ, является прежде всего существеннымъ моментомъ польской политики Россіи. Въ проведеніи своей польской политики въ Курляндіи Россія неминуемо, однако, становилась лицомъ къ лицу и съ курляндскою политикою Пруссіи. Работая противъ Польши, Россія задѣвала здѣсь слишкомъ чувствительный нервъ прусской политической системы, и курляндскій вопросъ, не исчерпывая собою русско-прусскихъ отношеній, надолго наложилъ на нихъ опредѣленный отпечатокъ. Вотъ почему, обусловливая собою, главнымъ образомъ, русско-польскія отношенія, этотъ вопросъ и не можетъ быть обойденъ молчаніемъ при характеристикѣ русской политики на Балтійскомъ морѣ въ началѣ XVIII вѣка.

щее положеніе, какое на западѣ Европы выпало на долю Англіи, а на востокѣ—Россіи, были ея бранденбургскія владѣнія, съ одной стороны, и собственно герцогство прусское, съ другой. До 1721 года какъ и позднѣе до самой второй половины XVIII в., прусскія земельныя пріобрѣтенія шли, главнымъ образомъ, на счетъ областей, граничащихъ съ Бранденбургомъ на сѣверѣ и отчасти на западѣ, что и ставило Пруссію лицомъ къ лицу сперва со Швеціей, позднѣе съ Ганноверомъ и создавало порою, какъ мы сейчасъ видѣли, солидарность прусскихъ и русскихъ интересовъ. Предѣлы герцогства прусскаго въ то же время оставались почти безъ измѣненія, хотя сосѣднія съ нимъ области давно уже привлекали на себя вниманіе бранденбургскихъ курфюрстовъ; съ Россіей, которую отдѣляла отъ названнаго герцогства не только Курляндія, но и широкая полоса шведскихъ владѣній, у Пруссіи не возникало, поэтому прямыхъ доводовъ къ столкновенію, и бранденбургскіе курфюрсты не прочь были даже вовлечь ее въ совмѣстныя дѣйствія противъ общихъ сосѣдей.

Еще великій курфюрстъ старался вовлечь царя Алексѣя въ борьбу противъ Швеціи, лаская его надеждами на богатыя территоріальныя пріобрѣтенія въ Остзейскомъ краю. Собственные планы курфюрста, какъ извѣстно, простирались при этомъ точно также не на одну сосѣднюю съ его бранденбургскими владѣніями Поммеранію, открывавшую ему доступъ къ морю, но и на области, лежащія по обѣ стороны его прусскихъ владѣній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи его планамъ не суждено было осуществиться. Позднѣе, въ эпоху Сѣверной войны Пруссія принимая активное участіе, главнымъ образомъ, въ тѣхъ моментахъ этой войны, которые имѣли мѣсто въ сѣверной Германіи, снова устремляетъ свое вниманіе и на Курляндію, стараясь при этомъ по прежнему заручиться союзникомъ въ лицѣ или русскаго царя, или польскаго короля, курфюрста саксонскаго, всегда довольно сочувственно относившагося къ самымъ различнымъ планамъ, разъ только они обѣщали усиленіе его личной власти въ Польшѣ. Съ исходомъ войны—новые успѣхи для Пруссіи на поммеранскомъ побережьѣ и прежняя неудача на остзейскомъ. Въ остзейскихъ провинціяхъ, которыхъ лишилась Швеція, Пруссія не нашла своей доли; онѣ переходили къ Россіи, и эта послѣдняя переставала быть для Пруссіи далекимъ сосѣдомъ, котораго можно было тѣшить видами на проблематическіе успѣхи въ будущемъ. Одна лишь Курляндія отдѣляла теперь Пруссію отъ

русскихъ владѣній; Курляндскій вопросъ выступалъ на очередь, и ничто не обѣщало его легкаго и быстраго разрѣшенія.

У русскаго правительства, безъ сомнѣнія, всегда было стремленіе выдѣлить курляндскій вопросъ, какъ касающійся исключительно Россіи, Польши и Пруссіи, изъ ряда другихъ вопросовъ общеевропейскаго характера и попытаться разрѣшить его независимо отъ тѣхъ осложненій, какія вызывались другими спорными пунктами балтійской политики. Выдержать до конца подобную точку зрѣнія было, очевидно, невозможно. Виды на Курляндію далеко не составляли исключительной цѣли прусской политики за данное время. Ростъ англійскаго могущества, широкіе планы Ганновера, голштинскія притязанія, взаимоотношенія Даніи и Швеціи, словомъ, весь тотъ циклъ спорныхъ пунктовъ, въ которыхъ Пруссія могла оказать Россіи поддержку, также живо интересовалъ правительство Фридриха-Вильгельма, какъ и будущая судьба курляндскаго герцогства. Игнорировать Пруссію во всѣхъ указанныхъ случаяхъ при существованіи натянутыхъ отношеній къ Англіи, на которую въ Европѣ послѣ 1721 г. устанавливается точка зрѣнія, какъ на противовѣсъ вновь создавшемуся русскому могуществу, для Россіи было нельзя; а заручиться ея поддержкой или отвлечь ее, по крайней мѣрѣ, отъ Англіи-Ганновера было возможно, только установивъ какой-либо modus vivendi по курляндскому вопросу.

Исходъ Сѣверной войны ставилъ, такимъ образомъ, Россію прежде всего лицомъ къ лицу съ новыми политическими единицами—Англіей и Пруссіей. Отношеніями къ этимъ державамъ и обусловливалось, прямо или косвенно, выполненіе той программы, которая намѣчалась для государства Петра Великаго, какъ результатъ его торжества надъ Швеціей. Эта задача была не изъ легкихъ.

Новая гостья въ кругѣ европейскихъ державъ, Россія послѣ Ништадтскаго мира не была встрѣчена, какъ и слѣдовало ожидать, съ распростертыми объятьями. Ея настоящіе успѣхи на Балтійскомъ побережьѣ и возможность усиленія ея политическаго могущества въ будущемъ возбуждали противъ нея затаенное недовѣріе со стороны однихъ, почти открытое непріязненное отношеніе со стороны другихъ. Европа стояла на-сторожѣ противъ новаго сѣвернаго колосса, занявшаго мѣсто Швеціи на остзейскомъ побережьѣ и грозившаго, казалось, занять его и въ сѣ-

верной Германіи. Мирный двѣнадцатилѣтній періодъ въ европейской исторіи, протекшій съ конца 1721 г. до начала борьбы за польскій престолъ, можетъ быть названъ таковымъ лишь по сравненію съ предшествовавшею бурною эпохою войнъ—Сѣверной и за испанское наслѣдство. Послѣ 1721 г. правительства различныхъ странъ и европейскіе дипломаты продолжаютъ говорить о «содержаніи покоя въ Сѣверѣ», и тотъ тонъ, какимъ они ведутъ свои рѣчи, лучше всего показываетъ, что этотъ «покой» рисуется имъ далеко еще не упроченнымъ. Принимаетъ участіе въ этихъ рѣчахъ и Россія, и—что характерно—относится къ нимъ съ нескрываемою щепетильною обидчивостью и усматриваетъ не только въ каждомъ словесномъ намекѣ на возможность нарушенія этого покоя, но даже въ каждомъ пожеланіи сохраненія его чуть ли не личное оскорбленіе и во всякомъ случаѣ «многое разсужденія и консидераціи достойное». Каковы бы ни были ея собственные планы, взглядъ на отношенія къ ней ея европейскихъ сосѣдей понимался ею въ данномъ случаѣ вѣрно.

И мы видѣли сейчасъ, каковы были эти отношенія и какъ обусловливали они новое положеніе Россіи на Балтійскомъ морѣ. Сопоставленіе главныхъ моментовъ Сѣверной войны, начиная съ 1709 г., поможетъ намъ уяснить себѣ болѣе детально, какъ постепенно эти отношенія создались, и какъ мало-по-малу Россія втягивалась въ сложную сѣть западно-европейскихъ дипломатическихъ интересовъ. Это дастъ, въ свою очередь, руководящую нить и для дальнѣйшаго изложенія—для характеристики тѣхъ задачъ, какія ставились русскою дипломатіею на Балтійскомъ морѣ первое время послѣ Ништадтскаго мира, и тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ думали разрѣшить эти задачи, а также для оцѣнки достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ.

———

ГЛАВА ПЕРВАЯ *).

Ходъ Сѣверной войны довольно рѣзко измѣняется, начиная съ іюля 1709 г. Перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, Петръ Великій послѣ Полтавской побѣды явно старается перенести театръ военныхъ дѣйствій въ шведскіе предѣлы. Въ октябрѣ 1709 г. онъ возобновляетъ наступательные союзные договоры противъ Швеціи съ Даніей и Августомъ Саксонскимъ и заключивъ новый договоръ—оборонительнаго характера—съ Пруссіей, примыкаетъ тѣмъ самымъ къ ранѣе заключенному договору между этой послѣдней, Даніей и Польшей. Въ концѣ 1709 г. и въ теченіе всего 1710 г. мы видимъ рядъ удачныхъ дѣйствій русскихъ войскъ противъ шведовъ въ Финляндіи и Лифляндіи, отъ Кексгольма до Риги, и въ польской Пруссіи, гдѣ былъ взятъ Эльбингъ; одновременно съ этимъ датчане предпринимаютъ высадку—неудавшуюся—въ Сконе. Къ началу 1710 г. шведская армія ген. Крассау, остававшаяся до этого времени въ Польшѣ, переходитъ въ шведскую Поммеранію. Боевое пламя, вспыхнушее въ 1700 г. въ Зеландіи, перекинувшееся оттуда къ берегамъ Финскаго залива и добѣжавшее до далекихъ степей Украйны, захвативъ Польшу и Саксонію, поворачиваетъ теперь

*) Обстоятельной и научной исторіи Сѣверной войны не существуетъ. Лучшій очеркъ ея въ связи съ общимъ ходомъ событій въ Европѣ даетъ Erdmannsdörfer (Deutsche Geschichte v. 1648—1740. Berl. 1892—1893, B. II., Buch 6, 7), останавливаясь, однако, главнымъ образомъ, на моментахъ, имѣвшихъ мѣсто въ предѣлахъ Германіи. Высоко-талантливую и порою исчерпывающую характеристику опредѣленной группы матеріала—документовъ Моск. А. М. И. Д., съ цѣнными, порою, замѣчаніями, находимъ въ „Ист. Рос.“ Соловьева (цитируемъ по 2-му изд. т-ва „Общ. Пол.“). Болѣе цѣльное изложеніе, но не столь научное, даетъ Herrmann въ „Geschichte des russischen Staates“ (Hmbrg. 1849), B. IV. Мало новаго въ сравненіи съ Соловьевымъ и Herrmann'омъ въ „Исторіи Петра Великаго“ Брикнера (Спб. 1882. нѣм. оригиналъ 1879 г.). Schirren, въ строгой критикѣ на книгу Брикнера (Götttng. gelehrt. Anzeig. 1880 № 30)

назадъ и раскидывается по берегамъ Балтійскаго моря. Съ этого момента перипетіи Сѣверной войны начинаютъ постепенно все тѣснѣе и тѣснѣе переплетаться съ общимъ ходомъ европейскихъ событій; намѣчаются и два главные пункта на территоріи Балтійскаго побережья, которымъ суждено было стать яблокомъ раздора и перепутать всѣ счеты участниковъ этой войны между собою: остзейское побережье, съ одной стороны, шведскія владѣнія въ Германской имперіи — Западная Поммеранія, Бременъ и Верденъ, съ другой стороны. Пріобрѣтеніе всего остзейскаго побережья до Риги включительно дѣлается къ этому времени главною цѣлью Петра Великаго. Въ теченіе всего остального времени Сѣверной войны, однако, событія, имѣвшія мѣсто въ шведскихъ владѣніяхъ въ Германіи, имѣли гораздо больше значенія для развитія дипломатическихъ отношеній между Россіей и Европой, чѣмъ то положеніе дѣлъ, какое создавалось, одновременно съ этимъ, въ Лифляндіи и Курляндіи.

Крушеніе шведскаго могущества было событіемъ, затрагиваю-

и въ рецензіяхъ на исторію Карла XII Carlson'a и на „Собраніе трактатовъ" Мартенса (ibid. 1883 №№ 1, 2 и 1889 №№ 2, 3), обнаруживаетъ интересныя свѣдѣнія по исторіи Сѣверной войны, почерпнутыя изъ почти еще не тронутаго архивнаго матеріала, но не отлившіяся еще, къ сожалѣнію, въ печатномъ видѣ въ форму цѣльнаго изложенія. Сѣверной войны касается и Droysen въ „Gesch. d. preus. Politik" (Leipz. 1867, 69, 70), Th. IV Abt. 1, 2, 4. Для второй половины Сѣверной войны—важны: Herrmann, Peter der Grosse und Zarewitsch Alexei („Zeitgenoss. Berichte zur Gesch. Russlands" (Leipz. 1880, II), Carlson, Om fredsunderhandlingarna 1709—1718 (Stock. 1857), и Malmström, Sveriges Politiska Historia från Karl XII's död till 1772 (Stock. 1893). Большинство относящихся къ этому времени трактатовъ, договоровъ и т. п. — у Dumont, Corps diplomatique universelle (La-Haye MDCCXXX), vol. VIII, Мартенса и въ П. С. З. „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина" (10 томовъ, Спб. 1890—1902) даетъ чрезвычайно много интересныхъ свѣдѣній, но заставляетъ тѣмъ болѣе сѣтовать на крайне неудобную систему въ расположеніи матеріала. Томы XX, XXXIV, XXXIX, XL, XLIX и LXI „Сборника И. Р. И. О." содержатъ донесенія пословъ, бывшихъ въ то время въ Россіи, глав. образ., французскихъ и англійскихъ. Цѣнны также „Матеріалы для исторіи русскаго флота" (4 ч., Спб. 1865—1867) и мн. др. изданія. Мемуары гр. Бассевица (Eclaircissemens sur plusjeurs faits arrivés sous le regne de Pierre le grand, tirés des papiers du feu Comte H. F. de Bassewitz. — Büsching's Magasin, Th. IX)—требуютъ осторожнаго отношенія, но при такомъ условіи даютъ чрезвычайно много существенныхъ свѣдѣній. Нашъ очеркъ имѣетъ цѣлью лишь отмѣтить тѣ моменты въ ходѣ Сѣверной войны, подчеркнуть которые намъ казалось необходимымъ въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія.

щимъ интересы многихъ государствъ Средней Европы, которые не принимали прямого участія въ Сѣверной войнѣ. Остаться къ нему равнодушнымъ не могли ни Пруссія, ни Ганноверъ; первая — не считая законченнымъ своего дѣла въ Поммераніи, второй — давно уже имѣя виды на Бременъ и Верденъ. По соображеніямъ торговаго характера имъ должны были интересоваться Англія и отчасти Голландія *). Германскому императору, наконецъ, въ случаѣ, если бы Швеція перестала совершенно существовать, какъ государство, входящее въ составъ имперіи, предстояло опредѣлить свои отношенія къ новому положенію дѣлъ, создававшемуся въ Германіи. Занятыя войною за испанское наслѣдство, всѣ эти державы принуждены были, однако, оставаться нѣкоторое время пассивными зрителями того, какой оборотъ принимала борьба Швеціи и Россіи. Для тѣхъ же изъ нихъ, для которыхъ главный интересъ сосредоточивался въ данный моментъ на столкновеніи Бурбоновъ и Габсбурговъ, скорѣйшее окончаніе Сѣверной войны, отвлекавшей вниманіе Даніи, Саксоніи и Пруссіи отъ войны за испанское наслѣдство, представлялось наиболѣе желательнымъ. Локализировать пламя войны, не допустивъ его проникнуть въ германскія провинціи Швеціи, дѣлается, вслѣдствіе этого, главнымъ стремленіемъ Англіи, Голландіи и германскаго императора, результатомъ чего и было заключеніе въ Гаагѣ 31-го марта 1710 г. конвенціи, по которой три названныя державы гарантировали нейтралитетъ

---

*) Англія, какъ видно изъ писемъ кн. Б. Куракина, боялась, что съ пріобрѣтеніемъ гаваней на Балтійскомъ морѣ, Россія разовьетъ непосредственныя торговыя сношенія съ Любекомъ, Даніей, Франціей и Испаніей, что подорветъ перевозочную торговлю между названными странами и Балтійскимъ моремъ, бывшую до этого времени въ рукахъ англичанъ. Голландія хотя и боялась за свою торговлю съ Архангельскомъ, не смотрѣла, однако, такъ пессимистично на успѣхи Россіи на Балтійскомъ морѣ и даже надѣялась извлечь изъ нихъ для себя нѣкоторую выгоду. Голландію болѣе пугалъ переходъ *всѣхъ* лифляндскихъ и эстляндскихъ гаваней къ Россіи, въ чемъ она видѣла возвращеніе къ прежнему порядку вещей, когда эти гавани были сосредоточены въ рукахъ Швеціи; ей представлялся, поэтому, болѣе желательнымъ частью *раздѣлъ* этихъ гаваней между Россіей и Польшей, частью обращеніе ихъ въ вольные города, по образцу Данцига. Съ другой стороны, успѣхи Россіи въ Эстляндіи и Лифляндіи грозили созданіемъ на Балтійскомъ морѣ русскаго *военнаго* флота; возникала опасность, что Россія будетъ въ состояніи въ любое время отрѣзать подвозъ въ Англію и Голландію хлѣба и корабельныхъ матеріаловъ: лѣса, пеньки и т. п. (Арх. Кур. IV, 225; VII, 31, 41, 83).

Западной Поммераніи, Бремена и Вердена и датскихъ областей Ютландіи и Шлезвига *).

Гаагская конвенція о нейтралитетѣ была, какъ извѣстно, признана Петромъ Великимъ и его союзниками и не нарушалась въ теченіе 1710 г. Есть основанія, однако, предполагать, что Петру Великому уже со второй половины 1709 г. рисовался болѣе широкій планъ борьбы съ противникомъ, чѣмъ тотъ, какимъ пришлось ограничиться въ ближайшемъ будущемъ, планъ, имѣвшій своею цѣлью — распространеніе военныхъ дѣйствій на всѣ германскія провинціи Швеціи и привлеченіе къ Сѣверной войнѣ участниковъ войны за испанское наслѣдство — Англіи, Голландіи, Ганновера и Пруссіи.

Современное состояніе обнародованныхъ источниковъ не позволяетъ, къ сожалѣнію, возстановить болѣе или менѣе детально переговоры Россіи съ Пруссіей съ конца 1709 г. до половины 1710 г. Можно, тѣмъ не менѣе, предполагать, что уже во время маріенведерскаго свиданія, окончившагося заключеніемъ оборонительнаго союза, имѣлось первоначально въ виду заключеніе союза наступательнаго **). Болѣе рельефно, чѣмъ переговоры съ берлинскимъ дворомъ, обрисовываютъ отношеніе Петра Великаго къ Гаагской конвенціи дѣйствія за это время русской дипломатіи въ Гаагѣ и особенно — въ Ганноверѣ. Еще въ декабрѣ 1709 г. Матвѣевъ находилъ возможность подымать вопросъ о сохраненіи нейтралитета въ предѣлахъ Германской имперіи только въ томъ случаѣ, если обѣщаніе голландскаго правительства — приложить всѣ старанія, чтобы шведскія войска, находящіяся въ Поммераніи, не вторглись въ Польшу, Шлезвигъ или какую либо германскую провинцію — будетъ подтверждено формальною гарантіею со стороны какъ самой Голландіи, такъ и ея союзниковъ — Англіи и германскаго императора. Въ одномъ изъ своихъ болѣе раннихъ меморіаловъ онъ прямо указывалъ, что въ противномъ случаѣ

---

*) Dumont, VIII, 1; 249. Въ текстѣ этой конвенціи ясно проглядываетъ опасеніе, что Сѣверная война, распространившись въ предѣлы Германской имперіи, можетъ затормазить удачный ходъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Распространившійся къ этому времени слухъ объ упомянутомъ выше отступленіи арміи ген. Крассау могъ лишь поддерживать это опасеніе.

**) Нѣсколько позднѣе русское правительство продолжало выражать свое желаніе, чтобы маріенведерскому договору былъ приданъ наступательный характеръ. Соловьевъ IV, 1564; Droysen IV, 1; 349—350.

его царское величество... понуждены будутъ силою права и истины помянутаго своего непріятеля *повсюду* искать» *).

Уже изъ этого видно, что въ то время, какъ участники борьбы противъ Франціи поднимали вопросъ о нейтралитетѣ германскихъ провинцій Швеціи, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, гарантировать эти провинціи отъ вторженія въ нихъ русскихъ, датскихъ и польско-саксонскихъ войскъ, Петръ Великій старался воспользоваться этимъ нейтралитетомъ прежде всего, какъ средствомъ ослабить наступательныя силы своего противника. Съ другой стороны, еще за два мѣсяца до того, какъ Матвѣевъ подалъ въ Гаагѣ свой меморіалъ 21 дек. 1709 г., кн. Б. Куракину было предписано склонять курфюрста ганноверскаго къ оборонительному и *наступательному* союзу противъ Швеціи, указывая при этомъ на опасность для Ганновера близкаго сосѣдства этой послѣдней въ Бременѣ и Верденѣ **). Лишь послѣ того, какъ разговоръ Куракина съ Берисдорфомъ, происходившій 21 ноября 1709 г., ясно показалъ, что разсчитывать на привлеченіе Ганновера къ наступательному союзу нельзя, Куракинъ понизилъ свои требованія и въ силу данной ему инструкціи завелъ рѣчь объ одномъ лишь оборонительномъ союзѣ ***). Переговоры Матвѣева въ Гаагѣ переплетались съ переговорами Польши и Даніи, приведшими въ концѣ концовъ къ Гаагской конвенціи; переговоры Б. Куракина въ Ганноверѣ закончились русско-ганноверскимъ трактатомъ 3 іюля 1710 г. ****); являясь формально дополненіемъ названной конвенціи, этотъ трактатъ вноситъ уже въ нее нѣкоторыя видоизмѣненія и оговорки.

Подъ условіемъ, что «Швецкія въ принадлежащихъ коронѣ швецкой германскихъ провинціяхъ обрѣтающіяся войска изъ оныхъ или иныхъ сосѣднихъ къ Римской имперіи принадлежащихъ провинцій, противу Е. Ц. Вел. или его союзниковъ ничего непріятельскаго предпринимать не будутъ», Россія за себя и за своихъ союзниковъ обязывалась признавать нейтралитетъ германскихъ провинцій Швеціи, оговаривая, однако, при этомъ, что подъ этими послѣдними подразумѣвается, главнымъ об-

*) Меморіалы Матвѣева отъ 21-го декабря и 1-го декабря 1709 г. ст. ст.—Архивъ Куракина II, 195 слѣд. и 242 слѣд.

**) Мартенсъ V, 71 и слѣд.

***) Инструкція кн. Б. Куракину 23 окт. 1709 г. дан. въ Маріенведерѣ. Арх. Кур., II, 22.

****) Арх. Кур. II, 188.

разомъ, Поммеранія и не упоминая прямо о Бременѣ и Верденѣ. Съ другой стороны, стремленіе ганноверскаго правительства оговорить ссылкою на «сочиняющееся нынѣ въ Гаагѣ согласіе свое обязательство содѣйствовать, чтобы «короли датскій и польскій не были тревожимы въ ихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ», было встрѣчено съ русской стороны во время переговоровъ несочувственно и не было внесено въ окончательный текстъ договора *). Словомъ, было приложено старапіе поставить договоръ, долженствовавшій дополнить Гаагскую конвенцію о нейтралитетѣ, въ возможно меньшую связь съ этой послѣдней и не столько подкрѣпить ее, сколько предусмотрѣть возможность ея нарушенія. Случай къ этому представился, какъ извѣстно, довольно скоро.

Къ ноябрю 1710 г. Карлъ XII, находившійся въ Турціи, протестовалъ противъ Гаагской конвенціи послѣ того, какъ ему удалось склонить Порту къ войнѣ съ Россіей **). Уже съ этого момента нейтралитетъ шведскихъ провинцій въ Германіи разсматривался Россіей, какъ нарушенный, а усиленіе корпуса Крассау, находившагося къ тому времени въ Поммераніи, создавало удобный поводъ для введенія въ эти провинціи союзныхъ войскъ. Немедленному приведенію этого намѣренія въ исполненіе мѣшала только турецкая война. 12 іюля 1711 г. былъ заключенъ миръ съ Портою, а въ первыхъ числахъ августа соединенныя русскія, польскія и саксонскія войска перешли уже прусскія владѣнія, соединились около Стрелица съ датскою арміей и вступивъ въ Поммеранію, начали осаду Висмара и Штральзунда. Одна часть плана, замышлявшагося еще съ 1709 г., была приведена, такимъ образомъ, въ исполненіе, и шведскія владѣнія въ Германіи дѣлались театромъ военныхъ дѣйствій. Мысль о томъ, чтобы привлечь къ борьбѣ со Швеціей новыхъ союзниковъ также не покидала и теперь русское правительство. Его вниманіе обращается теперь на Англію и, попрежнему, на Голландію.

Готовый, повидимому, удовлетвориться первое время согласіемъ

*) Первоначальные проекты русско-ганноверскаго договора помѣщены въ Архивѣ Куракина, т. II, стр. 231 (ганноверскій проектъ) и 267 (русскій проектъ). Какъ видно изъ редакціи § 4 послѣдняго проекта, русское правительство пыталось даже разсматривать возможность нарушенія съ шведской стороны нейтралитета, какъ casus belli для Ганновера противъ Швеціи. Эта попытка успѣха не имѣла.

**) О связи этихъ двухъ событій между собою—Carlson 14.

Англіи на сохраненіе строгаго нейтралитета, Петръ Великій съ 1711 г. начинаетъ настаивать на ея активномъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Зорко слѣдя за малѣйшимъ передвиженіемъ шведскихъ войскъ изъ Поммераніи въ Бременскую провинцію еще до заключенія Гаагской конвенціи, съ января 1711 г. онъ выражаетъ желаніе, чтобы Англія ввела корпусъ своихъ войскъ для охраненія нейтралитета въ германскія владѣнія Швеціи *). Къ апрѣлю того же года онъ считаетъ уже, что «на то нейтральство упованіе полагать по всѣмъ обстоятельствамъ невозможно» и требуетъ, чтобы державы, гарантировавшія нейтралитетъ, не препятствовали ему и его союзникамъ дѣйствовать согласно заключенному между ними союзу и не приняли бы то за противность, «ибо не царское величество съ своими союзниками то нейтральство, но король свейскій черезъ ту свою декларацію... дѣйствительно уже нарушилъ» **). Наконецъ 21 апрѣля кн. Б. Куракинъ подаетъ въ Лондонѣ статсъ-секретарю Сенъ-Джонсу (лорду Болинброку) пространное разсужденіе о современномъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Искусно играя на желаніи Англіи окончить прежде всего войну съ Франціей, что и было, какъ мы уже видѣли, одною изъ побудительныхъ причинъ къ заключенію Гаагской конвенціи, Куракинъ соглашается, что войну съ Франціей надо продолжать, но доказываетъ, что главная опасность грозитъ не столько со стороны самой Франціи, сколько со стороны ея сѣверной союзницы — Швеціи. Пока не будетъ сломлено могущество послѣдней, нельзя разсчитывать на успѣшное окончаніе войны за испанское наслѣдство. Выводъ изъ этого яснѣ самъ собою: интересы самой Англіи требуютъ перенесенія военныхъ дѣйствій изъ Фландріи въ Поммеранію и ея вступленія въ союзъ съ Польшей, Даніей и Россіей ***).

*) Разговоръ Б. Куракина съ Бернсдорфомъ 4 янв. 1710 г.—Арх. Кур. II, 197—199. Оправданіемъ требованія вооруженнаго содѣйствія со стороны Англіи и отправки корпуса англійскихъ войскъ въ Поммеранію могла служить такъ называемая вторая гаагская конвенція 4 мая (23 апр.) 1710 г., по которой державы, гарантировавшія нейтралитетъ, обязывались выставить въ сѣверной Германіи союзный обсерваціонный корпусъ. Erdmannsdörffer II, 310).

**) Г. И. Головкинъ кн. Б. Куракину 12 апр. 1711 г.—Арх. Кур. IV, 395.

***) „Разсужденія кн. Б. Куракина, которыя онъ сообщилъ статскому секретарю Санте-Джону о состоянія дѣла въ Европѣ. 1711 г. апрѣля 21 (мая 2-го) Лондонъ“—Арх. Курак. IV, 405—410 (на франц. яз.). Настоящее

Всѣ эти старанія не имѣли, однако, желаемаго результата, и Англія, попрежнему, сохраняла свое нейтральное положеніе по отношенію къ сѣвернымъ державамъ и событіямъ. Той же политики и столь же безуспѣшно придерживался Петръ Великій за это время и по отношенію къ Голландіи, напирая при этомъ, главнымъ образомъ, на торговые интересы послѣдней на Балтійскомъ морѣ *). Безуспѣшными остались, наконецъ, и его новыя попытки склонить къ активному вмѣшательству въ войну Пруссію, продолжавшую держаться строгаго нейтралитета между Швеціей и ея противниками **). Вторая часть давно задуманнаго плана—привлеченіе новыхъ союзниковъ къ борьбѣ со Швеціей оставалась, такимъ образомъ, попрежнему невыполненной, и вступивъ въ Поммеранію, русскія войска вели кампанію 1711 и ближайшихъ слѣдующихъ годовъ совмѣстно съ одними своими старыми союзниками—датчанами, саксонцами и поляками.

Какую конечную цѣль преслѣдовалъ Петръ Великій, перенося

разсужденіе—цѣнный документъ, характеризующій какъ виды и намѣренія русскаго правительства, такъ—думаемъ—и самого кн. Б. Куракина, выдающагося русскаго дипломата нач. XVIII вѣка. Приложеннымъ переводомъ „разсужденія" на русскій языкъ надо пользоваться съ осторожностью, какъ не вездѣ точнымъ и допускающимъ отступленія отъ текста въ существенныхъ его частяхъ. Другія данныя, касающіяся настоящаго вопроса—ibid. IV, 317, 325—329, 359 и 363. Въ противоположность этому сравн. инструкцію Куракину отъ 23 окт. 1709 г., въ которой предписывалось увѣрять англійское правительство, что царь не имѣетъ въ виду создавать сильный военный флотъ на Балтійскомъ морѣ и что его желаніе—установить правильныя торговыя сношенія между Англіей и Россіей. Въ этой инструкціи еще ничего не говорилось о желательности участія Англіи въ Сѣверной войнѣ.—ibid. II, 22 слѣд.

*) Можно думать, что еще въ апрѣлѣ 1711 г. Петръ Великій обращался къ Голландіи съ тѣми же требованіями, какія онъ предъявлялъ въ это время къ Англіи; см. „Resolution de L. H. P. les Etats Generaux des provinces unies des Pais Bas en reponse à une Lettre du Czar, qui demandait que le Corps des Trouppes de la Neutralité put se joindre incessament aux siennes. 15 juin 1711.—Dumont VIII, 1; 273. (Изъ текста документа узнаемъ, что это—отвѣтъ на письмо царя „ecrite de Iawarow le 29 avril passé"). Уже послѣ того, какъ русскія войска вступили въ Поммеранію, Петръ Великій въ декабрѣ 1712 г. предлагалъ Штатамъ послать военную эскадру въ Балтійское море для охраненія голландскихъ торговыхъ судовъ; въ срединѣ 1713 г. онъ уже строилъ планы на этомъ проектѣ союза съ Голландіей, хотя и придавалъ ему лишь оборонительный характеръ.—Арх. Кур. V, 139 и VI, 47—50.

**) Droysen IV, 1; 421, а также 382, 391—392.

военныя дѣйствія въ шведскія владѣнія въ Германіи? Источники не даютъ намъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Можетъ быть, имѣлась въ виду лишь диверсія, которая отвлекла бы силы шведовъ и помѣшала бы имъ отразить нападеніе русскихъ со стороны Финляндіи, какъ думаетъ Дройзенъ *). Ничто, не говоритъ противъ этого взгляда. Можетъ быть, однако, преслѣдовалась и болѣе рѣшительная цѣль, которую, какъ намъ кажется, вѣрно опредѣлилъ современникъ событій, лордъ Болинброкъ, находившій, что конечною цѣлью союзниковъ является «выжить шведскаго короля изъ нѣмецкой земли». «Это ужъ слишкомъ!» восклицалъ онъ при этомъ **). На подобной мысли могъ останавливаться Петръ Великій какъ въ силу своихъ непосредственныхъ интересовъ, такъ и въ силу необходимости подумать о будущемъ удовлетвореніи своихъ союзниковъ въ борьбѣ со Швеціей. Шведскія владѣнія въ Германіи—о. Рюгенъ, Поммеранія, Бременъ и Верденъ—сравнительно недавно еще перешли подъ власть шведской короны, и въ то же время составляли давнишнюю цѣль завѣтныхъ мечтаній сосѣднихъ державъ—Пруссіи, Ганновера и Даніи. Здѣсь, въ сѣверной Германіи, союзники могли найти богатое вознагражденіе за военныя протори и въ дѣлежѣ этой добычи забыть на время о Россіи. Обратить ихъ вниманіе на эту добычу уже въ силу одного этого было выгодно для Петра Великаго, разъ онъ хотѣлъ предоставить самому себѣ больше свободы тамъ, гдѣ онъ могъ преслѣдовать дѣйствительно цѣли территоріальнаго пріобрѣтенія—на остзейскомъ побережьѣ. Съ другой стороны, шведскія владѣнія въ Германіи и смежныя съ ними владѣнія герцоговъ голштинскаго и мекленбургскаго и курфюрста ганноверскаго, представляли изъ себя область, имѣвшую въ то время существенное значеніе въ торговомъ отношеніи. Нижнимъ теченіемъ Эльбы и цѣлою системою озеръ здѣсь создается удобное сообщеніе между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями, подготовляется естественный выходъ въ океанъ, освобождавшій въ то же время отъ необходимости уплачивать пошлину съ торговыхъ кораблей въ Зундѣ, которую взимала Данія. Стремясь къ Балтійскому морю по соображеніямъ не только политическаго, но и торговаго характера, Петръ Великій не могъ не задумываться надъ мыслью о свободномъ выходѣ въ океанъ для Россіи. Въ силу торговыхъ интересовъ его государства

*) Droysen IV, 1: 426.
**) Соловьевъ IV, 304.

для него представляло существенное значеніе заручиться правомъ голоса на случай какихъ-либо территоріальныхъ передѣловъ въ сѣверной Германіи, и это заставляло его не только заботиться о привлеченіи къ войнѣ новыхъ союзниковъ, но и объ активномъ участіи Россіи въ военныхъ дѣйствіяхъ въ германскихъ владѣніяхъ Швеціи. Въ *такомъ* смыслѣ война въ Поммераніи могла помочь ему «стать надолго твердою ногою» въ своихъ завоеваніяхъ; не надо только предполагать, что онъ преслѣдовалъ цѣли территоріальнаго пріобрѣтенія повсюду, гдѣ ни появлялись русскія войска, какъ склоненъ, кажется, думать Erdmannsdörffer и, для нѣсколько болѣе поздняго времени, Droysen *).

Каковы бы ни были конечныя цѣли Петра Великаго при вторженіи въ Поммеранію, ближайшимъ результатомъ кампаніи 1711, 1712 и начала 1713 гг. было ухудшеніе отношеній между Россіей и ея союзниками, главнымъ образомъ, Даніей. Насколько можно судить изъ тѣхъ пунктовъ, которые Петръ Великій намѣтилъ передъ своими союзниками, планъ его сводился къ тому, чтобы сосредоточить военныя дѣйствія въ Поммераніи, стянувъ главныя силы, къ Штральзунду, который прикрывалъ сообщеніе съ Рюгеномъ, и слѣдовательно облегчалъ доступъ противнику изъ Скандинавскаго полуострова. Провинціями Бременомъ и Верденомъ предполагалось воспользоваться, по прежнему, какъ приманкою для вовлеченія въ войну ганноверскаго курфюрста (мысль объ этомъ не забывалась), «чтобъ въ будущей кампаніи Ганноверскій дворъ не мѣшалъ, а помогалъ (именно при дворѣ Англійскомъ)» **). Этотъ планъ встрѣтилъ, однако, видимое несочувствіе со стороны датчанъ. Изъ шведскихъ владѣній въ Германіи ихъ собственные виды были обращены главнымъ образомъ, на тѣ же Бременъ и Верденъ, гдѣ къ сентябрю 1712 г. ими былъ занятъ лежащій при устьяхъ Эльбы Штаде. Успѣхи датчанъ не только шли въ данномъ случаѣ въ разрѣзъ въ цѣлями Петра, но и отражались неблагопріятно на ходѣ дѣйствій въ самой Поммераніи, гдѣ особенно затянулась осада Штральзунда. Осада эта могла имѣть успѣшный результатъ только въ случаѣ прикрытія съ моря о. Рюгена, что возлагалось на

---

*) Erdmanns. II 309, и 322; Droysen IV, 2; 146.

**) Позаботиться объ этомъ было вполнѣ своевременно, такъ какъ въ Лондонѣ, какъ и въ Берлинѣ, начинали уже съ безпокойствомъ слѣдить за тѣмъ, что происходило въ Поммераніи. Соловьевъ IV, 303 (здѣсь же и планъ кампаніи на 1711 г.): Erdmannsdörffer II; 321.

обязанность датскаго флота. Датскій флотъ явился лишь къ сентябрю, когда шведскій генералъ Штейнбокъ успѣлъ уже сдѣлать дессантъ, принудилъ армію Меншикова отступить за Одеръ и началъ свое наступательное движеніе на Мекленбургъ противъ сухопутныхъ войскъ датчанъ, которыя и были имъ разбиты при Гадебушѣ (дек. 1712 г.).

Только послѣ того, какъ русско-польскимъ войскамъ удалось оттѣснить армію Штейнбока въ Шлезвигъ, гдѣ она и нашла себѣ убѣжище въ крѣпости Тённингенѣ, союзники начали снова переходить въ наступательное положеніе *). Но теперь война уже вышла изъ предѣловъ Помераніи и распространилась по всему Балтійскому побережью, захвативъ не только шведскія владѣнія, но и земли родственнаго шведскому королевскому дому герцога голштинскаго. Это послѣднее обстоятельство положило начало коренному измѣненію во взаимоотношеніяхъ державъ, заинтересованныхъ въ борьбѣ со Швеціей, и опредѣлило, въ значительной степени, весь дальнѣйшій ходъ Сѣверной войны. Нашедшая убѣжище въ Тённингенѣ и осажденная тамъ русскими и польскими войсками, армія Штейнбока была послѣдней арміей, которою располагала Швеція въ Германіи. Лишенная ея, Швеція переставала быть страшной для своихъ противниковъ, и вопросъ о дѣлежѣ ея германскихъ провинцій выступалъ все болѣе и болѣе на очередь. Опасность сдѣлаться военною добычею побѣдителей грозила, однако, уже не однимъ шведскимъ владѣніямъ въ Германіи.

Вступленіе Штейнбока въ Тённингенъ было сочтено за нарушеніе герцогомъ голштинскимъ нейтралитета 1710 г., который распространялся и на Шлезвигъ; датскія войска заняли шлезвигъ-голштинскія земли и приняли участіе въ осадѣ Тённингена, что повлекло за собою оживленіе старой датско-голштинской распри, обусловленной династическими и территоріальными счетами. Создавался шлезвигъ-голштинскій вопросъ, осложнившій собою ходъ борьбы противъ Швеціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникалъ новый факторъ въ сѣверныхъ дипломатическихъ отношеніяхъ — самостоятельная голштинская политика, преслѣдовавшая свои собственныя цѣли, отличныя какъ отъ интересовъ Швеціи, такъ и отъ стремленій ея противниковъ. Эта политика получила скоро общеевропейское значеніе, способствовала позднѣе охлажденію отношеній между Россіей и ея союзниками и создала почву для сближенія Петра Ве-

*) Erdmannsdörffer II, 323.

ликаго со Швеціей; на первыхъ порахъ она косвенно содѣйствовала вмѣшательству въ Сѣверную войну Пруссіи и Ганновера. Въ описываемое нами время вдохновителемъ этой политики явился голштинскій министръ баронъ Герцъ.

Къ 1713 г. нѣсколько разъ уже поднимался вопросъ о примиреніи Швеціи съ ея противниками; поднимался этотъ вопросъ и на происходившемъ въ то время конгрессѣ въ Утрехтѣ, гдѣ и было выработано по этому поводу нѣсколько проектовъ. Радѣя, главнымъ образомъ, о голштинскихъ интересахъ, но стараясь придать имъ окраску общеевропейскаго дѣла, Герцъ пошелъ навстрѣчу всѣмъ этимъ проектамъ и выдвинулъ идею раздѣла балтійскаго побережья, построивъ на этомъ свой собственный планъ разрѣшенія шлезвигскаго вопроса *).

Планъ его, имѣвшій прежде всего въ виду освобожденіе Шлезвига и Голштиніи отъ датскихъ войскъ, принялъ вслѣдствіе этого характеръ обширнаго проекта примиренія сѣверныхъ державъ между собою. Къ Россіи, по этому плану, должны были отойти Эстляндія, Ингрія, Корелія и Выборгъ, къ Даніи — Висмаръ и Бременъ, къ Польшѣ—Лифляндія; Августу II, какъ курфюрсту саксонскому, предназначался Штеттинъ и все, что будетъ занято въ Помераніи. Выполненіе этого плана Герцъ считалъ, однако, возможнымъ только при условіи удаленія со шведскаго престола Карла XII и передачи шведской короны его племяннику, герцогу голштинскому Карлу-Фридриху. Чтобы расположить въ пользу послѣдняго общественное мнѣніе въ Швеціи, онъ находилъ необходимымъ, чтобы союзники согласились на пропускъ арміи Штейнбока, которая должна была капитулировать, въ Швецію, на возстановленіе нейтралитета въ шведскихъ владѣніяхъ въ Германіи и на реституцію герцогскихъ владѣній въ Шлезвигѣ и Голштиніи. Разрѣшеніе дипломатическаго осложненія, вызвавшаго къ жизни шлезвигскій вопросъ, входило, такимъ образомъ, лишь какъ одна изъ составныхъ частей въ первоначальный планъ Герца и расматривалось прежде всего, какъ средство для упроченія голштинской династіи въ Швеціи. Голштинская политика на первыхъ же порахъ принимала характеръ опасной игры, результаты которой трудно было предугадать. Пускалась въ оборотъ мысль о возможности самыхъ различныхъ комбинацій при дѣлежѣ шведскихъ

*) Арх. Кур. VII, 28, 29, 46, 47—50, 61—67, 71, 77—79.

владѣній, а одновременно съ этимъ была сдѣлана попытка заручиться сочувственнымъ отношеніемъ ко всѣмъ этимъ планамъ и со стороны главнаго противника Швеціи—Россіи. Вѣрно понимая значеніе, какое могли пріобрѣсти въ будущемъ сѣверногерманскія области для русской торговли, Герцъ заводилъ съ Меншиковымъ особые переговоры и указывалъ на возможность прорытія канала черезъ Шлезвигъ, который соединилъ бы Балтійское море съ Нѣмецкимъ, и на желательность брачнаго союза между герцогомъ голштинскимъ и старшею дочерью царя, Анною Петровною *).

Нежеланіе Даніи очистить Шлезвигъ было, какъ кажется, главною причиною, почему предложенія Герца не были приняты союзниками. Въ его умѣ зарождается тогда мысль о привлеченіи къ разрѣшенію голштинскаго вопроса берлинскаго двора, куда и былъ посланъ гр. Бассевицъ. Напередъ, однако, можно было сказать, что планъ, по которому курфюрстъ саксонскій долженъ былъ получить шведскую Поммеранію, врядъ ли могъ найти сочувствіе въ Берлинѣ. Герцъ потерпѣлъ неудачу, а между тѣмъ обстоятельства складывались такъ, что опасность снова начинала грозить не только владѣніямъ герцога голштинскаго, но и германскимъ провинціямъ Швеціи, отъ которыхъ вниманіе союзниковъ временно было отвлечено осадою Тённингена. Въ маѣ 1713 г. Штейнбокъ капитулировалъ, но его капитуляція не повлекла за собою очищенія Шлезвига отъ датскихъ войскъ, которыя продолжали пребывать подъ Тённингеномъ. Одновременно съ этимъ русскія и саксонскія войска двинулись въ Поммеранію. Результатомъ этого было вторичное обращеніе Герца къ берлинскому двору, гдѣ къ этому времени точно также произошли значительныя перемѣны.

Въ февралѣ 1713 г. умеръ Фридрихъ I, и на прусскій престолъ вступилъ сынъ его Фридрихъ-Вильгельмъ I. Новый король болѣе энергично преслѣдовалъ какъ въ своей внутрен-

*) Свой планъ Герцъ развилъ на совѣщаніяхъ въ Гузумѣ съ предводителями союзныхъ войскъ, а также въ разговорѣ съ Петромъ Великимъ при личномъ свиданіи съ нимъ въ Ганноверѣ. Мы узнаемъ объ этомъ планѣ изъ „Eclaircissemens...“, (стр. 285 и 286) и изъ сообщенія Шлиппенбаха, которое цитируетъ Дройзенъ (IV, 2; 44—47). Только во второмъ изъ этихъ источниковъ сообщается о проектѣ раздѣла Балтійскаго побережья; зато въ „Eclaircissemens...“—указаніе на мысль Герца о голштинскомъ наслѣдованіи въ Швеціи, необходимое для яснаго пониманія голштинскихъ происковъ въ болѣе позднее время.

ней, такъ и во внѣшней политикѣ реальные интересы Пруссіи, остававшіеся въ нѣкоторомъ забвеніи въ годы царствованія его отца. Неодобрительно относясь, еще будучи кронпринцемъ, къ участію Пруссіи въ войнѣ за испанское наслѣдство, Фридрихъ-Вильгельмъ I ясно сознавалъ необходимость рѣшительно опредѣлить свое отношеніе къ событіямъ, разыгрывавшимся на сѣверѣ Германіи. Къ апрѣлю 1713 г. былъ заключенъ Утрехтскій миръ, война за испанское наслѣдство могла считаться оконченной, прусскія войска вернулись изъ Бельгіи, и передъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ открывалась возможность начать проведеніе самостоятельной политики. Это было вѣрно понято Герцомъ; не отчаяваясь отъ испытанной однажды неудачи, онъ рѣшилъ еще разъ попытать счастья, предложивъ берлинскому двору на этотъ разъ болѣе выгодныя условія.

Новый проектъ Герца имѣлъ, повидимому, форму договора между герцогомъ голштинскимъ и королемъ прусскимъ, почему въ немъ и не упоминалось уже о будущемъ дѣлежѣ шведскихъ владѣній между союзниками, но зато гораздо опредѣленнѣе говорилось о тѣхъ выгодахъ, какія могла получить отъ подобнаго договора Пруссія. За помощь герцогу какъ въ дѣлѣ реституціи его голштинскихъ владѣній, такъ и въ дѣлѣ достиженія имъ шведскаго престола и за стараніе склонить на его сторону Англію, Ганноверъ и Данію, Пруссіи предлагалось взять въ секвестръ *всю* шведскую Поммеранію до Висмара включительно. Въ случаѣ же полученія герцогомъ шведскаго престола она могла разсчитывать на переходъ къ ней Поммераніи до р. Пэне съ г. Штеттиномъ въ полную собственность. Переговоры Герца съ Пруссіей и привели къ голштинско-прусскому договору о секвестраціи 22-го іюня 1713 г., при чемъ для Пруссіи центръ тяжести переговоровъ лежалъ, очевидно, въ секвестраціи Поммераніи, какъ въ первомъ шагѣ къ полному пріобрѣтенію этой провинціи, для Герца—въ возможности принудить Данію отказаться отъ Шлезвига и въ открывавшейся въ будущемъ надеждѣ упрочить голштинскую династію въ Швеціи *). Этому договору суждено было, однако, принять такую форму, которая врядъ ли могла быть желательна для его творца.

*) Dumont VIII, 392. Въ окончательную редакцію трактата пунктъ о шведскомъ престолѣ не вошелъ. Содержаніе второго проекта Герца, легшаго въ основу іюньскаго договора—Droysen IV, 2; 47.

Происки Герца при прусскомъ дворѣ и тотъ характеръ, какой получили переговоры Бассевица въ Берлинѣ, не могли входить въ разсчеты русскаго правительства, и для противодѣйствія этимъ переговорамъ въ Берлинъ былъ посланъ гр. А. Головкинъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I довольно скоро выразилъ свое согласіе вести переговоры о секвестраціи Поммераніи при участіи Россіи, что было непріятною неожиданностью для голштинскихъ министровъ; такою же неожиданностью было, впрочемъ, и для русскаго правительства узнать, что вся предшествующая политика Герца велась съ вѣдома главнокомандующаго русскою арміею въ Поммераніи. Здѣсь лежало зерно разногласія во взглядѣ на современное положеніе дѣлъ между отдѣльными приближенными Петра Великаго. Голштинскіе происки на первыхъ же порахъ были встрѣчены недовѣрчиво русскою офиціальною дипломатіей, которая находила рискованнымъ связывать съ ними свое дѣло на Балтійскомъ морѣ. Меншиковъ одинъ не прочь былъ поддержать Герца въ его планахъ. Онъ больше, чѣмъ другіе предводители союзныхъ войскъ, былъ въ курсѣ этихъ плановъ; ему одному, какъ мы видѣли выше, открылъ Герцъ сокровенныя подробности своего проекта, въ которыя, повидимому, не былъ посвященъ даже самъ царь, и сообщая объ этомъ, Бассевицъ довольно прозрачно указываетъ, что эти подробности могли быть заманчивы не только для русскаго правительства, но и лично для Меншикова: каналъ черезъ Шлезвигъ сулилъ выгоды какъ русской торговли, такъ и самому свѣтлѣйшему, которому, очевидно, было бы поручено завѣдывать его прорытіемъ *).

Какъ ни неожиданно было для русскаго правительства извѣстіе о томъ, что Меншиковъ — въ курсѣ происковъ Герца, состояніе дѣлъ не позволяло обойтись безъ него въ дальнѣйшихъ переговорахъ о секвестраціи. Эти переговоры велись даже не столько черезъ А. Головкина, сколько черезъ свѣтлѣйшаго, и имѣли своимъ результатомъ на первыхъ порахъ заключенный имъ отъ своего имени въ Шведтѣ договоръ съ Пруссіей (6 октября 1713 г.), которымъ должны были опредѣляться условія секвестраціи Поммераніи взамѣнъ не терявшаго еще своего реальнаго значенія прусско-гольштинскаго договора 6 іюня 1713. Личныя отношенія свѣтлѣйшаго князя къ голштинскимъ интересамъ, какъ видно изъ шведтскаго договора, не заслоняли еще въ то время въ его умѣ

*) „Eclaircissemens...“, 286.

соображеній о государственной пользѣ. По новому договору, обѣщавшему Пруссіи въ будущемъ точно такъ же, какъ и договоръ 6 іюня 1713 г., Поммеранію до р. Пэне, секвестръ распространялся не только на Штеттинъ и Висмаръ, но и на о. Рюгенъ и Штральзундъ, которые, по § 5 предыдущаго договора, прусскій король совмѣстно съ герцогомъ-администраторомъ голштинскимъ обязывался защищать отъ нападенія союзниковъ. Секвестрація всѣхъ названныхъ областей сводилась къ занятію укрѣпленныхъ пунктовъ одними прусскими гарнизонами безъ участія голштинскихъ. Обѣщавшій, по § 7 договора 6 іюня 1713 г., свое содѣйствіе къ заключенію мира на возможно болѣе выгодныхъ—очевидно для Швеціи—условіяхъ, прусскій король давалъ по новому договору цѣлый рядъ обѣщаній, столь явно клонившихся къ выгодѣ союзниковъ, что оговорка о сохраненіи Пруссіей своего нейтралитета должна была казаться послѣ этого простою фразою, употребленною лишь для соблюденія внѣшняго приличія *).

Само русское правительство къ секвестру Поммераніи Пруссіей, даже въ той формѣ, на которую пошелъ Меншиковъ, отнеслось, однако, далеко не благосклонно. Голштинскіе происки въ Берлинѣ давно уже безпокоили Данію **), и это безпокойство могло повлечь за собою ея охлажденіе къ Россіи, что вовсе не входило въ соображенія Петра Великаго, разсчитывавшаго на 1714 г. на помощь Даніи, въ видѣ дессанта въ Сконе, во время его собственныхъ дѣйствій противъ Швеціи въ Финляндіи ***). Русское правительство открыто заявило о своемъ неудовольствіи на заключеніе прусско-голштинскаго договора, и указывало на предосудительность для своихъ интересовъ §§ 2, 5 и 8 этого договора, т.е. именно тѣхъ, которые были наиболѣе выгодны для герцога голштинскаго. Изъ Берлина отвѣчали на это увѣреніемъ, что болѣе поздній договоръ eo ipso упраздняетъ противорѣчащіе

---

*) Мартенсъ V, 88—104; ходъ переговоровъ- Соловьевъ IV, 311—18.

**) Письма за 1713 г. кн. Б. Куракина (Арх. Кур. IX passim.) Еще въ іюнѣ 1713 г. онъ предупреждалъ Головкина, что прусскій секвестръ Поммераніи будетъ непріятенъ Даніи (ibid. 29). Какъ видно изъ протокола происходившей въ Копенгагенѣ конференціи датскихъ министровъ съ Долгорукимъ 28 окт. 1713, Данію особенно безпокоила секвестрація Штеттина и Висмара и русскому послу прямо былъ поставленъ вопросъ--какъ будетъ держать себя Россія въ случаѣ датско-прусскаго разрыва (ibid. VIII, 49—57).

***) Droysen IV, 2; 80.

ему пункты договора болѣе ранняго *). Пруссія втягивалась постепенно въ Сѣверную войну, но голштинскіе интересы отступали при этомъ все болѣе и болѣе на задній планъ **). Попытки склонить на сторону герцога самое Россію, что выразилось въ посылкѣ въ С.-Петербургъ кабинетъ-секретаря Пегелина и гр. Бассевица, успѣха не имѣли, а въ то же время переговоры русскаго правительства съ Берлиномъ шли своимъ чередомъ, и къ половинѣ 1714 г. вмѣсто ратификаціи шведтскаго трактата мы видимъ заключеніе самостоятельнаго союзнаго договора между Россіей и Пруссіей, въ которомъ не упоминалось уже ни слова ни о секвестраціи Помераніи, ни о реституціи Шлезвига, но зато давалось взаимное обѣщаніе: со стороны царя—выхлопотать Пруссіи при заключеніи мира со Швеціей Померанію до р. Пэне, со стороны прусскаго короля—содѣйствовать царю въ пріобрѣтеніи Ингріи, Кореліи и Эстляндія **).

Пруссія покидала, такимъ образомъ, ту нейтральную позицію, которую хотѣлъ сохранить Фридрихъ-Вильгельмъ и не вступая еще прямо въ ряды участниковъ Сѣверной войны, начинала сближаться не со Швеціей, но съ ея противниками. Этому содѣйствовали, помимо его собственнаго желанія, голштинскіе происки Герца: косвеннымъ образомъ эти происки были причиною и вмѣшательства въ концѣ 1715 г. въ Сѣверную войну Ганновера, правитель котораго занялъ къ этому времени англійскій престолъ. Послѣднее событіе, имѣвшее существенное значеніе въ общемъ ходѣ европейской исторіи, оказало рѣшающее вліяніе и на весь послѣдующій ходъ борьбы сѣверно-европейской коалиціи противъ Швеціи.

По соображеніямъ торговаго характера Англія всегда желала, какъ было уже сказано выше, возможно скорѣйшаго окончанія Сѣверной войны. Ее пугалъ какъ ростъ русскаго могущества на Балтійскомъ морѣ, такъ и та неизвѣстность, въ какой оставался вопросъ о будущей судьбѣ ея собственной торговли съ Россіей. Стремленіе создать преграду увеличивающемуся могуществу Россіи нерѣдко проглядываетъ въ англійской политикѣ 1709—1714 г. Не разъ старалась Англія склонить союзниковъ Россіи, и прежде всего Данію, къ сепаратному миру со Швеціей; не разъ пыталась она найти благовидный предлогъ для посылки своей эскадры въ

*) Арх. Кур. IX, 214—217; Droysen IV, 2; 81.
**) Мартенсъ V, 112 и слѣд.

Балтійское море, чтобы слѣдить за дѣйствіями Россіи, и тщетно склоняла къ этому Голландію *). Всѣ эти попытки носили, однако, довольно осторожный характеръ. Болѣе рѣшительныя, хотя далеко еще не направленныя прямо противъ Россіи, предпринимались въ это время въ Ганноверѣ, привлечь который къ Сѣверной войнѣ давно старался, какъ мы уже знаемъ, Петръ Великій, и который, начиная съ XVIII вѣка, и безъ того уже рѣшительно вступаетъ на путь аггресивной политики. Созданіе изъ Ганновера крупной германской державы, которая могла бы по своему вліянію въ имперіи соперничать съ возвышавшейся Пруссіей; такова была цѣль этой политики, представителемъ которой являлся въ данное время министръ курфюрста Георга Готлибъ фонъ-Бернсдорфъ, увлеченный идеей величія вольфенбютельскаго дома и относившійся съ нескрываемою враждою къ усиленію Гогенцоллерновъ **). Руководствуясь подобными взглядами, ганноверское правительство не могло оставаться безучастнымъ, разъ дѣло доходило до вопроса о раздѣлѣ германскихъ владѣній Швеціи, и смежные съ Ганноверомъ Бременъ и Верденъ, открывавшіе выходъ къ морю, давно уже были завѣтною мечтою ганноверской дипломатіи ***).

Избранный на англійскій престолъ, ганноверскій курфюрстъ, въ виду не прекращавшихся происковъ со стороны якобитовъ и того неопредѣленнаго положенія, какое занимали по отношенію къ этимъ послѣднимъ англійскіе тори, вынужденъ былъ, какъ извѣстно, опираться на партію виговъ, заявившихъ себя во время войны за испанское наслѣдство противниками примиренія съ Франціей. Программа ганноверской экстенсивной политики Бернсдорфа шла, такимъ обра-

*) „M-r Strafford depuis son retour à la Haye travaille ouvertement contre le czar et dans la conference, qu'il a eu le 22 Fevr. avec les deputés de l'Etat il leur a proposé de la part de la reine d'Angleterre d'armer une escadre pour la joindre à une escadre Anglaise et aller ensemble dans la Baltique pour s'opposer aus progrès du czar et surtout au dessein qu'il a de transporter à Petersbourg le commerce de la mer Blanche. Le dit Mylord voudrait même, qu'on minat le port de Petersbourg mais des Hollandais ne parraissent pas disposés à entrer dans ces mesures violantes".—Робетонъ Веберу 8-го марта 1714. Ганноверъ. (Zeitgenoss. Berichte II, 183).

**) Существуетъ мнѣніе, что Бернсдорфу не чужда была даже мысль о раздѣлѣ Пруссіи Ranke, Englische Geschichte VII, 104; см., однако. Erdmannsdörffer VI, 339.

***) Еще въ 1712 г. курфюрстъ ганноверскій занялъ Верденъ подъ предлогомъ установленія карантина вслѣдствіе начавшейся въ то время чумы въ сѣв. Германіи. Erdman. II, 322.

зомъ навстрѣчу завоевательной политикѣ виговъ; послѣдніе, въ свою очередь, ничего не имѣли противъ усиленія Ганновера, который могъ сыграть при случаѣ роль опорнаго пункта для Англіи на континентѣ; противъ вмѣшательства въ Сѣверную войну англійскаго короля, но лишь какъ ганноверскаго курфюрста, при офиціальномъ сохраненіи Англіей своего нейтралитета *). Наконецъ, въ своемъ отношеніи къ голштинскому вопросу и занятію Даніей Шлезвига, что и послужило поводомъ къ подобному вмѣшательству, Англія и Ганноверъ также были по существу своему солидарны между собою, хотя и расходились въ деталяхъ. Не сочувствуя, быть можетъ, голштинскимъ проискамъ, Англія была, тѣмъ не менѣе, не прочь вступиться за герцога съ цѣлью, съ одной стороны, привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе о посылкѣ эскадры въ Балтійское море, съ другой стороны—принудить Данію къ сепаратному миру со Швеціей, истолковавъ занятіе Шлезвига, какъ нарушеніе Травендальскаго мира. Еще сильнѣе былъ заинтересованъ въ голштинскомъ вопросѣ Ганноверъ, особенно послѣ того, какъ началъ свои происки Герцъ, и исходъ переговоровъ послѣдняго въ Берлинѣ грозилъ создать благопріятную почву для дальнѣйшаго усиленія Пруссіи на сѣверѣ Германіи **). Крушеніе замысловъ Герца и русско-прусскій договоръ 1714 г., мало затрагивающій чисто англійскіе интересы, также не могли произвести успокоительнаго впечатлѣнія на ганноверское правительство. По мѣрѣ того, какъ у Пруссіи увеличивались шансы на пріобрѣтеніе въ недалекомъ будущемъ Поммераніи, росла тревога ганноверскихъ министровъ англійскаго короля за будущую судьбу Бремена и Вердена. Это и дало возможность Петру Великому привести, наконецъ, въ исполненіе свой планъ и склонить Георга I присоединиться къ послѣднему русско-прусскому договору, обѣщавъ ему содѣйствіе въ пріобрѣтеніи Бремена и Вердена на тѣхъ же условіяхъ, какими удалось заручиться и отъ Пруссіи. Это было, однако, лишь присоединеніе *курфюрста ганноверскаго*; Англія попрежнему продолжала сохранять свой нейтралитетъ ***).

---

*) Блестящая оцѣнка историческаго значенія восшествія на англійскій престолъ ганноверской династіи въ связи съ завоевательными планами Ганновера у Droysen'a IV, 2: 99.

**) Срав. письма Б. Куракина къ Г. Головкину отъ 27-го февр. и къ Шафирову отъ 13-го марта 1713 г.—Арх. Кур. VI, 192, 199; VII, 23.

***) Мартенсъ V, стр. 129 и слѣд.

Къ исходу 1715 г. положеніе дѣлъ въ сѣверной Германіи складывалось, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе неблагопріятно для герцога голштинскаго. Къ тому же и Герцъ, послѣ возвращенія Карла XII въ Штральзундъ, покидаетъ голштинскую службу и перебирается въ Швецію; интересы герцога остаются съ этого времени въ рукахъ Бассевица, отъ котораго всѣ сторонятся, какъ отъ опаснаго дипломатическаго авантюриста, и голштинскіе происки перестаютъ на нѣкоторое время оказывать вліяніе на взаимоотношенія сѣверныхъ державъ въ ихъ борьбѣ со Швеціей. Не менѣе неблагопріятно складывались, однако, обстоятельства и для самого Петра Великаго и его плана двойной борьбы со Швеціей—на остзейскомъ побережьѣ и въ сѣверной Германіи, плана, который казалось былъ близокъ къ осуществленію и для выполненія котораго косвенно оказали не малую услугу тѣ же голштинскіе замыслы. Начавшаяся въ маѣ 1715 г. новая кампанія противъ Швеціи, въ которой приняли уже открытое участіе Пруссія и Ганноверъ, скоро обнаружила, что согласіе между новыми и старыми союзниками далеко непрочно, и что ихъ интересы зачастую стоятъ въ болѣе рѣзкомъ противорѣчіи съ русскими замыслами, чѣмъ это предполагалъ, быть можетъ, самъ Петръ Великій.

Выйдя въ Балтійское море, англійскій флотъ воспользовался этимъ прежде всего, какъ удобнымъ предлогомъ для защиты англійской торговли, и вмѣсто того, чтобы идти къ берегамъ Швеціи, началъ двигаться вдоль южнаго, германскаго, берега. Это обстоятельство дало поводъ Даніи, ссылаясь на ея послѣднее соглашеніе съ англійскимъ королемъ о совмѣстномъ дѣйствіи на Балтійскомъ морѣ, отказаться въ свою очередь, отъ блокады шведскаго флота въ Карлскронѣ *). Воздерживаясь отъ рѣшительныхъ дѣйствій на морѣ, союзники, въ тоже время, съ бо́льшимъ успѣхомъ вели кампанію противъ Швеціи на сушѣ. Сѣверная Германія снова сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій, и число претендентовъ на шведское наслѣдіе все увеличивалось; Россіи, однако, не удалось принять въ этой кампаніи прямого участія. Задержанныя въ Польшѣ, русскія войска запоздали въ своемъ движеніи въ Поммеранію и не участвовали во взятіи Штральзунда и занятіи о. Рюгена, что было выполнено соединенными датскими, прусскими и саксонскими войсками. Между собою союз-

*) Соловьевъ IV, 338—340.

ники постепенно приходили къ взаимному соглашенію. Продолжая утверждаться въ Шлезвигѣ, Данія по договору съ курфюрстомъ Георгомъ отказалась отъ своихъ притязаній на Бременъ, гдѣ твердою ногою стоялъ Ганноверъ, и не прочь была вознаградить себя за эту уступку изъ какихъ-либо другихъ владѣній Швеціи на германскомъ побережьѣ Балтійскаго моря *). Она могла разсчитывать въ данномъ случаѣ только на Висмаръ, въ осадѣ котораго русскіе точно также не принимали участія.

Къ началу 1716 г. вопросъ о будущей судьбѣ шведскихъ владѣній въ Германіи могъ считаться въ значительной мѣрѣ рѣшеннымъ; изъ рукъ Швеціи эти владѣнія, очевидно, ускользали. Россія, однако, отъ этого ничего не еще выигрывала, и тѣхъ результатовъ, на какіе разсчитывалъ Петръ Великій, привлекая къ борьбѣ со Швеціей Пруссію и Ганноверъ, пока еще не обнаруживалось. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, было необходимо продолжать борьбу, и какъ разъ къ этому времени со стороны союзниковъ все яснѣе и яснѣе начинаетъ проглядывать желаніе, чтобы русскія войска покинули совершенно Германію **). Это послѣднее менѣе всего входило въ разсчеты Петра Великаго, и врядъ ли онъ могъ согласиться на это теперь, когда шведы были почти совершенно вытѣснены изъ Германіи, и когда для дальнѣйшей борьбы съ ними онъ нуждался прежде всего здѣсь въ опорномъ пунктѣ по соображеніямъ стратегическаго, а отчасти, быть можетъ, и торговаго характера. Разсчитывать на какое-либо укрѣпленное мѣсто въ Шлезвигѣ, Бременѣ или Верденѣ было поздно. Оставался все тотъ же Висмаръ, на который имѣли виды и датчане. Приходилось спѣшить. Разочаровавшись въ своихъ союзникахъ и задавшись мыслью утвердиться въ Висмарѣ Петръ Великій начинаетъ сближаться съ герцогомъ мекленбургскимъ, чьи владѣнія клиномъ входили въ германскія владѣнія Швеціи.

До 1716 г. герцогъ мекленбургскій Карлъ-Леопольдъ держался въ сторонѣ отъ участія въ Сѣверной войнѣ и только жаловался порою на постоянные переходы союзныхъ войскъ черезъ его владѣнія, что причиняло послѣднимъ не мало вреда и ущерба. Его жалобы по большей части оставались безъ результата ***), и

*) Erdmannsdörffer II, 336.

**) Zeitgenos. Berichte II. 68.

***) Въ 1715 г. онъ принужденъ былъ даже уступить Даніи Ростокъ. — Droysen IV, 2: 151.

на его голосъ мало обращали вниманія, какъ на голосъ второстепеннаго государя, не имѣвшаго достаточно силы, чтобы придать вѣсъ своимъ требованіямъ, и отвлекаемаго, къ тому же, внутренними неурядицами въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Въ началѣ XVIII вѣка Мекленбургъ переживалъ тяжелые годы, независимо отъ бѣдствій военнаго времени; здѣсь повторялся общій процессъ борьбы центральной власти съ остатками феодальныхъ привилегій, процессъ, который въ свое время пережили всѣ европейскія государства, но который здѣсь принималъ мелочныя и уродливыя формы. Со стороны герцога Карла-Леопольда придирчивыя и капризныя требованія по отношенію къ своимъ подданнымъ, стремленіе подражать политикѣ своихъ современниковъ въ Швеціи и Пруссіи безъ малѣйшаго пониманія государственныхъ нуждъ и интересовъ; со стороны мекленбургскаго дворянства—упорство въ сохраненіи своихъ вольностей безъ культурныхъ заслугъ на это въ прошломъ, желаніе впутать въ свои домашніе счеты сосѣдей, вѣчныя жалобы при императорскомъ дворѣ.

Довольно скоро послѣ появленія русскихъ въ сѣверной Германіи начинаются сношенія герцога мекленбургскаго и съ Петромъ Великимъ. Уже въ 1712 г. этотъ послѣдній самъ старался привлечь герцога на свою сторону, а въ слѣдующемъ году начинаются переговоры и о бракѣ герцога съ племянницею царя, Екатериною Іоанновною. Вопросъ о сближеніи Мекленбурга съ Россіей переплетался въ то время съ происками Герца, мечтавшаго, между прочимъ, о соглашеніи голштинскихъ и мекленбургскихъ интересовъ. Не послѣднюю роль сыгралъ при этомъ и начинавшій выдвигаться на русской службѣ А. И. Остерманъ, руководствуясь въ данномъ случаѣ вѣрно понятыми интересами своего государя. Нѣсколько позднѣе средствомъ укрѣпить Петра въ его расположеніи къ герцогу послужило указаніе на выгодность положенія мекленбургскихъ земель для русской торговли—маневръ, подобный тому, какой незадолго передъ этимъ былъ пущенъ въ ходъ Герцомъ во время его переговоровъ съ Меншиковымъ. Создается новый проектъ соединенія Балтійскаго и Нѣмецкаго морей посредствомъ Эльбы и цѣлаго ряда озеръ, расположенныхъ на территоріи Мекленбургскаго герцогства *). Въ 1716 г. вопросъ о сближеніи Россіи съ Мекленбургомъ, остававшійся до этого момента открытымъ, снова выступилъ на очередь.

---

*) „Eclaircissemens"... 296; Соловьевъ IV, 342; Droysen IV, 2; 152.

Здѣсь не могло быть, конечно, и рѣчи о какомъ-либо принципіальномъ сочувствіи Петра Великаго политикѣ герцога Карла Леопольда. Не разъ Петръ Великій самъ указывалъ герцогу на необдуманность его поведенія и на необходимость соображаться съ имперскими конституціями. Когда заходила рѣчь о бракѣ герцога съ царскою племянницею, съ русской стороны было выставлено требованіе болѣе опредѣленнаго развода герцога съ его первою женою *). Выгодное положеніе мекленбургскихъ земель какъ для дальнѣйшаго выполненія задуманнаго плана борьбы противъ Швеціи, такъ и для упроченія и развитія русской торговли на Балтійскомъ морѣ—единственная причина, побудившая Петра Великаго пойти на встрѣчу мекленбургскимъ проискамъ **). Въ началѣ 1716 г. былъ заключенъ брачный договоръ, подкрѣпленный вскорѣ союзнымъ трактатомъ, по которому интересы Россіи въ сѣверной Германіи предусматривались не только на время борьбы со Швеціей, но и на болѣе отдаленное будущее. Обѣщая герцогу содѣйствовать въ возмѣщеніи полученныхъ имъ обидъ и въ полученіи имъ послѣ заключенія мира со Швеціей Висмара, для чего русскимъ надо было еще занять послѣдній, Петръ Великій выговаривалъ право свободнаго прохода черезъ Мекленбургъ русскихъ войскъ и торговыя льготы для Россіи, «къ чему земли съ обѣихъ сторонъ и натуральное положеніе мѣстъ, гаваней и рѣкъ къ общему великому авантажу и безопасности съ обѣихъ сторонъ дѣло полезны быть могутъ» ***). Когда въ С.-Петербургѣ заключался этотъ договоръ, русскія войска спѣшили уже изъ Шлезвига къ войскамъ другихъ союзниковъ, стоявшимъ подъ Висмаромъ.

Новый шагъ Петра Великаго долженъ былъ, породить во многихъ тревогу, несочувствіе и опасеніе. Русскій царь надолго и твердою ногою становился въ сѣверной Германіи и дѣлался непосредственнымъ сосѣдомъ Ганновера, Даніи и Пруссіи. Для Ганновера—новое препятствіе въ его поступательномъ движеніи къ

---

*) Соловьевъ IV, 343.

**) Первыя сношенія Петра Великаго съ герцогомъ Карломъ Леопольдомъ начались съ того, что съ русской стороны было предложено, чтобы мекленбургское правительство снабжало русскія войска провіантомъ, взамѣнъ за что было обѣщано выхлопотать для герцога при заключеніи окончательнаго мира право на взиманія торговой пошлины въ Варнемюнде.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи II, 104.

***) Мартенсъ V, 136 слѣд.

Балтійскому морю; для вдохновителя ганноверской политики, мекленбургскаго уроженца Бернсдорфа новая угроза вольностямъ мекленбургскаго дворянства. Для Англіи—новый призракъ политическаго и торговаго усиленія Россіи на Балтійскомъ морѣ; въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ—полное сочувствіе опасеніямъ ганноверскаго правительства и личному раздраженію Бернсдорфа. Въ расчеты цесаря, для котораго малѣйшее вмѣшательство чужихъ державъ въ германскія дѣла было нарушеніемъ его суверенныхъ правъ, также не входило увидать на сѣверѣ Германіи Россію на мѣсто Швеціи. Нечего говорить о Даніи съ ея давнишними притязаніями на Висмаръ *). Одна лишь Пруссія, стоявшая послѣднее время, несмотря на свои договоры съ Ганноверомъ и Даніей, нѣсколько въ сторонѣ отъ ихъ политики, отнеслась спокойнѣе къ русско-мекленбургскому соглашенію и готова была даже признать договоръ царя съ герцогомъ подъ условіемъ скрытія висмарскихъ укрѣпленій **). Этотъ послѣдній, однако, почти въ самый моментъ заключенія терялъ уже почти всякое значеніе. 20-го апрѣля Висмаръ сдался союзной арміи датчанъ, ганноверцевъ и пруссаковъ. Русскіе запоздали сюда такъ же, какъ и подъ Штральзундъ. и главнокомандующій союзной арміей, датскій генералъ Девицъ воспротивился, чтобы въ занятіи Висмара принялъ участіе подоспѣвшій къ этому времени авангардъ русской арміи подъ начальствомъ ген. Рѣпнина. Рѣпнинъ уступилъ настояніямъ Девица только послѣ нѣкотораго сопротивленія, имѣвшаго, повидимому, характеръ почти открытаго столкновенія между русскими и ихъ союзниками ***).

Какъ «шлезвигское дѣло» въ свое время косвенно помогло Петру Великому заручиться новыми союзниками въ борьбѣ со Швеціей, теперь «мекленбургскій вопросъ» окончательно выяснилъ истинный характеръ отношеній между Россіей и ея старыми и новыми союзниками, намѣчавшійся еще съ средины 1715 г., когда началась новая кампанія противъ Швеціи. Дипломатическіе переговоры времени 1713—14 гг. привели къ сближенію Россіи съ Пруссіей; кампанія 1715—16 гг., не нарушивъ добрыхъ отношеній царя съ послѣднею, создала полное охлажденіе отношеній съ Даніей, и съ тѣми, кого Россія всегда особенно старалась во-

---

*) Erdmannsdörffer II, 322.

**) Мартенсъ V, 151.

***) Соловьевъ IV, 347.

влечь въ войну со Швеціей — съ Ганноверомъ. Послѣднее не оставалось безъ вліянія и на отношеніи къ Россіи Англіи, и это, повидимому, безпокоило Петра Великаго. Начиная разочаровываться въ своихъ разсчетахъ на Ганноверъ, онъ прежнему старался разсѣять тревоги англійскаго правительства относительно будущей судьбы англійской торговли на Балтійскомъ морѣ *). Его старанія не увѣнчались успѣхомъ, и опасенія ганноверскихъ политиковъ находили, повидимому, сочувственный отзвукъ среди господствующей партіи въ англійскомъ парламентѣ. Разъединеніе интересовъ англійскаго народа и англійскаго короля, курфюрста Георга, дѣлается съ этого времени новою задачею, которую преслѣдуетъ русская дипломатія въ Европѣ. Таково было положеніе дѣлъ на западномъ флангѣ военныхъ дѣйствій, когда Петръ Великій приступилъ къ выполненію основной части своего плана, для чего, между прочимъ и нужно было ему удержаться въ Сѣверной Германіи. Говоримъ о предполагавшемся на 1716 г. дессантѣ въ Швецію, извѣстномъ, обыкновенно, подъ именемъ «экспедиціи въ Сконе».

Проектъ этой экспедиціи не былъ приведенъ въ исполненіе, и противники Петра Великаго выставляли его, какъ маневръ со стороны послѣдняго, истинною цѣлью котораго было лишь выиграть время, чтобы имѣть возможность утвердиться въ сѣверной Германіи. Взглядъ этотъ, рисовавшій цѣль Петра Великаго, какъ средство, а средство, какъ цѣль, былъ развитъ уже въ брошюрѣ «La Crise du Nord», появившейся въ 1717 г., а въ современной наукѣ нашелъ себѣ отголосокъ въ «Geschichte Russland's проф. Herrmann'a **). Врядъ ли, однако, можно сомнѣваться въ искренности намѣренія Петра Великаго—перенести войну въ предѣлы коренныхъ областей шведскаго государства и дѣйствовать противъ шведовъ въ самой Швеціи.

Весь его планъ военныхъ дѣйствій, начиная съ 1709 г., въ сущности, сводился къ этой цѣли. Все время послѣ Полтавской побѣды война ведется на два фланга, хотя и не въ одинаковой степени успѣшно на каждомъ изъ нихъ въ одно и

*) Еще въ маѣ 1716 г., когда отношенія съ Ганноверомъ приняли уже натянутый характеръ, Петръ Великій предлагалъ Англіи заключеніе союзнаго и торговаго договора. Арх. Кур. III, 23.

**) Болѣе осторожно высказываются Droysen IV, 2; 171—188 и Erdmannsdörffer II, 345—356.

то же время. Одновременно съ сухопутной кампаніей русскихъ войскъ въ Эстляндіи и Лифляндіи предполагалась уже, какъ извѣстно, высадка датчанъ (неудавшаяся) въ Сконе; одновременно съ дѣйствіями союзниковъ въ сѣверной Германіи въ 1714 г. дѣйствія русскаго флота у береговъ Финляндіи и Лифляндіи. Уже начиная съ 1715 г., Петръ Великій, повидимому, подготовляетъ себѣ почву для широко-задуманнаго плана борьбы со шведами и на морѣ, и въ предѣлахъ самой Швеціи. Къ открытію навигаціи 1715 г. онъ задается мыслью объ уничтоженіи на Балтійскомъ морѣ шведскаго каперства. Еще ранѣе, въ январѣ 1714 г., пославъ въ Данію Ягужинскаго, онъ добивается отъ датскаго короля согласія на совмѣстную морскую кампанію. Не мѣшаетъ отмѣтить, что планъ подобной кампаніи уже въ то время намѣчался въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ онъ намѣчался позднѣе и на 1715 г., и на 1716 г. когда Данія, наконецъ, выразила свое согласіе, и когда, кромѣ того, можно было ожидать присоединенія и англійской эскадры адмирала Норриса *).

Что касается самой компаніи 1716 г., то въ этомъ году дессантъ въ Швецію предполагалось произвести въ двухъ пунктахъ: въ Сконе, главный, и со стороны Финляндіи, черезъ Аландскіе острова, какъ диверсія. Послѣдній возлагался на русскій галерный флотъ, для чего къ открытію навигаціи значительная часть галеръ эскадры адмирала Сиверса, стоявшей въ Ревелѣ, была направлена въ Або **). Нѣсколько русскихъ кораблей въ соединеніи съ датскими или англійскими (если бы послѣдніе вошли къ этому времени въ Балтійское море) должны были преградить выходъ шведскому флоту изъ Карлскроны и тѣмъ облегчить проходъ русской ревельской эскадры къ берегамъ Даніи. Эта эскадра, подъ начальствомъ кап.-командора Сиверса, подойдя къ Копенгагену и остановившись невдалекѣ отъ него (въ бухтѣ Кьöге), должна

*) Проектъ объ учрежденіи крейсеровъ на Балтійскомъ морѣ. 1715, мартъ—Матеріалы для исторіи русскаго флота. IV, 84. Наказъ Ягужинскому—Соловьевъ IV, 323. Проектъ о дѣйствіяхъ русскаго и датскаго флота во время компаніи 1715 г.—Матеріалы... IV, 86. Для вопроса объ экспедиціи въ Сконе на 1716 г. вообще—ibid II, 1—170 и IV, 84—128. Эскадра Норриса выходила подъ ганноверскимъ флагомъ. На важность Матеріаловъ... для рѣшенія даннаго вопроса указываетъ Schirren (Göting. Gelehrt. Anzeiger 1880. № 30; 946).

**) Галерный дессантъ въ Швецію былъ признанъ рискованнымъ и невыполнимымъ, независимо отъ причинъ, помѣшавшихъ главному дессанту въ Сконе.

была разгрузить свои грузовыя суда и перевезти на нихъ нашу кавалерію изъ подъ Ростока на Зеландію, чтобы за тѣмъ было возможно приступить къ главному дессанту на шведскій берегъ. Таковъ планъ Петра Великаго, какимъ онъ рисуется изъ его указковъ Апраксину, Сиверсу, Долгорукому и другимъ лицамъ, которыя должны были принять участіе въ этой кампаніи, а также изъ переписки названныхъ лицъ по этому поводу между собою. Всѣ эти документы, не подлежавшіе въ свое время огласкѣ вскрываютъ передъ нами намѣренія Петра Великаго, высказываемыя имъ при такихъ обстоятельствахъ, когда ему незачѣмъ было маскировать свои мысли, и хотя въ этихъ документахъ и сквозитъ порою его недовѣріе къ своимъ союзникамъ, ничто, однако, не обнаруживаетъ его стремленія утвердиться въ Сѣверной Германіи, обратить свое оружіе противъ Даніи или самому завладѣть провинціей Сконе. Энергичный образъ дѣйствій противъ Швеціи, вторженіе въ предѣлы шведскаго государства съ такимъ разсчетомъ, чтобы не пришлось отступать ни съ чѣмъ и чтобы, оставаясь въ самой Швеціи, можно было добиться отъ противника заключенія мира на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ—такова была конечная цѣль предполагавшейся «экспедиціи въ Сконе».

Какъ бы то ни было, планъ этотъ въ свое время былъ понятъ или, по крайней мѣрѣ, толковался, лишь какъ коварный маневръ со стороны Петра Великаго, угрожавшій не столько Швеціи, сколько самимъ его союзникамъ. Подобное толкованіе и было, какъ извѣстно, одною изъ причинъ неудачи названной экспедиціи, хотя уже заранѣе можно было сказать, что планъ дессанта въ Швецію не могъ быть встрѣченъ сочувственно Даніей и Англіей, коей флотъ, хотя и подъ ганноверскимъ флагомъ, долженъ былъ принять участіе въ этомъ предпріятіи. Для послѣдней это значило бы слишкомъ открыто стать на сторону союзниковъ, хотя и безъ прямого объявленія войны Швеціи. Съ другой стороны, завѣтною мечтою Даніи было — стать твердою ногою въ германскихъ владѣніяхъ Швеціи, чѣмъ и объяснялось въ значительной степени ея участіе въ Сѣверной войнѣ. Эта цѣль исподволь приводилась въ исполненіе, и то разъединеніе силъ, которое потребовалось бы въ данномъ случаѣ отъ Даніи, врядъ ли могло входить въ ея разсчеты. Медлить въ своихъ морскихъ приготовленіяхъ, помимо опасенія какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій со стороны Петра Великаго, могли, такимъ

образомъ, заставить Данію и ея собственные интересы. Эта медлительность и была, какъ извѣстно, одною изъ причинъ, заставившей въ концѣ концовъ Петра Великаго отказаться отъ исполненія своего плана въ 1716 г. Насколько, однако, успѣшный результатъ экспедиціи въ Сконе могъ бы содѣйствовать благопріятному для Россіи исходу борьбы со Швеціей, настолько теперь ея неудача создавала для ПетраВеликаго невозможное положеніе въ Сѣверной Европѣ, ухудшая его отношенія съ союзниками и возстановляя противъ него общественное мнѣніе Европы. Англія, для которой давно уже было нежелательно близкое сосѣдство царя съ наслѣдственными землями ея короля, встревоженная сближеніемъ Россіи съ Мекленбургомъ, первая начала кричать объ измѣнѣ и, казалось, не прочь была отъ словъ перейти къ дѣлу *). Данія, поспѣшившая въ свое время занять совмѣстно съ Ганноверомъ Висмаръ, относилась съ нескрываемымъ подозрѣніемъ къ Петру Великому и не считалась даже съ условіями международной вѣжливости во время пребыванія послѣдняго въ Копенгагенѣ **). Тревоги обѣихъ державъ раздѣлялъ и германскій императоръ, который также съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на затянувшееся пребываніе русскихъ войскъ въ имперіи. На этой почвѣ къ концу 1716 г. у него создается сближеніе съ Англіей и Ганноверомъ, не безвыгодное и для послѣдняго, для котораго увеличивались тѣмъ самымъ шансы на полученіе инвеституры на Берменъ и Верденъ **).

Словомъ, къ началу 1717 г. толки о завоевательныхъ планахъ царя въ Германіи дѣлаются модною темою, волнующей умы въ Европѣ, а имя Петра Великаго, порою основательно, порою безъ достаточнаго основанія, начинаетъ приплетаться ко всему, что только носитъ антиганноверскую окраску: къ проискамъ англійскихъ якобитовъ, стоявшимъ въ связи съ послѣдними интригамъ шведскаго посла въ Лондонѣ гр. Гилленборга, замысламъ Альберони и т. п. Всѣми этими толками искусно пользовались сторонники самыхъ различныхъ интересовъ и партій, какъ дер-

*) Соловьевъ IV, 350; Erdman. II, 346; Droysen IV, 2; 174.

**) Изъ письма Лооса къ Мантейфелю отъ 16-го іюля 1716 г. видно, что въ бытность свою въ это время въ Даніи Петръ Великій зачастую подвергался прямымъ оскорбленіямъ со стороны короля и его придворныхъ (между прочимъ и Вестфалена), которые, не скрывая, смотрѣли на него, какъ на грубаго дикаря.—Сборникъ XX, 61—64.

***) Droysen IV, 2; 187.

жавшихъ сторону Ганновера, такъ и сочувствовавшихъ возстановленію шведскаго могущества въ Германіи *). Они не оставались безъ вліянія и на положительныя мѣропріятія отдѣльныхъ европейскихъ державъ въ это время. Тройственный союзъ Англіи, Франціи и Нидерландовъ, заключенный въ январѣ 1717 г. и обратившійся уже въ слѣдующемъ году, послѣ присоединенія къ нему Сардиніи, въ четверной, хотя и имѣлъ главною своею цѣлью противоборство замысламъ англійскаго претендента, въ нѣкоторыхъ пунктахъ могъ быть понятъ и какъ угроза противъ Россіи **). Все это могло быть лишь на руку вдохновителю ганноверской политики Бернсдорфу, и въ то время, когда послѣ неудачи экспедицію въ Сконе, для Петра Великаго создавалось невозможное положеніе въ сѣверной Германіи, министру англійскаго короля удалось создать въ Англіи новый кабинетъ (Стенгопа и Сундерланда), благосклонно относившійся къ завоевательнымъ замысламъ Вольфенбютельскаго дома на континентѣ, и ручавшійся, что парламентъ ассигнуетъ королю щедрыя субсидіи для участія въ Сѣверной войнѣ ***). Ганноверскіе и англійскіе интересы были очевидно болѣе солидарны между собою чѣмъ это представлялось Петру Великому, тщетно старавшемуся о ихъ разъединеніи.

Все это вмѣстѣ взятое заставило Петра В. вывести лѣтомъ 1717 г. свои войска изъ Германіи, оставивъ лишь небольшой 3000-ный корпусъ въ распоряженіи герцога мекленбургскаго ****). Планъ войны на два фланга противъ Швеціи, который преслѣдовался

*) Выраженіемъ происковъ послѣдней партіи можно считать появившуюся въ началѣ 1717 г. брошюру „La crise du Nord", представляющую по формѣ комментаріи къ опубликованному отъ имени датскаго короля министромъ послѣдняго van Stocken'омъ объясненію неудачи экспедицію въ Сконе, складывавшему всю вину на Петра Великаго. Авторъ брошюры рекомендуетъ ее вниманію своихъ единомышленниковъ „Whig de l'Eglise anglicane et Thory Hannoverien", противопоставляя ихъ непримиримымъ вигамъ и тори-якобитамъ; онъ указываетъ, что спокойствіе Европы требуетъ не только возстановленія шведскаго короля въ его владѣніяхъ въ имперіи, но и возвращенія ему *всего* отнятаго у Швеціи царемъ, и возлагаетъ въ этомъ отношеніи свои надежды не на обезсиленныя и униженныя державы Данію и Саксонію, но лишь на Пруссію и Ганноверъ, которымъ, по его мнѣнію, могли содѣйствовать Англія и Голландія, радѣя о своихъ собственныхъ торговыхъ интересахъ.

**) См. Dumont VIII, 1, 484 flg., глав. образ., § II.

***) Droysen IV, 2; 202,203.

****) Erdmannsdörffer II, 349.

съ такою настойчивостью русскимъ царемъ, начиная съ 1709 г., былъ разстроенъ, и театръ русскихъ военныхъ дѣйствій сосредоточивается съ этого момента на остзейскомъ побережьѣ и въ Финляндіи. Здѣсь отношеніе Петра Великаго къ нѣкоторымъ изъ его ближайшихъ союзниковъ принимаютъ къ этому времени также крайне натянутый характеръ, что не мѣшаетъ, однако, на этотъ разъ болѣе успѣшному выполненію намѣченной имъ задачи, чѣмъ это удалось въ сѣверной Германіи. Какъ замыслы Петра Великаго въ Поммераніи и Мекленбургѣ возбуждали не лишенную основаній тревогу со стороны Даніи и курфюрста ганноверскаго, такъ и продолжающееся пребываніе русскихъ войскъ въ Польшѣ давало поводъ къ раздраженію противъ него Рѣчи Посполитой и ея королю, курфюрсту саксонскому. Раздраженіе это должно было тѣмъ сильнѣе овладѣвать польскимъ и саксонскимъ дворами, что единственная цѣль, побудившая Польшу принять участіе въ Сѣверной войнѣ, была болѣе чѣмъ далека отъ осуществленія.

Лично для Петра Великаго оставленіе за собою Эстляндіи и Лифляндіи было, повидимому, давно уже вопросомъ, вполнѣ рѣшеннымъ. Правда, и послѣ полтавской побѣды онъ продолжалъ офиціально соглашаться на уступку Лифляндіи Польшѣ и даже подтверждалъ это порою различными дипломатическими актами. Всѣ эти обѣщанія, повторяемыя нетолько въ Польшѣ, но и при другихъ дворахъ, отличались, однако, довольно общимъ и неопредѣленнымъ характеромъ. Не всегда было ясно, прежде всего, подразумѣваетъ ли царь въ этихъ обѣщаніяхъ самое Рѣчь Посполитую или лично польскаго короля Августа, а въ разсчеты самихъ поляковъ настолько же не входило пріобрѣтеніе Лифляндіи ихъ королемъ въ наслѣдственную собственность, насколько и оставленіе этой области за Россіей. Это былъ одинъ изъ поводовъ къ недовѣрію между польскою націей и ея монархомъ, которое, конечно, могло быть только на руку полтавскому побѣдителю при его собственныхъ, болѣе рѣшительныхъ замыслахъ относительно Лифляндіи *). Самый характеръ этихъ замысловъ, съ другой стороны, болѣе вѣрно обрисовывался изъ тѣхъ событій, которые происходили въ это время на самомъ остзейскомъ побережьѣ, чѣмъ изъ офиціальныхъ заявленій Петра Великаго. Кампанія 1710 г. въ Эстляндіи и Лифляндіи велась исключительно силами одной Рос-

*) Соловьевъ III, 1561, IV, 51, 110.

сіи, и не только эстляндскіе города, но и Рига, послѣ сдачи, должны были присягнуть на вѣрность московскому Царю *).

Завоеваніе остзейскаго края, лучшихъ шведскихъ провинцій, далось дорогою цѣною, и помимо какихъ бы то ни было соображеній завоевательнаго характера, вполнѣ понятно было нежеланіе со стороны Петра В. отдавать эти области полякамъ до окончанія войны изъ боязни, чтобы онѣ снова не попали въ руки къ шведамъ. На это послѣднее онъ соглашался менѣе, чѣмъ на что-либо другое, предпочитая въ крайнемъ случаѣ даже передачу Лифляндіи Польшѣ **). Однако, и послѣдній исходъ представлялся ему, повидимому, далеко нежелательнымъ, и Лифляндія, не говоря уже отъ Эстляндіи, представлялась ему уже къ этому времени вполнѣ законной военной добычей, на которую могла претендовать Россія. «Въ дорогѣ къ Лейпцигу, — заноситъ въ свой дневникъ подъ 4 окт. 1712 г. Куракинъ — царское величество разсуждалъ *о Ливоніи: лучше ее отдать въ руки полякамъ, чѣмъ непріятелямъ*, и для того надлежитъ усматривать время: *ежели къ нашему авантажу что пойдетъ, то не слабо къ тому сдаваться*, а ежели—къ несчастію, тогда больше объявлять, что Ливонія будетъ уступлена коронѣ польской ***). Къ концу 1714 г. онъ рѣшался уже почти оффиціально заявлять о невозможности передать Лифляндію полякамъ, так какъ они «уже почитай непріятелями явились ****).

И надо сознаться, что послѣднее замѣчаніе царя довольно вѣрно опредѣляло отношеніе къ Россіи если не самой Рѣчи По-

---

*) П. С. З. № 2301. Еще въ 1712 г. Петръ лишь съ оговорками соглашался пустить въ Ригу польскіе гарнизоны. Соловьевъ IV, 607.

**) Арх. Кур. V, 119.

***) Ар. Кур. V, 113. Надо имѣть въ виду терминологію того времени. Какъ видно изъ памятной записки Куракина „Собранное все къ вѣдѣнію для вступленія въ негоціацію мирную 1712 г.» (ibid. 140—144), подъ именемъ Лифляндіи подразумѣвалось все балтійское побережье, включающее нынѣшнія Лифляндскую и *Эстляндскую* губерніи. Оно дѣлилось на Эстляндію и Летонію, или Ливонію. Въ нашемъ изложеніи всегда, когда въ русскихъ документахъ встрѣчается терминъ „Ливонія“, мы замѣняемъ его „Лифляндіей“.

****) Письмо царя къ кн. Б. Куракину отъ 9 іюня 1714 г., въ которомъ онъ разбиралъ присланный черезъ послѣдняго проектъ примиренія со Швеціей, составленный Бернсдорфомъ, на основаніи котораго Куракинъ долженъ былъ говорить съ ганноверскимъ правительствомъ.—Арх. Кур. II, 102.

сполитой, то, по крайней мѣрѣ, польскаго короля Августа, курфюрста саксонскаго. Соперничество изъ за Лифляндіи польской республики и польскаго короля, конечно, не создавало еще почвы для ихъ сближенія съ Россией. Если можно, однако, было еще разсчитывать на какое-нибудь соглашеніе съ Рѣчью Посполитою, то надѣяться на подобное соглашеніе съ самимъ Августомъ было гораздо труднѣе. Разочаровавшись въ своемъ союзникѣ, польскій король начинаетъ какъ разъ къ этому времени сближаться съ державой, отношенія съ которой у самой Россіи вопреки разсчетамъ Петра Великаго, и безъ того принимаютъ натянутый характеръ—съ Англіей *). Создать противовѣсъ саксонскимъ замысламъ и предупредить возможность какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій со стороны польскаго короля составляло, вслѣдствіе этого, для Россіи болѣе неотложную задачу, чѣмъ временно успокоить обѣщаніями самое польскую республику. Подобный противовѣсъ и разсчитывалъ найти Петръ Великій въ лицѣ Пруссіи, единственной своей союзницѣ, съ которой онъ не разошелся, покидая Помметранію и мекленбургское побережье. Его сближеніе съ нею шло своимъ чередомъ, параллельно съ обостреніемъ отношеній съ Даніей, Ганноверомъ, Англіей и германскимъ императоромъ. Одновременно съ тройственныхъ союзомъ 1717 г., объясняющимся, какъ было сейчасъ указано, отчасти руссофобскими соображеніями, это сближеніе было скрѣплено новыми знаками довѣрія. Замыслы Ганновера, столкнувшись съ интересами Россіи, возбуждали не безосновательную тревогу и въ Пруссіи и заставляли Фридриха-Вильгельма I поддерживать добрыя отношенія съ царемъ, ласкавшимъ его видами на Померанію **). Исконное соперничество Пруссіи съ Саксоніей и ея стремленіе усилиться на счетъ Польши должно было послужить опорою для Петра Великаго въ его собственныхъ притязаніяхъ на остзейскія области. Въ этомъ отношеніи въ 1716 г. были достигнуты нѣкоторые результаты болѣе утѣшительнаго характера, чѣмъ тѣ, которые имѣла неудавшаяся попытка перенести въ союзѣ съ Даніей на Скандинавскій полуостровъ.

Попытка выяснить, въ связи съ переговорами съ Пруссіей объ ея участіи въ Сѣверной войнѣ, вопросъ, что удержитъ за собою Россія изъ своихъ завоеваній на Балтійскомъ морѣ, была сдѣ-

---

*) Droysen IV, 2; 184.

**) Объ отношеніяхъ Пруссіи къ Ганноверу за это время—Droysen IV, 2; 202.

лана Петромъ Великимъ еще въ 1709 г., тотчасъ послѣ полтавской побѣды. Эти переговоры, какъ мы уже знаемъ, имѣли сравнительно незначительный результатъ, и такой исходъ ихъ объясняется до извѣстной степени именно тѣмъ, что требованія, предъявленныя при этомъ Пруссіей стояли въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ собственными видами Петра Великаго. Онъ не могъ не отнестись крайне несочувственно къ предложенному на этихъ переговорахъ королемъ Августомъ и поддержанному Пруссіей проекту раздѣла Польши, разъ этотъ проектъ, создавая въ Польшѣ сильную королевскую власть, создавалъ изъ Лифляндіи независимое владѣніе подъ скипетромъ Станислава Лещинскаго, слишкомъ опредѣленно формулировалъ протекторатъ Пруссіи надъ Курляндіей, и въ то же время предлагалъ Россіи удовольствоваться на Балтійскомъ морѣ одними берегами р. Невы *). Послѣ Полтавы послѣднее казалось уже слишкомъ недостаточнымъ. Неудача первой попытки не остановила Петра Велика, и новые шаги въ томъ же направленіи, имѣвшіе на этотъ разъ болѣе положительные результаты, были имъ предприняты тотчасъ послѣ восшествія на прусскій престолъ Фридриха-Вильгельма.

Это послѣднее событіе не сулило на первыхъ порахъ чего-либо благопріятнаго для Россіи на остзейскомъ побережьѣ. Относясь менѣе сочувственно, чѣмъ его предшественникъ, къ мысли о раздѣлѣ Польши, новый прусскій король первое время продолжалъ держаться прежней прусской точки зрѣнія на Эстляндію и Лифляндію, какъ на области, на которыя не должны простираться притязанія Россіи, и дѣлалъ все возможное, чтобы подготовить въ будущемъ сліяніе съ своею державою Курляндіи **). Правда, къ

*) Объ этихъ переговорахъ—Droysen, IV, 1; 333—351.

**) „Der Zaar muss Petersburg mit Hafen und allen Pertinentien behalten, Liefland, Curland nit"—помѣта короля на меморіалѣ Ильгена 8 дек. 1713 (Droysen IV, 2; 77; неправильное чтеніе этого мѣста Droysen'омъ поправляетъ Schirren—Götting. Gelehrt. Anzeiger, 1880, № 30, 946; о значеніи въ XVIII вѣкѣ слова Liefland см. выше). Русское правительство претендовало, какъ извѣстно, на право выкупить за свой счетъ заложенные частнымъ лицамъ герцогскія домены въ Курляндіи, ссылаясь на то, что приданое, выговоренное по брачному договору герцога Фридриха-Вильгельма съ племянницею царя Анною Іоанновною, не было выплачено. Пруссія основывала аналогичныя притязанія въ силу второго брака теткою предшественника Фридриха-Вильгельма, герцога Фридриха-Казиміра съ прусскаго короля Елизаветою-Софіею, бывшею по своему третьему браку замужемъ за герцогомъ Саксенъ-Мейнингенъ.—Cruse, Curland unter den

этому времени Петръ Великій могъ уже быть въ значительной степени спокоенъ за Эстляндію: съ мыслью о необходимости согласиться на уступку этой области царю къ 1714 г., повидимому, начинаютъ все болѣе и болѣе примиряться въ Европѣ *). Иначе обстояло дѣло съ вопросомъ о Лифляндіи: притязанія на нее Польши попрежнему признавались, а неудачи, испытанныя въ теченіе 1714—1716 гг. Петромъ Великимъ въ сѣверной Германіи, врядъ ли могли измѣнить этотъ взглядъ въ ближайшемъ будущемъ въ пользу Россіи, вслѣдствіе чего и упорство Пруссіи получало въ данномъ случаѣ особенно серьезное значеніе. Въ этомъ отношеніи Петру Великому удалось одержать дипломатическую побѣду, вознаграждавшую его въ значительной степени за неудачи, которыя онъ понесъ въ своихъ сношеніяхъ съ Даніей, Англіей и Ганноверомъ.

Благопріятствуя видамъ Пруссіи къ Помераніи, и не высказываясь опредѣленно противъ ея притязанія на Курляндію, хотя и занимая въ то же время все болѣе и болѣе прочное положеніе въ этомъ герцогствѣ, онъ сумѣлъ заставить Пруссію измѣнить свою прежнюю точку зрѣнія и даже обѣщать нѣчто большее, чѣмъ то, на что соглашались уже другія державы. По § 3-му русско-прусскаго союзнаго договора 1714 г. въ числѣ областей, которыя должны были отойти къ Россіи, упоминалась и Эстляндія, а § 4-й того же договора не высказываясь опредѣленно о Лифляндіи, упоминалъ уже о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ царя, ручаясь, что они не встрѣтятъ препятствія со стороны Пруссіи **). Свиданіе Петра Великаго съ прусскимъ королемъ въ Гавельбергѣ было дальнѣйшимъ успѣшнымъ шагомъ въ томъ же направленіи. Съ одной стороны, есть извѣстіе, что во время этого свиданія снова заходила рѣчь о Курляндіи и Петръ Великій далъ понять, что онъ не будетъ имѣть ничего противъ брака овдовѣвшей къ этому времени герцогини курляндской съ однимъ изъ принцевъ прусскаго королевскаго дома ***). Попрежнему, однако,

Hertzogen (Mitau 1833), B. I, 277 и Beilage № 6 (Stamtafel des Hauses Kettler). Отношеніе Фридриха-Вильгельма къ проекту раздѣла Польши — Droysen IV, 2; 137.

*) См. проекты о возстановленіи мира на Сѣверѣ, относящіеся къ 1713 и 1714 гг.—Арх. Кур. VI, 16 и IX, 13. Срав. также „гузумскій планъ" Герца—Droysen, IV, 1; 44.

**) Мартенсъ V, 117.

***) Droysen, IV, 2; 206.

Россія не связала себя какими-либо опредѣленными обѣщаніями по курляндскому вопросу. Съ прусской стороны, зато, гавельбергское свиданіе закончилось новой декларацiей, въ силу которой Пруссія обѣщала гарантировать царю всѣ его будущія завоеванія и дѣйствовать противъ каждаго, кто обнаружитъ въ данномъ случаѣ какіе-либо враждебные замыслы противъ Россіи*).

Трактатъ 1714 г. и Гавельбергское соглашеніе, подчеркивая солидарность Пруссіи и Россіи по лифляндскому и курляндскому вопросамъ, могли служить немалою угрозою въ рукахъ послѣдней противъ Польши и, главнымъ образомъ, противъ самого короля Августа **). Къ 1716 г. располагать подобной гарантiей для Петра Великаго было далеко не лишнимъ. Уходя изъ Европы, но не прекращая еще окончательно своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Швеціи, онъ начинаетъ все чаще и чаще останавливаться на мысли о примиреніи со своимъ противникомъ, а съ 1718 г. открываются уже формальные переговоры между Швеціей и Россiей. Заранѣе можно было сказать, что вопросъ объ Эстляндіи и Лифляндіи займетъ въ этихъ переговорахъ центральное мѣсто и послужитъ камнемъ преткновенія, воспользоваться которымъ не прочь будутъ всѣ тѣ, въ чьи интересы не входило примиреніе обѣихъ соперницъ между собою. Русской дипломатіи предстояла трудная задача—отстоять то, что было куплено за дорогую цѣну русскимъ оружіемъ. Въ этой новой борьбѣ обстоятельства складывались не въ пользу Россіи, и пренебрегать помощью, откуда бы она ни шла и въ какой бы формѣ ни выражалась, очевидно, не приходилось.

Такъ сложились отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ, когда въ 1718 г. начались формальные мирные переговоры со Швеціей на Аландскихъ островахъ. Къ характеристикѣ этихъ переговоровъ и ихъ значенія для послѣдующаго развитія дипломатическихъ отношеній между Россiей и европейскими державами намъ и предстоитъ теперь обратиться.

---

*) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи V, 39.

**) „Vorher habe der Zaar noch mit sich handelen lassen, jetzt sei kein Auskommen mehr mit ihm; er spricht nicht anders, als wenn das Reich schuldig wäre seinen Willen als Gesetz auszusehen“. (Изъ письма С. Сапорина къ принцу Евгенію Савойскому отъ 23 окт. 1716— у Droysen'a IV, 2; 187).

Вопросъ о возстановленіи мира и спокойствія на сѣверѣ Европы дѣлается очереднымъ почти тотчасъ послѣ полтавской побѣды: мы уже знаемъ тѣ причины, какія побуждали европейскія державы интересоваться этимъ вопросомъ, и ту связь, какая существовала въ данномъ случаѣ, между сѣверными дѣлами, съ одной стороны, и происходившей одновременно съ этимъ войной за испанское наслѣдство, съ другой. Не высказывался опредѣленно противъ подобнаго разрѣшенія русско-шведскаго столкновенія и самъ Петръ Великій и даже предлагалъ, съ своей стороны, въ 1711 г. условія, на которыхъ могло бы состояться его примиреніе съ противникомъ, условія, кстати сказать, гораздо болѣе выгодныя для Швеціи, чѣмъ тѣ, на которыя ей пришлось согласиться гораздо позднѣе *). Одновременно съ этимъ, однако, онъ продолжалъ развивать и приводилъ исподволь въ исполненіе свои наступательные замыслы, принимавшіе все болѣе и болѣе грандіозные размѣры, и достаточно вспомнить его отношеніе къ гаагской конвенціи о нейтралитетѣ, чтобы отвѣтить на вопросъ: когда дѣйствовалъ болѣе искренне полтавскій побѣдитель — тогда-ли, когда склонялся къ скорѣйшему миру со Швеціей, или тогда, когда старался привлечь на свою сторону Пруссію и Ганноверъ?

Такъ же осторожно, какъ къ Гаагской конвенціи, долженъ былъ Петръ Великій отнестись и къ мысли о рѣшеніи сѣверныхъ дѣлъ на Утрехтскомъ конгрессѣ, на которомъ руководствующую роль играли Англія и Голландія, болѣе симпатизировавшія Швеціи, чѣмъ Россіи и съ нескрываемою тревогой смотрѣвшія на ростъ политическаго значенія послѣдней на Балтійскомъ морѣ. На названномъ конгрессѣ дѣйствительно имѣлось въ виду затронуть русско-шведскія отношенія; русскому уполномоченному, кн. Б. Куракину, вмѣнялось, однако, въ обязанность не столько способствовать окончательно разрѣшенію сѣверныхъ дѣлъ, сколько лишь слѣдить за тѣмъ, чтобы не было постановлено ничего, что нарушало бы косвеннымъ образомъ интересы Россіи и воспрепятствовало бы выполненію задуманнаго царемъ плана дальнѣйшей борьбы со Швеціей **). Предположеніе

---

*) Арх. Кур. IV, 347 слѣд.

**) Арх. Кур. VI, „Дипломатическіе мемуары кн. Б. И. Куракина, янв.— авг. 1713“. (Особ. стр. 15, 24, 35 и слѣд. 41 и 42). Также Соловьевъ IV, 308. Петру Великому было извѣстно, что Швеція будетъ хлопотать о гарантіи

рѣшить сѣверныя дѣла на особомъ конгрессѣ, на которомъ не принимали бы участія Англія и Голландія, какъ державы, не заинтересованныя непосредственно въ Сѣверной войнѣ, также осталось безъ результата, хотя, повидимому, Петръ Великій и относился болѣе сочувственно къ подобному способу возстановленія спокойствія на Сѣверѣ *). Созванный германскимъ императоромъ съ этою цѣлью въ 1714 г. конгрессъ въ Брауншвейгѣ фактически бездѣйствовалъ и долгое время прямо игнорировался русскимъ правительствомъ. Оставались, наконецъ, безъ результата и нѣкоторыя другія единичныя попытки, предпринимаемыя въ это время въ томъ же направленіи. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе выяснялось при этомъ, что главное затрудненіе въ этомъ дѣлѣ составляетъ не столько, быть можетъ, примиреніе самой Швеціи съ ея противниками, сколько одновременное соглашеніе интересовъ всѣхъ этихъ послѣднихъ между собою.

Притязанія Россіи и Польши на Лифляндію, вопросъ о будущей судьбѣ германскихъ провинцій Швеціи, соперничество Пруссіи и Ганновера, датско-голштинская распря и мекленбургскій вопросъ, — все это, переплетаясь между собою, дѣлало почти невозможнымъ какое-либо мирное разрѣшеніе сѣвернаго вопроса во всей его совокупности. Разрѣшеніе въ ту или другую сторону каждаго отдѣльнаго спорнаго пункта въ этомъ вопросѣ ставило въ концѣ концовъ на очередь еще болѣе жгучій вопросъ о соперничествѣ тѣхъ державъ, которыя больше другихъ выигрывали отъ крушенія шведскаго могущества. Послѣ паденія шведской гегемоніи Европа стояла передъ дилеммою гегемоніи на сѣверѣ Россіи или Англіи,

на конгрессѣ Вестфальскаго мира, что означало бы и гарантію ея германскихъ владѣній, и что́, какъ мы знаемъ, въ разсчёты самого Петра не входило. Къ посредничеству въ его собственныхъ переговорахъ со Швеціей, усердно предлагаемому со стороны Англіи и Голландіи, онъ точно также относился недовѣрчиво. Имъ, видимо, руководило опасеніе, что морскія державы постараются придать этому посредничеству принудительный характеръ; при данномъ положеніи дѣлъ это могло бы заставить его согласиться на бо́льшія уступки, чѣмъ тѣ, какія выпали бы на долю его союзниковъ—Даніи и Польши. Отказываясь отъ подобной „медіаціи“, Петръ Великій соглашался лишь на принятіе „добрыхъ услугъ“ и при томъ не только со стороны морскихъ державъ, но также и со стороны Ганновера и германскаго императора, услугъ, которыя не могли связать его какими-либо обязательными для него условіями.

*) Арх. Кур. VI, 38 слѣд. „Доношеніе, что принадлежитъ къ дѣламъ Сѣверной войны; іюнь 1713 г.“ и „на сіе доношеніе рѣшеніе отъ двора; авг. 1713 г.“.

отношенія которой къ Петру Великому принимаютъ къ этому времени гораздо болѣе натянутый характеръ, чѣмъ отношенія къ нему его непосредственнаго противника—Швеціи.

Не борьба съ истощенной и обезсиленной Швеціей, но привлеченіе ея на свою сторону въ качествѣ второстепенной силы, которая можетъ оказаться пригодной въ борьбѣ съ главнымъ соперникомъ—такова мысль, которою постепенно начинаютъ проникаться обѣ названныя державы. Идея сепаратнаго мира со Швеціей, какъ первый шагъ къ дальнѣйшему, болѣе тѣсному сближенію съ нею, входитъ мало-по-малу въ обращеніе какъ въ русскихъ, такъ и въ англо-ганноверскихъ правительственныхъ сферахъ, а одновременно съ этимъ теряетъ постепенно свой кредитъ и мысль о «генеральномъ» примиреніи на Сѣверѣ. Въ такомъ духѣ работала, начиная съ конца 1716 г., русская дипломатія въ Швеціи. Навстрѣчу ея стараніямъ шла дѣятельность извѣстнаго уже намъ ревнителя интересовъ герцога голштинскаго, барона Герца.

Вступивъ на службу къ вернувшемуся послѣ долгихъ скитаній на родину Карлу XII, Герцъ явился въ Швецію въ то время, когда сознаніе невозможности для послѣдней выдерживать дальнѣйшую борьбу со всѣми ея противниками и необходимости примириться предварительно съ однимъ изъ нихъ, чтобы хоть частью спасти проигранное дѣло, было уже въ достаточной степени усвоено шведскимъ правительствомъ. Обстоятельства, казалось, благопріятствовали выполненію этого плана. Еще въ началѣ 1716 г. Георгомъ I была сдѣлана попытка — черезъ ландграфа гессенъ-кассельскаго—привлечь на свою сторону Швецію, что и вызвало, быть можетъ, въ свою очередь, мирныя предложенія съ русской стороны, сдѣланныя русскимъ представителемъ во Франціи шведскому посланнику барону Шпарре. Соперничество англійскаго короля и Россіи создавало въ данномъ случаѣ благопріятное положеніе для Швеціи и позволяло ей разсчитывать на заключеніе мира на довольно выгодныхъ условіяхъ. Избравъ путь выжидательной политики и не отвѣчая ни одному изъ своихъ противниковъ рѣшительнымъ отказомъ, она начинаетъ мирные переговоры съ ними обоими одновременно *).

*) „Förhoppningarne hväffde sig soledes omkring försöken att förlika sig med ett dera af nämnda hof, och dessa försök, skiftevis syftande till fre med England eller med Ryssland, bilda den ledende tråden i Sveriges politik under det återstående af Carl XII's lifstid.“—Carlson 92.

Поѣздка Петра Великаго въ 1717 г. во Францію и переговоры его въ томъ же году въ Голландіи съ Герцемъ, который лично, повидимому, скорѣе склонялся къ соглашенію съ Россіей стояли, какъ извѣстно, со всѣмъ этимъ въ непосредственной связи.

Не довѣряя вполнѣ Франціи въ ея желаніи быть посредницей между Россіей и Швеціей, и достигнувъ сравнительно немного своею поѣздкою зимою того же года въ Парижъ, Петръ Великій началъ уже со Швеціей непосредственные переговоры, результатомъ которыхъ и было на первыхъ порахъ открытіе конгресса на Аландскихъ островахъ. На этомъ конгрессѣ были какъ бы подведены итоги русской политики предшествующихъ лѣтъ, и опредѣленно формулировано отношеніе Россіи къ главнымъ европейскимъ державамъ. Возбудивъ среди этихъ послѣднихъ тревогу, аландское совѣщаніе, съ другой стороны, само внесло существенныя осложненія въ русскую дипломатическую программу, не измѣнивъ ея основнаго направленія.

Въ маѣ 1718 г., когда началось аландское совѣщаніе, Россія требовала уступки ей всѣхъ тѣхъ областей, которыя впослѣдствіи и удалось ей удержать за собою по Ништадтскому миру; Швеція съ трудомъ соглашалась на уступку Лифляндіи и въ лучшемъ случаѣ желала сохранить за собою что-либо на остзейскомъ побережьѣ, не говоря уже о Финляндіи. Къ концу того же года, незадолго до внезапной смерти Карла XII, всѣ территоріальные споры получили благопріятное для Россіи разрѣшеніе, и она была накануне заключенія со Швеціей не только мирнаго, но и союзнаго договора наступательнаго характера, направленнаго, главнымъ образомъ, противъ англійскаго короля. Этимъ договоромъ должны были, въ тоже время, въ значительной степени разрѣшиться непріязненныя отношенія Швеціи какъ къ Августу Саксонскому, такъ и къ Пруссіи, и притомъ въ явно неблагопріятномъ направленіи для перваго и съ немалыми выгодами для послѣдней. Ходъ

*) Матеріалъ, относящійся къ аландскому конгрессу, обнародованъ отчасти у Backmeister'a, Beiträge zur Geschichte Peters des Grossen. См. также Nestesouranoi (Jean Rousset), Mémoires du Regne de Pierre le Grand. Обстоятельное изложеніе хода аландскихъ переговоровъ, основанное на архивномъ матеріалѣ даютъ Соловьевъ IV, 493—510 и Carlson 91—160. Разногласіе обоихъ названныхъ изслѣдователей по частному вопросу, имѣющему для нашего изложенія существенное значеніе, заставило насъ въ данномъ случаѣ выйти изъ рамокъ печатнаго матеріала, за которыя мы вообще не переступаемъ во всемъ настоящемъ введеніи, и обратиться къ архивнымъ даннымъ.

аландскихъ переговоровъ, приведшихъ къ указаннымъ результатамъ, равно какъ и нѣкоторыя другія дипломатическія мѣропріятія петербургскаго кабинета за это время, и раскрываютъ передъ нами отчетливую картину того положенія, какое заняла Россія по отношенію къ другимъ европейскимъ державамъ, и уясняютъ намъ тѣ основанія, на какихъ строилась въ это время ея политическая система.

Предъявленное съ самаго начала требованіе уступить ей Ингрію, Эстляндію съ Ревелемъ, Лифляндію, Карелію и Выборгъ энергично поддерживалось Россіей въ теченіе всего времени переговоровъ, и тѣмъ самымъ какъ бы сразу и вполнѣ точно опредѣлялись размѣры ея вознагражденія за тяготы военнаго времени. Стараясь, однако, сохранить всѣ свои завоеванія и зная, что мирныя предложенія Швеціи идутъ не только со стороны одной Россіи, Петръ Великій, очевидно, долженъ былъ предложить и такія условія своему противнику, выгода которыхъ могла бы перевѣсить въ глазахъ послѣдняго выгоду заключенія мира съ тѣмъ или другимъ изъ его союзниковъ. Уже въ первой инструкціи Брюсу и Остерману мы находимъ, поэтому, обѣщаніе царя войти послѣ заключенія мира въ тѣсное соглашеніе со Швеціей, соглашеніе, которое помогло бы ей возмѣстить тотъ убытокъ, какой она понесетъ отъ уступки Россіи остзейскихъ провинцій. Фактически Россія давно уже стояла ближе къ своей соперницѣ, чѣмъ къ многимъ изъ своихъ союзниковъ. *Необходимость союза со Швеціей*—вотъ что было опредѣленно формулировано съ русской стороны на Аландскомъ конгрессѣ и что становится съ этого времени однимъ изъ руководящихъ началъ русской внѣшней политики, сохранившимъ свою силу и послѣ окончанія Сѣверной войны.

Средствомъ привлеченія къ подобному союзу со Швеціей должна была послужить, какъ сейчасъ было сказано, открывавшаяся ей надежда вознаградить себя за убытокъ, понесенный во время войны. Инструкція Брюсу и Остерману не опредѣляла точно форму этого вознагражденія. О ней легко было, однако, догадываться, и когда на первыхъ засѣданіяхъ русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ со шведской стороны было произнесено слово «эквивалентъ», въ смыслѣ территоріальнаго возмѣщенія, то это слово, очевидно, вполнѣ подходило къ тому, что имѣло въ виду само русское правительство. *Обязательство эквивалента Швеціи*—вотъ та уступка, которую долженъ былъ, казалось, сдѣ-

лать побѣдитель побѣжденному, разъ онъ хотѣлъ удержать почти всѣ свои завоеванія, уступка, безъ сомнѣнія, обусловленная тѣми международными отношеніями, которыя установились у Россіи съ ея западными сосѣдями и которыя, въ свою очередь, были вызваны всѣмъ военнымъ планомъ Петра Великаго во вторую половину Сѣверной войны.

Что́ заставляло Петра Великаго стремиться привлечь на свою сторону Швецію и ради этой цѣли итти даже на подобную уступку—точно также вполнѣ выясняется аландскими переговорами, поскольку они касались источника означеннаго эквивалента и его размѣровъ. Уже изъ первой инструкціи Брюсу и Остерману совершенно ясно видно, за чей счетъ не прочь былъ бы Петръ вознаградить Швецію за понесенныя ею потери. Перечисляя всѣхъ союзниковъ Россіи, съ которыми должна была примириться Швеція, разъ она хотѣла мира съ самимъ царемъ, эта инструкція меньше всего стѣсняла Швецію въ тѣхъ условіяхъ, какія могли быть предложены со стороны послѣдней англійскому королю. Въ то же время она ограничивала всего шестью мѣсяцами срокъ, въ теченіе котораго король Георгъ долженъ былъ притти къ тому или другому рѣшенію, еслибъ онъ пожелалъ быть включенъ въ русско-шведскій мирный трактатъ. Въ объясненіи къ инструкціи русскимъ уполномоченымъ также достаточно ясно давалось понять, что Россія не будетъ поддерживать англійскаго короля въ тѣхъ требованіяхъ, какія онъ могъ бы предъявить Швеціи, разъ эти требованія будутъ стѣснительны для послѣдней. Когда же былъ опредѣленно поставленъ вопросъ объ эквивалентѣ, то съ русской стороны прямо было заявлено, что такимъ эквивалентомъ могутъ послужить Бременъ и Верденъ, т.-е. тѣ шведскія же области, которыя, очевидно, хотѣлъ удержать за собою Георгъ, какъ курфюрстъ ганноверскій. Миръ и союзъ Россіи со Швеціей должны были, такимъ образомъ, прежде всего создать противодѣйствіе могуществу Ганновера, государства, которое прежде другихъ столкнулось съ Петромъ Великимъ въ сѣверной Германіи, было въ значительной степени причиною его неудачъ въ Мекленбургѣ и Поммераніи, и политика котораго—и это самое главное — идя рука объ руку съ политикою Англіи, грозила серьезною опасностью какъ новому положенію Россіи на Балтійскомъ морѣ, такъ и тѣмъ ея очереднымъ задачамъ, которыя создавались самимъ этимъ положеніемъ. Не столько Ганноверъ самъ по себѣ, сколько курфюрстъ ганноверскій, какъ

англійскій король, создавалъ серьезную задачу для Петра Великаго, занявшаго опредѣленно враждебное по отношенію къ нему положеніе и старавшагося все время разъединить интересы Ганновера и Англіи и установить со второю сносный modus vivendi **).

Вполнѣ понятно, однако, что эквивалентъ въ той формѣ, въ какой онъ былъ предложенъ со стороны Россіи, не могъ быть встрѣченъ Швеціей сочувственно. Бременъ и Верденъ и безъ того были шведскія провинціи, вопросъ объ уступкѣ которыхъ не былъ еще рѣшенъ окончательно. Съ другой стороны, заводя объ этихъ провинціяхъ переговоры съ царемъ, Швеція рисковала раздражить противъ себя того же короля Георга, съ которымъ у нея точно также шли переговоры о тѣхъ же провинціяхъ*).

Не желая создавать для себя обостренныя отношенія съ Георгомъ и въ то же время не теряя надежды получить эквивалентъ въ большихъ размѣрахъ сравнительно съ тѣмъ, что было предложено Петромъ Великимъ, шведы указали иной источникъ для возмѣщенія тѣхъ потерь, которыя они должны были понести на остзейскомъ побережьѣ. Съ одной стороны, такимъ источникомъ должны были явиться владѣнія герцога мекленбургскаго, для котораго, въ свою очередь, предстояло изыскать гдѣ-нибудь территоріальное возмѣщеніе; съ другой стороны, тѣ или другія изъ провинцій, принадлежащихъ Даніи, къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ которой Швеція, въ свою очередь, усиленно склоняла въ это время Россію. Настоящій планъ Швеціи встрѣтилъ, однако, сильное несочувствіе со стороны Петра Великаго. Покинувъ сѣверную Германію, онъ продолжалъ смотрѣть на Мекленбургъ, какъ на опорный пунктъ, попрежнему лично для него необходимый, если не въ силу какихъ-либо стратегическихъ соображеній, то въ виду тѣхъ положительныхъ задачъ, какія рисовались ему, какъ очередныя для ближайшаго будущаго. Мечтая о развитіи русской торговли на Балтійскомъ морѣ, Петръ Великій не могъ отнестись сочувственно къ исчезновенію съ карты Европы второстепеннаго германскаго государства, территорія котораго создавала удобное сообщеніе съ океаномъ и которое должно было войти теперь въ составъ такого сравнительно значительнаго государства, какимъ все-таки продолжала оставаться Швеція. Не

*) Враждебное отношеніе къ Англіи далеко не являлось въ данное время настроеніемъ, господствующимъ въ шведскихъ руководящихъ сферахъ (срав. Carlson passim). Остерманъ, рисуя его таковымъ (Соловьевъ IV, 499), основывался, очевидно, на личныхъ взглядахъ Герца.

говоримъ уже объ опасеніи, и какъ кажется, не безъосновательномъ, за то, что эквивалентъ герцогу будетъ изысканъ изъ тѣхъ провинцій, которыя должны были отойти отъ Швеціи къ Россіи, и ляжетъ, такимъ образомъ, прежде всего всею своею тяжестью на послѣднюю.

Повидимому, въ силу указанныхъ соображеній русское правительство на аландскихъ совѣщаніяхъ и было противъ удаленія герцога мекленбургскаго изъ сѣверной Германіи. По аналогичнымъ соображеніямъ уклонялось оно и отъ активнаго содѣйствія Швеціи въ ея стремленіи возмѣстить свои потери за счетъ Даніи. Въ будущемъ предстояло еще не мало поводовъ и причинъ къ возникновенію серьезныхъ недоразумѣній между Россіей и Даніей, хотя бы изъ за того же вопроса о зундской пошлинѣ. Не допуская мысли о какомъ-либо усиленіи Даніи на счетъ Швеціи и даже, быть можетъ, не имѣя ничего противъ ихъ взаимнаго столкновенія, Петръ Великій вовсе не былъ намѣренъ теперь же портить своихъ отношеній съ первою изъ двухъ названныхъ державъ ради чужихъ интересовъ. Взамѣнъ занятія Швеціей владѣній герцога мекленбургскаго имъ и было предложено увеличеніе эквивалента за счетъ брауншвейгскихъ владѣній того же курфюрста ганноверскаго; добиваться уступки какихъ-либо провинцій отъ Даніи предоставлялось Швеціи на ея собственное усмотрѣніе.

Таковы были главные пункты, около которыхъ вращались переговоры объ эквивалентѣ и союзномъ соглашеніи между Россіей и Швеціей на Аландскомъ конгрессѣ. Къ осени 1718 г. эти переговоры были, повидимому, близки къ окончанію въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ, и соглашеніе по этому вопросу получало слѣдующую формулировку. Заключивъ между собою миръ и союзъ дружбы, Россія и Швеція соглашались о совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Сѣверной Германіи; эти дѣйствія должны были быть направлены противъ Георга, какъ курфюрста ганноверскаго, и имѣли своею цѣлью прежде всего принудить послѣдняго къ уступкѣ Швеціи Бремена и Вердена. Не нарушая своихъ добрыхъ отношеній съ Даніей, Петръ Великій обязывался не мѣшать Швеціи принудить свою сосѣдку очистить Поммеранію и возвратить герцогу голштинскому Шлезвигъ; но если бы Швеція пожелала возмѣстить за счетъ датскихъ владѣній свои собственныя потери на остзейскомъ побережьѣ, то это возмѣщеніе могло быть произведено только за счетъ Норвегіи. Одновременно съ этимъ

обѣ договаривающіяся державы намѣревались объявить въ Англіи и Голландіи, что ихъ совмѣстныя дѣйствія не нарушаютъ ихъ добрыхъ отношеній съ указанными державами и не имѣютъ въ виду какого-либо стѣсненія англійской или голландской торговли *).

*) Backmeister, Beiträge zur Gesch. Peters d. Gros., 375—376. Наше изложеніе аландскихъ переговоровъ расходится по существу съ взглядомъ Carlsson'a, по мнѣнію котораго планъ совмѣстнаго нападенія Швеціи и Россіи на Данію былъ предложенъ *съ русской* стороны. Свой взглядъ Carlsson основываетъ *на извѣстіи* о письмѣ царя, которое, будто бы, заключало подобное предложеніе и было сообщено Остерманомъ Герцу наканунѣ первой поѣздки этого послѣдняго изъ Лёфё въ Швецію. Это извѣстіе находится въ письмѣ самого Герца къ министру Мюллерну отъ 4-го іюля 1718 г. (Carlson 125). Дѣла аландскаго конгресса, хранящіяся въ Московск. Арх. М. И. Д., не подтверждаютъ подобнаго взгляда. Напротивъ, самъ Герцъ намекалъ, повидимому, на желаніе Швеціи получить эквивалентъ за счетъ Даніи еще *до своей первой поѣздки* въ Стокгольмъ, и тогда же русское правительство предписывало своимъ уполномоченнымъ всячески уклоняться отъ обѣщанія въ данномъ случаѣ активной помощи со стороны Россіи, заявляя, однако, при этомъ, что подобной попытки со стороны самой Швеціи оно мѣшать не будетъ (реляц. Остермана отъ 22-го іюня; царскій рескриптъ отъ 2-го іюля 1718 г.). Дальнѣйшее подтвержденіе своего взгляда Carlson видитъ въ тѣхъ проектахъ русско-шведскаго соглашенія, которыя были выработаны на аландскихъ совѣщаніяхъ и опубликованы у Rousset и Backmeister'a. Первымъ проектомъ, выработаннымъ русскими уполномоченными („icke ur svensk källa" Ibid. 133) послѣ возвращенія Герца въ Лёфё, Carlson считаетъ проектъ, помѣщенный у Rousset (IV, 162 flg); окончательной редакціей этого проекта, которая въ половинѣ августа была послана Остерманомъ къ царю, ту, которую читаемъ у Backmeister'a (III, 351 flg.). Carlson'у остался, такимъ образомъ, неизвѣстнымъ тотъ проектъ, который приводится у Соловьева (IV, 502 слѣд.) и который и является, въ дѣйствительности, первымъ проектомъ, выработаннымъ послѣ возвращенія Герца изъ своей первой поѣздки съ Аландскихъ острововъ въ Швецію. Ни проектъ, приводимый Соловьевымъ, ни проектъ, помѣщенный у Rousset, нѣтъ, однако, основанія считать составленными русскими уполномоченными. Послѣдній изъ нихъ Остерманъ въ своихъ реляціяхъ прямо называетъ проектомъ, который ему удалось „выходить" у шведовъ. Это и былъ второй шведскій проектъ, выработанный шведскими уполномоченными послѣ второй поѣздки Герца въ Стокгольмъ и послѣ того, какъ возникло затрудненіе по вопросу объ удовлетвореніи Швеціи. Этотъ проектъ и былъ посланъ Остерманомъ при реляціи отъ 19-го августа. Какой проектъ приведенъ у Backmeister'a? Про него извѣстно только то, что 26-го августа онъ былъ *возвращенъ* Остерману съ собственноручными помѣтками царя. Какъ возникъ этотъ проектъ? По своему содержанію, это—текстъ мирнаго трак-

Такъ опредѣлились на Аландскомъ конгрессѣ отношенія Петра Великаго къ одной группѣ его союзниковъ: Даніи, Ганноверу и не принимавшей прямого участія въ Сѣверной войнѣ Англіи. На томъ же совѣщаніи обрисовались и его отношенія къ Пруссіи и королю польскому. Что касается послѣдняго, то Петръ Великій, повидимому, не только не былъ намѣренъ поддерживать его интересы и создавать изъ нихъ хотя бы малѣйшее затрудненіе для своего соглашенія со Швеціей, но даже готовъ былъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы покончить свои собственные счеты съ названнымъ союзникомъ. Ему были извѣстны саксонскіе происки въ Польшѣ и стремленіе Августа придать наслѣдственный характеръ своей королевской власти, извѣстны его личные виды на Лифляндію, а быть можетъ, и на другія области на остзейскомъ побережьѣ. Послѣднее противорѣчило собственнымъ видамъ царя на Балтійскомъ морѣ; первое шло въ разрѣзъ съ русскою политикою въ Польшѣ, гдѣ наряду съ сохраненіемъ политической цѣлостности Рѣчи Посполитой Петръ Великій всегда ставилъ своею цѣлью поддержаніе государственнаго режима,

тата Россіи со Швеціей съ прибавленіемъ десяти сепаратныхъ пунктовъ. Эти послѣдніе—ничто иное, какъ *повтореніе проекта, помѣщеннаго у Rousset, но съ существенными измѣненіями.* Въ виду того, что Остерманъ послѣ отсылки своей реляціи 19-го августа самъ вскорѣ поѣхалъ въ Россію, позволяемъ себѣ высказать слѣдующую догадку. По своему прибытію въ Россію Остерманъ имѣлъ разговоръ съ царемъ по поводу присланнаго имъ передъ этимъ шведскаго проекта. Результатомъ этого разговора была новая редакція этого проекта, измѣненная самимъ Остерманомъ и присоединенная имъ къ составленному имъ же тексту основного мирнаго трактата Россіи со Швеціей. Текстъ этого основного трактата съ присоединеніемъ шведскаго проекта въ Остермановской редакціи мы и находимъ у Backmeister'а (замѣтимъ кстати, что наиболѣе существеннымъ измѣненіемъ, внесеннымъ Остерманомъ въ шведскую редакцію, была оговорка о томъ, что Россія не порветъ своихъ добрыхъ отношеній съ Даніей и не будетъ оказывать помощи Швеціи, если эта послѣдняя пожелаетъ возмѣстить свои потери на счетъ датскихъ владѣній). Примѣчанія къ проекту, приводимыя у Backmeister'а,—примѣчанія, сдѣланныя самимъ Петромъ при возвращеніи имъ проекта Остерману 26-го августа. Эти примѣчанія должны были послужить для русскихъ уполномоченныхъ какъ бы новою инструкціею въ ихъ дальнѣйшихъ переговорахъ со Швеціею, которые должны были возобновиться послѣ возвращенія на Аландскіе острова и Герца, и Остермана. Вотъ основанія, заставляющія насъ розойтись со взглядомъ Carlson'а и даже усумнится въ существованіи того письма Петра Великаго, о которомъ упоминаетъ Герцъ въ своей перепискѣ съ Мюллерномъ.

основаннаго на слабости центральнаго правительства. Саксонская политика въ Польшѣ настолько же встрѣчала противодѣйствіе со стороны царя, насколько и солидарность политики Англіи и англійскаго короля, курфюрста ганноверскаго. Замѣчавшееся къ этому времени сближеніе между обоими курфюрстами могло лишь укрѣпить Петра Великаго въ его антисаксонской политикѣ. Ниже намъ придется еще остановиться на вопросѣ объ антиганноверскихъ происках России въ Англіи; одновременно съ аландскимъ совѣщаніемъ русская дипломатія, какъ кажется, прямо старалась о созданіи взаимнаго недовольства и недовѣрія между польскою націею и ея королемъ *). Шведское предложеніе на конгрессѣ о поддержкѣ въ Польшѣ Станислава Лещинскаго не встрѣтило возраженій съ русской стороны, и въ полномъ противорѣчіи со смысломъ первоначальной инструкціи Брюсу и Остерману, пунктъ о возобновленіи условій Альтранштадтскаго мира и о лишеніи Августа его королевской власти вошелъ въ послѣднюю редакцію мирнаго и союзнаго договора.

Труднѣе было столковаться со Швеціей относительно Пруссіи, этого двойного противовѣса въ дипломатической системѣ Петра Великаго—ганноверскому могуществу въ сѣверной Германіи, съ одной стороны, и саксонскимъ замысламъ въ Польшѣ и на остзейскомъ побережьѣ, съ другой. Во время аландскихъ переговоровъ съ русской стороны точно также было приложено стараніе, чтобы будущій миръ Россіи со Швеціей, какъ основа для дальнѣйшаго примиренія Швеціи съ ея другими противниками, не нарушалъ слишкомъ рѣзко прусскіе интересы. Уже въ первоначальной инструкціи Брюсу и Остерману опредѣленнѣе другихъ были формулированы именно тѣ уступки, которыя Швеція должна была бы сдѣлать Пруссіи, и претензіи послѣдней на Штеттинъ были признаны законными и подлежащими удовлетворенію. Послѣднее было особенно непріятно шведскому правительству, и въ противоположность указанной инструкціи, въ первоначальномъ проектѣ мирного договора, составленнымъ Герцомъ пунктъ о Пруссіи былъ, наоборотъ, редактированъ довольно неопредѣленно. Извѣстно, однако, что именно этотъ пунктъ и повелъ къ разногласію между русскими и шведскими уполномоченными; результатомъ этого разногласія и было составленіе новаго проекта, въ которомъ Швеція дѣлала въ дан-

*) Соловьевъ IV, 505, 506.

номъ отношеніи значительныя уступки. Пунктъ этого новаго проекта съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями былъ принятъ русскимъ правительствомъ. Указывая въ своемъ мѣстѣ на предполагаемое вознагражденіе Швеціи за счетъ Ганновера и на возвращеніе ею всѣхъ своихъ владѣній, захваченныхъ во время Сѣверной войны Даніей, Россія настаивала, чтобы одновременно съ настоящимъ трактатомъ были опредѣлены формы и размѣръ будущаго удовлетворенія Пруссіи, разъ Швеція не соглашалась на уступку ей Штеттина. Не находя, съ другой стороны, согласнымъ съ своими интересами воздѣйствовать на Пруссію какими либо принудительными мѣрами, Россія предлагала лишь свое посредничество для возстановленія между Швеціей и Пруссіей согласія и правильныхъ дипломатическихъ сношеній *).

Таковы главные вопросы, дебатировавшіеся на Аландскомъ конгрессѣ, и тѣ результаты, къ достиженію которыхъ это совѣщаніе, казалось, было близко къ концу 1718 г. Если бы Россіи удалось добиться удовлетворенія всѣхъ своихъ требованій въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были изложены въ послѣднемъ проектѣ мирного и союзнаго договора, выработаннаго на Аландскомъ конгрессѣ, то русская дипломатія могла бы торжествовать не малую побѣду. Этого, какъ извѣстно, не случилось, и трудно даже рѣшить, привели-ли бы аландскія совѣщанія къ какому-либо рѣшительному исходу, если бы даже не были нарушены неожиданною смертью Карла XII. Не говоримъ уже о томъ, что политика Герца не встрѣчала сочувствія и одобренія въ шведскихъ правительственныхъ сферахъ, и что примирившись съ необходимостью пожертвовать частью шведскихъ владѣній, общественное мнѣніе въ самой Швеціи скорѣе предпочитало утрату германскихъ провинцій, чѣмъ остзейскаго побережья **). Самъ Герцъ, державшійся противоположнаго взгляда, находилъ, повидимому, недостаточными тѣ выгоды, которыя сулила Швеціи перспектива союза съ Россіей въ вознагражденіе за уступку Эстляндіи и Лифляндіи. Никогда не теряя надежды притти одновременно съ заключеніемъ союза съ Россіей къ какому-

*) Backmeister 372.

**) Соловьевъ IV, 507. Лично Карлъ XII, какъ видно изъ его писемъ, также съ трудомъ соглашался на тѣ уступки, которыхъ требовала отъ него Россія, и еще въ августѣ 1718 г. находилъ возможнымъ настаивать не только на возвращеніи Финляндіи, но и Лифляндіи съ Эстляндіей.— Carlson 143.

либо соглашенію и съ королемъ англійскимъ, и встрѣтивъ во время своей третьей поѣздки въ Швецію въ августѣ 1718 г. рѣзкую оппозицію въ лицѣ министра Мюллерна, онъ скоро самъ началъ склоняться на сторону своего противника. Слухи о какихъ-то новыхъ переговорахъ царя съ англійскимъ королемъ, которые, очевидно имѣли цѣлью возстановленіе добраго согласія между обоими союзниками, заставили Швецію торопиться съ своими собственными переговорами съ Георгомъ, и самъ Герцъ въ своихъ ноябрьскихъ письмахъ развивалъ уже идею шведско-англійскаго соглашенія *).

Гадательный вопросъ о томъ, какой исходъ приняли бы аландскія совѣщанія, если бы фридрихсгальскій выстрѣлъ не прервалъ жизни несчастнаго Карла XII, не представляетъ, такимъ образомъ существеннаго значенія для исторіи дипломатическихъ отношеній Россіи и Европы. Въ данномъ случаѣ гораздо болѣе существеннымъ условіемъ является тотъ новый порядокъ вещей, который создался въ самой Швеціи, какъ результатъ неожиданной смерти Карла, и то раздраженіе, которое съ новою силою пробудилось среди европейскихъ державъ противъ Россіи вслѣдствіе ея сепаратныхъ переговоровъ съ своею противницею. Переходъ короны въ руки младшей сестры Карла XII, получившей ее не по праву наслѣдованія, но въ силу своего избранія на престолъ шведскими государственными чинами, открывалъ въ Швеціи господствующее положеніе для партіи, склонявшейся скорѣе къ примиренію съ англійскимъ королемъ, чѣмъ съ Россіей, и создавалъ благопріятную почву для англійской дипломатіи, ставившей себѣ цѣлью изолировать царя отъ его союзниковъ. Отстраненіе отъ шведскаго престола сына старшей сестры Карла XII, герцога голштинскаго, и тѣ надежды, какія, видимо, возлагалъ самъ герцогъ и его приверженцы на Петра Великаго, позволяли русскому правительству взглянуть на голштинскія притязанія въ Швеціи, какъ на оружіе, которымъ можно было воспользоваться въ рѣшительной борьбѣ съ противникомъ. Надо было только не забывать обоюдоострый характеръ самого этого оружія.

Аландскіе переговоры—ихъ содержаніе не оставалось, конечно, тайною для Европы—могли только усилить ту тревогу и тѣ подозрѣнія, которыя давно уже возбуждала политика Россіи. Воз-

*) Carlson 163.

рожденная Англія, не считавшая свою балтійскую торговлю достаточно гарантированной, пока русскія войска занимали Мекленбургъ, Польшу и такой важный въ торговомъ отношеніи пунктъ, какъ Данцигъ, и старая монархія Габсбурговъ, опасавшаяся, что заключивъ миръ со Швеціей, царь развяжетъ себѣ руки въ Германіи и поддерживая Пруссію, ускоритъ паденіе ветхаго зданія германской имперіи, шли въ данномъ случаѣ навстрѣчу другъ другу въ своихъ тревогахъ *). Общая опасность заставляла другія державы связывать свою собственную политику съ политикою англійской денежной аристократіи или династическою политикою Австріи—Данію, Саксонію, не говоря уже о Ганноверѣ, не упускавшемъ изъ виду своихъ собственныхъ задачъ на континентѣ.

Союзъ 1717 г. Англіи, Франціи и Голландіи, ставя себѣ главною цѣлью защиту интересовъ ганноверской династіи отъ происковъ якобитовъ, имѣлъ уже въ виду аггресивную политику Россіи. Новый союзъ, заключенный январѣ 1719 г. между цесаремъ, Англіей и Саксоніей, возникнувъ на почвѣ непріязненнаго отношенія трехъ указанныхъ державъ къ Пруссіи и ея обособленной политикѣ, задѣвалъ еще болѣе непосредственно интересы Петра Великаго и шелъ въ разрѣзъ съ тѣми требованіями, которыя были предъявлены имъ во время мирныхъ переговоровъ со Швеціей. Не говоримъ уже объ обоихъ главныхъ casus faederis трактата 1719 г., которые предусматривали, по вѣрному замѣчанію Droysen'a,

*) Тревогу и подозрѣніе возбуждала не одна внѣшняя политика Петра Великаго, но и тѣ событія, которыя происходили въ это время въ Россіи. Дѣло царевича Алексѣя заставляло западно-европейскія державы опасаться, что русскій престолъ перейдетъ въ линію царицы, уроженки шведскихъ провинцій, и тѣмъ создаться лишній поводъ къ сближенію Россіи и Швеціи. „L'envoyé de Danemark a ordre exprés d'être bien attentif à tout ce qui regarde le czarevitz et de prendre même hautement son parti en cas que le czar vienne manquer, le roi de Danemark sachant trés bien que la Czarienne, etant suedoise, est portée pour cette nation" (Веберъ Бернсдорфу 7-го февр. 1718 г.—Seitgenoss. Berichte II, 112). Нѣсколько позднѣе цесарскій дворъ, повидимому, безпокоился не только, потому что будутъ затронуты интересы сына царевича, женатаго на сестрѣ императора Карла VI, но и потому что русскій престолъ перейдетъ къ кому-либо изъ нѣмецкихъ князей, за котораго будетъ выдана одна изъ дочерей царя, что нарушило бы равновѣсіе между отдѣльными политическими единицами въ имперіи. Отъ Петра Великаго не ускользалъ *такого рода* интересъ Европы къ дѣлу царевича; вспомнимъ его неудовольствіе на Вестфалена, де-Би, Плейера и Вебера за чрезмѣрный интересъ, проявленный ими къ этому дѣлу въ своихъ реляціяхъ.

нападеніе не только на ганноверскія владѣнія и Польшу, но и на Мекленбургъ и Курляндію; не говоримъ даже о соглашеніи двинуть корпусъ союзныхъ войскъ въ Польшу, а англійскій флотъ въ Балтійское море, въ случаѣ малѣйшаго наступательнаго движенія русскихъ войскъ, стоявшихъ въ Польшѣ и Литвѣ *). Союзъ 1719 г. надо разсматривать въ совокупности съ дальнѣйшею политикою Англіи и Австріи за это время, въ связи съ другими планами и проектами, создававшимися одновременно съ нимъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ. Аландскимъ переговорамъ и возможности сепаратнаго соглашенія царя со Швеціей цесарскій дворъ поспѣшилъ противопоставить перспективу общеевропейскаго разрѣшенія сѣверныхъ недоразумѣній. Мысль о забытомъ почти брауншвейгскомъ конгрессѣ снова начинаетъ входить въ обращеніе. Проектъ разрѣшенія сѣверныхъ недоразумѣній на этомъ конгрессѣ былъ выработанъ одновременно съ союзомъ 1719 г. творцами этого послѣдняго, Сапорипомъ, Синцендорфомъ и Флеммингомъ: сводя къ minimum'у удовлетвореніе Россіи, этотъ проектъ вырывалъ изъ рукъ Петра Великаго всякое оружіе, которое онъ могъ бы обратить, какъ угрозу противъ англо-австрійскаго соглашенія.

Швеція, по этому проекту, должна была примириться съ потерею своихъ нѣмецкихъ провинцій; возвращеніе ей Финляндіи и Лифляндіи съ Эстляндіей и гарантія ея новаго государственнаго устройства, основаннаго на ограниченіи королевской власти, являлись для нея вознагражденіемъ за эту потерю. Бременъ и Верденъ отходили къ Ганноверу; Штеттинъ и Поммеранія до р. Пэне на западъ—къ Пруссіи; Данія, которая, казалось, была наканунѣ возвращенія всѣхъ своихъ завоеваній Швеціи и потери Норвегіи, должна была получить Штральзундъ, о. Рюгенъ и остальную часть шведской Поммераніи до р. Пэне на востокъ. Лишенная надежды утвердить за собою Лифляндію, Польша должна была найти себѣ утѣшеніе въ полномъ инкорпорированіи Курляндіи; король польскій получалъ Висмаръ съ о. Пёлемъ и денежное вознагражденіе отъ Англіи, Даніи и Пруссіи. Съ другой стороны, Россія должна была удовольствоваться Петербургомъ, Кронштадтомъ и Нарвою. Предварительное удовлетвореніе всѣхъ союзниковъ, и прежде всего Пруссіи, создавало для Россіи совершенно

*) Dumont VIII, 2; 1. Анализъ союзнаго трактата 1719 г., поскольку онъ былъ направленъ противъ Пруссіи—Droysen IV, 2; 247.

изолированное положеніе, разъ она рѣшилась бы протестовать противъ подобнаго рѣшенія. Были, наконецъ, предусмотрѣны и возможность съ русской стороны воспользоваться, какъ угрозою, притязаніями герцога голштинскаго и разсчеты Петра Великаго на Мекленбургъ. Недоразумѣнія герцога мекленбургскаго съ мѣстнымъ дворянствомъ разрѣшались категорически въ пользу послѣдняго. Герцогъ голштинскій, за то, получалъ почти полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій: Данія должна была возвратить ему его готторпскія и шлезвигскія владѣнія; Швеція—признать наслѣдственныя права голштинской линіи на шведскую корону. Если несмотря на подобное невыгодное для него положеніе царь продолжалъ бы упорствовать въ своихъ намѣреніяхъ, союзники обязывались между собою принудить его силою оружія къ возвращенію Швеціи всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Россіей во время Сѣверной войны, и къ уступкѣ Польшѣ Кіева и Смоленска *).

Нѣтъ сомнѣнія, что настоящій проектъ на практикѣ оказался бы трудно выполнимымъ во всемъ его объемѣ. Отдѣльныя его частности заходили слишкомъ далеко и шли явно въ разрѣзъ съ условіями дѣйствительности. Искусственно и временно онъ объединялъ большинство державъ, интересы которыхъ сталкивались съ политикою Россіи, и создавалъ для послѣдней въ моментъ, и безъ того для нея не легкій, лишній камень преткновенія. Изолированное положеніе, въ которое этотъ проектъ старался поставить Россію, въ сущности говоря, было уже совершившимся фактомъ. Не вошедшая въ англо-австрійское соглашеніе и не терявшая надежды стать посредницею между Россіей и Швеціей, Франція въ своей внѣшней политикѣ продолжала оставаться подъ сильнымъ вліяніемъ Англіи **). Тѣ обязательства, въ которыя, казалось, готовы были вступить между собою Швеція и Россія, казались рискованными и осторожному прусскому королю, и англійское вліяніе начинаетъ находить съ этого времени постепенный доступъ и къ дружественно расположенному до сихъ поръ къ Россіи

*) Dumont VIII, 2; 8. Срав. донесенія отъ конца 1718 г. изъ Вѣны Веселовскаго. — Соловьевъ IV, 527. Авторовъ настоящаго проекта указываетъ Droysen IV, 2; 253, anm. 3.

**) Въ стремленіяхъ Франціи стать посредницею между Россіей и Швеціей слишкомъ явно сквозила забота объ интересахъ Англіи. Это стремленіе было, въ сущности говоря, лишь обратною стороною той же политики, лицевая сторона которой находила себѣ выраженіе въ англо-австрійскомъ соглашеніи.

берлинскому двору. И Франція, и Пруссія при такихъ условіяхъ были слишкомъ незначительными силами чтобы ихъ можно было противопоставить англо-австрійскому соглашенію.

Россіи приходилось разсчитывать на свои собственныя средства. События шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ и не позволяли сомнѣваться какъ на счетъ характера указаннаго соглашенія, такъ и на счетъ того, чьи интересы этимъ соглашеніемъ главнымъ образомъ преслѣдовались. По жалобѣ мекленбургскаго дворянства и за нарушеніе имперской конституціи надъ владѣніями герцога мекленбургскаго была назначена военная экзекуція, которая и была поручена курфюрсту ганноверскому. Въ концѣ февраля 1719 г. Мекленбургъ былъ занятъ ганноверскими войсками. Въ сраженіи съ ними при Вальдмюленѣ наряду съ войсками мекленбургскаго герцога принялъ участіе и русскій отрядъ, остававшійся въ Мекленбургѣ; Ганноверцы одержали верхъ; началось отступленіе русскихъ войскъ изъ сѣверной Германіи и изъ Польши. Сраженіе при Вальдмюленѣ было предвѣстіемъ разыгравшейся вслѣдъ за этимъ дипломатической борьбы между Россіей и Англіей, въ началѣ которой всѣ шансы, казалось, были на сторонѣ послѣдней.

Уже къ сентябрю 1719 г. былъ заключенъ при дѣятельномъ участіи англійской дипломатіи миръ между Швеціей и Ганноверомъ, причемъ Швеція должна была, конечно, согласиться на уступку Бремена и Вердена. Въ теченіе первой половины 1720 г., несмотря на всѣ старанія петербургскаго кабинета, при посредствѣ Англіи состоялось и примиреніе съ Пруссіей и Даніей; къ первой изъ нихъ перешла часть шведской Поммераніи между рр. Одеромъ и Пэне съ г. Штеттиномъ; вторая должна была отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ послѣднюю войну, но вернула себѣ право взимать зундскую пошлину со шведскихъ судовъ и получила отъ Англіи и Франціи гарантію на занятый ею Шлезвигъ *). Главная цѣль англійской дипломатіи была достигнута; спокойствіе, столь необходимое для развитія англійской торговли, было возстановлено, и жизнь вошла въ свою колею. Одержавъ надъ Россіей дипломатическую побѣду въ сѣверной Германіи, Англія, казалось, была намѣрена стать ей на дорогѣ и на

*) Соловьевъ IV, 527—563; Droysen IV, 2; 247 flg.; Malmström 131—211, 276—285. Тревожное настроеніе за означенное время русскихъ правительственныхъ сферъ и усилія Россіи удержать Пруссію и Данію отъ примиренія со Швеціей обрисовываются по депешамъ французскаго консула въ Петербургѣ Лави (Сборникъ XL).

остзейскомъ побережьѣ. Въ январѣ 1720 г. ею былъ заключенъ союзъ со Швеціей, точныя условія котораго долгое время оставались тайной, но цѣлью котораго было, очевидно, содѣйствіе Швеціи въ возвращеніи Эстляндіи и Лифляндіи *). Англія выполнила первую половину программы, развитой въ проектѣ 1719 г., подвергнувъ ее сообразно своимъ интересамъ нѣкоторымъ измѣненіямъ и теперь, казалось, приступала, къ выполненію ея второй половины. Уже къ осени 1719 г. начинаютъ распространяться слухи о новой готовящейся противъ Россіи коалиціи, участіе въ которой долженъ былъ принять и Августъ Саксонскій **). А въ то же время, примиреніе Швеціи съ ея противниками затрудняла для Россіи возможность прійти, въ свою очередь, къ мирному съ нею соглашенію. Теряла въ шведскихъ правительственныхъ кругахъ свой кредитъ и мысль о болѣе тѣсномъ сближеніи между двумя соперницами; она удержалась, однако, у приверженцевъ голштинской партіи, которые и строятъ теперь на ней широкіе планы какъ возрожденія шведскаго могущества, такъ и собственнаго торжества надъ своими противниками. Голштинская политическая программа успѣла уже сложиться въ своихъ основныхъ чертахъ къ тому моменту, когда Петръ Великій, покинувъ Западную Европу, все чаще и чаще начинаетъ останавливаться на мысли о сепаратномъ соглашеніи со Швеціей. «Eclaircissemens...» Бассевица является въ данномъ случаѣ цѣннымъ источникомъ для характеристики какъ содержанія голштинскихъ происковъ, такъ и ихъ постепеннаго развитія ***).

*) Malmström, 210. Тайна дипломатическихъ документовъ въ XVIII вѣкѣ сохранялась очень короткое время; содержаніе новаго англо-шведскаго договора оставалось, однако, неизвѣстнымъ еще въ 1722 г. Говоря объ этомъ договорѣ, равно какъ и о договорѣ Швеціи съ Ганноверомъ хорошо освѣдомленный авторъ брошюры „Schlüssel zur niestädtischen Frieden“замѣчаетъ: „es sind selbige annoch der Welt verborgen, und hat man, meines Wissens nach keine zuverlässige Copie davon zu sehen bekommen“ (s. 349).

**) Лави 22-го ноября 1720—Сборникъ XL; срав. Droysen IV, 2; 299. Эти слухи стояли, очевидно, въ связи съ попытками самого короля шведскаго склонить европейскія державы къ болѣе активному вмѣшательству въ русско-шведскую распрю и тѣмъ принудить Россію къ уступкамъ въ ея требованіяхъ. Ledran. Mémoire sur les negociation entre la France et le Czar...—Сборникъ XL, стр. XXV.

***) Büsching's Magasin, IX; 283—344. Настоящій источникъ требуетъ осторожнаго къ себѣ отношенія, поскольку рѣчь идетъ о характери-

Осложнившій одно время взаимоотношенія сѣверныхъ державъ въ ихъ борьбѣ со Швеціей, голштинскій вопросъ пересталъ, какъ было уже сказано, оказывать замѣтное вліяніе на это взаимоотношеніе послѣ заключенія русско-прусскаго договора 1714 г. Это вліяніе снова начинаетъ чувствоваться лишь послѣ смерти Карла XII. Владѣтельный принцъ Германской имперіи и близкій родственникъ шведскаго короля, несовершеннолѣтній герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ долженъ былъ тревожиться въ это время не столько по поводу занятія его шлезвигскихъ владѣній Даніей, сколько по поводу необезпеченности его правъ на шведскій престолъ въ виду отсутствія на этотъ счетъ какихъ-либо точныхъ распоряженій со стороны его покойнаго дяди. Интересы герцога въ Швеціи имѣли для него гораздо болѣе существенное значеніе, чѣмъ его интересы въ Германіи. Обезпечивъ свои права на наслѣдованіе шведскаго престола, онъ можетъ съ бо́льшею настойчивостью домогаться возвращенія Шлезвига и съ бо́льшею увѣренностью разсчитывать на удовлетвореніе этой претензіи — такъ понимался голштинскій вопросъ приближенными герцога Карла-Фридриха и прежде всего много разъ упоминаемымъ уже барономъ Герцемъ. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ переговорахъ въ 1714 г. съ берлинскимъ дворомъ и кн. Меншиковымъ, Герцъ не потерялъ, повидимому, надежды достичь примиренія Швеціи съ ея противниками и прежде всего съ Россіей. Его переговоры съ кн. Куракинымъ въ Голландіи въ 1717 г. и послѣдовавшіе вслѣдъ за этимъ аландскіе переговоры были въ сущности продолженіемъ тѣхъ же стремленій, какія были проявлены Герцемъ въ его бытность непосредственнымъ министромъ герцога голштинскаго. Подготовить почву для подобнаго примиренія было возложено въ то время на Негелина, который и былъ посланъ въ 1714 г. въ С.-Петербургъ.

Какихъ-либо особыхъ порученій по поводу шлезвигскаго дѣла, которое, въ сущности, и вовлекло скромный голштинскій дворъ въ водоворотъ общеевропейской политики, Негелину, какъ кажется, дано не было; ему вмѣнялось, зато, въ обязанность столко-

стикѣ отдѣльныхъ лицъ и въ особенности роли въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ самого Бассевица. Онъ даетъ, зато, цѣнный матеріалъ, характеризующій стремленія голштинской партіи въ различные моменты и сообщаетъ много фактическихъ данныхъ, почерпнутыхъ, очевидно, изъ оригинальныхъ документовъ, находившихся въ распоряженіи перваго министра герцога голштинскаго.

ваться о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты сообща съ Россіей по вопросу о гарантіи въ будущемъ правъ герцога на шведскій престолъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи долженъ былъ быть, по мысли Герца, союзъ между царемъ и герцогомъ голштинскимъ, союзъ, при заключеніи котораго могли быть приняты, по его мнѣнію, и интересы русской торговли, и для упроченія котораго могъ служить бракъ герцога съ одною изъ дочерей царя *).

Отправившійся вскорѣ послѣ Негелина въ С.-Петербургъ Бассевицъ не получилъ отъ Герца какихъ-либо новыхъ инструкцій, добавлявшихъ и видоизмѣнявшихъ по существу инструкціи, данныя Негелину. Мы затрудняемся даже сказать, была ли эта поѣздка результатомъ желанія самого Петра Великаго и усиленныхъ просьбъ Герца въ виду неудачъ Негелина въ С.-Петербургѣ, какъ свидѣтельствуетъ «Eclaircissemens» *), или же мы имѣемъ здѣсь дѣло съ попыткою самого Бассевица—захватить въ свои руки дѣло, на которомъ онъ могъ проявить свои богатыя способности дипломата-прожектера и сдѣлать свою личную карьеру. Появившись, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ и найдя поддержку въ лицѣ одного только Меншикова, Бассевицъ проявилъ большую самостоятельность въ своей дипломатической дѣятельности и ушелъ далеко впередъ отъ началъ, намѣченныхъ Герцемъ въ его планѣ.

Герцъ хлопоталъ о примиреніи Швеціи съ ея противниками; Бассевицъ старался предусмотрѣть, какая судьба постигнетъ шведскія провинціи, занятыя непріятелемъ, и что изъ этихъ провинцій Швеціи удастся сохранить за собою. Герцъ заботился объ упроченіи за герцогомъ права престолонаслѣдія въ Швеціи. Бассевицъ опредѣлялъ, къ чему сведутся въ данномъ случаѣ обязательства по отношенію къ герцогу его союзника, русскаго царя. Онъ выдвигалъ снова вопросъ о правѣ герцога на Шлезвигъ, предусматривалъ возможность упрека въ нарушеніи по-

*) „Eclaircissemens...“. 297

**) „Quoi qu'habile homme, Negelein n'y fit que de l'eau claire et ne pût même trouver entrée chez Menzikoff, qu'en s'annonçant pour le precurseur de Bassevitz. Ni le monarque, ni son favori ne daignerent s'ouvrir à lui le moins du monde et ce dernier ne cessait de presser la venue du ministre. Goerz enfin résolut de faire partir Bassevitz et lui déclara. Mais le même homme qui repondit gaiement aux instances que lui fit Menzikoff de bientôt le suivre, qu'il irait... refusa maintenant la difficile commission d'aller flechir le Czar et l'argueilleux Goerz fut obligé de s'abbaisser aux priéres les plus pressantes, pour la faire accepter“ (op. cit. 297).

литическаго равновѣсія, разъ голштинскія и шведскія владѣнія объединятся подъ одною властью, и считалъ необходимымъ сдѣлать оговорку объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ другихъ державъ, кромѣ Россіи, такъ или иначе заинтересованныхъ въ исходѣ Сѣверной войны. По этому проекту, царь долженъ былъ добиться всѣми средствами возвращенія герцогу голштинскому въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Шлезвига и содѣйствовать при заключеніи мира уступкѣ ему же тѣхъ изъ завоеванныхъ провинцій, которыя онъ самъ не въ силахъ будетъ удержать за собою и не пожелаетъ вернуть обратно Швеціи. Съ другой стороны, царь долженъ былъ принять на себя обязательство, въ случаѣ смерти шведскаго короля, стараться, чтобы шведскій престолъ перешелъ къ герцогу, и чтобы его наслѣдственныя земли соединились со шведскою короною. Если бы эти старанія увѣнчались успѣхомъ, Россіи предоставлялось тотчасъ же удержать за собою или Лифляндію и Эстляндію, или Ингрію и Корелію отъ Выборга до Нарвы; герцогъ, съ своей стороны, обѣщалъ за это удовлетворить Пруссію и уступить епископу-регенту голштинскому Бременъ и Верденъ, а герцогу мекленбургскому Висмаръ. Бракъ съ царевною Анною Петровною долженъ былъ состояться даже въ томъ случаѣ, если бы герцогу не удалось добиться шведскаго престола, разъ только ему былъ бы возвращенъ Шлезвигъ. Черезъ шлезвигскія земли, въ такомъ случаѣ, долженъ былъ быть проведенъ каналъ, который позволилъ бы русскимъ торговымъ судамъ миновать Зундъ и избѣгнуть необходимости уплачивать пошлину Даніи. Во всѣхъ перетасовкахъ, проектируемыхъ этимъ планомъ, трудно было различить, гдѣ кончалось стремленіе сократить по возможности тѣ потери, на которыя принуждена была бы въ случаѣ мира согласиться шведская корона, и гдѣ начиналось желаніе обезпечить выгодное вознагражденіе за Шлезвигъ герцогу голштинскому. Шведскіе и голштинскіе интересы тѣсно переплетались другъ съ другомъ а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленнѣе указывались и тѣ сепаратныя выгоды, которыя якобы должна была получить Россія, разъ этотъ планъ будетъ приведенъ въ исполненіе *).

Выраженіе личныхъ взглядовъ Бассевица, настоящая программа дѣлается программою голштинскаго двора, послѣ того какъ ея авторъ занялъ мѣсто ушедшаго на шведскую службу бар. Герца и вошелъ въ неограниченное довѣріе у герцога, которое и

*) Ibid, 302—303; срав. Соловьевъ IV, 325—328.

сумѣлъ сохранить въ теченіе очень долгаго времени. Обстоятельства не благопріятствовали, однако, немедленному осуществленію этой програмы:. Россія не обнаруживала замѣтнаго намѣренія вступить въ мирные переговоры со Швеціей и готовилась къ экспедиціи въ Сконе; позднѣе, когда начались аландскія совѣщанія, сторонники герцога голштинскаго въ Швеціи шли не за Бассевицемъ, но за Герцемъ, не раздѣлявшимъ излишнихъ увлеченій новаго министра герцога и относившимся отрицательно къ этому послѣднему и какъ къ личности, и какъ къ политическому дѣятелю. Съ своей стороны, радѣя объ интересахъ герцога при дворѣ Карла XII, Герцъ считалъ необходимымъ до поры, до времени отдѣлять вопросъ о голштинской сукцессіи отъ вопроса о примиреніи Швеціи съ Россіей: этотъ вопросъ если и затрагивался на аландскихъ совѣщаніяхъ, то лишь мимоходомъ. Положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось послѣ смерти Карла XII и послѣдовавшей вслѣдъ за этимъ казни Герца. Потерявши въ лицѣ послѣдняго своего вдохновителя и руководителя, осиротѣвшіе приверженцы герцога въ Швеціи дожны были съ тѣмъ большимъ упованіемъ смотрѣть на него самого и на того, отъ кого зависѣло въ это время направленіе голштинской политики. Кредитъ Бассевица долженъ былъ возрасти; осторожнѣе будетъ сказать—приверженцы герцога голштинскаго вынуждены были довѣрить ему свои интересы, хотя, быть можетъ, и не были вполнѣ солидарны съ нимъ въ своихъ пожеланіяхъ. Съ другой стороны, сама голштинская партія въ Швеціи попадала одновременно съ этимъ въ положеніе побѣжденной опозиціи, которая вынуждена была скрывать до поры до времени свои пожеланія и добиваться осуществленія своихъ стремленій внѣзаконными средствами. Голштинская програма Бассевица, къ которой примкнули шведскіе приверженцы герцога, обращалась въ програму партіи, политически неблагонадежной, съ точки зрѣнія правительства королевы Элеоноры-Ульрики, и искавшей поддержки у сосѣднихъ державъ, будутъ ли то друзья или враги шведской короны.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи физіономія голштинской партіи довольно долго отличалась нѣкоторою неопредѣленностью. Будутъ ли приверженцы герцога искать защиты своихъ интересовъ у русскаго царя или у его противниковъ, участниковъ англо-австрійскаго соглашенія 1719 г. — это выяснилось не сразу. Поддерживать добрыя отношенія съ русскимъ дворомъ сдѣлалось уже къ этому времени какъ бы традиціей голштинскаго двора, исходившаго

въ своихъ проискахъ изъ мысли о союзѣ съ Россiей *). Боязнь скомпрометировать себя въ глазахъ шведскаго общественнаго мнѣнія, относившагося послѣ смерти Карла XII крайне несочувственно къ мысли объ уступкахъ Россiи въ ея требованiяхъ, заставляла до поры, до времени, однако, соблюдать въ этомъ отношенiи нѣкоторую сдержанность и всячески скрывать мысль о желательности сближенiя съ царемъ. Проекты разрѣшенiя балтiйскаго вопроса, которые создавались одновременно съ возникновенiемъ англо-австрiйскаго союза 1719 г. и прiурочивались къ Брауншвейгскому конгрессу, наводили, съ другой стороны, на мысль искать поддержки у англiйскаго короля и германскаго императора. Поддерживая свои сношенiя съ Россiей и стараясь придать этимъ сношенiямъ дружественный характеръ, голштинская партiя не сторонится одновременно съ этимъ и отъ противниковъ царя.

Надежды герцога, поскольку онѣ имѣли въ виду Англiю и Ганноверъ, далеко, однако, не оправдались. Мы уже знаемъ, что преслѣдуя въ своихъ интересахъ задачу примиренiя Швецiи съ ея противниками, англiйская дипломатiя отступила отъ началъ, выраженныхъ ею же самою въ «проектѣ примиренiя 1719 г., и интересы герцога не были приняты во вниманiе ни при примиренiи Швецiи съ Ганноверомъ, ни при ея примиренiи съ Данiей, когда Англiя совмѣстно съ Францiей гарантировала последней владѣнiе Шлезвигомъ. Съ весны 1720 г. происки голштинской дипломатiи сосредоточиваются, поэтому, главнымъ образомъ въ Вѣнѣ. Помимо того, что цесарю, какъ гарантировавшему Травендальскiй миръ, всего естественнѣе было вступиться въ датско-голштинскую распрю о Шлезвигѣ **), приверженцы герцога могли руководиться въ данномъ случаѣ и

*) Вспомнимъ голштинскiе проекты 1713—14 гг. Въ 1717 г. во время путешествiя во Францiю Петра Великаго за нимъ послѣдовалъ туда и герцогъ голштинскiй, что являлось нѣкоторою неожиданностью и довольно непрiятною для французскаго правительства. Появленiе герцога въ свитѣ царя, повидимому, даже сбило нѣсколько разсчеты французскихъ церемонiймейстеровъ. (Сборникъ XXXIV, 140, 163). Позднѣе послѣ казни Герца бывшiй въ то время на Аландскихъ островахъ голштинскiй министръ Штамбке также въ Россiи искалъ убѣжища, гдѣ и остался въ качествѣ голштинскаго уполномоченнаго.

**) По Травендальскому миру (1700 г.) Данiя отказывалась отъ всѣхъ своихъ притязанiй на голштинско-готторпское герцогство и признавало за герцогомъ его суверенныя права.

другими соображеніями. Отношенія Петра Великаго къ цесарю носили въ это время гораздо менѣе натянутый характеръ, чѣмъ его отношенія къ Георгу Англійскому, и избирая Вѣну центромъ своихъ происковъ, голштинскіе дипломаты сохраняли тѣмъ самымъ себѣ дорогу въ Петербургъ. Поддерживая, съ другой стороны, мысль цесарскаго двора о Брауншвейгскомъ конгрессѣ, они могли разсчитывать, что на этомъ конгрессѣ Россія будетъ принуждена согласиться на нѣкоторыя уступки въ своихъ требованіяхъ, предъявленныхъ ею Швеціи.

Какъ разъ въ это время событія, имѣвшія мѣсто въ Стокгольмѣ, заставляли предполагать, что помощь со стороны Россіи можетъ оказаться далеко не безполезной. Когда въ мартѣ 1720 г. Элеонора-Ульрика отказалась отъ короны въ пользу своего мужа, Фридриха Гессенъ-Кассельскаго, королевская власть въ Швеціи подверглась новымъ ограниченіямъ, но вопросъ о наслѣдникѣ престола былъ оставленъ государственными чинами, вопреки надеждамъ голштинской партіи, открытымъ. Разсчитывая на поддержку Англіи, новый шведскій король не прочь былъ, повидимому, заключить миръ съ Россіей на возможно выгодныхъ условіяхъ для Швеціи и тѣмъ снискать себѣ популярность среди населенія, истощеннаго двадцатилѣтнею войною. Сознавая, что ему будетъ гораздо труднѣе достичь какихъ-либо результатовъ, разъ Швеція примирится съ своимъ послѣднимъ противникомъ, герцогъ голштинскій рѣшился связать свое дѣло съ требованіями, которыя предъявлялъ Швеціи Петръ Великій, и не дожидаясь какихъ-либо опредѣленныхъ шаговъ со стороны Россіи, первый пошелъ на сближеніе. Въ руки Петра Великаго въ критическую для него минуту шло, такимъ образомъ, оружіе, которое, будучи успѣшно примѣнено, могло оказаться далеко не лишнимъ: прибывшаго въ 1720 г. въ С.-Петербургъ Штамбке встрѣтилъ уже совершенно иной пріемъ, чѣмъ тотъ, который выпалъ въ 1715 г. на долю Бассевица *).

Въ декабрѣ того же года царь далъ понять Штамбке, что

*) Совершенно произвольно утвержденіе „Eclaircissemens...“ о томъ, что уже въ это время (лѣто 1720 г.) съ русской стороны были попытки привлечь на свою сторону герцога (op. cit. IX, 329). То, что авторъ „Eclaircissemens...“ сообщаетъ подъ видомъ *русскихъ* предложеній, сдѣланныхъ герцогу въ Вѣнѣ генераломъ Вейсбахомъ, оказывается въ дѣйствительности *голштинскимъ* предложеніемъ, которое было сдѣлано Вейсбаху самимъ Бассевицемъ. (Срав. Соловьевъ IV, 530).

онъ готовъ поддерживать голштинскія притязанія въ Швеціи, и что для этого было бы желательно присутствіе въ С.-Петербургѣ самого герцога. Ободренный этимъ предложеніемъ, Штамбке въ совѣщаніи съ Остерманомъ изложилъ, съ своей стороны, тѣ основанія, на которыхъ, по его мнѣнію, было бы возможно связать удовлетвореніе интересовъ герцога съ дѣломъ русско-шведскаго примиренія. Сравнительно съ планомъ Бассевица 1715 г. настоящій планъ Штамбке представлялъ изъ себя дальнѣйшее развитіе голштинской программы и высказывался въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе опредѣленно. Полагая по прежнему въ основу соглашенія брачный союзъ герцога съ царевною Анною, Штамбке прямо указываетъ, что приданое невѣсты должны составить Эстляндія и Лифляндія съ городами Ревелемъ и Ригою *). Выступая съ подобнымъ предложеніемъ, онъ не скрываетъ при томъ, что подобное разрѣшеніе вопроса, при удовлетвореніи притязаній герцога на шведскій престолъ, есть лишь первый шагъ къ возсоединенію впослѣдствіи названныхъ провинцій со Швеціей. Это не должно, однако, пугать Россію: когда съ Божіею помощью герцогъ достигнетъ шведскаго престола, Россію и Швецію будутъ соединять узы, болѣе тѣсныя, чѣмъ простой союзный договоръ: обѣ державы будутъ во всѣхъ случаяхъ неразрывно держаться другъ друга (in allen Verfallenheiten ohnzertrennlich bey einander halten) Изъ-за мысли о союзѣ Россіи и Швеціи начинаетъ проглядывать мысль о русско-шведской династической уніи **).

Таковы были въ окончательной редакціи тѣ основанія, на которыхъ строилось русско-голштинское сближеніе. Само это сближеніе, создавалось, однако, точно также не только въ Петербургѣ, но и въ Вѣнѣ. Здѣсь по прежнему сосредоточивалась главная работа голштинской дипломатіи; здѣсь герцогъ Карлъ-Фридрихъ разсчитывалъ найти поддержку своимъ притязаніямъ на Шлезвигъ. Здѣсь продолжалъ пребывать и строить новые

*) Это приданое не должно разсматривать въ планѣ Штамбке, какъ эквивалентъ за утраченный герцогомъ Шлезвигъ. Германскихъ отношеній герцога Штамбке вообще не затрагиваетъ вовсе; перечисляя выгоды, которыя представляетъ для самой Швеціи возстановленіе на престолѣ голштинской линіи, онъ, однако, замѣчаетъ: „Es würde auch noch wol ferner in Consideration kommen, dass die Accession der Hertzogthümer Schleswig und Holstein den Verlust von Brehmen und Verden wieder gut machen könnte".

**) См. Приложеніе I.

планы комбинацiи и душа голштинской политики, Бассевицъ, обращаясь съ своими предложенiями къ прiѣзжавшимъ въ Вѣну представителямъ Русскаго двора Вейсбаху и Ягужинскому, предложенiями, аналогичными съ планомъ Штамбке, поданнымъ этимъ послѣднимъ въ С.-Петербургѣ *). Оружiе, шедшее въ руки Петра Великаго, оказывалось, такимъ образомъ, обоюдоострымъ. Въ основѣ голштинской программы лежали тѣ же уступки Швецiи, принудить къ которымъ Россiю стремилась и англiйская дипломатiя.

Соперничество Англiи и происки Голштинскаго двора—два условiя, которыя приходилось принимать во вниманiе русской дипломатiи въ предстоящей ей задачѣ—утвердить за Россiей ея новое положенiе на Балтiйскомъ морѣ и въ Европѣ. Несоизмѣримые другъ съ другомъ по своему историческому значенiю, оба эти факта становились трудными камнями преткновенiя на пути новому государству, входившему въ кругъ западно-европейскихъ державъ. Соперничество съ великою нацiей, сознавшей свое могущество, ставило для молодой Россiи на очередь вопросъ о характерѣ ея будущаго положенiя въ Европѣ, о ея промышленномъ и культурномъ преуспѣянiи; оно возлагало на нее трудныя, но достойныя задачи. Мелочныя интриги нѣмецкаго принца, претендента на шведскiй престолъ, хватавшагося, какъ за соломенку, за Россiю ради ея внѣшней силы, грозили вовлечь послѣднюю въ политику приключенiй, учили служить династическимъ интересамъ и заставляли забывать объ интересахъ государственныхъ и нацiональныхъ. Парализовать въ различныхъ пунктахъ англiйское влiянiе и примириться со Швецiей, не давъ вовлечь себя въ лабиринтъ голштинскихъ комбинацiй, и дѣлается главною задачею Петра Великаго въ послѣднiе годы Сѣверной войны, задачею, опредѣлившею отношенiя Россiи къ западно-европейскимъ державамъ къ тому моменту, когда удалось заключить миръ въ Ништадтѣ.

Непрiязненныя отношенiя Англiи къ Россiи на Балтiйскомъ морѣ истолковывались, какъ мы видѣли, русскимъ правительствомъ, главнымъ образомъ, какъ результатъ влiянiя на англiйскую политику личныхъ министровъ короля Георга, руководившихся исключительно ганноверскими интересами. Съ другой стороны, отъ вниманiя русскаго правительства не ускользало и то обстоятельство, что солидарность англiйской и австрiйской политики по-

*) Соловьевъ IV, 530, 533.

скольку вопросъ шелъ о положеніи дѣлъ въ Германіи и на сѣверѣ Европы, не могла отличаться значительною прочностью къ 1720 г. во взаимныхъ отношеніяхъ лондонскаго и вѣнскаго кабинета, дѣйствительно, замѣчались уже нѣкоторые тревожные симптомы *). Исходя изъ подобныхъ соображеній, русская дипломатія послѣ заключенія англо-австрійскаго союза 1719 г. усиленно стремится породить въ англійскомъ парламентѣ и обществѣ недовѣріе къ политикѣ короля Георга, всячески стараясь въ то же время заручиться довѣріемъ цесарскаго двора и успокоить его относительно тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовала Россія на Балтійскомъ морѣ.

Указанное стремленіе породить въ англійской націи недовѣріе къ ея правителю являлось, въ сущности говоря, дальнѣйшимъ продолженіемъ той же политики, какой держалась Россія по отношенію къ главнымъ политическимъ партіямъ въ Англіи—тори и вигамъ—еще до избранія на англійскій престолъ ганноверскаго курфюрста. Еще въ 1710 г. хорошо освѣдомленный въ политическихъ вопросахъ западно-европейской жизни, кн. Б. И. Куракинъ, вѣрно понимая характеръ обѣихъ названныхъ партій, рекомендовалъ поддерживать тори и въ нихъ искать противовѣсъ екстенсивной политикѣ виговъ, политикѣ англійской буржуазіи, которая въ русскихъ успѣхахъ на Балтійскомъ морѣ должна была прежде всего усмотрѣть опасность для англійской торговли **). Руководясь подобными соображеніями—а къ мнѣніямъ Куракина внимательно прислушивались въ Петербургѣ—и сталкиваясь съ Ганноверомъ въ сѣверной Германіи, русское правительство не могло отнестись сочувственно къ избранію на англійскій престолъ Георга, который, какъ было уже отмѣчено, принужденъ былъ опираться на виговъ и шелъ въ своихъ ганноверскихъ замыслахъ навстрѣчу программѣ послѣднихъ, поскольку дѣло касалось вопросовъ международной политики. Продолжая поддерживать по прежнему тори, русское правительство послѣ избранія Георга старается выставить въ глазахъ самихъ виговъ политику англійскаго короля, какъ идущую въ разрѣзъ съ національными интересами, которые приносятся имъ въ жертву интересамъ Ганновера; одновременно съ этимъ оно работаетъ и прямо въ антиганноверскомъ духѣ.

*) Германскій императоръ начиналъ подозрительно относиться къ независимой политикѣ Ганновера на сѣверѣ Германіи. См. Ledran (Сборникъ XL, стр. XXX).

**) Письма кн. Б. И. Куракина изъ Лондона за 1710 и 1711 гг.—Арх. Кур. II и IV.

Рано начинають присматриваться въ Петербургѣ къ проискамъ англійскихъ якобитовъ. Въ 1717 г. тотъ же Куракинъ вступаетъ въ сношенія съ испанскимъ министромъ Альберони, мечтавшемъ о низверженіи ганноверской династіи въ Англіи и встрѣчаетъ одобреніе со стороны русскаго правительства. Той же политикѣ придерживается Россія и въ болѣе позднее время, когда уже исчезла надежда на успѣшный исходъ аландскихъ совѣщаній, и когда союзъ 1719 г. и послѣдовавшее за нимъ примиреніе со Швеціей Ганновера, Пруссіи и Даніи поставило Россію лицомъ къ лицу съ Англіей *). Та «борьба меморіалами» — по удачному выраженію Соловьева,—которую велъ въ теченіе 1719 и 1720 гг. въ Лондонѣ Ѳ. Веселовскій, преслѣдовала прежде всего ту же цѣль, какую имѣли въ виду, сносясь съ Альберони, давая пріютъ и лаская якобитовъ *). Стремленіе подчеркнуть, съ одной

*) Сношенія русскаго правительства съ претендентомъ на англійскій престолъ, Яковомъ III Стюартомъ, „кавалеромъ св. Георгія", и его приверженцами, якобитами,начинаются, повидимому, вскорѣ послѣ неудавшагося якобитскаго заговора 1715 г. Ни прямого, ни косвеннаго участія Россіи въ послѣднемъ констатировать нельзя, хотя отдѣльные представители русской дипломатіи давно уже присматривались ко взаимнымъ отношеніямъ англійскихъ политическихъ и династическихъ партій. Сторонниковъ дома Стюартовъ было не мало среди проживавшаго въ Россіи англійскаго купечества, и партійные раздоры, результатъ избранія на англійскій престолъ ганноверскаго курфюрста, находили себѣ отзвукъ, порою въ довольно грубой формѣ, въ жизни иностранной колоніи Петербурга. Не мало было якобитовъ и среди лицъ, близко стоявшихъ къ самому царю. Уже въ 1706 г. появляется при Русскомъ дворѣ докторъ Эрскинъ, впослѣдствіи лейбъ-медикъ Петра Великаго, родственникъ одного изъ видныхъ приверженцевъ династіи Стюартовъ, Эрскина, лорда Мара. Онъ пользовался большимъ расположеніемъ царя и вскорѣ сгруппировалъ вокругъ себя якобитовъ, пребывавшихъ въ Россіи. Къ послѣднимъ принадлежали Брюсъ, Гордонъ и многіе другіе выходцы изъ Шотландіи, среди населенія которой жива была вѣрность старой династіи. Когда, послѣ неудачи заговора 1715 г. большинство якобитскихъ дѣятелей перебралось на континентъ, то многіе изъ нихъ явно уже возлагали свои надежды на Россію. Въ 1718 г. герцогъ д'Ормондъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся сторонниковъ претендента, пользовавшійся популярностью среди англійскаго населенія и считавшій себя лично оскорбленнымъ Георгомъ I, появляется въ Митавѣ, гдѣ и хлопочетъ о бракѣ своего государя съ вдовствующею герцогинею Анною Іоанновною. Эти старанія герцога д'Ормонда стояли въ связи съ извѣстными замыслами испанскаго министра Альберони, строившаго грандіозные планы о возрожденіи испанскаго могущества и мечтавшаго объ анти-англійской лигѣ, въ которую вошли бы Испанія, Россія и Швеція. Въ планы Альберони вхо-

стороны, солидарность интересовъ Англіи и Россіи и расположеніе царя къ англійскому народу и, съ другой, коварство ганноверскихъ министровъ англійскаго короля рѣзко бросается въ глаза при ознакомленіи съ содержаніемъ меморіаловъ Веселовскаго. Декларація о предоставленіи англійскимъ купцамъ свободы торговли въ предѣлахъ Русскаго государства—другая сторона «борьбы меморіалами» *). Своего кульминаціоннаго пункта эта

дила и организація новаго якобитскаго возстанія въ самой Англіи. Съ Альберони русское правительство вело въ 1717 г. вполнѣ опредѣленные переговоры объ участіи Россіи въ названной лигѣ. Эти переговоры шли въ Голландіи черезъ Куракина и здѣсь переплетались съ другими переговорами—о примиреніи Россіи со Швеціей, которые велъ въ то время съ Куракинымъ Герцъ, одновременно мечтавшій о русско-шведскомъ союзѣ и принимавшій дѣятельное участіе въ альберопіевскихъ замыслахъ. Дѣйствительно ли русское правительство участвовало въ предполагаемомъ новомъ якобитскомъ замыслѣ, въ которомъ были замѣшаны Швеція въ лицѣ Герца и своего представителя въ Лондонѣ бар. Гилленборга, или на такое участіе лишь разсчитывали жившіе въ Россіи якобиты, сказать положительно и на этотъ разъ трудно. Во всякомъ случаѣ поддерживать замыслы Альберони Петръ Великій старался очень долго, возвращаясь къ мысли о союзѣ съ Испаніей еще въ концѣ 1719 г., когда былъ заключенъ миръ между Швеціей и Ганноверомъ, и когда англійское вліяніе въ Швеціи замѣтно начало усиливаться. Поддерживались и сношенія съ якобитами, которыхъ не лишали надежды на помощь со стороны Россіи. Въ тѣ моменты, когда Англія принимала особенно угрожающее положеніе противъ Россіи, находившимся въ Россіи якобитамъ выказывались знаки вниманія, а остававшимися въ Англіи сторонниками претендента старались пользоваться, какъ шпіонами. Интересныя свѣдѣнія о проискахъ якобитовъ въ Россіи и о ихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ сообщаетъ въ своихъ реляціяхъ ганноверскій резидентъ Веберъ („Zeitgenoss. Berichte" II). См. также—passim—Архивъ кн. Куракина и донесенія французскихъ и англійскихъ посланниковъ (Сборникъ XXXIV, XL, LXI); кромѣ того Соловьевъ кн. IV (соотв. стр.) и Ranke, Englische Geschichte VII, cap. 3.

*) „Такъ какъ между обѣими *націями* много лѣтъ уже существуютъ дружба и торговыя сношенія, а между тѣмъ нынѣ очевидно, что *король великобританскій* (безъ всякаго къ тому повода со стороны Его Цар. Вел.) уклоняется отъ дружбы и не только отказывается отъ союза съ нимъ, но даже заключилъ съ короною шведскою новый, противный интересамъ Е. Ц. В... союзъ и съ цѣлью оказать помощь помянутой коронѣ, посылаетъ эскадру военныхъ кораблей въ Балтійское море. Его Цар. Вел—во, несмотря на то и принимая во вниманіе, что все это дѣлается *ради интересовъ ганноверцевъ, а не англійскаго народа*, милостиво приказалъ.. увѣдомить англійскихъ купцовъ, проживающихъ въ Россіи, что хотя Его Вел. и очень чувствителенъ къ этой поданной противъ него по-

борьба достигла въ извѣстномъ меморіалѣ 20-го октября 1720 г. поданномъ преемникомъ Ѳ. Веселовскаго, М. Бестужевымъ, меморіалѣ, который и повлекъ за собою высылку Бестужева изъ Англіи и разрывъ дипломатическихъ отношеній между Англіей и Россіей. Офиціальный документъ по своей внѣшней формѣ, этотъ меморіалъ по своему содержанію и построенію скорѣе можетъ быть названъ политическимъ памфлетомъ, предназначеннымъ къ распространенію съ агитаціонными цѣлями въ печати.

Открываясь искусно составленнымъ очеркомъ взаимныхъ отношеній Англіи и Россіи начиная съ 1709 г., очеркомъ, въ которомъ еще лишь слегка намѣчается эгоистическій характеръ ганноверской потери, меморіалъ Бестужева въ своей главной части сильными и рѣзкими штрихами обрисовываетъ взаимное противорѣчіе англійскихъ и ганноверскихъ интересовъ, сказавшееся, по его мнѣнію, ярче всего въ исторіи несостоявшегося англо-русскаго союзнаго и торговаго договора 1716 г.: этотъ договоръ не состоялся исключительно вслѣдствіе непріязненнаго отношенія ганноверскаго министерства къ царю за поддержку послѣднимъ герцога мекленбургскаго. «Не возможно было бы понять, чего ради Министерство Вашего Величества негоціацію онаго прервало и лишило онаго Вашихъ подданныхъ, если бы, Государь, не находили принуждены признать сей отказъ по дѣлу Мекленбургіи... Великобританскіе министры надменно стали вездѣ и при всѣхъ дворахъ вспомоществовать вреднымъ намѣреніямъ, которыя нѣмецкіе министры В. В-ва учинили противъ Его Царскаго В-ва... Наконецъ сіе Мекленбургское дѣло, которое ничѣмъ до Великобританіи не касалось, было доведено министрами В. В-ва до такой крайности, какъ сіе было яснымъ образомъ изъяснено чрезъ послѣднее предложеніе моего предшественника» съ упрекомъ восклицаетъ Бестужевъ. Ганноверъ поссорилъ Англію и Россію, и ганноверское правительство въ Англіи ничего не хочетъ

мощи коронѣ шведской, но тѣмъ не менѣе *не желаетъ обвинять въ томъ англійскій народъ, а только ганноверцевъ и ихъ партію,* на англійскихъ же купцовъ въ Россіи смотритъ по прежнему милостиво и дозволяетъ имъ свободно производить торговлю въ Россіи. И тѣмъ *купцамъ англійскимъ* нечего бояться, чтобы имъ причинились какое зло или обида въ Россіи *по случаю тѣхъ помянутыхъ интригъ ради интересовъ ганноверцевъ*". (Изъ декларацiи коммерцъ-коллегіи англійскимъ купцамъ 8-го апр. 1720 г., сообщ. Лави въ его реляц. 23 апр. 1720 г.—Сборникъ XL, 86—87).

сдѣлать, чтобы возстановить старую дружбу между націями, дружбу, поддерживать которую всегда, съ своей стороны, стремилось и стремится русское правительство,—таково заключеніе этого дипломатическаго документа, языкъ котораго менѣе всего напоминаетъ языкъ принятый въ дипломатическомъ обиходѣ *).

И нельзя быть увѣреннымъ, что русское правительство не имѣло въ виду воспользоваться настоящимъ меморіаломъ М. Бестужева, какъ политическимъ памфлетомъ, придать ему возможно болѣе широкую огласку въ парламентскихъ сферахъ, въ англійскомъ обществѣ. Въ своей дипломатической борьбѣ съ Англіей Петръ Великій не прочь былъ порою, наряду съ своими оффиціальными заявленіями англійскому правительству дѣйствовать путемъ агитаціи среди англійскаго общества **). Онъ сумѣлъ понять то, передъ чѣмъ останавливались иногда въ недоумѣніи и болѣе опытные дипломаты старой монархической Европы—отвѣтственность англійскаго кабинета передъ лицомъ парламента, отвѣтственность правительства передъ общественнымъ контролемъ. Пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ у себя дома, онъ на родинѣ общественнаго мнѣнія боролся съ своими противниками ихъ же оружіемъ. Меморіалъ Бестужева отвѣтъ съ русской стороны на «Crise du Nord», посвященный «á chacun Whigs de l'Eglise Anglicane et Tory Gannoverien».

Удачно выбравъ оружіе, русское правительство ошиблось, однако, въ оцѣнкѣ силъ своего противника и комбинаціи этихъ силъ. Мнѣніе о вліяніи на англійскую политику ганноверскихъ министровъ короля Георга, высказываемое—и, повидимому, вполнѣ искренно—русскимъ правительствомъ, нуждалось въ значительной оговоркѣ и согласовалось съ дѣйствительностью лишь отчасти. Отъ вниманія русскаго правительства ускользнула та искренняя солидарность, которая существовала во многихъ отношеніяхъ между экстенсивною политикою Ганновера и торговою политикою англійской буржуазіи, ускользнули тѣ причины, которыя заставляли не только курфюрста ганноверскаго опираться на пар-

---

*) Напечатанъ у Голикова Дѣянія... VII, 403—464.

**) Около того времени, когда Ѳ. Веселовскій подавалъ свои меморіалы— 16 ноября 1719 г.—царь пищетъ Б. Куракину по поводу англійскихъ дѣлъ: „меморіалъ кажетца надобно, дабы націи англійской объявить свою невинность, и что мы до народа ихъ никакой недружбы не имѣемъ; но въ какой силѣ и когда, также то *постороннимъ ли путемъ* разглашать, то дастца на вашу волю, какъ лутче и полезнѣе“. Арх. Кур. I, 13—14.

тію виговъ, но и эту послѣднюю держаться, въ свою очередь, ганноверской династіи. А покровительство, оказываемое Россіей якобитамъ, раздражало въ Англіи не однихъ виговъ, но и тори, среди которыхъ также далеко не всѣ были сторонниками претендента *). Дипломатическій разрывъ между царемъ и королемъ англійскимъ самъ по себѣ не имѣлъ бы большого значенія, если бы предшествующая политика Россіи, основанная на разъединеніи короны и парламента, не вызывала бы раздраженія не только въ правительственныхъ, но и въ общественныхъ сферахъ Англіи, не влекла бы за собою усиленія все тѣхъ же антирусскихъ происковъ англійской дипломатіи. Не достигши своей цѣли въ Англіи, эта политика не могла имѣть какого-либо результата и въ Германіи, гдѣ русскому правительству было бы выгодно ослабить значеніе Ганновера, какъ континентальной державы.

Можно возразить, что обстоятельства не позволяли Петру Великому дѣйствовать иначе, что стремясь къ достиженію той цѣли, за которую онъ уже заплатилъ цѣною двадцати лѣтъ войны, онъ долженъ былъ неминуемо столкнуться съ Англіей-Ганноверомъ. Несомнѣнно, однако, что тотъ ближайшій результатъ, къ какому привела его политика въ Англіи, не входилъ въ его расчеты. Содѣйствовалъ ли за то этотъ результатъ успѣшному исходу русско-шведскаго столкновенія, представляется также въ значитель-

*) О взаимныхъ отношеніяхъ англійскихъ политическихъ партій и короля Георга см. Ranke, Engl. Geschichte VII, 3. Англійское купечество, независимо отъ какого бы то ни было воздѣйствія ганноверскихъ совѣтниковъ короля Георга, видѣло въ возраставшемъ могуществѣ Россіи опасность для своихъ торговыхъ выгодъ на Востокѣ. Съ такой же точки зрѣнія старалась Англія возбудить противъ Россіи и европейское общественное мнѣніе. Въ реляціи отъ 28 іюня 1721 Ланчинскаго читаемъ: „На сихъ дняхъ сообщено мнѣ отъ надежной персоны, что Англичане подъ рукою разсѣваютъ письмо о учрежденной будто азіатической комерцъ-компаніи, въ которомъ незнатной очень лукаво туда сенсъ клонятъ, что В. Ц. В. всю японскую, китайскую, мунгальскую и персидскую коммерцію въ свое государство оборотить намѣряетесь; и ищутъ они, англичане тѣмъ всѣ европскіе, которые оною коммерціею довольствуются, на В. В. озлобить“ (Австр. 1721, № 7). О радости англійскаго купечества при вѣсти о смерти Петра Великаго—Droysen IV, 2; 363. На точку зрѣнія русскаго правительства не оставались въ данномъ случаѣ безъ вліянія взгляды Ѳ. Веселовскаго, который въ своихъ реляціяхъ, повидимому, нѣсколько односторонне освѣщалъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ англійской и ганноверской политики (Выдержки изъ его реляцій—у Соловьева).

ной степени сомнительнымъ. Въ гораздо большей степени этому содѣйствовали собственная настойчивость Россіи, ея болѣе удачная политика при остальныхъ европейскихъ дворахъ и, наконецъ, другія условія, имѣвшія во всякомъ случаѣ очень мало связи съ ганноверскимъ вліяніемъ на англійскую политику, съ тревогою Англіи за будущую судьбу ея торговли на Балтійскомъ морѣ.

Переходя къ вопросу объ отношеніи Россіи къ цесарскому двору въ 1720 г., надо отмѣтить, что русская политика въ Вѣнѣ за это время, поскольку она обусловливалась все тою же борьбою съ англійскимъ вліяніемъ, отличалась совершенно инымъ характеромъ, чѣмъ только что отмѣченные антиганноверскіе происки въ самой Англіи, и привела—думаемъ—къ болѣе благопріятнымъ результатамъ, чѣмъ эти послѣдніе.

Съ 1720 г. отношенія между Россіей и Австріей, остававшіяся въ теченіе всей Сѣверной войны холодными, а порою даже натянутыми, начинаютъ постепенно улучшаться. Начало охлажденія русско-австрійскихъ отношеній, какъ извѣстно, относится еще къ послѣднимъ годамъ XVII вѣка, къ тому моменту, когда обѣ монархіи выступили впервые на путь своей аггрессивной антитурецкой политики, первые шаги которой имѣли столь неравномѣрные результаты для монархіи Габсбурговъ и для Россіи *). Въ послѣдующіе годы, однако, это охлажденіе поддерживалось не только тѣмъ, что совершалось на Востокѣ, но и тѣмъ, что происходило на Сѣверѣ. За Карловицкимъ миромъ, торжествомъ габсбургской политики на Балканскомъ полуостровѣ, послѣдовала Полтавская побѣда, открывшая путь къ усиленію Россіи на Балтійскомъ морѣ и притомъ, казалось, не на одномъ его остзейскомъ побережьѣ. Стремленіе разрушить англо-австрійское соглашеніе, равно какъ цѣлый рядъ другихъ соображеній, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ тѣмъ задачамъ, какія преслѣдовала Россія на Балтійскомъ морѣ, заставлялъ ее въ 1720 г. искать сближенія съ Австріей, не предрѣшая вопроса о взаимоотношеніяхъ обѣихъ державъ въ Турціи. Наоборотъ, цесарскій дворъ если и былъ не прочь пойти навстрѣчу такому сближенію, то, именно, имѣя въ виду прежде всего соглашеніе съ Россіей относительно Турціи, и только успѣхъ Россіи на Сѣверѣ заставлялъ его относиться сдержанно къ подобной идеѣ. Различныя соображенія дипломатическаго характера сталкивались въ

*) Срав. Arneth, Prinz Eugen von Savoyen III, 185 flg.

данномъ случаѣ самымъ неожиданнымъ образомъ, и вопросы голштинскій и мекленбургскій, на почвѣ которыхъ Петръ Великій строилъ прежде всего планы своего сближенія съ Австріей, были одною изъ причинъ, заставлявшихъ Вѣну съ тревогою смотрѣть на усиленіе Россіи на Балтійскомъ морѣ.

Въ Петербургѣ было извѣстно, что Вѣна и раньше выражала готовностью поддержать претензіи герцога голштинскаго, которымъ въ ближайшемъ будущемъ предстояло сдѣлаться оружіемъ въ рукахъ русскаго правительства. Дать тотъ или другой оборотъ дѣлу герцога мекленбургскаго и тѣмъ самимъ содѣйствовать престижу въ Германіи курфюрста ганноверскаго, которому была поручена военная экзекуція въ Мекленбургѣ, или парализовать этотъ престижъ зависѣло точно также прежде всего отъ цесскаго авторитета. Отъ него же зависѣло, наконецъ, даровать тому же Ганноверу инвеституру на имперскія области Швеціи Бременъ и Верденъ, что должно было придать юридическую санкцію послѣднему миру Ганновера со Швеціей, и рѣшиться на что цесарскій дворъ еще колебался. Поддерживая герцога голштинскаго въ его притязаніяхъ, цесарь не сочувствовалъ, однако, соединенію подъ одною властью Швеціи и голштинскихъ владѣній въ Германіи *). Не желая, одновременно съ этимъ, усиленія кого-либо изъ нѣмецкихъ князей путемъ кровнаго союза съ русскимъ царствующимъ домомъ и заботясь о правахъ на русскій престолъ своего племянника, сына царевича Алексѣя, онъ долженъ былъ осторожно отнестись и къ проекту брачнаго союза герцога голштинскаго со старшею дочерью царя. Оказать, наконецъ, снисхожденіе герцогу мекленбургскому онъ готовъ былъ лишь подъ условіемъ полнаго подчиненія послѣдняго имперскимъ постановленіямъ и съ недовѣріемъ смотрѣлъ на продолжающееся пребываніе въ Мекленбургѣ русскаго отряда. Словомъ, если къ успѣхамъ царя на остзейскомъ побережьѣ цесарскій дворъ могъ отнестись безразлично, то всякій намекъ на вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи возбуждалъ въ немъ крайнюю подозрительность.

Подобное отношеніе цесарскаго двора къ балтійскому вопросу было вѣрно понято русскою дипломатіею. Замалчивая до поры до времени вопросъ о бракѣ герцога, успокаивая цесарскій дворъ насчетъ будущей судьбы и настоящаго положенія

*) См. реляц. Лави 27 мая 1720 г. (Сб. X, 794—95).

великаго князя Петра Алексѣевича и стараясь, съ своей стороны, сломить упрямство герцога Карла-Леопольда, русскому правительству удалось обойти всѣ сейчасъ указанные камни преткновенія. Къ 1720 г., наканунѣ дипломатическаго разрыва съ Англіей, была подготовлена почва для соглашенія и даже для болѣе тѣснаго сближенія съ Австріей. Этотъ результатъ былъ достигнутъ стараніями Вейсбаха и Ягужинскаго, послѣдовательно однимъ за другимъ посланныхъ къ цесарскому двору. Было сдѣлано кое-что и для разъединенія Вѣны и Лондона. По мнѣнію Ланчинскаго, миссія Ягужинскаго заставила англійскаго короля удержаться отъ «наглыхъ поступковъ» и дала возможность вѣнскому двору ограничиться по отношенію къ лондонскому одними «пустыми обѣщаніями инвеституръ, еже король англійскій принужденъ былъ снести въ томъ разсужденіи, чтобъ оказаніемъ своей злобы ближайшее сообязательство между В. Ц. Величествомъ и цесаремъ не ускорить» *).

Объ этомъ «ближайшемъ обязательствѣ», по поводу котораго Вейсбахъ долженъ былъ еще ограничиться лишь одними успокоительными обѣщаніями, Ягужинскій велъ уже формальные переговоры. Сущность подобнаго «обязательства» понималась, однако, обѣими сторонами опять-таки различно, и австрійскія правительственныя сферы продолжали, повидимому, пребывать на той же точкѣ зрѣнія на союзъ съ Россіей, которая еще въ 1716 г. была развита Евгеніемъ Савойскимъ, видѣвшимъ въ подобномъ союзѣ прежде всего орудіе противъ замысловъ Порты и предостерегавшимъ отъ какихъ-либо излишнихъ обязательствъ по сѣвернымъ дѣламъ **). Поскольку этотъ союзъ долженъ былъ касаться сѣверныхъ дѣлъ, цесарскій дворъ требовалъ точно также уступки, грозившей въ значительной степени свести на нѣтъ все дѣло двадцатилѣтней войны на Балтійскомъ морѣ и поставить ея исходъ въ зависимость отъ концерта европейскихъ державъ. Coditio sine qua non было поставлено согласіе Россіи на посредничество германскаго императора въ дѣлѣ ея примиренія со Швеціей и перенесеніе этого дѣла на Брауншвейгскій конгрессъ. Выполненная успѣшно задача разъединенія Англіи и Австріи грозила, такимъ образомъ, помѣшать дѣлу Россіи не только въ Сѣверной Германіи, но и на остзейскомъ побережьѣ: мы уже знаемъ, какія надежды на Брауншвейгскій конгрессъ возлагали на ряду съ другими держа-

*) Реляція 15 апр. 1721 г.—Австр. 1727 г., № 7.

**) Arneth, op. cit. III, 547—48 anm. 16.

вами Польша и курфюрстъ саксонскій. Подобныя уступки не могли входить въ расчеты ПетраВеликаго.

Предложеніе германскаго императора о посредничествѣ осложняло положеніе дѣлъ еще и потому, что сталкивалось съ другимъ аналогичнымъ предложеніемъ, шедшимъ со стороны Франціи. Послѣдняя не забыла попытокъ, сдѣланныхъ еще недавно въ томъ же направленіи самимъ Петромъ Великимъ, не могла не принимать близко къ сердцу крушенія могущества своей традиціонной союзницы на Сѣверѣ Швеціи, а въ то же время была не прочь придти къ кому либо соглашенію съ Россіей и тѣмъ создать охлажденіе между Россіей и Австріей, восточная политика которыхъ съ исхода XVII вѣка одинаково заставляла французское правительство опасаться за дальнѣйшую судьбу французскаго вліянія — до этого времени почти исключительнаго— въ Турціи. Вмѣшательство Франціи въ сѣверныя дѣла и французское предложеніе о посредничествѣ между Россіей и Швеціей—пунктъ скрещенія сѣверной и восточной политики Петра Великаго, осложняющее условіе, которое могло получить различную оцѣнку съ точки зрѣнія интересовъ Россіи на Балтійскомъ морѣ и на Черноморскомъ побережьѣ. Въ первомъ случаѣ къ французскому предложенію приходилось, быть можетъ, отнестись еще съ меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ предложенію германскаго императора: если послѣднее грозило брауншвейгскимъ конгрессомъ, то устами регента, герцога Орлеанскаго и аббата Дюбуа говорило въ сущности все то же правительство короля Георга, которое посылало въ это время англійскій флотъ въ Балтійское море съ цѣлью силою принудить Россію къ уступкамъ. Это не предопредѣляло, однако, еще будущей комбинаціи силъ на Востокѣ, и вопросъ о томъ, будетъ ли Россія и Австрія рука-объ-руку работать противъ вліянія Франціи въ Турціи, или наоборотъ, послѣднимъ успѣхамъ австрійской политики на Балканскомъ полуостровѣ будетъ противопоставлено русско-французское соглашеніе, оставался открытымъ *).

*) Изъ оффиціальнаго французскаго документа мы узнаемъ, что герцогъ регентъ на сообщеніе русскихъ отвѣтныхъ условій относительно французскаго посредничества „n'avait pas jugé à propos de repondre... au Czar avant que d'être instruit de ce qu'on pouvait entreprendre, pour mettre le roi de Suede en état de recouvrer *par la force* les états que le Czar lui retenait“ (Memoires sur les négociations entre la France et le Czar... par mr Ledran, premier commis des affaires etrangeres. - Сбор. XL, стр. XLIII). Характеристику отношеній Франціи, Швеціи, Россіи и Вѣн-

Работа русской дипломатіи въ Вѣнѣ, имѣвшая своею непосредственною цѣлью разрушеніе англо-австрійскаго соглашенія приводила, такимъ образомъ, къ необходимости высказаться по многимъ вопросамъ, выходившимъ за предѣлы непосредственно балтійской политики Россіи, и притомъ высказаться болѣе опредѣленно, чѣмъ это могло входить въ данный моментъ въ разсчеты Петра Великаго. До окончанія Сѣверной войны этого осложненія удалось, однако, избѣгнуть. Довольствуясь тѣмъ, что ей удалось парализовать англійское вліяніе въ Вѣнѣ, Россіядолго не отвѣчала прямымъ отказомъ ни на одно изъ предложеній о посредничествѣ, продолжала поддерживать добрыя отношенія къ Франціи, а въ то же время попрежнему становилась все болѣе и болѣе твердою ногою на Остзейскомъ побережьѣ и тѣмъ самымъ подготовляла почву для своего непосредственнаго примиренія со Швеціей. Въ послѣднемъ случаѣ ей приходилось снова считаться съ политикою союза 1719 г.— въ лицѣ третьяго участника этого союза, Августа Саксонскаго.

Смерть Карла XII и послѣдовавшія за нею событія пробудили съ новою силою надежды на возвращеніе Лифляндіи не у одной только Швеціи. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Россіи, Польша также начинаетъ требовать отъ царя исполненія его обѣщанія относительно этой области и съ нескрываемымъ неудовольствіемъ смотритъ на продолжающееся пребываніе въ ея предѣлахъ корпуса русскихъ войскъ. Самъ король Августъ врядъ ли могъ искренне принимать къ сердцу всѣ эти тревоги о Лифляндіи своихъ польскихъ подданныхъ. Встрѣчая, однако, со стороны Россіи противодѣйствіе своей личной политикѣ усиленія королевской власти въ Польшѣ, онъ не прочь былъ сыграть роль радѣтеля чистопольскихъ интересовъ, говорилъ о необходимости возвратить Польшѣ Лифляндію и открывая глаза полякамъ на характеръ русской политики, старался вовлечь Рѣчь Посполитую въ англоавстрійскій союзъ, въ которомъ участвовалъ самъ, какъ курфюрстъ саксонскій, возлагая на него не малыя надежды. Успѣхъ этихъ стараній могъ создать для Россіи нежелательныя затрудненія на Остзейскомъ побережьѣ; ей нельзя было, поэтому, не считаться съ ними, независимо отъ ея собственной политики въ Польшѣ *). Прежскаго двора въ началѣ XVIII вѣка даетъ Vandal въ вводныхъ главахъ двухъ своихъ трудовъ „Louis XV et Elisabeth de Russie“ и „Une ambassade française en Orient sous Louis XV“.

*) Русско-польскія отношенія за данное время—у Соловьева IV, 535—547.

нее средство, соглашеніе съ Пруссіей, и та же политика разъединенія короны и націи, которая преслѣдовалась и въ Англіи, и были тѣми двумя оружіями, какими въ послѣдніе годы Сѣверной войны Россія боролась и противъ притязаній самой Рѣчи Посполитой, и противъ поддержки этихъ притязаній со стороны саксонскаго правительства.

Доброе согласіе съ Пруссіей, которое удалось сохранить въ 1716 г., когда непріязненное отношеніе къ Россіи въ Европѣ достигло своихъ высшихъ предѣловъ, поддерживалось и съ послѣдующіе годы. Во время аландскихъ переговоровъ прусскіе интересы, какъ мы уже знаемъ, пользовались гораздо большимъ вниманіемъ со стороны Россіи, чѣмъ интересы другихъ ея союзниковъ. Это вниманіе легко находитъ себѣ объясненіе, разъ мы вспомнимъ, что одновременно съ тѣмъ, какъ въ Лöфö подготовлялось соглашеніе Россіи и Швеціи, въ Берлинѣ прежнія обязательства Пруссіи по отношенію къ Петербургскому двору были подкрѣплены новыми обѣщаніями. Конвенціей 7 августа 1718 г. подтверждались договоръ 1714 г. и гавельбергское соглашеніе 1716 г., и Пруссія брала на себя роль двойного противовѣса, долженствовавшего, съ одной стороны, парализовать непріязненное отношеніе къ Россіи Австріи и другихъ крупныхъ державъ въ сѣверной Германіи, съ другой—предупредить возможность соглашенія между Швеціей и Польшей *).

Правда, когда дальнѣйшія событія привели почти къ полному проигрышу Россіей ея дѣла въ сѣверной Германіи, конвенція 1718 г. теряла въ значительной степени свою цѣнность, а послѣдовавшее въ февралѣ 1720 г. примиреніе Пруссіи со Швеціей при томъ участіи, какое принимало въ этомъ примиреніи Англія, и окончательно лишало эту конвенцію какого-либо ея практическаго значенія. Стараніями А. Головкина и П. Толстого была, однако, предотвращена возможность въ данномъ случаѣ какихъ-либо нежелательныхъ послѣдствій; легкое облачко, набросившее тѣнь на русско-прусское соглашеніе, скоро разсѣялось, и проигравъ дѣло въ сѣверной Германіи, Россія послѣ примиренія Пруссіи со Швеціей исключительно старается заручиться если не поддержкою, то по крайней мѣрѣ строго-нейтральнымъ отношеніемъ Берлинскаго двора къ тому вопросу, который былъ яблокомъ раздора между нею самою и Рѣчью Посполитою—къ вопросу о будущей

*) Мартенсъ V, 180 слѣд.

судьбѣ остзейскаго побережья *). Собственные интересы прусскаго короля и его недовѣрчивое отношеніе къ той же польской политикѣ Августа, въ свою очередь, не позволяли ему, вступать въ какія-либо обязательства, которыя бы шли въ данномъ случаѣ слишкомъ опредѣленно въ разрѣзъ съ русскою политикою. За мирнымъ прусско-шведскимъ трактатомъ мы видимъ новые акты соглашенія между Пруссіей и Россіей, которыми послѣдняя могла считать себя вполнѣ удовлетворенной.

Таковъ союзный договоръ 6 февраля 1720 г., вторая статья котораго заключала въ себѣ, между прочимъ, взаимное обязательство обѣихъ державъ поддерживать ненарушимо въ Польшѣ ея прежній образъ правленія, и декларація 15 іюня т. г., по которой Фридрихъ-Вильгельмъ давалъ торжественное ручательство въ томъ, что чрезъ свое примиреніе со Швеціей онъ не вступилъ ни съ кѣмъ ни въ какія обязательства, противныя интересамъ Россіи, и оговаривался, что его обѣщаніе возобновить со Швеціей союзъ дружбы и гарантіи не имѣютъ въ виду шведскихъ владѣній, лежащихъ *внѣ предѣловъ имперіи* **). На остзейскомъ побережьѣ Пруссія предоставляла, такимъ образомъ, Россіи полную свободу дѣйствія; въ самой Польшѣ въ то же время обстоятельства позволяли Петру Великому высказать наконецъ открыто и въ окончательной формѣ свои виды на Лифляндію.

Политика разъединенія короны и націи, сопровождавшаяся энергичною агитаціей среди польскихъ магнатовъ и шляхты при томъ недовѣріи, какое замѣчалось среди польскаго населенія къ саксонскому правительству не могла не принести здѣсь болѣе благопріятные результаты, чѣмъ антиганноверская политика въ Англіи. Продолжавшееся пребываніе русскихъ войскъ въ Польшѣ, раздражавшее поляковъ искусно истолковывалось, какъ мѣра предосторожности, необходимая въ ихъ же интересахъ въ виду абсолютическихъ замысловъ короля Августа; этимъ же послѣднимъ объясняли съ русской стороны и послѣдовавшій незадолго до этого отказъ царя на бракъ вдовствующей герцогини курляндской съ королевскимъ племянникомъ, принцемъ саксенъ-вейссенфельскимъ. Все это возымѣло свое дѣйствіе. Сеймъ 1720 г. былъ созванъ и главная цѣль русской политики была достигнута; Рѣчь Поспо-

---

*) О дѣятельности Головкина и Толстого въ Берлинѣ — Соловьевъ IV, 552 - 560.

**) Мартенсъ V, 199 и 203.

литая не примкнула къ англо-австрійскому союзу. Для Россіи насталъ моментъ высказаться болѣе опредѣленно. Когда въ іюлѣ 1720 г. въ Петербургѣ появился посолъ короля Августа, воевода Хоментовскій и требовалъ передачи Лифляндіи Польшѣ, Петръ Великій, опираясь на находившійся въ Польшѣ 30.000-ный корпусъ Рѣпнина, открыто заявилъ, что политикою самого короля онъ поставленъ въ невозможность исполнить теперь же свое прежнее обѣщаніе по отношенію къ Рѣчи Посполитой.

Русская политика на остзейскомъ побережьѣ, поскольку дѣло шло о Лифляндіи, увѣчалась полнымъ успѣхомъ; съ этого момента лифляндскій вопросъ считался русскимъ правительствомъ окончательно исчерпаннымъ, и оно не находило болѣе нужнымъ считаться по этому поводу съ чьими бы то ни было представленіями *). Съ герцогствомъ курляндскимъ дѣло обстояло нѣсколько иначе. Мы уже знаемъ, что до этого времени Россіи удавалось держаться ея политики свободныхъ рукъ въ Курляндіи, удавалось избѣгнуть необходимости связать себя какими-либо опредѣленными условіями какъ относительно будущей судьбы самого герцогства, такъ и личной судьбы вдовствующей герцогини и ея участія въ доменіальныхъ правахъ герцогскаго дома. Курляндскій вопросъ оставался открытымъ до 1718 г. Стараясь въ виду начавшихся мирныхъ переговоровъ со Швеціей заручиться поддержкою Пруссіи, русское правительство въ этомъ году сочло необходимымъ успокоить ее заключеніемъ конвенціи о бракѣ вдовствующей герцогини съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, маркграфомъ бранденбургъ-шведтскимъ, двоюроднымъ братомъ прусскаго короля и племянникомъ герцогини Елизаветы-Софіи саксенъ-мейнингенской, о притязаніяхъ которой на части курляндскихъ герцогскихъ доменовъ было сказано выше. Вопросъ о будущемъ земскомъ устройствѣ Курляндіи не предрѣшался брачной конвенціей 5-го мая 1718 г., хотя обѣ договаривающіеся стороны и обязывались содѣйствовать переходу курляндскаго герцогскаго достоинства на особу маркграфа Фридриха-Вильгельма. Признавая, однако, зе-

*) Въ письмѣ къ Шлейницу отъ 2 сент. 1720 г. Петръ Великій впервые поручалъ ему открыто заявить французскому правительству о намѣреніи Россіи удержать за собою Ливонію. Въ мартѣ 1721 г. Шафировъ и Толстой прямо говорятъ объ этомъ Кампредону. Къ этому же времени впервые вполнѣ опредѣленно высказалось русское правительство и передъ Берлинскимъ дворомъ.—Сборникъ XL, 107 и 173; Droysen IV, 2; 312.

мельныя притязанія въ герцогствѣ прусскаго королевскаго дома и обѣщая содѣйствовать ихъ удовлетворенію, Россія тѣмъ самымъ допускала въ Курляндіи, наряду съ ея собственнымъ вліяніемъ, вліяніе посторонней державы.

Курляндская политика Россіи начинаетъ съ этого момента все болѣе тревожить и Рѣчь Посполитую, и есть извѣстіе, чтовъ 1720 г. курляндскій вопросъ былъ затронутъ и Хоментовскимъ во время его пребыванія въ С.-Петербургѣ. Русскій отвѣтъ на запросъ Хоментовскаго о Курляндіи отличался, повидимому, такою же опредѣленностью, какою и отвѣтъ, данный ему относительно Лифляндіи. Самъ по себѣ этотъ отвѣтъ являлся подтвержденіемъ сдѣланныхъ Пруссіи уступокъ. Цѣною брачной конвенціи 5-го мая 1718 г. было куплено подтвержденіе русско-прусскихъ договоровъ 1714 и 1716 годовъ, и Пруссія удерживалась отъ какихъ-либо шаговъ и дѣйствій, которые могли бы создать препятствія для работы русской дипломатіи на остзейскомъ побережьѣ. Для даннаго времени эта уступка не имѣла большого значенія; она грозила внести новыя осложненія въ тѣ-же русско-прусскія и русско-польскія отношенія въ болѣе отдаленномъ будущемъ, когда правамъ Россіи на Лифляндію суждено было получить офиціальное признаніе, а Курляндіи вассальному герцогству Польши, стать единственною областью, раздѣлявшею русскія и прусскія владѣнія, и когда земельныя притязанія въ герцогствѣ вдовствующей герцогини, племянницы русскаго царя, изъ области гражданскихъ отношеній могли бы быть удобно перенесены въ область публичнаго права *).

Та борьба, которую пришлось вести русской дипломатіи въ 1718—1720 гг. съ англійскимъ вліяніемъ и съ его выраженіемъ, англо-австрійскимъ союзомъ 1719 г., вынудила, такимъ образомъ, Россію къ ряду уступокъ, а порою была даже причиною нѣкоторыхъ промаховъ. Конечный результатъ этой борьбы можно было,

*) Брачная конвенція 5-го мая 1718 г.—П. С. З. V, № 3200. О ней—Соловьевъ IV, 537 и Droysen IV, 2; 224. § 6-й конвенціи, по которому обѣ договаривающіяся стороны обязывались не допускать умаленія или полнаго раздѣла герцогства, и который явно имѣлъ въ виду замыслы Рѣчи Посполитой, не могъ не задѣвать поляковъ. О запросѣ Хоментовскаго относительно Курляндіи и русскомъ отвѣтѣ на этотъ запросъ, о чемъ не упоминаетъ Соловьевъ (IV, 547; срав. также Бантышъ-Каменскій, op. cit. III, 218, 219), узнаемъ изъ экстракта предложеній Хоментовскаго хранящагося въ Берлинскомъ Архивѣ (Rep. 9—7x).

однако, считать для Россіи скорѣе благопріятнымъ, и въ сравненіи съ тѣмъ моментомъ, когда были прерваны аландскіе переговоры, къ началу 1721 г. шансы на скорое и успѣшное окончаніе войны со Швеціей значительно увеличились. Внѣшнія обстоятельства, въ свою очередь, благопріятствовали стараніямъ русской дипломатіи. Акціонерная горячка, охватившая англійское общество, принесла къ 1720 г. свои результаты, и крахъ «Компаніи южныхъ морей» и цѣлаго ряда подобныхъ предпріятій привели въ этомъ году Англію къ финансовому кризису; одновременно съ Англіей пережила подобный кризисъ и Франція, ввѣрившая свою судьбу фантастическому плану Джона Ло. Швеціи приходилось усомниться въ реальномъ значеніи англійскихъ обѣщаній— поддержать ее въ борьбѣ съ Россіей, а операціи англійскаго флота на Балтійскомъ морѣ могли лишь укрѣпить ее въ этихъ сомнѣніяхъ; Россію они укрѣпляли въ мысли о возможности скораго примиренія съ противникомъ безъ чьего бы то ни было посредничества. Съ 1721 г. русская дипломатія въ Вѣнѣ начинаетъ замалчивать и сводить на нѣтъ вопросъ объ австрійской «медіаціи». Роль прибывшаго въ февралѣ того же года въ С.-Петербургъ французскаго уполномоченнаго Кампредона свелась лишь къ сообщенію шведскому правительству русскаго ультиматума *). Съ апрѣля мѣсяца Брюсъ и Остерманъ вступили въ непосредственные переговоры со Швеціей въ Ништадтѣ. Въ іюнѣ, по приглашенію царя, прибылъ въ Петербургъ герцогъ голштинскій. Ништадтскіе переговоры сами по себѣ не внесли чего-либо новаго въ дипломатическую систему, усвоенную Россіей на Балтійскомъ морѣ, не привели къ какимъ-либо новымъ международнымъ осложненіямъ, подобнымъ тѣмъ, къ какимъ привелъ въ свое время аландскій конгрессъ. Исходъ этихъ переговоровъ съ самаго ихъ начала можно было считать предрѣшеннымъ. Настоять на удовлетвореніи Швеціей предъявленныхъ ей требованій было теперь для Россіи дѣломъ, гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ избѣгнуть лабиринта голштинскихъ происковъ и пользуясь этими происками, какъ угрозою, не сдѣлаться самой орудіемъ голштинской политики.

Встревоженное незадолго до этого посольствомъ въ Россію Штамбке, шведское правительство къ исходу 1720 г. было

*) Соловьевъ IV, 535 и 600.

обезпокоено новымъ предложеніемъ, сдѣланнымъ въ Вѣнѣ съ голштинской стороны шведскому уполномоченному бар. Гепкену и стоявшимъ, очевидно, въ связи съ тѣми пунктами, которые самимъ Штамбке были выработаны въ это время въ Петербургѣ. Это предложеніе открывало призрачныя перспективы на возвращеніе Швеціи Лифляндіи и даже части Эстляндіи, но обусловливало все это значительными уступками въ пользу герцога со стороны правящаго въ Швеціи королевскаго дома.

Сопровождаемое намеками на возможность русскаго заступничества за герцога, оно нисколько не подвигало впередъ дѣло примиренія Швеціи съ Россіей, но за то съ новою силою должно было разжечь соперничество между шведскими политическими партіями, чѣмъ ставило въ критическое положеніе правительство короля Фридриха *). Въ январѣ 1721 г. послѣдовало царское приглашеніе герцогу—сдѣланное въ самыхъ любезныхъ и многозначительныхъ выраженіяхъ—лично прибыть въ Россію, и сопоставляя эти два событія, нельзя не сознаться, что моментъ для офиціальнаго выраженія голштинскихъ симпатій былъ выбранъ Петромъ Великимъ чрезвычайно удачно **). Молва не замедлила поставить голштинскіе происки въ болѣе тѣсную связь съ русскою политикою, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Упорно держались, едва-ли не распускаемые самими голштинскими дипломатами, слухи о намѣреніи царя произвести съ помощью голштинской партіи новый государственный переворотъ въ Швеціи, и сами приверженцы герцога воспрянули духомъ и снова настойчиво предъявляли шведскому правительству прежнія требованія—провозгласить герцога наслѣдникомъ престола и признать за нимъ право на королевскій титулъ. Стремленіе сохранить свой собственный престижъ среди населенія, истомленнаго войною, и не дать своимъ противникамъ окончательно поднять голову заставляло короля Фридриха спѣшить съ заключеніемъ мира съ Россіей, понуждало соглашаться на предъявленныя въ Ништадтѣ требованія, пока возможно было еще отклонить какія-либо попытки съ русской стороны, направленныя въ пользу герцога. Со времени появленія голштинскаго двора въ Петербургѣ, шведскіе уполномо-

---

*) Malmström 305, flg.

**) Пригласительная грамота Петра Великаго къ герцогу отъ 16 янв. 1721 г. С.-Петербургъ (черновикъ)—Дѣла голштинскія 1721 г. № 3; отвѣтная грамота герцога, 28 февр. 1721 г. Бреславль—Ibid. № 2.

ченные въ Ништадтѣ становились все уступчивѣе и уступчивѣе *).

Перебираясь въ Петербургъ, голштинскій дворъ привозилъ, однако, съ собою и всѣ свои планы и происки и дѣлалъ изъ новой русской столицы исходный центръ своей политики приключеній. Съ герцогомъ пріѣзжалъ его первый министръ, Бассевицъ, по собственному признанію, не всегда умѣвшій молчать, и больше дѣлавшій, чѣмъ говорившій, Геспенъ **). Вмѣстѣ со Штамбке они вступаютъ въ новые оживленные переговоры съ русскимъ правительствомъ, прямое продолженіе голштинскихъ предложеній конца 1720 г., переговоры, осложнявшіе въ данный моментъ работу русской дипломатіи и отвлекавшіе ее отъ ея главной цѣли. Упреждая событія, голштинскіе министры требуютъ помощи герцогу противъ Даніи и заводятъ переговоры съ датскимъ уполномоченнымъ въ Россіи, Вестфаленомъ о вознагражденіи герцога за Шлезвигъ изъ другихъ владѣній датской короны; они выражаютъ желаніе, чтобы герцогу было позволено тотчасъ же заявить въ Швеціи, что признаніе за нимъ его правъ на шведскій престолъ повлечетъ за собою возвращеніе Швеціи нѣкоторыхъ изъ остзейскихъ провинцій; не хотятъ слышать о перенесеніи голштинскаго вопроса на Брауншвейгскій конгрессъ и требуютъ прямого участія въ ништадтскихъ переговорахъ голштинскаго уполномоченнаго. Они усиленно стараются придать самую широкую огласку своимъ притязаніямъ и кричатъ объ успѣхѣ даже тогда, когда на дѣлѣ все сводилось лишь къ вѣжливой дипломатической отпискѣ со стороны русскаго правительства ***). Въ самихъ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ

*) Кампредонъ 14-го марта 1721 г. — Сборникъ XL, 195 — 196. Ходъ мирныхъ переговоровъ въ Ништадтѣ — Malmström 305—333 и Соловьевъ IV, 601—607.

**) Характеристика Бассевица — „Eclaircissemens"... 297. О Геспенѣ очень сочувственный отзывъ (по случаю его смерти) даетъ Мардефельдъ въ описаніи своего путешествія изъ Москвы въ С.-Петербургъ въ 1723 г. (Берлинъ; Russland. Rep. IX, conv. 27). По мнѣнію Мардефельда, въ лицѣ Геспена герцогъ голштинскій потерялъ достойнаго министра. „Le duc son maitre y perd infiniment" замѣчаетъ по тому же поводу Ле-Фортъ (его письмо къ Флемингу 23 апр. 1723 г.—Дрезденъ. Sachen mit Moscau 1723).

***) Конференціи въ Коллегіи Ин. Дѣлъ съ голштинскими министрами за іюль—сентябрь 1721 г. и промеморіи, поданныя ими за это время · Дѣла голштинскія 1721 г. № 5. Письмо герцога голштинскаго къ Петру

Петербурга, среди лицъ, слишкомъ близко стоявшихъ къ царю и руководившихся въ данномъ случаѣ не одними соображеніями государственной пользы, всѣ эти притязанія находили порою поддержку. Въ 1715 г. Бассевицъ встрѣчалъ содѣйствіе со стороны Меншикова; теперь мысль о сближеніи Россіи съ герцогомъ увлекала самое государыню. Благорасположенная къ шведской націи, стремясь путемъ брака одной изъ своихъ дочерей съ герцогомъ создать для себя и для своего семейства болѣе опредѣленное положеніе, она старается склонить на свою сторону кое-кого изъ тѣхъ приближенныхъ къ царю, которые могли бы имѣть непосредственное вліяніе на направленіе русской политики, какъ напр., Толстого и Шафирова *).

Тревога о голштинскихъ проискахъ въ Петербургѣ быстро начала распространяться по Европѣ и скоро возымѣла свое дѣйствіе, прежде всего—въ Даніи и Швеціи. Рѣшившись пользоваться этими происками, какъ орудіемъ угрозы, русское правительство и въ данномъ случаѣ было поставлено въ необходимость если не итти на уступки, то во всякомъ случаѣ считаться съ нѣкоторыми изъ такихъ запросовъ иностранныхъ державъ, самая

Великому съ просьбою гарантировать помощь въ дѣлѣ возвращенія Шлезвига—ibid. № 2. О переговорахъ Бассевица съ Вестфаленомъ объ уступкѣ герцогу за Шлезвигъ графства Пиннебергъ и амита Зегебергъ—Holm, Danmark-Norges Historie (Kbhvn 1890) I, 23—24. Цитированные документы М. А. М. Ин. Д. не даютъ основанія раздѣлять предположеніе Holm'a, что Бассевицъ велъ свои переговоры согласно желанію царя („overeensstemmende med Czarens Önsker"). До окончанія Сѣверной войны герцогъ голштинскій былъ нуженъ Петру Великому исключительно какъ оружіе противъ Швеціи; его шлезвигскія притязанія держались Россіею въ запасѣ и лишь позднѣе были пущены ею въ ходъ противъ Даніи.

*) „J'ai un contentement inexprimable de pouvoir mander positivement... que la Czarienne est si bien portée pour l'alliance avec V. A. R. et specialement pour le mariage, qu'elle le sollicite Elle-même auprès du Czar, qu'elle concerte la-dessu avec Schafirow et qu'elle excite Tolstoy d'appuyer les sentiments de premier, piquant pour cette effet Tolstoy de son zêle pour Elle et pour sa famille donc il a fait de fréquentes protestations à Sa M-té".—Геспенъ герцогу голштинскому 2 сент. 1720 г. (Копенгагенъ. Gottorp 327, conv. I, № 7). Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ около этого времени характеризуетъ Екатерину, какъ „eine über die Massen gnädige und mitleidige Dame, insonderheit gegen die schwedische Nation" (Büsching's Magazin., XIX, 59). О ея расположеніи къ шведамъ и, наоборотъ, ненависти къ датчанамъ неоднократно упоминаетъ и Вестфаленъ.

постановка которыхъ до заключенія мира со Швеціей была для него преждевременна.

Еще въ апрѣля 1721 г. датское правительство черезъ своего уполномоченнаго въ Россіи Вестфалена, стараясь воспрепятствовать браку герцога голштинскаго съ одною изъ дочерей царя, доказывало несовмѣстимость подобнаго брака съ русско-датскою дружбою и — что самое главное — требовало отъ Россіи такой же гарантіи на владѣніе Шлезвигомъ, какая была уже получена Даніей отъ Англіи и Франціи. Только благодаря энергичной политикѣ въ Копенгагенѣ А. Бестужева удалось оставить до поры до времени этотъ вопросъ открытымъ и не вступать въ какіе-либо опредѣленные переговоры раньше времени—раньше того момента, когда для Россіи открылась бы возможность предъявить Даніи тѣ требованія, для достиженія которыхъ самая поддержка шлезвигскихъ притязаній герцога должна была сыграть такую же роль угрозы, какую играли теперь, въ моментъ примиренія Россіи со Швеціей, его претензіи на шведскую корону *). Новый поводъ къ охлажденію между Даніей и Россіей создавался, однако, уже самою постановкою вопроса о русской гарантіи на Шлезвигъ, и это должно было имѣть существенное значеніе для ближайшаго будущаго, для того времени, когда русско-датскимъ отношеніямъ предстояло занять такое же первенствующее мѣсто въ русской политикѣ на Балтійскомъ морѣ, какое до 1721 г. занимали отношенія Россіи къ Швеціи.

Создавая новый поводъ къ охлажденію между Россіей и Даніей, голштинскіе происки не оказали, однако, какого-либо значительнаго вліянія на дѣло примиренія съ самою Швеціей. Ссылаясь на полную невозможность подымать въ данный моментъ вопросъ объ интересахъ герцога и въ то же время всячески обнадеживая этого послѣдняго обѣщаніями относительно дальнѣйшаго будущаго, не выпуская его изъ своихъ рукъ, но обходя полнымъ молчаніемъ голштинскій вопросъ въ Ништадтѣ, Петру Великому удалось не только добиться отъ Швеціи всѣхъ предъявленныхъ имъ требованій, но и гарантировать себя на

*) Копія съ меморіала Вестфалена, поданнаго царю въ Ригѣ 14-го (25-го) апрѣля, и отвѣтный меморіалъ А. Бестужева, поданный въ Копенгагенѣ 23-го іюня 1721 г.—Копенгагенъ. Forhandlinger med russiske Ministre 1701—1730, fasc. 8, № 4. Отъѣздъ Вестфалена въ маѣ 1721 г. изъ Россіи стоялъ, очевидно, въ связи съ неудачею его апрѣльскихъ переговоровъ (даты пребыванія Вестфалена въ Россіи—Бантышъ-Каменскій I, 264).

будущее время, хотя и не въ достачно рѣшительной формѣ, отъ исполненія тѣхъ изъ голштинскихъ требованій, которыя слишкомъ очевидно шли въ разрѣзъ съ русскими интересами. Имѣемъ въ виду внесенную въ § 4-й Ништадтскаго мирнаго трактата оговорку о томъ, что всѣ уступленныя Швеціей провинціи «имѣютъ вѣчно Россійскому Государству присоединены быть и прибывать» *).

Такъ закончилась Сѣверная война, первая общеевропейская война, въ которой приняла активное участіе Россія, первая пробная задача, заданная Европою русской дипломатіи. Миръ, заключенный 30-го августа 1721 г. въ Ништадтѣ, знаменовалъ собою торжество русской политики на Балтійскомъ морѣ, но это торжество было куплено дорогою цѣною—не только крови и матеріальныхъ потерь, но и цѣлаго ряда дипломатическихъ уступокъ и оговорокъ. Преслѣдуя опредѣленную и ясно намѣченную цѣль, русская дипломатія не могла помѣшать, а порою косвенно своею работою даже содѣйствовала постановкѣ цѣлаго ряда вопросовъ, возникновеніе которыхъ для нея самой въ данный моментъ далеко не всегда было желательно. Оставаясь нерѣшенными, эти вопросы переплетались съ разъ допущенными оговорками и уступками, осложняли счеты Россіи съ ея западно-европейскими сосѣдями и тѣмъ самымъ затрудняли на будущее выполненіе тѣхъ очеред-

*) Врядъ-ли возможно объяснять эту оговорку одними *польскими* притязаніями на Лифляндію, какъ это дѣлаетъ Соловьевъ (IV, 614). Изъ замѣчанія на § 4-й п. Брюса и Остермана, приводимаго тутъ же Соловьевымъ, видно, что эта оговорка являлась лишь смягченною редакціею первоначальнаго обязательства со стороны Петра въ томъ, что уступленныя ему провинціи никогда не будутъ переданы имъ никому другому, обязательство, на внесеніе котораго настаивало русское правительство, противъ котораго была Швеція и которое, по вѣрному замѣчанію самого Соловьева (ibid. 600), имѣло въ виду герцога голштинскаго. Malmström (op. cit. I, 329—330), приводя дословный текстъ первональной редакціи „лифляндской клаузулы“, даетъ болѣе полное объясненіе: „det icke var för Sveriges eller konung Frederiks säkerhet, som de yrkat på klaursulen, utan att tzaren hade sina egna afsigter därmed. Dessa afsigter varo tydligen dels att skada Konug Frederik, dels att afskära de förhoppninga- om Livland, som tzaren måhända gifvit hertigen af Holstein, och de förpliktelser, som han iklädt sig att förena samma land med Polen“. Мы, съ своей стороны, склонны думать, что въ 1721 г., послѣ своего послѣдняго соглашенія съ Пруссіей, русское правительство, приводя оговорку о Лифляндіи, имѣло въ виду прежде всего голштинскіе происки и гораздо менѣе безпокоилось о польскихъ притязаніяхъ на названную область.

*

ныхъ и насущныхъ задачъ, которыя намѣчались для нея, какъ логическій результатъ ея торжества надъ балтійскимъ противникомъ. Приступая къ разрѣшенію этихъ задачъ, сама русская дипломатія къ 1722 г. была уже не тѣмъ, чѣмъ она была накануне столкновенія Россіи со Швеціей. За двадцать лѣтъ войны петровскіе дипломаты въ отдѣльныхъ центрахъ Европы—въ Гаагѣ и Лондонѣ, Копенгагенѣ и Варшавѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ прошли серьезную школу. Унаслѣдовавъ отъ своихъ предшественниковъ ясное сознаніе очередныхъ задачъ Россіи въ сферѣ внѣшней политики, они научились теперь разбираться въ европейскихъ международныхъ счетахъ, выработали умѣнье бороться съ своими европейскими собратьями ихъ же оружіемъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они вышли изъ борьбы болѣе сильными, чѣмъ были до нея. Одновременно съ этимъ, однако, они усвоили себѣ опредѣленные взгляды на отношенія Россіи къ отдѣльнымъ европейскимъ державамъ и очереднымъ вопросамъ того времени и оставались вѣрными этимъ взглядамъ порою даже тогда, когда условія, ихъ породившія, отошли уже въ прошлое и потеряли конкретное значеніе. Въ новой школѣ русскихъ дипломатовъ, богатыхъ многотруднымъ опытомъ, создается традиція взглядовъ, которую они передадутъ своимъ преемникамъ и которая сама по себѣ можетъ явиться новымъ осложняющимъ факторомъ въ недалекомъ будущемъ. Россіи предстояло разрѣшать новыя задачи въ болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ выполняла свое дѣло Москва.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣ Ништадтскаго мира не наступили для Россіи дни отдыха и покоя. Завоеваніе не столько приносило непосредственные плоды, сколько открывало заманчивыя широкія перспективы. Успѣшно законченное дѣло смѣнялось новой работой, главною цѣлью которой было пробужденіе жизни во вновь завоеванномъ краѣ. Это пробужденіе видѣли, прежде всего, въ оживленіи торговой дѣятельности, какъ главной основы государственнаго благосостоянія, что и положило опредѣленный отпечатокъ на экономическую политику послѣднихъ лѣтъ петровскаго царствованія. Одержанная надъ врагомъ и соперниками военная и дипломатическая побѣда укрѣпляла, въ то же время, въ надеждѣ на возможность проведенія и болѣе широкой дипломатической программы, которая соотвѣтствовала бы достоинству новаго европейскаго государства. Упроченіе за Россіей, новою великою державою Сѣвера, вліянія на всемъ протяженіи Балтійскаго побережья; примиреніе съ Англіей на возможно болѣе выгодныхъ и почетныхъ условіяхъ; привлеченіе на свою сторону новаго сосѣда, Пруссіи—вотъ руководящія начала той программы, съ которой Петръ Великій выступаетъ на Балтійскомъ морѣ послѣ Ништадтскаго мира. Въ примѣненіи къ условіямъ даннаго времени это приводило къ стремленію заручиться союзомъ со Швеціей, низведенной на степень второстепенной державы, и поддерживать притязанія двухъ прибалтійскихъ герцоговъ, болѣе другихъ пострадавшихъ отъ Сѣверной войны и вызванныхъ ею дипломатическихъ осложненій—голштинскаго и мекленбургскаго; къ противодѣйствію ганноверской политикѣ короля Георга I, что ослабляло значеніе на континентѣ Англіи и могло заставить ее быть болѣе податливой въ вопросѣ о примиреніи; къ старанію успокоить Пруссію относительно русской политики въ Курляндіи, не упуская

въ то же время изъ виду притязаній на это герцогство самого короля Фридриха-Вильгельма...

Новая балтійская программа Россіи слагалась, такимъ образомъ, изъ старыхъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь еще до окончанія Сѣверной войны. На первый взглядъ это—какъ бы послѣднія разрозненныя вспышки все той же дипломатической борьбы Россіи съ Европою, которая, превратившись въ своемъ послѣднемъ фазисѣ въ борьбу съ вѣнскимъ союзомъ, не закончилась одновременно съ окончаніемъ русско-шведскаго конфликта. Освобожденіе русскихъ торговыхъ кораблей отъ уплаты пошлины при проходѣ черезъ Зундъ и оба Бельта, требованіе, предъявленное Петромъ Великимъ Даніи тотчасъ послѣ окончанія Сѣверной войны и стоявшее въ непосредственной связи съ заботами царя о торговомъ процвѣтаніи вновь завоеваннаго края, ставило новой программѣ и новую очередную задачу. Это требованіе объединяло входившіе въ составъ этой программы отдѣльные вопросы, создавая изъ нихъ новыя комбинаціи, а всей программѣ придавало характеръ новаго дѣла, начало котораго только полагалось, а конечные результаты скрывались въ отдаленномъ будущемъ.

Голштинскія притязанія на Шлезвигъ обращались, при такихъ условіяхъ, въ орудіе угрозы противъ Даніи, лицомъ къ лицу съ которой стояла теперь Россія, выйдя побѣдительницею изъ своей борьбы со Швеціей. Поддерживая, въ то же время, сторонниковъ герцога голштинскаго въ Швеціи, русское правительство создавало тѣмъ самымъ доброжелательную для себя партію среди шведскаго населенія, съ помощью которой и удалось провести къ началу 1724 г. русско-шведское союзное соглашеніе. Непосредственною цѣлью этого соглашенія, по мысли петровской дипломатіи, должно было быть, между прочимъ, удовлетвореніе все тѣхъ же шлезвигскихъ притязаній герцога Карла-Фридриха, которымъ стараются придать теперь окраску общеевропейскаго дѣла. Объ удовлетвореніи этихъ притязаній офиціальные представители Россіи начинаютъ хлопотать и въ Стокгольмѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ, попутно съ переговорами о заключеніи новаго союзнаго трактата съ Франціей и о присоединеніи къ русско-шведскому союзу Австріи. Являясь при дворѣ германскаго императора защитницею голштинскихъ и отчасти мекленбургскихъ интересовъ, русская дипломатія ставитъ себѣ при этомъ цѣлью прежде всего подорвать въ Германіи значеніе и вліяніе Ганновера. Склоняясь къ примиренію съ Англіей, о чемъ особенно хлопотала Франція

и къ чему, казалось, начала проявлять больше склонности послѣ заключенія русско-шведскаго союза и сама Англія, Россія старается добиться, хотя бы въ замаскированномъ видѣ, уничтоженія гарантіи на Шлезвигъ, данной обѣими названными державами Даніи въ 1720 году. Новая угроза противъ послѣдней, заставлявшая ее сдѣлаться болѣе податливой въ ея собственныхъ переговорахъ съ Россіей о зундской пошлинѣ! Не упуская, наконецъ, изъ виду своей главной цѣли и повсемѣстно работая надъ ея достиженіемъ, русская дипломатія не забываетъ, при этомъ, заручиться сочувствіемъ той державы, привлечь которую на свою сторону въ качествѣ солидной вспомогательной силы стремится въ это время большинство государствъ, игравшихъ самостоятельную роль въ общеевропейской политикѣ. Готовая поддерживать прусское вліяніе въ Германіи, какъ противовѣсъ ганноверскому, и соглашаясь даже вести въ данный моментъ общую съ Пруссіей политику въ Курляндіи, Россія зорко слѣдитъ за происками въ Берлинѣ какъ Англіи, такъ и Австріи, какъ Даніи, такъ и Саксоніи и даже не проявляетъ особаго рвенія привлечь Пруссію къ своему собственному союзу со Швеціей.

Непосредственные переговоры Россіи съ Даніей по поводу зундской пошлины и подготовка одновременно съ этимъ русско-шведскаго союза; вопросъ о примиреніи съ Англіей и «шлезвигское дѣло» въ связи съ переговорами о союзѣ съ Франціей и Австріей; русско-прусскія отношенія—вотъ тѣ главные моменты, которые необходимо освѣтить для характеристики балтійской политики Россіи въ послѣдніе годы петровскаго царствованія. Время, протекшее отъ заключенія Ништадтскаго мира до окончанія персидскаго похода, является, въ данномъ случаѣ, подготовительнымъ періодомъ, въ теченіе котораго лишь опредѣлилось общее положеніе дѣлъ. Съ 1723 г. русская дипломатія начинаетъ болѣе энергично работать надъ подготовкою союза со Швеціей, одновременно съ чѣмъ выясняется окончательно и натянутый характеръ отношеній Россіи къ Даніи. И только послѣ заключенія указаннаго союза (февраль 1724 г.) новая балтійская программа развертывается во всей своей широтѣ, постепенно переплетаясь, при этомъ, съ другими очередными вопросами русской внѣшней политики на Западѣ и на Востокѣ.

—

Тотчасъ послѣ Ништадтскаго мира Петромъ Великимъ былъ предпринятъ, какъ извѣстно, рядъ мѣръ съ цѣлью направить глав-

ное русло внѣшней торговли Россіи во вновь завоеванныя гавани и создать здѣсь для этой торговли какъ бы исходное устье. Таковы прежде всего указы, нормировавшіе вывозъ и ввозъ, изъ которыхъ наиболѣе существеннымъ является указъ 5 декабря 1721 г., распредѣлявшій вывозъ товаровъ изъ внутреннихъ областей имперіи между Архангельскомъ и портами Балтійскаго моря *). Продолжавшіяся, одновременно съ этимъ, работы по прорытію Ладожскаго канала должны были, повидимому, облегчить выполненіе на практикѣ подобной нормировки, а поступательное движеніе Россіи на востокъ какъ бы дополняло всѣ эти мѣропріятія, подготовляя созданіе изъ Россіи транзита между европейскими и азіатскими рынками. Послѣдняя, особнякомъ стоящая страница изъ исторіи исканія пути въ далекую Индію, это движеніе обусловливало собою всю восточную политику Россіи во вторую половину петровскаго царствованія. Въ 1722 г. оно привело къ персидскому походу; къ 1724 г. создало натянутыя отношенія съ Турціей и наканунѣ смерти Петра Великаго поставило Россію въ Константинополѣ лицомъ къ лицу съ Англіей, Австріей и Франціей.

Заботясь о развитіи внѣшней русской торговли, заботились и о болѣе активномъ участіи въ этой торговлѣ самаго русскаго населенія. Мѣропріятія финансоваго характера шли въ данномъ случаѣ рука объ руку съ работою дипломатіи. Красною нитью проходитъ черезъ всѣ переговоры Россіи съ западно-европейскими державами, начиная съ 1721 г., нежеланіе связывать себя какими-либо торговыми соглашеніями, которыя создали бы исключительное положеніе въ Россіи для купечества той или другой страны. Въ то же время тарифъ 1724 г., введенный для гаваней Балтійскаго и Бѣлаго морей и носившій почти запретительный характеръ, предоставлялъ значительныя льготы для русскихъ фирмъ, которыя вели экспортную торговлю на своихъ собственныхъ или зафрахтованныхъ ими корабляхъ, чѣмъ и создавалъ для нихъ исключительно льготныя условія сравнительно съ ихъ заграничными конкурентами. Тѣми же началами, какими руководствовалась русская дипломатія, и какія были положены въ основу тарифа 1724 г.,

*) Соловьевъ IV, 778. Русское правительство подчеркивало иногда, что послѣдній указъ лишь ограничиваетъ торговлю Архангельска, но вовсе не имѣетъ въ виду пресѣчь ее окончательно. См. разговоръ Толстого съ Кампредономъ объ организаціи китоловнаго промысла на Бѣломъ морѣ.—Реляц. Кампредона 15 декабря 1721 г. (Сборникъ XL, 395).

объясняется, наконецъ, и стремленіе Россіи добиться для своихъ торговыхъ кораблей права безпошлиннаго прохода черезъ проливы Балтійскаго моря. Съ 1722 г. «зундское дѣло» легло въ основу русско-датскихъ отношеній и, переплетаясь съ другими очередными вопросами, получило на нѣкоторое время значеніе основного нерва русской политики на Балтійскомъ морѣ. Оно выдвинуло передъ Россіею тѣхъ же противниковъ въ Копенгагенѣ, Стокгольмѣ и Берлинѣ, съ какими послѣдняя встрѣтилась уже, въ силу своей восточной политики, въ Константинополѣ *). Выйдя

*) Активное участіе русскаго населенія во внѣшней торговлѣ Россіи, не исключая и торговли восточной — китайскими и персидскими товарами, долгое время сохраняло болѣе чѣмъ скромные размѣры. Правда, иностранцамъ было запрещено пріѣзжать самимъ для закупокъ восточныхъ товаровъ въ Сибирь и Астрахань, и имъ приходилось ожидать прибытія каравановъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Здѣсь, однако, привозимый съ Востока товаръ перекупался почти исключительно заграничными фирмами и направлялся: гамбургскими—чрезъ Любекъ, англійскими и голландскими—черезъ Зундскій проливъ. Весь торгъ въ гаваняхъ Балтійскаго моря сосредоточивался точно также всецѣло въ рукахъ англичанъ и голландцевъ, на долю которыхъ и приходился наибольшій процентъ барыша. По словамъ Вестфалена, изъ 1.500 кораблей, посѣтившихъ въ 1722 г. С.-Петербургъ, Ригу, Ревель, Пернау и Нарву, не болѣе 40 принадлежали мѣстнымъ жителямъ; собственниками остальныхъ являлись англичане и голландцы (Реляц. 14 авг. 1722 г.; первая изъ цифръ, приводимыхъ Вестфаленомъ, можно думать, нѣсколько преувеличена; срав. Соловьевъ IV, 777, на основаніи дѣлъ Кабинета). Поддержать русскія фирмы въ ихъ конкуренціи съ англійскими и голландскими—такова была непосредственная цѣль требованія объ освобожденіи отъ зундской пошлины, равно какъ и тарифа 1724 г. Въ концѣ петровскаго царствованія, въ пору увлеченія идеями крайняго меркантилизма, задаться подобною мыслью было вполнѣ естественно. Россія давно уже привлекала къ себѣ вниманіе своихъ западныхъ сосѣдей, какъ страна, черезъ которую могъ бы установиться транзитный торгъ съ Дальнимъ Востокомъ. Съ окончаніемъ Сѣверной войны интересъ подобнаго рода могъ только увеличиться. Дѣйствительно, съ 1721 г. западно-европейскія правительства все чаще и чаще начинаютъ заводить съ Россіей переговоры о заключеніи торговыхъ соглашеній, да и въ переговорахъ политическаго характера торговыя соображенія съ этого времени начинаютъ играть видную роль. Таковы, напримѣръ, тѣ переговоры о союзѣ, которые въ 20-хъ гг. XVIII ст. вели съ Россіей Франція, Австрія, Пруссія и Данія. Русская дипломатія, въ свою очередь, начинаетъ также выдвигать на первый планъ торговые интересы русскаго населенія какъ въ самой Россіи, такъ и за ея предѣлами, и само русское правительство не упускаетъ случая намекнуть на желательность болѣе активнаго участія въ міровой торговлѣ наряду съ англичанами и голландцами другихъ европейскихъ

изъ своего изолированнаго положенія, Россія вступала теперь въ новую борьбу, прежде всего, за свои торговые интересы. Въ этой

націй, а въ числѣ послѣднихъ и Россіи (Реляц. Кампредона 10 ноября 1721 г.—Сбор. XL, 318). Подобнаго рода стремленія русскаго правительства не ускользали отъ вниманія сосѣдей, и въ дипломатическихъ документахъ того времени нерѣдко попадаются любопытныя характеристики торговыхъ видовъ Петра Великаго въ связи съ тѣми задачами политическаго характера, надъ выполненіемъ которыхъ онъ начинаетъ работать послѣ Ништадтскаго мира. Отмѣчается иногда стремленіе царя лично участвовать въ торговыхъ предпріятіяхъ страны; съ такой точки зрѣнія разсматривало прусское правительство продолжающееся пребываніе въ Голландіи кн. Б. Куракина и дѣятельность въ Амстердамѣ царскаго комиссара Осипа Соловьева. „Der Tzar hat ein eigne Commerce-Collegium, wovon der pr. Kurakin das Chef ist, in Amsterdam bestellet. Daselbst hat er verschiedene Magazins, die mit einer grosser Quantität russischer Waaren eingefüllet sind; und gerühmet es das Ansehen, dass er sich selbst dieses gantze Commercium zu eignen, und solches immediate führen wollen“ (Королев. рескр. Густ. Мардефельду 22 ноября 1721 г.—Берлинъ. Russland, 1721). Живо интересовались сосредоточеніемъ русской внѣшней торговли въ гаваняхъ Балтійскаго моря, сопоставляя эти мѣропріятія съ другими замыслами русскаго правительства. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, по этому поводу въ одномъ письмѣ изъ Данцига отъ 27 января 1722 г., которое приводитъ въ своей реляціи отъ 31 января 1722 г. австрійскій уполномоченный въ Варшавѣ Мартельсъ: „Le Czaar veut transporter le commerce d'Archangel à Petersbourg et se venger aussi par la des Anglois, qui perdront les fruits du Grand Etablissement, qu'ils ont en ce premier lieu et qui leur coute tans de frais et de peines. S. M. Cz-ne veut après faire luy même le commerce de ses etats avec ses propres navires, ses marchands n'etant que ses commis. Mais pour augmenter ses richesses par des gains immenses, le Prince veut forcer le Danemark à luy stipuler le libre passage du Sund gratis. Le restitution de Schleswig peut servir de fière introduction à cette demande à faire successivement. Laissera-t-on Dömitz entre les mains de la garnison du duc de Meklenbourg jusqu'à l'arrivée des Russes pour qu'on les y fasses entrer en possession? et ne se premunira-t-on pas pour que ces derniers ne se fourent pas dans Rostock, le duc ayant déjà un plan pour le fortifier pour le Beau-Chateau qu'il conte de s'y batir pour sa residence perpetuelle et pour mettre le port en etat de recevoir amiablement les galleres russes toutes les fois, qu'elles voudront y venir?“ (Вѣна: Russland 12-a, 1722). Срав. цитир. выше реляц. Вестфалена 14 августа того же года. Касаясь вопроса о той роли, какую могла бы сыграть держава Петра Великаго въ исторіи всемірной торговли, Вестфаленъ отмѣчаетъ, однако, и нѣкоторыя условія, которыя могутъ помѣшать Россіи выполнить миссію, предназначаемую ей царемъ. Указывая, что царь хотѣлъ бы видѣть свою страну занимающей на Балтійскомъ морѣ то же положеніе, которое принадлежитъ въ настоящее время англичанамъ и голландцамъ, онъ замѣчаетъ: „une affaire de

борьбѣ отдѣльныя нити ея восточной политики и западной, азіатской и европейской переплетались и сближались между

cette nature demande avec une constante paix plus d'un regne, et plus d'un Pierre Alexiovitz. Un successeur comme luy, qui aurait l'adresse d'envelopper les Anglois et les Hollandois dans une guerre entre eux soit civile ou etrangère, pourroit y faire du progrès, mais il y a selon mon opinion guerre de l'apparence, que nous verrons de nos jours la navigation des Russes sur un pied à pouvoir contreballencer cette des Hollandais et des Anglois dans la mer Baltique aussi peu qu'ailleurs". Другіе шли далѣе и критически относясь ко всей экономической политикѣ царя, обвиняли его самого въ недостаточномъ знакомствѣ съ сущностью торговаго дѣла и въ слишкомъ поверхностномъ отношеніи къ вопросамъ подобнаго рода. Какъ на истиннаго вдохновителя русской экономической политики, указывали на совѣтника коммерцъ-коллегіи Бакона, который въ отзывахъ современниковъ рисуется дѣятелемъ типа Джона Ло, старающимся эффектными и необычайными мѣропріятіями заставить забыть о своемъ темномъ прошломъ. „Was aber die Sache am Gefährlichsten macht,— пишетъ одинъ изъ современниковъ по поводу тарифа 1724 г.—ist, dass der Kayser selbst mit seinen Schifbau, Lust-häusern, Gewehr - Fabriquen, Canale und Hafen, und anderen grossen Entreprisen dergestalt occupiret ist, dass er das Commertz-Wesen nicht anders, als enpassant, in Erwegung ziehet, und sich allzusehr auf sein Commertz-Collegium verlässt, in welchem der Commertz-Rath Bacon, welcher vormahls schon unter seinen rechten Nahmen Speck dreymahl banqueroute gemacht, endlich anjetzo durch etwas besonders distinguiren will, das vornehmste und grosseste Maul und Credit hat. Es fehlet zwar unter hohen und niedrigen an solchen Leuten nicht, welche den Schaden, so das Land darunter leidet, sehr wohl einsehen. Es darff sich, aber, sonderlich von denen Russen, niemand unterstehen, seinen Herrn darüber reinen Wein einzuschenken, theils weil derselbe durch sein Commertz-Collegium schon eingenommen ist, theils auch weil fast niemand von allen Russen in Commertz-Sachen so viel Licht hat, dass er derer Tarif-Schmiede betriegliche Vorstellungen, wodurch sie der Kayser dazu verleitet, gründlich beantworten könne" (Denkschrift des Freiherrn G. von Mardefeld über Russische Zoll und Handels-Verhältnisse 1724—Берлинъ. Rep. XI, Russland, conv. 277. Истиннымъ авторомъ настоящаго документа можно считать извѣстнаго Фокеродта). Цитированное сейчасъ мнѣніе о вліяніи Бакона на экономическую политику Петра Великаго — исходящее, кстати сказать, отъ лица, близко стоявшаго къ иностранному купечеству Петербурга, сильно задѣтому тарифомъ 1724 — представляется намъ преувеличеннымъ. Тарифъ 1724—одно изъ звѣньевъ въ цѣлой цѣпи аналогичныхъ мѣропріятій какъ въ области экономической, такъ и внѣшней политики. Всѣ эти мѣропріятія вполнѣ ясно обнаруживаютъ у Петра Великаго сознательный планъ дѣйствія, въ значительной степени лично отъ него исходившій, планъ, назрѣвавшій еще въ послѣдніе годы Сѣверной войны и послѣдовательно проводимый послѣ Ништадтскаго мира. На самого царя должна падать и отвѣтственность за послѣдствія этого

собою, объединяясь основнымъ стремленіемъ—использовать то положеніе, какое создалось для Россіи, какъ результатъ ея торжества надъ Швеціей.

Тогда же, однако, можно было предугадать, что эта новая борьба приметъ гораздо болѣе медлительный характеръ, чѣмъ только что окончившееся русско-шведское столкновеніе. Военныя силы Россіи были истощены и врядъ ли выдержали бы новое серьезное столкновеніе съ Европою. Неизрасходованнаго дипломатическаго оружія въ распоряженіи русскаго правительства было еще достаточно. Если само это оружіе и представляло порою обоюдоострую опасность, то и опытъ русскихъ дипломатовъ за послѣднія десять лѣтъ увеличился настолько, что можно было рискнуть пустить подобное оружіе въ ходъ. За періодомъ вооруженнаго столкновенія наступаетъ періодъ медленной, но планомѣрной дипломатической работы.

—

Мысль о возможности требовать отъ Даніи освобожденія русскихъ торговыхъ кораблей отъ уплаты зундской пошлины впервые была развита русскимъ резидентомъ въ Копенгагенѣ А. Бестужевымъ въ его письмѣ къ царю отъ 7-го ноября 1721 года. Основываясь на § 4-мъ Ништадтскаго мирнаго трактата, по которому «всѣ города, мѣста и пристани», отошедшія отъ Швеціи къ Россіи, сохраняли всѣ свои права и привилегіи, въ число которыхъ входила и свобода отъ уплаты зундской пошлины кораблями, принадлежавшими жителямъ шведскихъ остзейскихъ провинцій, Бестужевъ настаивалъ на необходимости предъявить соотвѣтствующее требованіе Даніи и просилъ снабдить его на этотъ случай спеціальною инструкціею *). Рѣчь объ этомъ заходила, однако, уже не разъ и раньше въ русскихъ правительственныхъ сферахъ и европейскихъ дипломатическихъ кругахъ, въ связи съ успѣхами Россіи на Балтійскомъ морѣ, и еще до заключенія

плана, разъ онъ оказался бы въ противорѣчіи съ наличными силами страны и ея насущными интересами—вопросъ, разрѣшеніе котораго не входитъ въ нашу задачу. Быть можетъ, надо только назвать другихъ лицъ, вмѣсто Бакона, которые помогли царю уяснить себѣ детали этого плана и способы его выполненія. Въ числѣ послѣднихъ долженъ найти себѣ мѣсто и Остерманъ.

*) См. Приложеніе II. 11-го ноября А. Бестужевымъ была послана въ *коммерцъ-коллегію* всеподданнѣйшая реляція, сходная по содержанію съ письмомъ къ царю отъ 7-го ноября; ея дубликатъ—при реляц. 18-го ноября 1721 г. (Дѣла датскія 1721 г., № 6).

Ништадтскаго мира само остзейское купечество настаивало, повидимому, чтобы русское правительство начало соотвѣтствующія домогательства передъ Даніей *) Въ своемъ ноябрьскомъ письмѣ А. Бестужевъ далъ лишь опредѣленную формулировку давно уже назрѣвшей мысли, которая возбуждала, однако, съ его стороны искреннее къ себѣ сочувствіе и представлялась ему, какъ непосредственная очередная задача для русской дипломатіи послѣ окончанія Сѣверной войны. Въ то время, когда самъ Петръ Великій обращаетъ главное свое вниманіе на Востокъ и занятый приготовленіями къ персидскому походу, старается на Западѣ лишь обезпечить тылъ, А. Бестужевъ находитъ возможнымъ теперь же настаивать болѣе энергично передъ датскимъ правительствомъ хотя бы на частичномъ удовлетвореніи предъявленнаго требованія; онъ считаетъ необходимымъ удерживать при русскомъ дворѣ герцога голштинскаго, чьи шлезвигскія притязанія для него—исключительно орудіе для достиженія русскихъ интересовъ, и не прочь воспользоваться въ своихъ переговорахъ ссылкою на новыя морскія и сухопутныя вооруженія царя, какъ на угрозу, которая должна заставить датское правительство сдѣлаться болѣе податливымъ **). Не считая А. Бестужева иниціаторомъ зундскаго

*) Уже 1-го сентября (нов. ст.) 1721 г. датское правительство предупреждало своего консула въ Россіи Тиргольма о подобныхъ происках рижскаго и ревельскаго купечества, причемъ тутъ же Тиргольму предписывалось дать понять въ Петербургѣ, что Данія никогда не согласится на подобное требованіе, и что короля крайне бы задѣло, если бы объ этомъ зашла рѣчь (Дѣла датскія 1721 г. № 7, Меморіалы Тиргольма. Тутъ же подлинные къ нему королевскіе рескрипты, попавшіе, очевидно, въ руки русскаго правительства вмѣстѣ съ другими бумагами, арестованными послѣ пропажи датскаго консула). Вестфаленъ указываетъ, что еще въ началѣ 1721 г. Пруссія и Голландія побуждали Петра Великаго предъявить Даніи требованіе объ отмѣнѣ зундской пошлины (Des Etats-Raths Westphalen allerunterthänigste Vorstellung über des Czaaren Vues und Absichte nach seinem nunmehro geschlossenen Frieden mit der Crohn Schweden. 26 octob. 1721. Копенгагенъ. Relationes Russland 1721).

**) См. реляціи А. Бестужева за 1722 г. (Дѣла датскія 1722, № 5). „Отъ В. В—ва зависитъ, ежели въ томъ твердо стоять и чрезъ экипированіе флоту и протчихъ подвиговъ воинскихъ здѣшной дворъ въ неотмѣнной уторопливости содержать изволите и хоть малой авантажъ пожаловать здѣшнему двору противъ полученія безпошлиннаго проходу Зунда и обѣихъ Белтовъ“ (реляц. 20-го марта). Если же „помянутый принцъ (т.-е герцогъ голштинскій) прежде окончанія со дворомъ здѣшнимъ... въ дѣлѣ Зунта отъ двора В. И. В. отлучится, то дворъ здѣшній паки возгордѣетъ (реляц. 21 авг.).

вопроса, мы должны видѣть въ немъ одного изъ вдохновителей балтійской политики Россіи послѣднихъ лѣтъ петровскаго царствованія, сознательно работавшаго надъ разрѣшеніемъ основныхъ задачъ этой политики и даже, быть можетъ, склоннаго къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ само петербургское правительство.

Предложеніе А. Бестужева нашло полное сочувствіе со стороны царя. 10-го декабря ему былъ посланъ соотвѣтствующій рескриптъ за собственноручною царскою подписью *). Черезъ день послѣ этого Остерманъ отправилъ къ А. Бестужеву частное отъ себя письмо, въ которомъ болѣе подробно развилъ мотивы, изложенные въ царскомъ рескриптѣ, и не преминулъ намекнуть на возможность воспользоваться, какъ орудіемъ, шлезвигскими притязаніями герцога голштинскаго во время переговоровъ въ Копенгагенѣ «о безпошлинномъ проходѣ кораблей купеческихъ здѣшнихъ провинцій» **). Наконецъ 5-го января 1722 г. Петромъ Великимъ была отправлена грамота къ королю Фридриху IV, заключающая въ себѣ повтореніе того же требованія ***). Одновременно съ этимъ была сдѣлана попытка подготовить почву для даннаго вопроса и при другихъ дворахъ. Въ Парижѣ и Берлинѣ заботились лишь о томъ, чтобы Данія не нашла себѣ противовѣса русскимъ притязаніямъ во Франціи и въ Пруссіи. Въ Голландіи кн. Б. Куракинъ намекалъ, какъ кажется, правительству Штатовъ на выгоду, какая могла бы послѣдовать для республики отъ совмѣстнаго, въ данномъ случаѣ, дѣйствія съ Россіей ****). Въ теченіе всего 1722 г. переговоры съ Даніей о зунд-

*) Дѣла датскія 1721, № 3. На находящемся здѣсь протоколѣ рескрипта 10-го декабря читаемъ: „Такой оригинальный рескриптъ подписанъ Е. И. В-омъ собственною рукою. А ниже того приписано Е. И. В-ва собственною рукою слѣдующее: Еще что къ сему надлежитъ, писалъ къ Вамъ Остерманъ, почему съ искусною твердостью подступай. Тайный совѣтникъ баронъ Андрей Остерманъ“.

**) См. Приложеніе II.

***) Дѣла датскія 1721. № 2.

****) Рескр. кн. В. Долгорукому 12-го апрѣля 1724 г. (Дѣла французскія 1722, № 4) и А. Головкину 12-го марта того года (Дѣла прусскія 1722, № 3). „On m'a dit que l'ambassadeur russe ici dans un discours particulier, tenu avec un certain membre des Etats sur les differents, qui subsistent à present entre sa Majesté et l'Etat, et nommement par rapport au Traité de commerce et peage, a fait à cette occassion des insinuations pour faire comprendre, que l'Etat se devrait lier d'interest avec le Czaar par rapport au payement du peage dans le Soud“. (Extract Schreibens an dem H. Gross-

ской пошлинѣ сохраняли, однако, строго выжидательный характеръ и шли болѣе медлительнымъ темпомъ, чѣмъ желалъ бы того самъ А. Бестужевъ.

Требованіе, предъявленное Россіей, должно было, конечно, само по себѣ встрѣтить энергичный отпоръ со стороны датскаго правительства. Разсчитывать на его скорое удовлетвореніе въ данный моментъ было въ особенности трудно. Англійское вліяніе, столь сильное въ Копенгагенѣ послѣ заключенія Даніей Фридериксборгскаго мира, и перемѣны, происшедшія около этого времени въ личномъ составѣ совѣтниковъ и приближенныхъ короля Фридриха IV, создавали для этого крайне неблагопріятную почву.

Эти перемѣны, объясняющіяся отчасти измѣнившимися отношеніями Даніи къ Россіи уже въ послѣдніе годы Сѣверной войны, стояли въ еще болѣе тѣсной связи со вторымъ бракомъ короля Фридриха IV (апр. 1721 г.) съ дочерью покойнаго канцлера Конрада Ревентловъ Анною-Софіею, бывшею въ близкихъ отношеніяхъ съ королемъ еще при жизни королевы Луизы. Этотъ бракъ повлекъ за собою быстрое возвышеніе цѣлаго ряда новыхъ лицъ, родственниковъ сестры «герцогини шлезвигской», какъ офиціально титуловалась теперь Анна-Софія Ревентловъ, графини Гольштейнъ-Гольштейнборгъ *). Въ большинствѣ случаевъ мекленбургскіе уроженцы, уже въ силу своего происхожденія рѣзко настроенные противъ русскаго царя, всѣ эти лица, породнившись со шлезвигскимъ родомъ Ревентловъ, примыкали тѣмъ самымъ къ фракціи шлезвигскаго дворянства, сочувственно встрѣтившей присоединеніе Шлезвига къ Даніи. Невыгодное само по себѣ для Россіи,

---

cantzler von dem H. Resident Grüss sub dato Haage den 29 Aug. 1722.— Копенгагенъ. Westphalens Orders 1719—1730).

*) Мужъ сестры Анны-Софіи, гр. Ульрихъ-Адольфъ Гольштейнъ-Гольштейнборгъ занялъ мѣсто государственнаго канцлера, вакантное послѣ смерти Конрада Ревентловъ, а его братья, Христіанъ-Фридрихъ и Геннигъ получили должности: первый—оберъ-гофмаршала, а второй—гофмейстера королевы. Въ то же время въ государственный совѣтъ вошли Христіанъ Ленте и дальній родственникъ новаго канцлера, Іоганнъ-Георгъ Гольштейнъ. Старшій сынъ послѣдняго, гр. Іоганнъ-Людвигъ былъ назначенъ завѣдывающимъ дворомъ кронпринца, будущаго короля Христіана V, отнесшагося несочувственно ко второму браку своего отца. См. E. Holm. Danmark-Norges Historie I, B. I, стр. 1—4; B. II, стр. 2, гдѣ находимъ обстоятельное описаніе перемѣнъ въ личномъ составѣ королевскаго семейства, стоявшихъ въ связи со вторымъ бракомъ короля Фридриха IV, и характеристику отношенія къ этому браку правительственныхъ сферъ Даніи и самого королевскаго семейства.

подобное сочетаніе условій ухудшалась еще болѣе вслѣдствіе близкихъ личныхъ отношеній ко всѣмъ этимъ лицамъ гр. Ботмара, ганноверскаго резидента при копенгагенскомъ дворѣ, нашедшаго въ «ревентловскомъ кружкѣ» благопріятную почву для проведенія своей собственной политической программы.

Ревностный сторонникъ идеи ганноверскаго могущества, сыгравшій видную роль въ утвержденіи за курфюрстомъ Георгомъ англійскаго престола, гр. Ботмаръ являлся въ данное время однимъ изъ главныхъ представителей анти-русскаго направленія въ европейской дипломатіи, работалъ надъ популярною въ то время въ Даніи мыслью объ англо-датскомъ сближеніи и особенно старался придать этому сближенію руссофобскій характеръ. Отклонять датское правительство отъ всего, что могло бы быть истолковано въ смыслѣ уступокъ Россіи, и проводить, между прочимъ, для этого на видные государственные посты голштинскихъ и мекленбургскихъ уроженцевъ, отстраняя коренныхъ датчанъ, входило прежде всего въ программу Ботмара. Его вліяніе отразилось, между прочимъ, и на тѣхъ замѣщеніяхъ, какія послѣдовали за удаленіемъ статсъ-секретарей обѣихъ канцелярій: «нѣмецкой»—Сехестеда и «датской»—Выбе. Сторонники сближенія съ Россіей, оба названныя лица послѣ Фредериксборгскаго мира должны были оставить королевскій совѣтъ и были замѣщены: первый—Францемъ фонъ-Гаагеномъ, второй — Фридрихомъ Ростгордомъ, голштинцемъ по происхожденію, мужемъ дочери Конрада Ревентловъ **). Поддерживать доброе согласіе съ Англіей, прежде всего ради столь

*) Его біографія (по архивнымъ даннымъ)—въ Allgemeine deutsche Biographie. E. Holm недостаточно освѣщаетъ роль гр. Ботмара въ перемѣнѣ курса датской политики, лишь вкратцѣ упоминая о его отношеніяхъ къ Гольштейнамъ (op. cit. 52). Матеріалъ для этого даютъ реляціи А. Бестужева за 1721 и 1722 гг. Гр. Ботмаръ былъ женатъ на дочери совѣтника I. Г. Гольштейна.

**) Сообщая объ этихъ назначеніяхъ, А. Бестужевъ прямо указывалъ, что они произошли по проискамъ гр. Ботмара, который отнынѣ и будетъ фактически давать направленіе всей политикѣ копенгагенскаго двора (Реляц. 14 и 25 ноября 1721 г.). Ближайшее будущее, насколько можно судить по дѣятельности нѣмецкой канцеляріи въ первые годы послѣ Ништадтскаго мира, на которой ни въ чемъ не отражается личное вліяніе Гаагена, вполнѣ оправдало это замѣчаніе. „Нѣмецкая канцелярія“ (Tyske kancelli), называемая такъ потому, что ея дѣлопроизводство велось на нѣмецкомъ языкѣ—датское министерство иностранныхъ дѣлъ. „Датская канцелярія“ (Danske kancelli) вѣдала дѣла внутренней политики.

дорогой для Даніи англійской гарантіи на Шлезвигъ, добиться, по возможности, такой же гарантіи отъ Россіи и во всякомъ случаѣ положить преграду дальнѣйшимъ замысламъ царя на Балтійскомъ морѣ, связавъ ему руки торговымъ и союзнымъ трактатомъ—такова была политическая программа голштинцевъ и мекленбуржцевъ «ревентловскаго кружка», менѣе склонныхъ, въ противоположность Выбе и Сехестеду, итти на какія-либо уступки Россіи и искать съ нею сближенія. Лишь двое изъ новыхъ совѣтниковъ датскаго короля не раздѣляли цѣликомъ этой программы и, во всякомъ случаѣ, мечтали объ ея выполненіи путемъ болѣе искренняго соглашенія со старымъ союзникомъ Даніи. Это—тайный совѣтникъ Ленте и морской министръ, адмиралъ Христіанъ Габель, котораго А. Бестужевъ всегда причислялъ къ своимъ друзьямъ *).

Значеніе перваго изъ нихъ, не смотря на его большую опытность и твердость во взглядахъ, было, однако, за это время крайне невелико **). Больше значенія могла бы имѣть поддержка Габеля въ виду того довѣрія, какимъ онъ пользовался у короля, тѣмъ болѣе, что самъ Фридрихъ IV не прочь былъ, повидимому, сдѣлать нѣкоторыя, хотя и незначительныя, уступки русскимъ требованіямъ. Легко поддающійся стороннему вліянію, Фридрихъ IV, къ сожалѣнію, съ одинаковымъ вниманіемъ прислушивался какъ къ словамъ Габеля, такъ и гр. Ботмара и недостаточно проявлялъ свою личную иниціативу. Его полная безпомощность и совершенная отчужденность отъ государственныхъ дѣлъ—вотъ что красною нитью проходитъ въ донесеніяхъ А. Бестужева на ряду съ постояннымъ указаніемъ на возрастающее вліяніе гр. Ботмара, на значеніе партіи голштинскаго и мекленбургскаго дворянства и на отстраненіе отъ дѣлъ коренныхъ датчанъ и норвежцевъ. Вѣчно подъ чьимъ-либо вліяніемъ, угнетаемый мыслью о финансовомъ разстройствѣ страны, самодержавный повелитель Даніи терялъ почву подъ ногами и дѣйствовалъ крайне нерѣшительно, когда пытался проводить свою личную политику.

Благорасположенность къ Россіи Габеля и отчасти Ленте находила, съ другой стороны, противовѣсъ въ тѣхъ извѣстіяхъ, ка-

---

*) Реляц. А. Бестужева 17 февр. 1722 г. Габель, къ слову сказать, находился въ натянутыхъ отношеніяхъ съ гр. Ботмаромъ и семействомъ Гольштейновъ.

**) E. Holm I, 61.

кія получались въ это время отъ Вестфалена, стараго знакомаго русскихъ министровъ, вновь аккредитованнаго при петербургскомъ дворѣ. Близкій лично со многими изъ русскихъ вельможъ, но нерасположенный къ Россіи и проникнутый англо-ганноверскими симпатіями *), наблюдательный, но довольно легкомысленный въ своихъ совѣтахъ и нѣсколько пренебрежительно относившійся первое время къ слухамъ о новыхъ замыслахъ царя, хотя и склонный порою, быть можетъ, не безъ своекорыстнаго разсчета преувеличить опасность, Вестфаленъ въ 1722—1725 гг. своими донесеніями скорѣе могъ поддержать датское правительство въ его упорномъ отказѣ на русскія требованія, чѣмъ побудить его къ какимъ либо уступкамъ.

Датское правительство, какъ мы уже знаемъ, не было застигнуто врасплохъ новымъ русскимъ требованіемъ. Найдя поддержку въ гр. Ботмарѣ, оно отвѣчало категорическимъ отказомъ на первые меморіалы А. Бестужева о зундской пошлинѣ, стараясь въ то же время привлечь на свою сторону въ этомъ вопросѣ сосѣднія державы—Англію и отчасти Швецію, и зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы русское притязаніе не приняло характеръ общеевропейскаго осложненія **). По вопросу о дальнѣйшемъ

*) „Онаго Вестфала инако нарещи не могу, яко при томъ, что публичной аккредитованный министръ дацкій, ганноверскій шпіонъ, который натурально высочайшимъ интересамъ Вашимъ противенъ". Реляц. А. Бестужева 22-го февр. 1722 г.

**) Первый меморіалъ А. Бестужева, поданный 16-го января 1722 г., былъ принятъ ad protocollum. 29-го янв. Гаагенъ сообщилъ А. Бестужеву выписку изъ протоколовъ королевскаго совѣта, въ которой русское требованіе опровергалось ссылкою на русско-датскій союзный договоръ 1709 г. и мирный договоръ Даніи со Швеціей 1720 г. А. Бестужевъ отвѣчалъ вторымъ меморіаломъ, въ которомъ со своей стороны доказывалъ, что: 1) договоръ 1709 г. (именно, его §§ 6 и 8) не имѣетъ отношенія къ данному случаю; 2) что отказъ Швеціи въ 1720 г. отъ права свободнаго прохода черезъ Зундъ могъ имѣть значеніе для той или другой шведской провинціи только до тѣхъ поръ, пока эта провинція не отошла отъ Швеціи. Лифляндія, Эстляндія и Ингерманландія, о которыхъ въ данномъ случаѣ шла рѣчь, уже въ 1720 г. не могли считаться, по его мнѣнію, шведскими провинціями. Датскій отвѣтъ отъ 24-го февр. на второй меморіалъ А. Бестужева былъ попрежнему неблагопріятенъ. Въ этомъ отвѣтѣ, между прочимъ, указывалось, что Данія считаетъ возможнымъ основываться въ данномъ случаѣ на договорѣ 1709 г., такъ какъ этимъ договоромъ съ русской стороны было дано обѣщаніе гарантировать всѣ регальныя права датской короны, къ числу которыхъ принад-

образѣ дѣйствія въ королевскомъ совѣтѣ произошло, повидимому, нѣкоторое разногласіе, и въ то время какъ самъ канцлеръ и его совѣтники настаивали на продолженіи болѣе рѣшительной политики, Габель и Ленте рекомендовали королю пойти, въ крайнемъ случаѣ, на уступки. Мнѣніе послѣднихъ, однако, не одержало верхъ. Хотя ихъ старанія и давали поводъ А. Бестужеву еще въ мартѣ 1722 г. смотрѣть на зундское дѣло, какъ на «почитай къ совершенству приведенное» *), посылка къ русскому двору Вестфалена, въ руки котораго датское правительство передавало разрѣшеніе щекотливаго для него вопроса, была побѣдою противной партіи. Аккредитованный въ 1722 г. въ третій разъ къ русскому двору, Вестфаленъ имѣлъ своею главною миссіею оградить Данію отъ новаго русскаго притязанія. Данная ему отъ 10-го марта 1722 г. инструкція являлась какъ бы отвѣтомъ на тѣ требованія, которыя были подробно развиты и обоснованы въ письмѣ Остермана къ А. Бестужеву отъ 12-го декабря 1721 г. Въ отвѣтъ на упоминаніе о шлезвигскихъ притязаніяхъ герцога голштинскаго—требованіе отъ Россіи такой же гарантіи на Шлезвигъ, какую Данія получила уже отъ Англіи и Франціи; въ отвѣтъ на притязаніе о зундской пошлинѣ—предложеніе новаго союзнаго и торговаго договора **).

лежитъ и зундская пошлина.—Копенгагенъ. Russland A.; Forhandlinger med russiske Ministre 1701—1730; Fasc. 8, № 12 и Russland, Westphalen Orders 1719—30 (приложенія къ инструкціи Вестфалену отъ 10-го марта 1722 г.). Объ отношеніи къ этому дѣлу гр. Ботмара—Реляц. А. Бестужева 6-го янв. 1722 г. Ущербъ, которымъ грозило новое русское требованіе и безъ того уже разстроеннымъ датскимъ финансамъ, могъ получить особенно внушительные размѣры теперь, когда значительная часть архангелогородской торговли переходила въ гавани Балтійскаго моря. По подсчету А. Бестужева, этотъ ущербъ для Даніи могъ достигнуть 200.000 руб. ежегодно. Тревога Даніи усиливалась еще и потому, что послѣ Фредериксборгскаго мира ни одинъ русскій корабль не прошелъ еще Зунда и не было, такимъ образомъ, еще прецедента, чтобы Россія уплатила пошлину.—Реляц. А. Бестужева 13 и 23 янв. и 20-го февр. 1722 г.

*) Реляц. А. Бестужева 20-го марта 1722 года.

**) См. Приложеніе III. Въ послѣдующихъ королевскихъ рескриптахъ, дополняющихъ эту инструкцію, особенно рельефно вытупаетъ та связь, въ какой стояло датское предложеніе о торговомъ союзѣ съ русскимъ требованіемъ о зундской пошлинѣ. „Wegen des Puncts von Zoll im Sunde aber hast du dich nach der dir mitgegebene Instructions - Ordre zu richten und dieser wegen als vor dich selbst anzuzeigen, dass die

*

Не заставъ уже царя въ Москвѣ и вынужденный вести переговоры лишь съ царскими министрами *), Вестфаленъ не далъ застичь себя врасплохъ и въ первомъ же поданномъ имъ меморіалѣ выступилъ съ предложеніемъ о возобновленіи союзнаго договора 1709 г. и о заключеніи новаго торговаго трактата, чѣмъ и предупредилъ Головкина и Шафирова, не преминувшихъ тутъ же завести съ нимъ рѣчь о зундской пошлинѣ. Всѣ дальнѣйшія попытки русскихъ министровъ поставить этотъ вопросъ въ болѣе категорической формѣ точно также встрѣчали съ его стороны упорное противодѣйствіе, и до конца 1722 г. ему, повидимому, удавалось твердо держаться разъ занятой позиціи. Очень скоро понявъ, что расчитывать на возобновленіе союза нельзя, онъ долго не терялъ надежды на заключеніе торговаго договора и всячески старался убѣдить Головкина, Шафирова и Остермана въ томъ, что лишь при такихъ условіяхъ русскому правительству удастся добиться своей желанной цѣли— упрочить русскую торговлю не только на Балтійскомъ морѣ, но и въ океанѣ **).

Avantages, die der Czaar für seine Unterthanen im Commercio zu haben intendirte, durch den jetzo im Vorschlag zu bringenden Commercium-Tractat gesuchet und erhalten werden müsste" (Рескр. отъ 22-го іюня 1722 г.— Копенгагенъ. Westphalen Orders 1719—1730). Помимо своей опытности и предшествующаго знакомства съ русскимъ дворомъ, Вестфаленъ, по нѣкоторымъ своимъ взглядамъ, могъ быть признанъ особенно пригоднымъ въ данномъ случаѣ. Еще въ своемъ „Vorstellung" 28-го октября 1722 г. онъ указывалъ на возможность предъявленія съ русской стороны претензіи о зундской пошлинѣ и тогда же выражалъ увѣренность, что дѣло можетъ быть улажено путемъ торговаго договора.

*) Вестафаленъ прибылъ въ Москву 17-го іюля, когда Петръ Великій выступилъ уже изъ столицы въ походъ противъ Персіи. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ сношеній Россіи... I, 265; Соловьевъ IV, 674. Письмо Вестфалена къ Головкину отъ 11 (22) іюня 1722 г.—Дѣла датскія 1722, № 6.

**) Меморіалъ Вестфалена 17-го іюля 1722 г. и протоколъ его конференціи съ русскими министрами 25-го сентября т. г. (Дѣла датскія 1722 г. № 6). Реляціи Вестфалена отъ 18 (29) іюля и 3-го августа 1722 г. (Копенгагенъ. Russland Relationes 1721—22). Вестфаленъ не закрывалъ, впрочемъ, глазъ и на трудность заключить торговый договоръ съ Россіей на выгодныхъ условіяхъ для Даніи. Эта трудность проистекала по его мнѣнію, отъ того, что Данія, Голштинія и Ольденбургъ не производятъ ничего такого, безъ чего не могла бы обойтись Россія, тогда какъ русскіе товары, покупаются ли они непосредственно у русскихъ

Рѣшительный тонъ, взятый Вестфаленомъ, не былъ, однако, вѣрнымъ показателемъ отношенія къ данному вопросу самого датскаго правительства. Увѣряя, что русскій царь никогда не окажетъ существенной поддержки герцогу, Вестфаленъ заставлялъ копенгагенскій дворъ упорствовать въ своемъ отказѣ на русскія притязанія. Идущія отъ него же извѣстія о значительныхъ морскихъ и военныхъ приготовленіяхъ Россіи порождали, съ другой стороны, въ Копенгагенѣ не малую тревогу *). Бестужевъ скоро подмѣтилъ ту тѣсную связь, въ какую ставило датское правительство съ вопросомъ о зундской пошлинѣ вопросъ о Шлезвигѣ, вопросъ, къ которому постоянно возвращался въ своихъ переговорахъ и Вестфаленъ. Къ исходу 1722 г. русское правительство, не выходя изъ рамокъ строго выжидательной политики, располагало уже цѣнными свѣдѣніями какъ относительно настроенія, господствовавшаго въ Копенгагенѣ, такъ и относительно того оружія, какое оно избрало въ своей борьбѣ съ Даніей.

Рекомендуя пользоваться голштинскими притязаніями исключительно, какъ оружіемъ, Бестужевъ въ то же время настаивалъ и на

купцовъ, или у англійскихъ, голландскихъ и гамбургскихъ фирмъ, всегда найдутъ себѣ сбытъ въ Даніи. Можно было бы разсчитывать на вывозъ изъ Норвегіи мѣди, но и ту начинаютъ добывать въ сибирскихъ рудникахъ.—Реляц. 23-го сент. (2 окт.) 1722 г.

*) 11-го (22-го) мая Вестфаленъ сообщилъ, что въ Кронштадтѣ стоятъ вполнѣ снаряженные 17 линейныхъ minimum 50-пушечныхъ кораблей и до 60 галеръ. Вся эта эскадра предназначалась будто бы для конвоированія 50 торговыхъ судовъ, принадлежащихъ жителямъ С.-Петербурга, Риги, Ревеля и Нарвы при ихъ проходѣ черезъ Зундъ. Подобныя же свѣдѣнія получались отъ Вестфалена и ранѣе, и еще въ маѣ А. Бестужевъ отмѣчалъ, что отъ этихъ свѣдѣній въ Копенгагенѣ „нынѣ великая конфузія и алармъ учинился, и въ такой здѣсь торопливости, что предъ прежнимъ стократно болѣе". Еще болѣе испугали Данію слухи о заготовкѣ Россіей хлѣба въ Любекѣ (реляц. А. Бестужева 17-го февр. 1722 г.), а немного позднѣе сталъ распространяться слухъ, что къ русскимъ притязаніямъ, видимо, прислушивается и Голландія (реляц. Вестфалена 27-го апр. (8-го мая) 1722 г.; разговоръ на эту тему въ Копенгагенѣ заводилъ съ А. Бестужевымъ и голландскій посланникъ въ Даніи ванъ-деръ-Гоесъ). Въ своей реляціи отъ 11-го (22-го) мая Вестфаленъ, правда, сообщалъ, что царь, повидимому, уже отказался отъ только что упомянутого плана; нѣсколько позднѣе, однако, онъ оговаривался, что его успокоительный взглядъ на положеніе вещей относится только къ текущему году и „ne s'etendent pourtant pas plus loin" (его реляц. 18-го (29-го) мая 1722 г.).

томъ, что только съ помощью этого оружія можно достичь желаемыхъ результатовъ, и находилъ, что датскій дворъ «наипаче отъ того въ утороплении, чтобъ В. И. В-во не вступили съ войски въ Мекленбургію, гдѣ княжество Шлезвигъ въ близости лежитъ». Онъ не безъ удовольствія подчеркивалъ, что датскіе министры послѣ извѣстій о русскихъ вооруженіяхъ съ нимъ «чювственно учтивѣе и пріятнѣе поступаютъ», и совѣтовалъ не терять времени и пользуясь пребываніемъ герцога въ Россіи, привести за это время переговоры съ Даніей къ опредѣленному результату. Когда къ исходу 1722 г. русское правительство, какъ мы сейчасъ увидимъ, окончательно рѣшило проводить свою политику въ Швеціи, опираясь точно также на голштинскую партію, и вопросъ о посольствѣ въ Швецію гр. Бассевица былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, А. Бестужевъ, въ свою очередь, не прочь былъ воспользоваться поддержкою сторонниковъ герцога въ Швеціи въ интересахъ того же «зундскаго дѣла» *).

Русское правительство относилось, однако, ко всѣмъ этимъ оптимистическимъ сообщеніямъ своего представителя въ Копенгагенѣ и его совѣтамъ довольно сдержанно и не давало ему на этотъ счетъ какихъ-либо новыхъ, по существу, инструкцій. Во переговорахъ съ Вестфаленомъ петербургскій дворъ также ограничивался общими отвѣтами на всѣ запросы о герцогѣ голштинскомъ и не вдавался, съ своей стороны, по этому поводу въ какія-либо опредѣленныя предложенія. Одновременно съ началомъ переговоровъ съ Даніей о зундской пошлинѣ подготовлялась почва для выполненія новой балтійской программы и при другихъ

*) Реляц. А. Бестужева 20-го марта и 13-го декабря 1722 г. 22-го января 1723 г., рекомендуя держаться прежней политики, онъ, между прочимъ, совѣтуетъ „декляровать, что В. И. В. прежде признанія императоромъ ни въ какія со дворомъ здѣшнимъ трактаты вступить весьма не намѣрены, а между тѣмъ оное учинить, дабы герцога голштинскаго министръ на нынѣшнемъ въ Швеціи сеймѣ, который до Майя мѣсяца продолжаться будетъ, коронѣ шведской предложилъ, что когда помянутый его принцъ отъ нѣкоторой потенціи знатное число флоту и аускиліарнаго войску получитъ для принужденія короля дацкаго ко возвращенію ему его княжества, дабы корона шведская, за которую часторѣченный принцъ претерпѣлъ, не только въ томъ ему не препятствовала, но и вспомогла бы, о чемъ дворъ здѣшней безъ сумнѣнія вскорѣ увѣдаетъ, и такъ въ признаніи императоромъ, яко потомъ въ безпошлинномъ проходѣ Зунда весьма тогда склоннѣе поступитъ“.

европейскихъ дворахъ, и прежде всего въ Швеціи. Выжидательный характеръ русской политики въ Копенгагенѣ въ 1722 г. стоитъ въ прямой связи съ тѣми переговорами, которые велись въ это время въ Стокгольмѣ, и конечною цѣлью которыхъ была подготовка русско-шведскаго соглашенія. Здѣсь, между Михаиломъ Бестужевымъ и шведскими сенаторами, болѣе оживленно дебатировался вопросъ и о притязаніяхъ герцога голштинскаго.

Сближеніе Россіи со Швеціей, подготовлявшееся уже въ послѣдніе годы Сѣверной войны, послѣ Ништадтскаго мира продолжало итти своимъ чередомъ, параллельно съ охлажденіемъ отношеній между Россіей и Даніей. Упрочить въ Швеціи русское вліяніе, предупреждая всякую возможность ея сближенія съ Англіей, и привлечь ее на свою сторону, не давая въ то же время оправиться вполнѣ отъ только что пережитаго кризиса—таковы руководящія начала шведской политики Петра Великаго въ послѣдніе годы его царствованія. Примирившись со Швеціей въ 1721 г., мы заключаемъ съ нею оборонительный союзъ въ 1724 г. Борьба въ Швеціи политическихъ партій, результатъ того почти республиканскаго режима, какой утвердился въ этой странѣ съ 1720 г., создавая почву для подобнаго сближенія, облегчала возможность поддерживать въ ней состояніе политической дезорганизаціи. Новое европейское государство, Россія держалась, въ данномъ случаѣ, одинаковой политики по отношенію къ обоимъ своимъ сосѣдямъ—Швеціи и Польшѣ.

Стремленія герцога голштинскаго, шли въ данномъ случаѣ, на встрѣчу русской политики. Сдержанно относясь до поры до времени къ проектамъ удовлетворенія герцога въ Германіи, замѣтно оживляющимся къ концу 1721 г., Россія иначе должна была отнестись къ непрекращавшимся стараніямъ голштинской дипломатіи—добиться признанія суверенныхъ правъ герцога въ Швеціи и тѣмъ реабилитировать его въ глазахъ шведскаго общественнаго мнѣнія. Поддержка голштинской партіи въ Швеціи входила въ разсчеты Россіи и какъ противовѣсъ абсолютистическимъ проискамъ самаго шведскаго короля, стремившагося опереться на Англію, и какъ средство сближенія съ самою Швеціею. Признаніе со стороны шведскаго короля королевскаго титула за герцогомъ, одновременно съ признаніемъ императорскаго титула за русскимъ царемъ; признаніе наслѣдственныхъ правъ герцога на шведскую

корону; союзный договоръ Россіи и Швеціи—главные моменты въ исторіи этого сближенія.

Руководящія начала новой шведской политики Россіи и ея стремленіе взять въ свои руки голштинскую программу и пользоваться ею въ зависимости отъ настроенія общественнаго мнѣнія въ Швеціи съ достаточною ясностью были развиты въ инструкціи Михаилу Бестужеву, данной ему при его назначеніи въ Швецію. Пріѣхавъ въ Стокгольмъ, Бестужевъ долженъ былъ начать хлопоты о примиреніи герцога съ королемъ, указывая, при этомъ, что герцогъ самъ выражаетъ на это склонность, разъ за нимъ будетъ признанъ королевскій титулъ. Шведскому правительству должно было быть поставлено на видъ, что только при такихъ условіяхъ возможно думать и о сближеніи со Швеціей самой Россіи — завѣтная мечта царя — и надѣяться, что герцогъ «чрезъ грамоту Его Королевско Величество за короля признаетъ и поздравитъ и потомъ особое посольство къ нему отправитъ и всѣ ссоры прекратитъ»; въ противномъ случаѣ можно-де опасаться, что распря между королемъ и герцогомъ приведетъ къ самымъ непредвидѣннымъ и нежелательнымъ для Швеціи послѣдствіямъ. Съ другой стороны, М. Бестужеву предписывалось зорко слѣдить, не будетъ ли самъ король во время предстоящаго сейма дѣлать какихъ либо попытокъ утвердить королевское достоинство за гессенъ-кассельскимъ домомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, не дѣлая офиціальнаго представленія, онъ долженъ былъ указать благорасположеннымъ къ Россіи сенаторамъ на пагубность для Швеціи подобнаго рода попытокъ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ болѣе энергичному заступничеству за интересы герцога и противодѣйствію проискамъ короля, М. Бестужевъ долженъ былъ собрать точныя свѣдѣнія о положеніи и сравнительной силѣ различныхъ политическихъ партій и выяснить, «како которая партія толкуютъ и разсуждаютъ о учиненномъ между Е. И. В. и Швеціей трактатѣ вѣчнаго мира и которымъ изъ оныхъ сей миръ пріятенъ или противенъ, и къ чему ихъ разсужденія о томъ клонятся и кто изъ нихъ склоненъ къ сторонѣ Е. И. В-ва». Тутъ же указывалось и средство увеличить число русскихъ сторонниковъ: лифляндскихъ уроженцевъ предписывалось задобривать обѣщаніемъ, что они тотчасъ будутъ введены во владѣніе своими лифляндскими землями, какъ только представятъ соотвѣтствующіе документы. Печальной памяти редукція, облегчившая, въ свое время, образованіе коалиціи противъ Швеціи, должна была те-

перь еще разъ послужить полтавскому побѣдителю въ его стремленіяхъ сблизиться со своимъ вчерашнимъ противникомъ *).

Извѣстія, сообщаемыя М. Бестужевымъ со времени его прибытія въ Стокгольмъ, были утѣшительнаго свойства и позволяли надѣяться на болѣе или менѣе успѣшное выполненіе задуманной программы. Судя по этимъ извѣстіямъ, общественное мнѣніе въ Швеціи совершенно иначе относилось въ это время съ идеѣ сближенія съ Россіей, чѣмъ правительственныя сферы Даніи. Сочувственное отношеніе къ подобной идеѣ обусловливалось, однако, не столько искреннимъ желаніемъ поддержать герцога голштинскаго въ его притязаніяхъ, сколько недовѣріемъ къ затаеннымъ проискамъ короля Фридриха.

Не любимый въ народѣ и располагавшій крайне незначительною партіею въ сенатѣ—къ серединѣ 1722 г. на его сторонѣ были только двое сенаторовъ: Таубе и Эккеблатъ—бездѣтный король упорно старался упрочить шведскій престолъ за своимъ братомъ, находя въ этомъ поддержку какъ со стороны своего отца, стараго ландграфа гессенъ-кассельскаго, такъ и со стороны своей супруги, отказавшейся въ 1720 г. отъ престола королевы Ульрики-Элеоноры **). Исходившая изъ голштинскихъ дипломатическихъ сферъ мысль о примиреніи голштинскихъ и гессенъ-кассельскихъ интересовъ путемъ двойного брака: сестры короля, принцессы Вильгельмины съ герцогомъ голштинскимъ и брата короля, принца Георга съ царевною Анною Петровною успѣха не имѣла, и съ этого времени король Фридрихъ все недовѣрчивѣе начинаетъ относиться къ русскому царю, взявшему на себя роль

*) Инструкція М. Бестужеву 20 нояб. 1721 г. и „добавка“ къ ней 6 дек. т. г.—Дѣла шведскія 1721, № 11.

**) Склонить депутатовъ будущаго сейма къ передачѣ шведской короны въ гессенъ-кассельскій домъ было одной изъ цѣлей поѣздки короля Фридриха по королевству въ 1722 г. („eriksgatan“), Король шведскій и съ королевою ѣздятъ по всѣмъ городамъ въ провинціи Шоне и какъ здѣсь слухъ есть, что король всякими мѣрами задобриваетъ и закупаетъ разныхъ членовъ къ предбудущему сейму ради полученія сукцессіи на кассельскій домъ, только здѣсь того никогда не чаютъ, дабы желаніе королевское въ дѣйство могло произведено быть; а наипаче понеже король генерально здѣсь ненавидимъ, толь меньше желаніе его исполнится можетъ“ (реляц. М. Бестужева 26 авг. 1722 г.). Объ отношеніи къ личной политики короля его супруги и кассельскаго посланника въ Швеціи, Дитмара—Malmström, Sweriges politiska historia, I, стр. 6.; то же подтверждается и реляціями М. Бестужева. Объ отношеніи къ королю сенаторовъ—реляц. М. Бестужева 23 іюля 1722 г.

защитника голштинскихъ интересовъ, и все рѣшительнѣе склоняется къ сближенію съ Англіей и ея королемъ Георгомъ, ганноверскій министръ котораго Берпсдорфъ уже въ 1720 г. содѣйствовалъ тому, что на шведскій престолъ была избрана королева Ульрика - Элеонора, и былъ обойденъ герцогъ голштинскій *). Склонное объяснять крайне тяжелый для Швеціи исходъ Сѣверной войны недостаточно энергичною поддержкою со стороны Англіи, шведское общество, съ своей стороны, довольно сдержанно относилось къ мысли о сближеніи съ Англіей, усматривая въ подобномъ сближеніи все тѣ же династическіе происки. Эти происки возбуждали къ себѣ несочувствіе какъ со стороны приверженцевъ герцога голштинскаго, такъ и со стороны искреннихъ защитниковъ statu quo новаго шведскаго государственнаго устройства. Король Фридрихъ стоялъ, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ коалиціей двухъ партій, противоположность политическихъ программъ которыхъ заслонялась до поры до времени общностью ихъ ближайшихъ интересовъ, и которыя, въ противоположность политики короля, выдвигали идею сближенія Швеціи съ Россіей. Тогда же, однако, М. Бестужевъ успѣлъ подмѣтить, что большинство этой коалиціи составляли искренніе «республиканты», тогда какъ сторонники герцога лишь скрывали до поры до времени свои настоящія стремленія, маскируя ихъ оппозиціей династической политикѣ короля и защитою существующаго режима **). Душою республиканской фракціи въ этой коалиціи являлся гр. Арведъ Бернгардъ Горнъ; голштинскія стремленія находили себѣ твердою опору въ лицѣ Іосіи Цедергельма.

Привлечь на свою сторону Горна, сильнаго своею популярностью въ шведскомъ обществѣ, безъ сомнѣнія, было въ интересахъ Россіи. Разсчитывая на его поддержку, надо было, однако всегда имѣть въ виду, что бывшій воспитатель герцога голштинскаго менѣе, чѣмъ кто-либо другой, могъ сочувствовать голштинскимъ проискамъ, поскольку съ послѣдними, въ свою очередь, соединялось какое-либо посягательство на существующій

*) О проектѣ двойного брака—Malmström, op. cit. I, 354. Иниціаторомъ этого проекта былъ гр. Бассевицъ. Шведскій престолъ, по этому проекту, долженъ былъ перейти въ голштинскую линію; въ случаѣ же отсутствія у герцога мужского потомства—въ кассельскую. О роли Бернсдорфа въ шведскихъ событіяхъ 1720 г.—E. Holm I, 20.

**) Реляц. М. Бестужева 14 марта 1722 г.

режимъ *). Первое время послѣ Ништадтскаго мира Горнъ ревностно заботился о сближеніи Россіи и Швеціи, и его заботы въ этомъ направленіи оказались для Россіи далеко не безполезны. Само по себѣ это сближеніе было, однако, лишь случайнымъ элементомъ въ его политической программѣ. Симпатіи творца реформы 1720 г. склонялись то на сторону голштинской, то на сторону кассельской партіи, въ зависимости отъ того, откуда въ данный моментъ грозила опасность шведской политической свободѣ. Въ 1722 г. Горнъ усматривалъ эту опасность въ династическихъ происках короля Фридриха и примыкалъ къ сторонникамъ герцога голштинскаго и ихъ друзьямъ за предѣлами Швеціи; обстоятельства могли перемѣниться (и дѣйствительно они перемѣнились очень скоро!), и Горнъ, сблизившись съ своими недавними политическими антагонистами, изъ ревностнаго сторонника Россіи легко могъ превратиться въ ея главнаго противника.

Болѣе глубокаго характера, хотя и нѣсколько иного оттѣнка, были симпатіи къ Россіи Іосіи Цедергельма. Захваченный въ плѣнъ при Полтавѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ канцеляріи Карла XII, гр. Пиперомъ, Цедергельмъ скоро завязалъ близкія отношенія со многими изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и уже тогда, по его собственнымъ словамъ, былъ сторонникомъ сближенія Россіи со Швеціей **).

---

*) Горну „не можно вовсе въ герцогскихъ дѣлахъ вѣрить“. М. Бестужевъ Остерману нач. февраля 1724 г.—Дѣла шведскія 1724, № 5.

**) Отпущенный на честное слово изъ плѣна, онъ ѣздилъ вскорѣ послѣ Полтавской битвы въ Стокгольмъ съ мирными предложеніями со стороны царя, не увѣнчавшимися, правда, успѣхомъ.—Hofberg, Swenskt biografiskt Lexicon (Stkhm, 1876), I, 167. Въ своемъ письмѣ къ Остерману отъ 23 февраля 1724 г. Цедергельмъ, упоминая о только что заключенномъ тогда русско-шведскомъ союзномъ договорѣ, видитъ въ этомъ договорѣ доказательство того, „dass meine in der Gefangenschaft geäusserte Intentions nicht aus Vorstellung, sondern aus richtigen Herzen herrühreten, und dass eine imploirte schleinige gnädige Ablassung nicht zum Schaden, sondern etwa zur Abwendung einiger contrairen Anschlagen hier dienen können“. (Дѣла Шведскія 1724 г., № 8). Въ бытность Цедергельма въ плѣну въ Россіи ему покровительствовалъ Меньшиковъ. Его онъ имѣетъ, повидимому, въ виду, говоря въ одной изъ своихъ promemori'й этого времени о томъ, что съ самаго начала плѣна онъ попалъ подъ покровительство Seine Durchlaucht (Дѣла шведскія 1721 г., № 13). Въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д. сохранилась довольно большая переписка между Цедергельмомъ и Остерманомъ,

Послѣ Ништадтскаго мира онъ точно также ревностно старался о соглашеніи шведскихъ и русскихъ интересовъ, опять-таки пользуясь при этомъ своею личною близостью къ русскимъ правительственнымъ кругамъ. Къ 1722 г. симпатіи къ Россіи сдѣлались для Цедергельма своего рода политическою традиціею, корни которой надо искать прежде всего въ томъ, что такою же традиціею подобныя симпатіи сдѣлались къ этому времени и для голштинской дипломатіи. Голштинскіе интересы были для него тѣмъ же, чѣмъ для Горна была защита новаго шведскаго государственнаго строя. При томъ отношеніи, какое проявляла къ этимъ интересамъ Россія, она могла быть даже болѣе увѣрена въ его расположеніи, чѣмъ въ симпатіяхъ Горна, хотя, быть можетъ, въ программѣ Цедергельма таилась для нея самой и большая опасность. Радѣя о голштинскихъ интересахъ, онъ скорѣе, чѣмъ кто-либо другой, готовъ былъ ради этихъ интересовъ пожертвовать неприкосновенностью шведскаго государственнаго строя и принести республиканское правленіе Швеціи въ жертву такимъ же абсолютистическимъ проискамъ, какихъ, въ данный моментъ, Россія опасалась со стороны короля Фридриха; готовъ былъ воспользоваться самымъ соглашеніемъ Россіи со Швеціей прежде всего во имя полнаго торжества голштинской программы даже въ тѣхъ ея пунктахъ, которые шли въ разрѣзъ съ русскими государственными интересами. Другая черта политическаго credo Цедергельма дѣлала его, зато, особенно цѣннымъ въ глазахъ Россіи: это — его антианглійское направленіе, которому онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей дѣятельности, даже тогда, когда къ сближенію съ Англіей стали склоняться не только многіе изъ «республикантовъ», но и изъ голштинской партіи, побуждаемые къ тому частью принципіальными соображеніями, частью мотивами болѣе личнаго характера. Для Цедергельма такое сближеніе рисовалось возможнымъ опять-таки лишь при условіи сохраненія добрыхъ отношеній къ Россіи.

интимный тонъ которой также позволяетъ констатировать личную дружбу между этими двумя государственными сановниками. Къ числу своихъ близкихъ Цедергельмъ причислялъ, наконецъ, М. Бестужева, а также и голштинскаго министра гр. Бассевица. „Es vielen schwer fallen würde zwey gutte Freunde aus einmahl zu verlieren“, пишетъ онъ Остерману 17 мая 1724 г. при извѣстіи объ отозваніи М. Бестужева на другой день послѣ отъѣзда Бассевица (Дѣла шведскія 1724 г., № 8).

Про Горна можно говорить, какъ про главу республиканской партіи. Съ бóльшимъ трудомъ это опредѣленіе примѣнимо къ Цедергельму. Характерный представитель голштинской партіи, онъ занималъ въ ней видное мѣсто лишь наряду съ другими, не менѣе значительными ея силами. Въ числѣ таковыхъ надо отмѣтить, прежде всего, политическаго соперника Горна, сенатора Даніила-Никласа Гёпкена, натянутыя отношенія котораго съ Горномъ, повидимому, сильно тревожили русское правительство. Опытный дѣлецъ, превосходящій всѣхъ другихъ знаніемъ государственныхъ дѣлъ, усидчивостью и способностью къ упорному труду, Гёпкенъ былъ силенъ своимъ вліяніемъ въ сенатѣ и чиновничествѣ, какъ Горнъ—своимъ авторитетомъ въ обществѣ Предусмотрительно предложенный съ голштинской стороны пенсіонъ обезпечивалъ до поры до времени преданность Гёпкена герцогу и его дѣлу въ Швеціи *). Постояннаго сторонника находила русская дипломатія и въ лицѣ гр. Морица Веллинга, стараго слуги Карла XI и Карла XII, сторонника въ свое время правъ на шведскій престолъ старшей линіи цвейбрюкенскаго дома и убѣжденнаго противника возрастающаго могущества Ганновера: нѣсколько позднѣе, въ 1723 г., Веллингъ, бывшій губернаторъ Бремена и Вердена, особенно хлопоталъ о томъ, чтобы германскій императоръ не давалъ инвеституры на означенныя области королю Георгу **). Сенаторы Тессинъ, Дикеръ и Делагарди, оба послѣдніе—лифляндцы, также, наконецъ, примыкали къ означенной партіи.

Заботясь объ упроченіи добрыхъ отношеній между Россіей и Швеціей и стремясь парализовать въ Швеціи англійское вліяніе, русская дипломатія могла, такимъ образомъ, разсчитывать, до

---

*) „Первый великій кредитъ въ народѣ имѣетъ, а другой въ сенатѣ и канцеляріи, понеже сей другой всѣхъ ихъ умнѣе и знающѣе въ дѣлахъ. Первому не можно вовсе въ герцогскихъ дѣлахъ вѣрить, а другому во всемъ можно вѣрить, понеже сей послѣдній отъ герцога пансіонъ имѣетъ и сильно Его Свѣтлости преданъ“, пишетъ М. Бестужевъ Остерману въ въ февралѣ 1724 г., сравнивая Горна и Гёпкена, и съ удовольствіемъ отмѣчаетъ состоявшееся къ этому времени примиреніе обоихъ соперниковъ.

**) Реляц. М. Бестужева 15 апрѣля 1723 г. Врагъ Ганновера, Веллингъ, родомъ изъ Ингерманландіи, доходилъ въ своихъ разговорахъ съ М. Бестужевымъ порою до увѣренія, что онъ смотритъ на себя лишь, какъ на находящагося на службѣ у шведскаго короля, но, въ сущности, является подданнымъ царя, всегда останется ему вѣренъ и сумѣетъ доказать это на дѣлѣ.—Реляц. 2 января 1723 г.

извѣстной степени, на благопріятную почву въ Стокгольмѣ *). Въ силу сложившихся къ данному моменту обстоятельствъ ей приходилось, однако, строить свои разсчеты не столько на симпатіяхъ „республикантовъ», чья программа, по существу, скорѣе соотвѣтствовала русскимъ интересамъ, сколько на не безкорыстномъ расположеніи къ Россіи голштинской партіи, вовлекавшей ее на скользкій путь политики приключеній.

Къ первымъ предложеніямъ М. Бестужева о герцогѣ король отнесся, повидимому, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и сдѣлалъ, съ своей стороны, попытку отдѣлить русскія требованія отъ голштинскихъ и удовлетворивъ въ скромныхъ размѣрахъ тѣ и другія, добиться удаленія герцога изъ Петербурга. Слухи о готовности Россіи заступиться за герцога, сдѣлавшіеся къ этому времени модною темою свѣтскихъ разговоровъ въ Стокгольмѣ, а быть можетъ, и извѣстія о новыхъ вооруженіяхъ царя на Балтійскомъ морѣ, цѣль которыхъ еще недостаточно выяснилась, вынудили, однако, его пойти на уступки **). Черезъ гессенъ-кассельскаго министра въ

---

*) Ея усилія могли бы быть отчасти парализованы тѣмъ обстоятельствомъ, что прибывшій въ это время въ Россію шведскій посланникъ Цедеркрейцъ являлся вполнѣ опредѣленнымъ представителемъ королевской партіи и англійскихъ симпатій. За таковаго его считало само русское правительство, такимъ же рисовалъ его въ своихъ реляціяхъ и М. Бестужевъ, аттестуя его, какъ „креатуру королевскую и партизанта двороваго" (реляц. 21 мая 1722 г.). Личное значеніе Цедеркрейца въ Швеціи было, однако, въ это время крайне не велико. Онъ „не великій кредитъ имѣлъ и не за добраго человѣка почитался" (реляц. М. Бестужева 3 іюня 1722 г.). Крайне не велико было вліяніе Цедеркрейца и на русско-шведскія отношенія въ послѣдніе годы петровскаго царствованія. Разрѣшеніе наиболѣе существенныхъ очередныхъ вопросовъ шло помимо него; помимо него заключался въ Стокгольмѣ черезъ М. Бестужева, и русско-шведскій договоръ 1724 г.

**) Первое предложеніе было сдѣлано М. Бестужевымъ однимъ только Горну, Гилленборгу и Гёпкену. На другой день, однако, оно стало извѣстно всему городу „чрезъ ихъ женъ, понеже дамы здѣшнія всѣ до единой партіи герцоговой" (реляц. 21-го и 28-го марта 1722 г.). Благопріятное впечатлѣніе произвели также слухи о согласіи царя выдать за герцога свою младшую дочь (реляц. 9-го мая 1722 г.). Король Фридрихъ сочувственно относился къ упомянутому выше проекту двойного брака. Съ другой стороны, черезъ Кампредона онъ выражалъ свое согласіе признать за Петромъ императорскій титулъ, разъ съ русской стороны будетъ дано обѣщаніе не вступать ни въ какія обязательства съ герцогомъ, и послѣдній оставитъ Петербургъ. Эти предложенія были отвергнуты.—Рескриптъ М. Бестужеву 22-го іюня 1722 г. Сравн. реляц. Кампредона 24-го іюня

Швеціи Дитмара М. Бестужеву было сообщено о готовности короля примириться съ герцогомъ, разъ послѣдній пришлетъ въ Швецію своего представителя и загладитъ свои прежніе поступки *). Это не должно было, однако, предрѣшать вопроса о признаніи за герцогомъ королевскаго титула, равно какъ и другого о времени прибытія въ Швецію голштинскаго уполномоченнаго—до или послѣ предполагавшагося на 1723 г. сейма.

Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то король, повидимому, готовъ былъ сослаться на невозможность рѣшить этотъ вопросъ помимо сейма **). Настаивая, съ другой стороны, вначалѣ на немедленномъ прибытіи уполномоченнаго отъ герцога, онъ, быть можетъ, въ виду того оживленія, какое стало замѣчаться среди голштинской партіи, вскорѣ началъ находить неудобнымъ его появленіе въ Стокгольмѣ въ горячее время собранія народныхъ представителей. Въ такомъ духѣ онъ высказался въ ноябрѣ мѣсяцѣ передъ М. Бестужевымъ, когда у нихъ зашелъ разговоръ о голштинскихъ притязаніяхъ ***). Подобное разрѣшеніе вопроса не соотвѣтствовало, однако, видамъ русскаго правительства. Политическая жизнь въ Швеціи періодически оживлялась во время сеймовъ, и голштинскій уполномоченный именно въ данный моментъ могъ быть особенно полезенъ М. Бестужеву. Что касается сейма 1723 г., то онъ обѣщалъ быть въ этомъ отношеніи особенно интереснымъ. Можно было ожидать, что во время его сессіи выяснятся болѣе опредѣленно

1722 г.: „les ministres russes travaillent avec succés à rompre la négociation du raccomodement du roi de Suede avec le duc de Holstein, qui était fort avancée (Сб. XZIX, 121). Не здѣсь ли надо искать объясненія. почему русское правительство постаралось, наоборотъ, удержать герцога, когда этотъ послѣдній, не встрѣчая достаточно рѣшительной, по его мнѣнію, поддержки со стороны царя, хотѣлъ было около этого времени самъ покинуть Россію (реляц. Вестфалена 13-го (24-го) іюня 1722 г.)? Сообщая объ этомъ инцидентѣ, Вестфаленъ указываетъ, что герцогъ былъ отклоненъ отъ своеймысли самимъ царемъ, черезъ Ягужинскаго. Въ сопоставленіи съ общимъ положеніемъ дѣлъ такая версія кажется намъ болѣе правдоподобной, чѣмъ противоположная, сообщаемая Бассевицомъ („Eclaircissemens“... 349). Послѣдній могъ искажать дѣйствительность, съ одной стороны, стремясь отклонить подозрѣніе въ излишней податливости герцога настояніямъ царя, съ другой, желая выставить лишній разъ Екатерину истинною заступницею за голштинскіе интересы.

*) Реляц. М. Бесутжева 30-го іюля 1722 г.

**) Реляц. М. Бестужева 30-го апрѣля 1722 г.

***) Реляц. М. Бестужева 7-го ноября 1722 г.

абсолютистическія стремленія самого короля. Тотъ оборотъ, какой приняли бы дѣла на сеймѣ, могъ такъ или иначе отразиться и на русскихъ интересахъ, и на вопросѣ о признаніи за герцогомъ королевскаго титула *). Медлить не приходилось. Когда въ Стокгольмѣ король выражалъ М. Бестужеву свое нежеланіе видѣть голштинскаго уполномоченнаго ранѣе окончанія сессіи, въ Петербургѣ этотъ вопросъ былъ уже разрѣшенъ въ противоположномъ смыслѣ. Письмомъ отъ 17-го ноября Петръ Великій распорядился предписать М. Бестужеву содѣйствовать ѣдущему въ Швецію гр. Бассевицу въ его переговорахъ со шведскимъ правительствомъ. Сеймъ въ Стокгольмѣ собрался въ началѣ января 1723 г.; одновременно съ этимъ Бассевицъ покинулъ Петербургъ. Ускоряя разрѣшеніе голштинскаго вопроса въ Швеціи, русскому правительству приходилось, съ другой стороны, сдерживать несвоевременныя пожеланія и требованія самого герцога и нѣкоторыхъ изъ его совѣтниковъ.

По тому же вопросу о Шлезвигѣ голштинская дипломатія въ теченіе 1722 г. стремилась заставить русское правительство проявить въ болѣе активной формѣ свое содѣйствіе герцогу. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, гр. Бассевицъ съ неустанною энергіею создавалъ одинъ за другимъ планы удовлетворенія герцога, прямое продолженіе голштинскихъ происковъ времени Сѣверной войны. Направленные, прежде всего, противъ Даніи, всѣ эти планы затрогивали, въ то же время, прямые интересы остальныхъ сѣверныхъ державъ и переплетаясь съ другими вопросами русской политики, придавали самому шлезвигскому вопросу нежелательную съ русской точки зрѣнія постановку. То герцогъ голштинскій долженъ былъ получить удовлетвореніе изъ мекленбургскихъ владѣній, взамѣнъ чего герцогу мекленбургскому предполагалось отдать Курляндію; то эквивалентомъ за Шлезвигъ должны были послужить германскія владѣнія англійскаго короля, и прежде всего Бременъ и Верденъ,

*) 12-го декабря М. Бестужевъ сообщалъ, что король, въ цѣляхъ усиленія своей власти, добивается получить право полнаго распоряженія финансами, назначенія на всѣ военныя и гражданскія должности и объявленія войны и мира. Все это, какъ могъ замѣтить Бестужевъ, тревожило патріотовъ, видящихъ въ этомъ полное возвращеніе къ абсолютизму, вслѣдствіе чего въ народѣ и обществѣ расла нелюбовь къ королю, и возрастали симпатіи къ герцогу.

удовлетворенie за которые король Георгъ, въ свою очередь, долженъ былъ найти въ принадлежащихъ Данiи графствахъ Ольденбургѣ и Дальменгорстѣ. Осаждая петербургскiй дворъ своими предложенiями, гр. Бассевицъ не оставлялъ въ покоѣ и русскихъ представителей за-границей. Преувеличивая, по обыкновенiю, свои успѣхи, онъ приводилъ ихъ тѣмъ самымъ порою въ немалое смущенiе *). Въ рѣшенiи русскаго правительства поддерживать интересы герцога въ Швецiи министры послѣдняго видѣли точно также нѣчто большее, чѣмъ то, что входило въ данный моментъ въ разсчеты самого царя. Самая идея посылки въ Швецiю Бассевица исходила изъ голштинскихъ сферъ и прежде всего отъ самого названнаго министра. Цѣлью подобной посылки, по первоначальной мысли Бассевица, было не только добиться со стороны Швецiи признанiя за герцогомъ

---

*) Протоколы конференцiи русскихъ министровъ съ голштинскими за 1722 г. и меморiалы, поданные послѣдними русскому правительству.—Дѣла Голштинскiя 1722 г. № 1. Реляцiи Кампредона за 1721 г. passim., глав. обр., отъ 7-го и 14-го ноября (Сб. XL). Самъ Шафировъ въ своихъ оффицiальныхъ разговорахъ съ Кампредономъ относился къ голштинскимъ проискамъ довольно сдержанно; пользовавшiйся довѣрiемъ Шафирова бар. Шлейницъ, сынъ русскаго посланника во Францiи, прiѣхавшiй въ это время въ Россiю, проявлялъ, однако, къ этимъ проискамъ искреннее сочувствiе. Вообще, судя по донесенiямъ Кампредона, сочувственное отношенiе къ голштинскимъ интересамъ среди нѣкоторыхъ представителей русскихъ правительственныхъ сферъ было въ это время довольно сильно, хотя и не оказывало рѣшающаго влiянiя на направленiе русской политики. Сама императрица, Шафировъ, быть можетъ Толстой, отецъ и сынъ Шлейницы были наиболѣе выдающимися силами этой партiи, опиравшейся, среди бывшихъ въ Петербургѣ иностранныхъ дипломатовъ, на посланника германскаго императора гр. Кинскаго. 26-го iюня 1722 г. А. Бестужевъ писалъ изъ Копенгагена: „на сихъ дняхъ получилъ я письмо герцога голштинскаго отъ тайнаго совѣтника Бассовица, изъ котораго я инако понять не могъ, что онъ, Бассовицъ, при дворѣ Вашего Императорскаго Величества обнадеженъ, якобы мнѣ повелѣно о возвращенiи Шлезвика при дворѣ здѣшнемъ стараться, и что онъ, Бассовицъ, искушаетъ меня, что подлинно ли я о томъ указъ имѣю. Я по многимъ разсужденiямъ, что ежели бы ему не отвѣтствовать, не догадался бы онъ, что я до сего времени въ пользу герцога его при дворѣ здѣшнемъ еще никакого предложенiя не учинилъ, за благо обрѣлъ глухо ему отвѣтствовать въ такой силѣ, что хотя онъ, Бассовицъ, инако выразумѣть и не можетъ, якобы уже я о возвращенiи Шлезвига при дворѣ здѣшнемъ предлагалъ, однако письмо мое впредь при всякихъ коньюктурахъ безотвѣтно быть можетъ".

королевскаго титула, но и выяснить теперь же вопросъ о признаніи за нимъ его правъ на шведскій престолъ; не прочь были попутно затронуть снова вопросъ и о Шлезвигѣ, а также добиться какого-либо опредѣленнаго рѣшенія о бракѣ герцога съ одною изъ царскихъ дочерей *). Рознь въ самихъ голштинскихъ правительственныхъ сферахъ и недовѣріе нѣкоторыхъ изъ совѣтниковъ герцога къ Бассевицу и его политикѣ приключеній оказались, въ данномъ случаѣ, на руку русскому правительству. Есть извѣстіе, что передъ отъѣздомъ Бассевица въ Стокгольмъ, по настоянію его главнаго соперника, Геспена, между русскими и голштинскими министрами состоялась еще одна конференція. На этой конференціи удалось добиться съ голштинской стороны признанія, что герцогу безразлично, будетъ ли онъ впослѣдствіи избранъ на шведскій престолъ, или за нимъ теперь же будетъ признано наслѣдственное право на шведскую корону, и что онъ рѣшился не подымать этого вопроса во время ближайшаго шведскаго сейма. Съ русской стороны, въ свою очередь, категорически было заявлено, что царь, вѣроятно, не откажется отъ своего обѣщанія выдать за герцога одну изъ своихъ дочерей, но что рѣшить этотъ вопросъ окончательно до его возвращенія трудно; что же касается Шлезвига, то Россія не обязывалась добиваться возвращенія этой области герцогу или выдачи ему за нее эквивалента, но только согласилась поддерживать подобнаго рода требованія, разъ таковыя будутъ кѣмъ-либо предъявлены, чего, однако, до настоящаго времени не случилось **).

---

*) Promemoria Бассевица 16-го (27-го) іюня 1722 г.—Дѣла Австрійскія 1721 г. № 12 (15 писемъ и другихъ бумагъ къ Ягужинскому). Однимъ изъ мотивовъ необходимости посылки особаго голштинскаго уполномоченнаго въ Швецію Бассевицъ выставляетъ, между прочимъ, слѣдующее: „würden die wohl intentionirte gantz frey gegen denselben herausgehen, und daraus zu urtheilen seyn, ob diesen bevorstehenden Reic hs tag die Succession von I. K. H. fest zu setzen sey oder nicht".

**) Объ этой конференціи сообщаетъ Вестфаленъ въ своей реляціи отъ 16-го (27-го) ноября 1722 г. Она состоялась между Шафировымъ, Остерманомъ, Бассевицемъ и Геспеномъ. Называя послѣдняго ея иниціаторомъ, Вестфаленъ добавляетъ: „le dessein de Hespen... etant sans doute d'ouvrir a Son Majesté les yeux sur le veritable etat, dans leque mr. Bassevitz lui laisse ici les affaires". На основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи документовъ не представляется возможности отчетливо выяснить, какова была причина и сущность розни среди приближенныхъ герцога голштинскаго. Судя по нѣкоторымъ замѣчаніямъ Вест-

Пока Петръ Великій былъ отвлеченъ событіями на Востокѣ, положеніе дѣлъ на Балтійскомъ морѣ принимало, такимъ образомъ, благопріятный оборотъ и задачи, намѣченныя русскимъ правительствомъ въ Даніи и Швеціи, хотя и медленно, начинали поддаваться разрѣшенію. Послѣ окончанія персидскаго похода это разрѣшеніе пошло болѣе скорымъ темпомъ. Въ теченіе 1723 г. окончательно выяснился натянутый характеръ отношеній съ Даніей: въ началѣ 1724 г. былъ заключенъ союзъ со Швеціей. Настала пора болѣе широко воспользоваться и притязаніями герцога голштинскаго. Добившись, хотя бы отчасти и условно, удовлетворенія этихъ притязаній въ Швеціи, можно было выдвинуть вопросъ и о голштинскихъ претензіяхъ на Шлезвигъ, не забывая при этомъ своихъ собственныхъ требованій о зундской пошлинѣ. Одновременно съ этимъ въ февралѣ 1723 г. послѣдовало паденіе Шафирова, что должно было причинить не мало огорченія друзьямъ и сторонникамъ герцога Голштинскаго, и его мѣсто занялъ болѣе осторожный но, за то, и менѣе сговорчивый и склонный на какія-либо уступки Остерманъ.

фалена (его реляц. 9-го дек. 1722 г.)., главными соперниками гр. Бассевица были Геспенъ, ванъ-деръ-Наттъ и Армфельдъ. Всѣ эти лица не могли простить гр. Бассевицу прошлаго—интригъ противъ Герца, и старались очернить его въ глазахъ герцога, выставляя его якобы недостаточно внимательное отношеніе къ вопросу о Шлезвигѣ. Въ 1722 г. орудіемъ названной партіи былъ нѣкто Стефенсъ, бывшій на голштинской службѣ еще при Герцѣ и пріѣхавшій въ это время изъ Швеціи въ Россію. Замыселъ ванъ-деръ-Натта и Армфельда не удался, и стараніями Бассевица Стефенсъ былъ арестованъ. Въ концѣ 1723 г. мы видимъ ванъ-деръ-Натта уже въ Гамбургѣ, откуда онъ писалъ А. Бестужеву и просилъ его исходатайствовать ему у царя позволеніе вернуться въ Россію, чтобы оправдаться передъ герцогомъ отъ возводимыхъ на него его противниками обвиненій. Эта просьба не имѣла успѣха (реляц. А. Бестужева 20-го дек. 1723 г. и рескриптъ на его имя отъ 21-го янв. 1724 г.). Состоявшаяся по инициативѣ Геспена конференція 16-го ноября 1722 г., быть можетъ, также стояла въ какой-либо связи съ указанными замыслами. Быть можетъ, съ другой стороны, навстрѣчу стараніямъ Геспена шла активная поддержка со стороны Остермана, всегда бывшаго нѣсколько насторожѣ противъ излишней горячности и требовательности Бассевица (срав. реляц. Кампредона 13-го ноября 1722 г. Сб. XLIX, 257).

*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зундскій вопросъ и стремленіе Россіи вмѣшаться во внутреннія отношенія Швеціи, задѣвая прежде всего интересы сѣверныхъ державъ, не могли не привлекать къ себѣ усиленнаго вниманія и всей остальной Европы. Съ 1722 г., тѣсно переплетаясь съ русскою политикою, съ новою силою пробуждаются голштинскіе происки, выразившіеся въ упомянутой уже выше поѣздкѣ въ Стокгольмъ гр. Бассевица. Надежду на русское заступничество раздѣляютъ съ голштинскими патріотами многіе другіе политическіе мечтатели и авантюристы, недовольные международнымъ порядкомъ, установившимся въ Европѣ послѣ великихъ воинъ начала XVIII-го столѣтія. Припутывая имя Россіи ко всѣмъ своимъ проектамъ и комбинаціямъ, а порою пытаясь оказать и непосредственное воздѣйствіе на русскія правительственныя сферы, они придаютъ тѣмъ самымъ излишне агрессивный характеръ русской политикѣ, и безъ того уже возбуждавшей подозрѣніе у всѣхъ тѣхъ, кому было дорого сохраненіе status quo мирныхъ трактатовъ 1713—14 и 1719—21 гг. Упрочившая свое торговое и политическое преобладаніе, Англія въ дни министерства Вальполя выступаетъ, въ данномъ случаѣ, въ роли охранительницы общеевропейскаго мира и политическаго равновѣсія, и англійская дипломатія создаетъ для русской политикѣ новые камни предкновенія, чѣмъ и обусловливаетъ, до извѣстной степени, тотъ путь, какимъ идетъ съ этого момента эта послѣдняя къ намѣченнымъ ею цѣлямъ.

Архивныя данныя и современныя научныя изслѣдованія позволяютъ въ настоящее время придать нѣсколько иное освѣщеніе голштинской политикѣ 1722—нач. 1723 гг. сравнительно съ тѣмъ, какое придаетъ этой политикѣ самъ ея вдохновитель гр. Бассевицъ, умалчивающій объ истинныхъ мотивахъ, руководившихъ имъ во время его пребыванія въ Стокгольмѣ и усиленно под-

черкивающій лоіальность и корректность герцога въ его отношеніяхъ къ шведской націи и королю Фридриху *). Въ общеевропейскихъ дипломатическихъ комбинаціяхъ кроется, какъ извѣстно, объясненіе, почему гр. Бассевицъ пытался на первыхъ порахъ придать своимъ замысламъ довольно безобидную форму примиренія своего государя съ правившимъ въ Швеціи королевскимъ домомъ.

Видимо старавшаяся возродить свое былое значеніе въ Европѣ, Франція въ 1722 г. дѣлала вполнѣ опредѣленныя попытки привлечь на свою сторону Россію. Миссіей Кампредона, перенесшаго съ конца 1721 г. свою дѣятельность изъ Стокгольма въ Петербургъ, наряду съ заботами о заключеніи союза между обѣими державами, было точно такъ же стараніе упрочить добрыя отношенія между Россіей, взявшей подъ свое покровительство герцога голштинскаго, и старою союзницею Франціи, Швеціею, что, какъ мы уже знаемъ, входило и въ собственные разсчеты петербургскаго кабинета. Продолжая свои прежнія домогательства, Бассевицъ задумалъ теперь воспользоваться, какъ орудіемъ, французскою дипломатіею и въ концѣ 1721 г. предложилъ Кампредону быть посредникомъ въ примиреніи герцога съ королемъ Фридрихомъ, что должно было, въ свою очередь, содѣйствовать установленію согласія между Россіей и Швеціей, и что на первыхъ порахъ встрѣтило сочувствіе не только со стороны самого короля, но и его отца, стараго ландграфа гессенъ-кассельскаго, близко принимавшаго къ сердцу интересы въ Швеціи своей династіи. Къ іюлю 1722 г. на этой почвѣ, при посредствѣ Кампредона, состоялось формальное предварительное соглашеніе, и дальнѣйшія старанія Бассевица съ этого момента направились на то,

---

*) „Eclaircissemens"... 353—373. Наше собственное изложеніе основывается, главнымъ образомъ, на реляціи Вестфалена отъ 18 (29) сент. 1723 г., заключающей въ себѣ обстоятельный разсказъ о голштинскихъ проискахъ за данное время въ Петербургѣ (Приложеніе V). Достовѣрность сообщаемыхъ Вестфаленомъ свѣдѣній подтверждается оффиціальными документами М. А. М. И. Д. Говоря исключительно о голштинскихъ интригахъ въ Швеціи, Вестфаленъ, какъ это ни странно, ни словомъ не обмолвливается о томъ, какъ въ эти интриги входилъ и шлезвигскій вопросъ, намеки на что находятся какъ у самого Бассевица, такъ и въ другихъ источникахъ—главнымъ образомъ въ реляціяхъ М. Бестужева. Связь происковъ Бассевица съ политикою другихъ европейскихъ державъ, прежде всего Франціи, даетъ Malmström (op. cit. 354—358). Для характеристики общеевропейскаго международнаго положенія въ данный моментъ—Droysen IV, 2; 335, 336 и „Recueil"... VIII, 1; 233—263.

чтобы устроить свою собственную поѣздку въ Стокгольмъ и добиться на это оффиціальной санкціи русскаго правительства. Мы уже знаемъ, что эти старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Очень скоро, однако, замыслы Бассевица приняли болѣе рискованный характеръ съ точки зрѣнія шведскихъ, да пожалуй и общеевропейскихъ интересовъ; его программа вышла за предѣлы тѣхъ рамокъ, въ какихъ онъ развивалъ ее въ своихъ разговорахъ съ Кампредономъ, и какими обусловливалось, очевидно, сочувствіе къ этой программѣ какъ Франціи, такъ и самого шведскаго королевскаго правительства.

Династическій, а въ связи съ нимъ, быть можетъ, и политическій переворотъ въ Швеціи въ ближайшемъ будущемъ, безъ сомнѣнія, входилъ въ данный моментъ въ эту программу. Требованіе для герцога королевскаго титула и признаніе за нимъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону, о чемъ Бассевицъ велъ рѣчь съ Кампредономъ и что онъ выставлялъ цѣлью своей миссіи въ Стокгольмѣ, должно было, въ дѣйствительности, послужить, въ зависимости отъ обстоятельствъ, или предлогомъ, или первымъ шагомъ къ подобному перевороту, который Вестфаленъ сравниваетъ съ переворотомъ 1568 г., передавшимъ корону изъ рукъ Эрика XIV въ руки Іоанна III. Нерасположеніе, сильное въ шведскомъ обществѣ къ королю и еще болѣе къ королевѣ, представительницѣ младшей линіи цвейбрюкенскаго дома, должно было способствовать осуществленію подобнаго замысла, а обострившіяся къ этому времени отношенія между сословіями создавали, казалось, въ свою очередь, благопріятный для этого моментъ. Идея династической уніи, промелькнувшая было въ проектѣ Штамбке, получала теперь нѣсколько иную постановку. Продолжая хлопотать о бракѣ герцога съ одною изъ дочерей царя и настаивая на открытомъ обѣщаніи Россіи поддерживать антикоролевскую партію въ Швеціи, Бассевицъ, раздѣляя въ принципѣ вполнѣ идею русско-шведскаго союза, готовъ былъ въ данный моментъ итти даже на разрывъ между обѣими державами, разъ подобный исходъ дѣла могъ бы содѣйствовать въ будущемъ болѣе тѣсному между ними соглашенію. Проектъ морской экспедиціи, предполагавшейся на лѣто 1723 года, о чемъ придется еще говорить ниже, стоялъ въ связи со всѣми этими происками. Заботясь, съ другой стороны, о русско-шведскомъ соглашеніи, Бассевицъ не упускалъ изъ виду и притязаній герцога на Шлезвигъ, о чемъ и заводилъ не разъ рѣчь во время своихъ разговоровъ со швед-

скими сенаторами, притязаній, поддерживать которыя опять-таки врядъ ли бы согласилась Франція въ виду гарантіи, данной ею самою на названную область Даніи *).

Всѣ эти голштинскіе происки, какъ сейчасъ было сказано, не стояли особнякомъ и въ исторіи дипломатическихъ отношеній должны быть разсматриваемы въ связи съ другими аналогичными проявленіями недовольства политическимъ и международнымъ порядкомъ въ 20-хъ гг. XVIII столѣтія. Одновременно съ тѣмъ, какъ въ Петербургѣ министры герцога подготовляли почву для выполненія своихъ замысловъ, въ Лондонѣ правительство короля Георга I было встревожено указаніями на существованіе новаго заговора среди якобитовъ, не прерывавшихъ своихъ сношеній съ Россіей. Въ началѣ 1722 г. въ Вѣнѣ были получены извѣстія о какомъ-то движеніи на турецкой границѣ, о томъ, что Порта стягиваетъ свои войска къ Хотину, и что съ нею ведетъ переговоры венгерскій эмигрантъ Ракоци, находившійся въ это время на Родосѣ. Переговоры Франціи и Испаніи о бракахъ между испанскимъ королемъ и дочерью регента, герцога Орлеанскаго и между Людовикомъ XV и испанскою инфантою, точно такъ же должны были тревожить и Лондонъ, и Вѣну: съ этими переговорами переплетались другіе—о бракѣ одной изъ царскихъ дочерей съ сыномъ регента, герцогомъ Шартрскимъ и о возможной кандидатуры послѣдняго на польскій престолъ. Къ январю 1723 г. въ Копенгагенѣ былъ раскрытъ заговоръ Павла Юля, генерала Койэ и маіора Герлинга, стремившихся къ отдѣленію отъ Даніи Норвегіи и къ провозглашенію правителемъ Норвегіи герцога голштинскаго и пытавшихся вовлечь въ свои замыслы Петра Великаго, а лѣтомъ того же года начались какіе-то новые переговоры между герцогомъ мекленбургскимъ, незадолго до этого ѣздившимъ за чѣмъ-то въ Данцигъ, и петербургскимъ дворомъ, на что указывало посоль-

---

*) Реляц. М. Бестужева 18 февр. 1723 г. Въ то время какъ въ Стокгольмѣ агитировалъ Бассевицъ, въ Петербургѣ съ русскимъ правительствомъ велъ переговоры Штамбке. Сообщая объ успѣхахъ голштинской партіи въ Швеціи и о надеждѣ друзей герцога добиться для него въ теченіе этой же сессіи сейма признанія его наслѣдственныхъ правъ, онъ подалъ 13 апрѣля промеморію, въ которой настаивалъ на необходимости тотчасъ же провозгласить герцога женихомъ одной изъ дочерей царя, двинуться съ флотомъ къ шведскимъ берегамъ, энергично настаивать на удовлетвореніи герцогскихъ претензій и теперь же войти въ соглашеніе со Швеціей по поводу Шлезвига.—Дѣла Голштинскія 1723 г.

ство къ герцогу полковника Бона. Словомъ, въ 1722 и 1723 гг. великія европейскія державы находились подъ какимъ-то перекрестнымъ огнемъ проектовъ и интригъ, отдѣльныя нити которыхъ, часто неуловимымъ образомъ, переплетались то съ орлеанистскими стремленіями, находившими свое выраженіе въ политикѣ Франціи, то съ новыми замыслами Россіи на Балтійскомъ морѣ. Угрожая прежде всего интересамъ Швеціи и Даніи, эти послѣдніе представляли опасность и для спокойствія Германской Имперіи. На этой почвѣ Австрія, въ ея тревогахъ за свое политическое существованіе, сближалась volens-nolens какъ съ Англіей, такъ и съ самимъ англійскимъ королемъ, ревностно охранявшимъ свои ганноверскіе интересы *).

Тотчасъ послѣ Ништатскаго мира мы присутствуемъ, поэтому,

---

*) О сношеніяхъ съ герцогомъ мекленбургскимъ—см. ниже. О сношеніяхъ въ 1722 г. Ракоци съ Турціею сообщаетъ Ланчинскій (реляц. 31 января и 7 февраля).—Происки при русскомъ дворѣ англійскихъ якобитовъ, очевидно, не прекращавшіеся съ 1719 г., снова замѣтно оживляются послѣ Ништадтскаго мира. Въ данномъ случаѣ они стояли, повидимому, въ связи съ новымъ якобитскимъ заговоромъ, для осуществленія котораго предполагалось, какъ кажется, подготовить почву между двумя сессіями парламента 1721 и 1722 гг. Указанія на существованіе подобнаго заговора правительство короля Георга нашло въ бумагахъ скончавшагося весною 1722 года лорда Сундерланда, предшественника Вальполя (реляція В. Долгорукаго 18 мая т. г.). Склонялся ли самъ лордъ Сундерландъ послѣ своей отставки на сторону якобитовъ, сказать трудно (о немъ—см. выше стр. 46). Еще въ декабрѣ 1721 г. Яковъ Стюартъ черезъ своего уполномоченнаго Генриха Стирлинга (Henry Stirling) обращался къ Петру Великому съ просьбою дать ему 8—10 тысячъ человѣкъ—„какъ есть багатель такому великому монарху, какъ Ваше Императорское Величество"—съ помощью которыхъ ближайшею весною онъ могъ бы совершить высадку въ Англію (Дѣла Англійскія 1721 № 6; упоминаемые у Соловьева (IV, 748) переговоры съ русскимъ правительствомъ Томаса Гордона были, очевидно, прямымъ продолженіемъ переговоровъ Стирлинга). Переговоры продолжались и въ 1722 и 1723 гг., главнымъ образомъ, между довѣреннымъ „кавалера св. Георгія" генераломъ де-Диллономъ и русскимъ посломъ въ Парижѣ кн. В. Л. Долгорукимъ, которому де-Диллонъ точно такъ же препроводилъ какой-то проектъ (осень 1722 г.). Претендентъ, опираясь на помощь Петра Великаго, думалъ, повидимому, связать свое предпріятіе съ тѣми проектами, которые вырабатывались въ это время французскимъ правительствомъ совмѣстно съ Испаніей (письмо де-Диллона къ В. Л. Долгорукому 12 октября 1722 г.—Дѣла Французскія). Начавшееся съ осени 1723 г. новое сближеніе между Франціей и Англіей, въ связи съ неудачею якобитскаго заговора въ самой Англіи, должно было разрушить всѣ эти планы. Русское правительство, сохра-

при новой дипломатической кампаніи, предпринятой съ конца 1721 г. противъ Россіи, первенствующее мѣсто въ которой безспорно, принадлежало англо-ганноверской дипломатіи. Чисто-англійскіе интересы, въ своемъ послѣднемъ выводѣ, могли еще требовать установленія того или другого modus'a vivendi съ Россіей. Ганноверское министерство короля Георга, съ гр. Бернсдорфомъ во главѣ, напротивъ особенно старалось придать въ данномъ случаѣ англійской политикѣ боевой характеръ *). Такова, повидимому, была роль ганноверскихъ представителей въ Вѣнѣ и Копенгагенѣ, двухъ главныхъ операціонныхъ базахъ, съ

нявшее и до этого времени большую сдержанность, теперь, повидимому, старается совершенно отстраниться отъ замысловъ претендента, и послѣдній лишь порою дѣлаетъ попытки склонить его на свою сторону, завѣряя о томъ скрытомъ сочувствіи, какое будто-бы питаетъ къ нему французское правительство; таково значеніе того разговора, который въ апрѣлѣ 1724 г. имѣлъ съ Куракинымъ полковникъ Добіонъ (Соловьевъ IV, 747). — Шведскій генералъ Койэ (Cojet) и маіоръ готторпской службы Герлингъ замышляли создать на Сѣверѣ самостоятельное владѣніе для герцога голштинскаго и присоединить его, въ случаѣ благопріятнаго исхода голштинскихъ происковъ, къ Швеціи. Съ этою цѣлью они вступили въ соглашеніе съ норвежцемъ Павломъ Юлемъ, замышлявшимъ въ свою очередь отторженіе Норвеіи отъ Даніи, и старались втянуть въ свои планы Петра Великаго, обѣщая ему указать будто бы никому неизвѣстный островъ Грунляндію (Гренландію), присоединеніе къ Россіи которой могло бы быть выгодно для русской торговли. Всѣ означенныя лица находились въ сношеніяхъ съ герцогомъ голштинскимъ. Койэ черезъ Алексѣя Бестужева хлопоталъ о зачисленіи его на русскую службу. (Holm op. cit. I, 286 flg.) Онъ былъ лично знакомъ съ Остерманомъ задолго до своего заговора и уже въ 1721 г. находился съ нимъ въ перепискѣ, шедшей отчасти, какъ кажется, черезъ Мардефельда. (Письмо Койэ къ Остерману 21 апр. (2 мая) Elseneur—Дѣла Датскія 1723 г. № 7). Раскрытіе заговора послѣдовало раньше, чѣмъ просьба Койэ была исполнена, и русское правительство сейчасъ же поспѣшило заявить въ Копенгагенѣ о томъ, что Койэ не состоялъ на русской службѣ (рескрипты къ Ал. Бестужеву 3 апр. и 10 мая 1723 г.). Уликами противъ заговорщиковъ послужили, между прочимъ, письмо Герлинга къ герцогу, въ которомъ онъ сообщалъ о дѣятельности Койэ и о его стараніяхъ склонить на голштинскую сторону Павла Юля, и письмо самого Койэ съ голштинскому тайному совѣтнику Клаузенгейму, въ которомъ онъ просилъ послѣдняго уплатить за него вексель въ 4.000 талеровъ, какъ вознагражденіе за его труды совмѣстно съ Юлемъ и Герлингомъ (реляц. Ал. Бестужева 29 янв. и 16 февр. 1723 г.).

*) Желаніе Англіи возстановить правильныя дипломатическія отношенія съ Россіей, параллельно съ антирусскими происками ганноверской дипломатіи, констатируетъ Ал. Бестужевъ (реляц. 10 апр. 1721 г.).

которыхъ велась означенная кампанія. Вѣнскій дворъ запугивали призракомъ появленія русскихъ войскъ не только въ Имперіи, но и въ наслѣдственныхъ австрійскихъ земляхъ и Венгріи, и тою опасностью, какая могла бы грозить торговымъ интересамъ императора отъ развитія русской восточной торговли *). Замѣщеніе высшихъ постовъ въ датскомъ министерствѣ лицами изъ «ревентловскаго кружка» и назначеніе Вестфалена въ Петербургъ и долго жившаго въ Россіи и знавшаго русскій дворъ Павла Левенора въ Берлинъ было, какъ мы уже знаемъ, дипломатической побѣдою Англіи и еще болѣе Ганновера **). Навстрѣчу этому шли старанія самого датскаго правительства заручиться поддержкою Пруссіи въ вопросѣ о Шлезвигѣ, къ чему и сводилась миссія Левенора, и заключить со Швеціей оборонительный и наступательный договоръ противъ Россіи ***). Когда ко всѣмъ этимъ перекрестнымъ переговорамъ присоединились заботы саксонскаго двора о своихъ династическихъ интересахъ въ Польшѣ и его стремленіе втянуть въ свои планы Пруссію, отдѣльныя комбинаціи начали принимать очертанія одного общеевропейскаго союза, рисовавшагося его сторонникамъ, какъ прямое продолженіе Вѣнскаго союза 1719 г. ****). Главными участниками союза намѣчались Англія, Австрія, Данія, Швеція, Пруссія, Польша и нѣкоторые второстепенные германскіе государи. Соединенный англійскій, датскій, и шведскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ долженъ былъ прикры-

*) „Англичане тщатся ввести цесаря въ объявленіе оборонительнаго аліансу... противу В. И. В. намѣряемаго будто вступленія въ Германію, и предлагаютъ, что для тѣмъ сильнѣйшаго отпору короля датскаго и шведскаго къ тому же обязательству склонить могутъ. Къ тому же еще съ англинской стороны непрестанно и отъ времени чювственнѣйшіе слухи разсказываются, между иного, будто В. И. В. не токмо Германію, но и цесарскія наслѣдственныя области аттаковать и чрезъ Польшу въ Трансильванію войтить намѣрены. Еще жъ и то заподлинно разглашаютъ, что В. В. всю азіатическую комерцію объять намѣрены, и что того ради учреждается въ имперіи В. В. индейская компанія“.—Реляц. Ланчинскаго 3 марта 1722 г.

**) О Павлѣ Левенорѣ (Povl Vendelbo Lövenörn)—Holm I, 123, 124.— „Креатура Гольстова“, какъ его характеризуетъ А. Бестужевъ (реляц. 26 марта 1723 г.).

***) О происках Даніи въ Швеціи предупреждалъ Мих. Бестужева Гёпкенъ; о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Левеноромъ въ Берлинѣ, говорилъ Ал. Головкину самъ Фридрихъ-Вильгельмъ (реляц. М. Бестужева 1 іюня 1722 г. и А. Головкина 20 марта того же года).

****) Реляц. Головкина 16 янв. 1722 г. Cfr. Droysen IV, 2; 435 и 436.

вать мекленбургское и померанское побережье, а сухопутная армія отдѣльныхъ германскихъ державъ съ императорскимъ главнокомандующимъ во главѣ—задерживать вторженіе русскихъ войскъ въ предѣлы Имперіи *).

Старые счеты и взаимно исключающіе другъ друга интересы отдѣльныхъ державъ долгое время мѣшали создать общую почву, на которой могли бы сойтись всѣ многочисленные участники предполагаемаго союза. Датскіе происки не встрѣтили сочувствія ни въ Швеціи, считавшей Данію слишкомъ слабой и не желавшей вмѣшиваться въ шлезвигскія отношенія герцога голштинскаго, ни у прусскаго короля, не терявшаго, повидимому, надежды извлечь кое-какую выгоду отъ солидарности съ царемъ и герцогомъ. Извѣстіе объ отъѣздѣ Петра Великаго въ Астрахань позволило Европѣ вздохнуть свободнѣе, и лѣто 1722 г. прошло сравнительно спокойно. Когда царь вернулся изъ персидскаго похода, и выяснился вопросъ о предстоящей поѣздкѣ гр. Бассевица въ Стокгольмъ, будущій курсъ русской политики на Балтійскомъ морѣ началъ опредѣляться болѣе отчетливо. Дипломатическій міръ Запада снова зашевелился. Инціатива шведско-датскаго сближенія исходила на этотъ разъ отъ шведскаго правительства, правильнѣе отъ самого шведскаго короля, озабоченнаго интересами своей династіи, искавшаго, въ противоположность сейму, сближенія съ своимъ западнымъ сосѣдомъ и находившаго въ данномъ случаѣ поддержку въ лицѣ своего представителя въ Копенгагенѣ, Адлерфельда. И теперь идея подобнаго соглашенія встрѣтила сочувственное отношеніе со стороны Даніи, возобновившей, одновременно съ этимъ, и свои прежніе переговоры съ Пруссіей. Англо-ганноверская дипломатія не преминула снова взять въ свои руки комбинаціи, создававшіяся на сѣверѣ Европы, и когда лѣтомъ 1723 г., въ виду слуховъ о новыхъ вооруженіяхъ Россіи на морѣ и на сушѣ, Георгъ I посѣтилъ континентъ и побывалъ въ Ганноверѣ и Берлинѣ, въ кабинетахъ Стокгольма, Копенгагена и Берлина толковали уже о предстоящемъ соглашеніи Англіи со Швеціей, Даніей и, быть можетъ, Пруссіей.

---

*) Письмо бар. Шлейница къ сыну отъ 2 февр. 1722 г. (Приложеніе IV). Реляц. Головкина за декабрь 1721 г. и рескрипты М. Бестужеву за февраль и мартъ 1722 г. Дѣятельную роль во всѣхъ этихъ переговорахъ кромѣ саксонскаго министра гр. Флемминга и упомянутаго выше Бернсдорфа игралъ, повидимому, англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ Витвортъ (реляц. А. Головкина 3 февр. и 13 марта 1722 г.).

Прежнія мечты о союзѣ приняли къ этому времени болѣе отчетливыя формы; самое союзное соглашеніе намѣчалось, однако, въ болѣе узкихъ границахъ и опредѣлялось нѣсколько иными соображеніями. Въ 1722 году это соглашеніе рисовалось еще, какъ противовѣсъ предполагавшемуся сближенію Россіи съ Франціей и Испаніей, а общая опасность, грозившая, казалось, съ Сѣвера, заставляла Австрію сближаться съ Англіей и королемъ Георгомъ. Къ лѣту 1723 г. всѣ недоразумѣнія между Франціей и Англіей были устранены. Французская дипломатія усмотрѣла уже къ этому времени рискованный характеръ голштинскихъ замысловъ и министерство аббата Дюбуа, а еще больше его пріемника, гр. Морвиля, съ половины 1723 г. явно старается разграничить въ Россіи и Швеціи французскіе интересы отъ вмѣшательства въ голштинскія отношенія. Съ другой стороны, Испанія Бурбоновъ, потерпѣвъ неудачу въ брачныхъ проектахъ, видимо начинаетъ къ этому времени искать въ монархіи Габсбурговъ опоры своимъ антианглійскимъ мечтамъ о revanch'ѣ. Династическая и торговая политика Австріи шла этому навстрѣчу. Къ августу 1723 г. окончательно сформировалась новая торговая компанія въ Остенде, статутъ которой былъ подписанъ Карломъ VI еще въ іюнѣ 1722 г. Вслѣдъ за открытіемъ порто-франко въ Тріестѣ и Фіуме, Австрія этимъ новымъ шагомъ вступала, казалось, въ соперничество съ Англіей и Голландіей на поприщѣ океанической торговли. Направленныя незадолго до этого, главнымъ образомъ, противъ Россіи, усилія англо-ганноверской дипломатіи обращаются теперь прежде всего противъ не выяснившихся еще окончательно, но носившихъ безспорно антианглійскій характеръ испанско-австрійскихъ переговоровъ. Новыя военныя приготовленія царя на Балтійскомъ морѣ и болѣе активная политика Россіи въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ не ускользаютъ, однако, и теперь отъ вниманія лондонскаго кабинета. Изъ-за попытки реставрировать Вѣнскій союзъ 1719 г., исходившей отъ виртуоза дипломатическихъ комбинацій гр. Флемминга, начинаютъ обрисовываться очертанія будущаго ганноверскаго союза, поставившаго преграду испанско-габсбургскимъ планамъ на югѣ и въ средней Европѣ и аггрессивной политикѣ Россіи на сѣверѣ *).

Въ 1722 году русской дипломатіи, какъ мы уже знаемъ, уда-

---

*) Реляц. обоихъ Бестужевыхъ (изъ Стокгольма и Копенгагена) и Ал. Головкина (изъ Берлина) за вторую половину 1722 г. и за весь 1723 г.

лось до извѣстной степени обойти тѣ затрудненія, какія создавали для нея происки гр. Ботмара въ Копенгагенѣ и англійскія симпатіи самого шведскаго короля въ Стокгольмѣ. Голштинскія притязанія были лишь намѣчены за это время, какъ орудіе, но еще не пущены въ ходъ. Въ 1723 году сравнительно съ этимъ обстоятельства складывались менѣе благопріятнымъ образомъ. Стремленія короля Фридриха утвердить шведскій престолъ за своимъ домомъ и подготовить почву къ реставраціи въ Швеціи абсолютизма заставляли Россію болѣе рѣшительно опредѣлить свои отношенія къ отдѣльнымъ шведскимъ партіямъ и тѣмъ самымъ осложняли ея переговоры со шведскимъ правительствомъ о союзѣ. Разсчитывая на союзъ съ Англіей и встревоженное сближеніемъ Россіей со Швеціей, датское правительство къ лѣту 1723 г. снова начало обнаруживать въ зундскомъ вопросѣ меньше податливости сравнительно съ тѣмъ, какую оно проявило въ началѣ этого года. Использованныя въ достаточной степени въ Швеціи, голштинскія притязанія, съ другой стороны, грозили для русской политики новыми осложненіями въ томъ недалекомъ будущемъ, когда балтійской программѣ Россіи, послѣ заключенія союзнаго соглашенія со Швеціей, предстояло окончательно переплестись съ общеевропейскими дипломатическими комбинаціями.

Когда къ январю 1723 г. въ Стокгольмѣ началась сессія шведскаго сейма, вопросъ о поддержкѣ въ Швеціи голштинскихъ притязаній, какъ средствѣ установить болѣе тѣсное соглашеніе между обѣими державами, въ Петербургѣ былъ рѣшенъ окончательно въ положительномъ смыслѣ. Какъ само русское правительство, такъ и его представитель въ Швеціи, М. Бестужевъ, продолжали, однако, первое время относиться довольно сдержанно къ краснорѣчивымъ увѣреніямъ гр. Бассевица о популярности имени герцога среди шведскаго населенія и къ тому аггрессивному характеру, какой принимала въ мечтаніяхъ названнаго министра голштинская программа на 1723 годъ *). И только когда

*) Мысль о переворотѣ создалась у Бассевица еще до его пріѣзда въ Стокгольмъ, независимо отъ болѣе близкаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Швеціи и взаимными отношеніями отдѣльныхъ политическихъ партій. Она зародилась въ его головѣ еще въ Россіи, и съ нею онъ отправился въ путь, скоро позабывъ о тѣхъ обѣщаніяхъ, какими связалъ себя на послѣдней конференціи съ Шафировымъ и Остерманомъ. Уже въ своихъ путевыхъ письмахъ изъ Финляндіи къ Геспену и Штамбке, предупредительно сообщаемыхъ этими послѣдними русскому правитель-

на сеймѣ выяснились отношенія между отдѣльными шведскими политическими партіями и короною, русское правительство укрѣпилось въ мысли избрать тотъ путь, какой въ своихъ собственныхъ цѣляхъ рекомендовали ему и шведскіе приверженцы герцога, и его дипломаты—путь вооруженной угрозы, предпринимаемой якобы въ защиту шведской вольности отъ абсолютистическихъ и династическихъ происковъ придворной партіи. Этотъ маневръ, поколебавъ въ Швеціи шансы самого герцога и заронивъ зерно недовѣрія къ его приверженцамъ со стороны болѣе

ству, онъ краснорѣчиво описывалъ недовольство финскаго населенія существующимъ режимомъ, его симпатіи къ герцогу, мѣропріятія шведскаго правительства, наносящія матерьяльный ущербъ мѣстнымъ жителямъ и вредно отражающіяся на экономическихъ интересахъ Россіи. Предусматривая необходимость держаться въ ближайшемъ будущемъ болѣе рѣшительной политики въ Стокгольмѣ, голштинскіе дипломаты не упускали, такимъ образомъ, случая открыть передъ русскимъ правительствомъ соблазнительную перспективу дальнѣйшихъ завоеваній на счетъ сѣверо-западнаго сосѣда.

„Sonsten ist hier alles mit Leib und Seele holsteinisch. Es sind hier 8.000 Mann alle recht brave Troupes, so Schweden nichts kosten, und a parte ziehet Schweden noch über 500 m. Rhtl. Sie sagen offenbar: lasset doch den Herrn kommen, unser Bluht und Gut ist vor Ihm, Schweden soll bald folgen. In denen zwei Orthen, wo Garnison gewesen, singen die gantze Nacht Officiers und Gemeine: Es lebe unser einsziges Königliches Bluth Hertzog Carl-Friedrich. Du kannst gedenken, wie ich dieses halb wegen in peine war. Ich stellete mir aber, als ferstunde ich nicht schwedisch, noch finnich, und dachte anbey: dergleiche Dinge möchten villeicht den König traitabler machen.

Nun ist zu wissen, dass man aus Schweden den Handel nach die russische Seite verbotten, und also Ihro Czaar. MS. wegen der Masten und in specie des Thers verlegen seyn, und die Finnen können ihre Waaren nicht absetzen, deshalben sie malcontent und eine bessere Union wünschen. Zu diesem kompt, dass man zu Weekelacks eine Stadt und Vestung anleget, wodurch man Wyborg reuniren und den Handel dahin ziehen will denen Finnen aber wird die Zeit lange, ehe solches zum Stande komt. Vargebende man solte bis dahin den Handel frey gelassen haben, umb ob solches Ihr. Ks. Ms. überall gefält, stelle dahin. Wenn nun, wie doch alle hoffen, der Reichstag nicht nach unsere Wunsch ausfiele, wäre wohl nicht darauf zugedenken, alsdann solche Mesures zu nehmen, dass Schweden sich necessitiret sehe, den Hertzog zu contentiren? und dieses kan ohne Hazard. ohne Schwerptschlag und Ruin geschehen, weiln Finnland mit 8.000 Mann schöne Troupen sich alle Momen ergiebet. Ich schreibe dieses in der Nacht und durch sichere Hand“.—Письмо Бассевица отъ 28 дек. 1722 г. Coppis (Дѣла Голштинскія 1723 г.; на оборотѣ рукою Остермана помѣчено: „Вѣдомости изъ Швеціи, сообщенныя отъ гольштинскихъ министровъ Геспена

послѣдовательныхъ представителей такъ называемой «республиканской» партіи, содѣйствовалъ, тѣмъ не менѣе, заключенію въ февралѣ 1724 года между Россией и Швеціей оборонительнаго союзнаго договора. Перипетіи предварительныхъ переговоровъ и та окончательная редакція, въ какую этотъ договоръ отлился, стоятъ, опять-таки, въ тѣсной связи съ русско-голштинскими отношеніями и отражаютъ на себѣ общій характеръ той программы, которая усваивается къ этому времени Россіей на Балтійскомъ морѣ.

Въ Стокгольмѣ передъ шведскими сенаторами Бассевицъ врядъ ли договаривалъ до конца свои мысли, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется то сильное сочувствіе, какое встрѣтили его планы не только среди приверженцевъ герцога, но и среди защитниковъ существующаго государственнаго строя. И Бестужевъ, и самъ Бассевицъ постоянно говорятъ въ это время объ Арведѣ Горнѣ, Цедергельмѣ, Тессинѣ, Веллингѣ и многихъ другихъ, какъ объ искреннихъ друзьяхъ Россіи и герцога, которыхъ всѣми силами надо стараться удержать на своей сторонѣ. Alter ego Бассевица въ Петербургѣ, Штамбке, хлопоча объ удовлетвореніи въ Остзейскомъ краю земельныхъ претензій отдѣльныхъ шведскихъ магнатовъ, что дало бы возможность заручиться ихъ поддержкою въ Швеціи, называетъ при этомъ, кромѣ Горна и Веллинга, гр. Дикера, гр. Мейерфельда, гр. Эрика Шпарре, гр. Штейнбока, ген.-м. Штааля и гр. Ферзена *). Всѣ эти извѣстія, конечно, были какъ нельзя болѣе на руку петербургскимъ сторонникамъ Бассевица. Таковыхъ было не мало; лишь немногіе изъ нихъ могли, однако, имѣть какое либо рѣшающее вліяніе на русскую политику. Въ большинствѣ случаевъ это были иностранцы—норвежцы, шведы, англичане и шотландцы—не примирившіеся съ порядкомъ, установившимся на ихъ родинѣ, и нашедшіе себѣ пріютъ на русской службѣ. Сопоставляя сообщеніе Вестфалена съ болѣе ранними и болѣе поздними фактами, можно говорить съ увѣренностью о поддержкѣ гр. Бассевица лишь самою царицею и развѣ немногими изъ русскихъ сановниковъ, какъ напримѣръ, Толстымъ **). Усиленно старались голштинскіе мини-

---

и Стамбкина 1723 г.; о нихъ на словахъ Его И-у В-у донесено въ домѣ канцлера").

*) Promemoria Штамбке отъ 15 ноября 1723 г. — Дѣла Голштинскія.

**) Реляц. $^{18}/_{29}$ сент. 1723 г. Пріѣхавъ въ Россію Вестфаленъ прежде всего поспѣшилъ написать Толстому о желательности сохранить дружбу

стры привлечь на свою сторону пользовавшагося въ то время большимъ довѣріемъ у царя Ягужинскаго; еще больше ухаживали за начинавшимъ входить въ силу послѣ паденія Шафирова Остерманомъ. Съ 1723 года это имя все чаще и чаще начинаетъ упоминаться въ донесеніяхъ иностранныхъ посланниковъ изъ Петербурга. Большинство отзывовъ о личномъ характерѣ Остермана вполнѣ согласны между собою. Всегда необходимый для дѣла, Остерманъ, повидимому, мало кѣмъ былъ искренно любимъ внѣ своего узкаго семейнаго круга. Крайняя замкнутость въ частной жизни и двуличіе въ дѣловыхъ отношеніяхъ были, какъ кажется, главными тому причинами *). Остерманъ всегда оставался чужимъ среди высшей русской знати, чему отчасти способствовала врожденная ему скупость, черта характера, зачастую отмѣчаемая въ немъ современниками. Стоявшій особнякомъ среди сотрудниковъ Петра, онъ вѣрно служилъ дѣлу этого послѣдняго. Будучи скупъ, онъ отличался крайнею неподкупностью, и современники затруднялись назвать ту или другую державу, интересамъ которой Остерманъ сознательно и по корыстнымъ соображеніямъ приносилъ бы въ жертву интересы Россіи. Врядъ ли вообще способный на искреннее національное чувство, онъ, конечно, смотрѣлъ на свою государственную дѣятельность, въ значительной степени, какъ на извѣстную взятую имъ на себя обязанность, добросовѣстно выполнить которую его заставляли прежде всего его собственные интересы. Приблизившись къ Петру Великому и втянутый въ его работу, онъ, какъ европеецъ, однако, искренно былъ увлеченъ дѣломъ этого послѣдняго. Петровская программа въ области внѣшней политики, къ которой Остерманъ близко стоялъ еще въ послѣдніе годы Сѣверной войны, сознательно имъ теперь воспринимается и постепенно дѣлается какъ бы его собственною программою. Умъ ясный и отчетливый, Остерманъ не столько отличался творческими способностями, сколько умѣніемъ всегда вѣрно понять положеніе даннаго момента и, взвѣсивъ и оцѣнивъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства, поставить себѣ вполнѣ опредѣленныя и вполнѣ

между Россіей и Даніей и о незаконности голштинскихъ притязаній.— Копенгагенъ, Relationes aus Russland 1721—1722.

*) „Es ist in dergleichen Dingen auf gnd. hr. Ostermann's Discurse nicht viel zu bauen, sondern viel mehr das Gegentheil von dem zu glauben, was er deshalb sagt"—Королевскій рескр. бар. Мардефельду 17 февр.

достижимыя цѣли. Въ немъ было достаточно гибкости, чтобы во время отступить въ деталяхъ отъ выработанной программы, разъ ей противорѣчили наличныя условія живой дѣйствительности. Отступить отъ основныхъ началъ Балтійской программы Петра Великаго и внести въ нея поправки примирительнаго характера Остерману предстояло въ будущемъ. Въ 1723 г. онъ стоялъ всецѣло на точкѣ зрѣнія, развитой имъ въ его письмѣ къ А. Бестужеву отъ 12-го декабря 1721 г.: освобожденіе русскихъ кораблей отъ зундской пошлины, какъ цѣль, голштинскія притязанія, какъ средство. Паденіе Шафирова и возвышеніе Остермана должно было быть очень чувствительно для датскаго правительства, и уже послѣ своего перваго разговора съ Остерманомъ въ его новой должности Вестфаленъ отмѣтилъ его крайне рѣшительный тонъ, когда рѣчь зашла о зундскомъ вопросѣ *). Къ идеѣ русско-шведскаго сближенія Остерманъ относился сочувственно уже давно—если не со времени Полтавской побѣды, то, во всякомъ случаѣ, со времени Аландскаго конгресса; подобное сближеніе далеко не отождествлялось, однако, въ его представленіи съ принесеніемъ русской политики въ жертву голштинскимъ притязаніямъ и фантазіямъ гр. Бассевица **). Сдержанность Остермана должна была въ данномъ

1722 г. по поводу увѣреній Остермана, что Россія не ведетъ никакихъ переговоровъ о союзѣ съ Франціей (Берлинъ, Russland 1721, № 26).

*) Реляція Вестфалена 25-го янв. (5-го февр.) 1723 г. „Ostermann d'aileurs homme de ma connaissance le moins sincére et si vraye, que vous êtes honnet homme, l'autheur et le fomenteur de l'injuste pretension du Czaar par rapport au peage du Sond. ...Je vous assure en homme d'honneur, que notre interet à cette cour a fait une considerable perte dans celle du bar. Schafiroff. C'etait un homme brusque et impoli, mais sincère dans la negociation et fort porté pour la bonne union avec la Dannemark et la Russie—его же реляц. отъ 22-го нояб. (3-го дек.) т. г. Между Вестфаленомъ и Остерманомъ были, повидимому, и личные счеты, почему онъ и старался избѣгать какихъ либо щекотливыхъ разговоровъ съ послѣднимъ и предпочиталъ вести дѣла съ самимъ канцлеромъ, не блиставшимъ дипломатическими талантами. „Westphalen est souvent en conference avec Golowkin et non avec Ostermann comme nous autres, par une vieille pique“.—Лефортъ Флеммингу 25 янв. 1723 г. (Дрезденъ, Sachen mit Moscau 1723).

**) Опредѣлить характеръ личныхъ симпатій, какъ и выдѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ степень личнаго вліянія Остермана, вообще, не легко. Тѣмъ цѣннѣе поэтому становятся отдѣльные намеки, проливающіе свѣтъ на эти симпатіи. По подобнымъ намекамъ можно предполагать, что и къ голштинскимъ проектамъ Остерманъ въ 1723 г. отно-

случаѣ особенно огорчать голштинскаго дипломата; эта сдержанность не только являлась вѣрнымъ показателемъ, но и сама, въ значительной степени, опредѣляла отношеніе къ голштинскимъ замысламъ самого русскаго правительства *).

Въ специальной инструкціи М. Бестужеву отъ 7-го декабря 1722 года и нѣсколькихъ дополняющихъ ее рескриптахъ обстоятельно развита руководящая точка зрѣнія русскаго правительства и Остермана. **). Сохраняя прежнюю сдержанность по отношенію къ голштинскимъ притязаніямъ петербургскій кабинетъ постоянно выдвигаетъ, какъ самостоятельную цѣль, «наивящее упроченіе»

сился довольно сдержанно: Бассевицъ въ письмѣ къ нему отъ 1 (12) іюля этого года жалуется, что онъ въ перепискѣ съ нимъ „nicht über Affaires sich entlässet“ —Дѣла Голштинскія 1723 г.

*) Ученикъ во многихъ отношеніяхъ Петра Великаго, благодаря отчетливости своего ума, Остерманъ уже въ это время нерѣдко являлся активнымъ помощникомъ русскаго правительства, формулируя въ ясныхъ положеніяхъ то, что чувствовалось самимъ царемъ, и даже, быть можетъ, подсказывая порою этому послѣднему тѣ выводы, на которыхъ онъ еще не остановился. Самъ съ своими взглядами Остерманъ оставался, однако, всегда на заднемъ планѣ, предпочитая занимать это мѣсто какъ при жизни Петра Великаго, такъ и послѣ его смерти. При Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ остермановскія „мнѣнія не въ указъ“ получаютъ значеніе правительственныхъ резолюцій; изъ его помѣтокъ на поляхъ посольскихъ реляцій—зачастую даже безъ редакціонныхъ измѣненій—слагаются рескрипты и инструкціи, опредѣляющія всю внѣшнюю политику Россіи. Самого Остермана не видно. Въ своихъ мнѣніяхъ онъ обыкновенно не столько предлагаетъ готовое рѣшеніе, сколько старается навести на него, давъ исчерпывающее и, повидимому—но только повидимому—безпристрастное изложеніе даннаго вопроса. Въ своихъ письмахъ-инструкціяхъ къ русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ онъ какъ будто представляетъ послѣднимъ много самостоятельности и въ то же самое время незамѣтно увлекаетъ ихъ въ свою собственную политическую систему. Такой же тактики, и не безъ успѣха, держался онъ уже съ самаго начала своей самостоятельной дипломатической карьеры. Могучая натура великаго царя наложила, конечно, свой индивидуальный отпечатокъ на внѣшнюю политику Россіи, какъ вообще на всю правительственную дѣятельность того времени. Но и въ это время Остерманъ не былъ уже простымъ исполнителемъ чужой воли и чужихъ стремленій.

**) „Секретная инструкція М. Бестужеву на время сейма, который имѣетъ быть созванъ въ январѣ 1723 года“, и рескрипты къ нему же отъ 23 февраля и 22 апрѣля т. г.—Дѣла Шведскія 1723 г. № 4. Секретную инструкцію Бестужеву предписывалось дешифрировать самому, не довѣряя никому изъ посольскихъ учениковъ.

дружбы и согласія между Швеціи и Россіей. Выражая принципіальное сочувствіе признанію за герцогомъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону, русское правительство рекомендуетъ, однако, своему уполномоченному соблюдать въ данномъ случаѣ особую осторожность, поддерживать оффиціально лишь притязанія герцога на королевскій титулъ и предпочитаетъ не только вовсе не вмѣшиваться въ вопросъ о его наслѣдственныхъ правахъ, «ежели ни съ которой, а особливо съ королевской стороны на сеймѣ о наслѣдіи домогательства учинено не будетъ», но даже удерживать въ подобномъ случаѣ отъ какихъ бы то ни было рѣшительныхъ поступковъ самого Бассевица. Сохраненіе въ Швеціи существующей формы правленія, нарушеніе которой грозило бы усиленіемъ нежелательнаго съ русской точки зрѣнія по своимъ германскимъ и прежде всего ганноверскимъ отношеніямъ гессенъ-кассельскаго вліянія, рисовалось для русскаго правительства болѣе очередною задачею, чѣмъ поддержка во что бы то ни стало голштинскихъ требованій. Въ противовѣсъ королевскимъ стремленіямъ вступить въ болѣе тѣсное соглашеніе съ Англіей и Даніей, М. Бестужеву предписывалось обнадежить шведское министерство въ искреннемъ желаніи Россіи «имѣющуюся дружбу... не токмо впредь всегда содержать, но оную и вяще умножить»; а въ виду возможныхъ попытокъ—опять-таки со стороны короля—нарушить существующую форму правленія ему предлагалось «трудиться изъ чиновъ королевства шведскаго собрать партію изъ доброжелательныхъ отечеству своему патріотовъ, которые желаютъ видѣть оную форму правительства ненарушиму и склонить оныхъ, чтобъ они короля до такого вредительнаго всему ихъ королевству намѣренія достигнуть не допускали». И Бестужевъ уполномачивался обнадежить «доброжелательныхъ патріотовъ» оффиціальнымъ увѣреніемъ въ томъ, что Россія «по силѣ вѣчнаго трактата ихъ въ потребномъ случаѣ сильнымъ своимъ вспоможеніемъ не оставитъ, дабы форма ихъ правительства по тому мирному трактату въ своей силѣ ненарушима осталась *).

---

*) То же пожеланіе дружбы и тѣснѣйшаго сближенія со Швеціей подчеркивается во всѣхъ граматахъ Петра Великаго къ шведскому королю за это время (Дѣла Шведскія 1723 г. № 1). Вообще, никакую другую державу не старались въ это время такъ ревниво удержать отъ сближенія съ кѣмъ бы то ни было, какъ Швецію, и ни передъ кѣмъ не были такъ щедро на обѣщанія, какъ передъ стокгольмскимъ дворомъ, когда начались уже формальные переговоры о союзѣ. Изучая эти пере-

Основная точка зрѣнія на голштинскій вопросъ самого М. Бестужева въ общемъ была вполнѣ солидарна съ указанною точкою зрѣнія русскаго правительства. Хорошо освѣдомленный во взаимныхъ отношеніяхъ шведскихъ политическихъ партій, онъ не ожидалъ, однако, на первыхъ порахъ какого-либо активнаго вмѣшательства въ дѣла внутренней и внѣшней политики со стороны королевской партіи и, признавая голштинскія притязанія пригоднымъ средствомъ для русской политики, не предвидѣлъ, поэтому, возможности воспользоваться этимъ средствомъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ *). Не довѣряя вообще проектамъ Бассевица, Бестужевъ въ еще большей степени, чѣмъ петербургскій кабинетъ, обнаруживалъ крайне недовѣрчивое отношеніе къ политической дѣятельности и личному поведенію голштинскаго министра въ Стокгольмѣ. Подъ предлогомъ содѣйствія онъ зачастую старался связать ему руки и предупредить какое либо активное или преждевременное вмѣшательство съ его стороны въ дѣла внутренней шведской политики. Само русское правительство онъ также удерживалъ отъ излишняго довѣрія голштинской дипломатіи, памятуя, быть можетъ, обнаруженную этою послѣднею въ 1720 г. готовность довѣрить свою судьбу политическимъ соперникамъ Россіи—Англіи и Ганноверу **). Игнорируя голштинскіе интересы, поскольку они не могли быть пущены въ ходъ, какъ орудіе въ рукахъ русской дипломатіи, Бестужевъ обнаруживалъ, съ другой стороны, ясное пониманіе политическихъ задачъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, во многомъ тождественное съ пониманіемъ этихъ задачъ его братомъ Алексѣемъ. Видимо не случайно, но въ полномъ согласіи съ послѣднимъ, дѣйствуетъ онъ, возвращаясь нѣсколько разъ въ своихъ реляціяхъ къ зундскому вопросу, поскольку этотъ вопросъ могъ быть затронутъ имъ въ предѣлахъ его собственной задачи. Мысль о совмѣстной политической дѣятельности братьевъ Бестужевыхъ напрашивается

говоры, по тону рескриптовъ М. Бестужеву и его отвѣтныхъ реляцій, невольно чувствуешь, что здѣсь—основной узелъ балтійской политики Петра Великаго послѣднихъ лѣтъ его царствованія, завязанный не случайно и, конечно, уже не руками голштинскихъ дипломатовъ.

*) „Что же надлежитъ до сукцессіи (т. е. герцога голштинскаго), и я вижу въ томъ не малой трудности быть, развѣ королевская партія зачнетъ о сукцессіи на кассельскій домъ предлагать (чего я не чаю).— Реляц. М. Бестужева 18 февр. 1723 г.

**) Реляц. 18 февр. и 13 мая 1723 г.

сама собою при сопоставленіи реляцій за это время того и другого изъ Копенгагена и Стокгольма **).

**) „Истина есть, что герцогъ великую партію здѣсь имѣетъ, и несумнѣваюся о полученіи герцогу титула Королевскаго Высочества. Можетъ быть, что черезъ сіе и сукцессію на семъ сеймѣ получить можетъ, только зѣло надобно Басовичю искусно себя здѣсь содержать, дабы нималого подозрѣнія доброжелательнымъ герцогу не подать. Я весьма вѣрю, что дворъ и партія дворовая всякими мѣрами будетъ стараться, дабы Басовича какъ возможно у партіи голштинской въ подозрѣніе привесть. Того ради надлежитъ, какъ мы съ нимъ и согласились, объявить, что онъ ни въ какія ихъ дѣла вмѣшиваться не будетъ, и что онъ только сюда прибылъ для примиренія Его Королевскаго Высочества съ своимъ государемъ, а остальное все отдаетъ въ диспозицію чинамъ государственнымъ. Такожде я ему совѣтовалъ, дабы онъ безвременно протекціею В. И. Вел—а къ герцогу не очень хвалился, дабы отъ того партія королевская не приняла какого омбражу, и удержать бы оную отъ наибольшихъ противностей, дабы доброе начало герцоговымъ дѣламъ вяще не испортить. Я явно объявилъ и объявляю партіи дворовой, что В. И. Вел—о 7-му пункту въ постановленномъ мирномъ трактатѣ полное удовольствіе учинить изволите и въ партикулярныя герцоговы дѣла вступиться не изволите". (Реляц. М. Бестужева 4 февраля 1723 г.). Когда зашла рѣчь о назначеніи голштинскимъ представителемъ въ Стокгольмъ, послѣ возвращенія Бассевица, родственника послѣдняго, полковника Рейхеля, М. Бестужевъ былъ противъ этого прежде всего потому, что Рейхель „великій пріятель ганноверскому министру и самъ ганноверскаго духу" (реляц. 6 мая 1723 г.; ганноверскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ былъ въ то время никто иной, какъ двоюродный братъ самого Бассевица—„Бассевицъ ганноверскій", какъ иногда называется онъ въ бестужевскихъ реляціяхъ).— Бассевицъ, въ свою очередь, былъ недоволенъ образомъ дѣйствія Бестужева, находилъ, что послѣдній держитъ себя черезчуръ предупредительно по отношенію къ двору и не обнаруживаетъ достаточно рѣшительности, и не разъ жаловался на него въ своихъ письмахъ Остерману По вопросу о назначеніи Рейхеля дѣло дошло между ними повидимому почти до открытаго столкновенія (письма Бассевица къ Остерману отъ 18(29) марта и отъ 15(26) іюля 1723 г.—Дѣла Голштинскія 1723 года. Назначеніе въ Стокгольмъ Рейхеля имѣло для голштинской партіи особое значеніе: какъ шведскій подданный, онъ не имѣлъ права, по общему положенію, исполнять обязанности уполномоченнаго отъ иностраннаго государя при стокгольмскомъ дворѣ; въ данномъ случаѣ было сдѣлано исключеніе для герцога голштинскаго, какъ для принца крови, чѣмъ косвенно признавались его наслѣдственныя права на шведскую корону. „Cette exception à la loi fondamental suppose une succession et election infallible et incontestable à l'occasion d'une certaine existence"—гр. Веллингъ герц. голштинскому 23 дек. 1723 г. (Дѣла Голштинскія). Сравн. Malmström I 440).

Мнѣніе о пассивномъ характерѣ личной политики короля на открывшемся сеймѣ очень скоро оказалось черезчуръ оптимистичнымъ, и разыгравшіяся событія поставили и М. Бестужева, и само русское правительство въ необходимость тѣснѣе, чѣмъ это входило въ ихъ первоначальные разсчеты, связать свою собственную политику съ политикою всѣхъ противниковъ гессенъ-кассельскихъ династическихъ притязаній, а въ томъ числѣ и съ политикою послѣдовательныхъ сторонниковъ герцога.

Съ самаго начала сеймовой сессіи 1723 года королевская партія понесла, какъ извѣстно, цѣлый рядъ ощутительныхъ пораженій. Ея кандидатъ въ маршалы, Штремфельдъ былъ забаллотированъ, и послѣ того какъ кандидатъ слишкомъ опредѣленной окраски, гр. Горнъ отказался баллотироваться маршаломъ, былъ избранъ расположенный къ герцогу кандидатъ республиканской партіи Лагербергъ *). Столь же неблагопріятными оказались для королевской партіи были и выборы въ секретную коммиссію, въ которой на предстоящемъ сеймѣ должны были сосредоточиваться всѣ дѣла внѣшней политики, и въ составъ которой вошли почти исключительно противники короля и его партіи. Въ началѣ марта мѣсяца секретная коммиссія запретила шведскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ принимать отъ короля какія-либо распоряженія, не контрассигнированныя однимъ изъ государственныхъ секретарей, и потребовала отъ него опроверженія слуховъ о предполагаемомъ будто бы союзѣ между Швеціей, Англіей и Даніей **). Всѣ эти неудачи не остановили короля Фридриха. Найдя энергичную поддержку въ своей супругѣ, королевѣ Ульрикѣ-Элеонорѣ и значительное содѣйствіе у гессенъ-кассельскаго посланника, Дитмара, король попытался съ помощью крестьянскаго сословія поставить на сеймѣ на очередь вопросъ о формѣ правленія, но и тутъ встрѣтилъ рѣшительную оппозицію со стороны дворянства и горожанъ. Такую же неудачу потерпѣла и его попытка свести на нѣтъ обсужденіе требованій и предложеній герцога голштинскаго. Задержать до окончанія сейма въ Финляндіи Бассевица не удалось. Въ январѣ послѣдній былъ уже въ Стокгольмѣ и тотчасъ же началъ энергично вести свою агитацію.

*) Рел. М. Бестужева 14 января 1723 г. Послѣдующія событія разсказаны у Соловьева (IV, 734—738) и Malmström'a (I, cap. 7).

**) Рел. М. Бестужева 4 марта 1723 г.

Изъ секретной коммиссіи для предварительнаго обсужденія вопросовъ, была выдѣлена особая «малая секретная депутація», составъ которой съ точки зрѣнія Бассевица не оставлялъ желать ничего лучшаго; въ нее вошли статсъ-секретарь Іосія Цедергельмъ, канцеляріи совѣтникъ Іоганнъ - Генрихъ фонъ-Кохенъ, республиканецъ, расположенный къ герцогу, и, какъ докладчикъ, начинающій свою политическую карьеру молодой графъ Карлъ - Густавъ Тессинъ *). Къ апрѣлю сейму удалось сломить упорство короля и заставить его дать Бассевицу аудіенцію. Послѣдній на аудіенціи, ссылаясь на болѣе раннія обѣщанія короля, сдѣланныя черезъ Дитмара и Кампредона, тотчасъ потребовалъ для своего государя королевскаго титула. Вмѣстѣ съ вопросомъ о признаніи за русскимъ царемъ императорскаго титула этотъ вопросъ былъ переданъ сеймомъ въ секретную коммиссію и тѣмъ самымъ окончательно вырванъ изъ сферы вѣдѣнія придворныхъ круговъ и личныхъ королевскихъ совѣтниковъ. Раздраженный проявленнымъ со стороны короля упорствомъ и обезпокоенный его попытками привлечь на свою сторону крестьянское сословіе, сеймъ въ удовлетвореніи голштинскаго требованія о титулѣ видѣлъ очередное средство поставить преграду гессенъ-кассельской династической политикѣ. Къ 1-му іюня секретная коммиссія выработала постановленіе о признаніи императорскаго титула за царемъ и королевскаго за герцогомъ, и это постановленіе, несмотря на новые протесты короля и еще болѣе рѣшительные со стороны королевы, прошло въ полномъ собраніи сейма. И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ обнаружилась новая попытка короля противопоставить успѣхамъ герцога и шедшей до этого времени за послѣднимъ республиканской партіи свою личную политику. Секретная коммиссія провѣдала о переговорахъ, которые будто бы велъ король чрезъ находившагося на прусской службѣ своего брата Георга съ Пруссіей объ уступкѣ послѣдней шведской Померании за поддержа-

*) Графъ Карлъ-Густавъ Тессинъ, сынъ и внукъ извѣстныхъ шведскихъ художниковъ-архитекторовъ, отличался своимъ научнымъ и художественнымъ образованіемъ. Онъ оставилъ послѣ себя значительную коллекцію рисунковъ. Его мнѣнія по политическимъ вопросамъ также пользовались обыкновенно большимъ авторитетомъ. „Gr. Tessin, devoué à ce prince (hertz. de Holst.) passe pour un homme droit et qui par sa fermetè dans ses avis fait souvent prevaloir ses sentimens“.—Инструкція Бранкасу 6 іюня 1725 г. (Recueil... II, 316).

ніе дѣла кассельской сукцессіи *) Новая опасность, грозящая со стороны короля, заставила теперь и республиканскую, и голштинскую партію нѣсколько иначе отнестись къ предложеніямъ русскаго царя выступить на защиту шведской политической свободы, предложеніямъ, принимаемымъ до этого времени крайне недовѣрчиво. Правильнѣе сказать — пользуясь тревогою республиканской партіи, приверженцы герцога голштинскаго могли теперь болѣе смѣло заговорить о необходимости прибѣгнуть къ иноземной помощи и попытались примѣнить тактическій пріемъ, выходившій за предѣлы той программы, на которой съ ними объединились республиканцы. «Изъ знатныхъ персонъ и кредитный человѣкъ», пишетъ Бестужевъ въ своей реляціи отъ 17 іюня, въ которой нѣсколько выше онъ заявлялъ, что Швеція находится наканунѣ революціи, «здѣсь имѣлъ со мною разговоръ такой, что онъ за благо находитъ ради нынѣшнихъ конъюнктуръ, дабы флотъ В. И. Вел.-ва близко къ шерамъ швецкимъ пришолъ, и чтобъ Е. Выс.-во герцогъ на ономъ флотѣ былъ. Сей поступокъ не малое дѣйствіе учинитъ въ пользу герцогову. Такожде онъ разсуждалъ, что когда герцогъ къ Швеціи приближится, можетъ Е. Выс-во по обыкновенію между государями кавалера отъ себя къ королю и королевѣ съ комплиментомъ отправить и о здоровьѣ ихъ спросить, и ежели королю и королевѣ угодно будетъ, то герцогъ и персонально не оставитъ должность свою учинить. Министръ голштинскій того же мнѣнія, яко же и я по состоянію нынѣ здѣсь дѣлъ за благо обрѣтаю». Это предложеніе, нашедшее, повидимому, и у самого Бестужева сочувствіе, шло какъ нельзя болѣе навстрѣчу видамъ русскаго правительства, помышлявшаго о морской демонстраціи еще задолго до того времени, когда выяснилось положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ.

Еще въ февралѣ 1723 г. адмиралтействъ-коллегіи было предложено озаботиться о ремонтѣ всѣхъ линейныхъ кораблей, которые должны были быть приведены въ исправность къ маю мѣсяцу; тѣмъ же указомъ вице-адмиралу Змаевичу предписывалось приготовить къ тому же сроку 60 лучшихъ галеръ. Къ марту мѣсяцу должны были быть вызваны на службу всѣ находившіеся въ отпуску морскіе чины *). Какъ и рѣшеніе поддерживать

*) Реляція М. Бестужева 17 іюля 1723 г. Еще въ мартѣ т. г. съ прусской стороны была сдѣлана попытка (неувѣнчавшаяся успѣхомъ) добиться отъ Швеціи уступки Поммераніи за денежное вознагражденіе.—Реляція А. Головкина изъ Берлина 19 марта 1723 г.

наслѣдственные права герцога голштинскаго на шведскую корону, настоящій планъ держался, однако, лишь въ запасѣ, и въ теченіе всего мая мѣсяца балтійская эскадра не покидала котлинскаго и ревельскаго рейдовъ. По мѣрѣ того, какъ въ Стокгольмѣ все болѣе и болѣе опредѣлялся вѣроятный исходъ партійной борьбы, русское правительство само выходило за предѣлы тѣхъ условій, какими ему удалось связать Бассевица на конференціи въ ноябрѣ 1722 г. Бестужеву все настойчивѣе и настойчивѣе предписывалось стараться о томъ, чтобы шведскіе государственные чины не ограничились признаніемъ за герцогомъ королевскаго титула и провозгласили бы его единственнымъ наслѣдникомъ шведской короны. Каждая новая попытка короля проводить свою личную политику вызывала и новое предложеніе Петра Великаго поддерживать неприкосновенность шведскаго государственнаго строя не только простымъ подтвержденіемъ соотвѣтствующаго пункта ништадтскаго трактата, но и специальною гарантіею, «которая намъ еще пріятнѣе и угоднѣе будетъ» *). Возвращаясь къ вопросу о союзномъ соглашеніи, царь выражалъ опредѣленное пожеланіе, «чтобы Швеція инде награжденіе получила», и даже обѣщалъ въ этомъ свою помощь, «когда Швеція того пожелаетъ, и время и конъюнктуры допустятъ» **). Послѣднее замѣчаніе, будучи сопоставлено съ упомянутымъ выше заговоромъ Койэ и Павла Юля, получало особое значеніе и какъ бы напередъ лишало будущій союзный договоръ строго-оборонительнаго характера. Тактическіе пріемы русской политики дѣлались все болѣе и болѣе аггрессивными; наступалъ моментъ воспользоваться и морскою демонстраціею. Сообщеніе М. Бестужева о его разговорѣ со знатною персоною должно было прійтись по душѣ петербургскому кабинету. 2 іюля котлинская эскадра, подъ флагомъ генералъ-адмирала на «Гангутѣ», вышла къ Ревелю и соединившись здѣсь съ ревельскою эскадрою въ количествѣ 24 кораблей и 5 фрегатовъ, имѣя 1.730 орудій и 12.500 чел. экипажа, пошла 12 іюля къ Рогервику *). Предложеніе приверженцевъ герцога голштинскаго давало предлогъ подойти къ шведскимъ берегамъ. Рескриптомъ отъ 5 іюля М. Бестужеву сообщалось о выходѣ въ море эскадры и о томъ, что нѣсколько кораблей от-

*) Очеркъ русской морской исторіи. Спб. 1875 г. ч. I стр. 391.

**) Рескр. М. Бестужеву 10 мая 1723 года.

***) Рескр. ему же 27 іюня 1723 года.

****) Очеркъ русской морской исторіи ч. I. стр. 392.

правлены для крейсированія къ Гангуду, и предписывалось «о семъ немедленно доброжелательнымъ сообщить и по прежнему нашему указу отъ нихъ требовать, дабы они прямо объявили, куда и къ какимъ берегамъ швецкимъ съ флотомъ нашимъ приближатся, что мы по желанію ихъ исполнить готовы». Итти къ Швеціи, однако, не пришлось и все предпріятіе закончилось скорѣе, чѣмъ это можно было бы предполагать, судя по его началу.

Донесенія иностранныхъ пословъ изъ Петербурга за іюль 1723 г. въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о томъ повышенномъ настроеніи, какое господствовало въ эти дни въ новой столицѣ. Всѣ очередныя дѣла остановились. Идутъ спѣшныя приготовленія къ чему-то, повидимому, очень серьезному. Флотъ вышелъ въ море. На немъ самъ царь, взявшій съ собою на этотъ разъ Остермана. Изъ Берлина вызванъ Ал. Головкинъ, изъ Копенгагена пріѣхалъ Алексѣй Бестужевъ; оба они—также въ свитѣ царя. Почти всѣ войска, расквартированныя въ Эстляндіи и Лифляндіи, посажены на суда; въ Нарвѣ остался одинъ только полкъ. Дивизія Рѣпнина двигается къ Ревелю. Очевидно, что-то замышляется—можетъ быть, противъ Швеціи, можетъ быть, противъ Даніи, а можетъ быть, имѣется въ виду и новое вторженіе въ Германію для защиты интересовъ герцога мекленбургскаго. Исходъ новаго предпріятія, во всякомъ случаѣ, долженъ такъ или иначе отразиться на многихъ очередныхъ вопросахъ. Одновременно съ этимъ при дворѣ наблюдается много любопытнаго. Кредитъ герцога голштинскаго возростаетъ, и его шансы на бракъ съ одною изъ царскихъ дочерей, до этого времени крайне незначительные, увеличиваются. Протекція царицы возымѣла свою силу, и герцогъ послѣднее время имѣетъ возможность чаще видѣться съ принцессами. А тѣмъ временемъ Бассевицъ шлетъ радостныя извѣстія о растущей и крѣпнущей въ шведскомъ обществѣ симпатіи къ герцогу, единственному законному претенденту на шведскую корону. Затѣянное предпріятіе—въ значительной степени дѣло рукъ голштинской дипломатіи *). Къ августу мѣсяцу тѣ же донесенія рисуютъ намъ уже совершенно иную картину. Въ Ревелѣ царь совершенно неожиданно оставилъ флотъ, а на немъ герцога и своихъ министровъ и вернулся Петербургъ въ крайне дурномъ расположеніи духа. Онъ недоволенъ герцогомъ и по возвращеніи домой

*) Реляц. Г. Мардефельда 2, 5 и 15 іюля 1723 г.; реляц. Кампредона 5 іюля 1723 г. (Сб. XLIX).

хорошо проучилъ свою супругу («s'est bien chamaillé avec son epouse»). Выходъ флота въ море стараются объяснить желаніемъ царя произвести морскіе маневры, которые, вѣроятно, и будутъ имѣть мѣсто около Бьёрке, а чтобъ загладить непріятное впечатлѣніе, въ Петергофѣ предполагаютъ празднества, на которыя приглашены и представители иностранныхъ державъ. Голштинская игра проиграна; дѣла вошли въ свою обычную колею *).

Подобное освѣщеніе событій въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя и страдаетъ нѣкоторою односторонностью. Мы не знаемъ опредѣленно, кто былъ та «знатная персона и кредитный человѣкъ», на мнѣніи котораго основывался М. Бестужевъ въ своей реляціи отъ 17 іюня. Съ значительною долею достовѣрности въ этой «персонѣ» можно предполагать гр. Веллинга, развившаго уже незадолго до этого планъ «остентаціи русскаго оружія, когда рѣчь заходила о Шлезвигѣ, рѣшительнѣе другихъ заявлявшаго себя противникомъ короля и пользовавшагося въ это время особымъ вниманіемъ русскаго правительства **). Какъ бы то ни было, отношеніе къ приведенному теперь въ исполненіе плану морской демонстраціи должно было быть далеко неодинаково у отдѣльныхъ противниковъ королевской политики въ Швеціи, да и тѣ надежды, которыя возлагались на успѣшный

---

*) Рел. Кампредона 13 авг. 1723 г. (ibid.); реляц. Вестфалена 18 (29) сент. 1723 г.

**) О гр. Веллингѣ и отношеніи къ нему русскаго правительства см выше стр. 125. Въ 1723 г. послѣднее, по прежнему, старалось удержать гр. Веллинга на своей сторонѣ и сообщало ему, частнымъ образомъ, многое такое, о чемъ не рѣшалось прямо говорить со шведскимъ сенатомъ и сеймомъ, какъ напримѣръ, о своей готовности содѣйствовать Швеціи въ полученіи „инде награжденія". Съ другой стороны, и М. Бестужевъ узнавалъ отъ гр. Веллинга многія интересныя свѣдѣнія. Послѣдній велъ въ это время переписку и съ самимъ герцогомъ голштинскимъ (Дѣла Голштинскія). Въ февралѣ 1723 г. гр. Веллингъ набросалъ „Pensées sur les moyens de faire retablir Sa Serenité de Holstein dans son souverain Duche de Sleswic par la seule ostentation du Czaar." Подчеркивая, насколько для ганноверскаго правительства было бы нежелательно появленіе въ нижнесаксонскомъ округѣ русскихъ войскъ, которыя научили уже себя уважать („se sont rendues respectables"), онъ совѣтуетъ русскому правительству поставить передъ кабинетами Вѣны, Парижа, Берлина и Лондона диллему: „ou de s'unir pour obliger le roi de Danemark à une prompte restitution du duchée de Sleswic cum omni causa suivant les traités d'Altona es de Travendahl ou de ne pas trouver mauvais, que le czaar l'y contreignit

исходъ этого предпріятія сторонниками герцога голштинскаго, и прежде всего самимъ Бассевицемъ, шли гораздо дальше тѣхъ разсчетовъ, какими руководилось въ данномъ случаѣ русское правительство. Для Петра Великаго это было новое выраженіе готовности поддержать statum quo шведскаго государственнаго строя, приближавшее его къ осуществленію завѣтной мечты о союзѣ съ Швеціей; для Бассевица—первый шагъ къ такому coup d'etat, попытка привести въ исполненіе которое должна была въ глазахъ шведскаго народа и сильно уронить престижъ герцога, и дискредитировать дружественныя увѣренія Россіи.

Уже въ половинѣ іюля М. Бестужевъ различалъ среди приверженцевъ герцога двѣ фракціи, изъ которыхъ одна въ своей программѣ не шла дальше согласія на титулъ и была противъ провозглашенія герцога наслѣдникомъ престола *). Голштинская партія была, очевидно, до поры до времени сильна только своею коалиціей съ республиканцами, объединившимися съ нею для отпора королевской политикѣ; въ самой секретной коммиссіи, ставшей главнымъ опорнымъ пунктомъ для голштинской дипломатіи, большинство составляли точно также не принципіальные сторонники герцога, но его временные союзники, отстаивавшіе прежде всего неприкосновенность существующаго режима **). По мнѣнію нѣкоторыхъ, быть можетъ, нѣсколько одностороннему, выходъ въ море русскаго флота вдесятеро уменьшилъ въ Швеціи число приверженцевъ герцога ***). Когда же король рѣшился пойти на уступку и согласился признать постановленія сейма о титулѣ, даже наиболѣе крайніе изъ приверженцевъ герцога, какъ Веллингъ и Цедергельмъ, не нашли возможнымъ продолжать прежнюю тактику и не надѣясь добиться въ теченіе настоящей сессіи сейма признанія наслѣдственныхъ правъ герцога призна-

---

en vertu de sa garantie par la force de ses armes Sa dite M-té, ne souhaittant pas mieux que de s'in pouvoir dispencer et de n'etre à charge à qui que ce soit, ce qui seroit cependant inevitable, si Elle se voyait obligée de recourir malgrée Elle à des voyes de fait". (См. Приложеніе VII). Можно думать, что, говоря въ маѣ мѣсяцѣ объ одной персонѣ, которая находила возможнымъ получить удовлетвореніе зундской претензіи „черезъ одну остентацію оружія», М. Бестужевъ имѣлъ въ виду того же гр. Веллинга (его реляц. 13 мая 1723 г.).

*) По реляц. 14-го іюня 1723 г.

**) Malmström I, 366.

***) Лефортъ Флеммингу 8-го окт. 1723 г.

вали излишнимъ какія-либо рѣшительныя мѣропріятія со стороны Россіи. Это не исключало, впрочемъ, по ихъ мнѣнію, желательности тотчасъ же вступить съ нею въ болѣе тѣсныя обязательства. 5-го іюля Бестужевъ сообщилъ объ этомъ своему правительству, и уже 5-го августа котлинская эскадра, не заходя въ Ревель, вернулась на кронштадтскій рейдъ *). Съ точки зрѣнія интересовъ герцога голштинскаго, примѣненное средство оказалось, такимъ образомъ, рискованнымъ и не принесло ожидаемыхъ результатовъ. Неудача постигшая замыслы Бассевица не отразилась, однако, на разрѣшеніи тѣхъ задачъ, которыя намѣчала себѣ въ Швеціи русская политика, и даже не заставила ее измѣнить избранный образъ дѣйствія.

Подчеркивая, съ своей стороны, что имъ было исполнено все, что отъ него потребовали, русское правительство въ рескриптѣ М. Бестужеву отъ 27-го іюля выразило ex officio сожалѣніе, что «доброжелательные такъ скоро себя во мнѣніяхъ своихъ отмѣнили», и что не удалось «не токмо совершенный покой и тишину внутри государства возстановить, всѣмъ интригамъ дорогу вовсе отсѣчь, но и къ благополучію королевства шведскаго вѣчную дружбу между обоими государствами и народами утвердить». Тутъ же намѣчались, однако, и желательныя основанія будущаго союза, въ частности нѣсколько отличныя теперь, сообразно измѣнившимся условіямъ, отъ тѣхъ, которыя были указаны въ болѣе раннихъ инструкціяхъ М. Бестужеву. Россія обѣщала «гарантировать не только вольность и нынѣшнюю форму правительства въ Швеціи, но и все то, что чины государственные еще вяще для содержанія своихъ прерогативъ и вольностей иногда постановятъ». Взамѣнъ за это отъ Швеціи, по прежнему, требовалось въ той или другой формѣ обнадеживаніе въ томъ, что «кромѣ герцога, когда случай состоится, иного никого въ короли не выберутъ». Примиряясь съ тѣмъ, что наслѣдственное право герцога не можетъ быть открыто провозглашено на текущеей сессіи сейма, русское правительство выражало пожеланіе, чтобъ въ заключаемый союзъ все-таки былъ внесенъ соотвѣтствующій пунктъ, и въ виду этого принципіально соглашалось на бракъ герцога съ одною изъ дочерей царя, разъ это послѣднее условіе, по мнѣнію сейма, могло облегчить признаніе герцога «сукцессоромъ» *).

*) Очеркъ морской исторіи ч. I, стр. 392.

**) См. Приложеніе VI.

Получивъ настоящій рескриптъ, М. Бестужевъ предполагалъ немедленно вступить въ переговоры о союзѣ, но «доброжелательные», какъ онъ называетъ обыкновенно сторонниковъ Россіи и герцога голштинскаго, совѣтовали ему повременить съ формальнымъ предложеніемъ до тѣхъ поръ, пока въ секретной коммиссіи не будетъ принятъ общій планъ, опредѣляющій руководящія начала шведской политики, который вырабатывался въ это время Цедергельмомъ *). Только къ 26-му августа Бестужевъ подалъ въ сенатъ формальное предложеніе о союзѣ, которое, будучи принято и одобрено королемъ, было препровождено въ секретную коммиссію **). Прежде чѣмъ начались оффиціальные переговоры, частныя совѣщанія между Бестужевымъ и «доброжелательными» зашли, однако, уже гораздо дальше общихъ пожеланій. Къ началу сентября въ Петербургъ прибылъ изъ Швеціи гр. Бонде и привезъ съ собою готовый проектъ союза, выработанный при содѣйствіи Бестужева «доброжелательными» —прежде всего Цедергельмомъ и Гёпкенымъ. «Доброжелательные» хотѣли, чтобы этотъ проектъ былъ представленъ какъ-бы отъ имени русскаго правительства. Послѣднее выразило на это согласіе и отослало проектъ назадъ къ Бестужеву, внеся, однако, въ него довольно существенныя поправки и значительныя дополненія ***). Получивъ этотъ проектъ, М. Бестужевъ 30-го сентября подалъ промеморію о назначеніи особой коммиссіи для веденія переговоровъ, въ которую и вошли: президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ гр. Горнъ, государственные совѣтники Цедергельмъ и Гилленборгъ, статсъ-секретарь Гёпкенъ и гофканцлеръ Дибенъ. Участіе въ подобной коммиссіи самого президента коллегіи иностранныхъ дѣлъ не соотвѣтствовало обычнымъ пріемамъ шведскаго государственнаго дѣлопроизводства и объяснялось въ данномъ случаѣ личнымъ желаніемъ самого гр. Горна *). «Республиканецъ», склонявшійся

---

*) Реляц. М. Бестужева 8-го авг. 1723 г.

**) Реляц. 26-го авг. 1723 г.

***) Рескр. М. Бестужеву 9-го сент. 1723 г.; при немъ—проектъ Бонде и отвѣтный русскій контръ-проектъ. Реляц. 26-го авг. Роль Цедергельма и Гёпкена при заключеніи настоящаго союза была, повидимому, очень значительна. Не ограничиваясь переговорами съ Бестужевымъ, они вели за это время и переписку съ самимъ Остерманомъ, главнымъ образомъ, по вопросу о голштинскихъ притязаніяхъ и о примиреніи Россіи съ Англіей, о чемъ придется еще говорить ниже. Ихъ письма—въ Дѣлахъ Шведскихъ 1723 г. № 19.

****) Реляц. М. Бестужева, 30-го сент. 1723 г.

на сторону сближенія съ Россіей, но осторожно относившійся къ голштинскимъ притязаніямъ, гр. Горнъ видимо озаботился взять въ свои руки веденіе предварительныхъ переговоровъ въ виду довольно односторонняго состава коммиссіи. 2-го октября начались засѣданія коммиссіи и продолжались вплоть до середины февраля 1724 г. Гр. Горнъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Представители голштинской партіи за все это время помимо засѣданій коммиссіи, имѣли частные переговоры съ Бестужевымъ, главнымъ образомъ, по голштинскому вопросу; съ другой стороны, ими были внесены и проведены нѣкоторыя предложенія, не вполнѣ соотвѣтствовавшія видамъ русскаго правительства и принятыя послѣднимъ довольно неохотно *). Къ концу ноября Бестужеву былъ врученъ со шведской стороны окончательный контръ-проектъ договора, значительно отличавшійся отъ обѣихъ предшествующихъ редакцій, съ заявленіемъ, что Швеція не можетъ согласиться ни на какія дальнѣйшія уступки и измѣненія **). Кое-какія поправки по существу русскому правительству удалось, однако, внести и въ этотъ новый контръ-проектъ; съ такими поправками онъ и былъ отосланъ къ Бестужеву при рескриптѣ 23-го декабря. Еще въ октябрѣ, передъ закрытіемъ сессіи, сеймъ уполномочилъ сенатъ на заключеніе съ Россіей договора, что и послѣдовало 11-го (22) февраля 1724 года ***). На окончательной редакціи этого договора отразились, такимъ образомъ, наряду съ оффиціальными переговорами Бестужева со шведскими уполномоченными, его частныя совѣщанія съ представителями голштинской партіи, въ чемъ принималъ порою участіе и гр. Бассевицъ. Въ теченіе всѣхъ этихъ переговоровъ русское правительство явно стремилось пойти дальше Швеціи въ пониманіи какъ ближайшихъ задачъ будущаго союза, такъ и сферы и характера его примѣненія.

---

*) Протоколы конференцій М. Бестужева со шведскими уполномоченными — при его реляціяхъ за вторую половину 1723 г. въ Дѣлахъ Шведскихъ 1723 г. № 6.

**) Реляц. 25-го ноября 1723 г.

***) Рескр. отъ того же числа. Съ русской стороны этотъ договоръ былъ ратификованъ 25-го апрѣля, со шведской—18-го мая (Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... IV, 224). Текстъ договора (безъ секретныхъ пунктовъ и не вполнѣ исправный—цифру вспомогательныхъ войскъ обѣщанныхъ со стороны Россіи, слѣдуетъ читать 12.000, вмѣсто 20.000)—въ П. С. З. № 4465. Содержаніе договора (правильное) и почти дословный текстъ секретныхъ пунктовъ—у Соловьева IV, 737—38.

Союзное соглашеніе со Швеціей, какъ мы уже знаемъ, входило въ программу русскаго правительства прежде всего въ виду цѣлаго ряда тѣхъ задачъ, которыя оно ставило себѣ послѣ Ништадтскаго мира на Балтійскомъ морѣ, которыя объединялись въ вопросѣ о зундской пошлинѣ, и средствомъ для разрѣшенія которыхъ въ значительной степени должно было послужить поддержаніе неудовлетворенныхъ претензій герцога голштинскаго. Съ другой стороны, добиваясь союза со Швеціей, Россія имѣла въ виду не только тѣ задачи, какія преслѣдовались имъ на Балтійской морѣ, но и то положеніе, какое создавалось для него въ это времявъ Польшѣ и Турціи.

Послѣ заключенія русско-шведскаго союзнаго договора частное недоразумѣніе между Россіей и Даніей, зундскій вопросъ легче могъ быть введенъ въ общую сѣть дипломатическихъ переговоровъ; одновременно съ этимъ получалъ болѣе широкую постановку и вопросъ о голштинскихъ претензіяхъ. Первая опредѣленная попытка дать такую постановку этому послѣднему вопросу со стороны русскаго правительства и была сдѣлана во время переговоровъ со Швеціей объ условіяхъ будущаго союза. Наряду съ вопросомъ о наслѣдственныхъ правахъ герцога на шведскую корону былъ выдвинутъ теперь вопросъ и о его суверенныхъ правахъ на занятый Даніею Шлезвигъ. По прежнему, однако, съ точки зрѣнія русскаго правительства, во главу угла должно было быть поставлено первое изъ этихъ требованій, и лишь за его удовлетвореніемъ предполагалось выработать болѣе опредѣленное соглашеніе по шлезвигскому вопросу *).

Еще до начала оффиціальныхъ переговоровъ Бестужевымъ были предложены Цедергельму и Гёпкену для внесенія въ проектъ будущаго договора готовыя редакціи двухъ секретныхъ пунктовъ. Первый изъ этихъ пунктовъ касался Шлезвига и былъ составленъ въ выраженіяхъ, опредѣленно говорившихъ о Даніи; второй заключалъ въ себѣ предложеніе новой гарантіи съ русской стороны шведскаго государственнаго устройства, для вящщаго упро-

---

*) Срав. „Eclaircissemens"... 357: „Le prudent Empereur... voulait avant tout assurer le trone de Suéde à son gendre futur et reservait Slesvic ou comme une acquisition facile, lorsqu'il y serait affermi ou comme une heureuse resource, pour obliger de Dannemark de concourir à l'y faire monter en faveur d'une cession de son patrimonie".

ченія котораго рекомендовалось признать наслѣдственныя права герцога на шведскую корону *). «Доброжелательные», какъ было сказано, къ этому времени не питали уже никакой надежды на признаніе за герцогомъ его наслѣдственныхъ правъ, и въ проектъ, привезенный въ С.-Петербургъ гр. Бонде, былъ внесенъ только первый изъ предложенныхъ Бестужевымъ пунктовъ. Попытка самого русскаго правительства пополнить проектъ не внесеннымъ пунктомъ, хотя и нашла нѣкоторое сочувствіе въ коммиссіи для переговоровъ о союзѣ, отославшей свое заключеніе по этому вопросу въ секретную сеймовую коммиссію, въ конечномъ результатѣ успѣха, опять-таки, не имѣла, и въ сообщенныхъ Бестужеву 23 ноября послѣднихъ условіяхъ, на которыя соглашалась Швеція, пунктъ о голштинскомъ наслѣдованіи не нашелъ себѣ мѣста **). Пунктъ о Шлезвигѣ точно также былъ подвергнутъ русскимъ правительствомъ нѣкоторому измѣненію. Смягчивъ нѣсколько тѣ выраженія, которыя могли черезъчуръ задѣвать Данію, «дабы прежде времени не такъ явно съ обѣихъ сторонъ себя объявить и тѣмъ только сіе дѣло труднѣе учинить», русское правительство предложило замѣнить взаимное обѣщаніе содѣйствовать мирнымъ путемъ удовлетворенію шлезвигскихъ притязаній герцога обязательствомъ «черезъ добрыя официи такъ при дацкомъ дворѣ, какъ и при иныхъ дворахъ сіе дѣло общимъ совѣтомъ сильнѣйшимъ образомъ производить», и условіемъ войти, въ крайнемъ случаѣ, между собою въ ближайшее формальное соглашеніе «для исходатайствованія Его Кор. Выс-ву въ семъ дѣлѣ соотвѣтственной сатисфакціи». Со шведской стороны въ это предложеніе была внесена только поправка, придававшая послѣднему соглашенію характеръ соглашенія договаривающихся сторонъ «не только между собою, но и съ другими державами, а особливо съ римскимъ цесаремъ», что не встрѣтило въ Петербургѣ, повидимому, никакого препятствія ***).

---

*) Реляція Бестужева 26 августа 1723 г.

**) Реляція Бестужева 25 ноября 1723 г.

***) Отдѣльные проекты договора, приложенные къ рескриптамъ М. Бестужеву 9 сент. и 23 дек. и къ его реляціи 25 ноября 1723 г. Русское правительство соглашалось даже вовсе не вносить пункта о Шлезвигѣ, „дабы прежде времени не подать поводъ и причину другимъ противъ того свои мѣры предвоспріять и въ лучшее состояніе себя привести намъ къ тому дѣлу противиться". Въ послѣднемъ случаѣ, однако, оно опять-таки предлагало „потомъ оное дѣло концертовать и между собою тайно и подъ

Въ такой редакціи это условіе и вошло въ текстъ договора въ видѣ секретнаго пункта.

Во взглядѣ на отношеніе будущаго союза къ польскому и турецкому вопросамъ шведское правительство и сама благорасположенная къ Россіи голштинская партія точно также разошлись съ петербургскимъ кабинетомъ.

Русско-турецкіе переговоры по поводу новыхъ завоеваній Россіи на берегахъ Каспійскаго моря скоро приняли, какъ извѣстно, крайне натянутый характеръ и къ январю 1724 г. грозили уже привести къ открытому дипломатическому разрыву. Въ то же время въ Польшѣ Сергѣю Долгорукому приходилось выдерживать упорную борьбу съ притязаніями саксонскаго правительства. Всѣ эти затрудненія не ускользали отъ вниманія главныхъ соперниковъ Россіи въ Европѣ. Стараясь противостать новымъ русскимъ замысламъ на Балтійскомъ морѣ, лондонскій кабинетъ не прочь былъ поглубже втянуть Россію въ ея разногласіе съ Турціей и ободрялъ послѣднюю въ ея упорствѣ, усиленно твердя о новомъ подготовлявшемся союзномъ договорѣ между Англіей и Даніей. Та готовность, съ какою душа саксонской дипломатіи, гр. Флеммингъ отзывался на всѣ попытки лондонскаго и вѣнскаго кабинетовъ создать новую европейскую лигу въ отпоръ могуществу царя, въ значительной степени объяснялась его желаніемъ воспользоваться подобною лигою въ интересахъ саксонской политики въ Польшѣ.

Еще до начала оффиціальныхъ переговоровъ Бестужеву въ Стокгольмѣ давали понять, что будущій союзъ долженъ касаться только отношеній Россіи къ европейскимъ державамъ *), и уже въ проектѣ, привезенномъ гр. Бонде, casus belli былъ обусловленъ нападеніемъ «отъ одного европейскаго потентата». Слова эти были вычеркнуты въ русскомъ отвѣтномъ проектѣ, причемъ пояснялось, что въ случаѣ нападенія на прикаспійскія владѣнія Россіи со стороны Турціи помощи противъ послѣдней отъ Швеціи не потребуютъ, но что такая помощь желательна въ случаѣ нападенія

рукою обстоятельныя мѣры взять". (Рескр. Бестужеву 18 окт. 1723 г.). Съ другой стороны, по тѣмъ же соображеніямъ русское правительство не соглашалось и на прямое включеніе въ союзъ герцога, чего добивался Бассевицъ, находя, что подобное включеніе „не только не потребно, но и весьма герцоговымъ собственнымъ интересамъ вредительно" (Рескр. Бестужеву 27 дек. 1723 г. и его реляція 27 янв. 1724 г.).

*) Реляц. 12 авг. 1723 г.

на Украйну со шведской стороны. На это послѣднее согласія точно такъ же не послѣдовало, и въ окончательной редакціи для большей точности casus belli обусловливался уже «нападеніемъ христіанскихъ европейскихъ державъ». Изъ протокола конференціи 13 ноября мы узнаемъ, что эта послѣдняя поправка была предложена никѣмъ инымъ, какъ Цедергельмомъ. Разойдясь по вопросу объ отношеніи будущаго союза къ Турціи, русское правительство, правда, встрѣтило въ Швеціи бо́льшую готовность итти рука объ руку въ противодѣйствіи саксонской политикѣ въ Польшѣ, но должно было за то считаться при этомъ съ традиціонными шведскими симпатіями къ Станиславу Лещинскому. Попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы со шведской стороны точно такъ же еще до начала оффиціальныхъ переговоровъ. Уже въ своемъ письмѣ отъ 10 іюля къ Остерману Цедергельмъ зондировалъ по этому поводу почву *). Русское правительство отнеслось на первыхъ порахъ къ этимъ попыткамъ сдержанно, не давало сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта, и по началу переговоровъ можно было думать, что польскій вопросъ вовсе не будетъ затронутъ въ будущемъ трактатѣ. Въ проектъ гр. Бонде пунктъ о Польшѣ внесенъ не былъ. Только послѣ того, какъ сенатъ получилъ отъ сейма полномочіе на заключеніе союза съ Россіей, до Бестужева начали доходить слухи, что Швеція предполагаетъ добиться отъ Россіи обѣщанія поддерживать претензіи Станислава Лещинскаго **). Соотвѣтствующій пунктъ, дѣйствительно, былъ внесенъ во второй шведскій проектъ, врученный Бестужеву на конференціи 23 ноября. Основываясь на томъ, что Станиславъ Лещинскій никогда не признавался Россіей за короля, русское правительство воспротивилось внесенія подобнаго пункта въ текстъ договора; взамѣнъ этого царь обѣщалъ, однако, выступивъ посредникомъ въ будущемъ примиреніи Швеціи и Польши, добиваться, чтобы Саниславу Лещинскому были возвращены его имѣнія и назначено соотвѣтствующее вознагражденіе, и готовъ былъ дать письменную декларацію, составленную въ терминахъ предложеннаго пункта ***). Воспользовавшись тѣмъ, что въ переговоры о союзѣ Швеціей былъ введенъ вопросъ объ отношеніяхъ къ Польшѣ, русское прави-

---

*) Дѣла Шведскія 1723 г. № 19.

**) Рескр. Бестужеву 15 ноября 1723 г.

***) Рескр. Бестужеву 23 дек. 1723 г. и приложенной къ нему второй русской проектъ.

тельство, возвращая второй шведскій проектъ, который въ Стокгольмѣ склонны были разсматривать, какъ окончательный, съ своей стороны поручило Бестужеву предложить согласиться, въ виду династическихъ происковъ саксонскаго двора, о сохраненіи Рѣчи Посполитой при ея древнихъ правахъ, конституціяхъ и вольной элекціи *). Въ Швеціи это предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено сочувственно, и Бестужевъ внесъ въ текстъ договора соотвѣтствующій секретный пунктъ безъ прямого, однако, упоминанія о саксонскомъ наслѣдномъ принцѣ, на что не соглашалось шведское правительство, не желая подавать тѣмъ самымъ какой либо поводъ къ неудовольствію германскому императору **).

Заключенный союзъ оправдалъ, такимъ образомъ, лишь отчасти тѣ прямые разсчеты, какіе возлагали на него въ Петербургѣ. Его принципіальное значеніе было, тѣмъ не менѣе, очень велико. Заключая союзъ со Швеціей, Россія одерживала крупную дипломатическую побѣду надъ англійскимъ вліяніемъ въ Стокгольмѣ, побѣду, создававшую внушительный противовѣсъ тому положенію, какое удалось занять Англіи въ Копенгагенѣ. Русская политика на Балтійскомъ морѣ и отношенія къ Россіи самой Англіи вступали съ этого момента въ новый фазисъ развитія. Лишній поводъ къ тревогѣ, новый союзъ заставлялъ Англію съ новою силою хлопотать о возстановленіи съ Россіей правильныхъ дипломатическихъ сношеній. Еще во время предварительныхъ переговоровъ о союзѣ, шведское правительство, слѣдуя, очевидно, въ данномъ случаѣ настояніямъ изъ Лондона, зондировало почву о примиреніи царя съ королемъ Георгомъ, о чемъ не разъ уже заводили рѣчь Франція и Пруссія, и было даже не прочь отъ прямого включенія Англіи въ будущій русско-шведскій союзъ. Представители голштинской партіи, съ другой стороны, желая придать притязаніямъ герцога на Шлезвигъ значеніе прежде всего имперскаго вопроса, особенно настаивали на болѣе тѣсномъ соглашеніи между Россіей и германскимъ императоромъ *). Русское правительство охотно шло навстрѣчу всѣмъ этимъ предложеніямъ. Отдѣляя вопросъ о примиреніи съ Англіей отъ вопроса о союзѣ, оно выражало полную готовность, по заключеніи послѣдняго, начать новые самостоятельные переговоры, избравъ

*) Рескр. Бестужеву 23 дек. 1723 г.
**) Реляц. Бестужева 20 марта 1724 года.

для этого путь шведскаго посредничества. Ничего не имѣли въ Петербургѣ и противъ того, чтобы къ союзу, послѣ его заключенія, примкнули какъ король Георгъ, гарантировавшій Даніи владѣніе Шлезвигомъ, такъ и императоръ германскій, признавшій по Травендальскому миру суверенныя права на названную область за герцогомъ голштинскимъ *). Черезъ голштинскія притензіи на Шлезвигъ вопросы, составлявшіе содержаніе балтійской политики Россіи, начинали входить, такимъ образомъ, постепенно въ кругъ ея общеевропейскихъ отношеній. Продолжавшіеся одновременно съ этимъ переговоры съ Даніей о зундской пошлинѣ, не приведя къ исходу 1723 г. къ какому либо прочному соглашенію, точно также обнаруживали съ полною ясностью намѣреніе рус-

*) Реляц. М. Бестужева 2 сент., 11 ноября и 16 дек. 1723 г.—За прямое включеніе въ союзъ короля Георга стоялъ, какъ видно, изъ реляц. 2 сент., главнымъ образомъ, гр. Горнъ; противился этому больше другихъ гр. Веллингъ. Гёпкенъ и Цедергельмъ настаивали только на примиреніи Англіи съ Даніей. Къ мнѣнію Цедергельма и Гёпкена склонялся и самъ Бестужевъ, отдѣляя отъ вопроса о примиреніи вопросъ о союзѣ и находя, поэтому, необходимымъ спѣшить со вторымъ. „Die zumachende Deffensive-Alliance betrefend, habe mich schon geaussert, und ist mit dem Ciment der Grund so wohl zur ewigwehenden und unzertrennlichen Freundschaft geleget, dass mit Gottes Hülffe die Pforte der Höllen nicht überwaltigen und stöhren sollen. Allein möchte gerne vernehmen, wie ichs schon dem H. Bestuchef zu unterschiedene Mahlen zu verstehen gegeben, ob nicht zur Abwendung der Contra-Messuren und vielerley Ombrage Ew. Excell. nöthig erachten möchten, dass man zugleich die Officien zur Reconciliation mit dem König von Engelland anwendete, auch das gute Verstandniss mit dem Röm. Kaiser herzustellen suchte, auf dass dieser keine üble opinion fassen und durch allerley Insinuationes abwendig und dann in den gemeinsamen Avantageusen Absichten hinderlich gemacht werden möchte. Man konte zwar gleich etwas darinnen thun umb das Böse zu verhüten, mit Nachdruck aber kan man nichts unterfangen, bis man von der wahren Meinung abseiten S. Rus. Kaisr. Mt. unterrichtet worden“. (Цедергельмъ Остерману 8 авг. 1723 г.—Дѣла шведскія 1723 г. № 19). „Ваше Имп. Вел—во могу нынѣ обнадежить, что примиреніе между В. И. Вел—вомъ и королемъ аглинскимъ не мало сего союза не остановитъ, но будетъ теченіе свое имѣть. Однако жъ весьма потребно есть, дабы какъ скоро возможно оной союзъ къ заключенію привесть, дабы аглинскіе и противной партіи интриги какого помѣшательства не учинили. Того ради В. И. Вел-во да повелитъ всемилостивѣйше послѣднюю резолюцію мнѣ учинить такую, чтобы болѣе не отписываясь начатое дѣло ко окончанію привести. (Реляц. 18 ноября 1723 г.). См. также рескрипты М. Бестужеву 27 сент. и 25 октября 1723 г.

скаго правительства взять въ свои руки эти притязанія и не выпускать ихъ, не использовавъ вполнѣ въ своихъ собственныхъ цѣляхъ.

Русско-датскія отношенія за 1723 годъ сводились, главнымъ образомъ, къ шедшимъ помимо «нѣмецкой канцеляріи» сепаратнымъ переговорамъ самого датскаго короля съ Алексѣемъ Бестужевымъ. По существу своему эти переговоры не знаменовали собою начала какого либо новаго курса въ датской политикѣ, но были простою попыткою подойти инымъ путемъ къ прежней цѣли и вызывались тѣмъ тревожнымъ состояніемъ, какое переживала въ эти дни Данія, и тѣмъ недовѣріемъ, какое король Фридрихъ IV питалъ къ своимъ оффиціальнымъ совѣтникамъ «ревентловскаго кружка» и близкому къ этимъ послѣднимъ графу Ботмару. Попытка не увѣнчалась успѣхомъ, и начавшіеся въ не совсѣмъ обычной формѣ, эти переговоры скоро свелись къ прежнимъ предложеніямъ о союзномъ и торговомъ трактатѣ, исходившимъ уже оффиціально отъ «нѣмецкой канцеляріи». Отношеніе ко всѣмъ этимъ предложеніямъ русскаго правительства опредѣлялось въ каждый отдѣльный моментъ ходомъ его собственныхъ переговоровъ о союзѣ со Швеціей.

Встревоженный дѣйствіями русско-голштинской дипломатіи въ Стокгольмѣ и слухами о какихъ-то новыхъ замыслахъ царя, быть можетъ, не безопасныхъ для Даніи, Фридрихъ IV, не разсчитывая вполнѣ на прочность предполагаемаго союзнаго соглашенія съ Англіей и Швеціей, сдѣлалъ въ мартѣ 1723 г. послѣднюю попытку добиться отъ Петра Великаго путемъ непосредственнаго соглашенія всѣхъ тѣхъ гарантій, ради которыхъ прежде всего нуженъ былъ для Даніи союзъ съ королемъ Георгомъ. Посредникомъ между королемъ и Алексѣемъ Бестужевымъ и, быть можетъ, даже фактическимъ иниціаторомъ новыхъ переговоровъ явился, какъ извѣстно, морской и военный министръ Габель, не входившій въ составъ королевскаго совѣта, независимо отъ послѣдняго вѣдавшій все дѣло государственной обороны и спѣшно работавшій въ данное время надъ приведеніемъ въ

---

*) Свѣдѣнія о переговорахъ короля Фридриха IV съ А. Бестужевымъ при посредствѣ Габеля впервые были обнародованы Соловьевымъ (IV 730—772).—Изложеніе Соловьева страдаетъ, однако, въ данномъ случаѣ излишнею суммарностью и не передаетъ всѣхъ перипетій переговоровъ такъ сжато, отчетливо и рельефно, какъ вообще это присуще нашему великому историку.

боевую готовность всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ государства *). На тайной аудіенціи 10-го марта 1723 г., устроенной Габелемъ безъ вѣдома королевскаго совѣта и графа Ботмара, король повѣдалъ Бестужеву о стараніяхъ Англіи и Швеціи склонить Данію къ оборонительному съ нимъ союзу и о своемъ искреннемъ желаніи поддержать старыя добрыя отношенія съ Россіей; за русскую гарантію Шлезвига и формальный отказъ отъ своихъ правъ на эту область со стороны *самого герцога голштинскаго* король обѣщалъ оказать негласно активную поддержку царю, на случай, если бы тотъ предпринялъ что либо въ пользу герцога или англійскаго претендента, признавалъ за Петромъ императорскій титулъ и даже непрочь былъ согласиться за извѣстный эквивалентъ на безпошлинный проходъ русскихъ торговыхъ судовъ черезъ Зундъ **).

По существу своему, эти предложенія, очевидно, не заключали въ себѣ чего либо особенно новаго и соблазнительнаго для русскаго правительства. Въ то время какъ для послѣдняго зундскій вопросъ по прежнему оставался основнымъ вопросомъ въ его отношеніяхъ къ Даніи, новыя датскія предложенія отодвигали этотъ вопросъ на второй планъ, обѣщали лишь частичное удовлетвореніе соотвѣтствующихъ русскихъ требованій и переносили центръ тяжести на вопросъ о Шлезвигѣ и герцогѣ голштинскомъ, стараясь вырвать изъ рукъ русскаго правительства оружіе ранѣе, чѣмъ оно было еще пущено въ дѣло. Самъ Габель, независимо относившійся къ политической программѣ королевскаго совѣта, въ этомъ вопросѣ вполнѣ сходился съ своими противниками, да врядъ ли бы пошелъ и на какія либо значительныя уступки въ вопросѣ о зундской пошлинѣ. Кореннымъ пунктомъ различія во взглядахъ Габеля и «ревентловскаго кружка» оставался вопросъ объ отношеніи Даніи къ Англіи и королю Георгу и о вліяніи на датскую политику гр. Ботмара. Новыя предложенія датскаго короля лишь постольку вносили что-либо новое въ русско-датскія отношенія, поскольку на нихъ лежалъ антианглійскій, правильнѣе— антиганноверскій отпечатокъ; лишь постольку же не совпадали они

*) Holm I, 78; реляц. А. Бестужева 5-го и 9-го марта 1723 г.,

**) Реляц. А. Бестужева 16-го марта 1723 г. Въ письмѣ Габеля къ А. Бестужеву отъ 30-го марта н. ст. обѣщалась, сверхъ того, датская гарантія всѣхъ новыхъ завоеваній Россіи на Балтійскомъ морѣ (при реляц. А. Бестужева 23-го марта 1723 г.).

и съ оффиціальною политикою датскаго королевскаго совѣта. Вступая на тайной аудіенціи въ переговоры съ Бестужевымъ, король Фридрихъ преслѣдовалъ ту же цѣль, какую онъ ставилъ себѣ, посылая за три дня до этой аудіенціи новый, ничѣмъ по существу своему не отличавшійся отъ предшествовавшихъ рескриптъ Вестфалену—связать Россіи руки на Балтійскомъ морѣ союзнымъ трактатомъ, и только антианглійскій характеръ новыхъ предложеній, въ виду общихъ условій даннаго момента, не позволялъ оставить ихъ безъ вниманія: одерживая верхъ надъ англійскою дипломатіею въ Стокгольмѣ, русское правительство старалось тѣмъ самымъ заручиться твердою позиціею и въ Копенгагенѣ.

---

*) „Wir wollten dannenhero hoffen, dass man ab dortiger Seiten von dieser ungegründeten Praetension gänzlich abstehen und hingegen sich mit uns auf anderer Art und Weise in einer näheren Freunschaft und Alliance einlassen würde, in welcher Absicht dann und umb ein so nützliches Werk je mehr und mehr zu facilitiren wir durch dich die Errichtung eines Commerce-Tractats anfragen lassen, als worbey I. Cz. Mt. ratione des Commerce in der Ostsee mit uns über alle andere Nationen die meiste Avantagen haben könnten. Wir haben auch umb eben solcher Ursachen halber biss hero noch mit niemanden, wie sehr wir auch darum pressiret würden, einen Commerce-Tractat geschlossen, und wehren daraus klährlich zu ersehen, dass wir allerdings portiret wären uns mit I. Cz. Mt. in einer zu unser beiderseits Avantage und Nutzen gereichenden Alliance einzulassen" (рескр. Вестфалену 6 марта н. ст. 1723 г.—Копенгагенъ, Orders an Westfhalen 1719—1730). Нѣсколько позднѣе, возвращаясь къ вопросу о зундской пошлинѣ и тѣхъ условіяхъ, на какихъ русскіе корабли могли бы быть отъ нея освобождены, Габель точно также намекалъ на желательность заключенія при этомъ особаго *трактата*: I. Kng. Mt. dahin disponiret sind, dass wenn Aequivalent.... könte reguliret werden.... könte alsdann *hierüber ein Tractat* formiret werden, und darin I. Cz. Mt. der Titul von Kayser beygeleget werden" (его письмо отъ 12 іюня при реляц. А. Бестужева 24 стр. 1723—см. ниже). Русское правительство на первыхъ порахъ, повидимому, отождествило предложенія, сдѣланныя Вестфаленомъ на основаніи настоящаго рескрипта, съ тѣми, о которыхъ сообщалъ Бестужевъ, и даже выражало недоумѣніе, почему король не желаетъ, чтобы о послѣднихъ зналъ его представитель въ Петербургѣ: „Что, впрочемъ, ты писалъ, чтобъ сіе тебѣ отъ короля и Габеля учиненное объявленіе отъ здѣшняго дацкаго посланника Вестфала скрыто было, и то намъ весьма удивительно, понеже онъ Вестфалъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ такія же предложенія, хотя не тѣми словами, однако жъ въ томъ же смыслѣ здѣсь учинилъ. И тако онъ о тѣхъ предложеніяхъ извѣстенъ; однако жъ по требованію королевскому о семъ тебѣ отъ короля объявленіи ему здѣсь сообщено не будетъ".— Рескр. А. Бестужеву 27 апр. 1723 г.

Такъ было понято дѣло русскимъ правительствомъ, такъ, въ значительной степени, смотрѣлъ на него и Бестужевъ. Въ опредѣленіи дальнѣйшаго способа дѣйствія между петербургскимъ кабинетомъ и его представителемъ въ Даніи сказалось, однако, нѣкоторое различіе. Преслѣдуя болѣе непосредственную цѣль, А. Бестужевъ находилъ возможнымъ пойти на немедленную гарантію Шлезвига Даніи, разъ такимъ путемъ могло быть достигнуто, хотя бы подъ условіемъ эквивалента, удовлетвореніе зундской претензіи *). Связывая все тѣснѣе и тѣснѣе свою политику съ интересами голштинской партіи въ Стокгольмѣ, русское правительство не находило возможнымъ держаться противоположныхъ принциповъ въ своихъ отношеніяхъ съ Даніей и было противъ разрѣшенія зундскаго вопроса на тѣхъ условіяхъ, какія были предложены королемъ Фридрихомъ IV и Габелемъ. Бестужеву было предписано сдержанно отвѣчать на новыя предложенія и дать понять, «что въ тѣхъ объявленіяхъ въ томъ, что король... требуетъ и къ чему онъ взаимно съ своей стороны себя представляетъ, весьма никакой равности нѣтъ». Россія не замышляетъ ничего противъ короля англійскаго, а такъ какъ съ датской стороны, въ случаѣ заключенія новаго союза, предлагается негласная помощь только противъ Англіи, то, очевидно, что Данія за всѣ свои требованія, въ сущности, предлагаетъ лишь простой нейтралитетъ **). Императорскій титулъ за русскимъ царемъ датскій король могъ бы признать и безъ особаго трактата. Требуя безпошлиннаго прохода черезъ Зундъ для своихъ торговыхъ судовъ, Россія основывается на своемъ правѣ, почему Данія и должна удовлетворить это требованіе, не претендуя на какой либо эквивалентъ и не опасаясь, что подобное разрѣшеніе зундскаго вопроса можетъ послужить прецедентомъ для

---

*) Реляц. Бестужева 5 марта 1723 г. (послѣ предварительнаго его разговора съ Габелемъ о предстоящей аудіенціи у короля).

**) „Съ королевской стороны объявляютъ, что король англинскій старается съ нимъ королемъ дацкимъ оборонительный союзъ учинить противъ насъ, но что король предпочитая нашу дружбу желаетъ съ нами прежнюю дружбу возобновить и союзъ учинить. И что до того надлежитъ, то намъ неинако, какъ пріятно быть можетъ, что король дацкой въ ненарушимой доброй дружбѣ съ нами пребывать желаетъ. И въ прочемъ не видимъ, чтобы Е. В. какую имѣющую причину имѣлъ противъ насъ какой союзъ учинить, ибо мы съ нашей стороны кромѣ всякихъ опытовъ истинной нашей дружбы Е. К. В—ву ничего не показывали и несмотря на то, что мы подлинно вѣдали, что съ дацкой стороны

другихъ державъ *). Когда къ лѣту начали окончательно выясняться взаимоотношенія шведскихъ политическихъ партій, и событія въ Стокгольмѣ, казалось, близились къ развязкѣ, русское правительство рѣшилось повести болѣе скорымъ темпомъ и свои переговоры въ Даніи. Дѣлая послѣднія приготовленія къ морской экспедиціи, оно вызвало въ іюнѣ мѣсяцѣ А. Бестужева въ Петербургъ для совѣщаній по поводу сдѣланныхъ датскимъ королемъ предложеній.

Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ сравнительно съ началомъ 1723 года, успѣло уже, однако, къ этому времени нѣсколько измѣниться. Почувствовавъ подъ собою почву въ Стокгольмѣ и готовясь къ рѣшительному образу дѣйствій противъ своего ближайшаго сосѣда на Скандинавскомъ полуостровѣ, петербургскій кабинетъ, видимо, поддавался враждебному настроенію и противъ Даніи, а услужливая молва охотно истолковывала въ подобномъ направленіи новыя морскія вооруженія. Вступая въ открытые переговоры о союзѣ со Швеціей и опредѣленно высказавшись за поддержку какъ наслѣдственныхъ правъ герцога на шведскую корону, такъ и его притязаній на Шлезвигъ, русское правительство могло теперь менѣе, чѣмъ когда либо, согласиться на гарантію Шлезвига. Новыя предложенія датскаго короля къ этому времени точно также выяснились болѣе опредѣленно. Послѣ отъѣзда Ал. Бестужева изъ Стокгольма Габель отправилъ къ нему 12 іюня н. ст. письмо, въ которомъ подробно развилъ и нѣсколько дополнилъ эти предложенія. Выяснившееся къ этому времени тѣсное соглашеніе между русскою дипломатіею и приверженцами герцога въ Стокгольмѣ не осталось, повидимому, безъ вліянія на взгляды датскаго министра.

Швецію и можетъ быть и другихъ противъ насъ въ свою алліанцію склоняли, и тако бъ и мы довольную причину имѣли противъ того свои мѣры взять, однако жъ ни во что, еже бъ интересамъ Е. К. В—ва противно быть могло до сего времени не вступали. И пока съ стороны Е. К. В. намъ противности показано не будетъ, то и мы съ своей стороны съ Его В—омъ ненарушимо добрую дружбу содержать будемъ и отъ вящего утвержденія оной чрезъ новый союзъ никогда не отдаляемся, и довольно обнадежили, что ежели Е. К. В—во о правдивомъ своемъ интересѣ изволитъ прямое разсужденіе имѣть, то онъ всегда нашу дружбу предъ ганноверскою предпочитать будетъ. Но ежели бъ такой новый союзъ учинить, то надобно, чтобъ и обязательство съ обоихъ сторонъ, равное было, которая равность во учиненныхъ тебѣ объявленіяхъ весьма не находится“. Рескр. А. Бестужеву 29 апрѣля 1723 г.

*) Тотъ же рескриптъ.

Правда, король Фридрихъ выражалъ уже теперь свою готовность поддерживать, въ согласіи съ Россіей, наслѣдственныя права герцога на шведскую корону. Его требованіе относительно Шлезвига оставалось, однако, въ прежней силѣ и снова было повторено въ письмѣ Габеля. Форма и размѣръ ежегоднаго эквивалента за освобожденіе русскихъ торговыхъ судовъ отъ уплаты зундской пошлины, который опредѣлялся теперь вполнѣ точно, также оказывались довольно внушительными: изъ Россіи должны были отпускаться ежегодно безвозмездно въ Данію 2000 корабельныхъ фунтовъ пеньки, 500 кораб. ф. льна; 300 ластовъ смолы и 280 ластовъ дегтю *). Все это, вмѣстѣ взятое, окончательно укрѣпило русское правительство въ его рѣшеніи не итти на какія либо уступки Даніи. 12 іюля на ревельскомъ рейдѣ, готовясь выйти въ море для вооруженнаго поддержанія требованій, предъявленныхъ имъ въ Стокгольмѣ, Петръ Великій подписалъ и новую инструкцію А. Бестужеву, заключавшую въ себѣ его окончательный отвѣтъ на предложенія датскаго короля и его министра.

Въ рескриптѣ отъ 29-го апрѣля вопросъ о русской гарантіи на Шлезвигъ былъ обойденъ молчаніемъ; теперь, соглашаясь попрежнему принципіально на заключеніе союза съ Даніей, русское правительство заранѣе категорически отказывалось дать подобную гарантію. Англійская гарантія на Шлезвигъ была главною причиною, заставившею въ свое время Данію выйти изъ союза и заключить сепаратный миръ со Швеціей; Россія не можетъ дать гарантію, косвенно направленную противъ того государя, которому она открыто оказываетъ покровительство—такова была мотивировка этого отказа. Единственно, на что готово было согласиться русское правительство, было ручательство, что Россія никогда и ни съ кѣмъ не вступитъ ни въ какія обязательства, направленныя противъ Даніи, и не будетъ держать сторону ея непріятелей. Въ основу будущаго союза должно было, однако, лечь, въ то же время, безусловное и полное освобожденіе русскихъ кораблей отъ уплаты зундской пошлины **).

Самъ Бестужевъ, попрежнему, продолжалъ смотрѣть на голштинскія притязанія исключительно какъ на русское орудіе, направленное на достиженіе непосредственной цѣли, и начиналъ уже,

---

*) Письмо Габеля къ А. Бестужеву отъ 12 іюня н. ст. 1723 г.—при реляц. послѣдняго отъ 24 авг. т. г.

**) См. Приложеніе VIII.

повидимому, недовѣрчиво относиться къ тому курсу, который постепенно усваивался въ Петербургѣ. Братья Бестужевы, быть можетъ, ревнивѣе всѣхъ другихъ сотрудниковъ Петра Великаго на дипломатическомъ поприщѣ стояли на стражѣ русскихъ государственныхъ интересовъ и одинаково оберегали ихъ отъ голштинскихъ династическихъ происковъ и голштинской политики приключеній. Поставленный въ центръ болѣе сложныхъ отношеній, натура болѣе гибкая, Михаилъ Бестужевъ имѣлъ возможность въ Стокгольмѣ уяснить себѣ болѣе отчетливо положеніе дѣлъ во всей совокупности; зорко слѣдя за поведеніемъ гр. Бассевица и ему подобныхъ и порою подчиняя его своей волѣ, онъ самъ быстрѣе эволюціонировалъ въ своихъ взглядахъ, чѣмъ его братъ, и постепенно усваивалъ себѣ болѣе сложную политическую программу, въ зависимости отъ измѣнявшихся условій минуты. Лицомъ къ лицу съ непосредственною очередною задачею Россіи на Балтійскомъ морѣ въ Копенгагенѣ, болѣе непреклонный и менѣе податливый въ своихъ излюбленныхъ руководящихъ началахъ, Алексѣй Бестужевъ къ исходу 1723 г. стоялъ почти на той же точки зрѣнія, какая была имъ усвоена осенью 1721 г., при наличности иныхъ условій и иныхъ политическихъ комбинацій. Попрежнему ему представлялось наиболѣе желательнымъ и возможнымъ окончить зундское дѣло непосредственнымъ соглашеніемъ Россіи съ Даніей «противъ полученія гарантіи на Шлезвигъ и въ коммерціи нѣкоторыхъ авантажей» *). Если, однако, въ началѣ 1723 года онъ какъ будто соглашался на тотъ или другой эквивалентъ за освобожденіе отъ зундской пошлины, то теперь, узнавъ болѣе опредѣленно условія этого эквивалента и, очевидно, найдя ихъ несоразмѣрными, онъ возвращается къ имъ же самимъ выдвинутому въ свое время требованію безусловнаго освобожденія русскихъ судовъ въ силу права на подобное освобожденіе, унаслѣдованнаго Россіей отъ Швеціи. Рескриптъ 29-го апрѣля въ этомъ пунктѣ былъ въ свое время косвеннымъ возраженіемъ на бестужевскіе совѣты. Теперь въ инструкціи 12-го іюля ему предписывалось, по возвращеніи въ Копенгагенъ, формулировать русскій отвѣтъ на датское предложеніе о зундской пошлинѣ «предложеннымъ отъ него образомъ». Вернувшись въ Данію и вступивъ въ новые переговоры съ уполномоченными отъ датскаго короля, Ал. Бестужевъ, не отступая отъ руководящихъ началъ инструкціи 12-го іюля, съ особою

*) Реляц. А. Бестужева 29-го декабря 1723 г.

силою подчеркнулъ, однако, готовность Россіи не вступать въ какія либо направленныя противъ Даніи соглашенія, что и могло бы лечь въ основу будущаго трактата. Съ такою же силою, въ выраженіяхъ, близкихъ къ тексту его реляціи отъ 7-го ноября 1721 г., было формулировано имъ, за то, и требованіе безусловнаго освобожденія отъ зундской пошлины и категорическій отказъ въ какомъ либо эквивалентѣ *).

Настроеніе въ Копенгагенѣ успѣло къ этому времени точно также значительно измѣниться; тревожныя извѣстія, шедшія изъ Петербурга, заставили короля усомниться въ своихъ разсчетахъ. Бестужеву, послѣ его возвращенія, бросилось въ глаза холодное обращеніе съ нимъ Габеля; врядъ ли только онъ былъ правъ, объясняя это тѣмъ, что Габелю не было предложено своевременно подарка. Мысль о возможности прійти къ какому либо соглашенію съ Россіей, очевидно, теряла свой кредитъ даже среди лицъ, не раздѣлявшихъ англійскія и ганноверскія симпатіи «нѣмецкой канцеляріи». Посредникомъ между королемъ и Бестужевымъ, гораздо менѣе активнымъ, чѣмъ въ свое время былъ Габель, выступаетъ теперь тайный совѣтникъ Ленте. Новые переговоры продолжались не долго. Въ королевскомъ отвѣтѣ отъ

---

*) Umb S. Kg. Mt. zu bezeugen, wie gerne S. Ks. Mt. mit deroselben in vertrauter Freundschaft und Intelligence zu leben gemeinet sind, so wollen sie sich verbinden, dass sie für niemanden und in kein einiges Bundniss, welches S. Kg. Ms. entgegen und zuwieder sein könnte, sich noch zur Zeit nicht eingelassen haben, auch ins künftige in dergleichen nicht entriren und keinem dero Feinden einige Hülffe leisten wollen, wie dann dergleichen Versicherung S. Ks. Mt. von S. Kg. Mt. reciproquement verlangen, und dass durch solchen Tractat die S. Ks. Mt. durch den mit der Crohn Schweden gemachten Frieden wegen der von solcher Crohn abgetretenen Länder cedirte Jura festgestellet und vermöge derselben solchen dero Unterthanen die zollfreye Passage durch den Sund und beide Belten accordired werde.—Da aber S. Kg. Mt. für solche zollfreye Passage durch der Sund und beide Belten an Hanff, Pech und Theer ein gewisses Quantum, als Aequivalent praetendiret haben, so sehen S. Ks. Mt. nicht, wie solches mit Fug geschehen möge, sondern, dann sie sich dieses Punctes halber auff die von der Crohn Schweden Ihnen solcher Provincien wegen abgetretene Jura fundiren, als können sie dazu keinesweges willigen, sondern verlangen vor dero Unterthanen solche Passage nach dem Fuss wie selbige ehemahls von solchen Landen, da sie noch unter der Crohn Schweden gestanden, befesten worden.—Пункты, продиктованные Бестужевымъ Ленте 3 августа 1723 г., послѣ его разговора съ королемъ 31 іюля, при его реляц. 24 авг. 1723 г.

17 августа, сообщенномъ черезъ Ленте Бестужеву на пункты, предложенные послѣднимъ 3 августа, заявлялось, что въ новыхъ русскихъ предложеніяхъ не заключается ничего такого, о чемъ бы не было поручено вести переговоры въ Петербургѣ Вестфалену, который и имѣетъ своею обязанностью заботиться объ упроченіи дружественныхъ связей между Даніей и Россіей *). Датское правительство, взявъ дѣло изъ рукъ Бестужева, передавало его, такимъ образомъ, цѣликомъ въ руки Вестфалена, а сепаратные переговоры сводились къ оффиціальнымъ заявленіямъ, шедшимъ черезъ этого послѣдняго отъ лица «нѣмецкой канцеляріи», заявленіямъ, въ которыхъ почти вовсе не упоминалось уже о предполагаемомъ союзѣ и лишь съ прежнею силою повторялся отказъ Даніи пойти на какія либо уступки **).

Сдержанное отношеніе датскаго правительства къ переговорамъ о зундской пошлинѣ и о союзѣ съ Россіей въ той постановкѣ вопроса, какая была имъ самимъ предложена, констатировало, такимъ образомъ, лишь фактъ безуспѣшности этихъ переговоровъ, но вовсе не было само по себѣ причиною подобной безуспѣшности. Настоящіе переговоры были сведены на нѣтъ прежде всего со стороны самой Россіи, и подобный исходъ ихъ можно было уже предвидѣть тотчасъ послѣ инструкціи 12 іюля, когда, съ другой стороны, съ достаточною ясностью, опредѣлился и исходъ переговоровъ о русско-шведскомъ союзѣ, положившемъ начало новаго періода въ развитіи балтійскихъ отношеній Россіи

---

*) Реляц. Бестужева 24 августа 1723 г. и приложенія къ ней.

**) Письмо Вестфалена къ Остерману 3 (14) сент. 1723 г.—Дѣла Датскія 1723 г. № 7. „А о безпошлинномъ проходѣ черезъ Зунтъ, чтобъ въ томъ насъ удовольствовать не токмо никакого указу не получилъ (т. е. Вестфаленъ), но паче повелѣно ему при всѣхъ случаяхъ деклеровать, какъ онъ прежде сего училъ и нынѣ вновь деклеруетъ, что король его никогда на то не соизволитъ и соизволить не можетъ. А что до признанія нашего императорскаго титула подлежитъ, то король его въ признаніи онаго затрудненія чинить не будетъ, и не послѣдній бы въ томъ былъ, только бъ мы отъ претензіи своей на безпошлинный проходъ въ Зунтѣ отстали и герцога голштинскаго отъ себя отлучили или бъ по послѣдней мѣрѣ обязались, что оному ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ къ возращенію Шлезвика помогать не будетъ. И понеже сія его Вестфалова декларація весьма несходна съ тѣмъ, что тебѣ тамо объявлено, того ради изъ сего видимо, что короля датскаго нѣтъ прямого намѣренія къ соглашенію съ нами въ вышеупомянутыхъ дѣлахъ, о чемъ можешь ты при случаяхъ тамошнимъ министрамъ объявить“.— Рескр. А. Бестужеву 28 сент. 1723 г.

послѣ Ништадскаго мира. Программа Алексѣя Бестужева уступала мѣсто болѣе сложной програмѣ, выработавшейся подъ вліяніемъ текущихъ событій въ Стокгольмѣ и Петербургѣ, усвоенной самимъ русскимъ правительствомъ и воспринятой его братомъ Михаиломъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сѣверная война усложнила внѣшнюю политику Россіи и намѣтила для нея новыя задачи на Балтійскомъ морѣ. Первое время послѣ Ништадскаго мира, какъ мы уже знаемъ, эти задачи стояли и разрѣшались особнякомъ отъ другихъ и порою даже отступали на задній планъ: Турція и Польша отвлекали вниманіе русской дипломатіи отъ сѣвера и балтійскаго побережья. Только русско-шведскій союзъ 1724 г., прямое послѣдствіе Ништадскаго мира, позволилъ тѣснѣе связать эти задачи съ другими и ввелъ ихъ въ общую сѣть европейскихъ отношеній Россіи, сложившихся, въ свою очередь, подъ вліяніемъ предшествовавшаго русско-шведскаго конфликта.

Названный союзъ самъ по себѣ можетъ быть разсматриваемъ, какъ первая брешь въ шведско-датскомъ мирномъ трактатѣ 1720 г., по которому Швеція обязалась не вмѣшиваться въ шлезвигскія отношенія Даніи. Лишить Данію увѣренности въ силѣ англо-французской гарантіи Шлезвига—должно было быть, по мнѣнію петровской дипломатіи, второю брешью въ томъ же направленіи, для чего и представлялось необходимымъ сблизиться съ болѣе податливою въ этомъ отношеніи Франціею и воздѣйствовать черезъ послѣднюю на менѣе уступчивую и болѣе независимую въ своей политикѣ Англію *).

Борьба съ англійскимъ вліяніемъ, общая руководящая идея политики Петра Великаго, дѣлается, поэтому, съ даннаго момента очередною задачею и его политики на Балтійскомъ морѣ, за-

---

*) Не надо забывать, что Франція въ свое время согласилась гарантировать Даніи ея владѣніе Шлезвигомъ только благодаря настояніямъ Англіи и гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ эта послѣдняя, настаивала всегда на вознагражденіи герцога за потерянныя имъ земли. (Срав. Holm, op. cit. I, 89 и 93).

дачею, разрѣшить которую являлось необходимымъ прежде всего, разъ шлезвигскія притязанія герцога голштинскаго были признаны пригоднымъ оружіемъ въ рукахъ русской дипломатіи. Эти притязанія, до этого времени только средство, получаютъ теперь, въ свою очередь, на ряду съ вопросомъ объ отношеніяхъ къ Англіи, точно также значеніе почти самодовлѣющей цѣли, передъ которою отступаетъ назадъ даже вопросъ о зундской пошлинѣ.

Поставивъ себѣ цѣлью противоборствовать нежелательному для нея англійскому вліянію и использовать шлезвигскій вопросъ, русская дипломатія въ 1723 и 1724 гг. шла къ этой цѣли различными путями. Одни изъ нихъ вели къ непосредственному примиренію съ Англіей, другіе имѣли въ виду воздѣйствовать на нее угрозою; всѣ они объединялись въ стремленіи предупредить и разрушить все, что носило на себѣ намеки на возвращеніе къ Вѣнскому союзу 1719 г., или было его возрожденіемъ, хотя бы и въ видоизмѣненной формѣ. Въ этомъ находятъ себѣ объясненіе и попытки Россіи отвлечь отъ Англіи Францію, и ея стараніе упрочить за собою, въ противовѣсъ Ганноверу, вліяніе въ Сѣверной Германіи, взявъ въ свои руки мекленбургское дѣло, и использовать въ своихъ видахъ недоразумѣнія, возникавшія между Англіей и Австріей; и борьба съ саксонскою дипломатіею, поддерживавшей въ интересахъ своей польской политики традиціи 1719 г.; и уступчивое отношеніе къ Пруссіи.

Связь между всѣмъ этимъ и очередными вопросами собственно балтійской политики Россіи становится особенно ощутительной именно къ исходу 1723 г., т.-е. ко времени заключенія русско-шведскаго союзнаго соглашенія. Вспомнить, какъ слагались къ данному времени непосредственныя отношенія Россіи къ Франціи, Австріи и Пруссіи, и какъ, въ связи съ этимъ, ставился вопросъ о ея примиреніи съ Англіей, и представляется поэтому необходимымъ, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ балтійской политики Петра Великаго въ послѣдній годъ его царствованія.

. . .

Основная тенденція въ международныхъ отношеніяхъ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія—обособленіе монархіи Габсбурговъ и Испаніи, съ одной стороны, и временное сближеніе Англіи и Франціи на почвѣ противодѣйствія испанскимъ реставраціоннымъ замысламъ и габсбургской торговой и династической политикѣ, съ другой стороны—опредѣлила собою до извѣстной степени и русско-французскіе переговоры въ 1722 и 1723 годахъ,

и русскую политику въ Германіи за это время. Первое время послѣ Ништадтскаго мира русское правительство, повидимому, склонялось скорѣе къ болѣе тѣсному сближенію съ Франціей, что объяснялось, отчасти, взглядами Шафирова, продолжавшаго еще играть руководящую роль въ дѣлахъ петербургскаго кабинета. Уже съ самаго начала, однако, французскія предложенія встрѣчали болѣе сдержанный пріемъ всякій разъ, какъ только они касались вопроса о примиреніи Россіи съ Англіей и Ганноверомъ. Ревнивое отношеніе къ этому вопросу унаслѣдовалъ отъ Шафирова и его преемникъ, Остерманъ, въ глазахъ котораго самая идея французскаго соглашенія имѣла меньшую цѣнность. По крайней мѣрѣ, соглашаясь въ будущемъ на французское посредничество, онъ еще рѣзче, чѣмъ Шафировъ, разграничивалъ примиреніе съ Англіей отъ примиренія съ Ганноверомъ и тѣмъ болѣе отъ немедленнаго включенія Англіи въ предполагаемый русско-французскій союзъ, на чемъ особенно начинаетъ настаивать французское правительство въ дни регентства герцога Бурбонскаго. Мало того; стараясь парализовать въ Германіи значеніе Ганновера и вступаясь поэтому за герцога мекленбургскаго, Россія, при тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали въ это время между Англіей и Австріей, приходитъ къ необходимости привлечь послѣднюю къ своей сѣверной политикѣ, что врядъ ли легко было согласовать съ принципомъ русско-французскаго сближенія.

Характеристика политической программы Шафирова во всемъ ея объемѣ, его дипломатическихъ симпатій и антипатій не входитъ въ задачу настоящаго изслѣдованія. Здѣсь можно лишь отмѣтить, что восточный вопросъ, обострившійся съ новою силою послѣ Ништадтскаго мира, занималъ въ это время центральное мѣсто въ программѣ Шафирова и тѣмъ самымъ отвлекалъ, до извѣстной степени, его вниманіе отъ того, что происходило одновременно съ этимъ на Балтійскомъ морѣ *). Являясь сторонникомъ скорѣе аггрессивной политики въ Турціи, Шафировъ очередную задачу Россіи въ Европѣ видѣлъ прежде всего въ гарантіи совершонныхъ уже завоеваній и пріобрѣтеній. Предупредить возможность какого бы то ни было новаго столкновенія, ко-

---

*) Въ 1722 г. соотвѣтствующую инструкцію по вопросу о зундской пошлинѣ далъ по порученію царя Алексѣю Бестужеву, какъ извѣстно, Остерманъ.—См. выше, стр. 110.

торое такъ или иначе грозило бы поставить на очередь вопросъ о новыхъ русскихъ пріобрѣтеніяхъ на Балтійскомъ морѣ, представлялось поэтому для него особенно необходимымъ. На Востокѣ русская политика, по мнѣнію Шафирова, должна была итти рука объ руку съ политикою державы, изстари упрочившей уже за собою твердое положеніе въ Оттоманской имперіи, т.-е. Франціи, быть можетъ, въ противовѣсъ Австріи, выступившей, какъ извѣстно, почти одновременно съ Россіей въ роли новаго активнаго фактора на Балканскомъ полуостровѣ. Такое же соглашеніе рисовалось ему желательнымъ и въ интересахъ европейской политики Россіи: этимъ путемъ, по его мнѣнію, легче всего могла быть достигнута прочная гарантія русскихъ завоеваній на Балтійскомъ морѣ, и обезпечены права на русскій престолъ за царевною Анной Петровной. Все это заставляло Шафирова сочувственно относиться и къ идеѣ брака одной изъ дочерей царя—скорѣе всего Елизаветы—съ принцемъ изъ французскаго дома. Возникавшая въ связи съ этимъ французская кандидатура на польскій престолъ должна была создать противовѣсъ нежелательной для Россіи кандидатуры саксонскаго курпринца, находившей себѣ поддержку въ Вѣнѣ: успѣхъ русскаго вліянія въ Польшѣ и подготовка въ такомъ смыслѣ разрѣшенія польскаго вопроса въ будущемъ занимали также видное мѣсто въ политической программѣ Шафирова.

Дипломатическими соображеніями общаго характера обусловливалось отношеніе Шафирова и къ голштинскому вопросу, разрѣшенію котораго должно было, по его мнѣнію, содѣйствовать то же соглашеніе съ Франціей. Этотъ вопросъ былъ для него, главнымъ образомъ, вопросомъ о достоинствѣ Россіи, какъ новой европейской державы: русское правительство должно было прежде всего съ честью освободиться отъ взятыхъ на себя обязательствъ передъ герцогомъ. Меньше значенія придавалъ Шафировъ голштинскому вопросу, какъ оружію въ очередныхъ вопросахъ балтійской политики. Ушедшій въ сложныя дипломатическія комбинаціи, принимая во вниманіе и новое положеніе Россіи въ Европѣ, и ея интересы на Востокѣ, и оцѣнивая всю важность вопроса о престолонаслѣдіи, Шафировъ отодвигалъ нѣсколько на задній планъ задачи балтійской политики и былъ готовъ порою проявить одновременно и бо́льшую уступчивость передъ Даніей въ зундскомъ вопросѣ, и бо́льшее участіе къ герцогу голштинскому, разъ это могло содѣйствовать осуществленію его политической

програмы во всемъ ея объемѣ *). Болѣе туго поддавался Шафировъ на примиренiе съ Англiей, вопросъ о чемъ, въ виду характера тогдашнихъ англо-французскихъ отношенiй, неминуемо возникалъ самъ собою, разъ только заходила рѣчь о союзномъ соглашенiи съ Францiей. Ради этого послѣдняго онъ былъ готовъ, однако, и въ данномъ случаѣ пойти на уступку, разграничивъ лишь по возможности чисто англiйскiе интересы отъ ганноверскихъ. Исходя изъ другихъ оснований, чѣмъ тѣ, на которыхъ стояли сторонники аггрессивной политики Россiи на Балтiйскомъ морѣ—братья Бестужевы и Остерманъ—Шафировъ сходился съ ними въ стремленiи создать для Россiи бо́льшую свободу дѣйствiя на случай какихъ-либо осложненiй въ Германской имперiи. Ради этого хлопоталъ онъ и о включенiи въ будущiй союзъ герцога мекленбургскаго и постарался ввести въ русско-французскiе переговоры вопросъ объ обидахъ чинимыхъ герцогу его недоброжелателями, т.-е. прежде всего тѣмъ же курфюрстомъ ганноверскимъ **).

---

*) Объ отношенiяхъ Шафирова къ голштинскимъ притязанiямъ — выше, стр. 97 и 129; отзывъ о немъ Вестфалена—стр. 145. И Вестфаленъ, и Бассевицъ одинаково считали Шафирова и, повидимому, вполнѣ искренне однимъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ себѣ русскихъ министровъ.

**) По мнѣнiю Шафирова, хотя Россiя и имѣла много поводовъ сердиться на Англiю за ту помощь, которую эта послѣдняя во время войны оказывала Швецiи, однако теперь, послѣ заключенiя мира, эти поводы не имѣютъ уже значенiя. Другое дѣло,—Ганноверъ, руководимый заклятымъ врагомъ Россiи, Бернсдорфомъ, всегда оскорблявшимъ царя и попиравшимъ ради этого всѣ трактаты и всякую справедливость. Тотъ же Бернсдорфъ подвергалъ де оскорбленiямъ и герцога мекленбургскаго, опять-таки обиднымъ для царя образомъ, объявляя незаконнымъ бракъ герцога съ царскою племянницею. Вслѣдствiе этого, если царь и помирится съ королемъ Георгомъ, то не иначе, какъ на томъ условiи, чтобы король, какъ ганноверскiй курфюрстъ, прислалъ къ царю своего министра, и чтобы экзекуцiя противъ герцога мекленбургскаго была прекращена, а ганноверскiя войска были выведены изъ Мекленбурга. (Сб. XL, 314, 315. Разговоры Шафирова съ Кампредономъ о союзѣ, оставляющiе, кстати сказать, впечатлѣнiе гораздо бо́льшей искренности, чѣмъ тѣ формальные отвѣты, какiе онъ давалъ, напримѣръ, въ это же время гр. Кинскому, имѣютъ вообще существенное значенiе для характеристики его политическихъ взглядовъ,—ibid. XL, XLIX, passim). Объ отношенiи русскаго правительства къ мекленбургскому вопросу—см. ниже. Къ исходу 1723 г. Петръ Великiй почти окончательно остановился уже на мысли передать престолъ не женѣ и не внуку, а старшей дочери. О выдающихся достоинствахъ этой послѣдней единогласно свидѣтель-

Оба русскіе представителя въ Парижѣ, кн. В. Л. Долгорукій и бар. Шлейницъ, зачастую неладившіе между собою, были, повидимому, въ значительной степени солидарны съ вице-канцле-

ствуютъ современники. Всѣмъ бросалась въ глаза теплая привязанность къ ней отца, и только что изданный указъ о престолонаслѣдіи истолковывался общественнымъ мнѣніемъ прежде всего въ пользу „цесаревны" Анны Петровны. Такое толкованіе этого указа нашло себѣ отзвукъ въ реляціяхъ Мардефельда (реляц. 23 февр. 1722 г.), вообще нѣсколько разъ и до этого и послѣ сообщавшаго о твердомъ намѣреніи царя передать престолъ въ руки старшей дочери (реляц. 27 окт. 1721 г. и 1 янв. и 30 іюля 1723 г., Сравн. реляц. Кампредона отъ 17 ноября 1721 г.—Сб. XL, 328). „Il parait que dans peu de temps la princesse ainée sera nommée à la succession" (Лефортъ Флеммингу 27 февр. 1722 г.—Дрезденъ, Sachen mit Moscau 1722 г.), Восторженные отзывы о царевнѣ Аннѣ даетъ Вестфаленъ, находившій, что по своимъ выдающимся качествамъ эта принцесса достойна большаго и лучшаго, чѣмъ стать женою незначительнаго нѣмецкаго принца (т. е. герцога голштинскаго). „Le czaar est certainement trop sage et trop politique pour qu'il se dut determiner à la legère sur une affaire de si grand poids, que le mariage de la princesse Anne, sa fille ainée, qui possedant avec une divine beauté des qualités, qui surpassent l'ordinaire de son age et de son sexe, elle pourait bien etre pour cette dernier raison destiné à quelque chose de plus relevée, que devenire simplement la femme d'un prince d'Allemagne (его реляц. 16 (5) апр. 1723 г.). „princesse Anne—belle, bonne, spirituelle et pour son age et sexe docte princesse... On ne sçaurai voire de coté de la beauté la taille y compris rien de plus parfait, que la figure de cette princesse, qui est avec cela bonne et spirituelle; c'est une veritable beauté Georgienne" (его же реляц. 20 (9) марта и 9 дек. (28 нояб.) 1724 г.) Сравн. „Eclaircissemens"... 370. Рѣшеніе въ пользу царевны Анны вопроса о престолонаслѣдіи сильно затрудняло, однако, разрѣшеніе другого вопроса—о ея будущемъ бракѣ: ей надо было подыскать жениха, достойнаго, но не слишкомъ сильнаго по своему значенію среди другихъ государей и не внушавшаго опасеній по сложности своихъ дипломатическихъ отношеній. Послѣдняго Петръ Великій опасался, повидимому, больше, чѣмъ mesaillance'а для своей дочери. Въ описываемое время вопросъ о бракѣ царевны Анны отступалъ, поэтому, въ его глазахъ временно въ силу своей трудности на задній планъ передъ вопросомъ объ устройствѣ судьбы ея младшей сестры, Елизаветы, выдать замужъ которую хотѣли точно также, соблюдая политическіе интересы. Изъ всѣхъ представлявшихся въ это время для младшей дочери партій въ глазахъ царя наиболѣе подходящею была, какъ извѣстно, именно партія того или другого французскаго принца, а изъ всѣхъ слагавшихся политическихъ комбинацій считалось наиболѣе выгоднымъ воспользоваться будущимъ бракомъ Елизаветы въ интересахъ польскаго вопроса: антисаксонскій характеръ русской политики въ Польшѣ опредѣлился къ этому время уже съ достаточною ясностью.

ромъ и сходились съ нимъ въ пониманіи общихъ задачъ новой русской политики. Переговоры съ Франціей, въ той постановкѣ, какую они получили къ исходу 1721 года, являлись почти исключительно дѣломъ самого Шафирова и названнаго бар. Шлейница, чуть ли не бывшаго его креатурою. Меморіалъ съ новымъ предложеніемъ о союзѣ, поданный послѣднимъ французскому правительству тотчасъ послѣ заключенія Ништадтскаго мира и назначенія французскимъ уполномоченнымъ при петербургскомъ дворѣ Кампредона, можетъ считаться выраженіемъ взглядовъ самого Шафирова и проливаетъ свѣтъ на оффиціальную точку зрѣнія на этотъ счетъ русскаго правительства *).

Связывая новые переговоры съ переговорами 1717 г. и выставляя Россію, какъ новую великую державу Сѣвера, которая можетъ замѣнить для Франціи ея прежнюю, утратившую теперь свое значеніе союзницу, Швецію, Шлейницъ въ этомъ меморіалѣ старается подчеркнуть значеніе будущаго союза, какъ заключительнаго акта, который долженъ создать прочное завершеніе («une solide et ferme consistance») наконецъ-то возстановленному общеевропейскому миру. Союзъ можетъ удовлетворить такому назначенію, если въ основу его будетъ положена простая гарантія тѣхъ дипломатическихъ актовъ, которыми опредѣляется современное международное положеніе—Ништадтскаго трактата и акта отрѣченія испанскаго короля отъ своихъ притязаній на французскую корону. Подобный заключительный актъ, по мнѣнію автора меморіала, необходимъ въ виду вполнѣ опредѣленныхъ задачъ, игнорированіе которыхъ можетъ грозить въ недалекомъ будущемъ новыми дипломатическими осложненіями: онъ облегчитъ удовлетвореніе голштинскихъ притязаній, поможетъ Россіи и Франціи прійти къ желательному соглашенію по польскому вопросу и будетъ оказывать воздѣйствіе на Турцію. Существенное значеніе, наконецъ, можетъ имѣть этотъ актъ и для европейскихъ отношеній, поскольку эти послѣднія обусловливаются положеніемъ дѣлъ въ Имперіи: онъ подыметъ—очевидно на счетъ Австріи—авторитетъ Франціи въ глазахъ германскихъ государей, особенно протестанскихъ, и заставитъ окончательно стать на сторону Россіи и Франціи колеблющагося до сихъ поръ прусскаго короля. Наконецъ, въ случаѣ смерти гер-

*) Mémoire du baron de Sleinitz, ambassadeur extraordinaire du Czar. Reims, le 28 septembre 1721.—Recueil... VIII, 247 flg.

манскаго императора союзъ Россіи и Франціи можетъ оказать рѣшающее вліяніе и на исходъ вопроса объ императорской коронѣ и о будущей судьбѣ самихъ габсбургскихъ владѣній. Условія, заставлявшія въ это время вѣнскій кабинетъ подготовлять прагматическую санкцію, не ускользали, такимъ образомъ, и отъ вниманія русскихъ дипломатовъ. Россія, въ интересахъ своей собственной политики какъ въ самой Германской имперіи, такъ и за ея предѣлами, перспективою раздѣла габсбургской монархіи старалась привлечь на свою сторону исконную соперницу Австріи.

Таковы были тѣ основанія, на которыхъ должно было строиться будущее русско-французское соглашеніе: гарантія новаго международнаго положенія Россіи, разрѣшеніе очередныхъ задачъ ея политики на Востокѣ и Польшѣ, поддержаніе ея достоинства въ Европѣ; какъ результатъ всего этого—довольно опредѣленная, хотя и замаскированная, антиавстрійская окраска будущаго соглашенія; ни малѣйшаго намека на ненормальность существующихъ отношеній Россіи къ Англіи и Ганноверу.

Французское правительство, какъ можно видѣть изъ инструкціи, данной Дюбуа Кампредону отъ 25 авг. 1721 г. передъ его отъѣздомъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, предусматривало возможность новыхъ предложеній о союзѣ и готово было въ принципѣ отвѣчать на нихъ сочувственно. Основанія будущаго союзнаго соглашенія и его отношеніе къ очереднымъ международнымъ вопросамъ рисовались, однако, при этомъ парижскому кабинету нѣсколько иначе, чѣмъ представлялъ ихъ себѣ Шафировъ *). Преувеличивая стремленіе царя вмѣшиваться во всѣ европейскія отношенія и играя на этой струнѣ, французское правительство не удовлетворялось предложенной простой гарантіей Ништадтскаго трактата и акта отреченія, и старалось добиться отъ Россіи гарантіи цѣлаго ряда поименно перечисляемыхъ трактатовъ, которыми обезпечивались новыя пріобрѣтенія Франціи начиная съ половины XVII вѣка. Стараясь вовлечь, такимъ образомъ, Россію въ поддержаніе сложной дипломатической системы, создававшей, прежде всего, преграду реставраціоннымъ замысламъ, которыхъ можно было бы ожидать со стороны габсбург-

*) Le cardinal Dubois à m. Campredon; Paris, 25 aout 1721.—Recueil... VIII, 233 flg. Другіе инструкціи Дюбуа Кампредону, изъ которыхъ наиболѣе существенное значеніе имѣетъ инструкція отъ 14 окт. 1722 г.—Сб. XLIX.

ской монархіи, французское правительство, въ то же время, лишь съ большою неохотою и крайне осторожно шло на гарантію тѣхъ дипломатическихъ актовъ, которыми упрочивалось новое международное положеніе Россіи. Эта точка зрѣнія нашла себѣ выраженіе и въ томъ проектѣ союзнаго договора, который въ концѣ 1722 г. былъ предложенъ Кампредономъ русскому правительству *). Отстаивая подобную точку зрѣнія, парижскій кабинетъ—и Дюбуа не скрывалъ этого передъ Кампредономъ—имѣлъ въ виду не только чисто французскіе интересы, но и интересы союзника Франціи, англійскаго короля, прежде всего, какъ государя германской имперіи. Кампредону неоднократно предписывалось сдѣлать все возможное, чтобы добиться, если не включенія короля Георга въ будущій союзъ, то, по крайней мѣрѣ, примиренія съ нимъ царя; съ другой стороны, соглашаясь на предлагаемую гарантію, онъ долженъ былъ добиваться отъ царя обязательства не нарушать покоя въ нижнегерманскомъ округѣ. Дѣйствовать такимъ образомъ и поставить на очередь одновременно съ переговорами о союзѣ вопросъ о примиреніи Россіи съ Англіей заставляли Францію, по заявленію Дюбуа, тѣ же причины, какія въ свое время заставили ее гарантировать королю Георгу его ганноверскія владѣнія **).

---

*) Сб. XLIX, 233. Взаимной гарантіи, по этому проекту, подлежали трактаты: утрехтскій, баденскій, гаагскій и лондонскій и мирные договоры 1719—1721 гг. Швеціи съ Англіей, Пруссіей и Россіей. Намѣченные въ инструкціи 25 августа трактаты: вестфальскій, нимвегенскій и рисвикскій не упоминались лишь потому, что ихъ условія, относящіяся къ Франціи, въ достаточной степени повторялись во всѣхъ названныхъ трактатахъ. Съ другой стороны, въ проектѣ мы не находимъ и ограниченія, предполагаемаго въ инструкціи 25 августа, въ силу котораго гарантія должна была распространяться лишь на тѣ пункты трактатовъ, которые непосредственно относились къ французскимъ владѣніямъ (Recuel... VIII, 241).

**) Si toutes les raisons et tous les moyens, que Vous pouvez employer pour surmonter l'opposition, que le Czar auroit à admettre le roi d'Angletterre dans les liaisons, qu'il prendroit avec le Roi et avec le roi de Suéde, étaient inutiles et que vous en connaissiez clairement l'impossibilité, il faudroit alors renouveler appuyer la proposition de statuer au moins, par un article separé, que le Czar ne pourroit troubler le repos de la Basse-Allemagne, en faisant connôitre que le Roi est obligé d'insister sur cette demande par les mêmes raisons, qui engageraient Sa Majesté à reserver les traités de la Hage et de Londre, qui l'obligent à la garantie des Etats du roi de la Grande-Bretagne en Allemagne" (Recueil... VIII, 242—243).

Французская гарантія новаго положенія Россіи въ Европѣ должна была быть куплена, такимъ образомъ, дорогою цѣною преждевременнаго примиренія съ Англіей; разсматривая обязательства Россіи передъ отдѣльными мелкими германскими государями, только какъ вопросы дипломатической чести, очевидно, легко было выпустить изъ рукъ сильное оружіе прежде, чѣмъ оно было бы использовано. Яснѣе самого Шафирова это и было понято Остерманомъ, который съ половины 1722 г. начинаетъ постепенно принимать все болѣе и болѣе активное участіе въ переговорахъ о союзѣ.

Оффиціально Остерманъ былъ привлеченъ къ этимъ переговорамъ по настоянію самого Шафирова *). Очень близко къ нимъ вице-канцлеръ своего помощника, однако, не подпускалъ, ограничивался при немъ отвѣтами общаго характера и лишь въ его отсутствіи начиналъ обыкновенно, по существу разговаривать съ Кампредономъ **). Въ данномъ случаѣ Шафировымъ могло руководить не одно лишь служебное соревнованіе, но и искренняя боязнь за успѣхъ близкаго его сердцу дѣла. Принимая участіе въ конференціяхъ, Остерманъ вноситъ обыкновенно въ пренія ноту болѣе рѣзкаго диссонанса, чѣмъ это обусловливалось обычными дипломатическими пріемами; онъ тщательно отмѣчаетъ всякую неясность во французскихъ предложеніяхъ и заранѣе предупреждаетъ возможность такого толкованія этихъ предложеній, которое такъ или иначе связало бы Россіи руки въ ея европейскихъ и, главнымъ образомъ, германскихъ отношеніяхъ. Паденіе Шафирова—февраль 1723 г.—и назначеніе вслѣдъ за этимъ на его мѣсто Остермана имѣло принципіальное значеніе въ развитіи русско-французскихъ переговоровъ о союзѣ: въ лицѣ Остермана русское правительство оффиціально стало выражать большую настойчивость въ своихъ требованіяхъ, поскольку будущій союзъ съ Франціей могъ затронуть отношенія Россіи къ Англіи. Еще до своего назначенія вице - канцлеромъ, однако, Остерману, повидимому, удалось уже оказать отвѣтствующее вліяніе на тонъ русскихъ заявленій. Его перо мы узнаемъ въ тѣхъ поправкахъ русскаго правительства къ проекту Кампредона, которыя отно-

*) Сб. XL, 343.

**) Срав. реляц. Кампредона 15 и 16 янв. 1722 г. (Сб. XLIX, 5 слѣд.).

сятся, по всей вѣроятности, къ исходу 1722 или самому началу 1723 года *).

Соглашаясь на детальную гарантію перечисляемыхъ во французскомъ проектѣ договоровъ и трактатовъ, русское правительство въ этихъ поправкахъ предлагало, съ своей стороны, ограничиться лишь тѣми пунктами этихъ трактатовъ, которые относятся спеціально до Франціи, ея владѣній и подданныхъ, а изъ другихъ лишь тѣми, которыя не противорѣчатъ интересамъ Россіи **). Одновременно съ этимъ, предупреждая вопросъ о включеніи въ союзъ той или другой державы, оно тутъ же выражало желаніе включить въ него Швецію, Пруссію и герцога мекленбургскаго. Желаніе включить Швецію ясно обнаруживаетъ стремленіе тѣснѣе связать этотъ союзъ съ тою политикою, которая энергично проводилась въ это время Россіею на Сѣверѣ и которая, какъ мы уже знаемъ, отличалась сильною антианглійскою и еще болѣе антиганноверскую окраскою. Предложеніе французскаго правительства о примиреніи Россіи съ Англіей и ея королемъ при посредничествѣ Франціи, возбужденное одновременно съ переговорами о союзѣ, объясняетъ и заботы русскаго правительства о включеніи въ будущій союзъ герцога мекленбургскаго. Къ такому предложенію русское правительство, съ своей стороны, долгое время относилось, какъ извѣстно, крайне сдержанно. Еще въ сентябрѣ 1723 г. Остерманъ въ бесѣдахъ съ Кампредономъ не упускалъ случая «партикулярно съ собою разсуждать и удивляться, что сіе примиреніе съ королемъ англійскимъ, яко весьма постороннее дѣло, имѣетъ быть препятствіемъ къ заключенію такого союза». Только къ самому исходу 1723 г., очевидно, не безъ связи съ тѣмъ оборотомъ, какой приняло къ этому моменту положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, русское правительство

---

*) „Remarques sur le projets“ — М. А. М. И. Д., дѣла Французскія 1723 г. № 13; тамъ же—цитируемые ниже разговоры Остермана съ Кампредономъ о примиреніи Россіи съ Англіей и о мекленбургскомъ вопросѣ. Разборъ русскихъ поправокъ съ французской стороны—Сб. LII, 49 слѣд.

**) Во французскомъ проектѣ читаемъ: „Leurs Majestés... sont convenues et promettent de garantir réciproquement et *dans tous leurs points et articles* les traités“... Русская редакція: Leurs dites Majestés... sont convenues de garantir réciproquement et *non seulement* dans tous leurs points et articlers *qui concernont specialement les interets de la France, ses Etats et suets, mais aussi dans les autres qui ne seront pas contraires aux interets de la Russie*, les traités“...

стало обнаруживать въ этомъ отношеніи больше податливости. Попрежнему, однако, разграничивъ вопросъ о примиреніи отъ вопроса о союзѣ съ Англіей, оно выражало готовность начать оффиціальные переговоры объ этомъ послѣднемъ лишь послѣ того, какъ будетъ заключено союзное соглашеніе съ Франціей *). Въ этихъ новыхъ переговорахъ, очевидно, неминуемо долженъ былъ зайти вопросъ о претензіяхъ, предъявляемыхъ герцогомъ мекленбургскимъ къ Георгу, какъ курфюрсту ганноверскому. Оговорка о включеніи герцога въ будущій русско-французской союзъ и подготовляла почву для возможно болѣе полнаго удовлетворенія этихъ претензій. Въ тотъ моментъ, когда переговоры о союзѣ со Швеціей приближались къ успѣшному окончанію, интересы сѣверной политики, наряду съ другими, сильнѣе начинаютъ, такимъ образомъ, опредѣлять собою и ходъ переговоровъ съ Франціей. Настойчивѣе Шафирова выдвигая вопросъ о Мекленбургѣ, Остерманъ съ новой стороны старался нанести ударъ Ганноверу, т. е. руководился тѣми же соображеніями, какія заставляли въ это время русское правительство поддерживать и голштинскія притязанія. Мало того; сообщивъ въ декабрѣ 1723 г. Кампредону тѣ претензіи, какія оно предъявляло королю Георгу, русское правительство постаралось на этотъ разъ воспользоваться будущимъ примиреніемъ съ Англіей въ интересахъ непосредственно зундскаго вопроса: король Георгъ долженъ былъ взять на себя воздѣйствовать въ соотвѣтствующемъ направленіи на датское правительство **).

Общее положеніе дѣлъ, однако, къ этому времени, сравнительно съ началомъ 1722 г., точно также успѣло нѣсколько измѣниться. Послѣ смерти аббата Дюбуа и герцога Орлеанскаго (августъ и декабрь 1723 г.) первымъ министромъ французскаго короля былъ назначенъ герцогъ Бурбонскій, готовый въ еще большей степени, чѣмъ его предшественникъ, подчинить французскую политику англійскимъ интересамъ. Какъ видно изъ инструкціи кн. Борису Куракину, еще въ январѣ 1724 г. русское правительство надѣялось обойти вопросъ о примиреніи съ Англіей

*) Конференція съ Кампредономъ 5 декабря 1723 г.

**) „Que le Roi de la Grande-Bretagne aide Sa Majesté à porter le Roy de Danemarque à accorder aux provinces de Sa Majesté, cedées par la Suede, les mêmes franchises aux deux Beltes, dont elles ont jouis cydevant sous la domination de la Suede".—См. Приложеніе IX.

при заключеніи союза съ Франціей *), а въ это время завѣдовавшій при герцогѣ Бурбонскомъ иностранными дѣлами гр. Морвиль, опредѣленнѣе, чѣмъ Дюбуа, заговорилъ не только о необходимости примиренія съ Англіей, но и о немедленномъ включеніи короля Георга въ будущій союзный договоръ **).

Разсчитывать на какую-либо солидную поддержку Франціи въ голштинскомъ вопросѣ также врядъ ли было возможно. Мы уже знаемъ, что въ 1722 г. и даже еще въ 1723 г. само русское правительство къ голштинскимъ притязаніямъ относилось еще довольно сдержанно; назначеніе же послѣ Шафирова вице-канцлеромъ Остермана должно было доставить не малое разоча-

---

*) „Чрезъ Кампредона намъ предложено, что Франція, дабы сей чинимый союзъ толь тверже былъ, желаетъ, чтобы мы прежде примириться изволили съ королемъ англинскимъ. И въ томъ оной представлялъ добрыя офиціи французскія. Мы и на то склонность свою объявили и по требованію Франціи Кампредону и нѣкоторые пункты сообщить повелѣли, въ которыхъ отъ большей части требуемая съ нашей стороны отъ короля англинскаго сатисфакція состоять имѣетъ. И понеже между тѣмъ случилась смерть перваго министра дука д'Орлеанса, того ради вамъ сондировать нынѣшнее министерство французское, въ какомъ намѣреніи оное о сихъ дѣлахъ находится, и гдѣ прилично вамъ объявить, что мы при прежней своей склонности къ ближайшему соединенію съ Франціей не отмѣнно пребываемъ, и ежели Франція во взаимной же доброй склонности къ тому находится, тобъ въ дѣло вступили и оное окончали. И при томъ надлежитъ вамъ чрезъ всѣ возможные способы искать провѣдывать, надобно ли прямо Франціи, чтобъ мы съ Англіею примирились. И ежели они сами вамъ о томъ говорить станутъ, то вамъ объявить имъ, что мы для угожденія Франціи къ тому примиренью готовы. Но ежели они французскіе министры сами съ вами говорить не станутъ, или вы увидите, что то примиреніе не о чемъ имъ ненадобно, то и вамъ о томъ не говорить, но молчать“. (Инструкція кн. Б. Куракину при его посылкѣ въ Парижъ отъ 27 янв. 1724.—Дѣла французскія 1724 № 4б). В. Л. Долгорукій былъ отозванъ отъ французскаго двора въ мартѣ 1722 г., и на его мѣсто было повелѣно быть кн. А. Б. Куракину. Отецъ послѣдняго, кн. Б. И. Куракинъ, полномочный посолъ въ Голландіи дважды былъ посылаемъ въ Парижъ съ дипломатическими порученіями: въ ноябрѣ 1722 г. и въ январѣ 1724 г.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, IV, 93—95.

**) Alb. Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 70; Сборникъ LII, 167, 168. Можно предположить, что заявленія гр. Морвиля дѣлались въ данномъ случаѣ, не безъ прямого воздѣйствія на парижскій кабинетъ со стороны лондонскаго въ виду того, какой оборотъ принимали къ этому времени дѣла въ Стокгольмѣ. Срав. выше стр. 164.

рованіе голштинскимъ политикамъ *). Въ проектѣ Шлейница объ удовлетвореніи герцога упоминалось въ довольно неопредѣленныхъ и общихъ выраженіяхъ **); настаивая въ своихъ замѣчаніяхъ на французскій проектъ о необходимости включить герцога мекленбургскаго, Остерманъ о герцогѣ голштинскомъ не обмолвился ни словомъ. За то, при Остерманѣ голштинскій вопросъ въ русской дипломатической программѣ началъ терять характеръ вопроса чести и все болѣе и болѣе получалъ значеніе дипломатическаго оружія; по мѣрѣ того, какъ въ Стокгольмѣ заключеніе русско-шведскаго союзнаго договора приближалось къ осуществленію, наступало время пустить въ ходъ и это оружіе. И дѣйствительно, отдѣльные разговоры русскихъ министровъ съ Кампредономъ заставляли французское правительство предполагать, что въ дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ о союзѣ, Россія все-таки начнетъ настаивать если не на прямомъ включеніи герцога въ союзъ, то во всякомъ случаѣ на необходимости что-либо сдѣлать въ его интересахъ. Пожеланіе о поддержкѣ герцога голштинскаго нашло уже себѣ мѣсто въ предъявленныхъ компредону въ декабрѣ 1723 г. претензіяхъ русскаго правительства къ королю Георгу. Какъ при Дюбуа, такъ и при Морвилѣ французское правительство заранѣе старалось, поэтому, предупредить предъявленіе какихъ-либо мало-мальски широкихъ требованій, оговаривалось, что можетъ вступить съ царемъ лишь въ такія обязательства, которыя не будутъ противорѣчить ранѣе заключеннымъ договорамъ, и лишь съ такими оговорками соглашалась содѣйствовать герцогу въ полученіи имъ какого-либо вознагражденія за потерю Шлезвига ***).

До самаго конца царствованія Петра Великаго русское правительство не покидало, тѣмъ не менѣе, окончательно мысли о союзѣ съ Франціей и о примиреніи съ Англіей, въ интересахъ своей балтійской политики, и ниже мы еще увидимъ, какъ по-

*) См. выше, стр. 145 слѣд.

**) „Cette plus étroite union entre le France et le Czar pourroit aussi avoir pour objet les affaires du duc de Holstein. Ce prince, ayant des obligations au Czar et à la France, et ayant des raisons essentielles à les ménager pour des vues encore plus grandes, se prêteroit sans doute à tout ce qu'on lui demanderoit dans les occurences que le temps peut amener“ (Memoire de Sleinitz—Récueil... VIII, 249).

***) Дюбуа Кампредону 24 іюля и 14 октября 1722 (Сб. XLIX, 125, 160 и 201).

вліяло на постановку этихъ вопросовъ заключеніе союза со Швеціей. Предшествовавшія перипетіи русско-французскихъ переговоровъ обнаружили, однако, съ достаточною ясностью, какъ различно было принципіальное отношеніе обѣихъ договаривающихся сторонъ къ проектируемому союзу, и какъ много камней преткновенія могло еще встрѣтиться на пути къ его осуществленію.

Переговоры съ Франціей о союзѣ поставили на очередь вопросъ о примиреніи Россіи съ Англіей и выяснили необходимость осторожно относиться къ предложенію о немедленномъ ея включеніи въ будущее русско-французское союзное соглашеніе. Цѣлью русской дипломатіи въ Германіи, поскольку ею имѣлись въ виду интересы балтійской политики, было—по возможности изолировать Ганноверъ, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать короля Георга болѣе податливымъ въ вопросѣ о примиреніи. Этою цѣлью руководилась русская дипломатія и въ своихъ стараніяхъ использовать въ своихъ интересахъ начинающееся охлажденіе между королемъ Георгомъ и императоромъ, и въ своихъ заботахъ привлечь на свою сторону Пруссію и удержать ее отъ излишняго сближенія съ кѣмъ бы то ни было изъ сосѣдей: съ Англіей, Ганноверомъ, Австріей или Саксоніей. Въ обоихъ случаяхъ русской дипломатіи приходилось считаться съ тѣми довольно запутанными отношеніями, какія существовали въ данный моментъ между всѣми этими державами.

Вѣнскій союзъ 1719 г., сближавшій Австрію, Ганноверъ и Саксонію и ставившій въ изолированное положеніе Пруссію, къ исходу 1721 г. не являлся уже вполнѣ точнымъ показателемъ этихъ отношеній. Новые очередные вопросы раздѣлили къ этому времени прежнихъ союзниковъ, заставили однихъ изъ нихъ сближаться съ Пруссіей, для другихъ создавали въ отношеніяхъ къ ней новые камни преткновенія. Къ числу такихъ вопросовъ относился и вопросъ о предсѣдательствѣ въ имперскомъ Corpus'ѣ Evangelicorum. Переходъ въ католичество саксонскаго курпринца и обострившаяся съ 1717 г. по одному частному вопросу рознь между католическими и протестантскими державами имперіи давно уже поставили лицомъ къ лицу Пруссію и Ганноверъ, оспаривавшихъ другъ у друга въ интересахъ своей германской политики авторитетъ и преобладаніе въ означенномъ Corpus'ѣ. Къ началу 1720 г. между ними состоялось соглашеніе, по которому предсѣдательство въ Corpus'ѣ должно было окончательно перейти сов-

мѣстно къ нимъ обѣимъ отъ католической Саксоніи *). Само по себѣ компромиссъ, это соглашеніе создавало новый поводъ къ недоразумѣнію между обѣими названными державами и Австріей. Относившаяся къ данному вопросу, по существу, довольно сдержанно, Австрія скорѣе высказывалась за сохраненіе председательства за саксонскимъ курфюрстомъ и во всякомъ случаѣ менѣе всего сочувствовала притязаніямъ Пруссіи. Затаившій въ свое время неудовольствіе и не безъ основанія усматривавшій въ вѣнскомъ союзѣ угрозу по своему адресу, король Фридрихъ-Вильгельмъ началъ теперь особенно нервно относиться ко всякому проявленію антипрусскаго настроенія въ Вѣнѣ. Столкновеніе между президентомъ имперскаго совѣта, графомъ Шенборномъ и прусскимъ представителемъ при австрійскомъ дворѣ Кангиссеромъ привело къ сентябрю 1721 г. къ почти полному разрыву дипломатическихъ отношеній между Вѣною и Берлиномъ и угрожало одно время серьезными, если не общеевропейскими, то во всякомъ случаѣ общегерманскими осложненіями. То участіе, съ другой стороны, какое проявилъ курфюрстъ Георгъ къ дѣлу протестантовъ, совпало съ тѣмъ охлажденіемъ, какое, какъ было уже отмѣчено выше, подготовлялось къ этому времени между Австріей и Англіей на почвѣ торговой политики. Допустившая въ свое время вмѣшательство Ганновера въ мекленбургское дѣло, Австрія начинала теперь съ безпокойствомъ смотрѣть на черезъ-чуръ самостоятельное хозяйничанье ганноверскихъ властей въ Мекленбургѣ. Императорская инвеститура на Бременъ и Верденъ, которая должна была узаконить за курфюрстомъ Геор-

*) На рейхстагѣ по вопросамъ религіозной политики державы одного и того же исповѣданія могли оставаться при особомъ мнѣніи и принимать рѣшенія, только для нихъ однихъ обязательныя. Онѣ раздѣлялись въ такомъ случаѣ на Corpus Catholicorum и Corpus Evangelicorum. Предсѣдательство въ послѣднемъ съ 1653 г. принадлежало курфюрсту Саксонскому. Въ 1697 г. курфюрстъ саксонскій перешелъ въ католичество. Въ 1717 г. былъ обнародованъ переходъ и его сына, и это заставляло протестантскія державы хлопотать о передачѣ предсѣдательства въ Corpus'ѣ въ другія руки. Обстоятельную характеристику взаимоотношеній по данному вопросу Австріи, Пруссіи, Саксоніи и Ганновера, на основаніи архивнаго матерьяла, даетъ A. F r a n t z, Das katholische Directorium des Corpus Evangelicorum (Marburg 1880). Изложеніе вопроса въ связи съ общимъ направленіемъ политики названныхъ державъ—у Droysen'a (op. cit. IV, 2 passim).

гомъ его новыя пріобрѣтенія, но дать которую императоръ все еще медлилъ, могла послужить въ данномъ случаѣ пригоднымъ оружіемъ въ рукахъ вѣнскаго двора противъ своего могущественнаго вассала и неуживчиваго союзника. Будучи, наконецъ, соглашеніемъ лишь по частному случаю, соглашеніемъ, инниціатива котораго исходила прежде всего отъ Ганновера, и на которое берлинскій дворъ согласился, скрѣпя сердце, договоръ 1720 г. не знаменовалъ собою какого-либо крутого поворота и въ самихъ прусско-ганноверскихъ отношеніяхъ. Рѣшительный характеръ вельфской политики на сѣверѣ Германіи, однимъ изъ проявленій которой было то же вмѣшательство Ганновера въ мекленбургскій вопросъ, продолжалъ тревожить короля Фридриха-Вильгельма. Несмотря на всѣ старанія опредѣленной придворной партіи, во главѣ которой стояла сама королева Софія-Доротея, отношенія Берлина и Ганновера оставались сдержанными. Когда къ половинѣ 1722 г., частью подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ о русско-французскихъ переговорахъ и въ виду угрожающаго характера морскихъ приготовленій Россіи, король Фридрихъ-Вильгельмъ и началъ обнаруживать сочувствіе къ сближенію съ королемъ Георгомъ, это было прежде всего сближеніе съ Англіей и въ гораздо меньшей степени—съ Ганноверомъ. Прусскіе и ганноверскіе интересы въ Германіи къ этому времени стояли уже въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи другъ съ другомъ, чтобы можно было разсчитывать на какое-либо прочное ихъ примиреніе путемъ формальнаго дипломатическаго акта.

Своеобразное положеніе во всѣхъ этихъ перипетіяхъ занимала третья участница союза 1719 г.—Саксонія. Заботясь о поддержаніи союза и его возобновленіи, хотя бы въ измѣненныхъ формахъ, и муссируя съ этою цѣлью тревожные слухи о сближеніи Россіи съ Франціей, саксонская дипломатія съ гр. Флеммингомъ во главѣ особенно старалась о возстановленіи добрыхъ отношеній между Пруссіей и императоромъ и дѣлала все возможное, чтобы взять это дѣло въ свои руки. Интересы въ Польшѣ саксонской династіи и, быть можетъ, самого гр. Флемминга играли въ этихъ стараніяхъ, какъ было уже замѣчено выше, не послѣднюю роль. Мысль о саксонской «сукцессіи», какъ надежномъ средствѣ для поддержанія общеевропейскаго покоя, пускалась въ ходъ саксонскими дипломатами въ противовѣсъ какъ политикѣ Россіи, о новыхъ замыслахъ которой они такъ кричали, такъ и политикѣ Прус-

сіи, объ интересахъ которой они проявляли такъ много заботливости.

Таковы были въ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя опредѣляли работу русской дипломатіи въ Вѣнѣ и Берлинѣ въ 1722 и 1723 гг. Уклониться отъ излишнихъ обязательствъ съ Австріей, которыя могли бы втянуть Россію въ сложные счеты Габсбурговъ въ Средней и Южной Европѣ, и въ то же время, предстательствуя за герцога мекленбургскаго въ Вѣнѣ, парализовать въ Мекленбургѣ ганноверское вліяніе; привлечь на свою сторону, хотя бы цѣною уступокъ въ Курляндіи, Пруссію, и тѣмъ самымъ поддерживать дальнѣйшее разногласіе между главными германскими державами—вотъ что было здѣсь ея ближайшею задачею.

Истинный характеръ отношеній между Россіей и Австріей началъ опредѣляться одновременно съ тѣмъ, какъ велись переговоры между Россіей и Франціей о союзѣ. Неосуществимость тѣхъ «ближайшихъ обязательствахъ», о которыхъ хлопотали еще въ Вѣнѣ въ 1720 году во время пребыванія тамъ Вейсбаха и Ягужинскаго, выяснилась теперь окончательно. Съ другой стороны, охлажденіе, начавшееся съ 1723 г. между Австріей и Англіей, подготовило почву для послѣдующаго новаго соглашенія между обѣими державами по очереднымъ вопросамъ балтійской политики: мекленбургскому и отчасти голштинскому.

Заключеніе сѣвернаго мира въ Ништадтѣ само по себѣ создавало уже нѣкоторое охлажденіе между Россіей и Австріей, которое при извѣстныхъ условіяхъ могло осложнить въ ближайшемъ будущемъ постановку балтійскаго вопроса. Рушились надежды, возлагавшіяся на Брауншвейгскій конгрессъ; цесарское правительство лишалось тѣмъ самымъ возможности взять въ свои руки дѣло примиренія сѣверныхъ соперниковъ въ интересахъ своей собственной политики какъ въ Имперіи, такъ и за ея предѣлами; русское—лишалось удобнаго случая затронуть нѣкоторые вопросы, обойденные молчаніемъ во время ништадтскихъ переговоровъ *). И тотчасъ послѣ заключенія Ништадтскаго мира

*) Реляц. Лапчинскаго 27 сент. 1721 г. Русское правительство, повидимому, очень чутко относилось къ вопросу объ инвеститурѣ на Бременъ и Верденъ для курфюрста ганноверскаго. Дарованіе подобной инвеституры какъ бы заранѣе предупреждало чрезмѣрно широкое толкованіе гарантированнаго германскимъ императоромъ Травендальскаго мира, утверждавшаго Шлезвигъ за герцогомъ голштинскимъ, и исклю-

императоръ сталъ обнаруживать замѣтно больше склонности дать королю Георгу, какъ курфюрсту, инвеституру на Бременъ и Верденъ, что упрочивало за послѣднимъ его новыя пріобрѣтенія и косвенно создавало преграду дальнѣйшему усиленію русскаго вліянія въ Сѣверной Германіи. Словомъ, исчезала, казалось, всякая надежда войти въ соглашеніе съ Австріей какъ разъ по тѣмъ вопросамъ, какіе имѣло, главнымъ образомъ, въ виду русское правительство, стараясь въ 1720 г. разстроить вѣнскій союзъ и отвлечь Австрію отъ Англіи, и какіе теперь снова выдвигались на очередь въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ. Старанія вѣнскаго кабинета втянуть Россію въ запутанную сѣть своихъ европейскихъ отношеній, тѣмъ не менѣе, продолжались. 10 сентября

чало возможность вознагражденія послѣдняго за счетъ Бремена и Вердена. Крайне несочувственно относившееся въ свое время къ попыткамъ Вѣнскаго кабинета перенести мирные переговоры со Швеціей на Брауншвейгскій конгрессъ, русское правительство, послѣ заключенія мира въ Ништадтѣ, поддерживало мысль о подобномъ конгрессѣ, желая воспользоваться имъ въ интересахъ именно тѣхъ задачъ, какія оно ставило себѣ теперь на Балтійскомъ морѣ. Надѣяся, что конгрессъ все-таки соберется, оно предполагало перенести на него, между прочимъ, вопросъ о претензіяхъ герцога голштинскаго и о примиреніи Россіи съ королемъ Георгомъ, какъ курфюрстомъ, затронувъ попутно и мекленбургское дѣло (Рескр. Ланчинскому 9 окт. 1721 г.). Заводя въ разговорѣ съ прибывшимъ гр. Кинскимъ рѣчь о Брауншвейгскомъ конгрессѣ, Шафировъ точно также высказывалъ мнѣніе, что царь послѣ заключенія мира со Шведами будетъ скорѣе содѣйствовать устройству этого конгресса „massen allda noch viele Sache und furnemlich die Holsteinisch, Meklenburgisch und Hannoverisch vor E. Ks. Mt. Obrist. Reichs-Ritterlichen Ambt und letzlich die Polnische wegen des mit Schweden unter der Czaar. Mediation ausgemachenden Friedenshandlungen ausgeleistet werden könten“ (Реляц. Кинскаго 13 окт. 1721 г.). Вѣнскій дворъ предупредилъ, однако, всѣ подобнаго рода попытки. По полученіи извѣстія о заключеніи мира въ Ништадтѣ, расположенный къ Россіи вице-канцлеръ Шенборнъ тотчасъ же заявилъ Ланчинскому, что о Брауншвейгскомъ конгрессѣ не можетъ бытѣ больше и рѣчи, и далъ при этомъ понять, что созывая конгрессъ, императоръ имѣлъ въ виду исключительно международныя отношенія и никогда не допустилъ бы обсужденія на подобномъ дипломатическомъ собраніи вопросовъ, относящихся по существу къ внутренней имперской политики: „оный конгрессъ не для имперскихъ дѣлъ назначенъ былъ, но для чужестранныхъ трактатовъ. Нынѣ же де больше трактовать некому, ибо Швеція въ Брауншвейгѣ ничего дѣлать не будетъ, а имперскія дѣла цесарь, яко домашнія, безъ конгресса опредѣлить можетъ“ (реляц. Ланчинскаго 27 сент. 1721 г.).

1721 г. прибылъ въ С.-Петербургъ полномочный посолъ германскаго императора, гр. Кинскій, миссія котораго и была какъ бы послѣднимъ моментомъ въ рядѣ тѣхъ неудачныхъ попытокъ войти въ болѣе тѣсное соглашеніе съ Москвою, какія за послѣднее время были предприняты австрійскимъ правительствомъ *).

Эта миссія была въ значительной степени отрицательнаго характера. Задачею гр. Кинскаго было, прежде всего, стоять на стражѣ и слѣдить за тѣми переговорами, какіе шли въ это время между русскимъ правительствомъ и Кампредономъ. Одновременно съ этимъ, однако, какъ видно изъ его депешъ, имъ были сдѣланы офиціальныя предложенія отъ лица своего правительства о заключеніи новаго союзнаго соглашенія между Россіей и Австріей. Въ этихъ новыхъ предложеніяхъ съ еще большею очевидностью, чѣмъ въ 1720 году, проглядывало стремленіе австрійскаго правительства втянуть Россію въ свои сложные счеты съ обѣими монархіями Бурбоновъ и Англіей, что и было своевременно замѣчено съ русской стороны, и что—добавимъ отъ себя—дѣлало эти предложенія особенно трудно-пріемлемыми въ виду того, какъ начали складываться къ этому времени русскія отношенія къ Франціи **). Другое предложеніе, сдѣланное одновременно съ этимъ австрійскимъ правительствомъ черезъ Кинскаго—о возобновленіи русско-австрійской торговли черезъ Кіевъ и Бреславль, закрытой въ 1714 году, стоявшее, очевидно, въ связи съ тѣмъ направленіемъ, какое начала принимать къ этому времени торговая политика Австріи, шло также въ разрѣзъ съ петровскою по

*) Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... I, 50—51.

**) Пишущему настоящія строки во время его работъ въ Вѣнскомъ Архивѣ не удалось, къ сожалѣнію, использовать инструкцію, данную гр. Кинскому при его отправленіи въ Петербургъ. Содержаніе этой инструкціи возстановляется частью по позднѣйшимъ цесарскимъ указамъ, частью по собственнымъ донесеніямъ Кинскаго. (Вѣна R. XI. 1721; R. 12a 1722 и R. 12a 1722). Свѣдѣнія о пребываніи Кинскаго въ Петербургѣ и Москвѣ пополняются кромѣ того реляціями Кампредона (Сб. XLIX), дипломатическою перепискою Ланчинскаго и записями о конференціяхъ, бывшихъ у Кинскаго съ русскими министрами (Дѣла Австрійскія 1721 № 9 и 1722 №№ 1, 3 и 6). О предложеніи вступить въ союзъ съ Австріей, сдѣланномъ имъ въ самомъ началѣ его пребыванія въ Россіи русскимъ министрамъ, гр. Кинскій упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ гр. Шенборну отъ 21 янв. 1722 г. (Вѣна. R. 12a 1722).

*

литикою концентраціи внѣшней русской торговли въ гаваняхъ Балтійскаго моря *).

*) О „Бреславльской торговлѣ", ея закрытіи и переговорахъ, происходившихъ по этому поводу между Австріей и Россіей—Улянпцкій. Историческій очеркъ русскихъ консульствъ; стр. 69 слѣд. Вопросъ о возобновленіи этой торговли былъ поднятъ австрійскимъ правительствомъ еще въ 1720 г. во время пребыванія въ Вѣнѣ Ягужинскаго. Уже тогда австрійскіе министры аргументировали свое предложеніе доводами, ясно обнаруживающими связь этого вопроса съ общею торговою политикою Карла VI послѣ войны за Испанское наслѣдство. Время Карла VI— время подъема австрійской промышленности и торговли. Обзаведясь послѣ Пожаревацкаго мира флотомъ на Средиземномъ морѣ, Австрія вступаетъ на путь торговаго океаническаго соперничества съ другими державами. Въ 1719 г. Тріестъ и Фіуме были объявлены порто-франко, была учреждена „Императорская Правительственная Восточная Компанія", и начало подготовляться учрежденіе торговой компаніи въ Остенде (см. выше стр. 140; объ австрійскомъ флотѣ въ Средиземномъ морѣ—Кочубинскій, Графъ А. И. Остерманъ; Од. 1899, стр. 8 прим.). При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно стремленіе Австріи втянуть Россію, страну естественныхъ богатствъ, во вновь устанавливаемую сѣть торговыхъ путей. Настаивая на открытіи бреславльской торговли, австрійскій вицеканцлеръ въ разговорахъ съ Ягужинскимъ перечислялъ различные продукты австрійской промышленности, „которые лучше французскихъ... и противъ англійскихъ и голландскихъ будутъ", и не упускалъ случая упомянуть и объ учреждаемой торговой компаніи въ Остенде, гдѣ „у нихъ нынѣ торгъ съ Индіею заведенъ" (Уляницкій, op. cit. 75). Настаивая на открытіи бреславльской торговли, австрійское правительство могло имѣть въ виду привлеченіе въ оборотъ австрійской торговли и привозимаго въ Россію изъ Персіи шелка: еще въ 1717 году русское правительство поручало своему торговому агенту въ Бреславлѣ Резе составить компанію для торговли шелкомъ съ Россіей и Персіей (ibid. 75). Ко всѣмъ предложеніямъ, направленнымъ къ возобновленію Бреславльской торговли, русское правительство относилось, однако, сдержанно какъ въ 1720 году во время пребыванія въ Вѣнѣ Ягужинскаго, такъ и въ 1722 году во время пребыванія въ Петербургѣ гр. Кинскаго, и не выходило за предѣлы частичныхъ уступокъ, вызываемыхъ, повидимому, случайными соображеніями политическаго характера. Довольно ясно проглядывало его недовѣріе къ новому нѣсколько рискованному курсу австрійской торговой политики и нежеланіе жертвовать ради послѣдней своею собственною торговою системою. Не мѣшаетъ отмѣтить, что въ самихъ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ существовало мнѣніе о возможности согласовать интересы австрійской торговли съ принятою Россіей политикою концентраціи своего вывоза въ гаваняхъ Балтійскаго моря. Собранная въ 1722 г. коммиссія по вопросу о бреславльской торговлѣ не согласилась съ мнѣніемъ бреславльскаго купечества о необходимости возстановить старый путь на

Наконецъ, явное стремленіе вѣнскаго двора вмѣшаться въ русскія придворныя отношенія и претязанія гр. Кинскаго взять на себя роль защитника интересовъ племянника императора, великаго князя Петра Алексѣевича, заставляли опасаться, что съ австрійской стороны будетъ сдѣлана попытка осложнить будущее союзное соглашеніе оговорками династическаго характера, которыя такъ или иначе предрѣшали бы вопросъ о русскомъ престолонаслѣдіи *).

Правда, русское правительство непрочь было войти въ соглашеніе съ Австріей по восточному вопросу и нѣкоторымъ другимъ, не отступая отъ принциповъ воспринятой имъ политической системы, не вдаваясь «въ дальности» и добившись въ то же время кое-какихъ уступокъ въ интересахъ герцога мекленбургскаго. Въ Вѣнѣ теперь на это уже не шли; соглашеніе по восточному вопросу ставили какъ разъ въ зависимость отъ тѣхъ труднопріемлемыхъ условій, согласіе на которыя заставило бы Россію занять черезъ чуръ опредѣленное положеніе въ пререканіяхъ Австріи съ Франціей и Испаніей; отношеніе же за это время вѣнскаго двора къ герцогу мекленбургскому и его дѣлу обнаруживало продолжавшееся еще вліяніе въ Вѣнѣ англо-ганноверской дипломатіи **).

Кіевъ и о невозможности ввести иными путями русскіе товары въ австрійскія владѣнія. Съ своей стороны, коммиссія предлагала, вступивъ въ соотвѣтствующіе переговоры о пониженіи пошлинъ съ Пруссіей и Польшей, создать два пути въ австрійскія владѣнія для русской торговли по Одеру отъ Бреславля до Штеттина и по Вислѣ до Данцига. Оба эти пути должны были быть открыты одновременно и служить какъ бы резервомъ одинъ другому на случай какихъ либо таможенныхъ затрудненій (Реляц. Ланчинскаго 3 марта 1722 г.).

*) Въ силу данной ему инструкціи Кинскій постоянно старался разузнавать все, что было возможно, о воспитаніи великаго князя и его сестры и ихъ положеніи при дворѣ. Во время аудіенціи у царицы, имѣя спеціальное на это порученіе отъ императора, онъ точно также справлялся о ихъ здоровьѣ.—Его реляц. 3 и 20 окт. 1721 г.

**) Принципіальное желаніе русскаго правительства вступить въ соглашеніе съ императоромъ высказывается въ рескриптѣ Ланчинскому 15 янв. 1722 г. Очень скоро, однако, гр. Кинскій принужденъ былъ замѣтить, что русское правительство противъ распространенія условій будущаго соглашенія на Испанію и Францію: „Czaarische Ministri haben mir... zum oftern zu verstehen gegeben, dass die mit. Ew. Ks. Mt intendirende deffensive-Alliantz wegen Frankreichs und Spaniens der grossen Entlegenheit halber und wegen der von Czaar zu haltenden Neutralität nicht auf diese Potenzen extendiret werden konte“ (его реляц. 20 апр.

Все это вмѣстѣ взятое обрекало миссію гр. Кинскаго на довольно безплодные результаты. Переговоры съ нимъ русскихъ министровъ носили вообще довольно случайный характеръ и были лишены той содержательности, которая хоть нѣсколько напоминала бы оживленный обмѣнъ мнѣній и предложеній, происходившій въ это время между Шафировымъ и Кампредономъ. Несмотря на безусловно сочувственное отношеніе къ идеѣ русско-австрійскаго соглашенія, замѣчавшееся уже въ то время со стороны нѣкоторыхъ изъ русскихъ дипломатовъ, дѣло ограничивалось одними отрывочными конференціями. Первая миссія имперскаго посла въ столицѣ новаго европейскаго государства, такъ торжественно предпринятая, постепенно была сведена на нѣтъ. Соглашеніе съ русскимъ царемъ по восточному вопросу при данныхъ условіяхъ было признано въ Вѣнѣ безполезнымъ, а его помощь противъ южныхъ сосѣдей опасной и нежелательной *). Резолюція царя отъ 21 апрѣля 1722 года о возобновленіи торговли съ Бреславлемъ «года на два съ разсмотрѣніемъ» получила частичное законодательное осуществленіе лишь гораздо позднѣе, въ 1723 г., когда Кинскаго давно уже не было въ Россіи. 25 мая 1722 года ему былъ посланъ рескриптъ о возвращеніи, и 16 іюня онъ покинулъ Москву **).

Послѣ отъѣзда гр. Кинскаго въ русско-австрійскихъ отношеніяхъ наступило нѣкоторое затишье. Россія продолжала занимать выжидательное положеніе, слѣдила за происками ганноверской и саксонской дипломатіи, старалась парализовать въ Вѣнѣ англійское вліяніе и предупредить неумѣренныя и несвоевременныя голштинскія притязанія. Австрія, не понимая цѣли русскихъ военныхъ и мор-

1722 г.). Вообще, въ рескриптахъ Ланчинскому, въ реляціяхъ Кинскаго и протоколахъ конференцій съ нимъ русскихъ министровъ зачастую упоминается о желаніи русскаго правительства вступить въ союзъ съ императоромъ. Сопоставляя, однако, тотъ тонъ, какимъ говорило объ этомъ русское правительство, съ тѣмъ, какъ говорили въ это время съ Кампредономъ, мы должны признать въ данномъ случаѣ въ русскихъ офиціальныхъ рѣчахъ значительную долю дипломатическаго преувеличенія: будущее соглашеніе съ императоромъ врядъ имѣло въ глазахъ русскаго правительства такое принципіальное и рѣшающее значеніе какое оно придавало своему предполагаемому союзу съ Франціей.

*) Протоколъ конференціи, происходившей при участіи пр. Евгенія Савойскаго, Траутсона, Синцендорфа, Штаренберга, Виндишгреца и Шенборна отъ 23 Мая 1722 г.—Вѣна R. 12b 1725.

**) Ibid. См. также Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... I, 51.

скихъ приготовленій въ 1722 и 1723 годахъ, безпокоилась за цѣлость и судьбу сѣверныхъ областей Имперіи, недовѣрчиво относилась къ тому, какъ складывались на Востокѣ отношенія Россіи и Франціи, заподазривая причастность къ этимъ отношеніямъ своего эмигранта Рокоччи, и приняла довольно сдержанно извѣстіе о подготовкѣ союза между Россіей и Швеціей *). На Востокѣ русско-австрійскія отношенія до конца петровскаго царствованія сохранили сдержанно-холодный характеръ. Иначе было на Сѣверѣ. Осенью 1723 года вопросъ объ остендской компаніи сдѣлался камнемъ преткновенія въ дѣлѣ соглашенія императора съ Англіей, Франціей и Голландіей. Еще въ февралѣ этого года ганноверскій дворъ, недовольный неполученіемъ инвеституры на Бременъ и Верденъ, допустилъ, въ лицѣ своего представителя въ Регенсбургѣ, Фридберга, рѣзкія выходки по адресу вице-консула Шенборна и самого императора въ одномъ изъ своихъ проектовъ, касавшихся положенія протестантовъ въ Имперіи. Въ Вѣнѣ начала укрѣпляться мысль о сепаратномъ соглашеніи съ Испаніей, въ противовѣсъ тремъ названнымъ державамъ, и папскій статсъ-секретарь Спинола, слѣдуя, очевидно, указаніямъ изъ Вѣны, началъ зондировать въ этомъ направленіи испанское правительство **). Для Россіи, постепенно переходившей въ своей сѣверной политикѣ къ все болѣе и болѣе аггрессивному образу дѣйствія, наступалъ благопріятный моментъ, чтобы занять соотвѣтствующую своимъ интересамъ позицію въ Мекленбургѣ.

Выше было уже указано, что для разбора тяжбы между герцогомъ Карломъ-Леопольдомъ была учреждена особая коммиссія, состоявшая изъ курфюрста Ганноверскаго и герцога Вольфенбютельскаго, а въ 1719 году за нарушеніе герцогомъ имперской конституціи въ Мекленбургъ была назначенна военная экзекуція, порученная тѣмъ же лицамъ ***). Мекленбургское дворянство безусловно имѣло много вѣскихъ поводовъ быть недовольнымъ своимъ сюзереномъ и обращаться съ жалобою на него къ императору; несовсѣмъ неправо было, однако, и правительство герцога Карла Леопольда, указывая на «парціальность» въ данномъ случаѣ имперской коммиссіи, въ составъ которой входили

*) Реляц. Ланчинскаго 30 сент. 1723 г.

**) Реляц. Ланчинскаго 24 февр. и 13 марта 1723 г.

***) См. стр. 69; срав. также Erdmannsdörfer II, 349.

и вассалы герцога (т. е. одна изъ тяжущихся сторонъ), каковымъ былъ напримѣръ министръ курфюрста Георга, гр. Бернсдорфъ *). Тотчасъ же послѣ назначенія коммиссіи герцогское правительство начало, поэтому, всюду искать предстательства и заступничества передъ императоромъ: обращалось съ просьбой о медіаціи къ генеральнымъ штатамъ Голландіи, прислушивалось къ подобнымъ предложеніямъ, шедшимъ изъ Саксоніи, не прочь было отъ вмѣшательства даже Англіи, но больше всего возлагало надежду на Россію **). Надежда не обманула. Добиваться пересмотра мекленбургскаго дѣла, назначенія новой коммиссіи въ иномъ составѣ, а въ связи съ этимъ и вывода изъ Мекленбурга ганноверскихъ войскъ было для Россіи однимъ изъ способовъ борьбы съ англо-ганноверскою дипломатіей. Воспользовавшись въ свое время Мекленбургомъ, какъ опорною базою для военныхъ дѣйствій въ Сѣверной Германіи, Петръ Великій и теперь отнесся благосклонно къ просьбѣ герцога о заступничествѣ за него передъ императоромъ и поддержаніи его интересовъ предъ другими европейскими державами ***).

Мекленбургскій вопросъ повсюду при всякомъ удобномъ случаѣ начинаетъ затрагиваться русскою дипломатіею. Мы уже знаемъ, какъ ставился этотъ вопросъ во время переговоровъ съ Франціей; противопоставляя прусскіе интересы вмѣшательству въ Мекленбургское дѣло Ганновера, ничего не имѣли, повидимому, противъ того, чтобы имъ заинтересовалась болѣе ра-

---

*) Меморіалъ, поданный русскому правительству мекленбургскимъ посланникомъ въ Россіи Иваномъ Остерманомъ 20 авг. 1721 г.—Дѣла Мекленбургскія 1721 г. № 3.

**) Реляц. Бона 5, 15 и 29 ноября 1723 г. — Дѣла Мекленбургскія 1723 № 6.

***) Быть можетъ и теперь соображенія стратегическаго характера отчасти опредѣляли собою образъ дѣйствія Петра Великаго. Такъ склоненъ былъ объяснять въ то время русскую политику данцигскій корреспондентъ австрійскаго представителя при польскомъ дворѣ Мартельса: „S. M. Cz-ne veut avoir outre Roi de Prusse (qui est déjà tout dans ses interêts) deux autres Princes de l'Empire à son entiere disposition pour y attirer d'autres. Car ayant les ducs de Holstein et de Mecklenbourg sous sa tutela il s'assure de domaine de toute la cote depuis Reval jusqu'au delà de Lubeck et dans le voisinage de Hambourg“ (экстрактъ письма изъ Данцига отъ 3 (янв.?) 1722 г. при реляц. Мартельса отъ 10 янв. 1722 г.—Вѣна R. 12a 1722).

сположенная къ Россіи Пруссія *); но въ особенности мекленбургскій вопросъ выдвигался во время переговоровъ съ Австріей. Послѣ Ништадтскаго мира, какъ мы видѣли, Шафировъ указываетъ на этотъ вопросъ какъ на такой, который могъ бы составить предметъ обсужденія на Брауншвейгскомъ конгрессѣ; позднѣе, въ переговорахъ съ Кинскимъ, удовлетвореніе герцога ставилось, какъ одно изъ условій соглашенія Россіи съ Австріей. Затрагивая мекленбургскій вопросъ, русское правительство всегда предъявляло вполнѣ опредѣленное требованіе: только измѣненіе въ составѣ коммиссіи и выводъ изъ Мекленбурга экзекуціонныхъ войскъ, или, по крайней мѣрѣ, аналогичное измѣненіе ихъ состава считало оно единственно правильнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса **). Настроеніе въ Вѣнѣ въ этомъ отношеніи было на первыхъ порахъ крайне неблагопріятно. Герцогъ сумѣлъ возстановить противъ себя всѣхъ. Въ такомъ духѣ высказывались въ разговорахъ съ Ланчинскимъ и относившійся болѣе сдержанно къ сближенію съ Россіей вліятельный при дворѣ принцъ Евгеній Савойскій, и сторонникъ подобнаго сближенія, вице-канцлеръ Шенборнъ ***). Будучи недовольны герцогомъ и избѣгая всего, что могло бы дать поводъ въ вмѣшательству Россіи въ сѣверогерманскія отношенія, въ Вѣнѣ очень скоро, однако, начинаютъ относиться съ недовѣріемъ и къ черезъ-чуръ рѣшительному и самостоятельному образу дѣйствія въ Мекленбургѣ Ганновера. Опасенія подобнаго рода растутъ по мѣрѣ того, какъ растетъ охлажденіе между Австріей и Англіей. Не отвѣчая прямымъ отказомъ на русскія представленія о герцогѣ, вѣнскій дворъ ставитъ своимъ conditio sine qua non выраженіе со стороны по-

---

*) Въ разговорѣ съ прусскими министрами о возможности примиренія Россіи съ Англіей, гр. Алекс. Головкинъ всячески старался подчеркнуть, насколько невыгодно было бы для Пруссіи утвержденіе въ Мекленбургѣ Ганновера — его реляц. 30 дек. 1723 г. Мысль прусскаго правительства о необходимости поручить выполненіе императорскихъ мандатовъ по мекленбургскому дѣлу королю прусскому, какъ директору нижнесаксонскаго округа, также, повидимому, не встрѣчала противорѣчія съ русской стороны.—Протоколъ конференціи Мардефельда съ русскими министрами 21 сент. 1721 г.

**) Грамоты Петра Великаго къ германскому императору отъ 14 авг. и 15 октяб. 1721 г. Дѣла Австрійскія 1721 г. № 1.

***) Выписка изъ реляцій Ланчинскаго—въ Дѣлахъ Мекленбургскихъ 1721 г. № 6.

слѣдняго полной «парицін» цесарю *). Россія съ своей стороны давно уже старалась внушить герцогу мысль о необходимости подобнаго шага.

Вмѣшавшись въ мекленбургское дѣло прежде всего ради своихъ собственныхъ интересовъ и меньше всего во имя отвлеченной мысли о помощи герцогу, Петръ Великій всегда оставался, въ данномъ случаѣ, на разъ усвоенной точкѣ зрѣнія. Стараясь всѣми силами выжить ганноверцевъ изъ Мекленбурга, онъ въ то же время не хочетъ упустить этого дѣло изъ своихъ собственныхъ рукъ. Онъ противъ окончанія мекленбургскаго дѣла помимо русскаго посредничества. Отсюда та разница въ тонѣ, какимъ русское правительство и дипломатія говорятъ объ этомъ дѣлѣ въ Вѣнѣ и самомъ Мекленбургѣ: въ Вѣнѣ—настойчивыя требованія о пересмотрѣ дѣла и по возможности полномъ отстраненіи отъ него куфюрста Георга; въ Мекленбургѣ, ради успѣха тѣхъ же требованій—постоянные совѣты герцогу быть умѣреннымъ и покорнымъ. Эти совѣты красною нитью проходятъ черезъ всѣ переговоры царя съ герцогомъ: герцогъ долженъ безпрекословно подчиниться имперской конституціи; только тогда онъ самъ можетъ жаловаться на незаконный образъ дѣйствія коммиссіи и настаивать на снятіи военной экзекуціи. Только при такихъ условіяхъ Россія соглашалась поддержать герцога, ограничиваясь, однако лишь «добрыми офиціями» и заранѣе отклоняя вопросъ о какой бы то ни было вооруженной помощи. Къ этому и сводились всѣ русско - мекленбургскіе переговоры 1722 и 1723 гг., выразившіеся въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ посольствъ къ герцогу, которыя и заключаются посылкою лѣтомъ 1723 года въ Мекленбургъ генералъ-лейтенанта Бона **). Эта послѣдняя миссія

*) „.... Всеподданнѣйше прибавить долженствую, что весьма равно какъ съ одной стороны здѣшняго двора желаніе Ганноверцевъ изъ Мекленбургіи вывесть и склонность Его Свѣтлости герцогу вспоможеніе учинить (если бы парицію обыкновеннымъ засвидѣтельствовать и потомъ оную исполнить изволилъ), такъ съ другой стороны боязнь угрожаемыхъ крайностей усматриваю“.—Реляц. Ланчинскаго 27 дек. 1723.

**) Рескр. Ланчинскому 25 авг. 1723 г. О посольствахъ къ герцогу Мекленбургскому въ 1721—1723 г.г. гвардіи маіора Сем. Солтыкова, гр. Ал. Головкина, кап. Ив. Бибикова и ген.-лейт. Бона—Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... II, 113—115. Къ концу 1723 г. русско-мекленбургскія отношенія вообще принимаютъ болѣе оживленный характеръ. Это не усколь-

привела къ нѣкоторымъ результатамъ. Въ августѣ 1723 года русское правительство передало императору черезъ Ланчинскаго первую «парціальную» грамоту герцога *). Мотивируя тѣмъ, что герцогомъ выполнилъ этимъ всѣ предъявленныя ему требованія, оно съ новою силою начинаетъ теперь настаивать на своихъ дальнѣйшихъ требованіяхъ, на выводѣ изъ Мекленбурга ганноверскихъ войскъ, и всѣми силами торопитъ съ этимъ вѣнскія канцеляріи. Только сопоставляя эти требованія съ тѣмъ, какъ складывались къ данному моменту отношенія къ Франціи, какой оборотъ принимали переговоры со Швеціей, и какъ все настойчивѣе и настойчивѣе дѣлалась къ этому времени въ своихъ требованіяхъ русская дипломатія и въ Копенгагенѣ, мы получимъ ихъ настоящую оцѣнку и отведемъ имъ надлежащее мѣсто въ общей картинѣ европейской политики Петра Великаго въ исходѣ 1723 года. Здѣсь расчищалось новое поле для наступательнаго дѣйствія, конечною цѣлью котораго была все та же задача, формулированная уже въ свое время Алексѣемъ Бестужевымъ и Остерманомъ, но разрѣшаемая теперь болѣе сложными средствами.

Строить какіе-либо широкіе планы исключительно на такомъ неустойчивомъ базисѣ, какъ случайное примирительное настроеніе капризнаго герцога Карла-Леопольда, было, однако, очевидно, невозможно. Пользуясь взаимнымъ охлажденіемъ Англіи и Австріи, съ одной стороны, и тѣмъ направленіемъ въ шведской политикѣ, какое къ этому времени возобладало въ Стокгольмѣ, съ другой, предстояло глубже втянуть Австрію во вновь устанавливающуюся систему отношеній на Сѣверѣ. Привлечь Австрію ко вновь заключаемому русско-шведскому союзному договору во всемъ его объемѣ, вотъ что должно было стать теперь слѣдующею очередною задачею русской политики. То отношеніе, какое неоднократно до этого времени проявлялъ вѣнскій дворъ къ голштинскому вопросу, позволяло, повидимому, также разсчитывать въ данномъ случаѣ на благопріятные результаты.

Мы уже знаемъ, что еще до заключенія Ништадтскаго мира

зало и отъ вниманія иностранныхъ пословъ въ Петербургѣ, ставившихъ это въ связь съ общимъ положеніемъ былъ на Балтійскомъ морѣ. Такъ Гохгольцеръ, отмѣчая крайнею поспѣшность, съ какою была предпринята посылка Бона, сопоставляетъ эту посылку съ выходомъ въ открытое море русскаго флота.—Его реляц. 12 іюля 1723 г. (Вѣна. К. 12а 1723).

*) Рескр. ему же 26 сент. 1723 г.

голштинская партія имѣла основанія возлагать свои надежды на императорскій дворъ, и что къ 1720 г. Вѣна сдѣлалась однимъ изъ центровъ голштинскихъ дипломатическихъ происковъ *). Послѣ заключенія Ништадтскаго мира герцогъ голштинскій, будучи уже въ Петербургѣ, по прежнему искалъ заступничества у императора и обратился къ послѣднему съ новымъ письмомъ въ ноябрѣ 1721 г. Сообщая, что царь рѣшилъ поддерживать его претензіи на Шлезвигъ, и выражая свое удовлетвореніе по поводу того, что Кинскій сочувственно относится къ его дѣлу, онъ заканчивалъ это письмо просьбою снабдить Кинскаго соотвѣтствующими полномочіями, что дало-бы возможность воспользоваться благопріятною минутою и извлечь изъ нея какую-нибудь выгоду **). Хотя въ послѣдующихъ инструкціяхъ Кинскому предписывалось воздерживаться отъ какихъ-бы то ни было опредѣленныхъ обязательствъ по шлезвигскому вопросу, общій тонъ этихъ инструкцій былъ, однако, скорѣе благопріятенъ для герцога. Это, повидимому, не ускользнуло и отъ вниманія русскихъ министровъ, неоднократно напоминавшихъ Кинскому о голштинскомъ дѣлѣ и выражавшихъ надежду, что герцогъ найдетъ у императора авторитетную поддержку ***).

*) См. выше стр. 75 и 76.

**) Письмо герцога голштинскаго къ императору Карлу VI отъ 13 (24) ноября 1721 г.—Вѣна, R. XI. 1721. „Es kombt aber, allergnädigst Kayser u. Herr, nun hauptsächlich darauff an, dass E. Kays. Mt. annoch die Gnade vor mich haben, und Ihm (т. е. гр. Кинскому) auch specialiter insonderheit über diesem Vorfalle derzutreffenden Convention dermassen rechdürftig authorisiren und bevollmächtigen, damit selbige sich daran wenigstens nicht stossen, und etwan daher wohl gar Anlass möge genommen werden, sich alhier bei E. K. Mt. vor mich hegenden höchsten Wohlwollen und Gewogenheit einiger Scrupel zu machen, welches sodann nicht mein grössten Unglück sein würde“.

***) „Weiter aber hast du dich über den Restitutions-Punct nicht auch viel weniger in einiges Impegno oder Verwicklung einzulassen, sondern die mit dir derenthalben führende Gespräche in Terminis Generalibus zu beantworten, unter den Hand aber wohl noch zu forschen, wo sowohl des Herzg. v. Holst. und des Czaarn, als des Königs in Schweden und allerseitiger Ministren mitten auch anderer dieser Restitutions-Sache zu oder abgeneigter im oder auswärtiger Potenzen Absicht eigentlich gerichtet oder gemacht werden; dem Herzog jedoch Instructionsmässig bei möglich Dingen und gelegenheiten ferner vorzuscheiben“.—Импер. рескр. Кинскому отъ 30 апр. 1722 г. Разговоры съ Кинскимъ по голштинскому дѣлу русскихъ министровъ (Шафирова и Ягужинскаго)—въ его реляц отъ 30 янв. 1722 и въ его же письмѣ къ гр. Шенборну отъ 26 янв. 1722.

Съ 1721 по 1724 г., по мѣрѣ того, какъ русская дипломатія сближалась въ Стокгольмѣ съ голштинской партіей, установились болѣе близкія отношенія и между австрійской дипломатіей и шведскими приверженцами герцога. Австрійскій посолъ въ Стокгольмѣ гр. Фрейтагъ игралъ, повидимому, въ данномъ случаѣ не послѣднюю, хотя и не совсѣмъ ясную для насъ роль *). Когда союзъ съ Россіей былъ близокъ къ заключенію, представители голштинской партіи первые заговорили о желательности включить въ этотъ союзъ и германскаго императора **). Мотивы, стоявшіе въ связи съ упомянутымъ выше охлажденіемъ, происшедшемъ около этого времени между Вѣною и Ганноверомъ на имперскомъ сеймѣ по дѣлу о протестантахъ, заставляли, повидимому, императора, въ своихъ собственныхъ интересахъ, поддерживать въ данномъ вопросѣ герцога. И ниже мы еще увидимъ, почему стать въ шлезвигскомъ вопросѣ на сторону герцога голштинскаго означало для германскаго императора — не только отстаивать гарантированныя имъ условія Травендальскаго мира, но и заручиться лишнею угрозою въ своихъ собственныхъ видахъ противъ своихъ соперниковъ въ имперіи, и даже, быть можетъ, получить въ свое прямое распоряженіе одинъ лишній голосъ на имперскомъ сеймѣ. Словомъ, собственные интересы австрійской политики создавали, такимъ образомъ, до извѣстной степени солидарность между вѣнскимъ кабинетомъ и петербургскимъ по вопросу, который выдвигался теперь на очередь балтійскою политикою Россіи. Русско-французскіе переговоры о союзѣ выдвинули къ исходу 1723 года на очередь вопросъ о примиреніи Россіи съ Англіей. Въ Германіи къ этому времени создавалось, повиди-

---

*) Въ 1722 г. гр. Фрейтагъ поддерживалъ переписку съ герцогомъ голштинскимъ. Во время сессіи шведскаго сейма 1723 г. шведскій король считалъ уже гр. Фрейтага однимъ изъ своихъ главныхъ противниковъ и дѣлалъ тщетныя усилія привлечь его на свою сторону. Близкое отношеніе гр. Фрейтага въ это время къ шведскимъ политическимъ партіямъ и его вмѣшательство въ партійную борьбу было причиною, заставившею его оставить свой постъ (Malmström I, 347 и 378). Опираясь на голштинскую партію, гр. Фрейтагъ, съ другой стороны, повидимому очень осторожно относился ко всѣмъ крайнимъ проектамъ голштинской дипломатіи, которые могли-бы черезъ-чуръ осложнить положеніе дѣлъ въ Имперіи, какъ напримѣръ къ проекту Бассевица о вознагражденіи герцога за Шлезвигъ Бременомъ и Верденомъ (рескр. Ланчинскому 13 дек. 1723 г.).

**) См. выше стр. 164.

мому, благопріятное въ этомъ отношеніи для Россіи равновѣсіе силъ. Приходилось только еще слѣдить, чтобы это равновѣсіе не было нарушено какимъ-либо рѣзкимъ поворотомъ въ ту или другую сторону политики Пруссіи.

Въ Берлинѣ русской дипломатіи предстояло дѣйствовать въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны, старанія Саксоніи взять въ свои руки примиреніе Пруссіи съ императоромъ, въ случаѣ успѣшнаго исхода, могли привести къ тому или другому нежелательному для Россіи соглашенію между Пруссіей, Саксоніей и Австріей по польскому, а въ связи съ этимъ и по курляндскому вопросу. Результатомъ, съ другой стороны, ганноверскихъ и англійскихъ происковъ въ Берлинѣ, помимо общихъ осложненій въ Сѣверной Германіи, могла явиться прусская гарантія шлезвигскихъ владѣній Даніи, что было-бы особенно нежелательно въ данный моментъ, когда ставился на очередь вопросъ объ устраненіи прежней англо-французской гарантіи *). Въ случаѣ, наконецъ, взаимнаго соглашенія старанія англо-ганноверской и саксонской дипломатіи въ Берлинѣ привели-бы фактически къ возрожденію, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ, Вѣнскаго союза 1719 года. Предупредить всѣ эти старанія было возможно лишь путемъ соглашенія по курляндскому вопросу, къ которому въ Берлинѣ за послѣднее время стали проявлять крайне нервное отношеніе. Дѣйствовать при этомъ, однако, приходилось крайне осторожно, чтобы уступчивостью по отношенію къ Пруссіи не возстановить противъ самихъ себя курляндскихъ «доброжелательныхъ»—расположенную къ Россіи часть-курляндскаго населенія. Намъ и предстоитъ теперь, поэтому, охарактеризовать положеніе курляндскаго вопроса къ исходу 1721 г., отмѣтить главные моменты въ ходѣ переговоровъ по этому вопросу въ 1722 и 1723 г. и опредѣлить результаты этихъ переговоровъ для русской политики какъ въ самой Курляндіи, такъ и вообще на Балтійскомъ морѣ.

Очередными вопросами русской политики въ Курляндіи ко времени заключенія Ништадтскаго мира были, съ одной стороны, вопросъ о выкупѣ на имя вдовствующей курляндской герцогини за счетъ русскаго правительства заложенныхъ курляндскимъ дво-

*) Этого во всякомъ случаѣ боялось русское правительство.—Рескр. А. Головкину 2 декабря 1723 года. (Дѣла Прусскія 1723 № 3).

рянамъ герцогскихъ доменовъ (амтовъ и маетностей), съ другой стороны, вопросъ о курляндской «сукцессіи» — подысканіи кандидата на случай смерти престарѣлаго бездѣтнаго герцога Фердинанда (дяди умершаго герцога Фридриха-Вильгельма), отстраненнаго отъ управленія и бывшаго въ ссорѣ съ курляндскимъ населеніемъ. Разрѣшеніе обоихъ этихъ вопросовъ должно было вести, съ точки зрѣнія русскаго правительства, къ одной и той-же цѣли—постепенному усиленію въ Курляндіи русскаго вліянія, какъ подготовкѣ болѣе реальнаго соединенія герцогства съ его новою сосѣдкою Россіею, занявшей теперь твердое положеніе на остзейскомъ побережьѣ. Выкупъ амтовъ расширялъ въ герцогствѣ площадь фактическихъ владѣній русскаго правительства. Вмѣшиваясь въ жгучій вопросъ курляндской жизни о сукцессіи, имѣли прежде всего въ виду предупредить польскіе планы объ «инкорпораціи» герцогства—его полномъ присоединеніи къ Польшѣ, а также устранить отъ рѣшенія этого вопроса самого герцога Фердинанда, являвшагося въ иныхъ случаяхъ лишь орудіемъ саксонской дипломатіи. Тѣмъ - же желаніемъ предупредить саксонскіе происки въ Курляндіи руководились и тогда, когда разрывали договоръ съ польскимъ королемъ о бракѣ герцогини Анны Іоанновны съ герцогомъ Саксенъ-Вейсенфельскимъ, этимъ постояннымъ замѣстителемъ саксонскаго курфюрста въ различныхъ щекотливыхъ для саксонской политики вопросахъ.

Выкупъ заложенныхъ герцогскихъ доменовъ, на что давно уже претендовало русское правительство, началъ приводиться въ исполненіе еще до заключенія Ништадскаго мира. Еще въ бытность свою въ Ригѣ Петръ Великій уже отдалъ объ этомъ распоряженіе П. Бестужеву, ассигновавъ на это соотвѣтствующія суммы *). Ближайшимъ поводомъ къ приведенію этого распоряженія въ исполненіе осенью 1721 г., послужила, повидимому, попытка того же герцога Фердинанда отнять, опираясь на польскую партію, насильно и *безвозмездно* заложенные герцогскіе домены у ихъ настоящихъ владѣтелей. При такихъ условіяхъ русское предложеніе о соотвѣтствующемъ *выкупѣ* этихъ доменовъ должно было сдѣлать курляндское дворянство болѣе податливымъ въ тѣхъ переговорахъ, какіе началъ теперь съ ними по этому поводу представи-

*) Письмо П. Бестужева Остерману отъ 23 марта 1725 г.—Дѣла Курляндскія 1725 г., № 7.

тель русскаго правительства въ Митавѣ, П. Бестужевъ *). Къ декабрю 1721 г., по подсчету Бестужева, общее количество заложенныхъ амптовъ и маетностей составляло площадь, равную 377³/₄ гаакамъ заселенной земли съ 1561 дворомъ, дающую въ годъ до 23.000 талеровъ дохода. Не безынтересно отмѣтить, что всѣ эти домены, хотя и въ разбросъ, группируясь частію вокругъ Митавы, тянулись съ Запада на Востокъ черезъ всю Курляндію, совершенно отрѣзывали сѣверную часть герцогства отъ Литвы и вплотную подходили къ русскимъ владѣніямъ въ Лифляндіи. Уже къ сентябрю 1721 г. многіе изъ владѣльцевъ заложенныхъ доменовъ выразили свое принципіальное согласіе на ихъ выкупъ за счетъ русскаго правительства. Въ теченіе 1722 г. изъ 30 амптовъ было выкуплено 9, составлявшихъ въ общей сложности до 188 гааковъ заселенной земли, на сумму 54.400 талеровъ, а въ теченіе всего царствованія Петра Великаго было выкуплено до 17 амптовъ на сумму 83.370 талеровъ **). Выкупая заложенные герцогскіе домены, не упускали случая скупать на имя вдовствующей герцогини и чужія долговыя претензіи къ герцогскому дому. Такъ въ 1722 г. велись переговоры съ прусскимъ резидентомъ въ Митавѣ Бребиндеромъ о покупкѣ у него заложенныхъ ему либавскихъ лицента и акциза ***). Основанная de jure на частно-гражданскомъ правѣ выкупная операція и по своимъ размѣрамъ, и по своему характеру превращалась въ постепенный

*) „Изъ вашихъ всеподданнѣйшихъ реляцій отъ 3 іюня и 25 іюля усмотрѣли мы, что доносили вы объ амптахъ и маетностяхъ княжескихъ курляндскихъ закладныхъ у шляхты, что герцогъ Фердинандъ, какъ признаютъ тамошніе обыватели намѣренъ оные у шляхты отобрать безденежно, и что подъ такой случай нынѣ вся шляхта на выкупъ отдавать оные склонны будутъ и проч. Вы имѣете по полученіи сего съ тою шляхтою, у которыхъ [помянутые ампты и маетности въ закладѣ, видѣться и требовать подлинной цѣны, за которую они тѣ княжескіе ампты и маетности могутъ отдать на выкупъ на имя племянницы нашей царевны Анны Іоановны, и чтобъ то за умѣренную сумму учинено было, и согласиться съ оными о послѣдней цѣнѣ и прислать сюда въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ для разсмотрѣнія и апробаціи о томъ доношеніе со всѣми обстоятельствами".—Рескр. П. Бестужеву 12 авг. 1721 г. Доводы, на какихъ основывало въ данномъ случаѣ свое право русское правительство, см. выше—стр. 50, прим. 2-е.

**) Реляц. П. Бестужева отъ 11 янв. и 5 іюня 1722 г. и цитирован. выше его письмо къ Остерману отъ 23 марта 1725 г. См. также Прилож. X.

***) Реляц. П. Бестужева отъ 17 іюля 1722 г. и рескриптъ на его имя отъ 10 авг. т. г.

переходъ на имя вдовствующей герцогини сеньоріальныхъ правъ курляндскаго герцога.

При такихъ условіяхъ эта операція не могла не возбудить противъ себя опасенія со стороны той части мѣстнаго населенія, которая давно уже съ тревогою слѣдила за постепеннымъ усиленіемъ русскаго вліянія въ Курляндіи. Неопредѣленность положенія дѣлъ въ герцогствѣ, выходъ изъ которой можно было найти, только разрѣшивъ вопросъ о сукцессіи, должна была чувствоваться теперь съ особенною силою. Выдвигая этотъ послѣдній вопросъ, русская политика само по себѣ послужила лишнимъ поводомъ къ разногласію между двумя противными партіями, присваивавшими каждая себѣ право сукцессіи: герцогомъ Фердинандомъ, нашедшимъ сочувствіе и въ нѣкоторой части курляндскаго дворянства, но опиравшимся, главнымъ образомъ, на польское правительство, и самимъ дворянствомъ, выразителемъ взглядовъ котораго являлись и тогдашніе курляндскіе оберъ-раты. Во главѣ первыхъ сталъ обергауптманъ г. Митавы ген. Ренне, собравшій вокругъ себя партію, главнымъ образомъ, изъ представителей фамиліи Цёге-фонъ-Мантейфелей и Сакеновъ, своихъ родственниковъ, а также литовскихъ уроженцевъ, владѣвшихъ въ Курляндіи рыцарскими землями. Отсутствіе контроля надъ герцогскою камерою, результатомъ чего явился рядъ финансовыхъ недочетовъ, между прочимъ и въ производствѣ выкупной операціи, и различныя правонарушенія въ области суда и администраціи, вотъ тотъ главный упрекъ, который бросалъ Ренне оберъ-ратамъ, и за которымъ ясно сквозило порицаніе по адресу русскаго правительства за его политику въ герцогствѣ. Этотъ упрекъ нашелъ себѣ выраженіе въ циркулярномъ письмѣ Ренне къ мѣстному дворянству и въ коллективной жалобѣ, поданной имъ самимъ вмѣстѣ съ его единомышленниками оберъ-ратамъ. Жалоба эта осталась безъ результата. Не удалась, однако, также и попытка русскаго правительства захватить самого Ренне. Войдя въ сношенія съ Фердинандомъ, осенью 1722 г. онъ перенесъ свою дѣятельность въ Польшу. Въ сентябрѣ этого года курляндскіе оберъ-раты и тѣ изъ дворянства, которые согласились на выкупъ заложенныхъ имъ доменовъ, послѣ предварительнаго предупрежденія получили, по жалобѣ Фердинанда, вызовъ на сеймовый судъ въ Варшаву *). Одновременно съ этимъ стали распростра-

*) Реляц. П. Бестужева 8 февр. и 29 сент. 1722 г. Судъ и земское управленіе въ Курляндіи сосредоточивались въ рукахъ четырехъ назн-

няться тревожные слухи о болѣзни Фердинанда и о томъ, что во многихъ курляндскихъ кирхшпиляхъ есть предположеніе внести въ инструкціи депутатамъ на сеймъ пожеланіе, чтобы Курляндія послѣ смерти герцога была раздѣлена на воеводства, что означало уже ея окончательное сліяніе съ Польшею *). Встревоженные всѣмъ этимъ курляндскіе «доброжелательные» съ этого момента начинаютъ особенно усиленно настаивать на необходимости созвать

чаемыхъ герцогомъ оберъ-ратовъ—ландгофмейстера, канцлера, бургграфа и ландмаршала, къ которымъ присоединялись еще два доктора права. Въ случаѣ малолѣтства герцога эти оберъ-раты составляли регентство. Низшей судебной инстанціей являлся судъ оберъ-гауптмановъ, засѣдавшихъ въ четырехъ пунктахъ: Митавѣ, Зельбургѣ, Гольдингенѣ и Тукумѣ (A. Richter, Geschichte der dem russischen Keiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, Riga 1857—58; T. II, B. III, p. 40). Циркулярное письмо Ренне и жалоба, поданная имъ и его товарищами оберъ-ратамъ—при реляц. П. Бестужева отъ 11 ноября 1721 г. Жалоба подписана дворянствомъ и земствомъ кирхшпилей Зельбурга, Бауска, Нерфта, Ашерада, Еккау, Нейгута и Бальдона. 11 октября Ренне отправилъ письмо къ П. Бестужеву съ увѣреніемъ, что онъ самъ и его товарищи не замышляютъ ничего противъ вдовствующей герцогини и только заботятся о земскомъ мирѣ и считаютъ необходимымъ, чтобы населеніе примирилось съ герцогомъ. Это письмо подписано самимъ Іоган.-Эрн. Ренне и слѣдующими лицами: Хризостомомъ Ренне, Фридрихомъ, Андр.-Готардомъ и Отто-Германомъ Мантейфель-Цёге, Эмерикъ-Іоганномъ фонъ Остенъ-Сакенъ, Георгъ-Христофоромъ фонъ-Сакенъ, Христофоромъ и Готардъ-Детлофъ Тизенгаузенами, Рейнгольдомъ Бринкенъ, Іог.-Дитр. Кнорръ, Георгомъ ф.-Оффенбергъ, Фил.-Іог. Шеппингъ, Іог.-Генр. Ганъ, Гот.-Іог. фонъ-Фитингофъ-Шель, Янъ-Михалемъ Такоржевскомъ и скарбникомъ Станинскимъ (ibid.), Уже съ января 1722 г. Ренне вступаетъ въ сношенія съ Фердинандомъ, ѣдетъ въ Данцигъ, оттуда, по порученію герцога, въ Варшаву и вернувшись въ Митаву, распускаетъ слухъ, что герцогиня должна будетъ покинуть Курляндію (реляц. П. Бестужева 30 января, 8 февраля, 29 мая и 9 іюня 1722 года). Въ мартѣ этого года русское правительство поручило въ Варшавѣ Сергѣю Долгорукому слѣдить за дѣйствіями Ренне (рескр. П. Бестужеву отъ 9 марта 1722 г.), а въ іюнѣ рижскому губернатору Репнину, на случай появленія Ренне въ Ригѣ, было предписано арестовать его подъ тѣмъ предлогомъ, что будучи на службѣ у вдовствующей герцогини, онъ отлучился, не взявъ отставки и не сдавъ своей должности. Такое же предписаніе получилъ и самъ П. Бестужевъ (рескр. на его имя отъ 19 іюня 1722 г). Арестовать Ренне не удалось. За это время онъ побывалъ въ Литвѣ (реляц. П. Бестужева отъ 18 сент. 1722 г.); результатомъ его поѣздки и былъ упомянутый вызовъ оберъ-ратовъ и дворянства на сеймовый судъ въ Варшаву.

*) Реляц. П. Бестужева 25 сент. 1722 г.

предварительный курляндскій областный сеймикъ, чтобы поставить на немъ вопросъ о сохраненіи курляндскихъ привиллегій и о признаніи за населеніемъ права избрать преемника герцогу Фердинанду, и ищутъ въ этомъ поддержки со стороны Россіи. Русскіе интересы предполагалась при этомъ обезпечить съ одной стороны, продолживъ выкупную операцію, съ другой стороны, сдѣлавъ оговорку, что будущій кандидатъ въ герцоги получитъ и руку вдовствующей герцогини. Въ числѣ кандидатовъ, намѣчаемыхъ «доброжелательными», не было, однако, ни двоюроднаго брата прусскаго короля, маркграфа Фридриха-Вильгельма бранденбургъ-шведтскаго, на имя котораго въ 1718 г. былъ заключенъ брачный договоръ между Россіей и Пруссіей, ни вообще кого-либо другого, на комъ могли-бы сойтись обѣ названныя державы *). Политика Фердинанда и его сторонниковъ шла, такимъ образомъ, въ разрѣзъ съ интересами самой Россіи въ Курляндіи; планы курляндскихъ «доброжелательныхъ» осложняли и безъ того уже нелегкое дѣло соглашенія по курляндскому вопросу съ Пруссіей. Настойчивость, какую къ этому времени начинаетъ проявлять въ курляндскомъ вопросѣ само прусское правительство, еще болѣе затрудняла его разрѣшеніе.

По договору 1718 г. Россія и Пруссія, не предрѣшая вопроса о будущемъ земскомъ устройствѣ Курляндіи, взаимно обязались, какъ извѣстно, содѣйствовать переходу герцогскаго достоин-

*) Въ февралѣ 1723 г. „доброжелательные“ представили П. Бестужеву роспись нѣмецкихъ принцевъ, которые могли бы быть женихами для вдовствующей герцогини. Въ этой росписи перечисляется 17 лицъ въ возрастѣ отъ трехъ мѣсяцевъ (Іосифъ Саксенъ-Гольдбургаузенскій род. 5 дек. 1722 г.) до сорока лѣтъ (Генрихъ-Фридрихъ Виртенбергскій род. 16 окт. 1681 г.). Среди нихъ нѣтъ, однако, никого изъ Гогенцоллерновъ и вообще болѣе близкихъ родственниковъ прусскаго королевскаго дома (реляц. П. Бестужева 19 февр. 1723 г.). Правда, незадолго до этого оберъ-раты объясняли П. Бестужеву, что нѣтъ никакой надежды, чтобы Польша согласилась за избраніе въ преемники Фердинанду маркграфа бранденбургъ-шведтскаго. Можно, однако, предполагать, что и самому курляндскому дворянству такой выборъ не былъ бы особенно пріятенъ въ виду близкаго сосѣдства Пруссіи и ея давнишнихъ видовъ на Курляндію. Съ другой стороны, кандидатъ, который представлялся для курляндскаго дворянства наиболѣе желательнымъ, врядъ ли былъ таковымъ и въ глазахъ Петра Великаго. Это былъ гессенъ-кассельскій ландграфъ Георгъ, младшій братъ шведскаго короля (Реляц. П. Бестужева 19 янв. 1723 г.; о проектѣ брака этого принца съ царевною Анною Петровною см. выше стр. 121).

ства на особу маркграфа Фридриха-Вильгельма, а Россія, кромѣ того, признала долговыя претензіи прусскаго короля и его родственниковъ къ курляндскому герцогскому дому и обѣщала содѣйствовать ихъ удовлетворенію. Этотъ договоръ, какъ было уже отмѣчено въ своемъ мѣстѣ, можно разсматривать, какъ вынужденную обстоятельствами уступку со стороны Россіи, допускавшей въ данномъ случаѣ въ Курляндіи, наряду съ своимъ вліяніемъ, вліяніе посторонней державы *). Въ концѣ 1721 г. прусское правительство попыталось сдѣлать дальнѣйшіе выводы изъ условій договора 1718 г. Постоянно оставаясь на той точки зрѣнія, что бракъ вдовствующей герцогини съ однимъ изъ родственниковъ прусскаго короля имѣетъ значеніе, лишь какъ средство упрочить курляндское герцогское достоинство за домомъ Гогенцоллерновъ, оно начинаетъ теперь настаивать на замѣнѣ въ нератификованномъ еще трактатѣ имени маркграфа Фридриха-Вильгельма бранденбургъ-шведтскаго именемъ маркграфа Карла бранденбургскаго.

Болѣе близкое родство маркграфа Карла съ домомъ Кетлеровъ позволяло, по мнѣнію прусскихъ министровъ, разсчитывать что его кандидатура въ женихи вдовствующей герцогини будетъ встрѣчена болѣе сочувственно въ самой Курляндіи. Что же касается маркграфа бранденбургъ-шведтскаго, то какъ ближайшій кандидатъ на королевскій прусскій престолъ, въ случаѣ пресѣченія главной линіи, онъ своею кандидатурою въ герцоги могъ пожалуй возбудить подозрѣніе, что Пруссія сама имѣетъ виды на Курляндію **). Одновременно съ этимъ, прусское правительство начинаетъ все чаще и чаще напоминать о необходимости удовлетворить прусскія долговыя претензіи въ Курляндіи и, повидимому, только при такомъ условіи соглашается

*) См. выше стр. 92 и 93.

**) Конференція Мардефельда съ русскими министрами въ декабрѣ 1721 г. и его разговоръ съ Остерманомъ на дому у послѣдняго 25 января 1722 г.—Дѣла Курляндскія 1721 г., № 9 и 1722 г., № 6. Также—реляц. Ал. Головкина 30 декабря 1721 года. „Die blossen Heyrath zwischen Printz Carlen und eine Czaarischen Printzessinen ist für nichts zu achten, wann nicht die Succession in Curland mit dabei ist."—Рескр. Мардефельду 30 янв. 1725 г. (Берлинъ, Russland XI 25). Родителями маркграфа Карла были: маркграфъ Альбрехтъ-Фридрихъ, сынъ Великаго курфюрста отъ его второго брака, и Марія-Доротея, дочь Курляндскаго герцога Фридриха-Казимира.—Ottokar Lorenz, Genealogisches Handbuch d. europaischen Staatengeschichte (Berlin 1895) Taf. 31 и Cruse, Curland unter der Herzögen, Beil. № 6 (Stammtafel des Hauses Kettler).

признать законность выкупа герцогскихъ доменовъ на имя вдовствующей герцогини. Для Петра Великаго выкупъ доменовъ былъ однимъ изъ главныхъ средствъ упроченія русскаго вліянія въ Курляндіи; поддерживая притязанія курляндскаго дворянства на право сукцессіи, онъ точно также прежде всего старался предупредить на какое-либо нежелательное для него самого чуждое вмѣшательство въ курляндскія отношенія. Удовлетвореніе прусскихъ долговыхъ обязательствъ, особенно тѣми способами, какіе предлагались теперь прусскимъ правительствомъ, само по себѣ превращалось въ фактическій переходъ герцогскаго достоинства къ маркграфу Карлу. По разсчету, произведенному прусскимъ правительствомъ, 200.000 рублей, обѣщанные какъ приданое за герцогинею Анною Іоанновною и являющіеся, такимъ образомъ, собственностью ея жениха, будучи обращены на выкупъ доменовъ, увеличивали долговыя претензіи маркграфа Карла до стоимости, превосходящей цѣнность всего герцогства. Исходя изъ такого разсчета, Пруссія въ апрѣлѣ 1722 года предложила обратить эти деньги теперь-же до начала предстоящаго польскаго сейма на выкупъ заложенныхъ доменовъ, а затѣмъ, предъявивъ долговыя обязательства маркграфа, предложить сейму уступить взамѣнъ этого кредитору курляндское герцогское достоинство. Въ случаѣ отказа, Пруссія и Россія должны были оружіемъ поддержать предложеніе маркграфа Карла и помочь ему занять Курляндію *). Русскому правительству предлагалось, такимъ образомъ, совершенно игнорировать пожеланія расположеннаго къ нему курляндскаго населенія, а фактическое утвержденіе Курляндіи за Пруссіей должно было быть произведено не только съ согласія Россіи, но и съ помощью русскаго оружія и русскаго казначейства. Въ своихъ послѣдующихъ предложеніяхъ нетерпѣливый король Фридрихъ-Вильгельмъ шелъ еще дальше и предлагалъ прямо начать разрѣшеніе курляндскаго вопроса съ немедленнаго учрежденія въ Курляндіи военной экзекуціи, находя, что лучшій способъ дѣйствія по отношенію къ Польшѣ, это—сперва выполнить свой собственный планъ, а потомъ уже извиниться **). Въ 1722 г. удалось довольно благополучно отклонить всѣ эти предложенія. Мотивируя свой отказъ тѣмъ, что

*) Конференція русскихъ министровъ съ бар. Мардефельдомъ 2 апр. 1722 г.—Дѣла Прусскія 1722 г. № 6.

**) Конференція 30 іюня 1722 г.—ibid.

всякія рѣзкія мѣры могутъ только усилить въ Курляндіи саксонско-польскую партію, русское правительство не сочло возможнымъ согласиться не только на немедленное примѣненіе экзекуціи, но даже и на требованіе объ инвеститурѣ. Въ меморіалѣ, поданномъ отъ имени прусскаго правительства на польскомъ сеймѣ, дѣйствительно, было упомянуто только о прусскихъ долговыхъ претензіяхъ, объ инвеститурѣ не говорилось ни слова, и даже не было названо имя маркграфа Карла *). Въ январѣ 1723 г., слѣдовательно, къ тому моменту, когда вопросъ о сукцессіи самимъ курляндскимъ населеніемъ былъ поставленъ особенно остро, Мардефельдъ снова сдѣлалъ предложеніе о перепискѣ брачнаго трактата на имя маркграфа Карла, присовокупивъ къ своему предложенію готовый разработанный проектъ новаго договора. Этотъ проектъ не только отличался отъ текста 1718 г. именемъ жениха, но и заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ новыхъ пунктовъ, касавшихся, главнымъ образомъ, все того-же вопроса о долговыхъ претензіяхъ и о способахъ ихъ удовлетворенія въ связи съ упроченіемъ герцогскаго достоинства за маркграфомъ Карломъ и его потомствомъ. Маркграфъ, по этому проекту, долженъ былъ тотчасъ-же вступить вмѣстѣ съ герцогинею во владѣніе дворцовыми маетностями, для чего со стороны Россіи и Пруссіи назначались особые коммиссары. Русскій императоръ и Прусскій король взаимно обязывались охранять ненарушимость владѣній новобрачной четы и *ихъ потомства* всѣми средствами, «и ежели нужда востребуетъ самымъ оружіемъ противъ всякаго, кто-бы таковъ ни былъ». Для этого въ Курляндіи должно было быть оставлено соотвѣтствующее количество *русскихъ* войскъ, которое, въ случаѣ надобности, могло быть увеличено совмѣстно Пруссіей и Россіей. Въ Польшѣ предполагалось заявить о русскихъ и прусскихъ долговыхъ претензіяхъ и, кромѣ того, поставить на видъ, что значительная часть курляндскихъ доменовъ не принадлежитъ непосредственно къ курляндскому лену, но пріобрѣтена герцогами отдѣльно, а потому, въ случаѣ пресѣченія мужской линіи, должна быть отдѣлена отъ лена и отдана «аллодіальнымъ наслѣдникамъ». Только въ случаѣ удовлетворенія всѣхъ означенныхъ претензій и выполненія послѣдняго требованія Россія и

---

*) Протоколы конференцій 7 іюня, 13 іюля и 25 августа 1722 года и приложенный къ послѣднему текстъ меморіала прусскаго правительства на имя польскаго сейма—ibid.

Пруссія признавали за польскою короною право возстановленія курляндской инвеституры. Одновременно съ этимъ предлагалось составить болѣе подробную «дедукцію» всѣмъ русскимъ и прусскимъ претензіямъ и предложить королю и Рѣчи Посполитой польскимъ взамѣнъ удовлетворенія этихъ претензій передать курляндскую инвеституру маркграфу и его супругѣ. Герцогу Фердинанду выговаривалось при этомъ опредѣленное пожизненное содержаніе, а курляндскому дворянству должно было быть предложено не противиться выполненію русско-прусскаго плана подъ угрозою наказанія со стороны Россіи. До разрѣшенія вопроса о сукцессіи земское устройство Курляндіи должно было оставаться безъ перемѣнъ, исключая доменіальныхъ земель, относительно которыхъ маркграфу предоставлялась «свободная диспозиція... оныя по наилучшему своему вѣдѣнію употребить и учредить» *).

Въ настоящемъ проектѣ не заключалось, такимъ образомъ, по существу чего-либо дѣйствительно новаго, и прусскія предложенія по-прежнему сводились къ разрѣшенію курляндскаго вопроса путемъ аггрессивныхъ мѣропріятій и военной экзекуціи. Отвѣчать на нихъ прежними контръ-предложеніями — выжидать болѣе благопріятнаго момента и согласиться о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія—было, однако, теперь труднѣе. Въ Даніи и Швеціи русская политика принимала къ этому времени все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Русско-англійскія отношенія выдвигались на первую очередь; возрожденіе въ той или другой формѣ Вѣнскаго союза 1719 г. было теперь особенно нежелательнымъ. Именно Пруссія была теперь особенно нужна русской дипломатіи,

---

*) Promemoria Мардефельда 20 янв. 1723 г. и приложенный къ ней проектъ новаго договора.—Дѣла Прусскія 1723 г., № 7. Этотъ проектъ состоитъ 13 пунктовъ. Окончательная редакція новаго договора 1723 г. (Мартенсъ V, 206 слѣд.), сравнительно съ этимъ проектомъ, представляется въ такомъ видѣ: ея первые три пункта соотвѣтствуютъ тремъ первымъ пунктамъ проекта; четвертый и пятый замѣнили собою слѣдующіе девять пунктовъ проекта, содержаніе которыхъ сейчасъ было изложено; шестой пунктъ соотвѣтствуетъ тринадцатому пункту проекта. Изъ объяснительной записки, приложенной Мардефельдомъ къ его проекту, мы узнаемъ, что почти всѣ пункты, не вошедшіе въ окончательную редакцію, были взяты имъ изъ другого проекта, предлагавшагося на обсужденіе русскому правительству еще въ 1719 г. Вновь былъ внесенъ только одинъ пунктъ — тринадцатый — о немедленномъ вводѣ путемъ экзекуціи марграфа Карла во владѣніе герцогскими доменами.

а какъ разъ къ этому времени, исходя изъ различныхъ побужденій, Саксонія и Англія-Ганноверъ прилагаютъ особенныя усилія привлечь ее каждая на свою сторону и заручиться ея расположеніемъ. Какъ и прежде, въ интересахъ болѣе широкихъ задачъ балтійской политики, Россіи приходилось итти на уступки по курляндскому вопросу, принявъ лишь, по возможности, во вниманіе, чтобы эти уступки не предрѣшили окончательно неблагопріятнаго для нея исхода этого вопроса въ болѣе отдаленномъ будущемъ.

Вынужденное согласиться на переписку брачнаго трактата на имя маркграфа Карла, русское правительство ставитъ себѣ съ этого момента цѣлью, по крайней мѣрѣ, отклонить Пруссію отъ какихъ-либо рѣшительныхъ шаговъ въ Курляндіи. Идя на такую уступку, оно старается, съ другой стороны, выбрать для этого наиболѣе благопріятный моментъ, соображаясь съ общимъ положеніемъ дѣлъ на Сѣверѣ, и заранѣе подготовляетъ къ этому почву въ самой Курляндіи. Вмѣшавшись въ распрю между герцогомъ Фердинандомъ и населеніемъ, оно становится, поэтому, вполнѣ опредѣленно на сторону послѣдняго, но всячески старается оттянуть моментъ созыва курляндскаго сеймика, чтобы тѣмъ самымъ оставить себѣ свободныя руки въ своихъ собственныхъ переговорахъ съ Пруссіей. Русская дипломатія въ Берлинѣ, при такихъ условіяхъ, очевидно, должна была держаться выжидательнаго образа дѣйствія, и это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда тамъ усердно работали политическіе соперники Россіи. Этимъ и объясняется, почему уступка по курляндскому вопросу явилась, въ концѣ концовъ, нѣсколько запоздалой и лишь отчасти привела къ тѣмъ результатамъ, какіе имѣло при этомъ въ виду русское правительство. Таковъ смыслъ русской политики по курляндскому вопросу наканунѣ вступленія Россіи въ союзъ со Швеціей; переходимъ къ относящимся сюда фактамъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательности.

Въ половинѣ 1722 года, очевидно, въ связи съ агитаціей Ренне, начали распространяться слухи о намѣреніи Фердинанда лично прибыть въ Курляндію и силою осуществить свои права по владѣнію герцогскими доменами и пользованію регальными статьями *). Русское правительство поспѣшило принять, въ виду этого соотвѣтствующія мѣры. Петру Бестужеву было предписано

---

*) Реляц. П. Бестужева 9 іюня, 31 іюля, 1 и 7 августа 1722 года.

въ случаѣ появленія Фердинанда въ Митавѣ принять его съ пріязнью и «въ дѣла курляндскія, окромѣ опредѣленныхъ и выкупленныхъ Ея Высочества амптовъ не вмѣшиваться». Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы со стороны герцога не было предпринято ничего противнаго русскимъ интересамъ, и чтобы захваченный послѣднимъ сборъ пошлинъ въ Либавѣ былъ снова утвержденъ за курляндскою камерою. На случай попытки Фердинанда завладѣть выкупленными амптами Бестужевъ уполномочивался вытребовать отъ рижскаго губернатора Репнина опредѣленное количество вооруженной помощи. Одновременно съ этимъ Сергѣй Долгорукій въ Варшавѣ снова получилъ предписаніе слѣдить за происками сторонниковъ Фердинанда въ Литвѣ и Польшѣ *). Когда былъ поставленъ на очередь вопросъ о правѣ населенія избрать герцогу преемника («сукцессора»), въ Петербургѣ поспѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, съ одной стороны, уговорить Фердинанда отказаться отъ его сеньоріальныхъ правъ, а съ другой—вырвать у него признаніе за самой Россіей права высказаться по вопросу о курляндской сукцессіи. Въ іюнѣ того же года въ Данцигъ къ герцогу съ этою цѣлью былъ отправленъ самъ Бестужевъ **). Одновременно съ этимъ въ Митавѣ всячески старались убѣдить населеніе повременить съ сеймикомъ, очевидно, оттягивая его до болѣе благопріятнаго момента, когда явилась бы возможность окончательно столковаться съ Пруссіей по курляндскому вопросу, а въ самой Курляндіи опредѣленно поддержать бранденбургскую кандидатуру: лѣтомъ 1723 г., какъ мы уже знаемъ, положеніе дѣлъ на Балтійскомъ морѣ было крайне не выяснено, руки у русскаго правительства были заняты морскою экспедиціею и курляндскій сеймъ до октября мѣсяца представлялся ему крайне нежелательнымъ. Это послѣднее желаніе исполнилось: сеймикъ былъ назначенъ на 15 октября ***).

Труднѣе было говорить съ Фердинандомъ. Посольство Бестужева успѣха не имѣло. Герцогъ ему явно не довѣрялъ, лукавилъ, сводилъ рѣчь на свои домениальные права и видимо желалъ получить позволеніе послать своего уполномоченнаго въ Петербургъ, чтобы черезъ него вести переговоры—опять-таки не столько о сук-

*) Рескр. П. Бестужеву 13 іюля, 3 сент. и 19 октября 1722 г.
**) Реляц. П. Бестужева 25 іюня 1723 г.
***) Рескр. Бестужеву 3 мая 1723 г. и его реляц. 14 сент. т. г.

цессіи, сколько о своихъ земельныхъ претензіяхъ въ Курляндіи *). По инициативе самого Бестужева, русское правительство пошло и на этотъ шагъ, думая, въ свою очередь, вырвать у герцога уступку и по вопросу о сукцессіи **). Съ другой стороны, разсчитывали, повидимому, этимъ шагомъ расположить къ себѣ и тѣхъ изъ населенія, которые не отстаивая вполнѣ притязанія Фердинанда, держали его сторону исключительно изъ-за недовѣрія къ русскому правительству и его дѣйствіямъ въ Курляндіи. Еще въ коллективной жалобѣ сторонниковъ Ренне выражался запросъ, почему до сихъ поръ къ царю не было отправлено отъ имени герцога посольства для выясненія положенія дѣлъ въ Курляндіи. Изъ этой жалобы мы, между прочимъ, узнаемъ, что уже тогда въ такое посольство намѣчалось то самое лицо, которое теперь и было отправлено въ Петербургъ—состоящій на службѣ у герцога прусскій уроженецъ, фискалъ Рацкій ***).

При своемъ отправленіи въ Петербургъ Рацкій, какъ это удалось узнать тогда же Бестужеву, получилъ отъ герцога

---

*) Реляц. П. Бестужева 25 іюня 1723 г. и его письма отъ 1 и 9 іюля т. г. безъ обозначенія имени адресата (вѣроятно къ Головкину или еще скорѣе къ Остерману) изъ Данцига.—Дѣла Курляндскія 1723 г., № 4. Судя по этимъ письмамъ, 68-лѣтній герцогъ началъ впадать къ этому времени въ умственное разстройство и положительно страдалъ маніею преслѣдованія. Весь штатъ его прислуги въ Данцигѣ состоялъ изъ лакея, кучера и кухарки. Всѣ эти лица жили въ особомъ домѣ; самъ же герцогъ жилъ и спалъ въ своемъ дворцѣ совершенно одинъ. Обѣдъ дома не готовился, но приносился на двухъ тарелкахъ изъ сосѣдняго трактира. Фердинандъ постоянно боялся, что его хотятъ отравить; Бестужеву же онъ говорилъ, что этотъ послѣдній посланъ, чтобы его схватить и послать ловить соболей.

**) Свое пребываніе въ Данцигѣ у Фердинанда П. Бестужевъ находилъ совершенно безполезнымъ и съ своей стороны совѣтовалъ послать вмѣсто него кого-нибудь изъ „доброжелательныхъ“, кто пользовался бы довѣріемъ герцога „склонить его къ тому, чтобы письмо требованное о извѣстномъ дѣлѣ (т. е. „о сукцессіи“) подписалъ и своихъ посланныхъ далъ, которые ко двору Его Величества о представленіи его дѣла и возвращеніи выкупныхъ деревень поѣдутъ. А когда онъ, Фердинандъ, посланнымъ своимъ извѣстное письмо подписавъ вручитъ, то равно какъ въ Вашихъ рукахъ будетъ, которые посланные вѣдая его худые поступки къ нему не возвратятся и о его непотребныхъ прихотяхъ при дворѣ Е. И. В-ва доносить не станутъ“—его письмо отъ 9 іюля 1723 г., цитир. выше.

***) Жалоба Ренне и его товарищей—при реляц. П. Бестужева отъ 11 ноября 1721 г. (см. выше).

Фердинанда, двѣ различныя инструкціи—общую и спеціальную. Въ первой изъ этихъ инструкцій говорилось исключительно объ обидахъ, чинимыхъ герцогу и о его претензіяхъ въ Курляндіи, и только во второй изъ нихъ выражался отказъ герцога отъ своего права самому назначать себѣ преемника. Этотъ отказъ былъ обставленъ, однако, слѣдующими условіями: русскій царь долженъ былъ самъ указать то лицо, кого онъ желалъ бы видѣть преемникомъ герцогу; это лицо должно было быть евангелическаго исповѣданія и не посягать при жизни Фердинанда на его права и привиллегіи, а царь со своими союзниками обязывался гарантировать, что его выборъ не возбудитъ противъ себя никакого возраженія со стороны польской короны *). Косвенно упраздняя возможность бранденбургской кандидатуры и—при широкомъ толкованіи — грозя свести на нѣтъ всю предшествующую работу русской дипломатіи въ Курляндіи, эти условія, очевидно, были совершенно непріемлемы въ данный моментъ для русскаго правительства **).

Предотвратить прибытіе Рацкаго въ Петербургъ, однако, не удалось; 6 ноября онъ прибылъ къ русскому двору и 14-го имѣлъ конференцію съ Остерманомъ и нѣкоторыми другими изъ русскихъ министровъ. Въ меморіалѣ, поданномъ имъ на этой конференціи, онъ очень много говорилъ о возвращеніи герцогу его доменовъ и о другихъ его притязаніяхъ, просилъ, чтобы Россія помогла герцогу немедленно возстановить его права и вернуться къ власти и снабдила бы соотвѣтствующимъ указомъ своего уполномоченнаго въ Польшѣ, но ни слова не упоминалъ о согласіи герцога на то, чтобы курляндское населеніе и Россія теперь же намѣтили ему преемника. Этотъ вопросъ, повидимому, не подымался Рацкимъ и позднѣе, за все время его пребыванія въ Петербургѣ. Онъ пробылъ здѣсь до января 1724 г., встрѣтилъ очень холодный пріемъ и покинулъ сто-

*) Реляц. II. Бестужева отъ 28 сентября 1723 г.

**) Уже во время пребыванія Рацкаго въ Митавѣ II. Бестужевъ въ своихъ реляціяхъ выражалъ сомнѣнія въ цѣлесообразности его дальнѣйшей миссіи и въ отвѣтъ на это тогда же получилъ предписаніе изъ Петербурга задержать посланнаго, разъ его инструкціи „даны не противъ того, какъ Е. И. В-ва требованіе было“.—Письмо II. Бестужева отъ 28 сент. 1723 г. и письмо къ нему гр. Г. И. Головкина отъ 11 октября 1723 г.

лицу, не получивъ опредѣленнаго отвѣта отъ русскаго правительства *).

Не имѣвшая, такимъ образомъ, никакого результата, миссія Рацкаго возбудила за то много разнорѣчивыхъ толковъ и сомнѣній въ самой Курляндіи не только среди «доброжелательныхъ», но даже среди самихъ сторонниковъ герцога Фердинанда. Послѣдніе ожидали, повидимому, отъ этой миссіи, прежде всего разрѣшенія вопроса о доменіальныхъ правахъ герцога и были принципіально противъ того, чтобы вопросъ о курляндской сукцессіи вообще обсуждался въ Петербургѣ даже въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, въ какихъ онъ былъ поставленъ въ спеціальной инструкціи Рацкому **). «Доброжелательные» были не-

*) „Посольство въ Россію отъ герц. Фердинанда г. Рацкаго". — Дѣла Курляндскія 1723 г. № 5. Бантышъ-Каменскій (Обзоръ... III, 19, 20) упоминаетъ, что на первомъ пріемѣ у русскихъ министровъ, бывшемъ 9-го ноября, Рацкій заявлялъ о согласіи Фердинанда „при жизни своей избрать наслѣднаго въ Курляндіи герцога". Этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ, не обсуждался въ дальнѣйшихъ конференціяхъ; къ тому же остается неяснымъ, имѣлъ ли Фердинандъ въ данномъ случаѣ въ виду *свое* право избрать *себѣ* наслѣдника, или же признавалъ это право за населеніемъ. Отвѣтъ Петра Великаго герцогу отъ 31 декабря, о которомъ упоминаетъ Бантышъ-Каменскій (ibid) былъ врученъ Рацкому значительно позднѣе, послѣ его отъѣзда изъ Петербурга черезъ П. Бестужева (см. ниже). О холодномъ пріемѣ Рацкаго при русскомъ дворѣ сообщаетъ Лефортъ въ письмѣ къ Флеммингу 18 янв. 1724 г. (Дрезденъ, Sachen mit Moscau 1723).

**) Сдѣлать такое заключеніе позволяетъ, по крайней мѣрѣ, одна не лишенная интереса подробность относительно посольства Рацкаго, сообщаемая П. Бестужевымъ (его реляц. 2 ноября 1723 г.). Какъ оказывается, первоначально предполагалось, что въ составъ посольства, кромѣ Рацкаго, войдутъ ландмаршалкъ Ренне, оберъ-гауптманъ Офенбергъ и гауптманъ Бухгольцъ. Впослѣдствіе было рѣшено отправить одного Рацкаго якобы изъ боязни, чтобы посольство не обратило на себя излишняго вниманія вслѣдствіе своего многолюдства. Любопытно, однако, что секретная инструкція герцога, *въ которой только и былъ затронутъ вопросъ о сукцессіи*, была извѣстна *одному* только *Рацкому*, прусскому уроженцу, находившемуся на *личной* службѣ у герцога. Поясненіе этого сообщенія П. Бестужева находимъ въ словахъ Мардефельда, который въ своей реляціи отъ 3 декабря н. ст. 1723 г. по поводу прибытія въ Петербургъ Рацкаго пишетъ слѣд.: „...In dessen habe ich in Erfahrung gebracht, dass ein abgeschickter von dem Hertzog Ferdinand sich allhier aufhalte. Er nennet sich Ratzky, und ist vormahls Auditeur in Memmel gewesen: der Secretarius Vockerodt hat ihn deterriret und hatt Hoffnung durch die

довольны самымъ фактомъ переговоровъ Россіи съ Фердинандомъ. Согласившись ранѣе отсрочить сеймикъ, они высказались теперь противъ дальнѣйшей отсрочки, какъ того снова требовало русское правительство, оффиціально—подъ тѣмъ предлогомъ, что польскій король въ такомъ случаѣ можетъ вовсе не разрѣшить сеймика, въ дѣйствительности, очевидно—желая взять вопросъ о сукцессіи въ свои руки и тѣмъ самымъ заставить скорѣе самое Россію высказаться по этому вопросу окончательно и опредѣленно *). Дѣйствительно, къ 15 октября собрался въ Митавѣ сеймикъ. Еще за мѣсяцъ до этого среди населенія было условлено, что всѣ кирхшпили внесутъ въ свои депутатскія инструкціи упоминаніе о сукцессіи **). Соотвѣтствующее постановленіе на сеймикѣ было проведено; при этомъ П. Бестужевъ узналъ, что въ случаѣ согласія со стороны польскаго правительства, имѣется въ виду тотчасъ намѣтить преемника герцогу Фердинанду, почему курляндское населеніе и выражало желаніе, чтобы царь немедленно высказался съ своей стороны по этому вопросу ***). Держаться долѣе прежней политики въ Берлинѣ, при такихъ условіяхъ, было, очевидно, невозможно. Опровергать доводы прусскаго правительства, ссылавшагося на тотъ рѣшительный

dritte Hand von seiner Commission etwas zu erfahren. Die Nachricht hatt er auch, dass zwei von Adel aus Curland hieher gehen solten. Als sie aber vornommen, dass dieser Ratzky aparte secrete Commissiones von Hertzog Ferdinand hätte, haben sie die Reise zu thun refusiret“.

*) Реляц. П. Бестужева 8 окт. 1723 г.

**) Реляц. П. Бестужева 14 сентября 1723 г.

***) Реляц. его-же 26 окт. 1723 г. Въ своей реляціи отъ 28 дек. 1723 г. онъ сообщаетъ слѣдующій текстъ сеймоваго постановленія: „Wird also unser Delegirter mit aller ihm beigewohnenden Geschicklichkeit I. Mt. Unserem Allergnädigsten Konige und Ober. Herrn und der durchlauch. Respublic vorzutragen haben, dass E. W. R. und Landschaft der unterthänigen Zuversicht lebet, I. Kngl. Mt. und die durchl. Respublic, als derselben Schutz und Oberherrschaft, werden allergnädigst geruhen allen besorglichen Zerüttungen und Confusionen in diesem Fall (т.-е. бездѣтная смерть Фердинанда) vorzubeugen, und dannenhero E. W. R. und Landschaft die allergnädigste Erlaubniss zu ertheilen, dass dieselbe frey und sicher bei Zeiten auf ihr heilige denken und deliberiren konne, wie dieselbe in casu apertura sich bey der alten und in ihrem Gesetzen und Privilegien gegründeten Regierungs-Form durch einen teutschen der Augspurgischen Confession zugethanen Fürsten tam quoad Statum politicum quam ecclesiasticum unter I. K. Mt. und der durchl. Respublic ewigen Schutz und Oberherrschaft erhalten mögen“.

оборотъ, какой принимаютъ событія въ Курляндіи, дѣлалось съ каждымъ днемъ все труднѣе. Да и въ своихъ собственныхъ интересахъ приходилось заручиться соглашеніемъ извнѣ, и потому пойти на уступку, по возможности лишь смягчивъ ея формы и уменьшивъ размѣры.

Въ Берлинѣ къ этому времени, повидимому, начинали все сильнѣе и сильнѣе безпокоиться по поводу курляндскихъ событій и отношенія къ нимъ русскаго правительства. Сношенія съ Фердинандомъ казались подозрительными; медлительность русскаго правительства—вдвойнѣ рискованною: наряду со стремленіемъ Рѣчи Посполитой инкорпорировать Курляндію саксонскій дворъ, повидимому, не оставлялъ своихъ собственныхъ видовъ на это герцогство *) Разсчеты берлинскаго двора на русскую помощь въ Курляндіи въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ оправдывались плохо. Противники Россіи въ Берлинѣ, при всемъ различіи ихъ собственныхъ стремленій, не упускали случая воспользоваться ревнивымъ отношеніемъ короля Фридриха-Вильгельма къ курляндскому вопросу и зародить въ немъ на этой почвѣ недовѣріе къ его восточному сосѣду. Во время своего пребыванія въ Берлинѣ король Георгъ въ частныхъ разговорахъ выражалъ свое искреннее пожеланіе, чтобы Пруссіи удалось утвердиться въ Курляндіи, но не скрывалъ при этомъ сомнѣнія, что русскій царь врядъ ли дѣйствительно захочетъ уступить кому бы то ни было эту область **). Саксонскіе и австрійскіе дипломаты въ Берлинѣ—ген. Секендорфъ, самъ Флеммингъ и постоянный представитель саксонскаго двора при прусскомъ, Зумъ—большого успѣха въ своихъ стараніяхъ примирить Прусскаго короля съ императоромъ и тѣмъ отвлечь его отъ Англіи и Ганновера, правда, не имѣли. Каждый разъ, однако, когда король Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ передъ представителемъ Россіи подчеркнуть свое неудовольствіе по поводу Курляндіи, это выражалась обыкновенно въ преувеличенно любезномъ отношеніи къ

---

*) Еще въ концѣ 1723 г. Лефортъ зондировалъ въ Петербургѣ почву о возможности брака вдовствующей герцогини съ однимъ изъ саксонскихъ принцевъ.—Его письма къ Флеммингу 14 октября и 17 ноября 1723 г. (Дрезденъ, Sachen mit Moscau 1723 г.). На желаніе саксонскаго двора въ это время провести кандидатуру саксонскаго принца въ Курляндію указывали А. Головкину и въ Берлинѣ—его реляц. отъ 25 февр. 1724 г.

**) Реляц. М. Головкина 26 окт. 1723 г. (Дѣла Прусскія 1723 г. № 5).

саксонскому посланнику, при чемъ не всегда легко было разграничить, гдѣ кончалась демонстративная любезность, и гдѣ начиналась, хотя бы и мимолетная, но дѣйствительная уступчивость. Затруднительное положеніе осложнялись еще однимъ обстоятельствомъ, которое при другихъ условіяхъ могло бы показаться второстепеннымъ, но которое при дворѣ Фридриха-Вильгельма, вносившаго такъ много личнаго въ свои дипломатическія отношенія, получало особое значеніе. Мы уже знаемъ, что въ срединѣ 1723 г. русскій представитель въ Берлинѣ гр. Александръ Гавриловичъ Головкинъ былъ вызванъ въ Петербургъ, что стояло въ связи событіями въ Швеціи, и на его мѣсто временно былъ назначенъ его младшій братъ, Михаилъ Гавриловичъ *). Лично очень расположенный къ графу Александру Гавриловичу, Фридрихъ-Вильгельмъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу его долгаго отсутствія и выражалъ крайне мало расположенія вести съ его замѣстителемъ какія-либо переговоры по существу **). А между тѣмъ для Россіи теперь въ особенности важно было имѣть представителемъ въ Берлинѣ лицо, пользующееся довѣріемъ короля. Военныя приготовленія Россіи на Балтійскомъ морѣ встревожили Англію и Ганноверъ и заставляли ихъ правительства энергичнѣе прежняго искать дружбы Пруссіи. Имѣя въ виду примкнуть къ предполагаемому новому англо-прусскому союзу, Данія разсчитывала найти въ немъ защиту отъ грядущей русской опасности. Радѣя о саксонскихъ интересахъ въ Польшѣ, и быть можетъ, не вполнѣ учитывая слагавшіяся новыя комбинаціи, гр. Флеммингъ готовъ былъ смотрѣть на этотъ союзъ, въ случаѣ его осуществленія, какъ на первый шагъ къ возрожденію союза 1719 г. Осенью 1723 г. король Георгъ посѣтилъ Берлинъ, и 10 октября новаго стиля между Англіей и Пруссіей состоялось оборонительное союзное соглашеніе, извѣстное подъ именемъ Шарлоттенбургскаго трактата. По сепаратному пункту этого трактата его условія распространялись и на германскія владѣнія англійскаго короля— оговорка, явно имѣвшая въ виду русскую политику этого времени въ Германіи и на Балтійскомъ морѣ ***). Днемъ позже въ Петербургѣ брачный договоръ 1718 г. былъ переписанъ на имя маркграфа Карла. Пришлось такимъ образомъ уступить, чтобы

*) Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... IV, 45 и 46.
**) Реляц. М. Головкина 27 іюля и 6 авг. 1723 г.
***) Droysen IV, 2; 355.

цѣною такой уступки предовратить, по крайней мѣрѣ, возможность какихъ бы то ни было рѣшительныхъ мѣръ со стороны Пруссіи въ Курляндіи. До извѣстной степени это было достигнуто.

Договоръ 1723 г. въ своей окончательной редакціи, какъ и хотѣло, повидимому, того русское правительство, являлся почти исключительно *брачною конвенціею* на имя вдовствующей герцогини и маркграфа Карла и только *). Всѣ параграфы предложеннаго въ январѣ Мардефельдомъ проекта, имѣвшіе своимъ содержаніемъ немедленное осуществленіе герцогскихъ и доменіальныхъ правъ жениха, удалось замѣнить въ окончательной редакціи двумя болѣе краткими пораграфами, §§ 4-й и 5-й, по которымъ признавались долговыя претензіи въ Курляндіи и обѣ договаривающіяся стороны оставляли за собою право дополнить настоящій трактатъ другимъ, касающимся будущаго земскаго устройства герцогства **). Вопросъ объ «экзекуціи» былъ, такимъ образомъ, обойденъ совершенно. Съ другой стороны, 6-му пункту трактата, по которому Россія и Пруссія взаимно обязывались поддерживать въ Курляндіи герцогскую кандидатуру маркграфа Карла, сравнительно съ первоначальной редакціей былъ приданъ болѣе эвентуальный характеръ. А нѣсколько позднѣе удалось добиться отъ прусскаго короля прямого согласія ждать очереднаго польскаго сейма и сообразовать съ его исходомъ свою собственную политику въ Курляндіи ***).

---

*) Текстъ договора—Мартенсъ V, 208—212.

**) Рескр. А. Головкину 1 февр. 1724 г.

***) Promemoria Мардефельда 29 января 1724 года. Къ этому времени удалось вырвать и отъ герцога Фердинанда отказъ отъ его права назначать себѣ преемника. Въ бытность свою въ Петербургѣ Рацкій, какъ было уже отмѣчено, не получилъ отвѣта на свои требованія. 7 января 1724 г. Бестужеву была послана отвѣтная грамота герцогу Фердинанду, которую предписывалось передать черезъ Рацкаго. Въ этой грамотѣ заявлялось, что все о чемъ герцогъ проситъ царя, касается короля и Рѣчи Посполитой польской, куда ему и слѣдуетъ обратиться. Царь, съ своей стороны, выражалъ готовность содѣйствовать герцогу своею поддержкою при польскомъ дворѣ. Даже такой, ни къ чему, по существу, не обязывающій отвѣтъ П. Бестужевъ долженъ былъ отдать Рацкому только послѣ полученія отъ него оригинальной деклараціи герцога о сукцессіи. 18 января П. Бестужевъ извѣщалъ, что Рацкій послѣ долгихъ колебаній „тое секретную оригинальную декларацію... отдалъ, а грамоту В. И. В-ва... принялъ". (Рескр. П. Бестужеву и реляціи отъ него за 1724 г.—Дѣла Курляндскія 1724 г., №№ 2 и 4; Посольство Рацкаго—ibid. 1723 г., № 5).

Самъ по себѣ, такимъ образомъ, уступка, приведшая, однако, къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ по курляндскому вопросу, договоръ 1723 г. опредѣлилъ собою, до извѣстной степени, и ближайшіе результаты русской политики въ Германіи. Промедливъ съ его заключеніемъ, русское правительство лишено было возможности предупредить Шарлоттенбургскій трактатъ и сближеніе Пруссіи съ Англіей. Заключеніе, хотя и запоздалое, этого договора опредѣлило собою, до извѣстной степени, послѣдующую судьбу самого Шарлоттенбургскаго трактата и помѣшало какому-либо его дальнѣйшему распространенію. Только убѣдившись окончательно въ томъ, что Данія не будетъ включена въ этотъ трактатъ, и что Пруссія сама принципіально противъ такого включенія, русское правительство нашло возможнымъ размѣняться текстомъ конвенціи *). Брачный договоръ 1723 г. оказался не безполезнымъ и для борьбы въ Берлинѣ съ саксонской дипломатіей. Заручившись имъ и успокоенный насчетъ Россіи, Фридрихъ-Вильгельмъ начинаетъ съ этого времени снова болѣе сдержанно относиться къ саксонскимъ предложеніямъ. Состоявшееся передъ этимъ примиреніе между Пруссіей и императоромъ при посредничествѣ Саксоніи не привело, какъ о томъ мечталъ гр. Флеммингъ, къ какому-либо болѣе тѣсному соглашенію между тремя державами. Австрія по прежнему оставалась изолированною; въ ближайшемъ будущемъ это могло, въ свою очередь, облегчить ея привлеченіе къ русско-шведскому союзу.

Не менѣе изолированною начала, однако, скоро чувствовать себя и сама Пруссія. Шарлоттенбургскій трактатъ, какъ это скоро выяснилось, не создавалъ для нея прочнаго соглашенія ни съ Англіей, ни тѣмъ болѣе съ Ганноверомъ. Въ то же время отовсюду приходили извѣстія о новыхъ подготовлявшихся въ Европѣ политическихъ комбинаціяхъ. На конгрессѣ въ Камбрэ императоръ примирился съ Испаніей. Франція тѣснѣе прежняго сближалась съ Англіей. Россія была наканунѣ заключенія союза со Швеціей и старалась привлечь къ этому соглашенію Францію; голштинская партія въ Швеціи хлопотала о включеніи въ него Австріи. Заранѣе можно было предугадать, что шлезвигскій вопросъ будетъ затронутъ этимъ соглашеніемъ. Это выдвигало на очередь вопросъ объ англійской гарантіи Шлезвига Даніи, создавался casus fœderis для самаго Шарлоттенбургскаго трактата. Вѣрный своему прин-

*) Реляц. А. Головкина 7 и 21 дек. 1723. (срав. Мартенсъ V, 208).

ципу поддерживать добрыя отношенія и съ Россіей, и съ Англіей и ради этого предотвращать возможность всякаго между ними столкновенія, Фридрихъ Вильгельмъ, вполнѣ естественно, тотчасъ послѣ заключенія Шарлоттенбургскаго трактата и переписки брачнаго договора, сталъ убѣждать русское правительство въ необходимости примириться съ королемъ Георгомъ *). Подготовивъ болѣе широкую постановку балтійскаго вопроса и предотвративъ до извѣстной степени возможность возрожденія союза 1719 г. и какого-либо соглашенія между главными германскими державами, русская политика въ Пруссіи подошла, такимъ образомъ, къ исходу 1723 г., опять-таки къ тому же вопросу, какой сталъ къ этому времени на очередь въ переговорахъ Россіи съ Франціей—къ вопросу о примиреніи съ Англіей.

Такъ складывались отношенія Россіи къ ея сосѣдямъ въ Европѣ къ тому моменту, когда въ Стокгольмѣ былъ заключенъ оборонительный союзъ со Швеціей. Необходимость примиренія съ Англіей не только въ интересахъ исключительно балтійской политики, но и ради созданія общихъ условій, болѣе благопріятствующихъ борьбѣ съ тѣмъ-же англійскимъ вліяніемъ, вотъ то положеніе, къ какому должна была прійти къ этому времени русская дипломатія. Ненормальность русско-англійскихъ отношеній давала себя чувствовать и въ вопросѣ о соглашеніи съ Франціей, и въ переговорахъ съ «трудно поддающемся учету» прусскимъ королемъ **), желавшемъ сохранить доброе согласіе съ Россіей, но сокрушавшемся по поводу размолвки между царемъ и королемъ Георгомъ и потому успѣвшемъ уже, во охраненіе своихъ собственныхъ интересовъ, заключить съ послѣднимъ союзный договоръ въ Шарлоттенбургѣ. Путь примиренія при такихъ условіяхъ, очевидно долженъ былъ, стать цѣлью; путь угрозы сохранить значеніе лишь средства.

*) Реляц. А. Головкина 7 декабря 1723 г. Срав. Droysen IV, 2, 359. Предложенія о посредничествѣ со стороны Пруссіи были сдѣланы значительно ранѣе того срока, къ которому ихъ, повидимому, относитъ Дройзенъ (іюль 1724 г.), и во всякомъ случаѣ предшествовали заключенію русско-шведскаго союзнаго договора.

**) „Le Roi de Prusse, difficile à déterminer“, какъ его мѣтко характеризовалъ бар. Шлейницъ въ своемъ упомянутомъ выше меморіалѣ (Recueil... VIII, 249).

Выполненіе новой политической програмы, намѣтившейся на Балтійскомъ морѣ послѣ Ништадскаго мира, во всемъ ея объемѣ, при такихъ условіяхъ, конечно, значительно усложнялось. То, что въ началѣ представлялось, какъ непосредственная очередная задача—освобожденіе русскихъ кораблей отъ зундской пошлины—могло быть понимаемо теперь, лишь какъ далекая конечная цѣль. Голштинскія притязанія, съ другой стороны, получая постепенно въ русской политикѣ значеніе традиціи, не только заслоняли собою порою эту цѣль, но и осложняли самый вопросъ о примиреніи съ Англіей. Въ виду сдержаннаго отношенія къ голштинскому вопросу Франціи, естественно было искать поддержки для герцога у «гаранта» Травендальскаго мира, германскаго императора, и ради этого вступить на путь сближенія съ Австріей, путь, по которому давно уже шла голштинская дипломатія. При существующихъ отношеніяхъ между Австріей и Англіей, между германскимъ императоромъ и ганноверскимъ курфюрстомъ, въ виду тѣхъ замысловъ, надъ которыми начинала уже совмѣстно работать австрійская и испанская дипломатія, и того сочувствія, какое къ этому времени все болѣе и болѣе начинаетъ пріобрѣтать въ голштинскихъ кругахъ мысль о вознагражденіи герцога за счетъ Бремена и Вердена, этотъ путь легко могъ вовлечь Россію въ политику приключеній и создавалъ для нея новыя осложненія въ вопросѣ о примиреніи съ Англіей. Соглашенію съ Австріей—и по соображеніямъ общаго характера, и въ виду того положенія, какое создавалось къ данному моменту,—сочувствовалъ и Остерманъ, главный вдохновитель въ настоящее время русскаго правительства въ области внѣшнихъ отношеній, издавно уже близко стоявшій къ вопросамъ балтійской политики и не раздѣлявшій, видимо, безусловно мысли о необходимости для Россіи сближенія съ Франціей. Ранѣе и отчетливѣе другихъ оцѣнившій значеніе зараждавшагося англо-русскаго соперничества, Остерманъ и теперь, какъ мы сейчасъ видѣли, отнесся крайне осторожно къ вопросу о самомъ примиреніи съ Англіей и о томъ, въ какія формы это примиреніе могло-бы отлиться. Онъ не былъ противъ подобнаго примиренія въ принципѣ. Строгое пониманіе государственнаго блага—руководящее начало его дѣятельности—никогда не позволило-бы ему сознательно превратить русскую политику въ орудіе политической авантюры. Воспользоваться въ интересахъ примиренія съ Англіей соглашеніемъ съ Австріей—такая мысль несмотря на ея трудную выполнимость, могла найти

себѣ мѣсто въ программѣ Остермана. Опасность служить голштинскимъ династическимъ и вотчиннымъ интересамъ, поскольку ходъ дѣлъ зависѣлъ отъ самого вице-канцлера и другихъ лучшихъ сотрудниковъ Петра Великаго—Бестужевыхъ, Б. Куракина, В. Л. Долгорукаго—русской политикѣ не грозила. Гораздо больше опасенія должны были возбуждать тѣ закулисные происки, которые вели въ придворныхъ сферахъ сторонники и покровители герцога голштинскаго и которые, находя сочувствіе среди лицъ, наиболѣе близкихъ къ государю, не оставались безъ вліянія и на направленіе русской политики.

Намъ и предстоитъ теперь—уяснить себѣ политическую программу русскаго правительства на Балтійскомъ морѣ послѣ заключенія союзнаго договора со Швеціей; опредѣлить ту позицію, какую успѣла занять въ русскихъ придворныхъ сферахъ къ серединѣ 1724 г. голштинская партія, и прослѣдивъ вліяніе этой послѣдней на ходъ русской политики и на отношеніе къ Россіи ея европейскихъ сосѣдей, охарактеризовать то общее положеніе, какое создавалось въ связи со всѣмъ этимъ къ моменту смерти Петра Великаго—послѣдніе вопросы, которые и войдутъ въ рамки настоящаго изслѣдованія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Заключенный въ февралѣ 1724 года, русско-шведскій союзный договоръ былъ окончательно ратификованъ лишь въ половинѣ мая, и только къ этому времени русская политика на Балтійскомъ морѣ, отправляясь на этотъ разъ отъ основаній названнаго договора, снова проникается болѣе опредѣленными агрессивными стремленіями. Самый фактъ заключенія союза между Россіей и Швеціей, однако, въ связи съ тѣмъ, какъ складывались къ серединѣ 1724 г. отношенія Россіи къ Турціи, осложнялось положеніе дѣлъ въ Германской Имперіи, и росло охлажденіе между Австріей и Англіей, создавалъ, сравнительно съ началомъ года, новыя условія, съ которыми приходилось теперь считаться русскому правительству.

Слухи о новомъ союзѣ—отчасти благодаря несдержанности голштинскихъ дипломатовъ—распространились очень быстро: въ началѣ марта о немъ уже говорили въ Лондонѣ, Парижѣ и Копенгагенѣ *). Общее впечатлѣніе, произведенное этими слухами на европейскіе кабинеты было скорѣе неблагопріятное. Для всѣхъ возставалъ призракъ новаго домината на Сѣверѣ — пытавшейся возродиться Швеціи, и съ успѣхомъ использовавшей плоды сво-

*) Въ половинѣ марта гр. де-Морвиль въ Парижѣ сообщилъ текстъ артикула о герцогѣ Голштинскомъ кн. Б. Куракину. По словамъ Б. Куракина французскому правительству текстъ договора съ секретнымъ артикуломъ былъ сообщенъ изъ Лондона (реляц. кн. Б. Куракина отъ 17 марта, 3 и 13 апр. 1724 г.). Нѣсколько позднѣе выяснился источникъ всѣхъ этихъ сообщеній. По словамъ Ал. Бестужева, Бассевицъ черезъчуръ откровенничалъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, бывшимъ ганноверскимъ посланникомъ въ Швеціи, и съ датскимъ посланникомъ тамъ же Арнольдомъ. Отъ этихъ лицъ свѣдѣнія попадали къ Ботмару въ Копенгагенъ и непосредственно въ ганноверскія и англійскія канцеляріи. (реляц. Ал. Бестужева 5 янв. 1725 г.).

ихъ побѣдъ Россіи, объединенныхъ теперь узами дружественнаго соглашенія. Но если вѣсть о новомъ союзѣ вызывала у всѣхъ европейскихъ державъ чувство нескрываемаго безпокойства, то болѣе всего она должна была, конечно, встревожить датское правительство. Секретный пунктъ о герцогѣ голштинскомъ заставлялъ опасаться не только за Шлезвигъ, но и за Норвегію. Русская дипломатія одержала въ Стокгольмѣ верхъ надъ англійскою, и непоколебимая до того времени вѣра въ Копенгагенѣ въ англо-ганноверскій авторитетъ въ дѣлахъ международной политики должна была пошатнуться. Датскій уполномоченный при стокгольмскомъ дворѣ Арнольдъ, примыкавшій по своимъ симпатіямъ къ канцлеру Гольштейну и его единомышленникамъ и въ свое время безуспѣшно старавшійся создать соглашеніе между Даніей и Швеціей, очевидно, проглядѣлъ заключеніе новаго союза; въ этомъ видѣли крушеніе правительственной системы, и датское общественное мнѣніе готово было сложить отвѣтственность за это на весь «ревентловскій кружокъ» и его иностранныхъ вдохновителей *). Раздѣляя само эти опасенія и чувствуя себя скомпрометированнымъ, датское правительство снова хватается за свое старое

---

*) Реляціи М. Бестужева отъ 23 марта и Алекс. Бестужева отъ 7, 9 и 20 марта 1723 года. Склонный, какъ мы уже знаемъ, въ вопросахъ балтійской политики итти кратчайшими путями и крайне осторожно, относившійся ко всему, въ чемъ можно было бы усмотрѣть какой-либо отзвукъ голштинскихъ происковъ, Алексѣй Бестужевъ и въ данномъ случаѣ не преминулъ преподать своему правительству отъ себя нѣсколько совѣтовъ. Сообщая объ опасеніяхъ Даніи за Норвегію онъ какъ бы вскользь оговаривается о томъ, что переходъ этой области къ Швеціи былъ бы нежелателенъ для Россіи („... не разсуждаютъ о томъ, что собственному В. В. интересу предосудительно быть можетъ, ежели дацкая Норвегія да къ коронѣ швецкой присовокупится“—его реляція отъ 20 марта). Въ противоположность вообще широкимъ замысламъ голштинской дипломатіи, онъ рекомендуетъ держаться теперь опредѣленной примирительной политики и воспользоваться удобнымъ моментомъ исключительно и прежде всего въ интересахъ зундскаго вопроса, на благопріятное разрѣшеніе котораго есть теперь полное основаніе разсчитывать. Ради этого Алексѣй Бестужевъ находилъ возможнымъ даже дать „формальное обнадеживаніе, что „В. И. В. никому изъ непріятелей его, короля дацкаго, ни прямо, ни косвенно вспомогать не будете“ (реляц. 9 марта). Русское правительство, какъ мы увидимъ ниже, и на этотъ разъ оказалось не вполнѣ согласнымъ съ своимъ представителемъ, избрало болѣе сложный образъ дѣйствія и даже не вполнѣ сумѣло сохранить должную осторожность по отношенію къ голштинскимъ проискамъ.

средство: въ противовѣсъ русско-шведскому союзному договору оно старается создать въ Европѣ такое соглашеніе, которое, имѣя своимъ основаніемъ счеты средне-европейскихъ державъ между собою, въ тоже время представляло бы изъ себя достаточную гарантію безопасности для датскихъ владѣній. Старанія датскаго правительства шли въ данномъ случаѣ въ двухъ направленіяхъ: стараясь использовать въ своихъ интересахъ, съ одной стороны, недовѣрчивое отношеніе Англіи и Ганновера къ Австріи, а съ другой стороны, стремленія Пруссіи упрочить за собою болѣе независимое положеніе въ Германіи, копенгагенскій кабинетъ начинаетъ новые переговоры одновременно и въ Ганноверѣ, и въ Берлинѣ. Весною, во время поѣздки короля Георга на континентъ, датскій король предполагалъ имѣть свиданіе съ нимъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ и при этомъ намѣревался сдѣлать уже опредѣленныя предложенія о союзѣ между Даніей, Англіей и Пруссіей. Союзъ долженъ былъ быть оборонительнаго характера, но шлезвигъ-голштинскій вопросъ, вмѣшательство Россіи въ отношенія герцога и ея собственныя зундскія притязанія должны были быть оговорены, какъ casus foederis. Одновременно съ подтвержденіемъ гарантій на Шлезвигъ Пруссія, въ свою очередь, должна была получить отъ Англіи гарантію на графства Юлихъ и Бергъ. Данія, съ своей стороны, обѣщала Англіи и Пруссіи свою помощь на случай, если бы противъ нихъ предприняла что либо Россія, или если бы по какому либо поводу онѣ пришли въ столкновеніе съ германскимъ императоромъ. Наконецъ, въ будущемъ, предполагалось привлечь къ союзу и Швецію *).

Обстоятельства неблагопріятствовали, однако, всѣмъ этимъ предположеніямъ датскаго правительства. Правда, извѣстіемъ о новомъ союзѣ въ Ганноверѣ и Берлинѣ были встревожены не менѣе, чѣмъ въ Копенгагенѣ, и начинали уже безпокоиться за будущую судьбу Бремена, Вердена и прусскихъ владѣній въ Помераніи. Слухи о томъ, что къ союзу намѣревается примкнуть Австрія, дѣлали извѣстіе о немъ еще болѣе непріятнымъ для обоихъ государствъ, отвыкшихъ уже считаться съ политикою своего сюзерена **). Дальнѣйшій образъ дѣйствія по этому поводу рисовался,

*) Реляц. А. Головкина отъ 21 апрѣля 1724 г. и, въ особенности, реляц. А. Бестужева отъ 12 и 19 мая, гдѣ находимъ содержаніе тѣхъ предложеній, какія датское правительство намѣревалось сдѣлать королю Георгу во время предполагавшагося свиданія обоихъ государей.

**) Реляц. А. Головкина 28 марта 1724 года.

однако, имъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ Даніи. Правительство короля Георга, и по своимъ ганноверскимъ, и по своимъ англійскимъ интересамъ, отнеслось на первыхъ порахъ къ дѣлу очень горячо. Его собственныя стремленія создать противовѣсъ политикѣ Россіи были, однако, по существу, прямымъ продолженіемъ тѣхъ переговоровъ, которые въ октябрѣ 1723 года привели къ Шарлоттенбургскому трактату. По мнѣнію англо-ганноверскаго правительства, новый союзъ долженъ былъ какъ бы объединить между собою соглашенія Англіи-Ганновера съ Пруссіей и Франціей. Даніи и ея частнымъ интересамъ въ этомъ новомъ союзѣ отводилось второстепенное мѣсто. Участіе въ немъ Пруссіи представлялось, какъ conditio sine qua non, ради чего Англія шла, съ своей стороны, на гарантію для Пруссіи Юлиха и Берга, право на которые оспаривалось у послѣдней въ это время Саксоніей. Только при такихъ условіяхъ Англія находила возможнымъ возобновлять гарантію на Шлезвигъ въ видѣ новаго союзнаго соглашенія съ Даніей *). Опасаясь слишкомъ рѣзко выраженнаго антипрусскаго оттѣнка всѣхъ этихъ предложеній, Пруссія отнеслась къ нимъ сдержанно, и правительство короля Георга, съ своей стороны, вполнѣ опредѣленно отклонило предложенія Даніи о заключеніи съ ней новаго союза и ограничилось простымъ подтвержденіемъ прежней гарантіи **). Это, конечно, далеко не отвѣчало тѣмъ широкимъ планамъ, какіе строились въ Копенгагенѣ. О какомъ-либо новомъ антирусскомъ союзѣ въ ближайшемъ будущемъ не могло быть, очевидно, и рѣчи. Сблизившись послѣ извѣстія о русско-шведскомъ союзѣ еще тѣснѣе съ Франціей, англо-ганноверская дипломатія, тѣмъ самымъ, дѣлала дальнѣйшій шагъ по пути подготовки примиренія съ Россіей, что болѣе соотвѣтствовало и ея собственнымъ, если не ганноверскимъ, то, по крайней мѣрѣ, англійскимъ интересамъ. Та заминка въ переговорахъ между Россіей и Франціей о союзѣ, и именно изъ-за вопроса о примиреніи съ Англіей, какую мы подмѣтили къ исходу 1723 года, позволяла еще, казалось, надѣяться на созданіе какого-либо рѣшительнаго отпора замысламъ Россіи. Недоразумѣнія, возникшія къ этому времени изъ-за персидскихъ дѣлъ между Турціей и Россіей, позволяли, съ другой стороны, разсчитывать

*) Реляц. А. Головкина 16 іюня 1724 г.

**) Реляц. А. Бестужева за февраль — іюнь 1724 г. Срав. также Holm I, 100.

на то, что восточныя отношенія свяжутъ руки Россіи и не позволятъ ей привести немедленно ея замыслы въ осуществленіе. Извѣстіе объ устраненіи этихъ недоразумѣній, и при томъ при посредничествѣ именно Франціи, произвело въ Копенгагенѣ не менѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ предшествовавшее извѣстіе о русско-шведскомъ союзѣ. Довѣріе между Россіей и Франціей возстановлялось; ловкимъ маневромъ французскіе дипломаты старались заставить русское правительство проявить больше уступчивости и въ вопросѣ о примиреніи съ Англіей. Въ переговорахъ по поводу этого вопроса, а не въ какихъ либо рѣшительныхъ аггрессивныхъ начинаніяхъ на Балтійскомъ морѣ, должна была выразиться борьба Англіи и Франціи съ Россіей *).

Еще болѣе сдержанный пріемъ, чѣмъ въ Ганноверѣ и въ Англіи, встрѣтили датскіе замыслы въ Берлинѣ. Продолжая итти по пути установленія добрыхъ отношеній съ Англіей и Франціей, правительство Фридриха-Вильгельма имѣло въ виду прежде всего интересы Пруссіи въ имперіи и ея отношенія къ Австріи, и крайне осторожно относилась къ различнымъ проектамъ болѣе сложныхъ дипломатическихъ комбинацій, особенно разъ эти комбинаціи принимали черезъ-чуръ опредѣленный антирусскій оттѣнокъ. Такъ отнеслось оно и къ той формѣ расширенія Шарлоттенбургскаго договора, какая была предложена со стороны короля Георга. Съ недовѣріемъ отнесясь къ новому союзу между Россіей и Швеціей, Пруссія собиралась, однако, не столько противодѣйствовать ему и итти за-одно съ Даніей, сколько использовать его въ своихъ интересахъ и даже, быть можетъ, быть въ ущербъ интересамъ послѣдней. Зундскія притязанія Россіи, какъ мы видѣли еще и ранѣе, были сочувственно встрѣчены Пруссіей, какъ шагъ и къ ея собственному освобожденію отъ уплаты зундской пошлины. Имѣя виды на остальную Поммеранію, и принимая въ разсчетъ успѣхи голштинской партіи въ Швеціи, прусское правительство начинаетъ подумывать теперь о заключеніи соотвѣтствующаго договора съ герцогомъ голштинскимъ *). Разсчитывая извлечь свои выгоды и изъ союза Россіи со Швеціей, и изъ самихъ голштинскихъ притязаній, не-

*) О впечатлѣніи, какое произвело въ Даніи извѣстіе объ устраненіи недоразумѣнія между Россіей и Турціей—реляц. А. Бестужева отъ 25 апр. и 5 мая 1724 г. О русско-турецкихъ отношеніяхъ вообще и о той роли, какую въ это время сыграла въ этихъ отношеніяхъ французская дипломатія, см. Recueil... VIII, 225.

удобно было вступать въ какіе-либо переговоры по поводу этого союза и этихъ притязаній съ Даніей. Фридрихъ-Вильгельмъ отклонилъ предложеніе датскаго короля имѣть съ нимъ свиданіе и во время пребыванія послѣдняго въ Германіи демонстративно предпринялъ поѣздку въ Кенигсбергъ *).

Не сочувствуя планамъ Даніи, и Англія, и Франція, и Ганноверъ, и Пруссія одинаково недовѣрчиво и осторожно отнеслись къ извѣстію о русско-шведскомъ союзѣ. Совершенно иное впечатлѣніе произвело это извѣстіе въ Вѣнѣ. Мы уже видѣли выше, что къ исходу 1723 года вопросъ объ остендской кампаніи создалъ охлажденіе между императорскимъ дворомъ и Англіей, Франціей и Голландіей, и что, съ другой стороны, къ этому времени началось подготовляться сепаратное отъ Франціи и

*) Реляц. А. Бестужева 11 іюля и А. Головкина 18 августа 1724 года. Переговоры Пруссіи съ голштинскимъ дворомъ относятся, главнымъ образомъ, ко второй половинѣ 1724 г.; однако, уже въ описываемый нами періодъ отношеніе Пруссіи къ русско-шведскому договору въ общихъ чертахъ уже обрисовалось. При всякомъ удобномъ случаѣ Фридрихъ-Вильгельмъ старался подчеркнуть, что въ датско-голштинской распрѣ онъ не считаетъ Данію безусловно правой и вовсе не намѣренъ вступать съ нею въ какое-либо соглашеніе. Еще въ январѣ 1724 г. Мардефельду было предписано не вступать ни въ какіе разговоры съ Вестфаленомъ по поводу голштинскаго вопроса. „Wir erinnern uns sonst woll, писалъ при этомъ король, was zwischen Engeland, Uns, und Dennemark dieser wegen hiebevor vorgekommen. Ob aber, und was der Königl. Dän. Hoff aus Tractaten, *die Er, seiner seits, selbst nicht gehalten, sondern dehnen Er directo zu wiedergehandelt*, praetendir en könne, das wird sich zu seiner Zeit zeigen“. (Рескр. бар. Мардефельду 1 янв. 1724 г.—Берлинъ; Russland rep. IX, conv. 27). Съ другой стороны, осторожное отношеніе прусскаго правительства къ будущему русско-шведскому союзу объясняется, какъ видно изъ тѣхъ же рескриптовъ къ бар. Мардефельду, между прочимъ опасеніемъ, что въ этомъ союзѣ будетъ затронутъ вопросъ о шведскихъ владѣніяхъ въ Германіи—какъ настоящихъ, такъ и тѣхъ, какія принадлежали Швеціи до войны („die Lande, so die Schweden allda hiebevor gehabt, und die sie annoch allda haben“—рескр. 26 февр. 1724 г.), подъ чѣмъ, очевидно, подразумѣвалась прежде всего Поммеранія.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ прусское правительство предполагало, что въ союзный договоръ не только включено какое-либо соглашеніе относительно обоихъ герцоговъ—голштинскаго и мекленбургскаго, „aber auch wohl etwas mehreres *in der Nachbarschaft* zum Faveur der Schweden damit intendiret werden möchte“ (рескр. 20 мая т. г.). Такое же впечатлѣніе о подобныхъ опасеніяхъ прусскаго правительства вынесъ изъ разговоровъ съ прусскими министрами и гр. А. Головкинъ (его реляц. 28 марта).

Англіи соглашеніе Австріи съ Испаніей *). Международное положеніе Австріи въ Германіи и центральной Европѣ становилось все болѣе и болѣе изолированнымъ. Если Австрія и колебалась еще нѣкоторое время примкнуть сама къ новому союзу, то во всякомъ случаѣ этотъ союзъ, самъ по себѣ, какъ дипломатическая побѣда Россіи надъ Англіей, и какъ противовѣсъ англо-ганноверскому вліянію въ Германіи и Европѣ, не могъ не быть сочувственно встрѣченъ въ Вѣнѣ **). Шлезвигскія притязанія герцога голштинскаго, сами по себѣ, и то участіе, какое проявлялъ къ нимъ русскій дворъ, точно также въ значительной степени совпадали съ видами цесарскаго правительства. Съ одной стороны, есть основаніе предполагать, что императорскій дворъ въ виду новаго обостренія религіознаго вопроса въ имперіи и той поддержки, какую на имперскомъ сеймѣ протестанты находили со стороны Даніи, разсчитывалъ при замѣщеніи давно вакантнаго мѣста голштинскаго представителя въ Регенсбургѣ заручиться лишнимъ голосомъ въ пользу Corpus'a Catholicorum *).

---

*) См. выше, стр. 140 и 199.

**) Какъ видно изъ документовъ, предложеніе приступить къ будущему русско-шведскому союзу было сдѣлано въ Вѣнѣ съ русской стороны еще до заключенія этого союза—въ январѣ 1724 г. Въ виду невыяснившагося еще тогда положенія на Востокѣ австрійское правительство предпочло „diesen Antrag nicht abschlagen, sondern dilatorie gehen, bis noch etlichen Monathen am Orient mehrere Clarheit kome" (Протоколъ конференціи 27 янв. 1724 г.—Вѣна; Государств. Архивъ; Russland 12a. 24). Этимъ и объясняется, очевидно, то благожелательство, съ какимъ вѣнскій дворъ отнесся нѣсколько позднѣе къ устраненію недоразумѣній между Россіей и Турціей, несмотря на то, что это означало дипломатическую побѣду въ Петербургѣ соперницы Австріи Франціи, и находилъ съ своей стороны, что такой исходъ все же „лучше, нежели война, которая и насъ тѣмъ или инымъ образомъ могла привлечь въ ангажементъ, а тѣмъ бы временемъ злонамѣренные дому нашему могли бы возымѣть охоту съ другой стороны насъ зацѣпить." (Реляц. Ланчинскаго 7 марта 1724 года).

***) Какъ имперскій князь, датскій король, заодно съ курфюрстомъ ганноверскимъ, поддерживалъ въ это время интересы Corpus'a Evangelicorum. (Holm I 102—106). Этимъ и объясняются отчасти тѣ переговоры, какіе въ апрѣлѣ 1724 г. австрійскій резидентъ въ Россіи Гохгольцеръ велъ, по порученію императора, съ самимъ герцогомъ голштинскимъ и Штамбке о замѣщеніи вакантнаго поста голштинскаго представителя въ Регенсбургѣ „durch eine E. Ks. Mt. angenehme Person". Австрійское правительство, повидимому, боялось, что герцогъ передастъ свои полномочія брауншвейгъ-вольфенбютельскому послу въ Регенсбургѣ фонъ-Браве.

Съ другой стороны, слухи о возможномъ бракѣ между герцогомъ и старшею дочерью царя и тѣ шансы, какими герцогъ располагалъ въ своихъ видахъ на шведскій престолъ, позволяли надѣяться, что разрѣшеніе въ такой формѣ голштинскаго вопроса увеличитъ шансы на переходъ русскаго престола къ племяннику императора, великому князю Петру Алексѣевичу *). Сочувствіемъ императорскаго двора къ герцогу голштинскому приходится, очевидно, объяснять и то охлажденіе между Австріей и Даніей о которомъ упоминается за это время въ посольскихъ донесеніяхъ **).

Наконецъ, забѣгая, быть можетъ, нѣсколько впередъ, не мѣшаетъ тутъ же отмѣтить то впечатлѣніе, какое новый союзный договоръ произвелъ въ самой Швеціи. Фонды голштинской партіи послѣ его заключенія безусловно поднялись. Еще болѣе они поднялись, когда нѣсколько позднѣе былъ въ принципѣ окончательно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ объ обрученіи герцога со старшею дочерью царя, цесаревною Анною Петровною ***). У болѣе крайнихъ представителей этой партіи,

---

Самъ герцогъ въ разговорахъ съ Гохгольцеромъ называлъ молодого гр. Кропьельма, сына шведскаго сенатора. Не будучи увѣренъ, насколько и этотъ выборъ будетъ пріятенъ императору, Гохгольцеръ, въ разговорахъ со Штамбке пытался убѣдить его, чтобы онъ воздѣйствовалъ на герцога, „dass derselbe zu Vermehrung deren Allerhochst. Kayserl. Gnaden vieleicht die Benennung eines Herzogl. Holstein Gesandtens nach Regensburg E. Ks. Mt. überlassen möge“.—Реляц. Гохгольцера 10 и 24 апрѣля 1724 г. (Вѣна R 12a 24).

*) Реляц. Ланчинскаго 11 іюля 1724 г.

**) Реляц. его же 1 іюля т. г.

***) Въ началѣ мая М. Бестужеву было предписано сдѣлать объ этомъ официальное сообщеніе въ Швеціи. „Мы заключеніемъ съ короною шведскаго трактата весьма довольны, и понеже отъ обоихъ сторонъ намѣреніе при заключеніи сего трактата было, дабы чрезъ супружество Е. кор. выс—ва герцога голштинскаго съ нашею дочерью цесаревною и на сеймѣ установленную ему ближайшую надежду къ сукцессіи короны шведской оба государства для взаимной ихъ пользы и благополучія накрѣпчайшимъ образомъ между собою соединить и вѣчный союзъ востановить, того ради и мы немедля по отправленіи коронаціи нашей любезнѣйшей супруги сіе его герцогово супружество съ нашею дочерью цесаревною съ подлежащемъ съ обѣихъ сторонъ достоинствомъ и формалитетомъ въ состояніе приведемъ и заключимъ, дабы такимъ образомъ сіе обоимъ государствамъ такъ полезное было и союзъ вѣчно утвердить, о которомъ нашемъ всемилостивѣйшемъ опредѣленіи мы тебѣ

однако, наряду съ надеждою на возвращеніе Шлезвига и перехода шведской короны къ герцогу, росли и болѣе смѣлыя мечты—объ упроченіи въ Швеціи голштинской династіи и объ объединеніи подъ властью шведскаго государя Россіи и Швеціи въ одно цѣлое. Послѣднее для Россіи, на малый конецъ, было бы равносильно возвращенію Швеціи вновь завоеванныхъ провинцій. Король и придворная партія въ Стокгольмѣ послѣ заключенія союза продолжали свои приватныя сношенія съ Даніей и Англіей, что не мало тревожило и огорчало шведскихъ сенаторовъ; по мѣрѣ того, однако, какъ въ голштинской политикѣ начали одерживать верхъ болѣе крайнія теченія и получали исключительное значеніе люди типа Бассевица, неблагопріятное для русской политикѣ англійское вліяніе получало мало-по-малу доступъ и въ болѣе широкіе круги независимыхъ шведскихъ государственныхъ дѣятелей, тѣхъ «республикантовъ», единеніемъ съ которыми на почвѣ оппозиціи королевской политикѣ были сильны до этого, въ сущности говоря, и сами приверженцы герцога голштинскаго.

Подводя итоги всему сказанному, мы видимъ, такимъ образомъ, что новый русско-шведскій союзъ, возбудилъ въ Европѣ немалыя опасенія; по своему характеру, однако, эти опасенія не столько тормозили выполненіе самой по себѣ той конечной цѣли, какую поставила себѣ на Балтійскомъ морѣ русская политика въ послѣдніе годы петровскаго царствованія, сколько затрудняли осуществленіе этой цѣли тѣмъ путемъ и тѣми средствами, какія были избраны для этого теперь русскимъ правительствомъ. Въ своихъ тревогахъ Данія не находила достаточно горячаго участія со стороны Англіи, Франціи и Пруссіи и требованіе объ освобожденіи русскихъ кораблей отъ уплаты Зундской пошлины, вновь предъявленное ей русскимъ правительствомъ, само по себѣ не встрѣтило бы сопротивленія въ Европѣ, а кое гдѣ, можетъ быть, нашло бы даже поддержку. За то голштинскія притязанія на Шлезвигъ внушали къ себѣ гораздо болѣе серьезныя опасенія, но опять-таки не столько потому, что эти притязанія задѣвали собственно датскіе интересы, сколько въ виду тѣхъ осложненій,

чрезъ сіе объявляемъ и о томъ всѣхъ тамо именемъ нашимъ наикрѣпчайше явно обнадежить повелѣваемъ.—Рескр. М. Бестужеву 6 мая 1724 г., за собственноручною подписью царя, отправленный съ кабин.-секретаремъ Чеботаревымъ (протоколъ рескрипта—Дѣла Шведскія 1724 г. № 3).

какія онѣ грозили вызвать въ общемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Съ другой стороны, именно тамъ, гдѣ Россія могла бы найти поддержку новому курсу своей политики, ей грозила и опасность или быть вовлеченной въ политику приключеній, или поступиться своими интересами. Таково было отношеніе къ русско-шведскому союзу Австріи, ушедшей въ свою династическую политику; такого же характера были надежды, возлагаемыя на этотъ союзъ самою голштинскою дипломатіею и ея сторонниками въ Швеціи; таковы, наконецъ, были отчасти тѣ разсчеты, какіе возлагала на голштинскія сферы Пруссія.

Попытаемся же теперь выяснить, какъ рисовался теперь самому русскому правительству его дальнѣйшій совмѣстный со Швеціею образъ дѣйствія, и поскольку ему удалось выполнить свои намѣренія безъ ущерба русскимъ государственнымъ интересамъ.

Къ лѣту 1724 года, когда новый союзъ со Швеціей былъ ратификованъ и общее положеніе дѣлъ послѣ устраненія недоразумѣній съ Турціей нѣсколько выяснилась, русское правительство окончательно стало на точку зрѣнія признающую необходимымъ: тѣснѣе связать очередные вопросы балтійской политики съ тѣми переговорами, какія велись въ это время съ Франціей, Австріей и другими державами, но въ то же время, по возможности, не вдаваться ради этихъ вопросовъ въ какія-либо излишнія обязательства и возможно дольше не сходить съ пути мирнаго воздѣйствія — «добрыхъ офицій». Въ іюлѣ Ал. Бестужеву было предписано брать всѣ новыя предложенія датскаго двора, буде таковыя послѣдуютъ, лишь «на доношеніе», причемъ это предписаніе было прямо поставлено въ связь со вновь заключеннымъ союзомъ, а самое заключеніе союза, въ свою очередь, объяснялось до извѣстной степени, какъ отвѣтъ на неподатливость датскаго правительства *). Одновременно съ этимъ въ

---

*) „Въ данной тебѣ при отпускѣ твоемъ изъ Ревеля инструкціи изображено, что ежели король датской насъ о безпошлинномъ проходѣ чрезъ Зундъ и въ признаніи императорскаго титула удовлетворитъ, то и мы обязаться можемъ, что непріятелямъ Е. в—ва никакимъ образомъ вспомогать не будемъ. *Но понеже съ датской стороны до сего времени никакое снисхожденіе за тѣ наши предложенія не показано, того ради мы нынѣ со Швеціею объ интересахъ герцога Голштинскаго въ нѣкоторое обязательство вступили*, и для того повелѣваемъ тебѣ, что ежели бъ впредь

рескриптахъ отъ 17 и 24 іюля къ Мих. Бестужеву и въ дополняющей ихъ запискѣ Остермана была болѣе подробно развита русская точка на послѣдующій совмѣстный со Швеціей образъ дѣйствія *). Въ этихъ рескриптахъ и запискѣ послѣдовательно проводились два положенія: 1) голштинское дѣло должно быть разрѣшено при участіи Франціи; 2) ради этого необходимо итти на примиреніе съ Англіей, не связывая, однако, при этомъ себя какими-либо условіями.

М. Бестужеву предписывалось предложить шведскому правительству прежде всего совмѣстно сообщить текстъ союзнаго договора и секретнаго артикула о герцогѣ голштинскомъ «римско-цесарскому двору и просить его о присоединеніи къ союзу, вѣдая Его Величества не токмо партикулярную склонность и доброжелательство къ Е. Кор. Выс. герцогу голштинскому, но что такожде цесарь до сего времени отъ своей въ пользу герцогскаго дому данной гварантіи не отрекался и постоянно оную признаваетъ». Одновременно съ этимъ, однако, предлагалось предупредить цесарскій дворъ о томъ, что текстъ договора и секретнаго артикула будетъ сообщенъ и французскому двору, «дабы и сему двору показать, что мы чрезъ учиненной сей трактатъ ничего не намѣряемъ къ какимъ безпокойствамъ причину подать, или какой державѣ предосудительно бы быть могло и что для того мы желаемъ и обѣимъ сторонамъ весьма пріятно будетъ хотя бъ и всѣ державы къ сему нашему трактату приступили». Вопросъ о «приведеніе въ дѣйство» новаго союза русское правительство ставило, такимъ образомъ, сразу и вполнѣ опредѣленно въ связь съ тѣми переговорами о заключеніи союза, какіе шли въ это время у самой Россіи съ Франціей. Съ другой стороны, привлечь Австрію и Францію предполагалось, очевидно,

---

отъ датскаго двора какія къ тому касающіяся предложенія тебѣ учинены были, то тебѣ во опыя никакимъ образомъ не вступать, но брать токмо на доношеніе". — Рескр. А. Бестужеву отъ 14 іюля 1724 г. Косвеннымъ образомъ этотъ рескриптъ былъ, очевидно, и отвѣтомъ русскаго правительства, на тѣ совѣты и указанія, какіе въ мартѣ мѣсяцѣ, съ своей стороны, давалъ ему А. Бестужевъ.

*) Приложеніе X, XI и XII. Будучи по формѣ офиціальной резолюціей происходившей между 17 и 24 іюля въ Петербургѣ конференціи, записка Остермана въ то же время излагаетъ, очевидно, личную точку зрѣнія вице-канцлера. Отсылая къ этимъ приложеніямъ, мы ниже цитируемъ особо лишь тѣ документы, которыя въ отдѣльныхъ деталяхъ дополняютъ или подтверждаютъ указанные рескрипты и записку.

лишь къ участію въ основныхъ пунктахъ новаго союзнаго договора и въ секретномъ артикулѣ, касавшемся герцога голштинскаго. Секретный артикулъ о Польшѣ долженъ быть сохранять до поры до времени характеръ частнаго соглашенія Россіи со Швеціей. Шведское правительство должно было предписать своему представителю въ Вѣнѣ дѣйствовать въ такомъ духѣ совмѣстно съ Ланчинскимъ, а въ то же время его представитель въ Парижѣ долженъ былъ вмѣстѣ съ кн. Б. Куракинымъ хлопотать о присоединеніи къ союзу во всемъ его объемѣ Франціи, чтобы показать что «имѣющее наше намѣреніе—никоимъ образомъ интересамъ Франціи непротивное», и что «мы безъ согласія онаго (т.-е. французскаго двора) въ голштинскихъ дѣлахъ ничего предвоспріять ненамѣрены». Русское правительство, съ своей стороны, обѣщало также послать соотвѣтствующіе указы Ланчинскому и кн. Б. Куракину. Одновременно съ этимъ оно выразило и свое окончательное согласіе на примиреніе съ Англіей и королемъ Георгомъ.

На послѣднее рѣшились не сразу. Выше мы уже видѣли, что русское правительство лишь къ исходу 1723 г. начало выражать готовность въ крайнемъ случаѣ пойти на примиреніе, обставивъ его цѣлымъ рядамъ условій, касавшихся, между прочимъ, и вопросовъ Балтійской политики, и что еще въ январѣ 1724 г. оно надѣялось обойти этотъ пунктъ молчаніемъ во время своихъ переговоровъ о союзѣ съ Франціей; послѣдняя, съ своей стороны, заговорила уже къ этому времени о необходимости не только примиренія съ Англіей, но и включенія короля Георга въ будущій русско-французскій договоръ *). Пункты, на которыхъ могло бы состояться примиреніе, изложенные въ Петербургѣ Кампредону и сообщенные послѣднимъ своему правительству, были, очевидно, препровождены изъ Парижа въ Лондонъ и тамъ признаны трудно-пріемлемыми: разбирая ихъ въ своемъ письмѣ къ Кампредону отъ 23 іюня 1724 г., гр. де-Морвиль видѣлъ единственно возможный исходъ въ томъ, чтобы обѣ стороны пошли на уступки, забыли бы свои обиды и просто примирились бы, не оговаривая свое примиреніе какими-либо особенными условіями. Высказываясь такимъ образомъ, французское правительство не отступало, однако, отъ ранѣе выраженнаго имъ опредѣленнаго желанія, чтобы за примиреніемъ Россіи съ Англіей послѣдовало

*) Стр. 187, 188.

и присоединеніе послѣдней къ будущему русско-французскому договору *). Получивъ настоящее письмо, Кампредонъ 10 іюля сообщилъ новыя предложенія своего правительства Остерману и самому канцлеру гр. Головкину. Резюмируя свои разговоры въ этими лицами, онъ сообщалъ гр. де-Морвилю, что въ настоящее время царь согласенъ примириться съ королемъ Георгомъ, не вдаваясь въ разборъ обоюдныхъ жалобъ, но что послѣдній вмѣстѣ съ Россіей и Франціей долженъ будетъ содѣйствовать герцогу голштинскому въ полученіи какого-либо вознагражденія за Шлезвигъ **). Однако, и послѣ этихъ разговоровъ какого-либо официальнаго шага со стороны русскаго правительства тотчасъ еще не послѣдовало. Въ изложенномъ выше рескриптѣ М. Бестужеву отъ 17 іюля о королѣ Георгѣ говорилось еще крайне глухо. И только послѣ того, какъ въ Петербургѣ пришло извѣстіе объ устраненіи недоразумѣній съ Турціей при посредничествѣ французскихъ дипломатовъ, что совпало почти день въ день съ отправкою рескрипта М. Бестужеву, царь лично выразилъ Кампредону свое согласіе вступить, при посредничествѣ Франціи, въ переговоры о примиреніи съ Англіей. Одновременно съ этимъ въ Петербургѣ состоялось особое собраніе, на которомъ этотъ вопросъ обсуждался въ связи съ вопросомъ о русско-шведскомъ союзѣ и о шлезвигскихъ претензіяхъ герцога голштинскаго. На этомъ собраніи возобладало мнѣніе, исходившее, какъ можно предполагать, отъ Остермана, о необходимости въ интересахъ самого герцога, согласиться на предварительное примиреніе съ королемъ Георгомъ, что позволило бы заручиться поддержкою Франціи и Англіи въ вопросѣ о Шлезвигѣ; это примиреніе должно было, однако, состояться безъ какихъ-либо условій, de plano ex simplici и не должно было влечь за собою включенія Англіи, на ряду съ Франціей, въ русско-шведскій союзъ. Это рѣшеніе было сообщенно голштинскимъ министрамъ, а также кн. Б. Куракину въ Парижъ и М. Бестужеву въ Стокгольмъ: рескриптъ къ послѣднему отъ 24 іюля самъ по себѣ почти дословно повторяетъ окончательную резолюцію собранія ***).

---

*) Сборникъ LII, стр. 247—249.

**) ibid. стр. 268, 269.

***) См. Приложеніе XII; „Выписка о примиреніе съ Англіею чрезъ посредство французскаго министра Кампредона“—въ Дѣлахъ Англійскихъ

Такова была, въ главной своей части, та программа, которой предполагало держаться русское правительство послѣ заключенія своего союза со Швеціей. Мы видимъ, что наряду со стремленіемъ оградить свои интересы, которымъ угрожало чрезмѣрное англофильство Франціи, въ этой программѣ проглядываетъ еще очень осторожное отношеніе петербургскаго кабинета къ вопросу объ интересахъ герцога голштинскаго, хотя и выражается самое рѣшительное желаніе взять эти интересы подъ свою защиту. Уступая желаніямъ голштинской партіи и соглашаясь на привлеченіе къ союзу Австріи, Россія выставляетъ, какъ conditio sine qua non, одновременное съ этимъ привлеченіе и Франціи. Ради послѣдняго въ Петербургѣ окончательно соглашаются пойти и на примиреніе съ Англіей. Содѣйствіемъ Франціи и Англіи стараются заручиться въ интересахъ шлезвигскаго вопроса, но ради этого послѣдняго не желаютъ, однако, создавать какихъ либо рѣзкихъ недоразумѣній между Россіей и обѣими названными державами, не желаютъ тормозить дѣло своего собственнаго примиренія съ Англіей. Выполненіе очередныхъ задачъ Балтійской политики, такъ осложнившей уже въ свое время отношенія Россіи къ ея западнымъ сосѣдямъ, не должно было теперь, по мысли петербургскаго кабинета, еще болѣе осложнять эти отношенія и итти въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ русской политической программы.

Планъ совмѣстнаго дѣйствія, выработанный въ Петербургѣ, былъ встрѣченъ сочувственно въ Стокгольмѣ *), и съ начала августа Россіей и Швеціей былъ принятъ рядъ мѣръ для привлеченія къ союзу Австріи и Франціи. Завязавшіеся по этому поводу переговоры очень скоро, однако, показали, какъ трудно было разсчитывать на полное проведеніе даже такой осторожной программы, какъ трудно было, вслѣдствіе неустойчивости политическаго равновѣсія въ Средней Европѣ, осуществить сложныя комбинаціи на Балтійскомъ морѣ, строившіяся, одновременно, и

1723—1731 г. № 3. Реляція Кампредона отъ 22 іюля *новаго стиля* 1724 г.— Сб. LII, стр. 251—271. Сравн. также A. Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 73—74. При установленіи датъ всегда надо помнить, что реляціи Кампредона датированы *новымъ стилемъ*, а русскіе документы— *старымъ*.

*) Реляц. М. Бестужева 7 авг. 1724 г. Офиціальные переговоры съ нимъ въ конференціи по поводу полученныхъ имъ инструкцій вели Гёпкенъ, Гилленборгъ и Дюбенъ. Частные разговоры по тому же поводу онъ имѣлъ съ Горномъ и Цедергельмомъ.

на удовлетвореніи голштинскихъ притязаній, и на примиреніи Россіи съ Англіей. Съ другой стороны, и само русское правительство во время этихъ переговоровъ постепенно сходило съ той точки зрѣнія, на какой оно стояло въ своихъ іюльскихъ инструкціяхъ М. Бестужеву. Увлеченное своими успѣхами въ Швеціи, все болѣе и болѣе утверждавшееся въ своихъ агрессивныхъ видахъ, оно тѣмъ самымъ легче поддавалось воздѣйствію, шедшему со стороны голштинскихъ дипломатовъ и ихъ сторонниковъ. Къ январю 1725 г. оно начало уже предъявлять гораздо болѣе рѣшительныя требованія въ шлезвигскомъ вопросѣ. Строя на разрѣшеніи этого послѣдняго вопроса новые планы удовлетворенія своихъ собственныхъ притязаній — о зундской пошлинѣ—оно тѣмъ самымъ отступаетъ отъ воспринятого имъ ранѣе принципа — итти путемъ примиренія съ Англіей.

Къ половинѣ августа мѣсяца, получивъ инструкціи отъ своихъ дворовъ, и Ланчинскій и Гёпкенъ *) сообщили австрійскимъ министрамъ текстъ новаго союзнаго договора съ секретнымъ артикуломъ о герцогѣ голштинскомъ и предложили австрійскому двору присоединиться къ новому союзу и выработать сообща съ Россіей и Швеціей мѣры для доставленія герцогу «справедливаго удовольства въ дѣлѣ Шлезвигскомъ» **). Получивъ это предложеніе, австрійское правительство не торопилось отвѣтомъ.

Къ самому факту союза между Россіей и Швеціей всѣ австрійскіе министры отнеслись благожелательно и въ принципѣ выразили полное сочувствіе дѣлу герцога голштинскаго. Почти всѣ они, однако, очень осторожно обошли вопросъ о присоеди-

*) Рескр. Ланчинскому отъ 21 іюля 1724 г. Баронъ Георгъ-Вильгельмъ Гёпкенъ — двоюродный братъ сенатора, примыкавшій, какъ и этотъ послѣдній, къ голштинской партіи. Еще въ 1720 г., какъ мы уже видѣли выше, голштинскіе дипломаты вели съ нимъ частные переговоры о правахъ герцога на шведскую корону, что немало встревожило въ свое время шведское правительство (см. стр. 95). Вспоминая теперь объ этомъ, Ланчинскій также аттестовалъ своего college'у, какъ „недоброжелателя ганноверцевъ“ (его реляц. 4 іюля 1724 г.).

**) Реляц. Ланчинскаго 21 іюля, 12 и 19 августа 1724 г. Текстъ секретнаго артикула о герцогѣ, съ предложеніемъ присоединиться къ нему, отдѣльно отъ Ланчинскаго и Гёпкена, былъ сообщенъ, кромѣ того, австрійскому правительству голштинскимъ совѣтникомъ посольства Штрикомъ— Relation conferentiae 15 oct. 1724 г. (Вѣна R. 12а 24).

*

ненія къ союзу Австріи *). Два мѣсяца прошло въ частныхъ разговорахъ, и только въ самыхъ послѣднихъ числахъ октября принцъ Евгеній Савойскій и канцлеръ Синцендорфъ сообщили Ланчинскому официальный отвѣтъ императора на русскія предложенія. Не отказываясь вступить въ прелиминарные переговоры, онъ выражалъ, однако, пожеланіе получить предварительное изъясненіе на слѣдующіе пункты: 1. Что собственно является цѣлью новаго оборонительнаго союза? 2. Что означаютъ слова четвертаго его артикула «старые и новые причины»? 3. Почему въ договорѣ ничего не упомянуто о Польшѣ, хотя есть извѣстіе, что во время переговоровъ заходила рѣчь объ этой державѣ, а Швеція въ то же время до сихъ поръ еще не заключила съ нею формальнаго мира?—Что касается, наконецъ, секретнаго артикула, то императоръ обѣщалъ снестись съ другими «гарантами» травендальскаго мира, чтобы выяснить ихъ отношеніе къ голштинскому вопросу; только послѣ этого онъ находилъ возможнымъ предпринять что-либо въ интересахъ герцога **).

Этотъ отвѣтъ былъ результатомъ конференціи, состоявшейся между цесарскими министрами 15 октября; протоколъ этой конференціи нѣсколько яснѣе освѣщаетъ побудительныя причины, руководившія въ данномъ случаѣ австрійскимъ правительствомъ и вскрываетъ дѣйствительный смыслъ его запросовъ ***). Какъ видно изъ этого протокола, австрійское правительство и теперь еще не освободилось отъ тѣхъ колебаній, которыя, какъ мы только что видѣли, заставили его дать очень сдержанный отвѣтъ въ январѣ мѣсяцѣ, хотя измѣнившееся положеніе дѣлъ на Востокѣ и все болѣе и болѣе выяснявшаяся изолированность Австріи въ Европѣ и дѣлали

---

*) Реляц. Ланчинскаго 19 авг. 1724 г., въ которой онъ передаетъ результаты своихъ переговоровъ съ принцемъ Евгеніемъ Савойскимъ, Штарнбергомъ, Виндишгрецомъ и Шенборномъ. Даже послѣдній изъ названныхъ лицъ, говорившій теплѣе другихъ и вообще всегда благожелательно относившійся къ Россіи, ограничился на этотъ разъ общими выраженіями, выразивъ увѣренность, что цесарь всегда готовъ будетъ поддерживать спокойствіе въ Европѣ. Любопытно, что передавъ всѣмъ названнымъ лицамъ текстъ союзнаго договора и секретнаго артикула, Ланчинскій обошелъ при этомъ канцлера Синцендорфа, котораго считалъ сторонникомъ Ганновера. И даже когда этотъ послѣдній далъ понять, что обиженъ этимъ недовѣріемъ, онъ вручилъ ему лишь предложеніе объ акцессіи Австріи къ союзу, не сообщая подлиннаго текста трактата.

**) Реляц. Ланчинскаго 31 октября 1724 г.

***) Relation conferentiae 15 oct. 1724—Вѣна R. 12a 1724.

его постепенно болѣе и болѣе податливымъ. Собственно говоря, въ Вѣнѣ и на этотъ разъ не прочь были бы отдѣлаться отвѣтомъ «in terminis generalibus»; то соображеніе, однако, что такимъ образомъ отвѣчали уже въ январѣ, заставляло вѣнскій кабинетъ придать теперь своему отвѣту болѣе обстоятельное обоснованіе. Съ другой стороны, вступить въ переговоры съ Россіей (не предрѣшая окончательно вопроса о своемъ присоединеніи къ союзу) представляло для Австріи и нѣкоторыя выгоды: принимая во вниманіе настроеніе правящихъ сферъ въ Швеціи, цесарскій дворъ этимъ путемъ разсчитывалъ устранить поводъ къ придиркамъ со стороны той же Россіи, произвести извѣстное впечатлѣніе на Англію и Пруссію и въ то же время впутать Швецію въ вопросъ о русскомъ престолонаслѣдіи и заставить ее дѣйствовать въ интересахъ великаго князя Петра Алексѣевича, разъ передъ нею открылась бы надежда на возвращеніе ея остзейскихъ владѣній *). Въ виду всего этого въ Вѣнѣ и предпочли, не ограничиваясь общими выраженіями, выразить принципіальное согласіе на переговоры о приступленіи къ союзу, но постарались въ то же время затянуть эти переговоры, предложивъ съ своей стороны вышеизложенные запросы. Это согласіе нельзя, однако, еще разсматривать, какъ искреннее желаніе Австріи приступить къ союзу на такихъ основаніяхъ, на какихъ этого желало бы русское правительство. Эти запросы, съ другой стороны, не были простою формальностью и выражали собою тѣ

---

*) „Es scheine nöthig zu sein sich dieses allerhöchsten Orths etwas näher vernehmen, und die Antwort so einrichten zu lassen, dass mit demselben man gleichsamb würklich zu tractiren gedenke, welches bey diesem Casu umb so unbedenklich geschehen könte, weil Schweden, vermög oberüheten Berichten, sich hauptsächlich an E. Ks. Mt. zu halten gedenke, auch sich vernehmen habe lassen ihr Hauptabsehen in dieser Bündniss zu seyn (formalia suecica): „Dass man dem Teufel, damit er nicht schade, ein Kertzel opfere“, und sich mit dem Czaar setze, damit man seinen Plagereyen allen Vorwand benemen, sich der England. Meisterschaft entziehen und bey diesem und Preussischen Hof ein mehreres Ansehen erhalten, auch die Gelegenheit sich fügen mögte, dass Schweden in die Russische Crohnfolge sich einmischen, dabey E. Ks. Mt. Absehen in der Person des Iungen Czarowitz befördern und ihre entzogene Länder vindiciren konne. Des Czarn Vortheile würde seyn auf Aufstiftung seiner Gemahlin nach dessen Todfall ihr und ihren Kindern in Schweden ein sicheren Hinterhalt gegen die Russisshe Nation zu verschaffen und Schweden von andern Bündnisz abzuhalten“. (Relation conferentiae 15 oct. 1724).

дѣйствительныя сомнѣнія, отъ которыхъ не могъ отрѣшиться вѣнскій кабинетъ.

Что касается перваго изъ тѣхъ пунктовъ, на которые требовали теперь въ Вѣнѣ объясненія, то самъ Ланчинскій, сообщая эти пункты своему правительству,. выражалъ уже съ своей стороны догадку, что австрійское правительство желало бы въ данномъ случаѣ более опредѣленно объясниться на счетъ Турціи *). Дѣйствительно, какъ видно изъ протокола конференціи, одно изъ соображеній, которое приводилось австрійскими министрами противъ присоединенія Австріи къ новому союзу, сводилось именно къ тому, что, распространяясь лишь на Европу и на христіанскія державы, этотъ союзъ тѣмъ самымъ могъ бы имѣть лишь минимальное значеніе для наслѣдственныхъ владѣній цесаря и не позволялъ разсчитывать на какую-либо помощь со стороны Россіи противъ Турціи. Мы видѣли уже выше, что въ свое время вѣнскій кабинетъ самъ съ своей стороны туго поддавался на какое-либо соглашеніе съ Россіей по восточному вопросу, обставляя подобное соглашеніе трудноприѣмлемыми для послѣдней условіями **). Въ январѣ 1724 г. онъ находилъ помощь царя противъ Турціи скорѣе еще опасной, чѣмъ полезной. Теперь, когда съ іюня мѣсяца установились более сносныя отношенія между Россіей и Турціей, въ Вѣнѣ стали более спокойно относиться къ восточной политикѣ царя, и въ то же время, очевидно, начинали питать надежду заручиться его поддержкой въ интересахъ своей собственной австрійской политики на Балканскомъ полуостровѣ. Привлеченіе Австріи къ новому русско-шведскому союзу, имѣвшему своимъ главнымъ содержаніемъ заботы Россіи и Швеціи о герцогѣ Голштинскомъ, могло быть компенсировано, по мнѣнію вѣнскаго кабинета, именно такою поддержкою. Дѣйствительная редакція союзнаго договора не оправдывала этихъ разсчетовъ, и объ ея видоизмѣненіи въ соотвѣтствующемъ направленіи заботилось теперь австрійское правительство ***). Вчерашняя союзница Франціи въ Константинополѣ, видѣвшая съ ея стороны реальную поддержку, Россія приглашалась теперь вступить въ соглашеніе

---

*) Реляц. Ланчинскаго 31 окт. 1724 г.

**) См. выше, стр. 195—198.

***) Желаніе выяснить, какую помощь могла бы ожидать Австрія отъ союзниковъ, въ случаѣ нападенія Турціи на наслѣдственныя владѣнія цесаря, вполнѣ опредѣленно выражается и въ рескриптѣ Гохгольцеру отъ 20 янв. 1725 (Вѣна R. 12a 1725).

по восточному вопросу съ исконною соперницею Франціи на Востокѣ, соперницею, чьи интересы въ этой сферѣ далеко не вовсе могли быть примирены и съ русскими интересами.

Если первый пунктъ запроса, сдѣланнаго вѣнскимъ кабинетомъ, объясняется восточною политикою Австріи, то слѣдующіе два пункта этого запроса стоятъ прежде всего въ связи съ ея отношеніями къ Польшѣ и съ тою политикою, какую проводила въ это время въ Польшѣ саксонская дипломатія *). Потерпѣвъ неудачу въ своихъ стремленіяхъ создать при своемъ посредничествѣ сближеніе между Пруссіей и Австріей, саксонская дипломатія съ конца 1723 г. начинаетъ возлагать свои надежды уже исключительно на эту послѣднюю. Съ помощью императорскаго двора разсчитываетъ она въ это время добиться осуществленія своихъ стремленій: утвержденія саксонской династіи въ Польшѣ и признанія за Саксоніей, предпочтительно передъ Пруссіей, права на Юлихъ-Бергское наслѣдство **). Когда былъ заключенъ русско-шведскій союзъ, въ Дрезденѣ снова попытались использовать въ своихъ интересахъ то положеніе дѣлъ, какое создавалось теперь на Сѣверѣ Европы и въ Имперіи. Не считаясь въ достаточной степени съ условіями момента, министры курфюрста Августа, подъ видомъ возвращенія къ австрійско-саксонскому союзу 1677 г., дѣлаютъ въ это время, въ сущности, новую попытку частью возродить союзное соглашеніе 1719 г. подъ предлогомъ защиты интересовъ католиковъ въ Имперіи, частью втянуть въ свои собственные интересы Россію. Во время пребыванія въ Ахенѣ датскаго короля, прибывшаго туда въ разсчетѣ на свиданіе короля Георга, предпринялъ туда поѣздку самъ Флеммингъ, а одновременно съ этимъ въ Петербургъ была снаряжена экстренная миссія полковника Кригера. Оффиціальнымъ предлогомъ этой миссіи было — поздравить царя съ благополучнымъ окончаніемъ персидскаго похода; ея дѣйствительною цѣлью — выяснить между прочимъ, какъ отнесется Россія къ саксонскимъ проектамъ въ

*) Второй и третій пунктъ запроса стоятъ въ тѣсной связи между собою и должны быть вмѣстѣ разсматриваемы, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ протокола конференціи 15 окт.: „Dergleichen nach Inhalt citati Articuli „sowohl alte und neue Ursachen“ eines feindliches Anfalls vorbehalten, worunter muthmässlich allein Polen verstanden worden, gegen welches E. K. M. sich niemahls auf einige feindliche Weise einlassen könten“.

**) Объ этомъ послѣднемъ см. Droysen IV, 2, 356—359.

Польшѣ, и каковы ея собственные виды на Курляндію *). Слухи о томъ, что въ новый русско-шведскій договоръ включено какое-то соглашеніе относительно Польши, очевидно, уже дошли до Дрездена. Всѣ эти старанія не привели, однако, къ какимъ-либо осязательнымъ результатамъ ни въ Ганноверѣ, ни въ Россіи. Единственнымъ пунктомъ, гдѣ Саксонія находила еще себѣ поддержку, оставался императорскій дворъ. Съ другой стороны, собственные интересы цесарскаго правительства заставляли его точно также поддерживать Саксонію и саксонскую политику въ Польшѣ.

Отношенія Австріи и императорскаго двора къ морскимъ державамъ и Франціи, на почвѣ торговаго соперничества, и къ крупнымъ князьямъ Имперіи, на почвѣ вѣроисповѣдныхъ несогласій, приняли къ этому времени еще болѣе натянутый характеръ. И тѣмъ рѣшительнѣе шли теперь навстрѣчу стремленіямъ Австріи тѣ, на комъ больнѣе другихъ отразились результаты войны за испанское наслѣдство: Испанія, мечтавшая о возрожденіи своего былого могущества, и ея новый правитель, Филиппъ Анжуйскій, не примирявшійся съ постановленіемъ Утрехтскаго мира, раздѣлявшимъ навсегда французскій и испанскій троны, и увлекаемый на путь политики приключеній своею честолюбивою супругою Елизаветою Фарнезе. Послѣ того, какъ проектъ двойного брака между парижскимъ и мадридскимъ дворами окончательно потерпѣлъ неудачу, а болѣзнь малолѣтняго французскаго короля, Людвика XV—начало 1724 г.,—оказалась скоропреходящей, испанское правительство окончательно теряетъ надежду достичь соединенія испанской и французской короны мирнымъ путемъ и опредѣленно идетъ съ этого времени на сближеніе съ Австріей, ища въ союзѣ съ императоромъ опоры своимъ антифранцузскимъ и еще болѣе антианглійскимъ проискамъ. Черезъ двѣ—три недѣли послѣ октябрьской конференціи, на которой обсуждался вопросъ о присоединеніи Австріи къ русско-шведскому союзу, въ Вѣну инкогнито прибылъ уполномоченный испанскаго короля, баронъ Рипперда, въ свое время вдохновитель

---

*) О поѣздкѣ Флемминга въ Ахенъ сообщали гр. А. Головкинъ (реляц. отъ 23 мая 1724 г.) и А. Бестужевъ (реляц. отъ 8 сент. т. г.). „Des Obristens v. Kriegern Verschickung an den Czaarischen Hof. 1724".— Дрезденъ. Staatsarchiv. О миссіи Кригера и вообще о саксонской политикѣ 1724 г. см. ниже, стр. 273, 274.

кардинала Альберони, а теперь продолжатель его плановъ, и вступилъ въ переговоры съ канцлеромъ Синцендорфомъ. Торговая война съ Англіей и возстановленіе древняго права испанскихъ королей на исключительную торговлю съ Новымъ Свѣтомъ, изгнаніе англичанъ изъ Гибралтара, подготовка соединенія Испаніи съ Франціей — вотъ къ чему сводились новыя испанскія предложенія. Въ основу вновь создаваемой системы должны были быть положены браки обоихъ испанскихъ инфантовъ— Донъ-Карлоса и Фердинанда съ австрійскими эрцгерцогинями, Маріей Терезіей и Маріей Анною. Это шло какъ бы навстрѣчу стараніямъ императора придать дипломатическое обоснованіе прагматической санкціи, о чемъ особенно начинаютъ хлопотать въ это время въ Вѣнѣ. Химерическіе планы, довольно дерзкіе, однако, для того, чтобы нарушить, хотя бы и не надолго, то неустойчивое равновѣсіе, какимъ жила въ это время Европа *). Подготовлялось новое австрійско-испанское соглашеніе, осуществившееся нѣсколько позднѣе въ 1725 г. и воочію показавшее тогда невозможность соглашенія англійскихъ и австро-испанскихъ интересовъ, о чемъ въ данный моментъ продолжали еще хлопотать на конгрессѣ въ Камбрэ.

Все это надо принимать во вниманіе, чтобы понять отношеніе австрійскаго правительства и къ саксонской политикѣ въ Польшѣ, и къ русско-шведскому союзу, поскольку онъ могъ имѣть значеніе для польскаго вопроса. Яснѣе саксонскихъ дипломатовъ понимая общее положеніе дѣлъ, австрійское правительство сочувственно отнеслось къ только что отмѣченнымъ саксонскимъ проискамъ, и старалось использовать ихъ въ интересахъ подготовляемаго имъ самимъ союзнаго соглашенія, придавъ имъ лишь болѣе опредѣленную анти-англійскую, а быть можетъ, и анти-французскую окраску. Саксонская политика въ Польшѣ, шедшая въ разрѣзъ мечтаніямъ Франціи и причинявшая не мало хлопотъ и тревогъ Пруссіи, находила себѣ, поэтому, точно также поддержку въ Вѣнѣ. Наоборотъ, русско-шведскій договоръ, заключенный въ тотъ моментъ, когда между Швеціей и польскимъ правительствомъ оффиціально не были еще возстановлены дипломатическія

---

*) Изложеніе испанской политики и австрійско-испанскихъ отношеній за это время см. у W. Oncken'a, Das Zeitalter Friedrichs d. Grossen (Berl. 1881), Buch II, cap. IV („Der Bund von Wien und der Gegenbund von Hannover"). Срав. также выше, стр. 131—141, 190—193 и 199.

отношенія, и когда продолжались еще переговоры между Россіей и Франціей о кандидатурѣ на польскій престолъ герцога Шартрскаго, при извѣстныхъ симпатіяхъ Швеціи къ Станиславу Лещинскому и болѣе чѣмъ сдержанномъ отношеніи Россіи къ правительственной партіи въ Польшѣ, долженъ былъ внушать Вѣнѣ, съ этой точки зрѣнія, нѣкоторыя сомнѣнія. Эти сомнѣнія и продиктовали, очевидно, цесарскому правительству, второй и третій пункты его запроса относительно цѣлей и характера новаго союза. И нельзя не согласиться, что въ виду наличности въ союзномъ договорѣ второго секретнаго артикула, о существованіи котораго въ данномъ случаѣ умалчивалось, эти пункты задѣвали, дѣйствительно, довольно щекотливый вопросъ для русскаго правительства.

Нѣкоторая сдержанность, за которой можно также усмотрѣть не совсѣмъ согласное съ русскими видами отношеніе къ голштинскому вопросу, сказывается, наконецъ, и въ отвѣтѣ цесарскаго правительства на предложеніе присоединиться къ соотвѣтствующему секретному артикулу союзнаго договора. Резюме мнѣній, высказанныхъ по этому поводу на конференціи 15 октября, отличается нѣкоторою двойственностью и колеблется между выраженіемъ принципіальнаго сочувствія герцогу и недовольствомъ Даніей за ея вообще некорректное отношеніе къ императору, съ одной стороны, и сознаніемъ невозможности оказать въ данный моментъ какую-либо существенную поддержку герцогу Голштинскому, съ другой. «Wegen des Articuli Secreti und des Herzogs v. Holstein Restitution», читаемъ мы здѣсь, «seyen E. K. Mt. ohnedem zu allem Guten gnädigst wohl geneigt, könten aber dermahlen ein mehreres nicht thun. Der gute Fürst seye freylich unschuldig und hülfs-nöthig und würdig, es seye aber für E. K. Mt. beschwerlich und bedenklich mit Dänemark deswegen zu verfallen, obschon der dänischer Hof sich gegen Allerhöchst derselbe sehr übel und unanständig zeige». Въ довольно общихъ выраженіяхъ, какъ мы сейчасъ сказали, былъ редактированъ и оффиціальный отвѣтъ по этому пункту, данный Ланчинскому. Не рѣшаясь окончательно высказаться по голштинскому вопросу, цесарское правительство, съ другой стороны, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ отнеслось къ русскому плану совмѣстнаго дѣйствія въ данномъ случаѣ съ Франціей и Англіей и, повидимому, было бы не прочь, чтобы въ своемъ конечномъ исходѣ разрѣшеніе этого вопроса чувствительнѣе задѣло интересы короля

Георга, прежде всего, какъ курфюрста ганноверскаго. Къ шедшимъ одновременно съ этимъ переговорамъ о примиреніи Россіи съ Англіей въ Вѣнѣ относились съ нескрываемымъ подозрѣніемъ, и Ланчинскій въ своихъ реляціяхъ не разъ указывалъ, что примиреніе царя съ королемъ Англійскимъ можетъ затормозить присоединеніе Австріи къ союзу и уронить въ Вѣнѣ шансы герцога голштинскаго *). А когда австрійскому резиденту въ Петербургѣ Гохгольцеру былъ сообщенъ текстъ запроса, сдѣланнаго въ Вѣнѣ Ланчинскому, ему предписывалось, между прочимъ, вывѣдать поточнѣе и намѣренія Россіи относительно Шлезвига, и подчеркивалось при этомъ, что русское правительство до сихъ поръ не высказалось, будетъ-ли затронутъ и въ какой именно формѣ, при примиреніи съ Англіей, вопросъ о Бременѣ и Верденѣ **).

Таковы были мотивы, побуждавшіе Австрію присоединиться къ новому русско-шведскому договору, и сомнѣнія, удерживавшія ее отъ этого шага. Втянуть Россію и Швецію въ свою собственную политику, подготовлявшую соглашеніе съ Испаніей и уже въ это время поставившую, по собственному признанію вѣнскаго кабинета, Австрію въ изолированное положеніе въ Европѣ, и придать, такимъ образомъ, новому русско-шведскому договору опредѣленную анти-англійскую окраску; использовать союзъ, имѣвшій въ виду прежде всего положеніе дѣлъ въ Европѣ, въ интересахъ восточнаго вопроса; заставить союзниковъ высказаться болѣе опредѣленно по польско-саксонскому вопросу, ими преднамѣренно обходимому — вотъ къ чему, въ концѣ концовъ, сводился отвѣтъ Австріи. Словомъ, если цесарскій дворъ и соперничалъ съ русскимъ въ заботахъ о шведскихъ интересахъ ***), то побудительныя причины этихъ заботъ во всякомъ случаѣ были различны и не исключали недовѣрчиваго отношенія Австріи къ русско-шведскому соглашенію. Что замышляетъ Россія въ Польшѣ противъ саксонскаго правительства? зачѣмъ торопится она примириться съ Англіей? — вотъ двѣ тревожныя ноты, которыя постоянно звучатъ въ рѣчахъ австрійскихъ министровъ, какъ только рѣчь заходитъ о русско-шведскомъ союзѣ. Идя совершенно въ разрѣзъ съ русскими планами, Австрія связы-

---

*) Реляц. Ланчинскаго 19 февр. и 2 дек. 1724 г. и 13 янв. 1725 г.

**) Реляц. Гохгольцеру 20 янв. 1725 г.

***) „Man war am kaiserlichen Hofe eben so eifroig schwedisch, wie am russischen“.—Droysen IV, 2; 360.

вала вопросъ о ея присоединеніи къ союзу съ тѣмъ, что въ своихъ переговорахъ съ нею старалось обойти русское правительство, съ вопросомъ о Польшѣ, и въ то же время отграничивала его отъ того, на чемъ строилась теперь вся балтійская программа Россіи, отъ вопроса о примиреніи съ Англіей. Въ 1722 г. вліяніе англо-ганноверской дипломатіи было одною изъ причинъ, заставившихъ Австрію сдержанно отнестись къ вопросу о сближеніи съ Россіей; положеніе дѣлъ измѣнилось, и новый курсъ русской политики по отношенію къ той же Англіи дѣлался теперь новымъ камнемъ преткновенія въ дѣлѣ созданія русско-австрійскаго соглашенія, обойти который русская дипломатія не могла, не отступая отъ основныхъ началъ воспринятой ею программы.

Разговоръ принца Евгенія и Шпицендорфа о присоединеніи Австріи къ союзу и легъ въ основу оффиціальной промеморіи, сообщенной вѣнскимъ кабинетомъ русскому и шведскому правительству. По предварительному соглашенію Россія и Швеція отвѣчали на эту промеморію въ общихъ успокоительныхъ выраженіяхъ, выражая принципіальное согласіе на включеніе въ союзъ Польши, и тѣмъ самымъ открывая дорогу для дальнѣйшихъ переговоровъ. Не мѣшаетъ, однако, отмѣтить, что уже въ этомъ отвѣтѣ требованія по шлезвигскому вопросу были редактированы въ болѣе рѣшительной формѣ: рѣчь шла теперь не о *эквивалентѣ*, но о полной *реституціи* Шлезвига *). Съ другой стороны, въ рескриптахъ къ Ланчинскому и М. Бестужеву въ это время начинаетъ звучать какъ бы нота разочарованія въ тѣхъ расчетахъ, какіе незадолго до этого возлагались на Австрію. Отвѣты цесарскаго двора относительно герцога голштинскаго признаются «ничего незначущими и еще съ прежними отъ цесарскаго двора декларацiями несходными» **), а 18 декабря 1724 г.

---

*) Рескр. Ланчинскому 23 янв. 1725 г.

**) Австрійская промеморія въ отвѣтъ на русское предложеніе о присоединеніи Австріи къ союзу—при реляц. Ланчинскаго 19 окт. 1724 г.— Во второй половинѣ ноября шведское правительство черезъ М. Бестужева сообщило русскому полученную имъ промеморію, текстъ которой былъ тожественъ съ предыдущей, и обѣщало въ ближайшемъ будущемъ прислать и свой собственный проектъ отвѣта для предварительнаго соглашенія, „чтобъ со стороны В. В-ства, какъ пишетъ Бестужевъ, и со стороны швецкой равное изъясненіе на вопросъ цесарскаго двора учинить“ (реляц. М. Бестужева отъ 27 нояб. 1724 г.). Проектъ такого „изъясненія“ и былъ со-

М. Бестужеву былъ отправленъ рескриптъ, въ которомъ прямо развивался уже иной планъ дѣйствія, сравнительно съ тѣмъ, какой былъ формулированъ въ рескриптахъ отъ 17 и 24 іюля этого года. Находя, что «цесарскій дворъ мало склонности имѣетъ прямо съ нами въ сей союзъ и во взятые въ пользу герцога голштинскаго мѣры вступить», русское правительство хотя и предлагало его по прежнему «въ доброй склонности содержать и весьма менажировать», однако не находило уже нужнымъ «чрезмѣрно въ семъ налегать» *). Какія побудительныя причины

общенъ Бестужевымъ въ Петербургъ при его реляціи отъ 4 дек. 1724 г. Это „изъясненіе" было составлено въ довольно общихъ, но успокоительныхъ терминахъ и сводилось къ слѣдующему: 1. Цѣль союза—исключительно поддержаніе мира и спокойствія. 2. Союзники готовы охранять миръ, безразлично, будетъ ли онъ нарушенъ съ чьей бы то ни было стороны изъ-за причинъ, существовавшихъ еще до заключенія послѣдняго мира (т. е. Ништадтскаго) и давшихъ въ свое время поводъ къ послѣдней войнѣ, или изъ за какихъ-либо новыхъ недоразумѣній. 3. Союзники ничего не замышляютъ противъ Польши; если же въ союзѣ ничего не упомянуто о польскомъ правительствѣ, то это исключительно для того, чтобы не упоминать ни о королѣ Августѣ, который формально не примирился еще со Швеціей, ни о королѣ Станиславѣ Лещинскомъ, на удовлетвореніи интересовъ котораго настаивала Швеція, но на что не соглашалась Россія. Взамѣнъ этого русское правительство согласилось дать декларацію съ обѣщаніемъ поддержать интересы короля Станислава во время своего посредничества при заключеніи мира между Швеціей и королемъ Августомъ. 4. Союзники желаютъ добиться *дѣйствительной реституціи* Шлезвига и возмѣщенія герцогу всѣхъ понесенныхъ имъ убытковъ; такъ какъ трудно разсчитывать, чтобы Данія согласилась на это добровольно, то они надѣются найти поддержку у всѣхъ державъ, гарантировавшихъ Травендальскій миръ.—Русское правительство, одобривъ въ общемъ текстъ „изъясненія", предложило, съ своей стороны, лишь болѣе общую редакцію пункта о Польшѣ (безъ упоминанія о русской деклараціи въ пользу Станислава Лещинскаго—„кому, толь меньше еще римско-цесарскому двору") и, наоборотъ, болѣе рѣшительную редакцію пункта о герцогѣ голштинскомъ, подчеркнувъ, что союзники ждутъ поддержки именно отъ цесаря, и не упоминая о другихъ „гарантирахъ" „понеже сіе цесарскому двору новый поводъ подать можетъ дѣло вдаль отвесть". Русскія поправки были приняты въ Швеціи, и изложенный сообразно съ этими поправками текстъ „изъясненія" былъ посланъ шведскому посланнику въ Вѣну (реляц. М. Бестужева 8 янв. и 12 февр. 1725 г.). Одновременно съ этимъ, русское правительство, съ своей стороны, переслало свое „изъясненіе"—въ той же редакціи — Ланчинскому (при рескриптѣ отъ 23 янв. 1725 г.).

*) Рескр. М. Бестужеву 18 дек. 1724 г.

опредѣляли въ данномъ случаѣ точку зрѣнія русскаго правительства—было-ли это по прежнему результатъ вѣрнаго пониманія государственныхъ интересовъ и опасенія втянуться въ рискованную политику приключеній, или въ этомъ можно усмотрѣть начало лишь нѣкотораго сторонняго вліянія, заставлявшаго русскую политику уклоняться съ того прямого пути, какимъ она шла до этого времени? Отвѣтъ на этотъ вопросъ документы, обрисовывающіе ходъ русско-австрійскихъ переговоровъ дать не могутъ, и къ нему намъ придется еще вернуться нѣсколько ниже. Тѣ запросы, какіе были сдѣланы вѣнскимъ кабинетомъ въ отвѣтъ на предложеніе присоединиться къ союзу, достаточно ясно, однако показывали, чѣмъ рисковало русское правительство, если бы, увлеченное чрезмѣрнымъ раденіемъ объ интересахъ герцога голштинскаго, оно пошло на тѣ уступки, какихъ ожидали отъ него въ Вѣнѣ.

Гораздо настойчивѣе, до самыхъ послѣднихъ дней петровскаго царствованія, добивалось русское правительство присоединенія къ союзу Франціи. Достичь этого оказалось, однако, еще труднѣе, чѣмъ найти какую-либо почву для соглашенія съ Австріей. Повидимому искренне желая и съ своей стороны союза съ Россіей, но попрежнему принимая через-чуръ близко къ сердцу интересы Англіи, французское правительство, какъ и прежде, не обнаруживало большой склонности втягиваться въ тѣ сложныя комбинаціи, которыя создавались на Сѣверѣ, теперь, въ связи съ заключеніемъ новаго русско-шведскаго договора, и которыя, развиваясь параллельно съ стремленіемъ Россіи примириться съ Англіей, все же до извѣстной степени были направлены противъ той же Англіи и короля самого Георга.

Вопросъ о примиреніи съ Англіей, какъ извѣстно, еще въ 1723 г. довольно тѣсно связывался съ вопросомъ о заключеніи союза съ Франціей. Рѣшеніе итти на такое примиреніе, рѣшеніе, принятое русскимъ правительствомъ и обусловленное, какъ мы уже знаемъ, очередными задачами Балтійской политики, окончательно опредѣлило собою теперь и дальнѣйшее направленіе русско-французскихъ переговоровъ Очень скоро, однако, во время этихъ переговоровъ обнаружилось, что русское правительство склонно было придавать своему рѣшенію болѣе узкое толкованіе, чѣмъ то, какое придавали этому рѣшенію Франція, а въ ея лицѣ и сама Англія.

На послѣдней конференціи, какъ мы уже знаемъ, было рѣшено итти на примиреніе съ Англіей «de plano ex simplici», не обставляя его какими-либо оговорками, и въ такомъ же духѣ за нѣсколько дней до этого съ Кампредономъ говорилъ самъ Петръ Великій. Это рѣшеніе касалось, однако, лишь прежнихъ претензій, ранѣе предъявленныхъ Россіей Англіи и королю Георгу. Въ своемъ оффиціальномъ отвѣтѣ отъ 25 іюля Кампредону на его послѣднія предложенія русское правительство соглашалось, правда, забыть эти претензіи и требовало отъ короля Георга лишь признанія за русскимъ государемъ императорскаго титула и вторичнаго принятія М. Бестужева русскимъ представителемъ въ Лондонѣ. Взамѣнъ этого, однако, оно выставляло нѣкоторыя новыя условія, касавшіяся уже не столько прошедшаго, сколько будущаго, и обращенныя не къ самой Англіи, но къ Франціи. Послѣдняя должна была взять подъ свою защиту обиженнаго въ своихъ правахъ герцога мекленбургскаго, «понеже о включеніи того герцога сначала еще объявлено было и сверхъ того, оный герцогъ, яко не послѣдній членъ имперской, общимъ намѣреніямъ и интересамъ французскимъ наивсегда не безполезенъ быть можетъ» *). Одновременно съ этимъ, упомянувъ о томъ, что постояннымъ желаніемъ обѣихъ договаривающихся сторонъ было привлеченіе къ своему будущему союзу Швеціи, русское правительство предлагало теперь, взамѣнъ этого, самой Франціи приступить къ заключенному уже русско-шведскому союзу и вступить съ союзниками въ соглашеніе относительно тѣхъ общихъ мѣръ, какія могли бы быть приняты въ интересахъ герцога голштинскаго **). Mutatis mutandis съ русской стороны повто-

---

*) Проектъ союза, предложенный въ концѣ 1722 г. Кампредономъ и относящіеся къ нему документы.—Дѣла Французскія 1722 г. № 13. См. также „Выписку о примиреніи Россіи съ Англіей чрезъ посредство французскаго министра Кампредона и изъясненіе объ обидахъ, нанесенныхъ Россіи отъ дворовъ ганноверскаго и аглинскаго“ (Дѣла Англійскія 1723—31 № 3). Почти одновременно съ этимъ—21 іюля—былъ посланъ рескриптъ кн. Б. Куракину съ предписаніемъ сообщить французскому правительству текстъ основныхъ статей договора и пункта о герцогѣ голштинскомъ и предложить Франціи примкнуть къ союзу. Дальнѣйшіе переговоры по этому поводу сосредоточились, однако, не въ Парижѣ, но въ Петербургѣ и велись, главнымъ образомъ, между Кампредономъ и Остерманомъ.

**) „Понеже такожде при заключаемомъ съ Франціею союзѣ съ обѣихъ сторонъ постоянное намѣреніе было, чтобъ и Швеція во оный союзъ

рялись теперь, такимъ образомъ, тѣ же требованія, какія были выставлены еще въ началѣ 1723 г. во время переговоровъ съ Франціей о союзѣ, независимо отъ вопроса о примиреніи съ Англіей.

Что касается перваго изъ этихъ требованій, то надо замѣтить, что герцогъ Карлъ-Леопольдъ къ этому времени своею взбалмошностью успѣлъ уже снова надѣлать не мало хлопотъ своимъ защитникамъ и ходатаямъ за его интересы передъ цесарскими канцеляріями. Выразивъ было въ августѣ 1723 г. покорность цесарю, онъ вскорѣ послѣ этого снова испортилъ дѣло своими новыми манифестами, шедшими въ разрѣзъ съ его «парціальною» грамотою, и своими деспотическими мѣропріятіями по отношенію къ мекленбургскому дворянству и своему чиновничеству *). Русское правительство, вслѣдствіе этого, лишено было какой либо возможности продолжать свои настоянія въ Вѣнѣ о немедленномъ выводѣ изъ Мекленбурга ганноверскихъ войскъ, и могло лишь хлопотать объ отсрочкѣ тѣхъ рѣшительныхъ мѣропріятій, какія цесарское правительство, повидимому, готово было принять противъ своего непокорнаго вассала. А мѣропріятія эти, какъ сообщалъ Ланчинскій, сводились къ одной изъ слѣдующихъ трехъ мѣръ наказанія: или герцогское достоинство могло быть окончательно передано брату герцога, Христіану Людвигу, или послѣдній могъ быть назначенъ временнымъ администраторомъ въ герцогствѣ, или, наконецъ, самъ цесарь могъ взять Мекленбургъ подъ свой секвестръ, лишивъ, такимъ образомъ, герцога его доходовъ **).

Стараясь, однако, возможно чувствительнѣе задѣть интересы герцога Карла-Леопольда, въ Вѣнѣ, очевидно, не хотѣли, съ дру-

---

приглашена и принята была, и Е. И. Вел—ство по собственному Е. Кор. В—ву совѣту со Швеціею уже оборонительный союзъ заключилъ и такожде со оною короною о дѣлахъ герцога Голштинскаго въ нѣкоторыя мѣры вступилъ, того ради такожде Е. И. В—во не сумнѣвается, что Е. К. В—во Французское ко оному союзу изволитъ приступить и Е. К. В-ву герцогу Голштинскому въ интересахъ его такожде и въ томъ вспомогать, дабы онъ въ дѣлѣ герцогства Шлезвига отъ короля датскаго удовлетворенъ былъ, наипаче понеже для содержанія и утвержденія покоя въ Сѣверѣ то необходимо потребно, и Е. К. В—во Французское не инымъ образомъ въ гваранти королю датскому обѣщался, какъ чтобы оному герцогу справедливый эквивалентъ за оный данъ былъ“—ibid.

*) Рескр. Бону 19 янв. 1724 г. (Дѣла Мекленбургскія 1724 г. № 3) и Реляц. Ланчинскаго 18 марта 1724 г.

**) Реляц. Ланчинскаго 18 марта 1724 г.

гой стороны, создавать благовиднаго предлога для дальнѣйшаго вмѣшательства въ мекленбургское дѣло Ганновера. Вотъ почему передать герцогское достоинство двоюродному брату герцога Христіану-Людвигу и даже назначить его временнымъ администраторомъ въ Мекленбургѣ долгое время колебались, не довѣряя ему, какъ лицу, извѣстному своими ганноверскими симпатіями. И только послѣ нѣкотораго колебанія, сочтя, очевидно, императорскій секвестръ черезъ-чуръ крутою мѣрою, цесарь рѣшился на назначеніе администраціи, связавъ однако, заранѣе герцога—администратора обѣщаніемъ согласовать свое управленіе съ указаніями изъ Вѣны, а не изъ Ганновера *). Въ данной моментъ, впрочемъ, и это рѣшеніе оставалось лишь на бумагѣ и не приводилось еще въ исполненіе. Желая дать почувствовать герцогу свой авторитетъ сюзерена, цесарь, очевидно, не хотѣлъ давать лишняго оружія своему другому, точно также далеко не всегда покорному и конечно уже гораздо болѣе сильному вассалу, какимъ былъ курфюрстъ ганноверскій. Все обострявшееся соперничество Австріи съ Англіей опредѣляло до извѣстной степени отношеніе императора и къ этому вопросу внутренней имперской политики, въ которомъ были замѣшаны интересы короля Георга, какъ князя Германской имперіи. Туго поддаваясь на представительства русскаго царя за герцога Карла-Леопольда, германскій императоръ сходился съ русскимъ правительствомъ въ недовѣріи къ ганноверской политикѣ. Это не ускользнуло отъ вниманія петербургскаго кабинета: отвѣчая принципіальнымъ согласіемъ на предложенія Кампредона, русское правительство обусловливало теперь примиреніе съ Англіей новымъ требованіемъ—о включеніи въ будущій русско-шведско-французскій союзъ герцога мекленбургскаго и о внесеніи въ договоръ особаго пункта, ограждавшаго его интересы... очевидно отъ посягательства на нихъ прежде всего со стороны все того же курфюрста Георга. Англо-русскій конфликтъ былъ, по существу своему, прежде всего конфликтъ между Россіей и *ганноверскимъ* правительствомъ Англіи: *Англо*-русскія отношенія фактически никогда окончательно не порывались. И теперь, стараясь возстановить формально доброе согласіе съ Англіей, русское правительство старалось при этомъ прежде всего оградить себя отъ неожиданностей ганноверской политики на континентѣ, ставило себѣ цѣлью сохранить за собою

*) Реляц. Ланчинскаго 1 апр. 1724 г.

въ Мекленбургѣ такое положеніе, какое можно было бы использовать въ интересахъ новыхъ задачъ, выдвигавшихся теперь на Балтійскомъ морѣ *).

Заботы объ интересахъ балтійской политики лежали, очевидно, въ основѣ и второго требованія, предъявленнаго теперь Франціи. Выражая еще до этого пожеланіе, чтобы Швеція была привлечена къ будущему русско-французскому союзному договору, русское правительство измѣняло теперь самую постановку вопроса и заводила рѣчь о присоединеніи самой Франціи къ заключенному уже русско-шведскому союзу. Подобная новая постановка вопроса окончательно связывала русско-французскіе переговоры съ тою дипломатическою кампаніею, которая открывалась теперь, послѣ заключенія русско-шведскаго договора, и косвенно была направлена опять-таки противъ добраго союзника Франціи, короля Георга. Франціи предлагалось приступить къ союзу, нѣкоторыя изъ условій котораго, какъ напримѣръ артикулъ о герцогѣ голштинскомъ—заранѣе можно было ожидать—должны были встрѣтить

---

*) Въ связи со всѣми этими стараніями русскаго правительства оградить себя отъ какихъ-либо неожиданностей *ганноверской* политики приходится, очевидно, поставить и его пожеланіе, чтобы и въ Стокгольмѣ вопросъ о примиреніи Россіи съ Англіей обсуждался безъ предварительнаго соглашенія съ Франціей, непосредственно между шведскими министрами и представителями короля Георга. Въ отвѣтъ на свое сообщеніе протокола конференціи, бывшей у него со шведскими министрами по вопросу о примиреніи съ Англіей (при его реляц. отъ 28 авг. 1724 г.), М. Бестужевъ получилъ отъ своего правительства слѣдующее замѣчаніе: „Изъ присланнаго протоколу усмотрѣли, что сіе дѣло весьма не тѣмъ порядкомъ отъ тебя предложено, ниже отъ шведскихъ министровъ въ той силѣ принято, ибо вмѣсто того, чтобъ согласуясь съ Франціею въ сіе дѣло имъ вступить, они въ Швеціи англинскому министру о томъ прямо хотятъ объявить, на что и ты по ихъ вопросу позволилъ, хотя ты самъ въ реляціяхъ своихъ часто доносилъ, что сіе дѣло отъ англинскаго министра утаить надлежитъ... Сей твой поступокъ мы весьма апробовать не можемъ, и понеже по сему твоему шведскимъ министромъ данному позволенію безъ всякаго сумнѣнія оное объявленіе до полученія сего англинскому министру уже учинено... того ради имѣешь ты у шведскихъ доброжелательныхъ министровъ стараться, дабы они немедленно о семъ своемъ поступкѣ и учиненномъ аглинскому министру объявленіи французскому двору сообщили и со онымъ дворомъ согласились, какъ въ томъ дѣлѣ имъ обще впредь поступать, ибо для общихъ намѣреній намъ отъ Франціи и отъ ихъ оффицій въ семъ дѣлѣ удаляться весьма невозможно, какъ доброжелательные сами легко разсудятъ“. — Рескр. 18 сент. 1724 г.; то же предписаніе—въ рескр. 6 нояб. т. г.

съ ея стороны значительныя возраженія: мы уже знаемъ точку зрѣнія на шлезвигскій вопросъ, высказанную еще въ концѣ 1722 г. аббатомъ Дюбуа и вполнѣ раздѣляемую его преемникомъ, гр. де-Морвилемъ.

Оба требованія, предъявленныя теперь Франціи и косвенно направленныя противъ короля Георга, не вполнѣ согласовались, такимъ образомъ, съ заявленіемъ о готовности примириться съ Англіей безъ какихъ бы то ни было условій, забывъ старые счеты. Первое изъ этихъ требованій, кромѣ того, въ глазахъ Англіи и Франціи могло представляться какъ бы звеномъ, черезъчуръ явно связующимъ политику русско-шведскаго союза съ антианглійскими тенденціями политики Австріи и Испаніи. Такъ понимало дѣло и само французское правительство, отнесшееся ко всѣмъ этимъ требованіямъ, какъ и можно было заранѣе ожидать, крайне несочувственно. Такъ понимала его и Англія, говорившая съ русскимъ правительствомъ устами французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Этимъ и объясняются слова гр. де-Морвиля, который ставъ на точку зрѣнія англійскихъ интересовъ, отмѣчалъ, что лондонскій дворъ, очевидно, нѣсколько огорченъ тѣмъ, что «Царь все еще настаиваетъ на желаніи примириться не иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ» *).

Съ своей стороны, гр. де-Морвиль точно также противъ той постановки вопроса о герцогахъ, какую придавало этимъ вопросамъ русское правительство. Не разсчитывая, чтобы Англія согласилась примкнуть къ русско-шведскому союзу въ его настоящемъ видѣ, онъ находилъ болѣе удобнымъ говорить о присоединеніи самой Швеціи къ будущему союзу Россіи, Франціи и Англіи. На участіи въ будущемъ союзѣ этой послѣдней, какъ на conditio sine qua non, онъ продолжалъ настаивать точно также все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе, находя подобное участіе желательнымъ даже съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ: только будучи включенъ въ союзъ, король Георгъ будетъ въ состояніи оказать содѣйствіе герцогу голштинскому и быть полезнымъ герцогу мекленбургскому **).

Всѣ эти возраженія и легли въ основу того новаго проекта союзнаго договора, который былъ отправленъ изъ Парижа Кампредону 16 (5) сентября 1724 г. ***). По этому проекту Россія,

*) Гр. Морвиль Кампредону 18 авг. 1724 г.
**) Гр. Морвиль Кампредону 11 авг. и 7 сент. 1724 г.
***) Сборникъ LII, 295—319.

*

Англія и Франція должны были вступить между собою на 15 лѣтъ въ оборонительный союзъ, обставивъ его обычными условіями и взаимно гарантируя всѣ тѣ предшествовавшіе трактаты, гарантія которыхъ была предложена Франціей еще въ 1722 г., но съ тою оговоркою, какая тогда уже была внесена Россіей. Вторымъ пунктомъ проекта предусматривалась возможность приступленія въ будущемъ къ союзу другихъ державъ и государей, безъ особаго упоминанія, однако, при этомъ о Швеціи. Къ основному тексту договора проектъ присоединялъ три секретныхъ пункта. Первый изъ нихъ, о сохраненіи «вольной элекціи» въ Польшѣ, былъ редактированъ коротко и въ общихъ выраженіяхъ. Редакція втораго изъ этихъ пунктовъ, о герцогѣ мекленбургскомъ, отличалась большою сдержанностью. Короли французскій и англійскій, по этому пункту, изъ вниманія къ русскому царю, обѣщали посредничать въ пользу «связаннаго съ нимъ узами крови государя» и «доказывать ему на дѣлѣ свое расположеніе при всякомъ случаѣ, когда имъ можно будетъ это сдѣлать, не нарушая законовъ и учрежденій имперіи, противъ коихъ они не желаютъ никогда и ничего предпринимать, о чемъ тутъ же и заявляютъ». Въ свою очередь, русскій царь долженъ былъ обязаться «не предпринимать ничего въ ущербъ имперскимъ законамъ и учрежденіямъ». По третьему секретному пункту, о герцогѣ голштинскомъ, Англія и Франція обязывались «дѣйствовать въ интересахъ герцога голштинскаго и стараться о доставленіи ему *какого-нибудь* возмѣщенія за потерю герцогства Шлезвигскаго, не нарушая и не отступая при этомъ отъ акта гарантіи помянутого герцогства, который данъ ими королю датскому, и отступить отъ котораго не позволяетъ имъ ихъ вѣрность даннымъ ими трактатамъ». Съ своей стороны, русскій государь долженъ былъ обѣщать, что онъ не потребуетъ отъ своихъ союзниковъ ничего такого, что могло бы быть противно этой гарантіи. Союзники не только не обязывались, такимъ образомъ, содѣйствовать возвращенію герцогу Шлезвига, но даже не брали на себя обязательства доставить ему какой-либо «эквивалентъ», о чемъ говорило еще въ это время русское правительство, подразумѣвая подъ этимъ словомъ очевидно территоріальное вознагражденіе, и замѣняли самое это выраженіе болѣе безобиднымъ терминомъ «возмѣщеніе» (indemnité).

Смыслъ подобной замѣны станетъ особенно ясенъ, если принять во вниманіе, что въ голштинской терминологіи терминъ

«эквивалентъ» обозначалъ обыкновенно вполнѣ опредѣленную территорію—Бременъ и Верденъ, т.-е. прежнія шведскія владѣнія въ Германской имперіи, отошедшія къ ганноверскому курфюрсту. Предшествующій пунктъ о герцогѣ мекленбургскомъ, ставя разрѣшеніе мекленбургскаго вопроса въ зависимости отъ имперскихъ резолюцій, предусматривалъ возможность активнаго вмѣшательства Россіи въ мекленбургскія отношенія, которое легко могло бы обратиться противъ короля Георга. Редакція пункта о герцогѣ голштинскомъ предупреждала требованіе территоріальнаго эквивалента, который точно также скорѣе всего могли потребовать изъ ганноверскихъ владѣній. Самое включеніе, наконецъ, Англіи въ русско-французское союзное соглашеніе, гарантировавшее, кстати сказать, своимъ 3 пунктомъ, въ числѣ другихъ трактатовъ, ганноверско-шведскій договоръ 1719 г., по которому Швеція уступала Георгу Бременъ и Верденъ, должно было какъ бы увѣнчать тѣ мѣры предосторожности, какія старались противоставить неожиданностямъ русской политики. Очевидно, при такихъ условіяхъ, съ виду благопріятное разрѣшеніе мекленбургскаго и голштинскаго вопросовъ могло явиться лишь помѣхою для русскаго правительства, а самый союзъ, который оно было склонно разсматривать какъ боевое орудіе своей новой балтійской политики, скорѣе лишь связывалъ ему руки *).

Переговоры, завязавшіеся между русскимъ правительствомъ и Кампредономъ послѣ полученія имъ настоящаго проекта, какъ и можно было заранѣе ожидать, не отличались большою оживленностью и быстротою въ ходѣ своего развитія. 17 ноября Кампре-

*) Нѣсколько позднѣе гр. де-Морвиль въ своихъ письмахъ къ Кампредону самъ давалъ аналогичное объясненіе французскому требованію о включеніи въ союзъ Англіи въ связи съ опасеніемъ неумѣренныхъ требованій Россіи въ пользу герцога Голштинскаго. Упоминая о слухѣ, будто-бы царь желаетъ возстановить герцога въ его шлезвигскихъ владѣніяхъ, онъ отказывался вѣрить этому слуху и находилъ подобное желаніе совершенно несовмѣстимымъ съ намѣреніемъ продолжать переговоры о союзѣ: Il est bien difficile de croire, que dans le temps, que le Czar consent à traiter avec le roi d'Angleterre, ce Prince se soit engagé à procurer au duc de Holstein son rétablissement dans le Sleswig, puisque cet engagement, étant formellement contraire à ceux, qui ont été contractés par le roi et le roi d'Angleterre, dont le Czar avait une entière connaissance même avant le commencement de la négociation, que vous avez entamée avec lui, mettrait un obstacle insurmontable à la conclusion du traité d'alliance“ (письмо отъ 4 янв. 1725 г.—Сб. LII, 381).

донъ сообщилъ Головкину и Остерману предложенія своего правительства, частнымъ образомъ имъ, повидимому, уже извѣстныя. Русскіе министры обѣщали сдѣлать съ своей стороны докладъ объ этомъ царю. Остерманъ, однако, оговорился, что и предшествовавшія французскія предложенія онъ не успѣлъ еще обстоятельно доложить государю, который-де чрезвычайно занятъ вопросами внутренней политики, досаждаемъ различными непріятностями и потому не можетъ въ достаточной степени сосредоточиться на вопросѣ о союзѣ *). И дѣйствительно, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, Кампредонъ не получалъ никакого отвѣта. Только 18 декабря, въ день рожденія Елизаветы Петровны, Петръ Великій самъ успокоилъ его, обѣщая вскорѣ позаняться его дѣломъ **). Назначенія оффиціальной конференціи по вопросу о союзѣ, впрочемъ, такъ и не послѣдовало вплоть до самой смерти Петра Великаго. Отмѣчая такое колебаніе и нерѣшительность самого царя и его министровъ, Кампредонъ объяснялъ это прежде всего нежеланіемъ чтобы въ будущій союзъ былъ включенъ и король англійскій ***). Во время полуоффиціальнаго разговора, завязавшагося у Кампредона съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ при подачѣ имъ его предложенія, этотъ пунктъ дѣйствительно встрѣтилъ сильныя возраженія. Остерманъ «нахмурился», какъ будто услыхалъ нѣчто совершенно неожиданное и тутъ же довольно рѣшительно заявилъ, что это будетъ одно изъ наиболѣе трудно-пріемлемыхъ условій. Со свойственной ему осторожностью онъ воздержался отъ какихъ-либо дальнѣйшихъ объясненій по этому поводу. Другіе были откровеннѣе. Такъ еще до подачи своихъ предложеній Кампредонъ, изъ намековъ Ягужинскаго, заключилъ, что для успѣха переговоровъ, помимо вопроса объ участіи въ союзѣ Англіи, не мѣшало бы поточнѣе указать, что именно будетъ сдѣлано для герцога голштинскаго ****). Въ устахъ Ягужинскаго, менѣе связаннаго своимъ положеніемъ, но лично близкаго царю и въ то же время считавшагося «доброжелателемъ» голштинцевъ, подобные намеки пріобрѣтали особую цѣнность. Въ связи со всѣмъ ходомъ событій они заставляли подозрѣвать, что въ основѣ

*) Реляц. Кампредона 28 ноября 1724 г. *новаго стиля*.—Также—„Выписка о примиреніи Россіи съ Англіею“.

**) Реляц. Кампредона 30 дек. 1724 г. н. ст.

***) Реляц. Кампредона 16 дек. 1724 г.

****) Разговоръ Кампредона съ Ягужинскимъ — въ его реляціи отъ 18 ноября 1724 г. (Сб. LII, 336—339).

нежеланія русскаго правительства включать въ будущій союзъ короля Георга лежитъ, дѣйствительно, прежде всего опасеніе, что тѣмъ самымъ можно связать себѣ руки по голштинскому вопросу.

Еще болѣе встревожило Кампредона заключеніе—въ ноябрѣ 1724 г.—брачнаго договора между герцогомъ и старшею дочерью царя. Готовность царя добиваться для герцога возвращенія Шлезвига и поддерживать его права на шведскій престолъ, за чѣмъ Кампредонъ готовъ былъ усмотрѣть еще болѣе рискованные замыслы русскаго правительства, могли, по его мнѣнію, создать не малую помѣху для заключенія союзнаго соглашенія между Россіей и Франціей*). А въ началѣ января 1725 г. П. Толстой выражалъ уже прямо недоумѣніе, какъ можетъ быть разрѣшенъ шлезвигскій вопросъ безъ *возстановленія* (restitution) герцога въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ, которымъ врядъ ли возможно подыскать какой-либо эквивалентъ; при этомъ онъ намекалъ, что въ этомъ-то и заключается, главная причина, удерживающая царя отъ вступленія въ союзныя обязательства **).

Поскольку во всѣхъ подобныхъ намекахъ надо видѣть искреннія заявленія или же лишь дипломатическій маневръ, и поскольку въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выраженіемъ мнѣнія самого русскаго правительства, а не отдѣльныхъ его представителей, сильнѣе другихъ поддавшихся голштинскому вліянію, всѣ эти вопросы удобнѣе будетъ разобрать, когда мы

---

*) Кампредонъ де-Морвилю 1 окт. 1724 г. (Сб. LII, 349—351), Кампредонъ ошибочно называетъ секретные пункты супружественнаго договора особымъ договоромъ, заключеннымъ между царемъ и герцогомъ. О брачномъ договорѣ 24 ноября 1724 г. см. ниже.

**) ....il (Tolstoy) me répliqua, qu'il ne comprenait pas, de quelle maniere la satisfaction du duc de Holstein pouvait s'opérer, en excluant du dédommagement de ce prince *la restitution* de son duché de Sleswig, n'envisageant rien, qui puisse servir *d'équivalent* à cette importante province: qu'il m'avouerait franchement, que c'était là la principale raison qui retenait le Czar, persuadé que l'alliance une fois signée, sans être convenu sur cet article ou du moins sans avoir fait un plan, qui en assurat l'exécution, elle pourrait encore être suspendue plusieurs années au grand déplaisir du Czar, extrêmement sensible à l'état de souffrance, où le duc de Holstein était depuis si longtemps". (Реляц. Кампредона 13 янв. 1725 г. н. ст.—Сб. LII, 390—391). О томъ, что русское правительство сдѣлалось крайне настойчивымъ къ тому времени въ вопросѣ о Шлезвигѣ и не соглашалось на удовлетвореніе герцога какимъ бы то ни было эквивалентомъ, сообщаетъ и Мардефельдъ (его реляц. отъ 2 и 9 янв. 1725 г.).

перейдемъ къ изученію той закулисной игры, какая велась въ это время голштинской дипломатіей, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ и Стокгольмѣ. Здѣсь же можно ограничиться лишь выводомъ, аналогичнымъ и отчасти дополняющимъ тотъ, къ какому мы пришли, излагая ходъ русско-австрійскихъ переговоровъ за это же время. Проводя воспринятую имъ программу, русское правительство и въ своихъ переговорахъ съ Франціей, и прямо, и косвенно, проявило наибольшую неподатливость въ вопросѣ объ удовлетвореніи герцога Голштинскаго. Въ теченіе переговоровъ эта неподатливость все росла. Этою неподатливостью имъ объясняется прежде всего и нежеланіе русскаго правительства вступать въ союзное соглашеніе, кромѣ Франціи, еще и съ Англіей. Соглашаясь примириться съ королемъ Георгомъ, русское правительство предпочитало, очевидно, сохранить по отношенію къ нему нѣсколько угрожающее положеніе, въ виду выдвигавшагося на очередь вопроса о гарантіи Шлезвига, данной Франціей и Англіей Даніи. Нельзя, однако, не отмѣтить, что вопросъ объ обидахъ, чинимыхъ герцогу мекленбургскому, который точно также очень удобно могъ бы быть использованъ, какъ оружіе противъ короля Георга, дебатировался въ Петербургѣ во вторую половину 1724 г. и въ началѣ 1725 г. уже гораздо менѣе оживленно, чѣмъ вопросъ о шлезвигскихъ претензіяхъ герцога голштинскаго, связывавшійся и съ переговорами о бракѣ герцога съ одною изъ дочерей царя, и съ его притязаніями на шведскую корону и даже наконецъ съ тѣми слухами, какіе циркулировали въ это время въ петербургскихъ придворныхъ сферахъ въ виду неопредѣленнаго положенія вопроса о престолонаслѣдіи и все ухудшавшагося здоровья государя.

Программа русскаго правительства, одновременно строившаяся на привлеченіи къ союзу и Франціи, и Австріи, на соглашеніи съ цесаремъ и на примиреніи съ королемъ Георгомъ, оказалась, такимъ образомъ трудно выполнимой. Интересы Англіи и ея союзницы Франціи, съ одной стороны, и монархіи Габсбурговъ, съ другой, черезъ-чуръ рѣзко расходились въ это время между собою, чтобы подобная программа могла быть осуществлена во всемъ ея цѣломъ и при томъ безъ ущерба для государственныхъ интересовъ Россіи. Соглашеніе съ императоромъ, возможное въ виду его сочувственнаго отношенія къ герцогу голштинскому, грозило вовлечь Россію въ австрійско-испанскія комбинаціи и поставить ее снова въ рѣзко-враждебное отношеніе къ Фран-

ціи, Англіи и королю Георгу. Съ другой стороны, Франція, а слѣдовательно, за ея спиною и Англія, идя въ той или другой формѣ на союзъ съ Россіей и Швеціей своими оговорками по мекленбургскому и голштинскому вопросамъ, лишали въ значительной степени его raison d'être и сводили на нѣтъ существенныя части его содержанія. Русскому правительству представлялось, такимъ образомъ, на выборъ или выпустить изъ рукъ избранное имъ оружіе, или, удерживая его, итти рука объ руку съ тѣми, кто не прочь былъ самъ воспользоваться этимъ оружіемъ въ своихъ собственныхъ видахъ. А между тѣмъ, обоюдоострый характеръ этого оружія начиналъ уже сказываться. Стараясь удержать его въ своихъ рукахъ, русское правительство, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, порою какъ бы забываетъ, что рѣчь идетъ лишь о средствѣ, но не о цѣли: о томъ, что составляло конечную цѣль русской политики на Балтійскомъ морѣ послѣ Ништадтскаго мира, ради чего поддерживались голштинскія притязанія, и чему должно было, въ значительной степени служить само соглашеніе со Швеціей, объ этомъ въ 1724 году почти что вовсе не упоминалось во время переговоровъ съ Франціей и Австріей.

Переговорами съ Франціей и Австріей не ограничивались старанія русскаго правительства о «приведеніи въ дѣйство» своего новаго союзнаго соглашенія со Швеціей и о разрѣшеніи шлезвигскаго вопроса. Для полнаго пониманія программы, проводимой теперь русскимъ правительствомъ, необходимо еще уяснить себѣ, какое мѣсто отводилось въ этой программѣ Пруссіи, и на какого рода содѣйствіе со стороны этой послѣдней разсчитывали въ Петербургѣ.

Въ разсчеты русскаго правительства входило, повидимому, привлечь Пруссію, хотя и не въ такой степени, какъ Англію и Францію, къ своему союзу со Швеціей и при томъ не только къ его основнымъ пунктамъ, но и къ секретному пункту о герцогѣ голштинскомъ. Размолвка, происшедшая какъ разъ около этого времени между Пруссіей и Швеціей, имѣвшая своею причиною арестованіе въ Берлинѣ шведскаго посланника Поссе и приведшая ко временному дипломатическому разрыву между обоими кабинетами, создавала въ данномъ случаѣ нѣкоторыя трудности. Привлеченіе къ союзу Пруссіи могло произойти вслѣдствіе этой размолвки лишь по частной иниціативѣ русскаго правительства и

только послѣ улаженія прусско-шведскаго конфликта. Вопросъ этотъ въ инструкціи М. Бестужеву отъ 17 іюля былъ затронутъ, поэтому, въ очень осторожной формѣ. Русское правительство извѣщало шведское о своемъ намѣреніи сообщить прусскому двору текстъ союзнаго договора, «однако жъ безъ секретнаго артикула», и при этомъ лишь «объявить, что Е. Кор. Выс.-во герцогъ Голштинскій черезъ одинъ секретный артикулъ во оный трактатъ включенъ, и что намъ весьма бы пріятно было, ежели бы и Е. Кор. Вел.-во къ оному трактату приступить изволилъ, но понеже происшедшее между Е. Вел.-омъ и короною швецкою несогласіе въ томъ препятствіемъ быть можетъ, того ради желали бы мы, чтобы тѣ несогласія пристойнымъ образомъ прекращены были, и ежели Е. Кор. Вел.-во то востребуетъ, то мы офиціи свои въ томъ при коронѣ швецкой употребить не отречемся». При этомъ русское правительство оговаривалось, что дѣйствовать такъ оно считаетъ необходимымъ исключительно «для отнятія (у прусскаго двора) всякаго подозрѣнія», «дабы тѣмъ прусскаго короля удержать отъ принятія какого обязательства съ королемъ датскимъ... и чтобы онъ, усмотря наше съ короною швецкою крѣпкое соединеніе, толь наискорѣе ко учиненію пристойнаго удовольства за арестованіе министра швецкаго въ Берлинѣ склонился». Въ своихъ непосредственныхъ переговорахъ по этому поводу съ прусскимъ дворомъ петербургскій кабинетъ шелъ, однако, нѣсколько дальше въ своихъ пожеланіяхъ и придавалъ имъ нѣсколько иную мотивировку. 21 іюля гр. Ал. Головкину былъ отправленъ рескриптъ съ предписаніемъ сообщить прусскому правительству текстъ союзнаго договора *«купно съ секретнымъ артикуломъ о герцогѣ Голштинскомъ»* и предложить ему присоединиться къ союзу, давъ при этомъ понять, что русское правительство, съ своей стороны, именно изъ-за этого артикула очень хотѣло бы присоединенія къ договору Пруссіи и ради этого предлагаетъ свои «офиціи» для улаженія прусско-шведскаго конфликта.

Какихъ-либо дальнѣйшихъ инструкцій для переговоровъ спеціально по поводу шлезвигскаго вопроса Головкину, однако, дано не было. Особаго содѣйствія со стороны Пруссіи, подобнаго тому, какое ожидали отъ «гарантира» Травендальскаго мира, германскаго императора или отъ игравшихъ такую существенную роль въ постановкѣ шлезвигскаго вопроса Англіи и Франціи, очевидно, не требовали. Ее старались привлечь къ «голштинскому

артикулу», лишь какъ второстепенную добавочную силу, вводя ее въ общую систему дипломатическихъ соглашеній, выроставшихъ изъ русско-шведскаго союза, подобно тому какъ до этого момента старались воспользоваться ею, какъ противовѣсомъ противъ англо-ганноверскихъ замысловъ и саксонско-польскихъ происковъ.

Въ Берлинѣ предложеніе о присоединеніи къ русско-швед скому союзу въ той формѣ, въ какой оно было сдѣлано теперь русскимъ правительствомъ, было встрѣчено довольно сдержанно. Эта сдержанность обусловливалась съ одной стороны, тѣмъ, какъ складывались до этого момента русско-прусскія отношенія, съ другой стороны тѣмъ, въ чемъ видѣло прусское правительство свои собственные интересы на Балтійскомъ морѣ.

Цѣною уступокъ по курляндскому вопросу, правда не особенно значительныхъ, русскому правительству, къ исходу 1723 г., удалось, какъ мы видѣли выше, ослабить значеніе Шарлоттенбургскаго трактата и добиться того, что Данія не была включена въ это новое союзное соглашеніе Пруссіи и Англіи. Съ другой стороны, Шарлоттенбургскій трактатъ, самъ по себѣ, налагая на Пруссію извѣстныя союзныя обязательства по отношенію къ Англіи и королю Георгу заставлялъ тѣмъ самымъ прусское правительство особенно заботиться объ устраненіи какихъ бы то ни было недоразумѣній между Россіей и Англіей и хлопотать о ихъ скорѣйшемъ взаимномъ примиреніи *). По мѣрѣ того какъ въ Европѣ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе выяснялась рознь между Австріей и Испаніей, съ одной стороны, и державами, группировавшимися вокругъ Англіи, съ другой, Пруссія, не выходя изъ строго очерченныхъ предѣловъ своей чисто германской политики и не упуская изъ виду того, какъ складывались постепенно ея собственныя отношенія къ императорскому двору, всячески старается теперь предупредить какое бы то ни было соглашеніе между Австріей и Россіей и втягиваетъ послѣднюю въ дипломатическую комбинацію, создающуюся постепенно къ этому времени въ Средней Европѣ. Сѣверныя отношенія, съ прусской точки зрѣнія, не должны были осложнять эту комбинацію, но могли бы быть использованы въ интересахъ роста прусскаго могущества въ Германіи. Еще лучше, если для наиболѣе остраго пункта въ этихъ отношеніяхъ, для шлезвигскаго вопроса, будетъ подыскано такое разрѣшеніе, которое, представляя реальныя выгоды для

*) См. выше, стр. 224—226.

Пруссіи, устраняло бы въ то же время поводъ къ какимъ бы то ни было недоразумѣніямъ между Англіей и Россіей.

Выше мы уже видѣли, какъ сдержанно отнеслась Пруссія къ тревогамъ и безпокойству по поводу новаго русско-шведскаго союза Даніи. Не менѣе сдержанно отнеслась она, однако, и къ русскому предложенію о присоединеніи къ этому союзу. Новыя широкія задачи, какія ставила теперь себѣ Россія на Балтійскомъ морѣ, пугали Пруссію своею сложностью, хотя и не были лишены для нея въ нѣкоторомъ отношеніи заманчивости. Сочувственно относясь къ поставленному теперь на очередь вопросу о примиреніи русскаго царя съ англійскимъ королемъ и стараясь посильно этому содѣйствовать, Фридрихъ-Вильгельмъ съ нескрываемымъ безпокойствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какой оборотъ принимали переговоры о союзѣ Россіи и Франціи. Онъ не упускалъ случая заявить о своихъ симпатіяхъ къ герцогу, но его тревожилъ тотъ тонъ, все болѣе и болѣе заносчивый, какой послѣ заключенія союза по отношенію къ Пруссіи начала усваивать Швеція. При такихъ условіяхъ онъ находилъ болѣе осторожнымъ не вмѣшиваться въ запутанныя отношенія сѣверныхъ державъ и предпочиталъ повременить съ своимъ собственнымъ присоединеніемъ къ русско-шведскому союзу, въ особенности разъ подобное присоединеніе не сулило Пруссіи какихъ-либо осязательныхъ результатовъ, заботы о чемъ являются де «постоянными максимами» прусской политики *). Подобное рѣшеніе не исключало со стороны Пруссіи готовности посильно содѣйствовать удовлетворенію шлезвигскихъ притязаній герцога голштинскаго. Прусское правительство старалось намекнуть на это еще до того, какъ послѣдовало офиціальное предложеніе со стороны Россіи о присоединеніи къ союзу **). Оно не хотѣло бы

---

*) „Wir würden dadurch in allerhand embarrassante Affairen in Norden verwikelt werden können und wir es vor uns und unsere Interesse, am rathsamsten seyn die Hände deshalb frey zu behalten, sonderlich da Wir auch aus Unserer Accession zu dieser Alliantz nicht den geringsten Nutzen zu hoffen hätten"... „Es ist bey uns bisher eine beständige Maxime gewsen, bey der Wir auch ferner bleiben werden, in dergleichen neue Tractate uns nicht zu engagiren, wann Wir nicht dabey ein considerables Avantage finden". Рескрипты бар. Г. Мардефельду отъ 22 авг. и 26 сент. н. с. 1724.—Берлинъ; Russland, repos. IX, conv. 27.

**) Еще въ апрѣлѣ Мардефельду предписывалось въ разговорѣ съ русскими и голштинскими министрами по поводу шлезвигскаго вопроса дать понять, „ob nicht gut sein würde dieselbe auch allmahlig zu einen raisonablen Accomodement zwischen dem Hertzoge und der Crohn Danemark

только втягиваться во всю сложную и запутанную сѣть голштинскихъ отношеній. Если Россія, привлекая Пруссію къ «голштинскому артикулу», имѣла въ виду лишь ввести ее въ общую систему своихъ дипломатическихъ соглашеній, то Пруссія, съ своей стороны, думала прежде всего о сепаратномъ разрѣшеніи шлезвигскаго вопроса съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ, прусскихъ интересовъ. Такимъ настроеніемъ прусскаго правительства не преминули воспользоваться голштинскіе дипломаты. Завѣтнымъ желаніямъ осторожнаго прусскаго короля, они, по своему обыкновенію, постарались придать, при этомъ, наиболѣе рискованную форму.

По мѣрѣ того какъ русское правительство въ своихъ переговорахъ съ Франціей проявляло все большую и большую непреклонность, министры герцога голштинскаго сами, съ своей стороны, вступаютъ въ переговоры съ Пруссіей, и въ этихъ переговорахъ создается новый планъ разрѣшенія шлезвигскаго вопроса. Насколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, этотъ планъ сводился къ тому, что герцогъ голштинскій обязывался содѣйствовать, при помощи своей партіи въ Швеціи, уступкѣ Пруссіи шведской Поммераніи, о. Рюгена и Штральзунда, взамѣнъ чего Пруссія, съ своей стороны, должна была обѣщать Швеціи денежное вознагражденіе, а герцогу— союзную помощь войскомъ и содѣйствіе въ возвращеніи Шлезвига *).

---

zu acheminiren“. „Und könnet Ihr dabey sagen, добавлялось тутъ же, Ihr hättet zwar dieserwegen noch keine Ordre von Uns, Ihr wüsstet aber, dass wir so viel Affection und Freundschaft vor dem Hertzog hätten, dass wir auch in diesem Fall Ihm gern allemöglich Marquen davon geben würden“. Рескр. Мардефельду 31 апр. 1724 г.—ibid.). Срав. выше стр. 234 подстроч. (примѣч.

*) Свѣдѣнія о прусско-голштинскихъ переговорахъ 1 24—25 гг. мы получаемъ, главнымъ образомъ, изъ королевскаго рескрипта бар. Г. Мардефельду отъ 23 янв. 1725 г. н. с. (Берлинъ; Russland, rep. XI, conv. 28). Въ этомъ рескриптѣ прусское правительство подвергало обсужденію предложеніе, сдѣланное голштинскими министрами Мардефельду, „Ihres Herren in Schweden habende Partey unter den Hand und auf eine geheime unvermerkliche Art die Alienation des Schwedischen Vorpommern goutiren zu machen“ и ихъ просьбу оказать герцогу помощь въ дѣлѣ возвращенія Шлезвига, вступивъ съ нимъ въ союзное соглашеніе. Объ условіи денежнаго вознагражденія Швеціи въ данномъ рескриптѣ ничего не говорится. Объ этомъ упоминается лишь въ рескриптѣ къ А. Голов-

Словомъ возрождалась та комбинація, которая лежала еще въ основѣ плановъ Гёрца о прусской секвестраціи Поммераніи, цѣною которой самъ шведскій король въ 1723 г. думалъ купить содѣйствіе той же Пруссіи своимъ династическимъ проискамъ. Шлезвигскій вопросъ какъ бы выдѣлялся изъ общей совокупности задачъ, составлявшихъ содержаніе балтійской политики Россіи, и, переплетаясь съ вопросомъ о Поммераніи, разрѣшался, повидимому, въ желательномъ для Пруссіи направленіи.

Прусское правительство ясно поняло, однако, всю рискованность и невыполнимость подобнаго разрѣшенія обоихъ этихъ вопросовъ. Разговоры и слухи о голштинскихъ проискахъ и ростѣ голштинскаго вліянія при русскомъ дворѣ все росли, и это заставляло Фридриха-Вильгельма быть тѣмъ болѣе осторожнымъ *). Очень скоро онъ начинаетъ выражать сомнѣніе въ возможности подобнымъ путемъ пріобрѣсти Рюгенъ и Штральзундъ и совершенно оставляетъ, повидимому, мысль о разрѣшеніи поммеранскаго вопроса путемъ удовлетворенія шлезвигскихъ претензій герцога голштинскаго. Его интересъ къ этому послѣднему вопросу, вслѣдствіе этого, точно также охладѣваетъ. Уже въ рескриптѣ отъ 23 января Фридрихъ-Вильгельмъ, находилъ возможнымъ оказать содѣйствія герцогу въ дѣлѣ возвращенія Шлезвига лишь послѣ того, какъ будетъ внесенъ вопросъ о англійской гарантіи. «Herr v. Bassevitz добавлялъ онъ при этомъ, kan sich in dieser Sache auf unsern Genorosität und Gewonheit rechthafene Dienste auch reichlich zu recompensiren verlassen und soll mit ihm deshalb etwas gewisses gemacht werden, sobald Wir nur spüren, das etwas aus der Sache werden könne, *woran Wir, die Wahrheit zu bekennen, annoch einiger massen zweifeln*». Въ февралѣ 1725 г. прусское правительство рѣшительно заявило о своемъ намѣреніи дѣйствовать въ шлезвигскомъ вопросѣ въ согласіи съ Англіей и Франціей и поддерживать лишь тѣ мѣры, которыя будутъ предложены этими державами**). Отзвукъ

кину отъ 9 янв. 1725 г. ст. ст., которымъ русское правительство увѣдомляло своего представителя въ Берлинѣ о прусско-голштинскихъ переговорахъ, вѣрно излагая ихъ содержаніе, но придавая имъ невѣрное освѣщеніе (объ этомъ см. ниже). Реляціи самого бар. Г. Мардефельда отъ 2 января, на которую ссылается королев. рескр. 23 января, намъ не удалось отыскать.

*) „Was wir uns mit dem Tzaar und Schweden wieder Engeland und Frankreich in der Schleswigschen Sache zusammensetzen solten, das

тѣхъ происковъ, надъ которыми дѣятельно работали въ это время сторонники герцога и въ Петербургѣ, и въ Стокгольмѣ, и въ Вѣнѣ, голштинское предложеніе о Помераніи, напугавъ прусскаго короля своею рѣшительностью, заставляло его тѣмъ болѣе сдержанно относиться и къ проекту присоединенія Пруссіи къ русско-шведскому союзу и стоявшему въ связи съ этимъ другому русскому предложенію—о посредничествѣ въ дѣлѣ примиренія Пруссіи со Швеціей. Уклонившись отъ этого послѣдняго, Фридрихъ-Вильгельмъ окончательно уклоняется теперь и отъ дальнѣйшихъ переговоровъ о союзѣ.

Съ другой стороны, и русское правительство, даже при наличности тѣхъ симпатій, какія проявлялись въ это время въ русскихъ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ къ интересамъ герцога находило подобное разрѣшеніе шлезвигскаго вопроса, явно обращенное противъ Швеціи, совершенно непріемлемымъ. Голштинскіе дипломаты, повидимому, сами это почувствовали, почему и поспѣшили представить передъ русскими министрами свои переговоры съ прусскимъ дворомъ въ надлежащемъ освѣщеніи. По крайней мѣрѣ, тѣ предложенія, какія въ дѣйствительности исходили отъ министровъ герцога, рисовались русскому правительству, какъ исходящія со стороны Пруссіи *). Еще до этого, при первомъ намскѣ на желаніе Пруссіи получить въ какой-либо формѣ вознагражденіе за свою поддержку шлезвигскихъ притязаній, петербургскій кабинетъ началъ уже разочаровываться въ своихъ видахъ на Пруссію и находилъ, что «знатно прусскіе министры весьма дорогими себя ставятъ и мнятъ, что за ту акцессію великіе авантажи имъ поставить надлежитъ»**). Съ ноября мѣсяца въ Петербургѣ вполнѣ опредѣленно уже стараются разграничить вопросъ о примиреніи Пруссіи со Швеціей, о чемъ усиленно хлопочутъ, не безъ опасенія, быть можетъ, за свою союзницу, отъ вопроса о присоединеніи Пруссіи къ союзу, отъ чего постепенно начинаютъ укло-

---

würde unserem Interesse fatal seyn, es ist auch solches gantz impracticable. Aber zu allem, was Engeland und Frankreich zum Faveur des Hertzogs v. Holstein eingehen wollen, werden wir gerne und willig accediren".—Король рескр. бар. Густ. Мардефельду 3 февр. 1725 г.

*) Рескр. А. Головкину 15 сент. 1724 г.

**) Такъ излагаются переговоры голштинскихъ министровъ съ Мардефельдомъ въ рескриптѣ А. Головкину отъ 9 января 1725 г.

пяться *). Къ январю 1725 г. подобная точка зрѣнія окончательно усвоивается русскимъ правительствомъ, и вопросъ о присоединеніи Пруссіи къ русско-шведскому союзу въ русско-прусскихъ отношеніяхъ постепенно сходитъ на нѣтъ, создавъ нѣкоторое взаимное охлажденіе между обоими дворами *).

Мы прослѣдили главные моменты тѣхъ переговоровъ, какіе завязались у Россіи съ Австріей, Франціей и Пруссіей въ связи съ вопросомъ о «приведеніи въ дѣйство» русско-шведскаго союза, и мы видѣли, какую роль въ этихъ переговорахъ игралъ вопросъ объ «обидахъ, чинимыхъ герцогу голштинскому». Взявъ на себя защиту интересовъ герцога, русское правительство къ началу 1725 г. становилось въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе несговорчивымъ и, видимо строя на голштинскихъ притязаніяхъ какіе-то новые планы и соображенія, какъ будто охладѣвало къ мысли о разрѣшеніи голштинскаго вопроса путемъ совмѣстнаго дѣйствія съ другими заинтересованными въ немъ державами. Въ то же время тѣ рискованныя комбинаціи, какія создавались въ связи съ этимъ вопросомъ, не всегда встрѣчали достаточно опредѣленный отпоръ со стороны Россіи. Голштинскій вопросъ сталъ камнемъ преткновенія въ переговорахъ о союзѣ съ Франціей и затормозилъ дѣло примиренія съ Англіей. Стараясь сдѣлать короля Георга болѣе податливымъ, выдвигали прежде всего на очередь точно также не щекотливый для Ганновера вопросъ объ обидахъ чинимыхъ герцогу мекленбургскому, но различные способы удовлетворенія шлезвигскихъ притязаній герцога голштинскаго, въ гораздо большей степени чѣмъ мекленбургскій вопросъ, грозили общеевропейскому спокойствію. Позиція, занятая русскимъ правительствомъ въ голштинскомъ вопросѣ, оставалась неясной для Пруссіи, въ которой Россія до этой поры всегда искала противовѣсъ англо-ганноверскимъ замысламъ, поскольку эти послѣдніе шли въ разрѣзъ съ ея интересами. А въ то же время переговоры, завязавшіеся съ

*) Въ отвѣтъ на сообщеніе Головкина о его переговорахъ съ прусскимъ правительствомъ о русскомъ посредничествѣ, русское правительство выражало своему представителю „апробацію“ за то, что онъ „при томъ случаѣ объ акцессіи Е. Кор. Вел—ва къ заключенному нашему трактату со Швеціею не упоминалъ, понеже сіе дѣло объ акцессіи съ дѣломъ о примиреніи весьма мѣшать не надлежитъ“.

**) Рескр. А. Головкину 16 янв. 1725 г.

Австріей, грозили увлечь русскій дворъ въ сложную игру австрійско-испанской политики.

Къ началу 1725 года въ Европѣ создается напряженное, тревожное состояніе, и причиною этой тревоги являлся прежде всего тотъ тонъ, какой принимало теперь русское правительство всякій разъ, когда, исходя изъ основаній своего новаго союзнаго соглашенія со Швеціей, оно заговаривало объ интересахъ герцога голштинскаго. Россія какъ будто отступала отъ тѣхъ началъ, какія только что были заявлены ею въ іюльскихъ инструкціяхъ М. Бестужеву и нашли себѣ подтвержденіе въ соотвѣтствующихъ рескриптахъ къ кн. Б. Куракину, гр. А Головкину и Ланчинскому; а въ то же время слухи о какихъ-то новыхъ замыслахъ сторонниковъ герцога въ Швеціи росли и распространялись все упорнѣе и упорнѣе. Въ какую сторону эволюціонировало русское правительство въ своихъ взглядахъ на балтійскій вопросъ, и какую роль въ этой эволюціи сыграло вліяніе голштинской дипломатіи—мы уяснимъ себѣ точнѣе, опредѣливъ то положеніе, какое успѣла занять къ этому времени при русскомъ дворѣ голштинская партія, и разобравъ, въ чемъ и какъ замыслы этой послѣдней шли навстрѣчу новымъ русскимъ агрессивнымъ планамъ. Этими условіями и опредѣлялась постановка въ русской политикѣ балтійскаго вопроса къ моменту смерти Петра Великаго.

Дополненіе къ пятой главѣ. — Излагая русско-прусскія отношенія, въ періодъ времени послѣ заключенія союзнаго договора 1724 г., мы не касались вопроса о Курляндіи. Послѣ переписки супружественнаго договора на имя маркграфа Карла Бранденбургскаго этотъ вопросъ, въ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи, отступаетъ замѣтно на задній планъ, выдѣляется изъ совокупности тѣхъ вопросовъ, содержаніемъ которыхъ обусловливалась система русской политики на Балтійскомъ морѣ, и переплетается, главнымъ образомъ, съ русско-польскими отношеніями.

Русско-шведскій договоръ самъ по себѣ лишь косвенно повліялъ на постановку курляндскаго вопроса. Встревоженное этимъ договоромъ — секретный пунктъ о Польшѣ, конечно, недолго оставался тайною—польское правительство, заявляя о своемъ сочувствіи требованіямъ герцога голштинскаго и намекая на готовность поддержать царя въ случаѣ его столкновенія съ Пруссіей, сдѣлало попытку вовлечь Россію въ проектируемое королемъ Августомъ возобновленіе польско-австрійскаго союза 1677 г. Стараясь расположить такимъ способомъ къ себѣ царя, оно имѣло въ виду, какъ это видно изъ инструкціи полковнику Кригеру,

добиться безусловнаго признанія суверенныхъ правъ польскаго короля въ герцогствѣ Курляндскомъ и даже получить нѣкоторое возмѣщеніе за утрату Лифляндіи. Кригеръ долженъ былъ увѣрить царя, что союзъ 1677 г.—чисто-оборонительнаго характера, не заключающій въ себѣ никакого условія предосудительнаго для интересовъ Россіи, что въ случаѣ столкновенія царя съ кѣмъ-либо изъ князей имперіи этотъ союзъ не помѣшаетъ польскому королю, какъ истинному другу, стать на сторону Россіи, и что, наконецъ, у короля нѣтъ ни съ кѣмъ никакого обязательства, которое помѣшало бы ему дѣйствовать въ интересахъ герцога голштинскаго. Какъ бы отъ себя Кригеръ долженъ былъ дать понять, что королю было бы очень желательно присоединеніе Россіи къ союзу 1677 г. Кромѣ того, онъ долженъ былъ подчеркнуть, что въ Польшѣ надѣются, «dass I. Cz. Mt. derselben (т.-е. I. Kngl. Mt.) und der Republique die unumbschränkte und freye Disposition des Hertzogthums Curland, dergestalt dass I. Kngl. Mt. nebst der Republique nach dem Ihren darüber competirenden Recht verfahren könten, völlig überlassen werden», и, наконецъ, постараться узнать, не согласится ли царь все-таки удовлетворить Польшу за потерю Ливоніи, «durch die Abtrettung anderer Provinzien» (Инструкція полк. Кригеру отъ 4 марта 1724.—Д р е з д е н ъ. Staatsarchiv; Obrist. v. Kriegern Verschikung 1724). Вступать въ какое-либо соглашеніе съ Польшею на подобныхъ основаніяхъ въ разсчеты русскаго правительства въ данный моментъ, однако, не входило. Предложенія Кригера были приняты въ Петербургѣ довольно сдержанно (его реляціи — ibid.). Это могло лишь утвердить польское правительство въ его тревогахъ. Вопросъ о Курляндіи предполагалось затронуть на созываемомъ въ это время польскомъ сеймѣ, и это обстоятельство въ связи съ тѣмъ раздраженіемъ, какое вызывали въ Польшѣ сношенія курляндцевъ съ Россіей, должно было получить особое значеніе въ глазахъ русскаго правительства («Ducatum Curlandiæ et Semgalliæ ægerrima conditio non tantum externis sed et internis incommodis diu laborans providam promptamque in comitiis futuris invenire debet, ne jura M-tis et Reipublicæ ullum potiantur detrimentum»—изъ королевской инструкціи предсеймовымъ повѣтовымъ сеймикамъ при реляц. II. Бестужева 21 іюня 1724 г.). На польскомъ сеймѣ и сосредоточился главный центръ тяжести курляндскаго вопроса въ 1724 г. Курляндцы предполагали, какъ мы уже знаемъ, поднять на сеймѣ вопросъ о правѣ населенія назначить преемника герцогу Фердинанду. Представителемъ отъ герцогства на сеймъ былъ посланъ Казимиръ-Христофоръ Бракель. Эти курляндскія предположенія встрѣтили, однако, новое противодѣйствіе со стороны самого герцога Фердинанда. Пославъ отъ себя къ польскому двору оберъ-гауптмана Бух-

гольца и извѣстнаго уже намъ Рацкаго и выставляя передъ польскимъ правительствомъ согласіе на выкупъ вдовствующею герцогинею герцогскихъ амптовъ, какъ незаконный поступокъ со стороны курляндскаго дворянства, герцогъ Фердинандъ хлопоталъ о возстановленіи своихъ собственныхъ ленныхъ правъ и упраздненіи управлявшей, за его устраненіемъ, въ Курляндіи польской коммиссіи. Его старанія встрѣтили повидимому сочувственное отношеніе со стороны самого короля Августа и его саксонскихъ совѣтниковъ, строившихъ, быть можетъ, свои собственные планы относительно будущей судьбы Курляндскаго герцогства (какъ слухъ, шедшій отъ жены извѣстнаго намъ генерала Ренне, Мардефельдъ сообщаетъ въ это время о проектѣ брака вдовствующей герцогини съ самимъ графомъ Флеммингомъ, на что будто бы намекалъ самъ Лефортъ—реляц. Мардефельда 1 августа 1724 г.). Сеймовымъ судомъ былъ изданъ «контумаціонный» декретъ, повелѣвавшій тѣмъ изъ курляндскаго дворянства, которые приняли отъ русскаго правительства деньги на заложенные герцогскіе ампты, вернуть эти деньги, и налагавшій на нихъ штрафъ, какъ за нарушеніе декретовъ, «что имъ закладныхъ княжескихъ амптовъ сильнымъ и чужимъ не уступать и денегъ не принимать, причитая, якобы отъ Ея Высочества противъ тѣхъ декретовъ принятіе денегъ учинено» (рескр. П. Бестужева 17 іюля 1724 г.). Русское правительство рѣшило защищать на сеймѣ и передъ королевскимъ правительствомъ курляндское дворянство и поддерживать его требованія. Посланному въ Польшу на время сейма кн. Василію Лукичу Долгорукому было поручено добиваться отмѣны «контумаціоннаго декрета», ссылаясь на супружественный трактатъ вдовствующей герцогини съ ея покойнымъ мужемъ, по которому «Ея Высочества приданныя деньги ни къ чему иному, но на выкупъ закладныхъ герцоговыхъ амптовъ употреблены быть имѣютъ» (реляц. П. Бестужеву 1 августа 1724 г. См. также Соловьевъ IV, 718, слѣд.). 2 ноября польскій сеймъ, за истеченіемъ срока, какъ извѣстно, былъ распущенъ, не успѣвъ закончить своей работы, и «контумаціонный» декретъ сеймоваго суда eo ipso не получилъ окончательнаго утвержденія.

Самъ по себѣ курляндскій вопросъ, однако, и послѣ роспуска сейма продолжалъ оставаться крайне запутаннымъ. Герцогъ Фердинандъ продолжалъ свои интриги при польскомъ дворѣ и успѣлъ выхлопотать отъ короля Августа патентъ на всѣ курляндскіе лиценты и акцизы, пользованіе которыми польскою коммиссіею было у него отнято и передано земскому курляндскому управленію. На сторону герцога рѣшительно сталъ теперь даже одинъ изъ курляндскихъ оберъ-ратовъ, гр. Костюшко, извѣстный уже своими польскими симпатіями и смѣнившій собою уѣхавшаго изъ

Варшавы подъ вліяніемъ русскихъ угрозъ Рацкаго. Найдя поддержку въ лицѣ литовскаго канцлера Потѣя и старосты лифляндскаго гр. Платтера, Костюшко старался очернить въ глазахъ польскаго правительства Бракеля и курляндскаго ландгофмаршала гр. Кейзерлинга (реляц. П. Бестужева отъ 29 декабря 1724 г. и 9 января 1725 г. и письмо Бракеля къ Кейзерлингу отъ 27 декабря 1724 г.—въ Дѣлахъ Курляндскихъ 1724 г. № 4 и 1725 г. № 7; о Костюшко – см. Соловьевъ IV, 718). Видимо поддерживая герцога Фердинанда, польское правительство не давало ему, однако, рѣшительнаго отвѣта на его просьбы признать за нимъ право назначить себѣ «сукцессора» и даже намекало порою русскому правительству о своей готовности согласиться съ Россіей о кандидатѣ въ герцоги курляндскіе при томъ условіи, однако, чтобы этотъ кандидатъ не былъ въ родствѣ съ прусскимъ королевскимъ домомъ (Реляц. Мардефельда 1 авг. 1724 г.: «Die Generalin Rönne dem Secretario Vockerod bey der Durchreise durch Riga in Vertrauen gesagt, Republique Pohlen sich heraus gelassen hätte, I. Cz. Mt. mögte einen Hertzog v. Curland vorschlagen, wann es nur kein aus E. Kng. Mt. Hause wäre»). При такихъ условіяхъ, Россіи въ ея стараніяхъ поддержать партію своихъ «доброжелательныхъ» въ Курляндіи и въ то же время не создавать лишнихъ поводовъ къ тревогѣ въ Польшѣ приходилось, очевидно, относиться крайне сдержанно къ какимъ бы то ни было стороннимъ предложеніямъ о Курляндіи, въ особенности разъ эти предложенія шли оттуда, откуда русское правительство въ данный моментъ не могло ждать какой-либо существенной для себя поддержки по другимъ вопросамъ своей политики. Такъ отнеслось оно и къ новымъ прусскимъ предложеніямъ о Курляндіи. Ссылаясь на то, что «супружественный» трактатъ 1723 г. о маркграфѣ Карлѣ составленъ въ через-чуръ общихъ выраженіяхъ и не заключаетъ въ себѣ прямого и окончательнаго соглашенія о «сукцессіи», прусское правительство, въ виду возможной близкой кончины герцога Фердинанда еще до созыва польскаго сейма начало настаивать на пересмотрѣ этого трактата. 11 марта Мардефельдъ сдѣлалъ объ этомъ оффиціальное предложеніе, а нѣсколько позднѣе препроводилъ Остерману законченный проектъ новаго соглашенія о Курляндіи (при письмѣ Мардефельда къ Остерману отъ 30 апрѣля 1724 г.—Дѣла Прусскія 1724 г. № 8; 4-й пунктъ этого новаго проекта былъ редактированъ такъ: «Ихъ обоихъ Величества не намѣрены симъ коронѣ Польской лену и праву защищенія ни малаго ущербу причинить. Но понеже, какъ извѣстно, помянутыхъ княжескихъ персонъ (т.-е. маркграфа Карла и вдовствующей герцогини) справедливыя претензіи почитай всѣ, въ которыхъ сдѣлки по се число у Рѣчи Посполитой всуе искали, сверхъ того Его Выс. маркграфъ Карлъ кня-

жеской курляндской крови и ближній наслѣдникъ, умалчивая о томъ, что чрезъ то наслѣдство оныхъ земель и чрезъ супружество съ Его Выс-вомъ вдовствующей герцогиней оной ленъ отъ долговъ избавится и слѣдовательно помянутый маркграфъ законный и необходимый наслѣдникъ того княженія есть, того ради изволятъ Его Кор. Вел-во Прусское и Его Россійское Императорское Величество персону маркграфа Карла, его наслѣдниковъ и преемниковъ при ихъ истинномъ правѣ, яко герцоговъ курляндскихъ, по смерти нынѣшняго правительствующаго герцога Фердинанда Его Свѣтлости, и не нарушая права Рѣчи Посполитой польской, защищать и содержать и не допустить, чтобы онъ изъ того княженія вытѣсненъ, ниже княженіе Курляндское къ коронѣ польской присовокуплено или въ воеводства раздѣлено было»). Послѣ заключенія русско-шведскаго союзнаго договора русское правительство, какъ мы уже знаемъ, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ раньше, старалось вовлечь Пруссію въ свою политику на Балтійскомъ морѣ. Въ 1723 г., въ виду заключенія Шарлоттенбургскаго договора сочли нужнымъ пойти на уступки по курляндскому вопросу; теперь новыя предложенія Пруссіи о Курляндіи были отклонены, подъ предлогомъ необходимости ждать, по крайней мѣрѣ, окончанія польскаго сейма. Послѣ роспуска сейма вопросъ о возобновленіи русско-прусскаго соглашенія о Курляндіи, вплоть до конца царствованія Петра Великаго, больше уже не подымался. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи и въ русско-прусскихъ, и въ русско-польскихъ отношеніяхъ курляндскій вопросъ оставался и послѣ смерти Петра Великаго, вплоть до конца 1725 г., когда была выставлена новая кандидатура на курляндское герцогское достоинство—гр. Морица Саксонскаго. Выдвинувшись съ новою силою, курляндскій вопросъ въ этотъ моментъ своеобразно переплетается съ тѣми территоріально-династическими проектами, которые создавались въ эту пору наибольшаго голштинскаго вліянія при русскомъ дворѣ и были прямымъ продолженіемъ плановъ Гёрца и Бассевица, голштинскихъ происковъ эпохи Сѣверной Войны и русско-шведскаго союза 1724 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вспомнимъ ту позицію, какую заняла голштинская партія во время заключенія русско-шведскаго союзнаго договора; это поможетъ намъ, въ свою очередь, уяснить себѣ, къ чему сводились дальнѣйшіе голштинскіе замыслы, и при какихъ условіяхъ сторонникамъ герцога приходилось приводить эти замыслы въ осуществленіе.

Русско-шведскій союзный договоръ, въ своей окончательной редакціи, не могъ, какъ мы уже знаемъ, вполнѣ удовлетворить искреннихъ сторонниковъ герцога Карла-Фридриха. Въ силу обстоятельствъ они должны были отказаться отъ включенія въ договоръ нѣкоторыхъ крайне желательныхъ для нихъ условій, и при томъ даже такихъ, на которыхъ готово было бы настаивать, съ своей стороны, и само русское правительство, какъ напримѣръ пункта, рекомендовавшаго шведскому правительству признаніе за герцогомъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону. Главное же голштинское требованіе—о включеніи самого герцога въ будущее союзное соглашеніе—встрѣтило рѣшительный и опредѣленный отпоръ со стороны Россіи. Самое пониманіе задачъ и цѣлей будущаго союзнаго соглашенія было съ обѣихъ сторонъ далеко не одинаково. Въ глазахъ Петра Великаго союзъ былъ новымъ подтвержденіемъ его готовности защищать statum quo шведскаго государственнаго устройства, что лежало въ основѣ всей его сѣверной политики послѣ Ништадтскаго мира; для сторонниковъ герцога это былъ прежде всего, новый тактическій пріемъ въ борьбѣ съ правительствомъ короля Фридриха, преслѣдовавшей, главнымъ образомъ, голштинскіе династическіе интересы.

Эта разница во взглядахъ и пожеланіяхъ сказалась уже, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, на тѣхъ офиціальныхъ переговорахъ и подготовлявшихъ ихъ прелиминаріяхъ, которые велъ въ Стокгольмѣ со шведскими уполномоченными М. Бестужевъ, и въ

которыхъ, частнымъ образомъ, принимали участіе Бассевицъ и нѣкоторые изъ видныхъ сторонниковъ герцога среди шведскаго сановничества. Во всѣхъ этихъ переговорахъ искреннимъ сторонникамъ герцога приходилось еще однако нѣсколько себя сдерживать: они были сильны лишь временнымъ союзомъ съ ними «республиканцевъ», и участіе въ переговорахъ такого убѣжденнаго сторонника новаго политическаго строя, какимъ являлся ставшій теперь, по соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ голштинскими замыслами, на сторону герцога гр. Арведъ Горнъ, должно было дѣйствовать на нихъ стѣсняющимъ образомъ *). Параллельно съ этими переговорами шла, однако, другая подготовительная работа ставившая себѣ гораздо болѣе широкія цѣли, чѣмъ тѣ, какія преслѣдовались въ данный моментъ со стороны Россіи. Она шла, повидимому, въ значительной степени помимо М. Бестужева; лишь косвеннымъ образомъ, и при томъ очень осторожно старались вовлечь въ нее русское правительство. Эта работа не прекратилась и послѣ заключенія союзнаго договора. Видная роль и активное участіе въ ней принадлежали гр. Бассевицу.

Появившись въ Стокгольмѣ въ январѣ 1723 г., гр. Бассевицъ, какъ извѣстно, привезъ уже съ собою готовую мысль о новомъ государственномъ переворотѣ, который передалъ бы шведскій престолъ герцогу Карлу-Фридриху. Въ этомъ планѣ не было, впрочемъ, чего-либо совершенно новаго: послѣ смерти Карла XII и занятія шведскаго трона кассельскою вѣтвью женской линіи Цвейбрюкенскаго дома мысль о подобномъ переворотѣ дѣлается своего рода традиціею въ голштинскихъ придворныхъ и дипломатическихъ кругахъ. Очень можетъ быть даже, что эта мысль находила до извѣстной степени себѣ основаніе въ состояніи общественнаго настроенія въ Швеціи, и что голштинскіе происки встрѣчали сочувственное къ себѣ отношеніе среди болѣе низшихъ слоевъ шведскаго населенія. Въ цитированныхъ выше письмахъ Бассевица къ герцогу изъ Финляндіи много преувеличенія; считать ихъ совершенно лишенными какой-либо реаль-

*) См. выше, стр. 158—166. Самъ М. Бестужевъ, какъ видно изъ его реляцій, всегда разсчитывалъ на гр. Горна, какъ на противовѣсъ крайнимъ голштинскимъ требованіямъ. Такъ, упоминая о стараніяхъ Бассевица включить въ союзъ герцога, онъ пишетъ: „Я опасенія болѣе отъ того не имѣю, ибо Басовичь по прибытію сюда гр. Горна, весьма успокоился и къ тому склонился“ (его реляц. 3 февр. 1724 г.).

ной подкладки нѣтъ основанія *). Мысль о подобномъ переворотѣ, однако, и, главнымъ образомъ тотъ путь ея осуществленія, какой рисовался Бассевицу, встрѣчала со стороны болѣе осторожныхъ совѣтниковъ герцога и извѣстнаго рода противодѣйствіе. Здѣсь и коренился, повидимому, главный пунктъ разногласія между Бассевицомъ и Геспеномъ, осложнявшійся личными счетами и служебными интригами, о чемъ намъ уже приходилось упомянуть, когда мы говорили объ отправкѣ гр. Бассевица въ Стокгольмъ **). Къ началу 1723 г. положеніе Бассевица, въ данномъ отношеніи, измѣнилось въ благопріятную для него сторону. Въ концѣ марта мѣсяца Геспенъ умеръ отъ оспы, во время своего путешествія изъ Москвы въ Петербургъ, недалеко отъ Новгорода ***). Бассевицъ освобождался отъ контроля изъ Петербурга надъ своими дѣйствіями въ Стокгольмѣ и скоро почувствовалъ себя съ развязанными руками. Мы уже видѣли, въ своемъ мѣстѣ, какъ, агитируя въ пользу герцога онъ далеко вышелъ за предѣлы тѣхъ условій, какими Остерману удалось связать его на конференціи въ ноябрѣ 1722 г., состоявшейся, какъ говорятъ, по иниціативѣ того же Геспена. Эта агитація и возбуждала нерѣдко тревогу въ Бестужевѣ, не упускавшемъ при случаѣ предупредить объ этомъ и само русское правительство ****).

Красною нитью въ реляціяхъ и письмахъ Бассевица изъ Стокгольма и въ его переговорахъ со шведскими министрами и Бестужевымъ проходятъ слѣдующія мысли: необходимость вклю-

---

*) См. выше, стр. 142.

**) См. выше, стр. 130.

***) 7 апр. 1723 г. Объ этомъ сообщаетъ Мардефельдъ въ описаніи своего путешествія изъ Москвы въ Петербургъ 26 марта—21 апр. 1723 г. (Берлинъ; Russland XI, conv. 27).

****) Его реляц. 4 февр. 1723 г. (см. выше, стр. 127, прим.). Интересно, какъ иногда Бестужевъ, сообщая о дѣйствіяхъ Бассевица, старался косвенно намекнуть русскому правительству о необходимости не забывать изъ-за голштинскихъ притязаній своихъ собственныхъ непосредственныхъ задачъ на Балтійскомъ морѣ. Такъ, сообщая, что Бассевицъ передавалъ ему, будто бы онъ говорилъ съ гр. Горномъ о возможныхъ способахъ возвратить герцогу Шлезвигъ и встрѣтилъ у этого послѣдняго и у другихъ сенаторовъ полное сочувствіе, Бестужевъ отъ себя добавляетъ: „Только мнѣ о томъ гр. Горнъ и никто никогда не упоминалъ, понеже я и самъ о томъ никогда не сондировалъ; но только я... сондировалъ о претензіи безпошлиннаго проходу сквозь Зундъ, не приметъ ли Швеція отъ того какого омбражу, и какъ я прежде сего доносилъ, такъ и нынѣ всеподданнѣйше доношу, что Швеція ни малаго омбражу о томъ имѣть не будетъ“ (его реляц. 18 февр. 1723 г.).

ченія герцога въ будущій русско-шведскій союзъ, необходимость признанія за нимъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону необходимость опредѣленнаго согласія Петра Великаго на бракъ герцога со старшею царевною. Эти мысли развивались, однако, голштинскимъ дипломатомъ въ извѣстной хронологической послѣдовательности. Лелѣя въ началѣ мысль о немедленномъ государственномъ переворотѣ, Бассевицъ, послѣ неудавшагося эксперимента съ «остендаціей русскаго оружія», хлопочетъ прежде всего и главнымъ образомъ о включеніи герцога въ союзъ, думая затронуть попутно съ этимъ и вопросъ о его «сукцессіи».

Къ этому сводятся его хлопоты въ августѣ—декабрѣ 1723 г. и въ началѣ 1724 г. «Остендація», хотя бы и неудавшаяся, встревожила республиканскую партію, поддерживавшую герцога исключительно въ противовѣсъ абсолютистическимъ проискамъ короля Фридриха. Приходилось быть болѣе осторожнымъ и не настаивать особенно на пунктѣ о «сукцессіи». Заключенный вскорѣ послѣ этого союзъ также доставилъ нѣкоторое разочарованіе и, съ голштинской точки зрѣнія, не могъ почитаться вполнѣ удавшимся. И съ этого момента Бассевицъ переноситъ все свое вниманіе на ту уступку голштинскимъ пожеланіямъ, которая незадолго до этого была сдѣлана Петромъ Великимъ, но въ сравнительно неопредѣленной формѣ. Находя согласіе на бракъ герцога съ одною изъ его царскихъ дочерей недостаточнымъ, министры герцога и ихъ сторонники начинаютъ настаивать теперь прежде всего на томъ, чтобы невѣстою герцога офиціально была наречена старшая царевна, Анна Петровна. Съ мыслью о бракѣ герцога съ Анною, очевидно, связывались теперь въ голштинскихъ кругахъ всѣ тѣ широкія надежды, какія возлагались передъ этимъ на включеніе герцога въ русско-шведскій союзный договоръ, но остались тогда не осуществленными. Энергично хлопотавшій передъ этимъ о признаніи наслѣдственныхъ правъ герцога, самъ Бассевицъ, теперь послѣ заключенія союзнаго договора, предпочиталъ не спѣшить съ этимъ послѣднимъ требованіемъ, надѣясь очевидно осуществить его въ недалекомъ будущемъ одновременно съ подписаніемъ супружественнаго трактата. Не даромъ слухи о возможномъ бракѣ герцога со старшею дочерью царя переплетались и порождали съ новою силою всѣ тѣ чаянія и опасенія, которыя связывались обыкновенно въ это время съ представленіемъ о голштинской политикѣ. Брачный союзъ рисовался какъ первый шагъ къ объединенію Россіи и Швеціи подъ властью одного го-

сударя и созданію изъ нихъ единой сѣверной монархіи и во всякомъ случаѣ къ возвращенію Швеціи ея остзейскихъ провинцій. Считая уже потеряннымъ Шлезвигъ, въ Копенгагенѣ тревожились за будущую судьбу Норвегіи *).

И нѣтъ прямыхъ данныхъ считать всѣ эти опасенія лишенными какого-бы-то ни было основанія. Наоборотъ. Тревожныя указанія на какіе-то новые голштинскіе замыслы доходятъ до насъ въ это время, какъ мы сейчасъ видѣли, не только со стороны. Эти замыслы по отдѣльнымъ пунктамъ мы старались возстановить по офиціальнымъ документамъ голштинской канцеляріи. Сторонники герцога въ Швеціи, принимавшіе активное участіе во всей агитаціи Бассевица и являвшіеся порою его дѣятельными помощниками, проявляли въ данномъ случаѣ полную съ нимъ солидарность. У Цедергельма въ письмахъ за это время къ Остерману и отчасти Гепкена, лишь въ болѣе осторожной, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, формѣ, сквозятъ тѣ же мечты о будущемъ «неразрывномъ» союзѣ между двумя сосѣдними націями—Россіей и породнившейся съ нею Швеціей голштинской династіей **). Сло-

*) Въ своихъ письмахъ изъ Стокгольма Бассевицъ не разъ отмѣчаетъ, что успѣху голштинскаго дѣла можетъ содѣйствовать ясно выраженное царемъ согласіе на бракъ герцога со старшею царевною (Дѣла Голштинскія 1723 г.). Въ своемъ письмѣ отъ 15 іюля 1723 г. онъ опредѣленно говоритъ, что то, что́ офиціально заявилъ по этому поводу шведскому правительству М. Бестужевъ, еще не достаточно, такъ какъ не названо точно лицо (т.-е. которая именно изъ дочерей царя будетъ отдана за герцога). Ходившіе въ это время толки о возможности русско-шведской уніи сообщаетъ Вестфаленъ (его реляц. 1 мая (20 апр.) 1724 г.). Въ копенгагенской газетѣ „Extraordinaire Relation“ отъ 30 дек. 1724 г. (№ 104) читаемъ слѣдующее сообщеніе изъ Стокгольма по поводу извѣстія о состоявшемся обрученіи герцога съ Анною: „Es stehet nicht zu beschreiben, was vor Raisonnemens so wohl bei Hoffe, als auch sonst durch die gantze Stadt über dergl. Nachricht rouliren, da einige behaubten wollen, dass sothane Mariage nicht anders, als hochst avantageux vor die Crohn Schweden ausfallen wurde, sintemahlen es wohl passiren könte, dass dereinst und sonder einige Schwert-Streich die verlohrene Provinzien, als Liefland mit dem Königreich combiniret können werden“.—О тревогахъ въ это время датскаго двора за Норвегію сообщаетъ А. Бестужевъ (по реляц. 3 окт. 1724 г.).

**) Письма Цедергельма и Гёпкена къ Остерману.—Дѣла Шведскія 1723 г. № 19. „L'union indissolvable entre les ces deux nations“ — такъ выражается иногда Цедергельмъ о русско-шведскомъ союзѣ (его письмо отъ 7 окт. 1723 г.). На активное содѣйствіе Цедергельма и Гёпкена Бассевицу, какъ напримѣръ, на редактированіе имъ его реляцій, указываетъ М. Бестужевъ (его реляц. 27 янв. 1724 г.).

вомъ, обрисовывался постепенно тотъ maximum голштинской программы, который въ зародышѣ началъ складываться еще въ планахъ 1713 г. бар. Гёрца и, постепенно разростаясь, прошелъ отдѣльныя стадіи своего развитія въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Бассевицемъ въ 1715 г. петербургскому кабинету, въ тѣхъ переговорахъ, какіе велись на Аландскомъ конгрессѣ, въ «Reflexiones 1720 г. Штамбке, и наконецъ въ тѣхъ происках при русскомъ дворѣ, какіе велись голштинскими дипломатами послѣ окончательнаго переселенія герцога въ Петербургъ. Голштинская династія въ Швеціи; бракъ герцога съ русскою цесаревною; неразрывный союзъ между Россіей и Швеціей; реституція герцога въ его родовыхъ шлезвигскихъ владѣніяхъ; завоеваніе Норвегіи, какъ одинъ изъ возможныхъ видовъ эквивалента для Швеціи за утраченныя ею остзейскія владѣнія. Только что заключенный оборонительный союзъ между Россіей и Швеціей, какъ первый шагъ къ осуществленію подобной программы; послѣдующій супружественный трактатъ, какъ восполненіе существенныхъ пробѣловъ этого союза—такъ можетъ быть формулирована программа Бассевица и его единомышленниковъ. И въ полномъ согласіи съ голштинскими дипломатическими традиціями, стараясь придать голштинскимъ притязаніямъ международное обоснованіе, Цедергельмъ начинаетъ хлопотать теперь прежде всего о привлеченіи къ новому союзу, какъ «гарантира» Травендальскаго мира, германскаго императора.

Официально выраженное въ маѣ 1724 г. согласіе на бракъ герцога съ царевною Анною Петровною и послѣдовавшее за этимъ въ ноябрѣ того же года заключеніе между ними супружественнаго договора полагало, казалось, начало осуществленію подобной программы. Положеніе герцога при русскомъ дворѣ, сравнительно съ тѣмъ каково оно было первое время послѣ его прибытія въ Петербургѣ, очевидно, измѣнилось въ выгодную для него сторону. Это измѣненіе произошло не сразу. По отдѣльнымъ извѣстіямъ можно прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ въ связи съ переходомъ русскаго правительства къ болѣе широкой постановкѣ балтійскаго вопроса и ростомъ при дворѣ личнаго вліянія защитниковъ и сторонниковъ герцога, защита голштинскихъ интересовъ, бывшая до этого времени лишь орудіемъ въ русской политической программѣ, постепенно начинаетъ получать теперь значеніе самодовлѣющей цѣли.

Ништадтскій миръ, какъ мы уже знаемъ, далеко не во всемъ удовлетворилъ голштинскія ожиданія. Наслѣдственныя права герцога не были оговорены въ мирномъ трактатѣ Россіи со Швеціей, а разсчеты на полученіе Лифляндіи, что должно было, по мнѣнію голштинскихъ дипломатовъ, содѣйствовать популярности герцога въ Швеціи—мысль, довольно прозрачно выраженная въ предложеніяхъ 1720 г. Штамбке,—нашли себѣ отпоръ въ такъ называемой «лифляндской клаузулѣ» *). Использовавши голштинскія притязанія съ цѣлью сломить упорство своего противника, Петръ Великій, казалось, колебался пользоваться ими, какъ оружіемъ, въ дальнѣйшихъ цѣляхъ своей балтійской политики.

Въ началѣ 1722 г. положеніе «голштинскаго дѣла», повидимому, было совершенно безнадежнымъ. Въ возможность брака герцога съ одною изъ царскихъ дочерей не вѣрилъ никто. Зондируя въ Даніи почву насчетъ зундскаго вопроса, русское правительство лишь въ очень осторожной формѣ напоминало о голштинскихъ притязаніяхъ на Шлезвигъ. Переговоры Россіи со Швеціей только что завязывались, и характеръ ихъ далеко еще не опредѣлился. Все это не обезкураживало, однако, голштинскихъ дипломатовъ. Исходя изъ мысли о доставленіи герцогу эквивалента за его утраченныя владѣнія, и потерявъ надежду на возвращеніе Шлезвига, они создаютъ именно въ это время наиболѣе рискованныя комбинаціи для разрѣшенія шлезвигскаго вопроса. Смѣло перекраивая карту балтійскаго побережья, награждая герцога Бременомъ и Верденомъ, или отдавая ему Мекленбургъ, а герцогу мекленбургскому, взамѣнъ этого, Курляндію, всѣ эти комбинаціи держатъ въ постоянномъ напряженно-тревожномъ состояніи европейскіе кабинеты. Склонить русское правительство къ активному участію въ разрѣшеніи шлезвигскаго вопроса, даже въ подобной формѣ, однако, не удавалось. Увлеченный мыслью похода на Востокъ, хотя и не забывавшій очередныхъ задачъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, Петръ Великій въ данный моментъ не былъ расположенъ, очевидно, преждевременно осложнять положеніе дѣлъ вмѣшательствомъ въ шлезвигскія отно-

*) См. выше, стр. 99 и прим. Лефортъ въ своемъ письмѣ къ Флеммингу отъ 8 іюня 1721 г. передаетъ о слухахъ, шедшихъ, очевидно, изъ голштинскихъ круговъ, будто бы царь согласенъ вернуть Швеціи Ливонію, въ случаѣ, если будутъ признаны за герцогомъ его наслѣдственныя права на шведскую корону (Дрезденъ; Sachen mit Moscau 1721).

шенія герцога. Совсѣмъ упускать изъ рукъ голштинскія притязанія также, впрочемъ, не входило въ его разсчеты. Когда лѣтомъ 1722 г. герцогъ, отчаявшись въ своихъ надеждахъ, рѣшился было покинуть Россію, царь новыми обѣщаніями убѣдилъ его отказаться отъ своего рѣшенія. Разсказывая объ этомъ случаѣ, Бассевицъ въ «Eclaircissemens»... отмѣчаетъ ту поддержку, какую встрѣтилъ при этомъ герцогъ со стороны Екатерины *). И дѣйствительно можно предполагать, что рѣшеніе государя удержать въ Петербургѣ герцога, хотя и продиктованное политическими соображеніями, сложилось окончательно не безъ вліянія со стороны государыни, всегда шедшей дальше своего супруга въ голштинскихъ симпатіяхъ и руководившейся въ данномъ случаѣ нѣсколько иными мотивами.

Мы уже знаемъ, что Петръ Великій къ этому времени окончательно остановился уже на мысли передать престолъ своей старшей дочери, Аннѣ Петровнѣ. Герцогъ голштинскій, при сложности и запутанности его шведскихъ и германскихъ отношеній, при такихъ условіяхъ врядъ-ли могъ считаться подходящимъ для нея женихомъ, что должно было не мало огорчать и тревожить голштинскихъ дипломатовъ: только при бракѣ со старшею дочерью царя можно было разсчитавать на такое богатое и содѣйствующее росту престижа герцога въ Швеціи приданое, какъ Лифляндія. Заботы о немедленномъ устройствѣ судьбы своей старшей дочери, правда, отходили въ данный моментъ въ глазахъ Петра Великаго передъ вопросомъ объ устройствѣ судьбы ея младшей сестры, Елизаветы; однако, и въ данномъ случаѣ, шансы герцога стояли не высоко, и его кандидатура отступала передъ другими болѣе заманчивыми комбинаціями **).

Подобное рѣшеніе вопроса о будущей судьбѣ трона и династіи, невыгодное для герцога, встрѣчало себѣ, однако, противодѣйствіе и со стороны государыни. Честолюбивая, но недалекая, интриганка, запутанная другими, Екатерина, понимая болѣе узко будущее благополучіе своей семьи и не вдаваясь въ через-чуръ сложныя политическія комбинаціи, подготовляла въ это время для самой себя дорогу къ престолу. Въ старшей дочери она не могла не видѣть своей политической соперницы. Не упуская случая уронить ее въ глазахъ отца, какъ избранную имъ преемницу, она

---

*) „Eclaircissemens"... 349.

**) Срав. выше, стр. 181.

старается въ то же время скорѣе сбыть ее съ рукъ *). Возможно выгоднѣе выдать Анну замужъ представлялось для государыни гораздо болѣе неотложною задачею, чѣмъ хлопотать о судьбѣ Елизаветы. Герцогъ голштинскій, сумѣвшій, повидимому, снискать къ себѣ личное расположеніе государыни, былъ въ ея глазахъ, вполнѣ подходящимъ женихомъ для ея старшей дочери. Устраняя путемъ подобнаго брака со шведскимъ претендентомъ Анну отъ русскаго престола, Екатерина могла надѣяться въ будущемъ увидѣть на ея головѣ шведскую корону и тѣмъ самымъ удовлетворяла свое честолюбіе. Быть можетъ, ей не были чужды, наконецъ, заботы подготовить и для самой себя надежное убѣжище на случай какихъ-либо неожиданностей въ Россіи.

Всѣ подобнаго рода разсчеты Екатерины должны были, конечно, встрѣчать съ голштинской стороны полное сочувствіе. Если личные виды государыни на русскій престолъ и отсрочивали на нѣкоторое время осуществленіе мысли о династической уніи между Россіей и Швеціей, то все же это было бы лишь отсрочкой. Съ другой стороны переходъ престола къ женщинѣ, легко поддающейся стороннему вліянію и обладавшей, видимо, менѣе сильнымъ характеромъ, чѣмъ ея старшая дочь, могъ лишь облегчить предварительное осуществленіе другихъ пунктовъ голштинской программы. Голштинскіе происки находятъ себѣ, въ это время, сторонницу въ лицѣ Екатерины; ея личные виды дѣятельно поддерживаются Бассевицемъ, Штамбке и тѣми изъ русскихъ сановниковъ, для которыхъ голштинскій вопросъ имѣлъ прежде всего династическое значеніе, и которымъ одинаково не улыбалась перспектива видѣть на престолѣ или энергичную и самостоятельную царевну Анну Петровну, или великаго князя Петра Алексѣевича, сына погибшаго царевича Алексѣя. Одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало, въ данномъ случаѣ, Толстому; очень скоро, повидимому, сталъ

*) La Czarinne regarde cette sa fille (т. е. на Анну), comme sa rivale par rapport à la regence future“, пишетъ Вестфаленъ въ своей реляц. отъ 15 (4) янв. 1724 г. По его словамъ царица старается выставить передъ царемъ Анну Петровну, какъ добрую и послушную дочь, но черезъчуръ мягкую и неспособную, поэтому, къ управленію. Кромѣ того, зная взгляды царя, она намекаетъ, что въ будущемъ цесаревна обѣщаетъ сдѣлаться большою ханжею. Тутъ же Вестфаленъ даетъ слѣдующую, не лишенную, конечно, утрировки, характеристику Екатерины: „La Czarine est une femme d'esprit, elle est intrigante au de la de l'imagination, elle a le coeur d'un lion, son ambition n'a point des bornes et est parfaitement bien conseillé“.

на сторону герцога и любимецъ царя Ягужинскій. Съ нимъ велъ корреспонденцію Бассевицъ, посвящая его въ подробности своей дѣятельности въ Стокгольмѣ *). Изъ круга подобныхъ лицъ выходили, очевидно, и тѣ извѣстія, которыя отъ времени до времени получалъ, въ свою очередь, Бассевицъ и которыя, сообщая ему о положеніи дѣлъ въ данный моментъ въ Петербургѣ и Москвѣ, удерживали его порою отъ излишней горячности **).

Отправившись въ персидскій походъ, царь изъ Коломны черезъ Ягужинскаго поручилъ передать герцогу свое желаніе, чтобы послѣдній остался въ Россіи, и мы уже говорили, что это желаніе Петра Великаго можно поставить въ связь съ тѣмъ, какой оборотъ принимали къ этому моменту русско-шведскіе переговоры ***). «Ожидайте терпѣливо нашего возвращенія», сказала будто бы Бассевицу передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы Екатерина, «никто не поколеблетъ моего чувства къ вашему господину и моего желанія видѣть свою дочь на престолѣ той страны, подданной которой я сама родилась» ****). Въ этихъ словахъ можно было

*) О близости Ягужинскаго къ голштинцамъ не разъ говоритъ въ своихъ реляціяхъ Вестфаленъ (реляц. 24 (13) іюля, 21 (11) авг., 16 (5) окт. 1722 г. и др.). Сближать Ягужинскаго съ голштинскими дипломатами могла, между прочимъ, мысль о желательности союза между Россіей и Австріей, встрѣчавшая, съ его стороны, повидимому полное сочувствіе.

**) Въ Дѣлахъ Голштинскихъ 1723 г. находимъ слѣдующій Extrait de la Lettre de..... en date: Moscou le $\frac{25 \text{ Janv.}}{5 \text{ Fev}}$ 1723: ...Au reste je Vous ai promi d'agir avec Vous confidement et en amy, ainsi je suis obligé de Vous avertir pour Vous seuls, que les affaires de Votre Maitre ne vont pas trop bien ici, au moins la froideur parait elle visiblement, et il y a lieux de craindre que cela ira en augmentant. Il est vrai, que l'inquisition, commencée contre Schafiroff, Menzikoff, Pissaroff et plusieurs autres, rendent le Czaar de très mauvaise humeur, et que personne n'ose lui parler. Je crois, que Schafiroff en sortira bien, mais les affaires des autres iront loin. Prenez vos mesures la-dessus, en connaissant ma droiture et mon bon coeur pour Vous; faites Votre possible pour que Votre voyage ne soit pas inutile et sans bien mettre Votre Maitre à la Cour, ou Vous étes. L'evenement Vous fera connaitre, que c'est son veritable interest et le Votre, qui m'est fort cher, comme Vous savez“ (русскій переводъ этого экстракта помѣченъ такъ: „выписано изъ нѣкотораго письма къ голштинскому министру Басовичу изъ Москвы отъ $\frac{25 \text{ генваря}}{5 \text{ февраля}}$ 1723 г.“).

***) См. выше стр. 126 и 127.

****) Eclaircissemens... 349. „Attendez patiement notre retour... Rien n'alterera ma tendresse maternelle pour Votre maitre et mon desir de voir ma fille sur le trône, dont je nâquis sujette“.

видѣть намекъ на готовность поддерживать голштинскія притязанія въ ихъ наиболѣе существенномъ пунктѣ, и, содѣйствуя браку герцога съ Анною, содѣйствовать тѣмъ самымъ осуществленію другихъ еще болѣе смѣлыхъ плановъ голштинскихъ дипломатовъ. Требованіямъ политической программы русскаго правительства шли навстрѣчу, такимъ образомъ, династическіе происки, грозившіе въ будущемъ выйти далеко за предѣлы самой этой программы. Передъ персидскимъ походомъ Петръ Великій остановился лишь на рѣшеніи не выпускать отъ своихъ рукъ голштинскихъ притязаній. Послѣ похода онъ дѣйствуетъ рѣшительнѣе. Голштинская программа въ той формѣ, въ какой она сложилась послѣ Ништадтскаго мира, выдвигается теперь снова, какъ мы уже отчасти знаемъ, какъ боевое орудіе русской политики на Балтійскомъ морѣ.

И теперь, однако, выступая защитникомъ голштинскихъ предложеній, русское правительство вносило въ нихъ, съ своей стороны, существенныя поправки. Поручая М. Бестужеву добиться отъ шведскаго правительства признанія за герцогомъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону и выдвинувъ, одновременно съ заключеніемъ союза со Швеціей, вопросъ объ удовлетвореніи шлезвигскихъ претензій герцога, хотя бы въ формѣ «соотвѣтственной сатисфакціи», Петръ Великій соглашался теперь «принять герцога въ зяти наши», не предрѣшая, однако, еще до поры до времени вопроса о томъ, которая отъ двухъ дочерей будетъ отдана ему въ супруги *). Общее мнѣніе истолковывало этотъ поворотъ въ отношеніяхъ царя къ герцогу какъ принципіальное согласіе на бракъ герцога съ Елизаветою **). Съ своей стороны, сами голштинскіе дипломаты, ободренные успѣхами въ Швеціи, переходятъ теперь, какъ мы уже знаемъ къ дальнѣйшему

*) Рескриптъ М. Бестужеву 27 іюля 1723 г. (см. Приложенія, стр. 26).

**) Мюллеръ—Флеммингу 4 іюня 1723 г. Реляц. Гохгольцера 11 іюня и Вестфалена 25 (14) іюня и 9 іюля (23 іюня) т. г. Голштинскіе дипломаты еще незадолго до этого испытали не малое смущеніе, когда ихъ другъ Ягужинскій, вернувшись изъ-за границы, привезъ съ собою двухъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, въ одномъ изъ которыхъ готовы были видѣть жениха для Анны. „Le Czar est de donner un mari à sa fille, qui luy soit sujet, elle seule devant un jours tenir les renes du gouvernement“, поясняетъ по этому поводу Вестфаленъ (его реляц. 12 (1) марта 1723 г.). Съ другой стороны, и позднѣе малѣйшее колебаніе въ положеніи дѣлъ въ Швеціи постоянно сейчасъ же отзывалось на повышеніи или пониженіи шансовъ герцога, какъ жениха Елизаветы.

развитію своей програмы, и наличность предъявлять болѣе рѣшительныя требованія. Идея эквивалента за Шлезвигъ уступаетъ снова мѣсто требованію полной реституціи наслѣдственныхъ герцогскихъ владѣній. Выдвигается и требованіе о включеніи герцога въ русско-шведское союзное соглашеніе. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, голштинскіе дипломаты возлагаютъ всѣ свои надежды и сосредоточиваютъ свое вниманіе на вопросѣ о бракѣ герцога съ Анною, т.-е. на томъ пунктѣ, который, самъ по себѣ, не былъ еще окончательно выясненъ и на который не послѣдовало еще согласія со стороны Петра Великаго. Параллельно съ извѣстными уже намъ въ этомъ направленіи происками и стараніями Бассевица въ Петербургѣ шли другія интриги, преслѣдовавшія ту же цѣль и переплетавшіяся съ вопросомъ о предстоящей коронаціи Екатерины.

Современниками иностранцами, присматривавшимися къ русскимъ придворнымъ отношеніямъ, это послѣднее событіе рисовалось прежде всего, какъ первый шагъ Екатерины къ престолу и, какъ перемѣна со стороны Петра Великаго его первоначальнаго рѣшенія относительно будущей судьбы престола. Есть много основаній предполагать, что согласіе на коронованіе жены послѣдовало со стороны государя далеко не сразу и было принято имъ лишь послѣ долгихъ и тяжелыхъ колебаній. Почти всѣ извѣстія, сообщающія намъ о подготовкѣ этого событія, отмѣчаютъ съ другой стороны ростъ шансовъ герцога на его бракъ со старшею царевною, о чемъ-де усиленно хлопочетъ сама царица, стараясь использовать въ своихъ собственныхъ видахъ то благопріятное положеніе, какое создалось въ Швеціи благодаря поддержкѣ голштинской партіи и ея сторонниковъ. Предстоящая коронація и будущее обрученіе герцога съ Анною—эти два событія постоянно ставятся въ связь между собою и вызываютъ въ то же время тревожные слухи о новыхъ аггрессивныхъ голштинскихъ замыслахъ, о готовности русскаго правительства повторить въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ попытку вооруженной угрозы *).

*) О предстоящей коронаціи Екатерины усиленно начинаютъ говорить съ конца 1723 г. Тогда уже Гохгольцеръ сообщалъ со словъ одного изъ своихъ друзей, что царь имѣетъ въ виду объявить царицу своею преемницею на престолѣ (его реляц. 10 дек. 1723 г.). Лефортъ отмѣчаетъ около этого времени рѣзкую перемѣну въ характерѣ царя: онъ задумчивъ, ищетъ уединенія. „Un de mes amies de la nation m'a assurè, que c'etait le chagrin d'avoir consenti au couronnement et qu'il avait dit à un

Коронація Екатерины состоялась 7 мая 1724 г. Менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ этого послѣдовало оффиціально выраженное согласіе на бракъ герцога съ Анною Петровною *). Въ іюнѣ вернулся изъ Стокгольма Бассевицъ, и голштинскіе дипломаты могли теперь энергичнѣе взяться за дѣло, чтобы, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, обратить это согласіе въ форменный брачный договоръ, который, какъ извѣстно, и состоялся 24 ноября 1724 года.

Въ силу этого договора цесаревна Анна обручалась съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ, отрекаясь «за себя, своихъ наслѣдниковъ деценцентовъ и потомство мужеска и женска полу отъ всѣхъ своихъ правъ «на корону и Имперіумъ Всероссійскій и всѣ онаго статы, княженія, провинціи и земли». По первому секретному артикулу договора Петръ Великій оставлялъ, однако, за собою право въ случаѣ, если бы онъ заблаго изобрѣлъ, назначить одного изъ наслѣдниковъ своей дочери своимъ преемникомъ на русскомъ престолѣ. Герцогъ и его супруга должны были, въ такомъ случаѣ, согласиться на подобное рѣшеніе государя «безъ всякаго изъятія и отговорки и безъ всякихъ о томъ

---

confident: que diront mes sujets, mais la chose est trop avancée, je ne puis reculer à moins que Dieu n'envoye quelque moyen pour l'eviter... Pour la grande (т.-е. царица) elle va toujours son train; beaucoup d'imperiosité, grande envie de marier ses filles. L'ainée (т.-е. царевна Анна) disait l'autre jour: j'ambitionne point les grandeurs de ce pays, si mon papa venait à mourir, je ne serais point mieux traité, que les...... (пропускъ въ оригиналѣ)"—его письмо къ Флеммингу 8 янв. 1724 г. „Jamais le conclave de Rome a renfermè plus d'intrigues, qu'il y en a presentement ici pour disposer le Czaar à consentire au mariage", восклицаетъ по этому поводу Вестфаленъ (его реляц. 22 (11) янв. 1724 г.). Въ маѣ мѣсяцѣ онъ предупреждалъ свое правительство, что послѣ свадьбы герцога (съ Анною), которая де назначена па Петровъ день, царь предполагаетъ самъ сопровождать молодыхъ до Киля: Данія должна быть готова къ появленію въ іюлѣ русскаго флота въ Зундѣ (его реляц. 5 мая (24 апр.) 1724 г.).

*) „Enfin voilà la Czarinne parvenire à son but, qui etait de rompre les mesures, que le Czaar avait pris en faveur de la fille ainée par rapport à la succession et de s'assurer entièrement a soi même à l'exclusion (au moins durant sa vie) de cette sa fille, qui etait devenue en ce point-la sa rivale. Il (le duc d. Holst.) est toujours très sur et constant, que si le dessein de la Czarienne eust echoué, il n'auroit jamais pour femme l'ainée des princesse czariennes; à present c'est une affaire faite; il est de l'interest de la Czarienne d'eloigner cette princesse le plus tôt, que cela ce peut."— (Реляц. Вестфалена 29 (18) мая 1724 г.).

постановляемыхъ кондицій». По второму секретному артикулу Россія обязывалась въ случаѣ освобожденія шведскаго престола помогать герцогу осуществить его наслѣдственныя права въ Швеціи, признанныя уже шведскими государственными чинами, «всякимъ удобнымъ способомъ и ежели потребно со всею... имѣющею *силою*». Наконецъ, по третьему секретному артикулу герцогу было обѣщано содѣйствіе, «дабы онъ до владѣнія своего герцогства Шлезвигскаго достигъ». Русское правительство выражало при этомъ готовность вступить въ соотвѣтствующій особый договоръ съ княжескимъ готторпскимъ домомъ. Оба послѣдніе артикула обосновывались ссылкою на только что заключенный русско-шведскій союзъ и на стоящій въ связи съ этимъ послѣднимъ актъ обнадеживанія отъ 19 ноября 1723 г., по которому шведскіе государственные чины готовы были признать за герцогомъ въ будущемъ его предпочтительное право на шведскую корону. И формально, и по существу, супружественный договоръ 24 ноября дополнялъ собою и стоялъ въ тѣснѣйшей связи съ союзнымъ договоромъ 11 февраля 1724 г. Являясь замаскированнымъ включеніемъ герцога въ послѣдній, онъ знаменовалъ собою торжество голштинской политики почти во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, отъ осуществленія которой незадолго до этого ей пришлось отказаться. Гарантія голштинской «сукцессіи» въ Швеціи; содѣйствіе въ реституціи Шлезвига и даже отчасти надежда на возможность въ будущемъ династической уніи. Лишь въ одномъ только пунктѣ, но за то, правда, очень существенномъ, голштинская дипломатія должна была испытать тяжелое для себя разочарованіе. Трактатъ ничего не говорилъ о Лифляндіи и замѣнялъ эту заманчивую для голштинскихъ дипломатовъ форму приданаго простымъ денежнымъ приданымъ въ размѣрѣ 300.000 рублей ежегодно. Отказъ цесаревны за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ претензіи на русскій престолъ ослаблялся оговоркою перваго секретнаго артикула. Гораздо существеннѣе для даннаго момента былъ ея отказъ, въ такой же формѣ, отъ притязаній отъ всѣхъ «россійскихъ статовъ, княженій, провинцій и земель, нынѣшнихъ и впредбудущихъ». Увлекая Россію на рискованный путь въ ея политикѣ на Балтійскомъ морѣ голштинской дипломатіи не удалось заставить русское правительство сдѣлать опрометчивый шагъ, который поколебалъ бы только что купленное дорогою цѣною двадцатилѣтней военной тяготы положеніе на остзейскомъ побережьѣ. Для даннаго момента опасности въ этомъ отношеніи та-

кимъ образомъ не представлялось. Она не упразднялась, однако, для будущаго. На этомъ пунктѣ и должны были сосредоточиться въ дальнѣйшемъ всѣ усилія голштинской дипломатіи *).

— —

Въ связи съ согласіемъ на бракъ герцога съ цесаревною Анною Петровною стоялъ и окончательный переходъ русскаго правительства къ новому курсу въ вопросахъ балтійской политики. Необходимость склонить Россію къ принятію болѣе рѣшительныхъ мѣръ по этимъ вопросамъ вытекала изъ существа всѣхъ голштинскихъ требованій. Было бы, однако, излишнею крайностью объяснить этотъ переходъ исключительно голштинскимъ вліяніемъ. Навстрѣчу этому послѣднему шло теченіе, исходившее изъ русскихъ дипломатическихъ сферъ и имѣвшее въ своемъ основаніи своеобразное пониманіе русскихъ государственныхъ задачъ на балтійскомъ морѣ. Мы уже видѣли, что, противопоставляя Остермана Шафирову, многіе готовы были видѣть въ первомъ сторонника болѣе рѣшительныхъ мѣръ въ области торговой финансовой и внѣшней политики **). Торжество началъ, формулированныхъ Остерманомъ еще на Аландскомъ конгрессѣ, во многихъ отношеніяхъ результатъ его личнаго вліянія, русско-шведскій договоръ 1724 г. долженъ былъ поднять его престижъ въ глазахъ петербургскаго кабинета. Этотъ договоръ въ связи съ послѣдующимъ супружественнымъ трактатомъ окончательно при-

---

*) Текстъ договора 24 ноября 1724 г.—у Мартенса (V, стр. 213—232). Черновикъ—въ М. А. М. И. Д. въ Дѣлахъ Голштинскихъ, 1724 г., № 3; озаглавл. такъ: „Черный супружественный договоръ, учиненный въ С.-Петербургѣ между царевною Анною Петровною и Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ Голштинскимъ". Это заглавіе приписано рукой, повидимому позднѣйшею; въ текстѣ черновика не упоминается имя Анны, и въ соотвѣтствующихъ листахъ оставлены пропуски. Въ своемъ собственномъ вступительномъ комментаріи къ этому тексту проф. Мартенсъ совершенно обходитъ молчаніемъ вопросъ объ отношеніи брачнаго договора къ русско-шведскому союзному договору т. г.

**) См. выше, стр. 145 (примѣч.). Говоря о желаніи царя добиться, еще при своей жизни полнаго господства надъ Балтійскимъ моремъ, Вестфаленъ объяснялъ это, между прочимъ, вліяніемъ Остермана. „Le bar. Ostermann etait celluy, qui jettait constamment force huile dans ce feu, au lieu que son predecesseur avait taché de l'eteindre par des remontrances vifs, en effets, mais très solides, ce qui avait aussi beaucoup contribué, à hâter sa chute, qui d'ajlleurs était deja resolue" (его реляц. 11 окт. (30 сент.) 1723 г.).

далъ шлезвигскому вопросу значеніе самодовлѣющей цѣли въ русской политикѣ и совершенно, казалось, обособилъ его отъ вопроса о зундской пошлинѣ. Быть можетъ, на долю Остермана и надо отнести попытку придать этимъ двумъ вопросамъ въ ихъ взаимоотношеніи новую постановку. Въ своихъ требованіяхъ, обращенныхъ непосредственно къ Даніи объ освобожденіи русскихъ торговыхъ судовъ отъ уплаты пошлины въ Зундѣ, русское правительство къ этому времени становится менѣе настойчивымъ. Его попытки пойти въ этомъ направленіи на проломъ сравнительно довольно осторожны, и лишь изрѣдка попадаются намеки, будто этотъ вопросъ предполагалось все-таки поднять при предстоящемъ примиреніи съ Англіей *). Наряду съ этимъ, однако, создаются новыя предположенія. Старый проектъ канала черезъ голштинскія владѣнія возрождается теперь въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ — въ формѣ предположенія о созданіи въ Килѣ портофранко для вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ, что дало бы возможность доставлять ихъ отсюда сухимъ путемъ въ Гамбургъ и тѣмъ самымъ освободило бы отъ необходимости уплачивать зундскую пошлину. Такая постановка вопроса, лишая шлезвигскій вопросъ значенія орудія угрозы для зундскаго вопроса, позволяла тѣмъ самымъ дѣйствовать рѣшительнѣе, добиваясь полной реституціи Шлезвига и менѣе считаться съ «гарантирами» послѣдняго шведскаго-датскаго договора, подтвердившаго за Даніей ея зундское право, т.-е. съ Англіей и Франціей. Съ другой стороны,

*) Какія-то военныя приготовленія весною 1724 г. во флотѣ происходили. Еще съ начала года въ Ревелѣ стояли на готовѣ три военныхъ корабля, нагруженныхъ порохомъ, оружіемъ и товаромъ, которые предполагалось провести подъ флагомъ адмирала Вильстера въ Испанію. Вестфаленъ предупреждалъ объ этомъ свое правительство, и когда А. Бестужевъ сообщилъ объ этомъ въ Петербургъ (его реляц. 7 февр. 1724 г.), тамъ не сочли нужнымъ опровергать эти слухи. Въ Копенгагенѣ происходили по этому поводу особыя совѣщанія у короля съ адмиралами, на которомъ возобладало мнѣніе (адмирала Раабе) подвергнуть эти корабли таможенному досмотру, хотя бы они и шли подъ военнымъ флагомъ. Это рѣшеніе заставило, по мнѣнію Вестфалена, русское правительство отказаться отъ своей попытки (его реляц. 16 (5) сент. 1724 г.). Нѣсколько позднѣе онъ, однако, снова предупреждалъ свое правительство: „Le Czaar n'a point entierement abandonné cette sa praetension, mais il garde constamment in petto d'obtenir encore dans cette affaire son but par le moyen du Roy d'Angletere, dont la reconciliation avec le Czaar doit renfermer des choses peu avantageuses à Votre Majesté“ (его реляц. 7 окт. (26 сент.) 1724 г.).

устройство въ Килѣ порто-франко могло явиться со стороны герцога именно какъ бы благодарностью Россіи за ея содѣйствіе въ дѣлѣ возвращенія Шлезвига *).

А въ то же время въ голштинскихъ кругахъ крѣпли крайніе замыслы. Съ тревогою слѣдилъ Вестфаленъ за вооруженіемъ русскихъ судовъ въ Архангельскѣ, предупреждая свое правительство объ опасности, которая могла при этомъ грозить Норвегіи. Успѣхи въ Швеціи, подтвержденіе съ русской стороны въ супружественномъ трактатѣ совмѣстной съ своимъ союзникомъ помощи въ шлезвигскомъ вопросѣ укрѣпляли голштинскихъ дипломатовъ въ мысли добиваться осуществленія своихъ притязаній исключительно съ помощью Россіи и Швеціи, игнорируя отношеніе къ этимъ притязаніямъ другихъ «гарантировъ» травендальскаго мира и шведско-датскаго договора 1720 г. И мы уже видѣли, какъ съ своей стороны русское правительство къ исходу 1724 г. въ переговорахъ съ Франціей, Австріей и Пруссіей какъ бы отступало отъ имъ же самимъ заявленнаго рѣшенія дѣйствовать въ голштинскомъ вопросѣ исключительно въ согласіи съ Англіей и Франціей, въ чемъ Остерманъ старался убѣдить тогда въ своемъ «Raisonnement» министровъ герцога.

Таковъ былъ тотъ новый курсъ балтійской политики, на который увлекалось теперь, подъ вліяніемъ сложныхъ причинъ, и, быть можетъ, не безъ нѣкотораго колебанія русское правительство. Бывшее лишь одною изъ такихъ причинъ голштинское вліяніе сыграло въ данномъ случаѣ почти рѣшающее значеніе. Зундскій вопросъ не сводился окончательно на нѣтъ, но получалъ новую, въ корень измѣняющую этотъ вопросъ постановку. Пер-

---

*) О возможности подобнаго рода комбинаціи сообщалъ Вестфаленъ (его реляц. 10 сент. (29 авг.) 1724 г.). Тѣмъ самымъ, однако, по его мнѣнію, въ связи съ вопросомъ о новомъ торговомъ пути между Килемъ и Гамбургомъ можно было выдвинуть на очередь вопросъ объ уплатѣ пошлины въ Ольдеслӧ, гдѣ до этого времени датскимъ королямъ принадлежало право таможеннаго досмотра товаровъ, идущихъ изъ Любека въ Гамбургъ и обратно. Не мѣшаетъ вспомнить, что какъ разъ передъ этимъ былъ введенъ новый таможенный тарифъ почти запретительнаго характера, создававшій значительные льготы для русскихъ фирмъ за счетъ иностранныхъ. „Der neue Tarif ist solche eine Coup-Garge vor das Commercium und kommen täglich solche unangenehme Zeitungen davon ein, dass eine prompte Hülfe und Aenderungen äusserst notig sind" писалъ по поводу новаго тарифа Мардефельдъ (его реляц. отъ 9 іюня 1725 г.). О новомъ тарифѣ срав. выше, стр. 104—108.

вое же и главное, что должно было бросаться въ глаза въ этомъ новомъ курсѣ это—то преобладающее значеніе, какое получалъ теперь вопросъ о реституціи Шлезвига. А вѣдь это послѣднее вѣдь и заставляло всегда европейскую дипломатію съ тревогою слѣдить за русскою балтійскою политикою. Да и съ русской точки зрѣнія, если принималось во вниманіе не только настоящее, но и очень неопредѣленное будущее, новый курсъ долженъ былъ рисоваться прежде всего своими отрицательными сторонами, своей излишнею готовностью не только пользоваться, но и служить голштинскимъ интересамъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, пробуждало съ новою силою тревоги и опасенія въ дипломатическихъ кругахъ Европы, создавало къ началу 1725 г. настроеніе, аналогичное тому, какое переживала Европа въ 1719 г., когда стали извѣстны характеръ и содержаніе аландскихъ переговоровъ. Новое положеніе дѣлъ, дѣйствительно, напоминало нѣкоторые наиболѣе острые моменты періода Сѣверной войны. Требованіе съ русской стороны реституціи Шлезвига, напоминая о времени вторженія русскаго царя въ Сѣверную Германію, заставляло тревожиться за миръ и спокойствіе въ Имперіи. Согласіе на бракъ герцога съ Анною, открывая перспективы дальнѣйшаго болѣе тѣснаго сближенія Россіи со Швеціей, знаменовало собою торжество русской политики, еще съ 1718 г. соперничавшей съ англійской въ стараніяхъ привлечь на свою сторону Швецію, какъ второстепенную, но тѣмъ не менѣе значительную державу. Торжество Екатерины и ея партіи было побѣдою крайнихъ, антидатскихъ тенденцій въ русской политикѣ.

Стремясь до этого времени поддерживать въ Швеціи прежде всего республиканскую партію, какъ противовѣсъ абсолютистическимъ проискамъ самого короля Фридриха, русское правительство переходило теперь, повидимому, къ открытой поддержкѣ крайнихъ требованій случайныхъ союзниковъ «республикантовъ», сторонниковъ герцога, въ свою очередь не чуждыхъ мысли о новомъ политическомъ переворотѣ. Требованія этой послѣдней партіи, въ своемъ пунктѣ о Лифляндіи, шли въ разрѣзъ и съ русскими государственными интересами. И этотъ конфликтъ русскихъ и голштинскихъ интересовъ примирялся лишь тѣмъ, что выдвигался на очередь вопросъ о созданіи изъ Норвегіи

эквивалента для Швеціи за утраченныя ею остзейскія провинціи *).

Все это вмѣстѣ взятое заставляло тревожиться «ганноверцевъ» и въ Копенгагенѣ, и въ Стокгольмѣ, и въ Германіи и создавало благопріятную почву для новыхъ антирусскихъ происковъ англійской дипломатіи. Напуганная успѣхомъ герцога, придворная партія въ Швеціи старается принять свои мѣры. Повидимому и послѣ заключенія союза съ Россіей шведскій король не оставлялъ своихъ попытокъ создать такое соглашеніе Швеціи съ Даніей, которое, ограждая Данію отъ неожиданностей голштинской политики, гарантировало бы въ то же время въ Швеціи интересы кассельской династіи **). Эти попытки могли разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ шведскомъ обществѣ накоплялись постепенно элементы недовольства существующимъ положеніемъ дѣлъ. Затаенные замыслы сторонниковъ герцога дѣлались все болѣе прозрачными. Встрѣчая въ своихъ абсолютистическихъ вожделѣніяхъ оппозицію со стороны шведскаго дворянства, голштинская политика встрѣтила теперь себѣ новаго противника въ лицѣ протестантскаго духовенства, недовольнаго предстоящимъ бракомъ

---

*) Вѣрную оцѣнку даннаго момента даетъ Кампредонъ въ своей реляціи отъ 1 дек. 1724 г. (Сб. LII, 349 и слѣд.).

**) О подобныхъ попыткахъ короля Фридриха М. Бестужевъ сообщалъ уже въ апрѣлѣ 1724 г. (по реляц. отъ 20-го апр.). Косвеннымъ образомъ въ связи съ этими попытками стояло и прибытіе лѣтомъ 1724 году въ Россію ген.-маіора гессенъ-кассельской службы Wutgenow'a. Прибывшій подъ предлогомъ поступленія на русскую службу и снабженный для этого рекомендательнымъ письмомъ къ русскому императору отъ отца шведскаго короля, стараго ландграфа гессенъ-кассельскаго, это „ministre souterrain du vieux Landgrave,“ какъ его называетъ Вестфаленъ, вскорѣ дѣйствительно, офиціально заявилъ себя посломъ отъ ландграфа, прибывшимъ съ цѣлью поздравить царя съ счастливымъ окончаніемъ войны и принятіемъ новаго титула. Этимъ однако, повидимому, не исчерпывалась его миссія. Въ частномъ разговорѣ съ Вестфаленомъ онъ сообщилъ ему, что голштинская партія въ Швеціи замышляетъ новый переворотъ съ цѣлью передать престолъ герцогу, что старый ландграфъ, желая помочь сыну, идетъ самъ въ Швецію и, такъ какъ для Россіи также нежелательно видѣть на шведскомъ престолѣ герцога голштинскаго, то ландграфъ думаетъ по дорогѣ повидаться и съ датскимъ королемъ.—Вестфаленъ отнесся къ этимъ намекамъ довольно сдержанно и находилъ, что ландграфу лучше посѣтить датскаго короля на обратномъ пути изъ Швеціи (реляц. Вестфалена, 10 апр., 12 іюня и 22 іюля 1724 г. О прибытіи Wutgenow'a—также Мардежелдъ 10 апрѣля т. г.).

герцога съ принцессою греческаго вѣроисповѣданія *). Для торжества личной королевской политики, что знаменовало бы собою и торжество англо-ганноверскаго дипломатическаго вліянія въ Швеціи, представлялось теперь очереднымъ вопросомъ создать разрывъ между голштинскою партіею и республиканскою, отвлечь отъ герцога главу «республикантовъ», гр. Арв. Горна, продолжавшаго еще съ недовѣріемъ относиться къ проискамъ короля Фридриха. Эту задачу и беретъ на себя англійская дипломатія въ лицѣ своего новаго представителя въ Швеціи, Пойнтца, прибывшаго въ Стокгольмъ въ сентябрѣ 1724 г. Само русское правительство, однако, вплоть до послѣднихъ дней жизни Петра Великаго не выходило изъ выжидательнаго положенія и колебалось принимать какія-либо рѣшительныя мѣры, чему, повидимому, способствовало отчасти то внутреннее разногласіе, какое царило въ этомъ отношеніи въ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ Петербурга.

Мы знаемъ уже тѣ главныя теченія, какія намѣчались въ это время въ русской дипломатіи. Представителями крайняго антиголштинскаго направленія придется назвать, конечно, въ данномъ случаѣ братьевъ Бестужевыхъ, всегда смотрѣвшихъ на голштинскій вопросъ исключительно какъ на орудіе русской политики, опредѣлявшихъ этимъ свое отношеніе къ герцогу и его совѣтникамъ, и, по крайней мѣрѣ въ лицѣ Алексѣя Бестужева, предпочитавшихъ итти прямо къ той непосредственной цѣли, какая представлялась Россіи на Балтійскомъ морѣ послѣ Ништадтскаго мира. Быть можетъ, къ Бестужевымъ примыкали въ этомъ отношеніи и представители старыхъ до-ништадтскихъ традицій въ русской дипломатіи, кн. Б. И. Куракинъ и кн. В. Л. Долгорукій. Имъ не представлялось, однако, до сихъ поръ случая подробно высказаться по поводу сѣверныхъ отношеній. Въ противоположность Бестужевымъ, увлеченные престижемъ династіи, Ягужинскій и Толстой готовы были порою русскіе интересы съ голштинскими приносить въ жертву династическому принципу соображенія реальной государственной пользы. Среднее мѣсто между этими двумя теченіями занималъ Остерманъ, возвышавшійся, въ своей политической программѣ, надъ династическими происками, но готовый использовать въ виду государственныхъ интересовъ наиболѣе рискованныя голштинскія комбинаціи.

---

*) Объ этомъ см. у Malmström'a.

Самъ государь не безъ нѣкотораго колебанія, повидимому, вступалъ въ новый курсъ своей балтійской политики и не прочь былъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы освободиться отъ тѣхъ обязательствъ, какими онъ считалъ себя связаннымъ послѣ коронаціи Екатерины и согласія на бракъ герцога съ царевною Анною Петровною. Омрачившее семейную жизнь царя, наканунѣ его смерти, дѣло Монса, временно поколебало, повидимому и положеніе при русскомъ дворѣ герцога. Но государь примирился съ супругою. Кошмаръ новаго нарушенія «покоя въ Сѣверѣ» продолжалъ тяготѣть надъ Европою, и адмиралъ Габель, горячо принимавшій къ сердцу интересы своей родины, но отдававшій дань увлеченія сѣвернымъ героемъ, готовъ былъ уже принять боевой вызовъ *). Облетѣвшая въ началѣ февраля 1725 г. вѣсть о смерти Петра Великаго и еще болѣе послѣдующія извѣстія о томъ, что занятіе престола Екатериною было встрѣчено спокойно въ народѣ, отнимало послѣднюю надежду на мирное разрѣшеніе натянутаго положенія. Въ русской политикѣ торжествовало крайнее голштинское направленіе. Если въ Европѣ оно и могло найти себѣ гдѣ-либо поддержку, то во всякомъ случаѣ не среди тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался намѣчавшійся уже въ своихъ очертаніяхъ Ганноверскій союзъ, но скорѣе всего среди тѣхъ, кому грезилось возрожденіе былого могущества Австріи и Испаніи.

Настоящее изслѣдованіе закончено. Короткій промежутокъ времени, отъ заключенія Ништадтскаго мира до смерти Петра Великаго не прошелъ безслѣдно въ исторіи балтійскаго вопроса и русской политики на Балтійскомъ морѣ. Тѣ задачи, какія ста-

*) „Il courre ici un bruit, que le Czaar avec le Duc de Holstein nous veulent rendre un visite avec une superbe flotte. Ce qui en verité me fait revivre, en esperant d'avoir l'honneur et le plaisir à combattre contre des Princes aussi vaillants et peut-etre que je leurs montrerai des manoeuvres, dont ils se souhetteront un jour de les pouvoir imiter. Si j'obtient cela, assez de gloire pour moi et n'importe si même on le devrait signer par son sang. je nie point, que j'aime la guerre, mois quand je refleschi à l'interest de l'un et de l'autre, alors j'avoue aussi, que cette raison est assez forte pour dompter mon penchant naturelle. Ayez la bonté de me mander, quand les frontieres de Petersburg sont navigables pour la glace, pour y prendre mes mesures".—Габель Вестфалену 13 февр. 1725 г. (Копенгагенъ, Westphalen orders 1719—30).

вила себѣ за это время русская политика на Балтійскомъ морѣ, въ конечномъ результатѣ остались не разрѣшенными, и послѣ смерти Петра въ значительной степени были преданы забвенію и, во всякомъ случаѣ, отодвинуты далеко на задній планъ. Та постановка, какую получилъ за это время балтійскій вопросъ и тѣ стадіи развитія, какія онъ прошелъ, не представляютъ изъ себя чего-либо случайнаго и рисуются намъ какъ результатъ извѣстной системы, подобно тому, какъ вообще правительственная дѣятельность въ эти годы петровскаго царствованія получаетъ болѣе планомѣрный характеръ, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ военныхъ случайностей и ненормальнаго напряженія народныхъ силъ.

Эту новую постановку балтійскаго вопроса и эти стадіи его развитія мы и старались прослѣдить въ настоящемъ изслѣдованіи. Мы видѣли, что эта постановка обусловливалась тѣмъ положеніемъ, какое въ силу усложнившихся за время Сѣверной войны дипломатическихъ отношеній создалось къ исходу 1721 года для Россіи, и тѣми задачами, какія открывались передъ нею теперь, послѣ ея новыхъ пріобрѣтеній на Балтійскомъ морѣ. Борьба за обладаніе остзейскимъ побережьемъ уступала мѣсто борьбѣ за торговое господство и преобладаніе на морѣ. Въ своемъ коренномъ пунктѣ—въ вопросѣ о зундской пошлинѣ—эта борьба къ моменту смерти Петра Великаго осталась не разрѣшенной.— Будучи по своему характеру исключительно дипломатической, эта борьба выдвинула, однако, на очередь цѣлый рядъ побочныхъ вопросовъ, получившихъ за это время болѣе или менѣе опредѣленное разрѣшеніе. Можно даже сказать, что все развитіе балтійскаго вопроса за данное время сводилось именно къ этому постепенному осложненію вопроса о зундской пошлинѣ цѣлымъ рядомъ другихъ, разрѣшеніе которыхъ должно было, по мысли русскаго правительства, предшествовать разрѣшенію той коренной задачи, какую оно ставило теперь себѣ на Балтійскомъ морѣ.

Интересами балтійскаго вопроса обусловились тѣ конкретныя формы, въ какія отлилось русско-шведское сближеніе, въ принципѣ намѣчавшееся еще во вторую половину Сѣверной войны. Эти же интересы заставили поставить на ближайшую очередь вопросъ о примиреніи съ Англіей, дипломатическій разрывъ съ которой явился естественнымъ результатомъ того, какъ слагались отношенія Россіи къ ея западнымъ сосѣдямъ въ эпоху Сѣверной войны, но представлялся во многихъ отношеніяхъ съ русской

точки зрѣнія крайне нежелательнымъ. — Балтійскій вопросъ не остался безслѣднымъ и для отношеній Россіи къ Франціи и Австріи и, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ быть принимаемъ въ соображеніе всякій разъ, когда выдвигался на очередь вопросъ о вступленіи Россіи въ союзное соглашеніе съ одною изъ этихъ державъ.—И наконецъ, заставляя Россію по прежнему, искать въ противовѣсъ Англіи и Ганноверу, опоры въ Пруссіи, балтійскій вопросъ, включая въ себя и вопросъ о Курляндіи, въ значительной степени уже въ это время окончательно предрѣшилъ будущую судьбу этого герцогства.

Таковы тѣ главные, непосредственные результаты, къ какимъ удалось пріити русской политикѣ по балтійскому вопросу въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія. — Исторія балтійскаго вопроса за данное время имѣетъ не маловажное значеніе и для всей послѣдующей исторіи русской внѣшней политики XVIII и начала XIX вѣковъ. Многіе изъ фактовъ этой послѣдней лишь тогда получатъ свое надлежащее освѣщеніе, когда мы примемъ во вниманіе, какъ складывались балтійскія отношенія Россіи за данное время. Русско-шведскій союзъ 1724 г. и отношенія русскаго правительства къ отдѣльнымъ шведскимъ партіямъ легло въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Россіи къ Швеціи, и только здѣсь можно найти вѣрную отправную точку для пониманія борьбы за дальнѣйшія территоріальныя пріобрѣтенія на Балтійскомъ морѣ. Выдвинутый какъ орудіе балтійской политики, но скоро ставшій почти самодовлѣющею цѣлью, голштинскій вопросъ скоро получилъ значеніе сильной традиціи, продолжавшей жить и послѣ того, когда самыя притязанія герцога Карла-Фридриха теряли уже конкретное значеніе для русской политики. Отношеніемъ къ этому вопросу, такъ осложнившему въ свое время дѣло Россіи на Балтійскомъ морѣ, обусловливались зачастую отношенія русскихъ государственныхъ дѣятелей ко многимъ вопросамъ, лежащимъ даже за предѣлами собственно внѣшней политики. Только принявъ во вниманіе взаимоотношенія между голштинской дипломатіей и сторонниками Екатерины, мы поймемъ такъ рѣзко обрисовавшееся въ 1730 г. стремленіе обойти вопросъ о правахъ на престолъ непосредственныхъ наслѣдницъ Петра Великаго. Любопытною психологическою задачею является прослѣдить, какъ представительница въ 1726 и 1727 г. опредѣленныхъ голштинскихъ симпатій, царевна Елизавета къ 1740-му году сгруппировываетъ вокругъ себя національную оппозицію.

Въ свою очередь, только принявъ въ соображеніе все то, съ чѣмъ связывалось въ умахъ русскихъ дѣятелей представленіе о «голштинскомъ дѣлѣ», мы поймемъ и сдержанное отношеніе общественнаго мнѣнія къ тому, какъ былъ разрѣшенъ Елизаветою вопросъ о престолонаслѣдіи, и тотъ взрывъ негодованія, какой нѣсколько позднѣе вызвалъ злосчастный проектъ Петра III войны съ Даніей изъ-за Шлезвига. И можно было намѣтить еще цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, какіе выдвигаются сами собою, при изученіи балтійскаго вопроса въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія, и какіе, съ другой стороны, связываются непосредственно съ исторіей внѣшней политики Россіи въ XVIII и началѣ XIX вѣка.

Если эта исторія отольется когда-либо въ связное и цѣльное построеніе и перестанетъ быть рядомъ отрывочныхъ фактовъ, одно изъ существенныхъ звеньевъ въ ней должно будетъ принадлежать исторіи балтійскаго вопроса въ періодъ времени, непосредственно слѣдующій за заключеніемъ Ништадтскаго мира.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I

Проектъ Штамбке 1720 г.

Reflexiones.

Der Friede zwischen S-e Cz. Mt. und der Crohn Schweden accrochiret hauptsächlich an Lief und Estland mit Riga und Reval. Die Schweden vermeynen solcher Provintzien und des Revalschen Hafens nicht entbehren zu können. S-e Cz. Mt. hingegen haben bisz ietzo zu deren Restitution sich nicht wollen bewegen lassen, weilen dieselbe sonst in dehro neuen Etablissement an der Ostsee leichter wiederum könten beunruhiget werden.

Quaeritur, ob nicht ein für S-e Cz. Mt. vergnügliches Expedient seyn könte, wenn man den Herzog von Holstein gleichsam liesse ins Mittel treten?

Diesem Herren ist zwar in Schweden der Unfug geschehen, dasz man sein Erbrecht zur Crohn nicht hat wollen gelten lassen, darumb aber wird die ohnpartheyische Welt nichts destoweniger erkennen, dasz nach dem Tode königs Caroli XX-mi ihm von Rechtswegen die Succession am Reiche gebühret hätte. Inzwischen ist er noch jung von Jahren und kan also menschlichem Ansehen nach leicht andern Conjuncturen oder Sterbfälle erleben; sein Recht kan wohl durch Gewalt eine zeitlang gehemmet werden, aber deszwegen ist es doch an ihm selbst nicht entkräfftet, vielweniger zernichtet.

Es ist allerdings zu glauben, dasz S-e Cz. Mt. von des Hertzogs Rechte sich innerlich überzeüget finde.

Solchem nach kähme es dan darauf an, ob Sr. Cz. Mt. Convenientz sey solch Recht öffentlich zu agnosciren, und sich der Restauration deszelben mit hinlänglichem Nachdruck anzunehmen?

Desfalls konte nun unter andern etwa nachfolgende Motiven untersuchet und erwogen werden.

1-mo. Damit S-e Cz. Mt. ein recht vollnkommenes Vertrauen zu dem Hertzoge nehmen könte, so würde eine Mariage zwischen demselben und Sr. Cz. Mt. ältester Prinzessin Tochter Hoheit für allein zum Grunde gesetzet.

2-do. Solche Heyraths-alliance zu favorisiren würde dann vermuthlich Sr. Cz. Mt. nicht schwer ankommen die Provintzien Est und Liefland mit Reval und Riga auch sambtlichen ap- und dependentien dero Hr. Schwiegersohn dem Hertzoge alsz ein souveraines Eigenthümb für ihn und seine Erben zu überlassen und abzutreten.

3-tio. Es würde die ohnpartheyische Welt hierauf nichts zu sagen finden, weil diese Provintzien dem rechtmäszigen Erben des schwedischen Reichs cediret würden.

4-to. Vielmehr müste S-e Cz. Mt. diesse Uebertragung zu einer besondern Moderation gedeütet werden, weil Sie dadurch wiessen, dasz es ihro nicht eben umb den Gewinst besagter Provintzien, sondern hauptsächlich umb die Sicherheit in der Nachbahrschafft zu thun wäre.

5-to. An dem Hertzoge würden nun S-e Cz. Mt. einen Nachbahr haben, von deszen unverbrüchlicher treuen Ergebenheit Sie in allen Stücken gesichert seyn könten. Von ihm selbst wäre wol nichts gefahrliches zu besorgen, und dass er etwa von anderen zu niedrigen Machinationen verleitet werden könte, solcher würde einmahl die schuldige Erkäntlichkeit für S-e Cz. Mt. und dan die Ihm beywohnende sonderbahre Pietät nimmer zu lassen.

6-to. S-e Cz. Mt. könte nicht anders dann zu einer groszen Gloire bey der Welt gereichen, wan Sie einem unschuldig vergewaltigten Herrn in seiner gerechten Sache beistunden.

7-mo. Es möchten schon Puissancen seyn, die solche billige Gedancken darüber hegen nnd sie auch wol äusern und dem Wercke accediren würden.

8-vo. Man sichet nicht was S-e Cz. Mt. dabei zu risquiren hätte. Den allem Ansehen nach sind dieselbe ja doch ohnedem entschlossen besagte Provintzen gegen Schweden und andere durch die Macht zu mainteniren.

9-no. Es ist bekandt, dasz der Hertzog von Holstein noch würcklich Freünde und Anhänger in Schweden haben, obschon dieselbe sichs anjetzo nicht viel dörffen mercken lassen.

Hättte der Hertzog Appuy von Sr. Cz. Mt. und wäre in würcklicher Possession von Esth und Liefland, so möchte man in Schweden wohl bald anders Sinnes werden, und des Hertzogs Freünde

würden wohl mehr sprechen. Dieselbe würden wohl nicht ermangeln in Schweden begreiffen und gelten zu machen, dasz wan des Hertzogs Successions-recht wieder fest gestellet würde, mit der Zeit noch zu hoffen stünde, dasz die beide Provintzien wieder zur Crohn kommen könten, anstaat vor ietzo wol schwerlich darauf zu rechnen, dasz Sie Sr. Cz. Mt. mit Gewalt könten entrissen werden.

Es würde auch noch wol ferner in Consideration kommen, dasz die Accession der Hertzogthümer Schleswig und Holstein den Verlust von Brehmen und Verden wieder gut machen könte.

10-mo. Die Stände von Esth und Liefland haben an der geänderten Regierungs formb in Schweden kein Theil gehabt, und sind auch an dasjenige nicht gebunden, was etwa einige von ihrer Noblesse der privat Convenientz nach mögen mitbewilliget haben. Wann demnach von Sr. Cz. Mt. ihnen die Freiheit allergnädigst zugestanden würde, sich darüber auff einen offentlichem Landtage zu erklähren, so wäre wol allerdingsz zu vermuthen, sie den Hertzog von Holstein lieber für ihren Souverainen Herren erkennen und annehmen, als so schlechterdings wiederum von Schweden zu dependiren wünschen würden, allermaaszen sie von dem Hertzoge gewiszlich mehrere Douceurs als von der schwedischen Regierung gewärtigen können.

11-mo. Dies wäre wiederumb ein Punct, worauf die Welt nichts würde zu sagen finden. Vielmehr würde man der esth und liefländischen Stände gute Befugnisz, bewandten Umbständen nach, ohne Zweiffel erkennen, und was sie darunter als ihnen selbst gelassen Thaten allerdings approbiren.

12-mo. Sr. Cz. Mt. allermildest Condescendentz hierin wäre ein neuer Beweiszthumb ihrer Moderation.

13-mo. Bey frembden Puissancen fiele der Praetext weg, dasz man Sr. Cz. Mt. gar zu sehr anwachsender Macht an der Ostsee sich wiedersetzen müste.

14-mo. Die Schweden selbe hätten nicht zu klagen, wann sie den Hertzog von Holstein vermittelst Feststellung seiner Succession befriedigten, dann der Handel auff Esth und Liefland stünde ihnen wieder frey, und an baarem Gelde hat Schweden ohnedem aus diesen Provintzen wenig oder nichts gezogen.

15-mo. Alle diese Considerationes und dergleichen mehr müsten natürlicher Weise die Stände des Königreichs Schweden zu dem Nachdencken bringen, das billigste, kurtzeste und heylsamste Mittel zum Frieden zu gelangen seye, dasz man Sich zu Annehmung dieses

Projects bequehme, zumahl wan S-e Cz. Mt. declarirte sie nicht gemeynt wären, davon abzustehen.

16-mo. Dadurch hätten dan S-e Cz. Mt. dero Zweck auf die allerglorieuseste und gerechteste Arth erreichet, und könten dero Unterthanen der Früchte des langen und blutigen Krieges genieszen laszen.

17-mo. Und wann nach gottl. Fügung der Herzog von Holstein dereinst den schwedischen Trohn bestiegen, so könte vollends dies solide System zum Stande gebracht werden, dasz Rusland und Schweden in allen Fürfallenheiten ohnzertrennlich bey einander hielten, ein Reich des andern Nutzen befordern hülffe und beyde durch das genaue Freündschaffts und Einigkeits Band sich bey allen andern Puissancen in Europa desto respectabler zu machen könten.

18-mo. Die so sehr bequehme Situation des fürstl. gottorffischen Länder kan in Ansehen des Commercy zu noch mehrern Considerationen Anlasz geben.

(Настоящій документъ находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Дѣла Голштинскія 1720 г. № 3). Здѣсь же приложенъ его русскій переводъ, озаглавленный: „Разсужденіе, пріобщенное отъ голштинскаго посланника Штамкена". Слово „пріобщеное" надо, повидимому, понимать въ данномъ случаѣ, какъ „пріобщенное къ протоколу разговора Штамкена съ государемъ въ старомъ домѣ 12 декабря 1720 г.", протоколу, который находится въ тѣхъ же голшинскихъ дѣлахъ непосредственно передъ настоящимъ „Разсужденіемъ". Нѣмецкій оригиналъ „Разсужденія" написанъ *рукою Остермана*. Послѣднее обстоятельство заставляетъ предположить одно изъ двухъ: или Остерманъ, имѣвъ разговоръ со Штамбке, формулировалъ устныя предложенія послѣдняго, что болѣе вѣроятно, или онъ самъ принималъ болѣе активное содѣйствіе въ составленіи этихъ предложеній, что менѣе вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, предполагать во всемъ этомъ дѣлѣ какое-то участіе Остермана есть основаніе.

Второй экземпляръ настоящаго документа (безъ даты) находится въ Датскомъ Государственномъ Архивѣ въ Копенгагенѣ (Gottorfer Archiv, Camera V, pag. 362; Gottorpensia publica 327) и представляетъ изъ себя письмо безъ подписи, все сплошь написанное шифромъ. Въ его дешифровкѣ помимо разночтеній, вызываемыхъ самыми условіями дешифрированія, мы замѣчаемъ почти постоянно замѣну словъ московскаго экземпляра „S-e Cz. Mt." словомъ „Czaar" и—иногда—словъ „Hertzg v. Holst." иниціалами „I. K. H.". По всей вѣроятности, копенгагенскій экземпляръ приложеніе къ донесенію самого Штамбке голштинскому двору о петербургскихъ переговорахъ, въ которомъ онъ и употребляетъ, поэтому, говоря о герцогѣ, его королевскій титулъ, а о Петрѣ Великомъ выражается, какъ о постороннемъ государѣ.)

II

Изъ письма А. Бестужева къ Петру Великому 7 ноября 1721 г.

Всемилостивый Царь Государь.

...Яко моя всеподаннѣйшая должность о Высочайшихъ интересахъ Вашихъ неусыпное попеченіе имѣть, коимъ бы образомъ возможно было оныя умножить, и тако я усмотрѣлъ изъ мирнаго трактату, учиненнаго въ Нейштате между Вашимъ Царскимъ Величествомъ, королемъ и короною швецкою, а именно въ 4-мъ артикулѣ постановлено и утверждено, что король и корона швецкая означенныя вномянутомъ артикулѣ провинціи, земли и городы уступаютъ Вашему Царскому Величеству и Высочайшимъ потомкамъ Вашимъ в вѣчное владѣніе в такой силѣ, что генерально со всѣми принадлежастностями, и что ко онымъ зависитъ, правами и прибытками, во всемъ ничего в томъ не исключая, и како оными корона швецкая владѣла, пользовалась и употребляла.

Вашему Царскому Величеству довольно о томъ извѣстно, что оныя провинціи Лифляндия, Эстляндия, Ингерманландия, Корелия и протчие всѣ города, мѣста и пристани, которыя нынѣ Вашему Царскому Величеству в вѣчное владѣніе уступлены, имѣли права, прибытки и пользованіе оное, что всѣ корабли купецкія беспошлинно Зунтъ проходили, и тако Ваше Царское Величество предъ всѣмъ свѣтомъ неспоримо претензію имѣете, дабы торговымъ кораблямъ изъ всѣхъ завоеванныхъ портовъ безпошлинно Зунтъ проходить, ибо хоть корона швецкая въ мирномъ трактатѣ оныя права, прибытки и пользованіе здѣшной коронѣ уступила, что яко и протчия онымъ пользоваться не будутъ, чтобъ корабли ихъ беспошлинно проходили, однако оной трактатъ ни мало до оныхъ провинцей не касается, которыхъ Швеция лишена была, да и не возможно не чужаго владѣнія какія ни есть древнія права

уступать. И тако швецкая корона правы уступила токмо за тѣ земли, которыми тогда владѣла, и ежели по сему моему всеподданѣйшему доношенію Ваше Царское Величество соизволите, дабы о вольномъ проходѣ Зунта отъ здѣшнаго двора требовать, и о такомъ важномъ дѣлѣ и томъ Вашему Царскому Величеству зѣло авантажномъ з сдѣшнимъ дворомъ формальный трактатъ учинить, да повелите всемилостивѣйще пс коллегіи иностранныхъ дѣлъ опредѣлить меня обстоятельнымъ указомъ. И понеже здѣшной дворъ о требованіи при дворѣ Вашего Царскаго Величества князя голштинскаго высочества еще в опасности и великомъ страхе обрѣтается, и тако чрезъ присутствіе въ Санктъ Питеръ Бурхе вышепомянутого принца, а особливо ежели Ваше Царское Величество для лица ко оному толь паче милостива являть себя изволите, о щасливомъ успѣху беспошлинного проходу сквозъ Зунтъ несумнѣваюсь, а ежели паче чаянія здѣшней дворъ въ томъ заупрямится, то ничемъ его такъ потревожить неможно, яко вышеозначеннымъ принцомъ, и испод страху единого, дабы Ваше Царское Величество за онаго принца не вступились, уповаю, что здѣшной дворъ по волѣ и во удовольствие Вашему Царскому Величеству учинитъ, на что ожидая всемилостевѣйшаго указа со всеподданнѣйшимъ респектомъ пребываю

Вашего Царскаго Величества

Всеподданнѣйшій раб

Алѣѯей Бестужев

Копенгагенъ 7
ноября 1721.

(М. А. М. И. Д. Дѣла Датскія 1721 г., № 6)

Письмо бар. А. И. Остермана къ А. П. Бестужеву 12 декабря 1721 г.

(черновикъ)

Благородный господинъ резидентъ,
Мой Государь.

Когда Е. И. В-ство из вашего благородія реляціи в Кабинетъ усмотрѣлъ, что вы надѣетеся при нынѣшнихъ полезныхъ конъюнктурахъ Е. В-ство короля дацкаго к тому привесть, что онъ

на безпошлинный проходъ кораблей купеческихъ здѣшныхъ провинцій позволитъ, то онъ не токмо вашего благородия доношение всемилостивѣйше апробовалъ и похвалилъ, но и в приложенномъ указѣ повелѣлъ вамъ о томъ при дацкомъ дворѣ формально домогатся. Е. В-ство полагается в томъ на вас, что вы мой государь неоставити вѣрные свои труды в томъ прилагать и что вы всѣ такие пристойные способы употреблять будете, которые к счастливому успѣху и полученію сего намѣренія служить могутъ; во отправленномъ к вашему благородию указе именно изображено, какие представленія в семъ дѣле чинить надлежитъ. Дѣло собою явно: оные провинции всегда непорывно сию привилию имѣли, и его королевское величество дацкое по справедливости в томъ отказать не можетъ. Единой аргументъ, которымъ отгавариватся могутъ, состоитъ в том, что корона швецкая чрезъ послѣдней миръ сию привилию уступила, но ваше благородие можете сверхъ того, что в указе содержано, еще и сие на то объявить, что нѣтокмо Швеция и право и власть не имѣла уступить привилии тѣхъ земель, которые не у нея в рукахъ, но за Е. И. В-ствомъ были, но такожде оная корона никогда к тому намѣренія не имѣла, какъ то от полномочныхъ министровъ швецкихъ на нейстатскомъ конгресе многократно декляровано, и хотя б корона швецкая то учинить и хотѣла (еже не было, и о здѣшнихъ провинцей в трактате з Даниею не упомянуто), то однако жъ сие Е. И. В-ству и здѣшнимъ провинциямъ предосуждения принесть не можетъ, ибо никто того уступить не можетъ, чемъ онъ самъ не владѣетъ. Ваше Благородие можете дацкому двору при семъ случае приличнымъ образомъ внушить, что хотя у Е. И. В-ства какъ от герцога Голштинскаго, такъ и от многихъ другихъ и сильныхъ державъ, которые за него герцога заступаютъ, довольные домогательства чинятся, дабы Его Величество въ какие королю дацкому противныя мѣры привесть, однако же Е. И. В-ство, оставя всѣ двора дацкаго прежние къ нему несклонные поступки, до сего времени не токмо от сего удалялся, но и его герцога и другихъ от оного удерживалъ и весма готовъ и склоненъ съ Е. Кор. В-ствомъ в неотменной доброй дружбѣ пребывать, токмоб с страны Е. К. В-ства взаимно к нему поступлено было, и Е. К. В-ство нынѣ имѣетъ случай Е. И. В-ству при такихъ полезныхъ и добрыхъ сентиментахъ удержать и утвердить, когда

в сеи его справедливоя претензіи ему надлежащее удовольство покажетъ. И можете ваше благородіе, усмотря, что с страны дацкой ко удовольствованію Е. В-ства никакой склонности не показываютъ, искуснымъ образомъ дать знать, что по такому ихъ поступку Е. И. В-ство явно усмотрѣть можетъ, что его дружба не велика ставится и то причину подать можетъ, что и Е. В-ство свои мѣры предвосприіиметъ и взаимно такимъ же образомъ къ Е. Кор. В-ству поступитъ, ибо онъ в сей своеи справедливои претензіи уступить весма ненамѣренъ, а насупротив того, ежели Е. Кор. В-ство в сем деле Е. И. В-ству надлежащее удовольство покажетъ, то и онъ при прежнихъ своихъ доброжелательныхъ намѣреніяхъ къ Е. К. В-ству останется. В. Благородие изволите сие усмотря по тамошному состоянію дѣлъ и склонности ко удовольствованию Е. В-ства пристойнымъ образомъ объявить и старатся намѣреніе Е. В-ства о сем дѣле получить и что в томъ от времени до времени произойдетъ, о том доносить, дабы потому потребные указы к вамъ отправлены быть могли. Я вамъ государь мои благодарствую за почтенное ваше ко мнѣ писание и за свидѣтельствованіе о вашей ко мнѣ продолжающейся склонности. И обнадѣживаю, что я при всѣхъ случаяхъ в самомъ дѣлѣ покажу, что я истинно есть...

(М. А. М. И. Д. Дѣла Датскія 1721 г., № 3)

III

Инструкція Вестфалену 10 марта 1722 г.

Wohledler Rath, Lieber, Getreuer. Nachdem Wir bey jetzigen Seiten, da Uns von des Czaaren Equipirung zu Wasser und zu Lande unterschiedene Nachrichten zugekommen, höchstnöhtig zu seyn finden, dich wiederumb an denselben abzufertigen, umb von dessen Vorhaben, und wohin solches gerichtet, auch wessen Wir Uns insonderheit von dessen Freundschaft und Aufrechthaltung der zwischen Uns errichteten Tractaten und Bündnüssen versichert halten können, genau und gründlich informiret zu seyn. Alss ist hiermit nachfolgendes massen an dich Unser allergnädigster Wille und Befehl, dass du dich, ohne die geringste Zeitverlust, mit dem alhier zu dem Ende verfertigten Fahrzeuge, worauff Unser Capitain Ployard sich mitbefinden wird, nach Petersburg begebest und dich sogleich nach deiner Ankunft bey deren dortigen Czaarischen Ministris legitimirest, darauf bey dem Czaarn selbsten die gewöhnliche Audience nehmest und, nach Ueberreichung des dir mitgegebenen Creditivs, demselben von Unserentwegen zuforderst über seinen mit Schweden getrefftenen Frieden ein convenables Compliment machest, mit dem Beyfüge, dass Wir dich mit dem expressen Befehl von hinnen abgefertiget, umb Ihr. May-t alle erdenkliche Versicherungen von Unserer beständigen Freundschaft zu geben, und dass Wir selbige nicht allein unverrückt in dem vohlhergebrachten Vertrauen gegen dieselbe unterhalten, sondern auch noch fester zu verknüpfen, Uns jederzeit angelegen seyn lassen würden. Gestalt dann Unsere Intention allemahl dahin gerichtet wäre, auf alle Weise und Wege bestmöglichst zu befordern, und in keinem Stücke von der Verbündlichkeit worin Wir mit einander stehen, abgelassen. Wir zweiffeln aber nicht, dass des Czaarn Lbd. eine gleiche aufrichtige Neigung gegen Uns haben, und von dem,

was zu Unterhaltung eines solchen, zu Unser beiderzeits Reichen und Landen gerichteten Werks, auf ewig festgesetzet worden, nicht abgehen, sondern solcher vielmehr unterstützen, als in dem geringsten Dinge einige Wiederwertigkeit verspüren lassen würden.

Aus der dir hierauf zu gebenden Antwort wirstu des Czaarn Intention vielleicht verspühren können, ob es denselben noch ein rechter Ernst sey, mit Uns in wahrer Freundschaft zu leben und sich an die mit Uns gemachte Tractaten zu halten. Solte aber derselbe dich gar nicht wegen dessen, dass Wir ihn noch zur Zeit vor einen Keyser nicht erkennet, admittiren wollen, hastu dich bey denen Ministris anzugeben und Ihnen solchenfalls vorzustellen, wie du deswegen mit dahin gesandt wehrest, umb hierüber zu conferiren. Wir würden dem Czaarn gerne in allen Stücken Unser Willfährdigkeit erweissen, Wir müsten aber auch wohl vorher wissen, was dann derselbe dagegen wieder vor Uns zu thun gedächte. Es wehre dieses gar nichtes ungewöhnliches, sondern bey allen gekröhnten Häuptern gebräuhlich, dass wann solche Veränderung geschähe, man dagegen gewisse und convenables Conditions stipulirte, gleich solches noch zwischen Uns und dem letzt verstorbenen Könige in Preussen, da er von dem Römischen Keyer die königl. Würde erhalten und von Uns davor erkandt seyn wolte, würklich geschehen. Wann man nun von dir zu wissen verlangen möchte, worin solche Conditiones bestehen solten, hastu darauf zu antworten, das es darauf ankommen würde, was man dagegen vor Uns zu thun gedächte.

Das haubtsächlichste was hiebey zu observiren und zu bedingen währe, bestände wohl darin, dass des Czaarn Lbd. sich durch eine formelle Convention anheissig machte, sich so wenig des jungen Hertzogen Carl Friedrichs zu Holstein, ratione des durch den letzteren Frieden Uns gewordenen Antheils des Hertzogthums Schlesswig, anzunehmen, alss weniger auf die gantz ungegründeten Praetension der Zollfreyheit im Sunde zu dringen, und wegen des erstern Uns darüber, gleich die Könige in Frankreich und Gross-Britannien gethan, eine formelle Garantie und, wegen des letztern, eine vollenkommene Renunciation auszustellen. Würde man nun diese Puncten, die ohne dem an sich billig und gerecht sind, indem der estere allerdings dem Tractat de A-o 1709 conform, und der andere mit keinen Fug praetendiret, noch weniger aber jemahlen in der Welt von Uns zugestunden werden kan, eingehen wollen, hastu versichern, dass alsdann sofort die verlangte Er-

kennung von Uns geschehen solte, wiedrigenfalls aber nur alles ad Referendum bis zu Unserer weitern allergnädigsten Ordre anzunehmen, umb dadurch mehr Zeit zu gewinnen, die Vues des dortigen Hoffes und was man vor Desseins mit dem Equippement der Flotte und sonsten vorhabe, zu approfondiren.

Inzwischen hastu dich eusserst zu bemühen von diesen letzteren Dingen zuverlässige Nachricht einzuziehen, davon Posttäglich an Uns allerunterthönigsten Rapport abzustätten auch zugleich Unserm Capitaine Ployard, den Wir zu dem Ende mit dahin absenden, alle Anleitung zu geben, wo er dasjenige, was Wir ihm dieserhalben allergnädigst aufgetragen am besten und sichersten erfahren.

Solte aber vor, oder gleich nach deiner Ankunft zu Petersburg, der Czaar, wie Wir doch nicht hoffen wollen, feste beschlossen haben, einig feindliches Dessein gegen Uns vorzunehmen, alle mit Uns gemachte Tractaten aufzuheben und von solchem bösen Beginnen sich nicht abbringen zu lassen, als welches du doch, da dir des Czaarn Humeur und Wesen genugsam bekandt ist, wohl zu judiciren hast, so finden Wir nicht, das dein Vorbleiben dort mehr nöthig sey, sondern solchen Falls hastu dich wieder mit dem Fahrzeuge anhero zu begeben.

Was nun die übrige Sachen, die du, Falls alles in Ruhe bleibet und keine Weiterung zu besorgen seyn wird, dorten zu negociiren hast, anlangen, so hastu dasjenige, was Wir dir wegen des jungen Hertzogen Carl Friedrichs, unterm 4-ten Martiis vorigen 1721-ten Jahres, allergnädigst anbefohlen, fernerweit fortzusetzen und durch alle nachdrückliche Vorstellungen, dahin zu streben, dass da die mit demselben bishero gehabte Menagements bey Uns, wie leicht zu erachten stehet, grosse Mistrauen verursachet und zu vielen wiedrigen Gedanken, als wann der Czaar uns nur zu chagriniren und Verdrust zu machen suchte, Anlass gegeben, selbige einmahl aufhören und gäntzlich abgeschafet werden mögen. Es würden des Czaarn Lbd. dadurch und wann sie diesen Stein des Anstasses gehoben, das Vertrauen, so Wir zu derselben gehabt, auf ein grosses vermehren, einfolglich von Uns versichert seyn können, dass Wir mit deroselben in einer unzertrennten Freundschaft leben und dero Interesse, gleich Unser eigenes, behertzigen würden. Wir liessen Ihr. May-t zu judiciren anheim wie es deroselben gefallen würde, wann wir ab Unserer Seiten mit einen solchen Fürsten, der Ihro und Ihrem Hause keines We-

ges zugethan wäre, einig Engagagement nehmen, und Uns selbigen verbindlich machen wolten. Da wir nun versichert sind, dass solches, zumahlen bey einer so genauen unter Uns gestifteten Freundschaft, sehr unangenehm seyn würde, so zweifelten Wir auch nicht, sie würden ja endlich davon abstehen und dasjenige, was auf eine solche Art dem guten Vernehmen zwischen Uns zuwieder ist, aus dem Wege räumen.

Du hast denmach und damit Wir von des Czaarn Freundschaft versichert seyn und wegen der dagegen streitenden Sachen in Ruhe gesetzet werden können, inständig anzuhalten, dass man uns die specialn Garantie auf das gewesene fürstliche Antheil des Hertzogthum Schleswig ausstellen wolle. Widrigen Falls aber hastu nur auf den Separat Articul des Tractates de A⁰ 1709 zu bestehen und daraus zu behaubten, dass man demnach schuldig und gehalten sey, auf gleiche Weise, wie Wir gegen den Czaarn zu thun verbunden sind, alle Unsere bey diesem letzteren Kriege mit einander erworbene Conqueten zu garantieren; es wehre dann dass man Czaarischer Seiten von allen Tractaten abgehen und zu nichtes mehr gehalten seyn wollte, welches aber solchen Falls dem Czaarn selbsten schädlicher, als Uns, die Wir alsdann auf andern Mittel und Wege bedacht seyn müsten Uns durch Unsern übrige Frunde und Alliirte in der ruhigen Possession der so theuer erworbenen und von Ihnen gegönneten Conqueten zu mainteniren, seyn dürffte.

Betreffend des jungen Hertzogn Carl Friedrichs eigene Persohn und Gegenwarth am Czaarischen Hoffe, so hastu zwar denselben bey vorkommenden Gelegenheiten nicht zu scheuen, sondern zu ihm wie bey andern zu gehen, demnach aber dich in nichtes mit demselben einzulassen, sondern dasjenige, was er entweder selber bey dir anbringen, oder durch seine Bediente insinuiren lassen möchte, nur ad referendum anzunehmen und darüber weiter Unsere allergnädigste Ordre zu erwarten.

Was der alhier anwesende Russische Resident, auf Ordre seines Herrn, wegen des Zoll-Freyheit im Zunde vor die von Schweden erhaltene Provintzien angebracht und Wir ihm darauff antworten lassen, ein solches hastu aus angeschlossenen Copeyen mit mehrem zu ersehen. Gleichwie Wir Uns nun leicht vorstellen können, dass man dir bey deiner Ankunft an Czaarischen Hoffe eben dieselben Propositiones thun werde, und wir dann von dem, was Wir mit so grosser Mühe wieder an Uns erhalten, keines Weges, es erstehe

auch daraus, was da wolle, abgehen können noch werden, also hastu auch solches bey aller Gelegenheit in Conformitet dessen so ge-ten Residenten hier declariret worden, zu erkennen zu geben, und denen Czaarischen Ministris aus solchen angeführten unumbstösslichen Gründen den Unfug dieser Praetension vor Augen zu legen, auch Ihnen nachdrücklich zu Gemühte zu führen, wie es Uns sehr sensible wehre, dass man Uns in Unseren Gerechtsamen zu kränken, und dasjenige, was wir so theuer wieder erworben, auf eine so zudringliche Ahrt an sich zu ziehen suchte, welches Wir Uns nimmer von des Czaaren Aequanimitet und Freundschaft hätten vorstellen können, insonderheit, da Wir demselben so treülich beygestanden und zu Erhaltung so grosser Avantage, das Unserige gerne und willig sacrificiret.

Würden nun des Czaarn Lbd. von solcher Ihrer ungegründeten Praetension nicht abstehen, sondern selbige noch ferner auf eine oder andere unvermühtete Weise stets behaubten wollen, so müsten Wir zwar solches geschehen lassen, es könnten dieselbe aber versichert seyn, dass Sie dennoch damit nichtes gewinnen, noch Uns jemahlen zu einiger Abtretung eines so theuer wieder acquirirten alten Rechts bewegen würden. Wir hätten, wann es auf gerechte Praetensiones ankähme, ein weit mehres von den Czaarn zu fordern, von welchen nur unter andern dieses anzuführen stünde, dass man ab dortiger Seiten von so vielen Jahren her Uns ein so grosses Stück Landes von Lapland, so Unserm Königreich Norwegen zugehört, mit Gewalt entzogen und derentwegen noch zu keiner satisfaction, so oft und velfältig Wir auch derentwegen Ansuchung thun lassen, gelangen konnen. Du hast nun dieses alles der gestalt vorzustellen, damit man hierin auf andern Gedanken gerahten und von der so ungegründeten Praetension gäntzlch abstehen möge.

Diesemnegst wirstu aus denen mit dem Czaarn in annis 1699 et 1709 geschlossene Tractaten ersehen haben, wie darin von Errichtung eines Commerz-Tractats errechnet wird. Du hast gelegentlich dich bey denen Czaarischen Ministris vorzufragen, ob man hiezu geneigt sey und auf welchen Fuesse man selbigene zu errichten vermeine? Wir würden dir alsdann darüber weiter Unsern allergnädigsten Ordre zu kommen lassen, und zu diesem Werke alles, was zu beiderseits Nationen Besten und Nützen gereichen könte, behörigen Facilitet beytragen.

Auf alles übrige, so dorten in Publicis vor sich gehet und

von denen anwesenden frembden Ministris negociiret wird, hastu fleissig acht zu haben und Uns davon Posttäglich deinen allerunterthänigsten Bericht einzusenden, insonderheit aber hastu, so viel möglich dahin zu sehen, dass nichts tractiret oder geschlossen werde, so Uns und Unserne Interesse nachtheilig seyn könne. Wornach du dich zu achten, und Wir verbleiben dir mit königl. Gnaden gewagen.

Geben auf Unserer Residentz zu Copenhagen 10 Martii, A° 1722.

Friderichk.

von Haagen

an den Estats-Raht Hans Georg
Westphal.

(Копенгагенъ. Russland; Westphalens Orders 1719—1730)

IV

Экстрактъ изъ письма бар. Шлейница къ сыну 2 (13) февраля 1722 г. Парижъ.

...Ich weiss zuverlässig, dass die Grossbritanischen und Wienerschen Ministri nicht allein bey dem Regenten und Cardinal, sondern auch bey denen meisten Europeischen Höfen gemeinschaftlich insinuiren, dass I. Mt. Unser Kayser gar weit aussehende Absichten auf Pohlen und das Teutsche Reich hate und Sie insonderheit sich der Stadt Dantzig und das Hertzogtum Mecklembourgs zu bemachtigen intentioniret wären. Dass Englische Ministerium, umb solche vermeinete Absichten zu hintertreiben, soll auch schon wirklich ein Project einer Ligue gegen I. Mt. zwischen dem Römischen Kayser, Engelland, Dennemark und Schweden auf das Tapet gebracht haben.

Das Absicht dieser Ligue soll seyn, dass Engelland, Dennemark und Schweden gemeinschaftlich eine starke Esquadre umb darauf die Dantziger, wie auch die Preussischen und Mecklembourgischen Küsten zu decken, equippiren sollen, da inzwischen der Römische Kayser mit seinem und unterschiedener teutschen Reichsfürsten Trouppen, worunter man insonderheit das gantze Haus Braunschweig, Sachsen-Gotha, Hessen-Cassel und den Bischof von Münster zahlet, I. Mt. durch dass Preussen in das Reich zu Lande einzubrechen abhalten sollen.

Die Engelländer berühmen sich, dass diese Ligue zwischen Engelland und Dennemark schon so gut, als richtig sey, und hoffen sie in kurtzem die übrigen Puissancen, wie auch Pohlen und Frankreich einzuziehen, der König von Pohlen stünde nur noch deshalb darüber an sich, in Hoffnung vielleicht bessern und vortheilhaftigeren Conditiones mit Russland eingehen zu können, und die Crohn Schweden befürchte sich, dass wann diese Ligue nicht zu stande

käme, solche Crohn nochmahls das Gelach darvor würde bezahlen müssen.

Ich glaube zwar, dass es Engeland mit dieser Ligue ein Ernst sey; ich zweiffle aber, dass es dem Englischen Ministerio so viele Puissancen, deren Interesse und Absichten so weit von einander entfernet, und insonderheit die Teutschen Reichsfürsten, die ich aus eigner Erfahrung durch unterschiedene mit Ihnen vormahls gehabten Negotiationen habe kennen lernen, und weiss, mit was für Mühe und wie schwer und langsam selbige in dergleichen weitaussehende Projecta einzugehen pflegen, unter einem Hut gegen I. Mt. in Harnisch zu bringen möglich seyn wird. Und glaube ich, dass der Engelländer Absicht eher ist uns durch diese ausgesprengte Ligue abzuschrecken und von der vermutheten und befürchteten Besuchung unser Trouppen in die Hannoverschen Lande abzuhalten, als dass sie würklich vermeinen diese Ligue gegen I. Mt. zu ihrer Consistenz bringen zu können. Auch wird Frankreich schwerlich, so lange es einige Hoffnung einer Alliance mit I. Mt. siehet sich darüber mit Engelland in Engagement einlassen. Dass ist auch andrentheils gewiss genug, dass engellandsche Intriguen nicht eher aufhören werden, bis dann es endlich zu einer Reconcilation und gegenseitigen Garantie des mit der Crohn Schweden geschlossenen Friedens zwischen I. Ks. Mt. und Engeland kommet.

(М. А. М. И. Д. Дѣла Французскія 1722 г. № 12. Настоящій экстрактъ былъ сообщенъ Шлейницомъ-сыномъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 13-го марта 1722 г.)

V

Реляцiя Вестфалена 18 (29) сентября 1723 г.

Sire.

La conduite du roy de Svede n'étant point (dit on) telle que la gravité svedoise le demande, ce prince ayant d'ailleur aigri l'esprit de la plus saine parti de ses sujets pour avoir voulu altérer la forme du gouvernement établie en Svede, et attirer pour cet effet dans ses vues particulières quelques uns des ordres de l'état; et monsieur Baswitz, ministre du duc de Holstein à Stockholme, ayant eu l'adresse de profiter si bien de la froideur qui s'était mise entre ce roy et son peuple, qu'il emporta d'emblé et malgrez les oppositions de la cour, particulièrement de la reine Ularica, les sentiments des états assemblés en diete générale en faveur du duc son maître par rapport au titre dont ce duc s'étoit de propre authorité emparé en sortant du royaume, et dont la récognition svedoise de la manière qu'elle a suivie m'a toute la mine d'un aveu tacite de son droit à la couronne de Svede.

Ce succès avec les circonstances que je viens de toucher ayants fait concevoir à ce ministre holsatien la pensée que l'heur de berger étoit venu pour recouvrire ce que son maître croit luy appartenire de tout droit, et luy avoir été ravi par une violence de plus criminelles, scavoir la couronne de Svede, il se mit en tête de tourner dans ce royaume tout sens dessus dessous et d'y causer une révolution pareille à celle de l'an 1568.

Il s'en ouvre aux principeaux adherants de son maître, et les ayants trouvé assé enclins à seconder un tel dessein, pourvue qu'il ne soit point touché à la liberté svedoise, que le duc veuille reconnaître leur droit d'élire leurs roys, avec celuy de les pouvoir déposséder, lors qu'ils manqueront à leur devoir par rapport

aux loix établies, et enfin qu'il n'attirera point de trouppes étrangères dans le royaume.

Il envoye un exprès à Pétersbourg chargé de lettres pour le duc, par lesquelles il luy communique son dessein formé et la disposition des principeaux d'entre les amis avec leures demandes.

Le duc sans hésiter approuve tout ce que son ministre a fait en vue de luy procurer 'la couronne de Svede, il en donne part à la czaarienne, sa grande patrone, en suite il fait communiquer le tout au czar même et à son conseil par son envoyé à cette cour le sieur Stambken, qui dans une conférence qu'il a sur ce sujet avec les ministres de sa majesté czaarienne déploye toute sa rhétorique, son grec et son latin pour leur faire gouter le dessein de son maître et pour en persvader la reuissité infallible.

Pour cet effet il fait sonner extrèmement haut la vénération que les svedois portent naturèlement au sang de Wasa, dont son duc est (dit il) l'unique rejetton (en quoy il se trompe pourtant fort), il assure sur la foy de son serment, que le plus grand nombre des senateurs, des generaux et autres gens de guerre, ensemble avec la plus part des états et les gros de la nation svedoise sont dant l'interêt de son maitre et le veulent pour leur roy, et enfin que tout le monde en Svede est prêt de le recevoir à bras ouverts d'autant plus que le mécontentemeut des svedois contre la personne de leur roy est général, non seulement à cause qu'il leur a voulu ravire leur liberté recouvrée, mais aussi à cause de ses vices personnelles, sur lesquelles il s'étend d'une manière étrange.

Il fait passer ce roy pour un prince debauché, mou, voluptueux, incapable de dire une vérité, rien moins que soldat, mais fanferon à outrance, et avec tout cela de si peu de conscience, qu'il étoit soubçonné, non pas à la legère, mais sur de très fortes indices, d'avoir fait assasiner feu le roy, son prédecesseur et son bienfaiteur. Ce fut par ces couleures noires et affreuses que cet envoyé holsatien depeignit icy la personne du roy de Svede, en quoy il fut fortement secourru par certains svedois de condition qui se trouvèrent allors à Pétersbourg, qui faisoient de leur roy le même portrait, et cela avec quasi point de menagement. Pendant que messieurs les holsteinois dechiroient de la sorte à cette cour la réputation du roy de Svede, dans la vue de le rendre méprisable au czaar et de faire accroire sa déthronisation, une chose aussitôt effectué qu'entreprise, affin de l'y embarque d'au-

tant plus aisement, ces amis du duc en Svede prennoient à tâche d'insinuer aux plus peureux d'entre les républicains outrés.

Qu'il y avoit un nouveau grand dessein en campagne, qu'on avoit mesme lieu d'apprehendre que le czaar ne recommença son jeu des dernières années de la guerre pour obliger les états assemblés de donner la main à une nouvelle révolution en faveur du duc de Holstein, car à peine avoit il obtenu d'eux ce qu'il leur avoit demandé tant pour luy mesme que pour le duc, que son ministre donnoit sous mains à entendre, qu'il étoit juste, que la succession fut aussi assurée au duc par un acte qui eut la vigeur d'une loy formèle, qu'il falloit régarder cette nouvelle demande du czaar comme le prélude d'une encore plus grande in petto, bref, ce monarque vouloit voir son futur gendre sur le throne de Suede, ainsi que le meilleur parti à prendre seroit de s'addresser au duc même et de convenire avec luy des conditions par lesquelles la liberté se put conserver dans son entier et l'entrée d'une armée russe en Svede put être éludée que ce prince étoit de l'ancienne famille royale, né et élevé parmi eux et au bout du compte plus propre à régner sur eux qu'un étranger.

Toutes ces choses là furent faites et insinuées à l'insçu du czaar et dans la vue de préparer les esprits pour la révolution. Les dit amys du duc ayants donc porté les affaires à un point, que les plus outrés républicains svedois commençoient à gouter le dessein de mr. Baswiz quoy qu'ils en ignoroient la trame, ils convinrent avec Baswiz, qu'il étoit tems de donner la coup de grace à la réputatation du roy, affin de révolter contre luy l'ésprit de toute la nation en divulgant que c'étoit certainnement luy qui avoit fait tuer feu le roy Charles douze par les mains d'un officier françois, nommé Sickré, à qui un remorts de conscience auroit fait avouer ce parricide, ils avoient déjà pris soin de divulger, que sa majesté svedoise étoit en traitté avec le roy de Prusse pour la cession de toute la Pommeranie citerieure et que la conclusion de ce traité clandestin pouroit bien entrainer l'ésclavage svedoise sous un roy étranger qui n'étoit de leure réligion qu'à demy et seulement par les grimaces extérieures.

Il est icy bien à noter que Sickré étoit un des aides de camp de Charles 12-e et celuy qui porta au prince de Hesse, à présent roy de Svede, la première nouvelle de la mort de ce roy, et à la reine Ularica l'avis de son époux de faire arrêter le baron Görtz et le comte von de Natte, qu'il étoit venu tout récemment à Stok-

holme pour s'y marier avec une dame svedoise de qualité, mais que son mauvais dessein a voulu qu'il y tomba malade et que sa maladie ait tournée premièrement en phrenesie et ensuite en imbecilité; j'ay connu cet homme à Moscow chez monsieur de Campredon.

Le czaar, qui ne scavoit rien de toutes ces fausses insinuations que l'on faisoit en Svede sur son compte et qui ignoroit pas moins que le bruit qui courroit par cy par là de l'assassinat du roy Charles 12 de Svede étoit un jeu inventé par messieurs les holsteinois, traitta d'abord de chimaire le projet de monsr. Baswitz, mais sa majesté ne laissa pourtant pas de depêcher un exprès à son ministre à Stokholme avec ordre de luy faire un rapport fidel et exacte de la disposition des svedois envers leur roy et envers le duc de Holstein; et de luy mander aussi, s'il avoit du vraysemblable en ce qui se debitoit sur la mort du roy de Svede.

Le rapport de Bestuchef fut tel que le duc le pouvoit souhaiter, soit que ce ministre russe étoit gagné, ou, qu'il s'étoit laissé surprendre par des insinuations artificieuses, il est du moins bien constant, qu'il est devenu de puis de tout autre sentiment.

Allors le projet de Baswitz devint une affaire plus serieuse, d'autant plus que la czaarienne commença de s'en mesler ouvertement après s'être assurée de l'adhérence à ses sentiments de messieurs Tolstoi et Osterman, et que le duc ne demanda au czaar autre chose pour l'exécution de son dessein que de vouloir seulement se montrer avec la flotte et un bon corps des galeeres sur la côte svedoise aux environs de Waxholme. Ce que sa majesté promit verbalement de faire toutes fois sous cette clause, qu'elle ne passeroit pas les bornes de la feinte, sa ferme et immuable résolution étant de se conserver la paix avec la Svede telle qu'elle avoit été conclue à Nystad en Finlande.

Les ordres furent donnés d'équipper et d'armer de nouveau 60 galeeres et de faire avancer 29 bataillons pour y être embarqué. Le duc se prépara pour monter sur la flotte et on vit icy de mouvements comme s'il y avoit sérieusement quelque nouveau et grand dessein à éxécuter.

Baswiz fut averti de la résolution prise et on luy envoya et au sieur Bestuchew de bonnes sommes d'argent pour être employées à grossire le nombre des amis du duc en Svede, où tout doit être devenu venal depuis que la majesté royale y est dége-

nerée en fantôme; la czaarienne fournissant à ce besoin du sien une considerable somme de ducats.

Mais à la confusion du duc et de ses amis, de la czaarienne mesme, il arriva, que le czaar (dont le cœur est véritablement un abyme inpénétrable) fit tout d'un coup, contre toute attente et sans attendre que les galéeres fussent en état de joindre la flotte, scavoir au duc, qu'il jugoit nécessaire que les états de Suede luy envoyassent une députation formèle pour l'inviter de passer chez eux, et que les mesmes députez priassent aussi sa majesté au nom de leurs confrères de l'assister dans son entreprise, ce qu'ils ne feroient pas (disoit le czaar) difficulté de faire, si leure intention étoit sincère. Sa majesté trouvant donc bon que son altesse s'embarqua incessament, puisqu'elle avoit résolue d'aller tout droit avec sa flotte à Reval y attendre l'arrivé de ces députez assurant son altesse, que les galéeres suiveroient en peu de jours.

Le duc déconcerté par cet inopiné changement fit agire auprès de la czaarienne touts les amis et amies qu'il à sa cour, où il n'y a pas une petite salloppe qui ne soit intéressée à vouloir du bien à ses affaires, affin de la disposer à ramener son époux dans le chemin de sa première résolution.

Mais le sécours de sa patronne ne luy servant de rien en cette occasion, il fit demander une conférence pour son ministre le sieur Stambken avec ceux du czaar qui devoit abboutire à leur faire comprendre les inconveniens qui en résulteroient infalliblement, si les amis de son maître en Svede viendroient de s'appercevoir, que sa majesté biaisoit dans l'éxécution de sa promesse, lorsque l'affaire étoit parvenue au point de son denouement. Mais le czaar avoit pris son parti avec sa fermété ordinaire et après meure déliberation, ainsi le jeu n'étoit plus à refaire, la conférence fut éludée et tout ce que le duc put obtenire par l'intercession de la czaarienne ce fut que sa majesté luy fit déclarer par m-r de Jagouschinsky qu'elle permettoit que la députation des états de Svede se fit clandestinement en cas qu'elle ne se pouvoit faire autrement; elle se contenteroit même, si leur pleinpouvoir ne seroit signé que de 50 personnes des principeaux des 4 ordres du royaume, néantmoins au nom de tous. Sa majesté fit en mesme tems prier le duc d'en vouloir faire bien informer son ministre à Stockholme et se tenire prêt pour s'embarquer au premier avertissement.

Le duc dêpecha donc un courrier en Svede pour informer monsieur Baswiz du changement arrivé et de la nécessité absolue que

la députation se fit sans perte de tems envers luy et envers le czaar de la manière que sa majesté le souhaitoit.

Quelques jours après il s'embarqua sur la flotte où trouvant la czaarienne sa patrone il prit en présence de 5 à 6 personnes congé d'elle, comme s'il avoit un voyage à faire qui le priveroit de l'honneur et de la satisfaction de la revoir sitôt et peutêtre pas de toute année. Il y avoit présent à cet adieu un de mes amis intimes.

Le czaar fit hisser les voiles et partit de Chronschlos avec la flotte le 1 de juillet après avoir donné secrètement ordre au lieutenant-général Lessi de se tenire prêt avec ses soixante galéeres et les 29 bataillons qui étoient sous les ordres, mais d'attendre sur l'heur de son départ actuel une lettre escrite de sa propre main.

Plus de 15 jours s'étoient déjà escoulés que le duc avoit donné avis au sieur Baswiz de la dernière résolution de sa majesté czaarienne sans que les députéz en question paroissoient. Le czaar qui étoit déjà revenu de Roverwyg à Reval affectoit de s'en inquieter et il s'avisa d'envoyer une frégatte à Stockholme pour y transporter un autre exprès du duc, qui étoit chargé de nouveaux ordres pour monsieur Baswiz au sujet de la députation que les états de Svede devoient faire au czaar et au duc, du moins en secret; il devoit presser leur départ d'autant plus que la flotte de sa majesté n'ayant pas trop de provision à bord. Il failloit songer à son rétour à Crohnschlos et à son desarmement. L'officier qui commandoit cette frégatte eut ordre de recevoir tels gens à son bord que ce ministre voudra y faire passer. La frégatte fit un heureux trajet et revint en 12 jours de temps à Reval, mais au lieu d'y emmener de députés de la part des états de Svede assemblés en diète générale elle y emmena un sécrétaire privé du duc nommé Suurland, qui travaille ordinairement sous monsieur Baswiz, de qui il apporta de lettres, par lesquelles ce ministre donna à connoître, comme quoy il luy étoit purement impossible de moyenner la députation que sa majesté demandoit assurant néantmoins fort et fermement, que si sa majesté vouloit seulement résoudre d'avancer avec sa flotte et avec ses galéeres jusqu'à Waxholme, le duc son maître séroit receu à bras ouverts, non seulement par les états, mais par tout le monde.

De là le czaar prit prétexte de rétirer ses mains de ce jeu holsatien disant aux siens qu'il s'étoit bien doubté que Baswiz auroit entrepris de naviguer sans vent. Il conseilla le duc de se tenire

en répos, de se contenter des avantages qu'il luy avoit déjà procuré jusqu'à ce que la Providence en pourvoyeroit autrement. Cette déclaration du czaar, qui fut fait au duc à Reval le 6 d'août, faillit de faire perdre les sens à ce jeune prince, qui est de son naturel pour le moins aussi têtu que feu le roy de Svede.

Dans ses premiers transports de colère il déclara au baron Osterman qu'il ne pouvoit se résoudre de retourner à Pétersbourg, mais si le czaar ne vouloit absolument pas l'aider à recouvrire son perdu en Svede, il souhaitoit d'être transporté le plustôt que faire se pouroit à Kiehl ou à Lubeck.

Bientôt après il se ravisa et envoya le sieur Stambke auprès les ministres du czaar leur priant de vouloir disposer sa majesté à luy prêter seulement une seul frégate qui le put transporter à Stokholme.

De quoy les dits ministres ayants faits leur rapport, le czaar, sans y faire aucunne réponse, résolut de prendre sur le champ la poste et s'en retourner à Pétersbourg.

Sa majesté ne communiqua cette sa résolution qu'au général von Delten, commendant de Reval, qui eut ordre d'arrêter les cheveaux de poste comme s'il avoit à envoyer deux exprès, un à Pétersbourg et un à Riga et de ne point faire tirer les cannons au départ de sa majesté qui quita de la sorte la ville de Reval le mesme jour que la frégatte étoit revenue de Stockholme y laissant en arrière sa flotte les ministres de son conseil privé ensemble avec le duc de Holstein.

Sa M-j-té arriva icy la nuit du 8 au 9-me d'août dans la plus mauvaise humeur du monde et, après s'être bien chamaillée avec son épouse et dépesché le collonel Blokerow à Reval chargé d'ordres à ses ministres de venire par terre à Pétersbourg et au grand admiral Appraxin de retourner avec la flotte à Crohnschlos et d'y emmener le duc de Holstein, elle se retira à Peterhof; là elle permit aux premiers d'entre les siens de la voire et de luy parler, ce qui ne leur avoit point été permis à Pétersbourg, pas seulement au lieutenant général Jagoushinsky tant ce monarque étoit de mauvaise humeur lors qu'il revint de Reval.

Voilà en abrégé les annecdotes de la trame holsatienne pour jetter le royaume de Svede dans l'abyme d'une révolution semblable à celle de 1568 telles qu'elles sont venues à ma connoissance par divers endroits bons et solides. Il y a mesme grande apparence que messieurs les holsteinois séroient parvenus à bout

de leur dessein, si la vraye politique du czaar ne se fut jouvée d'eux.

Sire de votre majesté

le très fidel sujet et serviteur

F. G. Westphalen.

Pétersbourg ce $\frac{29 \text{ de}}{18}$ Sept. 1723.

(Копенгагенъ. Relationes aus Russland 1723—24)

VI

Рескриптъ М. Бестужеву 27-го іюля 1723 г.

Реляція твоя отъ 15 іюля, на фрегатѣ Самсонѣ отправленная, здѣсь получена, изъ которой мы усмотрѣли, что доброжелательные нынѣ болѣе не заблагоразсуждаютъ на настоящемъ сеймѣ въ Швеціи герцогу Голштинскому сукцессію публично опредѣлить и мнятъ, что дачею ему титула королевского высочества и другими въ его пользу учиненными и чинимыми опредѣленіями уже довольно явно показано и само собою разумѣетца, что народъ Швецкой кромѣ его иного въ приключающемъ случаѣ въ сукцессоры не желаютъ и не хотятъ и что оный герцогъ довольно о томъ обнадеженъ и безопасенъ быть можетъ. Намъ зѣло удивительно, что доброжелательные такъ скоро себя въ мнѣніяхъ своихъ отмѣнили, ибо по твоимъ, такожде и по Басовичевымъ реляціямъ оные весьма намѣрены были на нынѣшнемъ сеймѣ оную сукцессію опредѣлить, ежели они токмо о желанномъ отъ герцога маріаже напередъ обнадежены быть могли, оное обнадеживаніе потомъ чрезъ тебя по нашему указу имъ тамо и отъ насъ герцогу изустно учинено, и понеже ты потомъ такожде и Басовичъ доносили, что для содержанія тѣхъ доброжелательныхъ и для пристрастія другихъ весьма потребно, чтобъ флотъ нашъ не токмо въ море вышелъ, но и къ швецкимъ берегамъ приближался, того ради мы по ихъ желанію и то учинили и со флотомъ вышли и также галеры къ выходу во всякой готовости были, и весьма и потребная сумма денегъ въ твою диспозицію для склоненія потребныхъ особъ въ самомъ нужномъ и необходимомъ случаѣ отдана была, и тако съ нашей стороны все то учинено, что токмо тѣ доброжелательные отъ насъ желали и по вашимъ реляціямъ отъ насъ требовали, и мы по тому причину имѣли уповать, что тѣ доброжелательные не ослабѣвая начатое дѣло къ совер-

шенному окончанію приведутъ толь наипаче, понеже собственный, какъ генеральный швецкого государства, такъ и ихъ партикулярный интересъ весьма того требовалъ и оные чрезъ то опредѣленіе не токмо совершенный покой и тишину внутри государства возставили бъ, всѣмъ интригамъ дорогу вовсе отсѣкли, но и къ благополучію королевства швецкого вѣчную дружбу междо обоими нашими государствами и народами утвердили бъ. Тебѣ надлежитъ онымъ доброжелательнымъ о семъ объявить и оныхъ притомъ наикрѣпчайше именемъ нашимъ обнадежить, что мы истинное и доброжелательное намѣреніе къ нимъ имѣемъ и не токмо постоянную вѣрную дружбу съ Швецкимъ государствомъ содержать желаемъ, но и къ благополучію оного при случаяхъ вспомогать охотно будемъ и для того и въ такомъ намѣреніи велѣли имъ предлагать о оборонительномъ союзѣ, который мы съ ними учинить весьма готовы, и понеже они сами объявили, что имъ то весьма надобно и потребно, чтобъ мы герцога въ зяти наши приняли, понеже то имѣетъ быть основаніе какъ чинимому опредѣленію въ предбудущей сукцессіи, такожде и вѣчному утвержденію дружбы, того ради и мы на то поступили, и не токмо все желаемое обнадеживаніе имъ о томъ учинили, но и при томъ представили, что мы не токмо ихъ вольность и нынѣшнюю форму правительства въ Швеціи, какъ мы къ тому по Нійштатскому трактату уже должны содержать, но и все то, что чины государственные еще вящше для содержанія своихъ прерогативъ и вольностей иногда постановятъ, въ вѣчное время гарантировать будемъ, и когда мы тако съ своей стороны все то чинимъ, что они отъ насъ желаютъ и къ угодности быть можетъ, то могутъ они и сами разсудить, что надлежитъ взаимно и намъ обнадеженымъ быть. что они въ нынѣшней своей склонности такъ къ намъ, какъ и къ герцогу Голштинскому непремѣнно пребудутъ, и что они кромѣ герцога, когда случай состоитца, иного никого въ короли не выберутъ, дабы такимъ образомъ все сумнѣніе съ обоихъ сторонъ вовсе отнято, и мы съ совершенною откровенностію и конфиденціею во всѣхъ случаяхъ къ нимъ поступать могли, и ежели они доброжелательные весьма не чаютъ, чтобъ на нынѣшнемъ сеймѣ сукцессію герцогову публично постановить возможно было, то могутъ они однакожъ при опредѣленіи ему герцогу пенсіона, которой они по твоей реляціи на нынѣшнемъ еще сеймѣ постановить хотятъ, нѣчто, и о сукцессіи ему упоминать, тоже могутъ они учинить при опредѣленіи другова пункта,

о которомъ ты доносишь, а именно, что никакой принцъ, которой не родился и не воспитанъ въ люторскомъ законѣ, на элекцію короны представленъ быть не можетъ, или чтобъ они другой какой достаточной и достовѣрной способъ изобрѣли, дабы мы подлинно обнадежены быть могли, что герцогъ всемѣрно сукцессоромъ будетъ, и ежели они пожелаютъ, то сей изобрѣтаемой отъ нихъ способъ и данное намъ въ той сукцессіи обнадеживаніе въ высочайшемъ секретѣ отъ насъ содержано будетъ. Мы отнюдь не видимъ, чтобъ они въ такомъ отъ насъ желанномъ обнадеживаніи о сукцессіи герцогу какое сумнѣніе имѣть или въ томъ затрудненіе учинить могли, понеже ежели они прямую склонность къ герцогу имѣютъ и какъ они тебѣ объявили и ты намъ доносилъ, уже въ секретномъ аусшусѣ подъ присягою за своими руками, оное дѣло въ пользу герцогову постановили, то какое сумнѣніе оные имѣть могутъ о томъ и предбудущей той сукцессіи авътентичное обнадеживаніе намъ дать, толь наипаче, понеже они о нашемъ къ нимъ и къ герцогу доброжелательствѣ и желаніи ко утвержденію вѣчной съ швецкимъ государствомъ дружбы кровнымъ свойствомъ съ нимъ герцогомъ довольно обнадежены. Тебѣ надлежитъ о семъ всемѣрно стараться, о чемъ и чрезъ асессора Сурланда герцогъ обстоятельные свои указы къ Басовичу отправилъ. Что до оборонительного союзу касается, то надлежитъ тебѣ объ ономъ формально предлагать и требовать, чтобъ по обыкновенію депутаты назначены и опредѣлены были для трактованія и заключенія оного съ тобою. А наша полная мочь немедленно къ тебѣ прислана будетъ; а между тѣмъ имѣешь ты съ принципальнѣйшими поговорить и краткое содержаніе того союза у нихъ выслушавъ, записать и написавъ пунктами, немедленно къ намъ прислать, дабы по тому потребными нашими указы тебя снабдить могли и притомъ старайся, невозможно-ль въ оной оборонительной союзъ съ соизволенія чиновъ государственныхъ какой пунктъ въ пользу герцога Голштинскаго, что до его сукцессіи касается, внесть; а мы взаимно вольности ихъ и привиліи такимъ образомъ, какъ они сами пожелаютъ, въ вѣчное время гарантировать можемъ. О флотѣ нашемъ можешь ты имъ объявить, что оный токмо по ихъ собственному желанію выведенъ и сюды пришелъ, и когда нынѣ больше не запотребно разсуждаютъ, чтобъ оной къ швецкимъ берегамъ приближался, то и то учинено не будетъ, понеже какъ и чрезъ послѣдней къ тебѣ отправленной фрегатъ имъ объявить

велѣли, мы безъ ихъ соизволенія и требованія ничего не предвоспріимемъ, но токмо все то чинить будемъ, что къ ихъ угодности и пользѣ быть можетъ.

Петръ Толстой.
Андрей Остерманъ.

Секретарь Степанъ Никитинъ.

(М. А. М. И. Д. Дѣла Шведскія 1723 г. № 4)

VII

Pensées sur les moyens de faire retablir Sa Serenité le Holstein dans son souverain Duché de Sleswic par la seule ostentation des armes du Czar.

à Stockholm le 16 Fevr. 1723.

Il est de notorieté publique de la manière criante, que la Cour de la Grande Bretagne s'est aviser de revoquer tant en Roi, qu'en Electeur de Braunsvic. les garanties des traittés d'Altona et de Travendahl, d'induire le Regent de France et le Roy de Prusse d'en faire autant, d'obliger la Suede de se conduire en cela passivement contre ses veritables intérrets, de condamner d'autorité et haut à la main le Duc de Holstein de perdre à perpetuité son souverain Duché de Schleswic et de garantir de concert avec la France et le Roy de Prusse à celui de Danemarc son injuste usurpation.

L'Empereur Romain, garant des dits traités d'Altona et de Travendahl a suffisamment fait remarquer, qu'il detestait ce procedé inhumain, et son envie de ne point refuser à ce Prince infortuné les effets de Sa garantie en temps et lieu.

Cette favorable disposition et la sincère compassion dont ce Monarque a bien voulu donner à Sa Serenité des preuves reeles, subsistant encore, S. M-té Imperiale ne se soustraiherait certainement pas de favoriser tout ce qui peut contribuer à Son retablissement dans ses Etats.

Le Czaar, ayant de son côté genereusement accordé à ce Prince abandonné de tout le monde sa puissante protection et sa gracieuse garantie en faveur de son retablissement.

Il n'est donc plus question que de la manière à y parvenir.

L'on ignore plus dans le monde à quel point les armes Rus-

siennes se sont rendue respectables et combien sur tout la Cour d'Hannover apprehende leur apparition dans le cercle de la Basse Saxe.

Cette apprehension seul paraît suffisante pour occasionner une revocation des garanties promises au Roy de Dannemark et une concurrence indispensable en faveur de la restitution en question sur tout, s'il plaisait au Monarque faire insinuer directement à l'Empereur des Romains et au Roy de Prusse aussi bien que par le Canal du dernier et de celui de la France au Roy de la Grande Bretagne une alternative pour en choisir la moins onereuse à l'Empire, à savoir ou de s'unir pour obliger le Roy de Dannemark à une prompte restitution du Duché de Sleswic cum omni causa suivant les traités d'Altona et de Travendahl, ou de ne pas trouver mauvais, que le Czaar l'y contreignit en vertu de sa garantie par la force de ses armes, Sa dite Majesté ne souhaittant pas mieux, que de s'en pouvoir dispencer et de n'être à charge à qui que ce soit, ce qui serait cependant inevitable, si Elle se voyait obligée de recourir malgré Elle à des voyes de fait.

(Настоящій документъ сохранился въ двухъ спискахъ. Первый изъ нихъ находится въ М. А. М. И. Д. (Дѣла Голштинскія 1723 г.); второй—въ Вѣнскомъ Архивѣ (Russland 13a, 1726; при реляціи Антивари отъ 26 февраля 1726 г. изъ Стокгольма). Въ общемъ, московскій списокъ представляетъ изъ себя болѣе исправную редакцію. По смыслу и по выраженіямъ, однако, представлялось болѣе правильнымъ переставить въ текстѣ третій и четвертый абзацы, что и сдѣлано. Менѣе исправный въ редакціонномъ отношеніи, вѣнскій списокъ—датированъ, а реляція Антивари, при которой онъ приложенъ, даетъ возможность установить принадлежность настоящихъ „pensées" гр. Веллингу. Въ своей реляціи Антивари пишетъ: „graf Welling hat mich neulich ein von ihm gefasstes Project versprochen, und nun zugeschikt, worinnen er die Restitution des Hertzogs durch blosse Ostentation der russischen Waffen mit Kayserl. Mt. Connivent verstellet und nun die beste Zeit dazu vorhanden glaubet, die Preussen und Hannover durch ihre Bundniss und Articulos separatos mit Frankreich ausser Stand gesetzet Kays. Mt. den Vorwurf zu machen, dass allerhohst dieselbe die bedrohte Bettrettung des Reichsbodens ohne Verletzung den Reichsgesetzen nicht nachsehen könten".

Можно добавить, что подъ гарантіей, данной Петромъ Великимъ герцогу, о которой нѣсколько разъ упоминается въ „pensées", очевидно, надо понимать тѣ обѣщанія общаго характера, какія царь давалъ герцогу, приглашая его въ 1721 г. въ С.-Петербургъ. Срав. Соловьевъ IV, 604)

VIII

Инструкція Алексѣю Бестужеву 12-го іюня 1723 г.

Понеже ты намъ доносилъ, что Его Величество король датской весьма желаетъ съ нами союзомъ обязатся и воономъ постановить, что онъ ни съ кѣмъ ни въ какой союзъ вступать нехочетъ, который бы намъ какимъ нибудь образомъ предосудителенъ или противенъ быть могъ, такожде насъ удовольствовать въ справедливой нашей претензіи о безпошлинномъ проходѣ кораблей нашихъ черезъ Зунтъ, а именно чтобы нашимъ кораблямъ, которые сквозь Зунтъ проходить будутъ, противъ прежнего обычая, что шведскіе корабли платили нѣкоторые такъ зовомые банковые деньги, платить, но противъ того взаимно отъ насъ требуютъ, дабы мы ему герцогство Шлезвицкое гарантировали, и на сіе тебѣ объявляется во всѣмилостивѣйшую нашу резолюцію.

I.

Надлежитъ тебѣ по пріѣздѣ своемъ Его Королевскому Величеству Датскому объявить, что мы съ Его Величествомъ обязатся весьма готовы, но чтобъ намъ герцогство Шлезвицкое ему гарантировать, которое мы весьма готовы были учинить и предлагали Его Величеству, чтобъ обще помочь герцогу корону шведскую, а оной герцогъ готовъ былъ уступить Шлезвикъ, но то наше предложеніе уничтожено, а вмѣсто того оное получили отъ ганноверской противной намъ стороны, чего ради и миръ и партикулярный учинить изволили, оставя союзъ, а потомъ герцогъ протекціи нашей искалъ и самъ пріѣхалъ. И чтобъ сами разсудить изволили, какъ намъ оную гарантію учинить; первое что то гарантировать, чрезъ что Данія отъ союза оторвана чрезъ непріятелей нашихъ, другое что противъ того гарантировать, кому протекцію дали; и

не стыдъ ли будетъ предъ всѣми, но можетъ объявится, что мы ни за кого и ни въ какія дѣла противъ Его Величества нигдѣ не приняли и не примемъ и непріятелямъ его вспомогать не будемъ, равнымъ же образомъ желаемъ и отъ нихъ.

2.

Чтобъ такожде Его Величество предложеннымъ отъ тебя образомъ въ безпошлинномъ проходѣ нашихъ кораблей чрезъ Зунтъ намъ удовольство показалъ.

3.

О признаніи нашего титула императорскаго надлежитъ тебѣ стараніе имѣть, чтобъ оное при началѣ трактата учинено и оный титулъ въ тотъ трактатъ внесенъ былъ.

4.

И ежели на вышеизложенныхъ кондиціяхъ Его Королевское Величество вступить похочетъ, то ты на то имѣешь нашъ указъ вступать, и когда на морѣ поставишь, о томъ намъ доносить, тогда къ тебѣ прислана отъ насъ будетъ полная мочь немедленно.

(М. А. М. И. Д. Дѣла Датскія 1723 г. № 3. Отпускъ настоящей инструкціи помѣченъ такъ „Его Императорское Величество будучи высокою особою своею въ флотѣ на ревелской редѣ, на кораблѣ Екатеринѣ, изволилъ слушать инструкцію резиденту Алексѣю Бестужеву, которая при отправленіи онаго ко двору датскому ему Бестужеву дана за подписаніемъ Его Императорскаго Величества собственною рукою“. На этомъ отпускѣ находимъ и дату 12 іюля—ibid. № 4)

IX.

Претензіи, предъявляемыя Россіей ганноверскому двору, и условія примиренія съ Англіей. Ноябрь 1723 года.

1. Après la prise de Stade la Cour d'Hannovre insistait fortement pour avoir Bremen et Vehrden. Elle prometait pour cela de s'allier avec Nous contre la Suède et de garantire nos conquetes. Les Danois n'y voulaient jamais consentire qu'après la paix faite avec la Suède, prevoyants sans doute mieux que S. M-té Imp-le, que la cession de cettes provinces étant une fois faite, nous deviendrons la duppe de cette cour. Cependant ils y furent portés par les seules et fortes persuasions et instances de Sa M-tè Imp-le, comme les Hannoveriens en leur conscience sont obligés d'avouer. Tout le monde sçait, comment après Sa M-té a été payé et comme on la paye encore actuelment de ce bienfait.

2. Lorsqu'en vertu de la convention faite avec les Danois l'armée de Sa M-té Imp-le marcha à Copenhague, les Hannoveriens contracarairent ce dessein de tout leur possible et ayant fait passer par les artifices de leurs creatures la saison commode pour le trasport, ils nous voulaient obliger à la descente dans un temps si avancée, qu'il aurait fallu perir aveuglement, si nous l'avions entrepris, et comme nous étant apperçu de cela, nous primes la resolutions de nous en retourner. La manière, dons ils s'agirent avec nous, etait encore bien plus pire. Non seulement ils insinuaient aux Danois pour leur faire rompre l'amitié avec Nous, comme si Nous étions venus pour Nous rendre maitre de Copenhague, mais ils pretendaient aussy, que nos galères s'en devroient retourner à Danzic, chose dans une saison si avancée tout à fait impraticable, et ils poussaient cette affaire si loin, que même l'ordre fut donné à l'admiral Norris, comme nous l'avons receu non pas sans beaucoup de peine par de voies indirectes, d'attaquer et de ruiner

notre armée en cas, que Nous ne prendrions pas la route par eux prescrite. Le bon Dieu Nous en preserva encore, par ce que l'ordre était expredié par la chancellerie d'Hannovre, et que les Anglais craignant leur parlement n'y voulaient pas donner la main, au lieu que si l'ordre eut été expedié par la chancellerie anglaise, ce coup fatale nous serait arrivé infailliblement.

3. Lorsque l'Impératrice Notre Epouse passa par le pais d'Hannovre pour se rendre en Hollande, elle fut affrontée d'une manière innouie étant même enceinte, les paysans de Gelées forcèrent les cochers et le monde quitter les carosses, qui après comme les voleurs furent mis sur des chariots, et l'Impératrice fut menée par ces paysans à leur propre phantaisie jour et nuit, sans lui donner seulement du temps pour réposer, ce qui été cause que l'Imperatrice avortit à son arrivée à Wesel, de la maniére qu'on pourrait appeller ces gens-la quasi les meurtres de Notre fils. Et quoique Nous en avons fait porter des plaintes à la Cour, et qu'on fit chercher le commissaire de Gelée. le voulant même punir, mais comme on voulait faire cela sans auparavant faire le recherche necessaire, Nous n'y voulùmes pas consentir, d'autant plus que ce commissaire, étant interrogé pourquoi, qu'il en usait ainsi, se repondit naivement, que ce ne fait pas faute, puisqu'il avait ordre pour cela. A quoi on peut d'autant plus ajouter foy, puisqu'avant le départ de l'Impératrice l'on avoit écrit à la Cour du Roy pour demander une personne, qui selon l'usance pourrait rester auprés d'Elle jusqu'à ce qu'Elle eut traversé le pay d'Hannovre, mais l'on ne le put jamais obtenir nonobstant, qu'on l'ait solicité à plusieurs reprises.

4. Du temps de Notre sèjour en Hollande et en France l'on nous pressait d'évacuer le pays de Meklenbourg, promettant de mettre fin aux differents et se réunir tout de bon avec Nous, et lorsque cela était executé, l'ambassadeur de la Grande Bretagne, mylord Staires, demeurant alors en France, nous en remercia publiquement ce que firent aussi ms. Whitworth et Norris, qui Nous furent envoyés en Hollande pour faire un concert pour parvenir à une paix generale. Mais ces messieurs la s'en retournèrent sans faire rien ou sans entrer en rien; et quoiqu'ils promettaient de vive voix et par écrit *que de la part de Sa Majesté* on enverrait un ministre autorisé pour conclure l'affaire en question, mais bien loin de cela Sa Majesté employait toutes sortes de voyes pour faire une paix separée et ne cessait de contre-carrer

partout publiquement les mesures, prises par nous pour parvenir à une paix generale.

Il est vrai que deux années après le resident Gefreis arrivat à la Cour de Sa M-té, mais pas dans intention de retablir une bonne amitié et intelligance, mais plutôt pour l'empecher et de détourner Sa M-té pour prendre des mesures vigoureuses outre pour les avrations la Suéde et d'en avertir à temps les ennemis, vu que presque au même temps l'ambassadeur Carteret fut envoyé publiquement en Suéde pour traiter d'une paix separée, laquelle fut à la fin aussy conclue avec des conditions si préjudiciables et contraires à Sa M-té Im-le, qu'un ennemie declaré n'en aurait pu stipuler d'autres; ils en ont fait bien plus après, ils se sont declarés pour nos ennemis en donnant publiquement du secours à nos ennemies d'alors; la lettre, que mylord Carteret nous ecrivait et que nos ministres ne voulaient pas recevoir, etait d'un style qu'on ne pouvaient pas inventer des explications plus injurieuses et plus sensibles à l'honneur d'un souverain, et ils furent ainsi la cause que la guerre fut prolongée encore deux années entières, que les Suedois dans ce temps-la étaient prets à finir.

5. Ils ont été la cause que les roys de Dannemark et de Prusse se sont departi de l'alliance avec nous; combien des ecrits injurieuses n'a l'on pas publié; la conduite et les actions de resident Geffreis ne pourrait avoir rien de plus barbare. En un mot ils n'ont pas negligée de remuer ciel et terre contre nous et il serait d'autans plus superflu de recapituler tout cela, puisque toutes les cours de l'Europe en sont plainement informées.

Sa M-té souhaite de savoir, en quoi elle a merité une inamitié si grande de la part de Sa M-té Brittanique. Si c'est seulement à cause de ce, que nous avons donné notre nièce en mariage au Duc de Meklenbourg, il nous semble, que cette affaire, étant purement domestique, personne naturelement n'y pourrait pas s'opposer; outre cela ce peché n'est pas de ceux la qui se commettent contre le St. Esprit, et qui donc ne pourrait pas avoir absolution et qui pourrait meriter de malfaits de cette nature-la.

1. Que le pays de Meclenbourg soit evacué et qu'on donne au Duc une juste satisfactions en quoi qu'il aura injustements souffert.

2. Que le Roy de la Grande Bretagne aide Sa Majesté à porter le Roy de Danemarque à accorder aux provinces de Sa M-té cedées

*

par la Suede les mêmes franchises aux deux Belts, dont elles ont jouis cy-devant sous la domination de la Suède.

3. Que les deux frères Wesselovsky soient extradés et livrés à Sa Majesté.

4. Que le Roi assiste le Duc d'Holstein dans ses affaires.

5. Que Sa Majesté Impériale soit dédomagée en argent des pertes et de la dommage, lui causées.

6. Qu'il soit permis à l'avenir d'engager toutes sortes d'artisans, constructeurs et fabricateurs anglais à son service, aussi bien que d'envoyer les Russiens en Angleterre pour y apprendre toutes sortes de métieres et de sciences, comme cela a été permis non seulement du temps du Roy Guillaume, mais aussi du régne de la Reine Anne, qui nous en a fait assurer de la maniere la plus authentique par son ministre Whithworte.

Voila les conditions les plus essentielles, en quoy doit consister la satisfaction, que Sa M-té demande. Et si le Roy d'Angleterre a un dessein sincére de se reconcilier avec Sa Majesté et de la satisfaire sur les articles cy-dessus mentionnès, l'on y pourrait encore ajouter d'autres articles, qui ne regarderont que la conservation d'une bonne et étroite amitié pour l'avenir et qui ne seront en aucune maniere prejudiciables aux interets du Roy de la Grande Bretagne.

Sa Majesté consente que sur ces conditions la France s'employe pour mener cette affaire à une heureuse fin et se reccomande sur tout le secret, telle soit quand l'affaire ait succés, qu'on espère, soit que non.

(М. А. М. И. Д. Дѣла Французскія 1722 г., № 13. Документъ—безъ заглавія и даты. Послѣдняя опредѣляется приблизительно двумя письмами гр. де-Морвиля къ Кампредону отъ 10 и 24 декабря 1723 г. (Сб. LII, 132 и 134). Въ первомъ изъ нихъ гр. де-Морвиль, увѣдомляя Кампредона о полученіи его реляціи *отъ 8 ноября т. г.*, выражаетъ надежду, что московскіе министры скоро доставятъ обѣщанную ими записку съ изложеніемъ жалобъ на короля великобританскаго. Во второмъ онъ разбираетъ подобную записку, которая, какъ мы узнаемъ изъ этого письма, была приложена къ реляціи Кампредона *отъ 15 ноября т. г.* Содержаніе этого разбора заставляетъ признать тождественность разбираемой гр. де-Морвилемъ записки съ печатаемымъ здѣсь документомъ, дата котораго и опредѣляется, такимъ образомъ, приблизительно между 28 октября и 5 ноября 1723 г. *стараго стиля*).

X.

Роспись герцогскихъ курляндскихъ доменовъ, находившихся въ закладѣ и подлежащихъ выкупу. Декабрь 1721 года.

ИМЕНА АМПТОВЪ.	Капиталъ.		Заселенные гаки.	Мужичьи дворы.	На примѣръ можетъ по годно доходовъ быть.	
	талер.	грош.			талеры.	грош.
Сессау	10.000	—	17½	73	1.166	60
Амптъ Баускъ . . .	12.000	—	24	80	1.333	30
Альтъ и Ней-Шварденъ	16.000	—	18	80	1.333	30
Зурсъ и Штербенъ . .	12.000	—	50	120	2.333	30
Мезотенъ.	8.000	—	20½	73	1.500	—
Экендорфъ	6.666	60	16¼	120	1.500	
Курситенъ	10.000	—	9	73	1.000	—
Нейгутъ	8.000	—	30	125	1.166	60
Бальдонъ	1.500	—	13	40	833	30
Анненбургъ и Биллснгофъ	4.333	30	17½	80	1.333	30
Гроссъ Бушгофъ. . .	1.100	—	14¼	101	833	30
Итого. .	99.500 (89.600)	—	230	965	14.333	30
Фрауенбургъ	6.000	—	14½	67	1.000	—
Ней-Фридрихсгофъ . .	3.000	—	5½	21	500	—
Клейнъ-Фридрихсгофъ.	4.000	—	21¾	75	666	60
Амптъ Раде	4.000	—	6½	31	666	60
Варпенъ и Целаденъ .	6.666	60	6	30	500	-
Альтъ Зеренъ. . . .	1.500	—	6	30	333	30
Луцъ и Папкольгофъ .	4.666	60	12	40	833	30
Лотрингенъ.	10.000	—	15	50	900	—
Гавезенъ.	6 000	—	11¼	45	833	30
Якобсгофъ	4.000	—	7½	31	500	—
Альтъ Саукенъ . . .	3.000	—	7	33	333	30
Дубена	4.000	—	40¼	57	500	—
Вольдигаленъ	8.000	—	6	30	500	—
Резненъ	3.333	—	18½	56	666	60
Итого .	68.166 (67.666	60 30)	147¾ (177¾)	596	8.733	30
Всего. . .	167.666 (157.266	60 30)	377¾ (407¾)	1.561 —	23.066 —	60 —

(М. А. М. И. Д. Дѣла Курляндскія 1721 г. № 5. Настоящая роспись приложена къ реляціи П. Бестужева отъ 24 дек. 1721 г. съ помѣтою: „сіе списано въ кабинетѣ, куда прислано такое извѣстіе изъ Митавы отъ П. Бестужева“. Она носитъ заглавіе: „Извѣстіе княжескимъ курляндскимъ и семигальскимъ закладнымъ амптамъ и маетностямъ, которые въ закладѣ у курляндской шляхты капиталу, и что въ нихъ гаковъ и мужичьихъ дворовъ и съ нихъ, напримѣръ, всякихъ доходовъ погодно положа по таксѣ въ деньги“. Итоги въ росписи не вездѣ вѣрны цифры, поставленныя въ настоящемъ текстѣ въ ( ), ихъ поправляютъ До 19 ноября 1721 г., какъ видно изъ реляціи отъ этого числа того же Бестужева, выразили свое согласіе на выкупъ амптовъ слѣдующія лица: корнетъ Гротгаузенъ (владѣвшій амптомъ Сессау), Рейнгольдъ фонъ-денъ-Бринкенъ и полковникъ Офенбергъ (Баускъ), капитанъ Беръ (Альтъ-Шварденъ), наслѣдники капитана Клокмана (Ней-Шварденъ), канцлеръ Кейзерлингъ (Зурсъ и Штербенъ), наслѣдники Дортэйзена (Варпенъ), капитанъ Беръ (Мезотенъ; тоже лицо, что владѣло Альтшварденомъ?) поручикъ Корфъ (Эккендорфъ), поручикъ Госъ (Нейгутъ), бурмистръ Гротъ и прапорщикъ Виттъ (Аннепбургъ и Биленгофъ), наслѣдники гауптмана Финка (амптъ Раде) и поручики Бринкъ и Будбергъ, владѣвшіе не помѣченнымъ въ росписи амптомъ Томсдорфъ. Къ 11 января 1722 г. были выкуплены, частью за болѣе высокую сумму, чѣмъ отмѣченная въ росписи, частью за болѣе низкую, слѣдующіе ампты: Сессау (за 10.000 тал.), Нейгутъ (8323 т.), Мезотенъ (5800 т.), Бальдонъ (2000 т.) и Эккендорфъ (7000 т.), всего на сумму 33.123 тал. Къ 5 іюня 1722 г.—Аннепбургъ (1891 т. 86 грошей), Биленгофъ (1943 т. 38⅓ гр.) Баускъ (7097 т. 64 гр.) и Зурсъ (10.378 т. 57½ гр.). Въ ближайшую очередь П. Бестужевъ предполагалъ выкупить Альтъ и Ней-Шварденъ, Варвенъ, Амптъ Раде и Томсдорфъ; всѣ—за указанную въ росписи цѣну, за исключеніемъ послѣдняго. Выкупная цѣна за этотъ амптъ почему то все время подымалась; въ реляціи 19 ноября 1721 г. она опредѣлялась въ 2000 талеровъ; въ реляціи 11 января 1722 г.—въ 3000 тал.; наконецъ, въ реляціи 5 іюня 1722 г. она достигла 3600 талеровъ).

XI.

Рескриптъ М. Бестужеву 17 іюля 1724 г.

Прапорщикъ Чеботаревъ въ сихъ дняхъ сюда прибылъ и привезъ ратификацію учиненнаго съ короною швецкою трактата. Первое дѣло, что при заключеніи сего трактата нынѣ учинить надлежитъ, есть сіе, дабы въ началѣ оной трактатъ съ секретнымъ артикуломъ объ герцогѣ Голштинскомъ сообщить съ обѣихъ сторонъ и съ общаго совѣту двору римско-цесарскому и просить оной дворъ къ приступленію и объ акцессіи къ оному, ежели оной къ тому склонность имѣетъ. И въ такомъ случаѣ можно и оному списокъ съ того трактата и съ секретнаго артикула объ интересахъ герцога Голштинскаго сообщить, однако-жъ съ требованіемъ, дабы сей послѣдній другимъ сообщенъ не былъ. При семъ случаѣ можно съ обѣихъ сторонъ министрамъ цесарскому двору приличнымъ образомъ представить, коимъ образомъ обѣ короны при учиненіи сего артикула объ интересахъ герцога Голштинскаго особливое разсужденіе имѣли о Его Римско-Цесарскомъ Величествѣ, вѣдая Е. Вел-ва нетокмо партикулярную склонность и доброжелательство къ Е. Кор. Выс-ву герцогу Голштинскому, но что такожде цесарь до сего времени отъ своей въ пользу герцогскому дому данной гварантіи не отрекся и постоянно оную признаваетъ, и что мы для того такожде Е. Цес. Вел-ву откровенно сообщимъ, какія мы объ интересахъ того церцога Голштинскаго между собою обязательства учинили, и просимъ Е. Цес. Вел-во, дабы изволилъ мнѣніе свое и что онъ по той гарантіи учинить намѣренъ намъ открыть, чтобы мы согласуя со оными столь вящщими основаніями, во оное дѣло вступать могли. Сверхъ того мы разсуждаемъ за потребно, чтобъ для отнятія всякаго подозрѣнія цесарскому двору при томъ и сіе объявить, что мы съ обѣихъ сторонъ о семъ трактатѣ и томъ секретномъ

артикулѣ и Франціи сообщить и оную такожде объ акцессіи просить будемъ, дабы и сему двору показать, что мы чрезъ учиненный сей трактатъ ничего не намѣряемъ къ какимъ безпокойствамъ причину подать, или какой державѣ предосудительно бы быть могло, и что для того мы желаемъ и обѣимъ сторонамъ весьма пріятно будетъ, хотя бы и всѣ державы къ сему нашему союзу приступили; такожде усмотрѣть, какимъ образомъ оной французскій дворъ о дѣлѣ герцога Голштинскаго себя изъяснитъ, и куда онаго намѣреніе въ тѣхъ дѣлахъ клонится, понеже и оной равно какъ Е. Цес. Вел-во гварантіею дому Шлезвигъ-Голштинскому обязанъ, и ежели-бъ оной обходить, то не токмо могъ бы подозрѣніе, но и случай отъ того взять сему намѣренію толь наипаче противиться. И что мы весьма надѣемся, что Е. Цес. Вел-во изволитъ самъ потребность сего нашего поступка признать, и для того никакого подозрѣнія объ ономъ имѣть. Мы не сумнѣваемся, что въ Швеціи сіи наши сентименты весьма за благо приняты будутъ, и что такожъ они съ своей стороны немедленно своего министра при цесарскомъ дворѣ надлежащими указами снабдятъ, дабы съ общаго согласія и вмѣстѣ съ нашимъ въ Вѣнѣ обрѣтающимся министромъ Ланчинскимъ въ вышеупомянутой силѣ оное сообщеніе цесарскому двору учинилъ и объ акцессіи онаго домогался. А къ помянутому нашему министру потребные указы о томъ немедленно отправлены будутъ.

Что до французскаго двора надлежитъ, то толь наипаче потребно есть, чтобъ въ то же время, какъ и цесарскому, сей трактатъ купно съ секретнымъ артикуломъ о герцогѣ Голштинскомъ сообщенъ и объ акцессіи онаго двора предложеніе учинено было, понеже оной дворъ уже и безъ того о семъ трактатѣ подробное извѣстіе имѣетъ, и какъ въ Швеціи, такъ и здѣсь нѣкоторымъ образомъ о томъ выговаривать починалъ, что съ обѣихъ сторонъ сей трактатъ оному не сообщенъ. Сверхъ того Франція прежде сего всегда засвидѣтельствовала, что оной сей нашъ союзъ не токмо не противенъ, но паче оный желаетъ, и для того показать надлежитъ, что имѣющее наше намѣреніе никоимъ образомъ интересамъ Франціи непротивное. Оному французскому двору можно при томъ объявить, что мы безъ согласія онаго въ Голштинскихъ дѣлахъ ничего предвосиріять не намѣрены, и для того такожде ко оному, яко согварантиру, адресуемся, желая, дабы оный къ сему трактату приступить изволилъ. И ежели-бъ оной дворъ похотѣлъ толковать, что въ секретномъ артикулѣ именно

о цесарѣ римскомъ постановлено, а о Франціи не упомянуто, то можно на то объявить, что понеже и король англійскій гварантиромъ въ семъ дѣлѣ, а наше примиреніе со онымъ королемъ еще не состоялось, и для того и намъ именно объ ономъ упоминать было невозможно. Того ради только генерально и о прочихъ гварантирахъ постановлено, а о цесарѣ римскомъ для того именно упомянуто, понеже онъ отъ своей гварантіи никогда не отрекся, и для того весьма онаго обойти было невозможно.

Ты имѣешь домогаться, дабы швецкой министръ во Франціи (ежели доброжелательные къ нему конфиденцію имѣютъ и въ томъ повѣрить могутъ) въ вышеизображенной силѣ немедленно инструированъ былъ. А къ нашему послу кн. Куракину указы наши отправлены будутъ, дабы онъ съ общаго согласія со швецкимъ министромъ при французскомъ дворѣ въ томъ поступалъ. И слѣдовательно надлежитъ ожидать, какимъ образомъ оба сіи двора цесарскій и французскій на сіе наше общее предложеніе объявятъ, дабы по тому могли толь основательнѣе потребныя мѣры между собою взять.

Ты имѣешь еще и сіе въ Швеціи доброжелательнымъ представить, что мы къ общимъ интересамъ за благо разсуждаемъ, дабы съ нашей стороны и прусскому двору оный трактатъ, однако же безъ секретнаго артикула, показать для отнятія у него всякаго подозрѣнія и при томъ повелѣть оному и то объявить, что Е. Кор. Выс-во герцогъ Голштинскій черезъ одинъ секретный артикулъ во оный трактатъ включенъ, и что намъ весьма-бъ пріятно было, ежели-бъ и Е. Кор. Вел-во ко оному трактату приступить изволилъ, но понеже происшедшее между Е. Вел-вомъ и короною швецкою несогласіе въ томъ препятствіемъ быть можетъ, того ради желали-бъ мы, чтобы тѣ несогласія пристойнымъ образомъ прекращены были, и ежели Е. Кор. Вел-во то востребуетъ, то мы оффиціи свои въ томъ при коронѣ швецкой употребить не отречемся. Сіе мы учинить за благо разсуждаемъ, первое, дабы тѣмъ онаго короля прусскаго удержать отъ принятія какого обязательства съ королемъ дацкимъ въ предосужденіе Е. Кор. Выс-ва герцога Голштинскаго, второе, чтобъ онъ, усмотря наше съ короною швецкою крѣпкое соединеніе, толь наискорѣе ко учиненію пристойнаго удовольства за арестованіе министра швецкаго въ Берлинѣ склонился. Мы надѣемся, что сей нашъ поступокъ въ Швеціи пріятенъ будетъ; и тебѣ надлежитъ домогаться, дабы о прекращеніи того несогласія съ королемъ прус-

скимъ изволили прямое свое намѣреніе наше открыть, дабы мы потому и смотря, какъ общіе интересы того востребовать будутъ, въ томъ поступать могли. Мы желаемъ вѣдать, и надлежитъ тебѣ у доброжелательныхъ домогаться, чтобъ откровенно мнѣніе свое намъ открыли о нашемъ примиреніи съ королемъ аглинскимъ, понеже мы безъ ихъ совѣту и согласія ничего въ томъ учинить ненамѣрены. О прочихъ дѣлахъ указъ нашъ обстоятельный пришлется къ тебѣ на будущей почтѣ.

Канцлеръ гр. Головкинъ.
Андрей Остерманъ.

(М. А. М. И. Д. Дѣла Шведскія 1724 г. № 3. См. примѣчаніе къ Приложенію XIII).

XII.

Рескриптъ М. Бестужеву 24 іюля 1724 г.

Понеже нынѣ учиненный съ короною швецкою трактатъ въ совершенство пришелъ, того ради имѣли мы здѣсь зрѣлое разсужденіе, какъ по исполненію взятыхъ между собою обязательствъ съ лучшимъ сукцессомъ поступать надлежитъ. Первое, что учинить надлежало, есть, чтобъ оной трактатъ купно съ секретнымъ артикуломъ сообщить римско-цесарскому двору и Франціи, и тѣхъ обоихъ дворовъ акцессію требовать, и потому потребные обстоятельные указы въ Вѣну и Парижъ къ нашимъ министрамъ отправлены, съ которыхъ указовъ при семъ къ тебѣ посылаются списки какъ для твоего извѣстія, такъ и для сообщенія доброжелательнымъ и канцеляріи, чтобъ и они своихъ министровъ при тѣхъ дворахъ въ такой же силѣ немедленно инструктовать могли, ежели то еще не учинено, о чемъ ты по нашему на прошедшей почтѣ отправленному о тѣхъ дѣлахъ обстоятельному и нынѣшнему нашему указу домогаться имѣешь.

Мы сіе дѣло еще въ вящее разсужденіе взяли и находимъ, что не токмо трудно, но и почитай невозможно оное дѣло въ дѣйство производить безъ приступленія французскаго, а для полученія того французскаго приступленія признаваемъ, что и наша реконциліація съ Англіею необходима потребна, понеже Франція явно декларуетъ, что пока сія реконциліація не учинится, она ни къ какимъ нашимъ намѣреніямъ приступить не можетъ и не будетъ. И дабы такимъ образомъ сіе общее наше дѣло не остановить, того ради мы на оную реконциліацію соизволяемъ толь наипаче, понеже соединеніе и приступленіе Франціи какъ намъ, такъ и Швеціи въ семъ дѣлѣ и впредь по общимъ нашимъ интересамъ всегда потребное и полезное будетъ, и Франція весьма усиленно о той реконциліаціи у насъ домогается. Но по-

неже ежели-бъ прежде той реконциліаціи съ королемъ Аглинскимъ въ какіе письменные договоры и негоціаціи о томъ вступить, при томъ такія дѣла можетъ быть и претензіи съ одной или съ другой стороны объявлены быть могутъ, за которыми не безопасно, чтобъ сіе общее наше и герцогово дѣло весьма не остановилось, или по послѣдней мѣрѣ вдаль протянуто не было, того ради разсуждаемъ лучше оную реконциліацію безъ всякаго письменнаго съ королемъ англійскимъ договору или постановленія какихъ кондицій и обязательствъ просто учинить, и намѣрены Франціи объявить, что мы съ единой консидераціи къ Е. Кор. Вел.-ва Французскаго дружбы, такожде и къ коронѣ швецкой, которая объ оной же реконциліаціи у насъ усиленно домогается, на сію реконциліацію поступить склонны, и соизволяемъ, что и король Англійскій по учиненному намъ отъ Франціи предложенію къ намъ министра въ характерѣ посольскомъ отправитъ, но чтобъ при томъ такожде и тебя за нашего министра паки въ Англіи принялъ, и во отправляемыхъ чрезъ того посла и въ прочихъ къ намъ грамотахъ нашъ императорскій титулъ, какъ оной нынѣ отъ насъ употребляется, призналъ и написалъ. Но что мы противъ сего въ разсужденіи Франціи чинимаго нашего склоннаго поступка взаимно весьма себя обнадеживаемъ, что Е. Кор. Вел.-во Французское по многократно учиненному намъ склонному изъясненію ко учиненному съ короною швецкою трактату и ко взятымъ въ пользу Е. Кор. Выс.-ва обязательствамъ приступитъ, и онаго герцога реституціональное дѣло соединясь съ нами производить воспомогать будетъ, о чемъ мы Е. Кор. Вел.-ва склонную и надежную резолюцію ожидать будемъ. Мы весьма того мнѣнія, что приступленіе одной Франціи весьма довольно, и слѣдовательно непотребно при реконциліаціи такожде приступленіе Англіи постановлять, понеже и Франція ко оному приступленію не поступитъ покаона объ Англіи и о соизволеніи той обнадеживана не будетъ. Ты имѣешь о сей для произведенія общаго блага отъ насъ взятой резолюціи доброжелательнымъ, которымъ надлежитъ, сообщить и при томъ объявить, что понеже мы въ семъ дѣлѣ реконциліаціи нашей съ Англіею купно съ французскими и короны швецкой добрыя офиціи приняли, того ради соизволяемъ и охотно усмотримъ, чтобъ Швеція на семъ основаніи купно съ Франціею оное дѣло производитъ стараніе имѣла и въ томъ, ежели заблагоразсудитъ, съ Франціею согласилась. О семъ обо всемъ и голштинскій министръ обстоятельно инструктованъ будетъ, съ которымъ

тебѣ въ томъ согласно наступать, а сія наша резолюція въ той силѣ Французскому двору какъ чрезъ Кампредона, такъ и чрезъ посла нашего кн. Куракина въ Парижѣ объявлена будетъ. Ты имѣешь, какъ вышеупомянуто о семъ, тѣмъ доброжелательнымъ, которымъ надлежитъ, сообщить, однакожъ съ тою предосторожностью, чтобъ они о причинахъ, къ той реконциліаціи насъ склоняющихъ, вѣдали токмо сами, и чтобъ объ оныхъ отнюдь дворъ англійскій никакое извѣстіе не получилъ. И надлежитъ имъ въ Швеціи, скрывая о тѣхъ причинахъ, объявить, будто мы по ихъ и по французскому усиленному домогательству къ той реконциліаціи поступаемъ, еже ты тѣмъ доброжелательнымъ прилежно рекомендовать имѣешь. И для того такожде надлежитъ того смотрѣть, чтобъ и тѣ, отъ которыхъ Англія о томъ извѣстіе получить могла, о сихъ причинахъ не извѣстны были.

Канцлеръ гр. Головкинъ.
Андрей Остерманъ.

(М. А. М. И. Д. Дѣла Шведскія 1724 г. № 3. См. примѣчаніе къ Приложенію XIII).

XIII.

Raisonnement sur la Reconciliation avec le Roi d'Angleterre.

(Между 17 и 24 іюля 1724 года).

Das Schleswigsche Restitutions-Werk muss entweder mit oder ohne Frankreich geführet werden.

Soll es ohne Frankreich geschehen, so ist gewiss, das Frankreich und Engeland sich selbigen wiedersetzen und also das Werk schwärer machen werden, auch wird Frankreich hiernechst so leichte nicht wieder in das gemeinsahme Interesse gezogen werden können.

Soll nun die Restitution mit Zuziehung von Frankreich, wie es allerdings nöthig scheinet, betrieben werden, so wird die Reconciliation mit Engeland erfordret, weilen Frankreich hautement declariret, dass solange diese Reconciliation nicht erfolgte, Frankreich zu nichts accediren könnte noch würde.

Diesem nach ist zu erwegen, ob diese Reconciliation de simplici ex plano geschehen, oder ob man vorhero ordentliche Tractaten mit Engeland pflegen und schrifftliche Conditiones dabey stipuliren solle.

Würde man dieses letztere erwehlen, so ist zu befürchten, dass so viele Nebensache dabey vorkommen dörfften, woran das gantze Werk sich accrochiren könte.

Bei dem ersteren aber ist dieses nicht zu besorgen, und wird man noch allezeit auch nach geschehener Reconciliation Zeit und Gelegenheit genug haben, wann es ohnumbgänglich nöthig sein sollte, mit Engeland solche Engagements anzugehen, als man es allerseits zu Beforderung der gemeinsahmen Sache vor nutz-und dienlich erachten wird.

Die hiesige Intention gehet also dahin, die Reconciliation mit

Engeland, umb das Restitutions-Werk zu befordern, de plano ex simplici einzugehen, und zu diesem Ende an Frankreich zu declariren, dass I. K. Mt. bloss und allein aus Consideration vor des Königs in Frankreich und der Crohne Schweden Freundschaft zu dieser Reconciliation sich bewegen liessen, gefölglich nach der von Frankreich an I. Ks. Mt. gebrachten Proposition genehmigten, dass der König von Engeland einen Minister mit dem Character von Ambassadeur an dieselbe abschikte, hiernechst aber auch den von Bestusew als I. Ks. Mt. Minister in Engeland wieder recipyrte und in denen mit dem Ambassadeur und sonsten an I. Mt. abzulassenden Schreiben dehro Keyserl. Titul, so alss selbige Ihn anjetzo führen, agnoscirte.

Hingegen hielten I. Ks. Mt. sich dann auch wieder versichert, es würde der König von Frankreich dehnen an Ihro Ks. Mt. geschehenen Äusserungen nach zu dem mit der Crohne Schweden geschlossenen Tractat und genommenen Mesures, en Faveur I. Kng. Hoheit des Hertzogs von Holstein accediren und des Hertzogs Restitutions-Werk conjunctim mit Ihro Ks. Mt. und Schweden würklich befordren und betreiben helffen, worüber man I. Kng. Mt. von Frankreich gewierige und zuverlässige Resolution abwarten wollte.

Mann ist hier der gäntzlichen Meinung, dass die Accession von Frankreich alleine suffiseant genug, und gefölglich ohnnöthig seye zugleich die Accession von Engeland bey der Reconciliation zu stipuliren, weilen ohnedehm Frankreich bey gegenwärtigen Umbständen zu dieser Accession sich nicht beynehmen wird, ehe und bevor es von Engeland und von diesem Concurrence völlig versichert worden.

(М. А. М. И. Д. Дѣла Шведскія 1722 г. № 3 (Рескрипты М. Бестужеву). Документъ написанъ самимъ Остерманомъ и имѣетъ на поляхъ его-же собственноручную помѣту: „сіе посылается для собственнаго Вашего извѣстія и для сообщенія тѣмъ, о которыхъ въ рескриптѣ упомянуто“. На оборотѣ—другая помѣта, сдѣланная другою рукою, очевидно, уже въ канцеляріи Бестужева: „разсужденіе о реконсиліаціи между Е. И. В—омъ съ королемъ аглинскимъ на нѣмецкомъ языкѣ, присланное изъ коллегіи“. Документъ помѣщенъ вслѣдъ за рескриптомъ отъ 24 дек. 1722 г., по содержанію своему не имѣющемъ никакого отношенія къ русско-шведскому союзу, о которомъ въ 1722 г. вообще не заходило еще и рѣчи, и вложенъ сюда, очевидно, позднѣе, по ошибкѣ. По своему содержанію онъ можетъ относиться только къ 1724 г., когда послѣ заключенія союза со Швеціей въ русской политикѣ были поставлены на болѣе конкретную почву и вопросъ о примиреніи съ Англіей, и вопросъ объ

удовлетворенiи шлезвигскихъ притязанiй герцога голштинскаго. Бол' точно его дата опредѣляется двумя напечатанными выше рескриптами М. Бестужеву: въ рескриптѣ отъ 17 iюля ничего еще не говорится о примиренiи съ Англiей, рескриптъ же 24 iюля почти цѣликомъ посвященъ этому вопросу и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ является почти дословнымъ переводомъ настоящаго документа. Изъ корреспонденцiи Кампредона мы узнаемъ, что около 19 iюля ст. ст. Петръ Великiй, довольный устраненiемъ недоразумѣнiй съ Турцiей при содѣйствiи французской дипломатiи, на предложенiе Кампредона согласиться на примиренiе съ Англiей, отвѣчалъ обѣщанiемъ—дать своимъ министрамъ распоряженiя, которыми Францiя могла бы остаться довольна (см. A. Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 74). Все это заставляетъ предполагать, что именно къ этому времени, когда, съ одной стороны, окончательно, казалось, выяснились взгляды Францiи, а, съ другой стороны, русское правительство за услуги, оказанныя ему французскою дипломатiею въ Константинополѣ, само сдѣлалось нѣсколько сговорчивѣе, въ Петербургѣ состоялась конференцiя по вопросу о примиренiи съ Англiей, результатомъ чего и была посылка къ М. Бестужеву рескрипта отъ 24 iюля. На такой конференцiи руководящая роль, конечно, должна была принадлежать Остерману. Печатаемый въ настоящее время документъ, по своему стилю, представляетъ характерныя особенности остермановской манеры изложенiя своихъ мнѣнiй: схематическое разчлененiе вопроса и сжатая формулировка положенiй и аргументовъ. Все это вмѣстѣ взятое и позволяетъ видѣть въ настоящемъ документѣ *оффицiальную резолюцiю названной конференцiи, излагающую въ то же время личную точку зрѣнiя вице-канцлера.* Сохранился еще другой списокъ этого документа— въ томъ же архивѣ въ Дѣлахъ Французскихъ 1722 г. № 13 (Проектъ союза, предложенный Кампредономъ, съ относящимися къ нему документами). На этомъ спискѣ въ началѣ помѣчено: „Разсужденiе о реконцилiацiи съ Англiей, въ какой силѣ объявлено въ Швецiи и голштинскимъ министрамъ Бассовичу и Стамкену“).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ *).

---

*) Звѣздочки при цифрахъ указываютъ ссылки на *примѣчанія*; цифры, набранныя курсивомъ, указываютъ на страницы приложеній.

В.

Д.

Е.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

М.

Н.

О.

П.

Часть XXIII. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. 1890.

» XXIV. Св. Дмитрій Ростовскій и его время. И. Шляпкина. 1891.

» XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. Сырку. 1891

» XXVI. Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды. В. Ернштедта. 1891.

» XXVII. Сочиненіе Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. С. Середонина. 1891.

» XXVIII. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Вандалами. Книга первая. 1891.

» XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора, архіепископа Едесскаго. Издалъ И. Помяловскій. 1892.

» XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣева. 1892.

» XXXI. Вып. 1. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. Форстена. Выпускъ 2-й. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Прѣснякова. 1893.

» XXXII. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ народномъ русскомъ языкѣ. Часть I. С. Булича. 1893.

» XXXIII. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Томъ I. Борьба изъ-за Ливоніи. Изслѣдованіе Г. Форстена. 1893.

» XXXIV. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Томъ II. Борьба Швеціи съ Польшей и съ Габсбургскимъ домомъ. 30-лѣтняя война. Изслѣдованіе Г. Форстена. 1894.

» XXXV. Житіе Св. Аѳанасія Аѳонскаго. Изд. И. Помяловскій. 1895.— Житіе Св. Григорія Синаита. Изд. И. Помяловскій. 1894.

» XXXVI. Ѳеодорита, епископа Киррскаго, отвѣты на вопросы. Изд. А. Пападопуло-Керамевсъ. 1895.

» XXXVII. Августалы и сакральное магистерство. М. Крашенинникова. 1895.

» XXXVIII. Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus. Ediderunt W. Wassiliewski et V. Jernstedt. 1896.

» XXXIX. Психологія Джемса. Пер. И. И. Лапшина. 1896.

» XL. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774). Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. 1896.

» XLI. Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа константинопольскаго, XLV неизданныхъ писемъ. Изд. Пападопуло-Керамевсъ. 1896.

» XLII. Проекты реформъ по запискамъ современниковъ Петра Великаго. Н. Павлова-Сильванскаго. 1897.

» XLIII. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ въ XVI в. С. Рождественскаго. 1897.

» XLIV. Сборникъ источниковъ по Трапезундской имперіи. Собралъ Пападопуло-Керамевсъ. Часть I. 1897.

» XLV. Введеніе въ изученіе соціологіи. Н. Карѣева. 1897.

» XLVI. Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Б. Тураева. 1898.

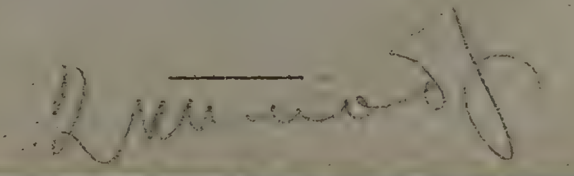
» XLVII. Протопопъ Аввакумъ. А. К. Бороздина. 1898.

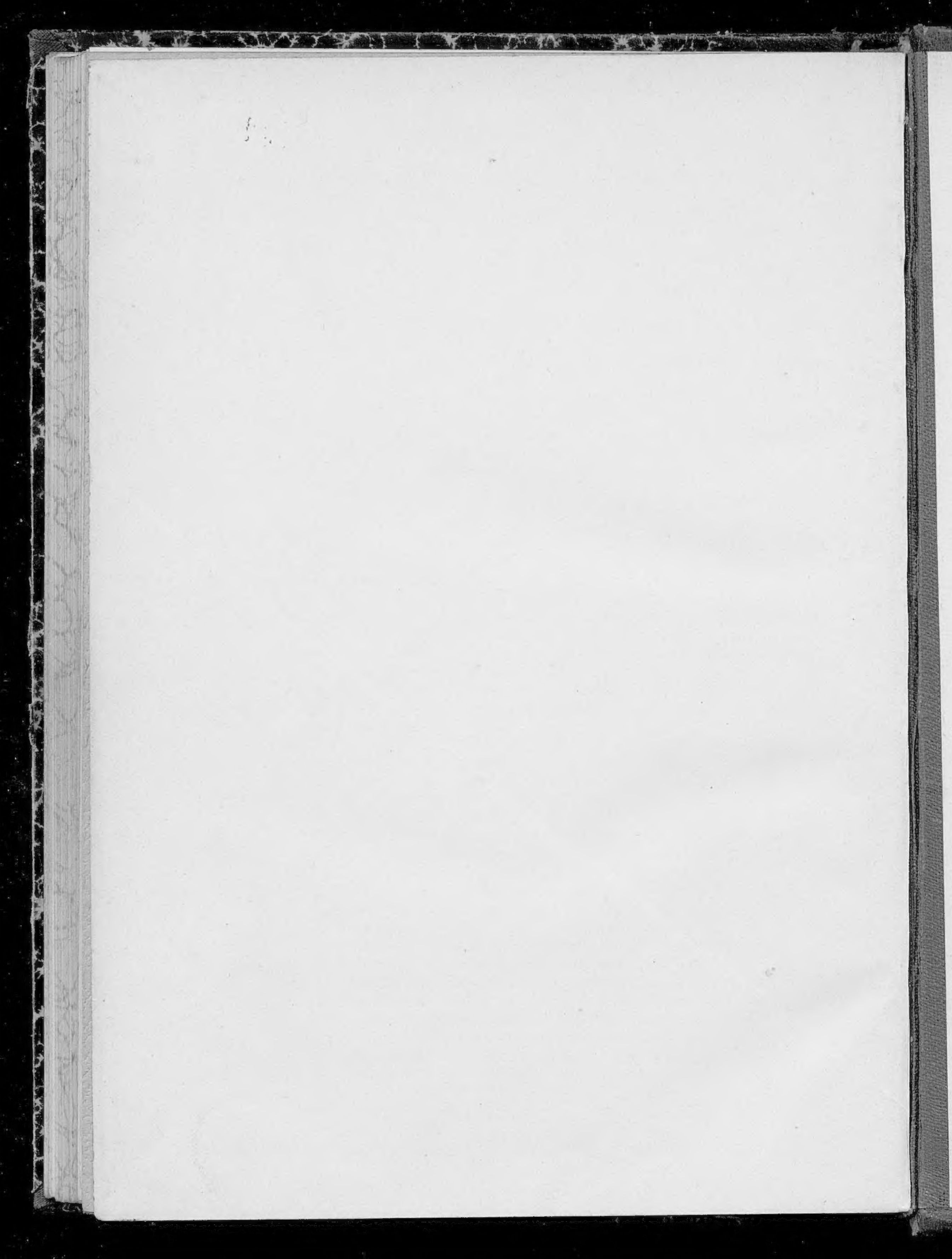
» XLVIII. Изъ исторіи Аѳинъ. 229—31 годы до Р. Хр. С. Жебелева. 1899.

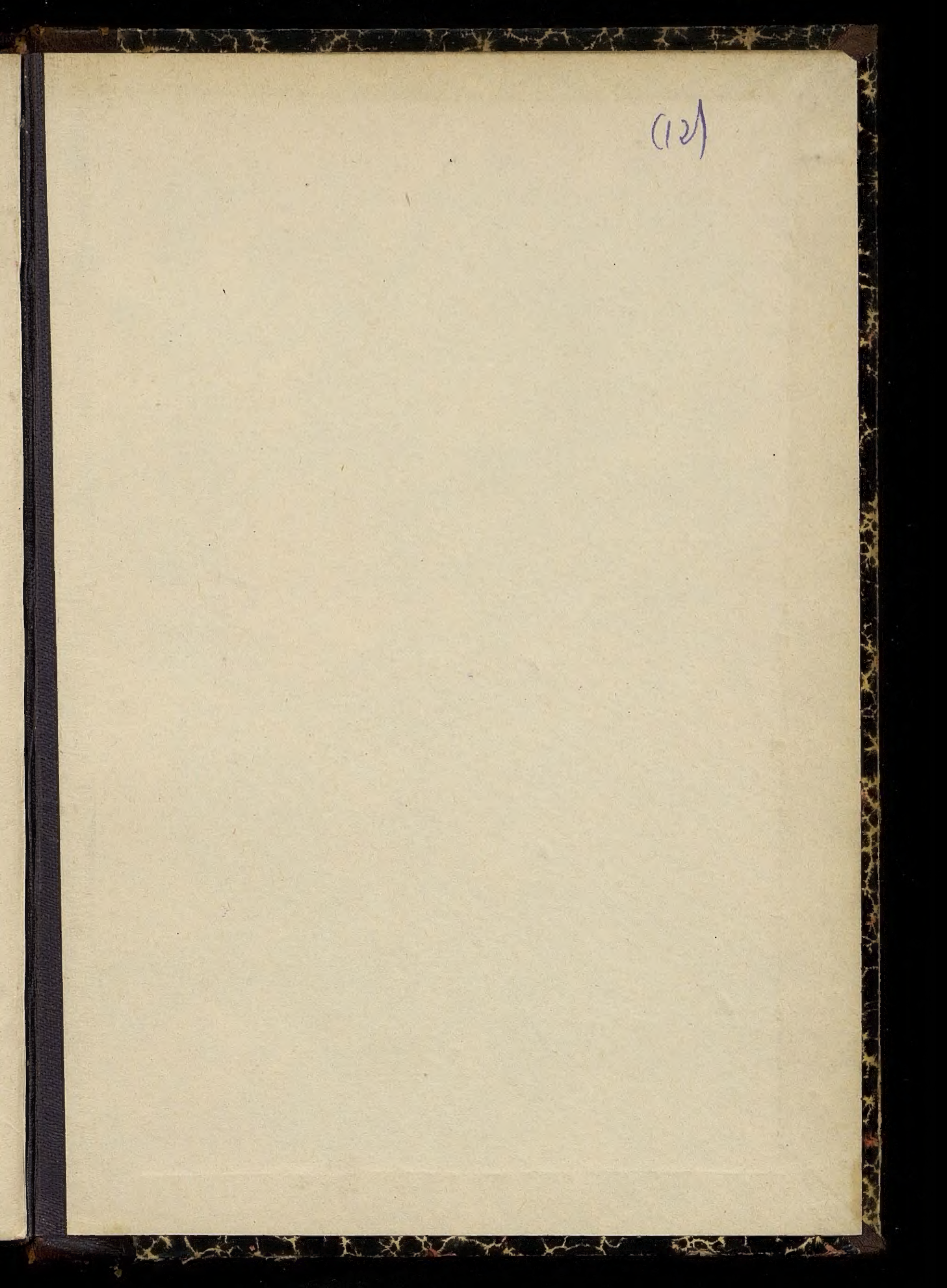
» XLIX. Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ Русскаго Путешественника». В. В. Сиповскаго. 1899.

» L. Выпускъ 1-й. Житіе иже во святыхъ отца нашего Арсенія Великаго. Издалъ Г. Ф. Церетели. 1899. Вып. 2-й. Житіе преподобнаго Паисія Великаго и Тимоѳея патріарха Александрійскаго повѣствованія о чудесахъ св. Великомуч. Мины. Издалъ И. Помяловскій. 1900.

Часть	LI.	Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи. М. И. Ростовцева. 1899.
»	LII.	Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. С. Ѳ. Платонова. 1899.
»	LIII.	И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. Т. I. 1899.
»	LIV.	Вып. I. В. Н. Перетцъ. Матеріалы къ исторіи апокрифа. 1899. Вып. II. В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія. Т. I. 1900.
»	LV.	Э. Д. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. I. 1900.
»	LVI.	А. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Аморійской династіи. 1900.
»	LVII.	Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета. 1900.
»	LVIII.	А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. 1901.
»	LIX.	Б. М. Меліоранскій. Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ, 1901.
»	LX.	Очерки бытового театра Лопе де Веги. Д. К. Петрова. 1901.
»	LXI.	И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское (1569—1586). 1901.
»	LXII.	И. Л. Лось. Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. 1901.
»	LXIII.	Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. II. 1901.
»	LXIV.	В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія. Т. III. 1902.
»	LXV.	Б. Тураевъ. Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи. Вып. 1, 2, 3 и 4. 1902.
»	LXVI.	А. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Македонской династіи. 1902.
»	LXVII.	М. Ростовцевъ. Римскія свинцовыя тессеры. 1903.
»	LXVIII.	Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. 1903.
»	LXIX.	Б. Варнеке. Очерки изъ исторіи древнеримскаго театра. 1903.
»	LXX.	Н. К. Козьминъ. Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. 1903.
»	LXXI.	С. Жебелевъ. Ахаіка. Въ области древностей провинціи Ахаи. 1904.
»	LXXII.	В. Новодворскій. Борьба за Ливонію между Москвою и Рѣчью Посполитою. (1570—1582). 1904.
»	LXXIII.	Пл. Гр. Васенко. «Книга Степенная царскаго родословія» и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности. Часть I. 1904.
»	LXXIV.	И. Холодняк(ъ). Carmina sepulcralia latina epigraphica. 1904.
»	LXXV.	С. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи Т. I. Спб. 1904.
»	LXXVI	Житія двухъ вселенскихъ патріарховъ XIV в. Изд. Пaподопуло-Керамевсъ. 1905.
»	LXXVII.	А. Малеинъ. Рукописное преданіе Загадокъ Альдгейма. 1905.
»	LXXVIII.	Н. Лосскій. Обоснованіе интуитивизма. 1906.
»	LXXIX.	К. Тіандеръ. Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое Море. 1906.
»	LXXX.	И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія. 1906.
»	LXXXI.	А. Петровъ. Генриха Итальянца Сборники формъ. II 1906.
»	LXXXII.	Д. Петровъ. Замѣтки по ист. старо-испанской комедіи. 1907.
»	LXXXIII.	П. Митрофановъ. Полит. дѣятельность Іосифа II. 1907.
»	LXXXIV.	Сборникъ статей въ честь В. И. Ламанскаго.






(12)